

Необходимые пояснения

Авторами книги «Самая страшная книга 2015» являются **авторы включенных в нее рассказов и составитель Парфенов М. С.**

Магазин **Horror Shop** официально продает электронную версию этой книги, выплачивая авторам вознаграждение.

Пожалуйста, имейте в виду, что если вы разместите где-либо скачанные файлы в свободном бесплатном доступе, то вы не только нарушите закон, но и прямо навредите авторам.

Другие электронные антологии разных авторов вы можете легально скачать здесь:

<http://shop.horror-web.net/>

Посетите официальный сайт проекта «Самая страшная книга», чтобы узнать больше о его авторах и других входящих в этот проект книгах:

<http://horrorbook.ru/>

Возрастное ограничение: 16+

Содержание

- [Несколько слов о страхе](#) (Парфенов М. С., вместо предисловия)
- [Никогда](#) (Владислав Женеvский)
- [Карта памяти заполнена](#) (Елена Щетинина)
- [Черная церковь](#) (Максим Кабир)
- [Беспросветные](#) (Дмитрий Тихонов)
- [День, когда цветет паспортник](#) (Дмитрий Лазарев)
- [Аттракционы](#) (Татьяна Томах)
- [Родительский день](#) (Олег Кожин)
- [Сучий объект](#) (Майк Гелприн)
- [Пиявки](#) (Андрей Таран)
- [Лето пришло](#) (Юрий Погуляй)
- [Ферма](#) (Мария Артемьева)
- [Забутые чертом](#) (Александр Подольский)
- [Конец пути](#) (Парфенов М. С.)
- [Тишина в дождевой капле](#) (Николай Иванов)
- [Волчья квинта](#) (Галина Евдокимова)
- [Встань и иди](#) (Илья Обьедков)
- [Книга Скорби](#) (Дмитрий Тихонов)
- [Маргарита](#) (Вадим Громов)
- [Вверх и наружу](#) (Елена Щетинина)
- [Вирусный контент](#) (Илья Пивоваров)
- [Сученыш](#) (Олег Кожин,)
- [Оставайтесь на связи](#) (Игорь Кром)
- [Отличный способ скрыть убийство](#) (Игорь Кременцов)
- [На холме](#) (Дмитрий Мордас)
- [Навсегда](#) (Александр Матюхин)
- [Благодарности](#)

Бонусы

- [Благословенная тишина](#) (Парфенов М. С.)
- [Время в ладонях](#) (Татьяна Томах)
- [Жар](#) (Владислав Женеvский)
- [История об искушении](#) (Александр Матюхин)
- [Оборотень](#) (Вадим Громов)

Несколько слов о страхе (вместо предисловия)

Дьявол меня подери, когда в 2011 году мы с друзьями и коллегами задумывали (еще не имевшую на тот момент никакого официального наименования) антологию русского хоррора, мы, конечно, надеялись на успех своего начинания... Но даже в самых смелых мечтах не предполагали, что успех этот будет настолько большим! По правде говоря, лично я вообще боялся, что дело кончится громким провалом. «Кому он нужен, русский хоррор?» - твердил хор «знатоков». «Вредная, опасная литература, которую следует запретить!» - высказывались «рецензенты». «Вам еще расти и расти...» - вздыхали «доброжелатели».

В итоге первый тираж «Самой страшной книги 2014», поступив в магазины в конце февраля, разошелся с такой скоростью, что уже весной издатель потребовал: начинайте работать над следующим томом.

Когда восторги унялись, пришло понимание: читатели, купившие ССК 2014, во многом выложили свои кровью и потом заработанные «авансом» и впредь будут требовать от нас большего. ССК 2015 и обязана стать больше, лучше и главное — страшнее своей предшественницы.

А ведь времени на подготовку на сей раз было в обрез. Прошло три года, прежде чем идея «а почему бы не дать самим читателям выбрать рассказы, которые войдут в сборник?» обросла текстами и закуталась в темную обложку с надписью «Самая страшная книга 2014». Теперь же у нас были считанные месяцы на то, чтобы собрать читательскую целевую группу, рассказы, прочитать, провести голосование и скомпоновать по его итогам новый том — больше, лучше и страшнее, да-да.

По счастью, первая книга «гроыхнула» так, что у нас не было отбоя от желающих поучаствовать в создании «сиквела», что среди авторов, что среди читателей. И в итоге, как мне кажется, мы справились и ССК 2015 действительно удалась на славу. Вновь болезненное ожидание, вновь боязнь — а вдруг не понравится? А вдруг это ощущение, что второй том вышел в разы лучше первого — всего лишь иллюзия, самообман?..

Мы, любители хоррора, вообще такие — одновременно и пугливые, и смелые. Мы боимся смотреть фильмы ужасов и читать рассказы в жанре хоррор, но все равно делаем это. Мы страшимся неудач, но все-таки идем вперед выбранной нами дорогой. Мы — циники и пессимисты, но всяк из нас в глубине души — романтик и мечтатель, не так ли?

Мы любим свои страхи. А страхи у нас очень разные.

У каждого есть такой друг-идиот, что скорчит рожу и испортит симпатичное коллективное фото. А еще каждый из нас хотя бы раз в жизни встречал человека, который о нашей любимой книжке или фильме, о чем-то, что дарило нам бездну сладостного страха, говорил: «Да какие же это ужасы? Не страшно ж совсем!»

В аду для таких ребят выделено отдельное местечко, не иначе.

Вы задумывались когда-нибудь на тему, что такое Страх? Насколько многогранна и разнообразна эта эмоция? Сколь изменчивы, индивидуальны людские страхи?.. В этом вся штука — то, что пугает одних людей, совсем не пугает других. В детстве я боялся заглянуть под кровать, потому что там обитали монстры из ночных кошмаров. Сейчас я не рискую совать туда нос, чтобы не утонуть в пыли и грязных носках.

Беря эту книгу в руки, вы, возможно, опасаетесь, что в ней не найдется ничего пугающего. Я бы на вашем месте опасался. Но хочу вас уверить, что этот страх — беспочвенен. Эта книга «самая страшная» потому, что в ней собраны страхи самого разного рода. Все, что вам остается — побороть свои собственные фобии и приступить к чтению.

Парфенов М. С., автор идеи, организатор проекта «Самая страшная книга»

Никогда (Владислав Женеvский)

Земля засыпает. Утром она умылась росой, но влага давно ушла: день был жаркий. Сладкая дрёма слышится в стрекоте сверчков. Пчёлы уже сложили крылышки в своих медовых домиках и видят пряные сны. Ветерок на ощупь пробирается среди высоких трав, иссушенных летним небом. А оно покрывается румянцем, точно устыдившись дневных дел — ведь сегодня оно раздевало детей и стариков, юношей и девушек, мешало работать и напITYвало души ленцой.

Близится закат, и краски сгущаются. Лютики набухли золотом, розовый клевер уже алеет. Дыхание остывающей земли всё ровнее и тише. Но здесь, на ничейном холме, где иногда пасутся коровы, её тревожат чьи-то шаги. Идут двое: мужчина и девочка лет пяти. Оба одеты бедно, в бесцветные рубахи. У взрослого, кажется, и кожа сливается с тканью. Он погрузился в думы и еле слышно что-то бормочет. Грубой лапицей он сжимает ручонку дочери, и той волей-неволей приходится за ним поспевать.

Нехоженная тропка бежит куда-то вперёд, к тёмной гребёнке леса. До неё ещё далеко. Девчушкины глазёнки — огромные, любопытные — блестят малахитом. Она озирается по сторонам, смотрит поверх трав на запад — там тонет багряное солнце. Раздвинуть бы стебли, притронуться бы к яркому шарикy! Горячим он окажется или холодным?.. Отец тянет за собой и не даёт как следует подумать. На лицо его легла тень — девочке немного страшно. Она редко бывает вдали от дома, среди безлюдных холмов.

Но беспокойство развеивается в вечернем воздухе, и с каждым вдохом ей всё больше хочется жить.

I

Городского садовника не любили. Кое-кто в Герцбурге поговаривал, что можно было бы и вовсе обойтись без него. «Хлопот от него куда больше, чем пользы, — ворчали они. — В старом Христофе столько желчи, что для крови, верно, и места не остаётся. Попомните наше слово: как представится, вскрыют его — и внутри всё жёлто будет! Да и годится ли это, что какой-то холопский сын от порядочных людей нос воротит?!» Другие возражали: «Ну и что, что характер не сахар! Все мы тут не серафимы. Он цветы растит — на зависть. Пусть и дальше растит, а мы уж потерпим как-нибудь. Хочет жить наособицу — так что ж, не наша это забота». Первые ворчали, но соглашались. Саду Христофа и вправду не было равных. Розы — рдяные, янтарные, лазурные — взрывались фонтанами лепестков. Изящные лилии могли бы венчать и королевское чело. У Христофа росли ирисы, гладиолусы, нарциссы, георгины; где-то в оранжереях таились волшебные орхидеи. Лучшие лавки Герцбурга боролись за эти цветы, дворяне закладывали имения, чтобы подарить возлюбленным эту хрупкую красоту.

Старый садовник держал приходящих работников, платил которым довольно прилично. Но и требовал он многого. Христофа раздражает шум — так извольте разговоры вести у себя дома; Христоф не в настроении — будьте так любезны, не путайтесь у него под ногами; хотите денег — работайте, пока кожа с рук не слезет.

Сад располагался на западной окраине города, над обрывом. С этой стороны тянулись остатки древних укреплений; стены вдоль улиц возвели несколько десятилетий назад. За зубцами ограды вставляли старые деревья, погружая мостовую в тень — здесь всегда было прохладно. Горожане гадали, зачем упрятывать цветы за толстый камень, как в темницу, и показывается ли внутри солнце.

Христоф не пускал в сад посторонних. За редким исключением товар развозили по лавкам его помощники, почти такие же угрюмые, как хозяин. Разговаривали они неохотно и мало, будто скрывая какую-то тайну. Сад будоражил воображение герцбуржцев помоложе;

родители тщетно убеждали их, что никакой тайны нет.

И это было правдой. За решётчатыми воротами Христоф укрывался от людей — и только. В юные годы ему, крестьянскому сыну, привелось перенести немало унижений. Хозяева, бюргеры и знать, в ту пору приравнивали цветовода к хорошо выдрессированной собаке. Но кропотливым трудом Христоф завоёвывал себе положение. Накопив немного денег, он завёл в окрестностях Герцбурга собственный садик (который скоро разросся), вывел три сорта дорогих лилий — и разбогател. С достатком пришло уважение, и в сорок лет ему вверили городской сад, где он водворился полновластно. Он выгнал всех трутней и наладил всё так, что сад стал славой Герцбурга.

Домик его стоял в глубине сада. Христоф выходил нечасто: по делам и в церковь. Раз в месяц он пешком отправлялся за город — за образцами для скрещивания; во всём же прочем жил отшельником и людям не докучал.

И все же садовника не любили. Едва сутулая фигура показывалась из-за угла, знакомые с Христофом переходили на противоположную сторону. Он стучал чёрной тростью по булыжнику мостовой — не стучал даже, а колотил, что вызывало мигрень у пожилых дам. Шёл он, не считаясь с другими прохожими. Случалось, наконечник трости ударял по чьей-нибудь ноге. Пострадавший возмущённо требовал извинений; Христоф, ухмыляясь, фыркал из-под пышных усов: «Не извольте сердчать, дорогой господин!» Дорогой господин почему-то чувствовал себя неудобно и больше со стариком уже не связывался.

Он ни с кем не здоровался — даже с мэром. Однажды мэр оскорбился и послал садовнику гневное письмо. Тот в ответ сослался на слабое зрение. И точно, улочки в Герцбурге были узкими и тёмными — стариковские глаза могли и не углядеть кого-то в густой тени. Мэра объяснение удовлетворило, но приказчики лавок только качали головами. От взора Христофа не ускользало ничего — ни мелкая монетка, ни приписка мелким почерком в договоре.

В церкви садовник садился всегда на одно и то же место, презрев всякую иерархию и манеры. От него отсаживались на почтительное расстояние. Пастор, напротив, его уважал: проповедь проходила в тишине и порядке, если этот скромный прихожанин сидел на своей скамье. Он не шикал; хватало одного взгляда из-под косматых бровей, чтобы болтун осёкся. Родители наделили Христофа могучим телосложением, мрачным лицом и крепкими кулаками. Всё он сохранил до старости, и лезть на рожон не хотелось никому.

Новые в городе люди звали его на приёмы — и не получали даже условного отказа. Иные негодовали и грозили сжить садовника со света, но вскоре остывали: уж такой был человек. И негодование совсем утихло, когда узнавали о его происхождении.

Христофа не любили, но с ним мирились и ему не перечили... пока в Герцбурге не появился новый почтмейстер.

Одним воскресным утром садовник явился, как обычно, в церковь. Был жаркий день, и в плотном костюме он изрядно взопрел. Служба ещё не началась. Шагая между рядами, старик отирал платком пот со лба. Когда он подошёл к своей скамье, та оказалась занята. Какой-то тучный господин восседал на его, Христофа, законном месте и очевидно страдал от жары и скуки. Серый сюртук вздувался на круглых плечах; казалось, он вот-вот лопнет. По плешистой голове обильно — будто она таяла — текли крупные капли.

Христоф сказал:

— Будьте так любезны освободить мою скамью.

Толстяк с трудом повернул голову и пробубнил:

— Да-да, конечно я подвинусь.

Христоф процедил:

— Я никого не просил *подвигаться*. Я просил *освободить мою скамью*.

Тучный господин его будто и не слышал. Точно громадный слизень, он медленно пополз вправо, пока из-под обширного зада не выпростался кусочек скамьи.

— Пожалуйста, — улыбнулся он. — Я новый почтмейстер Герцбурга. С кем имею честь беседовать?

Садовник затрясся от злости. Трость застучала по мрамору, как дятел по дубу, потом заходила в руках и вдруг взлетела. Удар обрушился на спинку соседней скамьи, но бывший охотнее направил бы его на голову почтмейстера. Тот в изумлении разинул рот.

На кафедре возник пастор, сияющий ослепительней церковных стен.

— Братья и сёстры!.. — начал было он, но увидев быстро удаляющуюся спину Христофа, запнулся.

Происшествие обсуждали несколько дней. Почтмейстер оказался человеком незлобивым и сам заступался за вспыльчивого старика.

А тот ненавидел — люто, до безумия. В улыбке толстяка он усмотрел насмешку. Всколыхнули рассудок гнетущие воспоминания. Вот такой же ухмылкой Христофа ставили тогда на место. Над ним забавлялись и ради пущей остроты притворялись, что он среди равных. Но это было, как и сейчас, единственно для виду. Чего бы он не достиг, для них он остаётся грязным крестьянским сыном, который имел наглость из деревенской глуши перебраться в Герцбург.

Переживания не сказались на искусстве Христофа: его цветы по-прежнему околдовывали людей. Но жизнь стала для садовника невыносимой. Он почти не выходил за пределы сада: боялся, что снова осмеют.

И тогда он решил убить почтмейстера. Сидя лунными ночами на скамеечке перед домом, Христоф перебирал в памяти всевозможные способы умерщвления. Однако все представлялись или недостаточно жестокими, или слишком опасными для него самого. А он не желал гибнуть из-за «жирной свиньи» — предмета своей ненависти.

Христоф смотрел на луну, луна взирала на Христофа. Ночи приходили и уходили, а он так и не мог ничего придумать.

II

Одним летним утром садовник беззвучно отворил и тут же закрыл калитку в воротах. Как никогда он не хотел привлекать внимания. Христоф вдохнул — как бы неохотно — прохладного воздуха и двинулся прочь. Он держался тени и в своей скромной робе, с холщовым мешком на плече, был совсем неприметным. Герцбург спал, из некоторых окон ещё доносился трубный храп.

Небо над двускатными крышами ширилось и выцветало.

Сутулый гигант выбирал переулки потемнее. Если какая-нибудь ранняя птичка и видела его, то принимала за обыкновенного работника, идущего по своим немудрёным делам.

Почтмейстерский дом стоял в начале Гранитной аллеи. Христоф окинул его сумрачным взором, не задерживая шагов. Через высоченную дверь жирная свинья выползала из своего логова. Но садовник поклялся, что наступит день, когда этого не случится.

Особенных причин для спешки не было, и всё же шел он ходко, почти стремительно. Когда солнце окончательно утвердилось где-то среди снежных облаков, Герцбург уже остался у него за спиной. В западном направлении ходили и ездили нечасто: колея тракта здесь еле угадывалась. Путник вскоре свернул с него налево и затерялся средь изумрудных взгорий.

Ему сообщили, что милях в семи от города появился необычный цветок. Судя по описанию, это был редкий вид адониса, за которым садовник безуспешно охотился много лет. Старик не стал посылать помощников: тут справился бы лишь опытный глаз. Да и ноги размять хотелось — подальше от душного города.

Переваливая с пригорка на пригорок, садовник потихоньку успокаивался. Всё здесь полнилось безмятежностью. Чуть поодаль возвышался лес, и сквозь благоухание луга пробивался его строгий аромат. Солнце пекло.

Иногда садовник сходил с тропинки (ведомой ему одному), чтобы рассмотреть какое-нибудь затейливое растение. В траве шныряла всякая мелочь, в воздухе жужжали шмели и стрекозы. Старый цветовод нежно касался миниатюрных лепестков и думал, что они ластятся

к нему, как котят. Блаженное одиночество, знакомое с детства, растягивало окостенелые губы в улыбку.

Но тут же вспоминался почтмейстер. Христоф мрачнел и продолжал свой путь. Ему легчало.

Тропинка разбилась об опушку, и старик вступил под ветвистые своды. Здесь было душно и шумно. Под ногами трещал валежник; местами он лежал так плотно, что молодая поросль едва угадывалась.

Приступы учащались. Он жалел, что не взял с собой трость: молотил бы ею по пухлым оранжевым грибам, чтоб хоть как-то выпустить злобу.

Напомнил о себе голод. Старик на ходу рвал припасённый ломоть хлеба и вгрызался в мякиш, как борзая в зайца.

Вскоре он вышел на полянку, где, как ему сообщили, и видели тот адонис. Садовник излазил всю прогалину на четвереньках и нашёл-таки жёлтый цветок. Здесь, на западе от Герцбурга он и в самом деле встречался редко. Но среди обитателей восточных деревень он считался сорняком. Это был другой вид, и день пропал зря.

Христоф взбесился и принялся втаптывать цветок в землю, почему-то обвиняя во всём почтмейстера. От хрупкого растения не осталось и следа, но башмак бил снова и снова, как молот судьбы.

Идти прежней дорогой было не вмоготу; он пошёл напролом, через чащу, и скоро уже продирался сквозь заросли подлеска. Кустарник всё норовил исцарапать его; в отместку старик ломал гибкие ветви: силы у него доставало.

Внезапно где-то справа пронзительно пискнула мышь. В тоненьком голоске звучала почти человеческая боль — и нечеловеческий ужас. Истошный верезг ворвался в мысли Христофа, и тот неожиданно для себя похолодел.

Лес здесь заканчивался, впереди расстился луг. Над ним вставало небо, затянутое белёсой пеленой. Солнце куда-то запропастилось.

Грызун всё пищал. Слышалось ещё шуршание: видно, мучитель мыши был существом беспокойным. Садовник, оправившись от испуга, хотел уже идти. Звериные дела его не касались: и одной свиньи с лишком хватало. Однако разыграло крестьянское любопытство; старик тихонько раздвинул кусты и нагнулся, напрягая глаза.

Мышь агонизировала. Хвостик бешено дёргался, будто вся жизнь, отпущенная зверьку, скопилась в этой ниточке плоти. Но крохотное сердце уже замирало, выплёвывая последние капли крови. Та стремилась к своему настоящему источнику — земле, и алые паутинки терялись где-то в траве.

А из травы бессмысленно торчала пухлая детская ручонка. Она никому не принадлежала: там, где должен бы быть локоть, начиналась земля. Ручонка качалась взад и вперёд, лениво вращая кистью. Нежные пальчики комкали мышь, как бумажку, с чудовищной силой. Кожа, девственно белая, покрывалась кровавым узором.

Возле гнили трупы других мышей, землероек, птичек и пауков. Стоял лёгкий душок.

Внутри Христофа что-то заметалось, моля бежать, прятаться, звать на помощь. Этот жалобный голос был ему чужд, садовник никогда раньше его не слышал. А услышав сейчас — не слушал. Такая жуть сквозила в этом плавном движении, что взгляда он отвести не мог.

Мышь наконец умерла. Белый кулачок разжался и превратился в ладошку, отбросив комок падали. В тиши шорох казался оглушительным. Ручонка колыхалась, словно махая кому-то вслед.

Рассудок старика прояснился. Перед ним было нечто противное природе и человеку. «Всё в мире для чего-то нужно, — думал он, — кроме этого. Оно существует для того лишь, чтобы хватать, мять, кромсать — и опять хватать. Бог такого не потерпел бы, это затея дьявола. Нелепый каприз, способный на одно убийство».

И тут Христофа осенило. Он торопливо скинул со спины мешок, который незаметно успел налиться тяжестью, и достал из него небольшую лопатку. Дело предстояло нелёгкое, но оно того стоило.

Прежде чем начать, он выпрямился и осмотрелся. По-прежнему всё купалось в тишине, только солнце вернулось на небосвод, да холмы сияли зеленью. Тогда старик поломал ветки кустов, чтобы освободить место для работы, и принялся осторожно окапывать ручонку. Та часто, как собачий хвост, задёргалась.

Дёрн попался особенно жёсткий, но старому садовнику было не привыкать. Он не знал, насколько глубоко надо копать, и время от времени пробовал корень штыком. Когда металл прорезал мягкую землю, Христоф удовлетворённо кивнул. Вышло легче, чем он опасался. Оставалось лишь пройтись разок по окружности.

Бдительности он не терял ни на минуту. Ручонка, как ни силилась, не могла до него дотянуться. Старик подбадривал её: «Не бойся, милая, дурного тебе не сделаю. Красавица моя, потерпи...»

Теперь предстояло самое трудное. Он коротко глянул на небо. То уже начинало смуглеть. Солнце наливалось рыжиной. С такой ношей совсем не годилось возвращаться ночью, и старик заторопился.

Он порадовался, что взял большой мешок. Расстелив его на земле отверстием вверх, Христоф поддел лопаткой высвобожденный ком. Держать его на весу было опасно, но старик не мог не полюбоваться нелепым зрелищем, самым странным саженцем, какой ему доводилось видеть. Ручонка угрожающе шевелила ему пальцами. Бережно опустив ком в мешок, он черенком приподнял один край ткани и набросил сверху, затем то же проделал с другой стороны.

«Вот уж не ведал, что доведётся самому от цветка оберегаться, а не его оберегать», — бормотал Христоф, затягивая тесёмки. Грубая мешковина была недостаточно толста, чтобы избавить его от тревоги.

Он чуть отступил, чтобы поглядеть, что получилось, и остался доволен: обычный мешок, ничего не заподозришь.

С лопаткой в одной руке, с мешком в другой садовник зашагал домой. Рыжее светило валилось за горизонт, утягивая за собой день со всеми его звуками. Травы мрачнели, тропинка растворялась в сумерках.

То и дело приходилось проверять мешок. Копание внутри не прекращалось ни на миг. Садовник холодел — и всё же посмеивался себе в усы. Он вспомнил, как мальчиком носил матери цветы. Он спускался в самые глубокие балки, где даже в знойные месяцы не засыхала грязь; протискивался в укромные расщелины, чтобы вскарабкаться на скалу и оказаться среди лугов, ведомых лишь небу и птицам; он кружил часами по чащобам, меж россыпей звериных следов; забирался в топи, медля перед каждым шагом и боясь оступиться, — и неизменно возвращался с пышным букетом, которому все дивились. В их семье не знали подарка дороже.

Вот и в этот летний день Христоф выискивал в глуши нечто особенное.

«Только сомневаюсь, что свинье оно придётся по душе», — подумал он.

И тогда солнце рухнуло.

III

Он вошёл в город вместе с темнотой. Ночной Герцбург был шумнее и ярче дневного. У каждого фонаря, как разомлевшие от нектара мотыльки, вились продажные женщины и пьяные мужчины. Гудели кабаки.

Христоф искусно обходил все ловушки, едва их замечая, и вскоре был у ворот сада. Привратник дремал в своей будочке. Садовник не стал его будить. Опасливо озираясь, он без фонаря прошёл в дальний угол сада, где находилась его личная оранжерея. Ночь превратила прозрачную призму в угрюмый склеп. За толстым её стеклом покоились самые редкие и капризные цветы. Луна, если выползала из-за небесных хребтов, бросала на оранжерею быстрый взгляд, но не могла ничего рассмотреть и в раздражении удалялась.

Старик опустил свою ношу наземь и стоял в раздумьях. Возиться впотьмах было

слишком опасно, ждать до утра — невысказано. Он ведь ничего, ничего не знал об этом растении! Что питало его корни? Оно могло погибнуть до рассвета. Из мешка и так не доносилось никаких звуков.

И он решил работать тут же, ночью. Сходил за фонарём и зажёл его, но приглушил свет тряпкой. Внутри оранжереи, в душных потёмках, разрыхлил комочек жирной почвы и вышел за саженцем с лопаткой наготове.

Он намеревался развязать тесёмки, но этого не понадобилось.

Что-то светлое метнулось из мешка и вцепилось ему в голень крепкой, бульдожьей хваткой. Боль хлынула вверх по ноге жгучей струёй. Старик охнул и ударил, не целясь, лопатой. Затрещали чьи-то кости; человек мгновенно потерял равновесие и упал навзничь. Брыкаясь, взмётывая ладонями землю, он отполз, и луна, будто в зеркало, смотрела в его побелевшее лицо.

Ошеломлённый садовник не сразу пришёл в чувство. Нападения он не ожидал: смерть из мешка предназначалась другому.

Он приподнялся на локтях. Ногу ломило страшно.

Ручонка плясала в серебристом лунном свете, словно крестьяночка на празднике урожая — далеко выбрасывая пальцы, неистово изгибаясь, вясь полоской алебастровой плоти. Эта танцовщица не потела, не шелестела юбками. Христоф видел каждую линию на детской коже, и ему мерещилась улыбка идиота.

«А подарочек подороже будет, чем я думал», — пробормотал он, опомнившись.

Голень распухла, но прежде чем заняться ею, старик прохромал в сарайчик за прозрачным колпаком, о котором вспомнил только сейчас, и набросил его на ручонку. Та яростно забила о стекло. Христоф зашепел: два пальчика, перебитые лопатой, и так уже не двигались.

Теперь он работал осторожнее, и повозиться пришлось изрядно. Но когда забрезжила утренняя заря, садовник спал тяжёлым сном в своём домике, а саженец ворочался в новой почве — среди орхидей и глициний. Никто бы его там не нашёл: работникам было запрещено даже любопытствовать.

На следующее утро Христоф дал, по своему обыкновению, имя новому цветку. Он остановился на «Катерине»: так звали дочку почтмейстера.

Сначала старик обильно полил Катерину водой, чтобы проверить свои догадки. Вечером её кожа одрябла и покрылась пятнами, здоровые пальчики стали тоще, а один из сломанных показал кость. Христоф это предвидел. Его собственные руки дрожали, когда наклонялись над грядкой ведро со свиной кровью. Катерина примеряла багровое платье, кокетливо извиваясь. Сквозь стекло просачивались солнечные лучи и скользили меж её пальцев.

Цветовод легко переносил смрад, но не волнение — его мутило.

Новое утро принесло ликование и ужас. Догадка его была верна: Катерина оправилась и даже будто подросла, ноготки её стали длиннее и крепче. Но обок основания проклюнулась дюжина её копий — совсем крошечных и похожих на птичьи лапки. Все непрестанно шевелились.

Христоф порадовался в сердце, но поливал не так обильно, как в первый раз.

«Ничего, ничего, вы попробуете ещё крови *настоящей* свиной», — цедил он сквозь зубы.

Всем помощникам садовник дал срочное увольнение. Достать свиную кровь было нетрудно: он, бывало, и не такого просил у крестьян, если растение попадалось прихотливое. Иное дело — идти через весь город с ведром в руках и даже в саду таиться от чужих глаз.

Отростки Катерины быстро её догнали и, к облегчению цветовода, больше не вырастали. Он наловчился подрезать ножницами новые всходы: те упрямо взрывали почву, как бы бережно он ни поливал. Хватало нескольких капель густой жидкости, чтобы вылезли две-три лапки.

Среди живой зелени теплиц, синевы неба, желтизны нарциссов и багрянца роз белёлая

кожа детских рук казалась напоминанием о смерти. И Христоф верил, что скоро составит свой лучший букет.

IV

Иногда Лео чувствовал себя глупо и неловко, когда они вот так смотрели друг на друга. Но лишь иногда.

Он мог, казалось, часами блуждать взором по её мягким чертам. От лилейных щёчек к вишнёвому роту, вскользь по изящному подбородку и вверх, к ослепительному пламени локонов, а оттуда — к глазам, всегда к глазам... Лео смущался, ведь и его изучали таким же манером. Он не знал, что на деле за серой радужкой кроются совсем другие образы, — и не хотел догадываться.

Лиза опиралась на подоконник, открывая обнажённую кожу под дерзко задранными рукавами. Лазурное небо нависало над ними или свинцовое, багряное или вовсе бесцветное, но она сидела только так. В его присутствии лучше думалось: до глупости влюблённое лицо настраивало на благодный лад.

Она говорила:

— Леонард, ну что же Вы молчите, как дурак. Показывайте, что принесли на этот раз.

И он показывал.

Лео часто стоял так под её окнами. Чуть выдавалась свободная минутка, он покидал контору, где служил писарем, и бежал через дорогу. Там за кованой решёткой ограды, словно рыцарь в латах, возвышался дом хозяина Гюнта. Искушение войти через калитку было очень велико, но Лео оставался благоразумен. Поступи он так опрометчиво — тотчас наткнулся бы на служанку или, того хуже, на самого Гюнта. И тогда тайным посещениям пришёл бы конец. Поэтому он лишь бросал на особняк нарочито небрежный взгляд, направлялся же в сторону площади — по тротуару, как и положено.

Однако, отойдя подальше, юноша останавливался, чтобы оглядеть улицу. Если вблизи никого не виднелось, он нырял направо, в овражек, который бежал вдоль ограды. Здесь иногда носились дети, но окрест находились уголки и поинтереснее. Лео это вполне устраивало, потому что никто не мешал ему взобраться по глинистому косоугору, отодвинуть сломанный прут и проникнуть в парк. Он всякий раз измарывал сюртук, а с букетом лезть было ещё труднее. Но калитки — твердил юноша — он позволить себе не мог. И неизменно справлялся.

Оказавшись в парке, среди чахлах деревьев, он опрометью и одновременно бесшумно, как садовая крыса, бросался к дому. Подбежав к тыльной стороне, Лео прокрадывался вдоль фундамента к западному крылу. Он прислушивался. Бывало, что в её комнате разговаривали, и тогда приходилось ждать или отступать. Но чаще ему везло. Он кидал камешек, и Лиза растворяла ставни.

В моменты свиданий оба не вспоминали об опасности. Лео забывал обо всём, едва увидев рыжие локоны. Их обладательницу же успокаивало то, что накажут, раз уж на то пошло, не её. Лиза втайне разделяла мнение своих родителей. Дурашка писарь рисковал местом — ну и поделом ему.

По-настоящему девушка любила не его, а платья и кукол, что не предосудительно в семнадцать лет. «Это, разумеется, пока», — уточняла она про себя. *Пока* в Герцбурге нет ни одного юноши, достойного её. *Пока* её красота остаётся её собственностью... хотя, усмехалась Лиза, ограбить себя она никому не позволит.

А Лео её развлекал и, что гораздо важнее, носил ей цветы.

Она чуть не умерла от возмущения, когда однажды увидела его под окном. Он буквально пылал, рассыпаясь в бессвязных извинениях, и клялся, что сейчас же провалится сквозь землю. Лиза уже приустила, но тут ей в голову пришла занятная мысль.

— Чтобы искупить свой проступок, Вы принесёте мне букет самых лучших роз, какие только растут в городском саду, — проговорила она.

Юноша побледнел: его кошелёк был столь же тощ, как и он сам. А цветы Христофа стоили баснословных денег. Но Лиза стояла на своём:

— Или так, или я всё расскажу папе, и он выставит Вас на улицу. А меня Вы не увидите — ни-ко-гда! — отчеканила она, не без оснований гордясь своим произношением.

Лео оставалось только кивнуть и пойти прочь, чтобы оставить в цветочной лавке три четверти заработка. Вечером он вернулся с букетом. Она уже ждала и подсматривала за ним. В стекло стукнул камешек. Девушка открыла и состроила недовольную гримаску. Но последнее оказалось напрасным: её взгляд встретился не с влюблёнными глазами, а потонул в бордовой пышности роз. Лео поднял букет над головой, чтобы Лиза не видела его лица.

Девушка втянула цветы в комнату и сказала:

— Неплохо. Вы, пожалуй, можете и дальше сюда приходить. Само собой, никто не должен Вас видеть. Если будете вести себя хорошо, я Вас, может быть, и прощу.

И она захлопнула ставни. Лео тщетно ждал, что ему объявят время следующего свидания: девушка сразу про него забыла.

Сначала она проверила, заперта ли дверь. Потом вытянула из-под кровати ящичек, где лежало всё необходимое: ножнички, всевозможные пузырьки и флакончики, проволоочки, лоскутки. И начала работать.

Мать обучила Лизу особому искусству, которое знали только женщины их рода: шитьё кукольных платьев из ярких лепестков. Когда-то умелицы делали и настоящие, взрослые платья, что требовало много больше сил и времени. Ныне одевали кукол — для забавы и для будущих мужей. Лизе это занятие приглянулось.

Для работы годились лишь свежие и добротные растения. В Герцбурге никто, кроме Христофа, таких не выращивал, а старый Гюнт садовника ненавидел. До случая в церкви он скрепя сердце отсчитывал Лизе деньги, но потом прямо заявил: она вольна мастерить свои платья из чего угодно — при условии что выросло оно не в городском саду. Все уговоры остались втуне, хитрости не помогали.

И тут подвернулся Лео. «Конечно, он беден, как церковная мышь, — думала Лиза, приклеивая очередной лепесток на прозрачную основу, — Но *пока* и он стодится».

Она как бы невзначай выведала у отца, каков был оклад у Лео, и в точности рассчитала, сколько букетов он будет покупать в месяц. Небольшую сумму она отвела юноше на питание, жилище и прочее.

Лео приходил каждый день. Если он был не при деньгах, Лиза считала себя вправе не появляться в окне. Но в день получки или аванса она встречала его приветливо. Они болтали о всяких пустяках, пока не наступал подходящий момент, и девушка говорила:

— Ну что же, а Вы не купите мне ирисов? Думаю, они Вам по карману. Неужели Вы не хотите потешить меня?

Лео обещал, дивясь её осведомлённости. Юноша еле-еле перебивался от месяца к месяцу, но жалованья ждал лишь с тем, чтобы издержать его на Лизу. Он начал подрабатывать по ночам в каретном сарае.

Днём прибегал к ней. Она поднимала букеты и зарывалась в них носиком. А он всё пытался что-то разглядеть в серой глуби.

Но время шло, и Лиза уже одела всех кукол. Кроме того, мямля в грязном сюртуке ей прискучил.

И как-то летним вечером она сказала ему:

— Нет, Вы меня не любите!

Последовали уверения в обратном, но девушка продолжала:

— Хотите меня убедить — принесите ещё цветов. Мне так тоскливо... Отец меня не балует. Вся надежда только на Вас.

Лео хотел возразить, что последние свои средства он исчерпал как раз сегодня, как раз на эти пурпурные георгины. Но вдруг ему почудилось, что Лиза стала ещё прекраснее, совершеннее, и ещё белее стала её кожа, словно насытившись молоком... И он обещал.

Блуждая по улицам, юноша раздумывал, где бы добыть денег. Друзья устали ссужать его: он хоть и возвращал долг, но просил снова, а это утомляло. К конторской кассе писари доступа не имели, а квартирная хозяйка уже и не притворялась, что терпит Лео.

Он брёл от перекрёстка к перекрёстку, с каждым шагом всё более отчаиваясь. Даже помыслить о том, что он обманет ожидания Лизы, было мучительно.

А вокруг вечерний полусвет сгущался в фиолетовый сумрак. Облака, небесные тени, цеплялись за шпили и флюгера. Мгла облачила всякую вещь и всякого человека. Кто-то торопился домой, чтобы стряхнуть это одеяние у каминов и ламп. Были и такие, что радовались обновке, скрывшей их дневные лохмотья.

Бледное лицо юноши светилось, как гнилушка. Друзья, открывая ему, пугались и оттого отказывали с чистой совестью. Он побывал в восьми домах — и всюду добился лишь вежливого «нет».

Стало ещё темнее, однако Лео прикрывал глаза ладонью: везде ему чудилась Лиза, ослепительная её белизна. Он отворачивался — она хмурила брови, и с вишнёвых губок слетало что-то грозное и непоправимое.

Наконец, уже сидя в своей каморке среди ящиков, выпотрошенных в поисках случайных монет, он понял: ни гроша. Разводы плесени на потолке, залатанное картоном окно, колченогий стул, косая свечка — всё подтверждало горестный вывод. Лео повалился на кровать. В груди его копошилось что-то чёрное и холодное.

И тут сверкнуло: «А ведь можно украсть!..» Призрачная Лиза, присевшая на стул, одобрительно улыбнулась. «Старый Христоф, говорят, купается в деньгах. Ещё бы, с такими барышами! — размышлял Лео, возя башмаками по простыням. — Я могу забраться в сад и срезать парочку-другую цветов. Старика от этого не убудет».

Он вскочил и энергически заходил по клетушке. Огонёк свечи подрагивал, колышась в такт его шагам.

«Ну да, надо только через стену перелезть — и дело в шляпе. Сторож, верно, от ворот не отходит, а Христоф в этот час должен третий сон видеть».

Юноша вошёл в азарт и едва удерживался, чтобы не выбежать на улицу, кинуться к саду. Нужно было всё взвесить.

«Вдоль ограды много деревьев. Найти ветку потолще, накинуть на неё петлю — и наверх. И обратно тем же путём...»

Кровь то стыла, то закипала, не успевая за мыслями... Свеча на столе вдруг разрослась, залила зрачки пламенем, и Лео сгинул в безвременье. Метеорами проносились фонари, мелькали чьи-то силуэты...

Когда он очнулся, то стоял уже в безлунной тьме, у высоких стен, и где-то высоко над головой перешёптывались листья вязов. Тускло, словно ледышки, поблёскивали острия ограды. Улица совсем вымерла: казалось, тёмная гряда домов враз лишилась окон, дверей и обитателей. Воздух отзывал холодом и страхом.

Лео недурно метал верёвку. Со второй попытки ему удалось закрепить петлю на толстом суку, чуть повыше стены. Он потянул, и, не услышав скрипа, начал карабкаться.

«Я теперь вор, — думал он, перебирая руками. — Но ворует ведь тот, кто берёт для себя, а я — для Лизы. Кто меня осудит?»

Добравшись до кромки стены, юноша с готовностью опустил ноги — и шип, каких много пряталось между крупными зубцами, пропорол ему стопу. Он вскрикнул и рухнул в сад, угодив в разросшийся розарий. Колючий кустарник смягчил удар, но из мести расцарапал Лео кожу — везде, где она была оголена. Розы, неделю как лишённые ухода, от тряски роняли лепестки. Когда он наконец выбрался, всё тело чесалось и кровоточило. И всё же ему повезло. Верёвка свисала по эту сторону ограды.

Превозмогая боль, он заковылял по песчаной дорожке. Одежда во многих местах прилипла к телу, в левом ботинке стало сыро. Собственная поступь казалась непривычно

грузной, шумной. Но садовник проспал переполох в розарии — остерегаться его не стоило; и ошалелый Лео шёл куда хотел.

Здесь повсюду были цветы. Сомкнутые бутоны склонялись, словно головы спящих воинов на привале. Дневные ароматы, сумеречные благовония витали над клумбами и грядками, забирались в ноздри. С запада, от далёких лесов, тянулись другие, сыроватые запахи, и всё это сливалось в дурманящую музыку. Хотелось лечь под невидимым небом, чтобы вечно вдыхать пыльцу и слушать голоса ночных насекомых.

Но Лео мечтал об ином, и страсть удержала его от соблазна. Он мучился выбором: не все цветы были достойны Лизы, не все он мог унести, немногие узнавал в чернильном мраке. Наткнувшись на оранжерею, юноша обрадовался: здесь, по слухам, Христоф растил настоящие сокровища.

Стеклянная дверка была на запоре. Вор, недолго думая, ударил по ней камнем; брызнули осколки, полоснув его по рукам. Он выждал немного — не идёт ли кто? — и проник внутрь.

В оранжерее тьма была гуще. Лео вынул из кармана ножичек и принялся наугад срезать стебли. Здесь всё переплеталось, и в конце концов вор вовсе перестал понимать, где и зачем он, — резал вслепую, точно сражаясь с врагом, лил едкий сок и собственную кровь. Попадались толстые растения — он ожесточённо бил ножом, пока те не падали, и складывал в охапку у выхода. Он чуть не задохнулся.

Когда Лео вышел наружу, мусть в глазах не исчезла. Он уже не соображал, что делает. Нашёл где-то мешок. Напихал в него срезанные стебли, как солому. Не различая дороги, оставляя на песке бурые пятна, прохромал к оставленной верёвке. Как-то перелез, растеряв половину награбленного, свалился на мостовую.

Собирался рассвет. Лео плёлся по улицам Герцбурга с мешком на спине. Одежда его превратилась в лохмотья, с ног до головы он был в крови, зелени, земле. И шептал: «Уж в этот раз она мне не сможет отказать, ни в чём не сможет...»

Но он обманывал себя. С восходом солнца открылись ставни, и шафрановый свет пал на прекрасное лицо Лизы. Она удивилась его виду, однако спросила, как было у них заведено:

— Так Вы всё-таки принесли?

И он без колебаний и ненависти протянул ей новый букет — изувеченные листья, сломанные шипы, смятые лепестки. А среди них — детская ручонка...

Уже бежал, задыхаясь, по лестницам старый Гюнт, — бежал, чтобы увидеть, как в чьих-то пухлых пальцах кусок за куском исчезает красота его дочери. Уже неслись по коридорам слуги, разбуженные диким криком, уже взвились над крышей птицы...

Лео же свернулся на земле калачиком, теперь он мог поспать. Прежде чем забыться, юноша подумал: «Пока она довольна, а дальше... дальше...»

Но его веки сомкнулись, и мысль потонула в багровом мареве.

VI

Христоф выпался: впервые со злополучного дня в церкви не грезилась ему рожа почтмейстера. Это было хорошо; но ещё лучше было, что именно в этот день свершится желанная месть. Он оденет выходной костюм, когда понесёт свинье подарок, и город запомнит его.

Сквозь окошко улыбалось ясное небо, и старый цветовод улыбнулся ему в ответ. Катерина с сестрицами, наверно, заждались; что ж, он долго томил их в неволе. Пусть сегодня делают то, для чего предназначила их чья-то злая воля: хватают, сжимают, царапают, рвут.

Садовник одел робу и распахнул дверь, — но не смог ступить дальше порога.

Бескрайнее море плескалось в его саду, телесно-белое море. Цветы сгнули в его волнах, а те уже подкатывали к крыльцу, и земля раздавалась, выпуская новые и новые ростки, которые увеличивались на глазах, сжимались в кулаки и сучили пальцами. Они

хватали друга за запястья, раздирали ногтями ладони. Они приветствовали Христофа, как люд привечает бургомистра на ярмарке, и так же жаждали веселья и праздника.

Но садовник побежал — прочь, туда, где в сарайчике стояла коса. Он почти чувствовал её в руках, видел, как сверкает на солнце наточенное лезвие, как рассекает она воздух и мясо.

Его схватили за ногу. Он вырвался и побежал дальше, но через несколько футов было уже не пройти: море подступало. Старик рванулся влево, вправо — окружён. Он бросился напролом, к воротам, сокрушая сапогами тонкие кости. Ноги несли его, пока могли...

Он упал у самых ворот. Плоть Христофа растаскивали по клочку, но до последнего издыхания он смотрел за решётку. Там, выступая из полуденной тени, приникло к прутьям перекошенное лицо доброго почтмейстера, который пришёл извиниться.

* * *

...Вот уже и лес близко.

Загорится в чаще костёр, отгоняя чьи-то тени. Будут прыгать в волосы весёлые искры — успевай отгонять! Сколько тьмы будет — а отступит она, отхлынет, когда встанет на пути её огненный цветок...

Это будет, будет. Но отец и дочь не распрощались ещё с солнцем, заходящим солнцем лета. Они идут рука об руку, под сонное шуршание листвы.

У крестьянина восемь детей, и всех прокормить он не может. Бог видит, младшенькая умишком прочих не хуже. Но хворая она и недолго протянет... Недолго — видит Бог, видит Бог...

— Стой, — говорит отец. Нелегко ему вынести этот зелёный взгляд. Нет, неоткуда ей знать, это отблески дня играют на её щеках.

— Погляди-ка вон туда, — говорит он. Через мгновение он ударит, и не будет больше в мире таких огромных глаз.

А она смотрит на запад, и снова видит красный мяч, и тянет к нему ручонку — не зная, что до солнца не дотянуться человеку никогда.

Карта памяти заполнена (Елена Щетинина)

«Карта памяти заполнена» – замигало на экране фотоаппарата. Я лениво зевнул, топнул ногой, разогнав усиленно позирующих в ожидании подачи голубей, - и начал возиться с заменой карточки.

Через минуту я уже снова крутил головой в поисках подходящей модели для съемки. Парк был мной исхожен и исцелкан вдоль и поперек, птицы не вызывали у меня приступов умиления – а местные жители уже давно набили оскомину своей удивительной похожестью друг на друга.

Это был маленький городок, один из тех, что возникали в Казахстане на месте старых военных баз, которые, в свою очередь, дислоцировались на месте еще более старых поселений.

Я приехал сюда на каникулы к родственникам и не намеревался задерживаться надолго. Нет, природа тут была красивая, не буду врать. И сам городок уютный. И люди не противные. Но было тут невыразимо скучно, затхло и, как выражается моя племянница, – «паутинно».

Вдруг вдалеке между деревьями мелькнула тонкая фигура.

Я навел видоискатель, приблизил. О, кто-то новенький! Симпатичная молодая женщина, не видал раньше ее здесь. На лице, в районе носа что-то поблескивало – видимо, пирсинг. Странно, никогда не видел здесь девушек с пирсингом.

Я щелкнул.

Посмотрел на экран фотоаппарата. Да, далековато, конечно, но вроде неплохо. Потом увеличу, посмотрю, как получилось.

Перевел взгляд обратно на рощу. Девушки не было. Жаль, было бы неплохо познакомиться...

Вдруг фотоаппарат сильно потрянуло. От неожиданности – в голове даже мелькнуло, что держу что-то живое – я разжал руки. Пластиковый карабин шейного ремешка не выдержал резкого рывка, с омерзительным треском лопнул, и фотоаппарат упал в пыль.

Я чертыхнулся - несколько месяцев копил на эту фотокамеру со всех своих случайных заработков – и мне бы не хотелось потом бегать по местным сервисам, один из которых и так уже который день кормил меня завтраками.

Я подобрал аппарат, осторожно протер корпус футболкой и от греха подальше направился домой.

Зайдя в квартиру, я привычным движением бросил ключи на мягкий пуфик, стоявший у двери, и пробежал в комнату. Все то время, пока я шел домой, мне казалось, что в фотоаппарате что-то дребезжит – и я боялся, что это признак выбитых деталей или сорванных креплений.

Достал старую, помутневшую лупу – и просмотрел каждый миллиметр корпуса. Нет, ничего особенного. Поднес к уху, потряс – да нет, тут тоже вроде все нормально. Никакого шума сверх обычного.

Ладно, сейчас разберемся.

Я прошел в коридор, поймал в видоискатель коврик и пуфик, щелкнул.

Вроде все нормально.

Встал на пороге комнаты, сфотографировал шкаф.

Тоже все нормально.

Подошел к аквариуму с рыбкой, стоящему на столе, взял крупный план.

И тут ничего особенного.

Хм.

Я сделал еще около десятка фотографий разной степени резкости – и не обнаружил ничего хотя бы сколько-нибудь странного.

Затем сфотографировал телефон – старый, еще с диском – и набрал номер.

– Когда будет готов ноутбук?

Парень на том конце провода долго мялся, из чего я понял, что они еще даже и не приступали к моему заказу, а потом обреченно пробубнил:

– Думаю, что через неделю.

Я плюнул и бросил трубку.

Затем вернулся в комнату, еще раз включил аппарат и посмотрел отснятое. Ну ладно, эти я удалять пока не буду. Когда мне вернут ноутбук – если вернут! – сравню с теми, что были до падения. Мало ли что.

Что-то гулко ухнуло в коридоре.

– Сашка? – крикнул я.

Племянница уже неделю гостила у меня, пока ее родители укатали в научную командировку в какой-то из соседних аулов. Не могу сказать, чтобы меня это особо напрягало – главное, чтобы ее не напрягал я. Она была обычной восьмилетней девчуркой, лишь в меру признающей авторитеты дяди, который старше ее всего лишь на полтора десятка лет.

Ответа не было.

Я вышел в коридор.

Один из старых рыбацких сапог, стоявших около пуфика, был опрокинут. «Как же это я должен был об него запнуться, чтобы уронить?» – мелькнуло у меня в голове.

Я поднял сапог и аккуратно прислонил его к стене.

В двери заскреблись ключом.

– Саш, я открою, – крикнул я.

Племянница была поглощена дневными впечатлениями и уплетала за обе щеки вермишель.

– ДядьПаш, а собачке можно положить? – внезапно спросила она.

– Какой собачке? – не сразу поднял голову я, занятый сковыриванием липких вермишелей с краев тарелки.

– Моей собачке, – пояснила она.

– Какой-какой собачке?

– Ну вот она, около стула сидит, – указала она вилкой.

Я затаил дыхание. Мне еще тут собаки не хватало. Ну, Сашка, от тебя я не ожидал такой подлянки!

Я с опаской наклонился и приподнял скатерть. Никакой собаки и в помине не было.

А, ну все понятно. Воображаемый друг. Ну-ну.

– А, вот оно как... А как она выглядит?

Девочка задумалась.

– Ну он такой... – она покосилась на пол рядом со стулом. Я, затаив дыхание, тоже уставился туда. – Он небольшой, мне чуть до колена... Лохматый. Очень-очень лохматый. И еще у него язык мокрый.

– Он тебя что, облизывал?

– Разумеется, дядя Паша. Собаки всегда облизывают тех, кто им нравится.

Ну что ж, видимо, фантазия современных детей уже перешла в 5D. Я-то в свое время представлял только, что палка – это винтовка. Но до текстуры дело не доходило.

Единственным суеверием, к которому я относился благосклонно, было мнение о том,

что выносить мусор после заката – к отсутствию денег. Деньги лишними не бывают – поэтому и сейчас, подхватив пакет, я отправился на помойку.

Открывая дверь подъезда, я чуть не ударил какого-то ребенка. А взглянув на него – чуть не выронил из рук мусор.

Мальчик как мальчик. Живой. Нормальный. Руки–ноги на месте. Одет простенько. Лысый.

Не стриженный, не бритый, а именно что лысый – такой, какими бывают дети после химиотерапии. Но в том-то и дело, что он не выглядел больным. Станным – да, непонятным – да, зловещим – тоже да, но ни в коем случае не больным. Мальчик как мальчик. Лысый.

Я пробормотал что-то про то, что нужно быть осторожнее, и быстрым шагом отправился к помойке. Какой неприятный тип, а.

Когда я возвращался обратно, перед подъездом уже никого не было.

Лысый мальчик играл в песочнице с детьми. Я замедлил шаг. Он поднял голову и вперился в меня глазами. Я остановился. Мальчик не сводил с меня глаз.

Меня передернуло, и я пулей влетел в подъезд, даже не придерживая за собой дверь.

Зайдя в квартиру, я привычным движением, даже не глядя, протянул руку над тем местом, где находился пуфик и разжал пальцы.

Ключи со звоном брякнуло об пол.

Пуфик был отодвинут сантиметров на двадцать в сторону.

– Зачем ты передвинула тумбочку в коридоре? – спросил я, заглядывая к Сашке в комнату.

– Я не передвигала, – отозвалась она, листая какую-то книжку

Ну в принципе да, зачем ей это.

– Слушай, – сказал я. – А кто там за мальчик во дворе? Лысый.

– А, этот... – пожала она плечами. – Он сегодня вечером появился.

– А кто он такой?

– Не знаю. Он просто забавный, – пожала она плечами. – С ним смешно.

– Смешно? – это было последнее, что я мог представить по отношению к этому мальчику.

– Ну да, – кивнула она. – Смешно. А что?

– Да нет, ничего, – покачал я головой. – Ничего. Давай, пора спать скоро.

Я открыл глаза.

В комнате было темно – скорее всего, час, а то и два, ночи.

Что-то мерно постукивало в районе окна.

Видимо, какой-то ночной мотылек по дурости залетел в форточку, а теперь тычется, – подумал я. Надо бы выпустить, а то так всю ночь не даст заснуть.

Сонно щурясь, я нащупал ногой тапки и, не включая свет, поплелся к окну.

Только на середине комнаты я поднял глаза – и, заорав, отшатнулся.

Там, с той стороны, прижавшись лицом к стеклу, на меня уставилось вытянутое, абсолютно белое лицо.

И у него не было глаз.

Я стоял на кухне, прижавшись спиной в стене и пил воду прямо из графина. Мои зубы лязгали по стеклу, а я боялся остановиться, словно этот процесс оберегал меня.

В кухню зашла заспанная Сашка.

– Дядя Паша, – прогундосила она, зевая. – Что случилось?
Я обнял графин и прижал его к себе.
– Саш... – осторожно начал я. – А ты ничего необычного не замечала?
– Например? – она потерла кулачком глаза.
– Ну... чьи-нибудь лица в окне?
– Дядя Паша, – она серьезно посмотрела на меня. – Мы на пятом этаже. Какие лица? Какие лица...
Я вжался в стену еще сильнее.
– Вам приснилось, – резонно сказала она.
Ну что ж, может и так.

Может и так, подумал я, осторожно входя в свою комнату, предусмотрительно включив везде на пути своего следования свет.

Может и так.

Может, это просто ветер гонял полиэтиленовый пакет по воздуху.

При свете комната выглядела безобидно.

Я подошел к окну и осторожно выглянул.

На подоконнике со стороны улицы – там, где ржавчина покрыла металл плотным слоем – виднелись длинные полосы, словно кто-то пытался за него уцепиться.

Остаток ночи я провел с включенным светом.

К утру я все-таки задремал и поэтому потом вполне резонно предположил, что давешнее лицо – всего лишь обрывок сна. Правда, на подоконник я решил не смотреть. Дабы не портить уверенность про сон.

Сашка, как всегда наспех покидав в себя завтрак, умотала на улицу – на полную катушку проводить каникулы.

Я же сидел за столом и думал, звонить снова в сервис по поводу ноутбука, или же дать им еще один шанс.

Тут что-то заскрежетало за моей спиной.

Я оглянулся.

По комнате, цепляясь за выщерблины паркета, медленно полз стул.

– Сашка, – крикнул я. – Прекрати! Отвяжи леску! Пол попортишь!

И тут же осекся, вспомнив, как Сашка час назад громко хлопнула дверью.

Или же она меня одурачила и целый час сидела тихо, как мышь, чтобы сейчас напугать?

– Сашка! – повторил я.

Стул прекратил ползти и, покачавшись пару секунд, остановился на месте.

– Ну вот то-то и оно, – удовлетворенно сказал я.

И тут стул дернулся и пополз обратно.

Я чуть ли не по деталям разобрал стул – но не было ни лески, ни пружинки, ни чего бы то ни было еще. Я также облазил всю квартиру – но не нашел и следа Сашки.

Оставалось только одно – она каким-то образом меня одурачила, а потом тихонько выскользнула из дома. Все это выглядело весьма правдоподобно, кроме одного «но» – Сашка никогда ранее не увлекалась подобными розыгрышами. Хотя да, надо иногда с чего-то начинать. Возможно, воображаемая собака была пробным камнем, проверкой – смогу ли я ей поверить.

Ох, Сашка, ну только вернись домой, я уж тебя пропесочу. И даже оправдание, что

тебе скучно, не приму.

Я вернулся за стол и взял в руки фотоаппарат.

Но не успел я включить ушедшую в режим сна технику, как новый скрип заставил меня поднять голову.

На этот раз это была дверца шкафа.

Она медленно, словно с опаской, открывалась.

Ну конечно, на этот раз Сашка уже была ни при чем. Рассохшееся дерево – вот и все.

Дверца открылась до конца и моему взгляду предстала куча книг, наваленных в хаотичном беспорядке. Я не страдаю особым чистоплюйством, но напоминание об этом меня не радует.

Поэтому я встал и прикрыл ее.

Не успел я сесть за стол, как она снова открылась.

Я снова встал и прикрыл ее.

Она открылась снова.

Я припер ее стулом.

Вернулся за стол.

Не успел я включить аппарат, как стул с грохотом упал.

Дверца медленно открывалась.

А потом так же медленно стала закрываться.

Я сглотнул.

Мне стало жутко.

И чтобы отвлечься, перевел взгляд на экран фотоаппарата.

И почувствовал, как мои ноги похолодели.

Там, на экране фотоаппарата, в той комнате, что здесь была – исключая меня – абсолютно пуста, стояла женщина.

Стояла и открывала и закрывала дверцу шкафа.

И в такт этому так же открывалась и закрывалась дверца в моей комнате.

А потом женщина оглянулась.

Да-да, оглянулась – на меня, на меня, наблюдающего за ней на экране. Словно тот на самом деле был окном, через которое она могла меня увидеть.

У меня онемели щеки, похолодел кончик носа, а в спину словно вбили кол – и пальцы, пальцы вцепились в фотоаппарат так, словно без этого я бы упал.

И ни одной мысли не осталось в моей голове.

Я просто сидел и смотрел, как она приближается.

Она.

Красивая – безумно красивая – женщина.

Та самая, которую я тогда сфотографировал первым кадром на этой карточке.

И что-то поблескивало у нее на лице.

Только это был не пирсинг.

Нет, ни в коем пирсинг.

Просто потому что тут не делают пирсинг.

На металлических носах не делают пирсинги.

Она подошла совсем близко – так, что лицо заполнило практически весь экран.

А потом подняла руку и поскребла ногтями.

С той стороны.

Нет, не ногтями.

Человеческие ногти не бывают такими длинными.

И металлическими.

А потом размахнулась.

И ударила с той стороны по стеклу экрана.

Фотоаппарат выдернуло у меня из рук и отшвырнуло к стене.

Я сидел в одном конце комнаты и сжимал в руках тесак для мяса – самое опасное, что смог найти. Фотоаппарат лежал в другом конце – накрытый ведром.

Я пытался найти объяснения произошедшему и не мог. А может быть, боялся их найти.

На столе началось какое-то движение.

Я осторожно перевел взгляд.

Рыбка в аквариуме судорожно дергалась.

А потом перевернулась на спину и из ее распоротого брюшка потянулись тонкие темные ниточки внутренностей.

В коридоре что-то зашуршало.

Я сжал тесак и повернулся лицом к двери.

В замке провернулся ключ.

Я перехватил тесак поудобнее и поднял его.

– Дядя Паша? – раздался тонкий девичий голос.

Я спрятал тесак за спину и вышел в коридор.

Сашка стояла на пороге и задумчиво глядела на пол.

– Дядя Паша, а зачем ты коврик передвинул?

Резиновый коврик, который по старой привычке постоянно прикрывался газетой, был сдвинут на полметра. И газета была разорвана. На длинные полосы.

– Запнулся, – внезапно охрипшим голосом сказал я. – Я запнулся, Саш.

Она внимательно посмотрела на меня, подтянула коврик на место и стала разуваться.

– В темноте шел и запнулся, – зачем-то пояснил я, думая о том, как бы вернуться в кухню так, чтобы девочка не заметила тесак за спиной. Это было бы мне объяснить гораздо сложнее.

– Да ладно, бывает, – она пожала плечами и скинула сандалию.

– Саш, – как бы невзначай сказал я, осторожно пятясь назад и делая вид, что изучаю направление трещин в потолке. – Саш, скажи... а ничего в последнее время странного не случилось?

– Чего именно – странного? – скинула она вторую сандалию.

– Ну я не знаю... что-нибудь открывалось, когда ты это не трогала, или же...

Сашка непонимающе смотрела на меня. Ах, ну да, собственно, чего это я. Ребенка, у которого живет воображаемая собака, сложно удивить открывающимися шкафами.

В соседней комнате бубнил телевизор, а я сидел за столом и крутил в руках выключенный фотоаппарат.

Всему должно быть свое объяснение, да. Ну и как оно там, бритва Оккама, что ли. Не нужно плодить сущности сверх имеющихся, как-то так. Половина всего происходящего – у нас в головах. Вот взять, например, ту же Сашкину воображаемую собаку. Племянница хочет думать, что та существует – и та существует. В ее голове, разумеется. Но при этом довольно успешно.

Может быть, мне хочется думать, что что-то происходит – и вот оно происходит. Хотя

нет, как можно хотеть, чтобы такое происходило... Скорее всего, тут чуть иное – я просто себя убедил, что такое может происходить. А всему есть рациональное объяснение. Лицо в окне? Ну так почему бы и в самом деле не полиэтиленовый пакет? Следы на подоконнике? Голуби вытоптали. Дверцы шкафа? Сквозняк. Туда же, к сквозняку, приплюсуем и сдвинутый коврик. Пуфик? Ну может я сам загнулся и не заметил, или же та же Сашка. Рыбка? Обожралась, лопнула и сдохла. Все! Вот так!

Я удовлетворенно откинулся в кресле.

А то, что я увидел на экране фотоаппарата – всего лишь игра света и тени. Плюс мои взвинченные нервы. Вот так все просто.

Спасибо, доктор. Не за что, пациент.

И тут в дверь поскреблись.

Не позвонили, не постучали, а именно поскреблись – явственно и отчетливо.

Доктор позорно сбежал и остался лишь насмерть перепуганный пациент.

Мне почему-то невероятно захотелось крикнуть Сашке, чтобы та открыла дверь – но я тут же отдернул себя – как так можно думать вообще, сваливать опасность на ребенка.

В дверь снова поскреблись.

Может быть, сделать вид, что я ничего не слышу? Или что вообще дома никого нет?

Ну вот нет и все! А на нет – и суда нет!

И тут в дверь постучались. Сильно, отчетливо – и это был не характерный глухой звук кулака, а словно кто-то орудовал увесистой деревянной колотушкой.

Я затаил дыхание. Нас нет дома. Нас нет дома. Нас нет дома, нет дома, нет дома, нет дома, нетдома, нетдома, нетдома, нетдоманетдоманетдома...

– ДядьПаш! Кто-то пришел! – звонко закричала Сашка из комнаты.

Я вздохнул. Ну да, все верно. Акселерат-акселератом, а правило «не открывай дверь незнакомцам» работает для всех.

Стук раздался еще отчетливее.

Ну разумеется, человек за дверью услышал сашкин крик. Смысл уже притворяться.

Я встал и вышел в коридор.

– Кто там? – стараясь придать голосу твердость, спросил я.

Молчание.

И снова – сильный, напористый стук.

– Да что надо-то! – заорал я и распахнул дверь.

На пороге стоял давешний лысый мальчик.

– Ох ты ж... – начал я и тут же прикусил себе язык. Ругаться в присутствии ребенка у меня не хватило духу. – Ты что тут делаешь?

Мальчик молчал и смотрел на меня снизу вверх, сверля глазами.

– Хорошо, поставим вопрос по-другому, – медленно начал я, удерживаясь от того, чтобы не взять его за шкуру и не отнести подальше от своей двери. – Что тебе от меня надо?

Мальчик наклонил голову набок – как сова – и поманил меня рукой.

– Ну уж нет, – сказал я. – Нет.

Он продолжал манить.

– Я сказал – нет, – дрогнувшим голосом выпалил я и захлопнул дверь.

«А может, ему нужна была помощь» – мелькнуло у меня в голове позднее раскаяние. – «Может быть, у него беда какая-то приключилась. А он немой и не может нормально позвать на помощь»

«Да какой немой» – тут же перебила другая мысль. – «Сашка же говорила, что он с ними шутил и веселился»

«Она не говорила, что шутил» – услужливо подсунула память. – «Она сказала, что с ним смешно и он забавный. А веселить можно без помощи слов».

Я вздохнул и сдался.

Выглянул в глазок.

Как я тайно и надеялся, на площадке перед дверью никого не было.

– Ну вот, – с облегчением сказал я себе. – Видишь, ему не так уж и нужна твоя помощь. Иначе бы он позвонил в звонок. Или же, – быстренько я перебил голос рассудка, который чуть было не предположил, что мальчик мог и не дотянуться до звонка. – Или же снова постучал бы в дверь.

Чтобы окончательно закрепить уверенность в том, что тот ушел, я распахнул дверь.

И чуть не вывалился назад, в квартиру.

Мальчик стоял и смотрел на меня.

А потом медленно поднял руку и поманил.

– Хорошо, – сдался я. – Хорошо. Только возьму что-нибудь, не возражаешь?

Судя по его молчанию, он не возражал.

Я бросился на кухню, споткнувшись о половик – который, готов поклясться, здесь не лежал пять минут назад! – больно ударился коленом, вскочил и, прихрамывая, добежал до кухонного шкафчика. Рванул на себя ящик, быстро перебрал находившиеся там предметы, прикидывая некоторые на руке. Тесак? Нет, не пойдет. Конечно, если что, то он наиболее... действенен...но при этом его попросту некуда спрятать. А человек с тесаком – уже вызовет вопросы. Нож? Какой из них? Вот этот, длинный и тонкий? А если сломается? Вот этот – обычный? Да нет, слишком короткое лезвие. Или вот.. да нет, это вообще для масла, не нож, а смех один. Да и слишком как-то...нож.. ну не смогу я ударить ножом, не смогу... Или же... Да нет. Кроме того, даже такой некуда убрать.

Или же... я прикинул на руке киянку для отбивки мяса. Или же...

Да!

Я метнулся в ванную, выгреб весь мусор, который лежал под ванной вот уже лет тридцать, а то и больше и, наконец, вытащил покрытый паутиной и какой-то слизью – видимо, что-то протекало сверху – молоток. Прикинул его на руке. Пойдет, да.

Я убрал его за пояс джинсов, выпростал футболку. Пойдет. Лучше все равно ничего нет.

Когда я подошел к двери, еще теплилась надежда, что мальчик уже ушел.

Зря. Он стоял и смотрел на меня в упор.

– Саш, я сейчас приду! – крикнул я.

– Ага! – донеслось из комнаты.

– Никому не открывай!

– Ага!

Мальчик вел меня какими-то окольными путями – как мне показалось, для того, чтобы не сталкиваться с людьми. Он шел впереди меня очень странной походкой – очень плавной, и в тот же момент вихляющей, словно его ноги обходили какие-то невидимые препятствия в тот самый момент, когда тело оставалось неподвижным.

Я никогда не видел, чтобы так шли. И тем более – чтобы шли с такой скоростью. Я – сдававший все университетские нормативы чуть ли не лучше всех остальных – запыхался и сопел, пытаясь восстановить дыхание. Он же продолжал идти так, словно мы только начали путь.

– Мы за город, что ли? – чуть ли не выкрикнул я.

Он посмотрел на меня, и я споткнулся. Потому что он посмотрел на меня не останавливаясь, не сбиваясь с шага – каким бы тот у него ни был – и даже не оборачиваясь. Он просто повернул голову на 180 градусов, покачал ею – и так же спокойно вернул ее назад.

Остаток пути я проделал в полном молчании.

Мальчик привел меня к какому-то старому дому, ввел в подъезд, поднялся на третий этаж и остановился перед дверью, обитой пожелтевшим от времени, а когда-то бежевым, дерматином

И так же молча протянул руку, указывая, что именно это и была цель нашего пути.

– И? – спросил я. – Мне позвонить?

Мальчик молчал.

Я пожал плечами и нажал кнопку звонка.

– А теперь что... – начал я, поворачиваясь к мальчику.

Но рядом со мной никого не было.

За дверью раздался неприятный скрип, от которого у меня свело челюсти, рука потянулась к молотку за поясом, а ноги сами собой сделали шаг назад. В замке завозились. Я отступил еще на шаг, осторожно вытащил молоток и держал его за спиной – наизготовку.

Дверь начала медленно открываться – я покачал молотком, проверяя, как быстро смогу сделать замах в случае чего.

Дверь открылась – и мой взгляд уперся в пустоту.

Передо мной был коридор обычной хрущевки, каких много строили в этом районе. Обшарпанные бумажные обои с расхожим псевдо-барочным рисунком, старый – возможно, даже самодельный – шкаф с наклеенным на него календарем тридцатилетней давности, судя по всему, сохраненным исключительно ради рисунка – фотографии какой-то девушки в купальнике – вдалеке дверь ванной и, судя по всему, поворот на кухню.

Я сжал рукоятку молотка.

– Чем могу быть полезен? – спросили меня откуда-то снизу.

Я отскочил и только сейчас разглядел, хозяина квартиры, которые, оказывается, все это время был рядом.

Это был пожилой человек – скорее, даже старик – мне сложно определять возраст людей после эдак пятидесяти, я могу оперировать только категориями «старый», «очень старый», «как он еще живет». Так вот – хозяин был просто «старый». У него были абсолютно седые волосы, тоненькие старомодные очки в золотой оправе и еще более старомодная бородка клинышком. В общем, типичный, шаблонный профессор-академик из старых советских, еще довоенных, фильмов. Только с одним нюансом. Тамошние профессора-академики – как, впрочем, и все персонажи – были абсолютно здоровыми людьми. Этот же был карликом в инвалидном кресле.

Мне почему-то стало безумно стыдно и я начал торопливо засовывать молоток обратно за пояс, понимая при этом, как я глупо выгляжу.

– Чем могу быть полезен? – спокойно, без раздражения, повторил старик. Кажется, его даже забавляло мое замешательство.

– Мнэээ... – я сделал неопределенный жест рукой зачем-то в сторону лестницы. – Вы уж это... извините меня, пожалуйста... просто тут мальчик...

– Какой мальчик?

Я снова помахал рукой.

– Такой... лысый.

– А, – сказал старик и задумался. – Так это вы.

– Кто – я? – осторожно спросил я.

– Ну вы, который...

– Что я?

– Пройдемте, – поманил меня старик.

Я помялся на пороге.

– Давайте, давайте, – приободрил меня хозяин. – Вам тут ничего не угрожает...

Я кисло улыбнулся.

Хозяин ловко развернулся и поехал в глубь квартиры. И я услышал тот самый скрип, который так напугал меня пару минут назад. Мне снова стало безумно стыдно.

— ...во всяком случае, более того, что вам и так уже угрожает, — донеслось из кресла.

Хозяин осторожно прихлебывал чай из пиалы — для меня же было слишком горячо, поэтому я осторожно водил пальцами по краю чашки, как часто в гостях, попадая в неловкую ситуацию, то ли пить, обжигая язык и стараясь не морщиться, то ли тянуть время и отвечать на вопросы хозяев торопливым «пью-пью».

— Понимаете... — начал я осторожно. — Тут такая ситуация... я понимаю, глупо звучит...

— Очень многие мудрейшие вещи выглядят как совершеннейшая глупость, — улыбнулся хозяин, став похож на сытого кота.

— Ну это само собой, — кивнул я, не желая вдаваться в демагогию. Я уже привык к тому, что местные аксакалы очень любили потрындеть за жизнь и пожонглировать обтекаемыми фразами. Некоторые из них могли бы с успехом сдать экзамен по философии — если бы знали о существовании такого предмета.

— Ну так что? — карлик откинулся в кресле и сцепил руки перед собой.

— Понимаете, я вообще несколько не местный, — решил начать я издалека.

— Несколько? Мне кажется, что это слово тут не подходит. Человек может быть или местным — или неместным. Третьего не дано.

— Ну послушайте, какая разница? Ну я приезжий, живу тут с начала лета, скорее всего, через месяц уеду, какая разница?

— Огромнейшая! — поднял палец хозяин. — Огромнейшая. Вы не просто не местный — но вы и не собираетесь становиться местным.

— Ну.

— То есть вы попросту чужой. Продолжайте.

— Да нечего продолжать, — угрюмо сказал я. Мне уже не хотелось ничего рассказывать. — Ко мне пришел лысый мальчик и захотел, чтобы я шел за ним. Я пошел. Он привел меня к вам. Если я ошибся, извините, я пойду.

— Вы, конечно, ошиблись, — кивнул старик. — Только вы никуда не пойдете.

Его мягкий тон мне не понравился. Я сразу вспомнил огромное количество фильмов ужасов, где как раз вот такие же благообразные интеллигентные обыватели расчленили опрометчиво забредших к ним жертв и сопровождали свое действие вот как раз таким вот мягким тоном. Я поерзал на диване. Рукоятка молотка уперлась мне в поясницу.

— Что вы хотите этим сказать, — как можно более безмятежным тоном переспросил я.

— Всего лишь то, что вы ошиблись. И что вы никуда не пойдете.

— В чем я ошибся? И почему не пойду? — рукоятка, наверное, уже обеспечила мне синяк, но она придавала мне смелости.

— Ошиблись в том, что случайно сделали то, что ни в коем случае не надо было делать. А не пойдете потому, что вас с тех пор преследуют всякие непонятные вещи. И вы бы хотели от них избавиться.

Я, в этот момент дувший на чай, чуть не выронил пиалу из рук.

— Откуда вы знаете?

— Мне рассказали, — уклончиво, даже слишком уклончиво ответил хозяин.

— Кто? Сашка? — хотя нет, какое отношение могла иметь моя племянница к этому человеку... но мальчик... как общий знакомый?

— Скорее, некоторые из тех, кто вас преследует.

— Кто они?

— Прежде чем ответить на ваш вопрос, — старик наклонился вперед и внимательно посмотрел мне в глаза. — Я хотел бы задать вам свой. Верите ли вы в духов?

– Духи – нечто более сложное, чем мы можем себе даже представить, – говорил старик, задумчиво прихлебывая чай, словно речь шла о каких-то обыденных вещах. – Иногда о них стоит думать так же, как и о людях. Например, в вашем случае.

– В моем?

– Именно так. Возможно, что самое главное отличие их от людей – не в каких-то сверхъестественных особенностях или еще в чем-то подобном, нет. Самое главное – в том, что они чувствуют все то же, что могут чувствовать люди – но в сотни раз сильнее. И показывают свои эмоции так же, как и люди – но тоже в сотни раз сильнее. И все.

– Это прекрасная гипотеза, да, – кивнул я.

– Это была бы гипотеза, если бы я написал по поводу этого диссертацию, – нехотя сказал он. – Но понимаете, советское время, все такое... да и сейчас вряд ли бы кто серьезно бы воспринял эту тему.

– Да уж, – усмехнулся я.

– Я бы на вашем месте не улыбался бы, – сухо сказал старик. – Потому что к вам эта тема сейчас относится непосредственно. И кажется, не с самой приятной своей стороны.

– Вы хотите сказать, что я как-то связан с духами?

– Я не хочу вам это сказать, – спокойно ответил старик. – Я это говорю вам это уже последние полчаса.

– Но...как?

– Механизм связи человека с духами малоисследован, сами понимаете...

– Да я не про это! С чего вы это взяли?

– А что, с вами не происходило ничего необычного в последние дни? Или даже... день? – вкрадчиво спросил он.

Я промолчал.

– Ну вот видите, – развел он руками.

– Но как вы...узнали?

– Я же сказал, – покачал головой он. – Мир духов очень похож на мир людей. В нем тоже есть сплетни. И клеветы. И даже интриги.

Он сидел в кресле ко мне спиной, смотрел в окно и говорил, говорил, говорил.

А я верил ему.

Мне просто больше ничего не оставалось.

– Надеюсь, вы знаете о том, что многие племена, ведущие первобытнообщинный образ жизни, испытывают панический страх перед тем, что их облик могут как-то запечатлеть? Джеймс Фрэзер в своей «Золотой ветви» приводит примеры того, как эскимосы нижнего течения реки Юкон в панике убегали от видеооператора, того, как пять дней приходилось уговаривать тепехуанов Мексики, чтобы те попозировали фотографу... Да что там они – как старухи с греческого острова Карпатос очень сердились, когда их рисовали! Много таких примеров, очень много... А довод у всех этих людей, проживавших и проживающих в самых разных частях света, один – они не хотят, чтобы их душа осталась на изображении. Дальше там идут разные нюансы – от того, что фотограф или художник может унести эту душу с собой и сотворить с ней что-то дурное – до того, что уже сам факт того, что душа отрывается от тела, может нанести человеку вред.

– Я слышал что-то подобное, да – но в общих чертах. И?

– А теперь немного подумайте – а что, если это правда? Что, если действительно, в каждом нашем изображении живет наша душа? Что, если действительно, каждая фотография забирает ее с собой? Или не ее всю – а хотя бы ее частицу?

– Ну тогда практически все люди в мире были бы без душ – или имели их, разорванными среди миллионов фотографий, – возразил я. – Вы только представьте, сколько сейчас среднестатистический человек имеет своих изображений!

- Ну может быть человеческая душа регенерируется, – пожал он плечами.
- Тоже хорошая гипотеза, – кисло улыбнулся я.
- Но это уже мелочи, – махнул он рукой. – Я хочу сказать про совершенно другое.

Ведь если даже у человека душа может уходить в снимок – то что будет с существом, который сам – сплошная душа?

– Как я предполагаю, – продолжал он. – Оно случайно попало в ваш кадр. Может быть, вы застали его врасплох, а может быть, оно просто было любопытно и захотело узнать, что потом будет. Но как бы то ни было, вы его сфотографировали.

– Это женщина, – сказал я. – Это очень красивая женщина. С... – я сглотнул. – С металлическим носом.

– Латунным, – кивнул карлик. – У жезтырнам нос латунный. Это связано с тем, что латунь в Казахстане...

– Да неважно, – перебил его я. – Что дальше-то делать?

– Это зависит от того, чего она хочет. И того, что хотят другие.

– Другие? Какие другие?

– Ну я полагаю, что вы видели много необычного в последнее время... – снова этот вкрадчивый тон.

– Мебель, – признался я. – Мебель передвигается. Даже на моих глазах. Рыбка умерла. Еще... лицо в окне, да... шорохи...

– Лицо в окне – это кто-то из абилетов, – снова кивнул он. – Они почуяли проход и заинтересовались им.

– Абилеты?

– Не берите в голову, – махнул он. – Видите ли... у меня все предки были шаманами, по обеим линиям... такая... профдинастия можно сказать, – он криво усмехнулся. – Но революция, то-се, ссылки, лагеря, религия – опиум... ну и все такое прочее. Так что я просто доктор исторических наук. Хотя лекции по степени введения в транс могут поспорить с шаманским камланием...гм... Но мы отвлеклись от темы. Итак, жезтырнам, какой-то абилет... может, даже и не один...

– Рыбка, – напомнил я.

– Рыбка, – повторил он. – И мебель. Это может быть тоже абилет, а может и нет... Скажите... – задумчиво произнес он. – Вы не можете вспомнить... Вы случайно в тот день этим же фотоаппаратом рыбку не снимали?

– Снимал, – кивнул я. – И...

Я вдруг замолчал и похолодел. У меня возникло чувство, будто все сходится – но сходится так, что лучше бы и не сходилось.

– Что такое? – обеспокоенно спросил профессор.

– И мебель.. – пробормотал я. – Я ее тоже... того... фотографировал... на эту же карточку...

– Ну-ка, ну-ка... – наклонился он вперед. – А вот теперь давайте вы расскажите. И поподробнее.

– Ах, вот оно как... – протянул он, когда я закончил рассказ. – Я и не предполагал, что все так...

– Так – это как? – осторожно уточнил я.

– Давайте, будем считать, что просто «так», – уклончиво ответил он. – Не думаю, что вы действительно хотите знать, с чем столкнулись.

Я покопался в своих ощущениях и понял, что да, не хочу.

– Она может управлять тем, что на тех фотографиях. Не знаю, каким образом – точнее, как это объяснить с точки зрения науки – вероятно, все связано именно с этими душами

предметов... и она, находясь там, может воздействовать через эти души на их оригиналы... интересно-интересно...

– Чрезвычайно интересно, – мрачно ответил я. – То есть, теперь у меня пожизненный полтергейст?

– Не совсем, – покачал головой он. – Полтергейст, если вам угодно называть подобных существ так, действуют в рамках всего помещения. То же, с чем столкнулись вы, может оперировать лишь тем, что было сфотографировано – и ни на сантиметр в сторону.

– Забавно, – усмехнулся я.

– Ничуть, – хмуро ответил профессор. – Скажите, вы кроме рыбки никого больше из живых не фотографировали на ту карточку?

– Нет.

– Это хорошо. Значит, никто, скорее всего, кроме вашей рыбки не пострадает.

– Скорее всего?

Он промолчал.

– Скорее всего?

– Мы слегка ушли от темы, что я начал, – несколько нехотя сказал он. – Видите ли, все эти...существа, что стали приходить к вам... они же приходят не просто так...

– Я почему-то так и понял, – мрачно ответил я. – И чего они хотят?

– Чтобы вы их тоже сфотографировали, – спокойно ответил он.

– Они собираются вокруг вас, потому что думают, что путь только тут. Во всяком случае, знакомый путь...

– А кто этот мальчик? – вдруг не к месту вспомнил я.

– Какой?

– Ну тот, что меня привел...лысый такой?

– А, этот... – махнул рукой профессор. – Это тазша.

– Тазша?

– Да. Ничего особенного, он из потустороннего мира.

– А, – сказал я.

– Они боятся.. они все боятся нового мира – вашего мира. Разве вы не видите, что их мир уходит? Умирают старые шаманы, леса вырубаются...никто не пасет стада, охотники реже ходят в леса. Их мир умирает – и они не могут перейти в ваш, они не знают как. А вы случайно впустили туда жезтырнам. Думаю, что поначалу ей это не понравилось...

– У меня упал фотоаппарат, – вспомнил я.

– Да, ей не понравилось, – кивнул он. – А потом она привыкла. Даже вошла во вкус... И они тоже почуяли это.

– Что «это»?

– Они поняли, что могут перейти в новый мир. Пока они поняли, что ей это удалось через вашу камеру – вот вы и видели их. Но когда-нибудь они поймут, что и через другие вещи... Не дай Бог, если они поймут, что есть другие вещи и иные пути...

– И что мне делать?

– Выгнать жезтырнам. Уничтожить карту.

– И это все?

– Не знаю. Будем надеяться, что они еще не научились. Они все злы и обижены – и не на кого-то конкретно, а на всех вас. И убийство кого-то из вас может быть всего лишь мстью вам за какую-то давнишнюю обиду.

– Всего лишь?

– Да, – пожал он плечами. – Для них это «всего лишь». Для многих из них то, что связано с вами – «всего лишь». Но не то, что связано с ними.

– Это.. Это неправильно..

– У мира духов свои правила, – усмехнулся он. – И даже их они нередко не соблюдают.

Ты думаешь, тазша привел тебя потому, что обеспокоен за людей?

– Я ничего не думаю, - мрачно ответил я.

– Тазше наплевать на людей. Он шутник, весельчак – он любит развлекать детей, но до тех пор, пока ему это нравится. Во всем остальном ему на вас наплевать – как и многим там, откуда он пришел. Но ему – и многим там, откуда он пришел, – не понравилось то, что появился проход. И еще больше не понравилось то, что другие стали искать этот проход.

– Почему?

– Не знаю, - пожал он плечами. – Это их внутренние интриги. И именно в этом случае как нигде к месту поговорка «Меньше знаешь, крепче спишь».

Я кивнул головой. Вот с этим я был абсолютно согласен.

– Хорошо, - махнул он рукой. – Идите, приносите карточку. Только быстрее, пожалуйста. Мало ли что...

– Кстати, – спросил я его на пороге. – Вы тогда спросили меня, верю ли я в духов. А если бы я сказал: «Не верю»?

– Я бы ответил: «Придется поверить», – просто сказал он.

Я ворвался в подъезд, взлетел вверх по лестнице и чуть не сломал ключ, яростно рвя его в замке.

Уже в коридоре я краем глаза увидел, что диск телефона вырван и висит на жилках проводов – точь-в-точь таких же, как кишки рыбки.

Я вбежал в комнату.

И похолодел.

Ведро было перевернуто.

Фотоаппарата под ним не было.

– Сашка... – дорожащим голосом позвал я. – Сашка!

– ДядьПаш, идите сюда! – весело откликнулась она.

На негнущихся ватных ногах, боясь даже подумать о том, что я могу увидеть, я практически проковылял в ее комнату.

Девчушка стояла напротив стены с ковром и держала в руках фотоаппарат, словно что-то хотела заснять.

– Брось фотик! Брось! – крикнул я.

Мелькнула вспышка. Сашка подняла на меня удивленные глаза.

– Что ты сфотографировала, что? – бросился я к ней, схватил за плечи и начал трясти.

– Собаку... – испуганно пролепетала она.

– Какую собаку?

– Мою...

– Но зачем, зачем?

– Вдруг вы сможете ее увидеть...

Я схватил фотоаппарат и глянул на экран.

На нем на фоне стены с ковром была запечатлена небольшая лохматая собака.

– Смотри, дядьПаш! – торжествующе вскрикнула Сашка. – Вот она, вот она! Это у вас какой-то особенный фотоаппарат, да?

Я молчал.

И больше всего на свете мне сейчас хотелось отшвырнуть технику в сторону, сгрести Сашку в охапку и бежать куда глаза глядят.

Потому что я видел, как справа, из рамки фотографии к собаке тянутся длинные, запачканные чем-то темным, тускло поблескивающие когти. А потом хватают ее и куда-то волочат. Собака беззвучно огрызает и пытается вырваться, но все бесполезно. И вот уже только клочок лохматой шерсти мелькает за рамкой...

Сашка вскрикнула.

– Что такое? – опустился я перед ней на колени.

– Живот... - скорчилась она. - Болит...

– Где?

Она указала на правый бок. Аппендицит? Или он слева? Да какая разница, его же ей все равно вырезали в прошлом году!

Я бросился было к телефону – но кроме сломанного диска руки наткнулись на скученную в жгут трубку. Хотя какой телефон... тут же нет скорых, только больница на окраине.

Или же...

Я медленно повернулся к фотоаппарату, который валялся на полу, около всхлипывавшей Сашки.

Или же тут совсем не больница нужна?

– Что случилось? – обеспокоено спросил карлик.

Я ввалился в его квартиру, прижимая всхлипывающую Сашку к себе, и сбивчиво пересказал все.

– Ясно, – быстро сказал он. – Ясно.

– Что это? Это...как-то связано?

– Собака... – забормотал он, отчасти обращаясь ко мне, отчасти просто разговаривая вслух. – Собака... двойник человека... близнечная пара... говорят, что даже душа... я думал, что такое теперь уже не встречается... какой любопытный случай... ах, какой любопытный случай!

О, я знал этот огонек в глазах, слишком хорошо знал! Мои родственнички с таким огоньком забывали есть и пить, днями просиживая над научными выкладками. И сейчас, в этой ситуации, подобный огонек был явно неуместен.

Я схватил калеку за плечи и сильно потрянул.

– Какой любопытный? Какой случай?

Он поднял на меня глаза, огонек стал чуть потухать и взгляд начал обретать ясность.

– Собака, – спокойно, даже слишком спокойно пояснил он. – В тюркской мифологии двойник, близнец – в особых случаях даже душа – человека.

– Это чудесно, – заорал я. – Я очень рад за тюрков. Но как это касается нас?

– У меня есть все основания предполагать, – его тон стал приобретать менторский оттенок лектора, – что воображаемая собака вашей племянницы являлась олицетворением ее души. Собственно, бытует предположения, что таковыми являются все воображаемые друзья детей... что это некоторый механизм расщепления...

– К черту других детей и туда же расщепление, – заорал я. – Сейчас в чем дело?

– А сейчас жезтырнам забрала душу вашей племянницы, вот и все, – пожал он плечами, словно ему стало интересно.

– И?

– Что «и»?

– И что дальше?

– Я же сказал: «вот и все» - терпеливо пояснил он. – Умрет она, разве непонятно.

Я судорожно сглотнул.

– К-как это?

– Ну я не знаю, как... - покачал он головой. – Подобные случаи, конечно, описывались в фольклоре, но...

Я заскрежетал зубами.

– Но все равно общего знаменателя нет, – поняв намек, заторопился он. – Есть такие понятия, как кут и сюр...

Я сжал кулаки.

– Хорошо, – обреченно проговорил профессор. – Хорошо, я попробую.

Сашка уже не всхлипывала, а плакала навзрыд. Я же скептически смотрел на пучки трав, которые калека раскладывал на письменном столе.

– Это лекарство? – спросил я.

– Можно сказать и так, – уклончиво ответил он.

– А как это на самом деле?

– А на самом деле это то, что поможет вам перейти к жезтырнак.

– Что-что сделать?

– Перейти к ней, – терпеливо повторил он.

– Мне?

– А больше некому.

– А вы?

– Во-первых, я не шаман.

– Но к вам ходят духи! И этот.. как его... лысый Таз!

– Потому что им больше не к кому ходить! Потому что половина шаманов – самозванцы, шарлатаны, жулики, собравшие свой костюм из тряпок с ближайшей барахолки, а свои молитвы – из огрызков слов, значений которых они не понимают, да и нет уже давно этих значений! Они приходят ко мне, потому что им больше не к кому прийти!

Профессор поджег пучки. В комнате потянуло терпким, но сладковатым запахом.

– А какие-то еще варианты есть? – спросил я, наблюдая за дымом и чувствуя, как у меня слипаются глаза.

– Есть, – кивнул он.

– Какие?

– Отвезти вашу племянницу в больницу.

– И?

– И думать, как объяснить родителям ее смерть.

Реальность начала плыть.

Его голос доносился до меня откуда-то издалека, как через плотное полотно.

– Но вы же меня оттуда заберете?

– Как-нибудь да извлеку, – уклончиво ответил он.

– Это как понимать?

– Так, что, может быть, вы явитесь суда по кусочкам.

– А потом вы меня соберете, польете живой водой и я оживу? – попытался пошутить я.

Что мне еще оставалось?

– Нет, – серьезно ответил он. – Это сказки.

А потом щелкнула вспышка фотоаппарата.

И меня поглотила темнота.

Я открыл глаза.

Передо мной была стена в квартире профессора – кусок обоев и застекленный шкаф с книгами.

Я повернулся.

Передо мной снова была та же стена.

Кусок обоев и застекленный шкаф с книгами.

Я несколько раз провернулся вокруг своей оси – но ничего не менялось.

Кусок обоев и застекленный шкаф с книгами.

Я провернулся еще раз.

И столкнулся лицом к лицу с женщиной.

Ее латунный нос тускло поблескивал.

– Привет, – сказал я ей.

Она смотрела на меня, наклонив голову – точь-в-точь как тот мальчик, таз... как его звали?

– Не надо, – сказал я.

Она молча продолжала смотреть на меня.

А потом она открыла рот.

И закричала.

Я успел зажать уши руками, но даже так меня скрутило болью вплоть до желудка.

Я упал на колени.

Я не слышал ничего, но чувствовал, как на меня осыпаются осколки стекол из шкафа, вспучиваются обои.

Когда я поднял голову, ее уже не было.

Только что-то колыхалось там, где-то внутри – где-то в глубине куска обоев и застекленного шкафа с книгами.

Я протянул руку.

И прошел сквозь.

Я шел сквозь долго, бесконечно долго, узнавая куски своей квартиры – тумбочка, телефон, шкаф... шкаф, тумбочка, телефон... и мозаика, рассыпанная и собранная в произвольном порядке.

А потом снова вышел сквозь.

И тут на меня навалился запах. Точнее даже вонь. Отвратительная, ужасная вонь, равной которой я еще не испытывал. Это был дичайшая смесь гнили, разложения и гноя, которая проникала через нос и растекалась липкой влагой в желудке.

Несколько длинных, невероятно длинных теней стояли и наблюдали за мной.

– Эй! – крикнул я. – Я ищу желтыр...жел.. Женщину с собакой!

Они продолжали молчать.

– Я не хочу причинить ей я зла... – пробормотал я, впрочем, понимая, как это глупо выглядит. Что я – человек – мог причинить им – духам или кто это там были они – да еще и на их территории? Скорее уж я должен молить их, чтобы они пропустили меня.

– Я могу пройти? – сказал я, пытаюсь придать голосу твердость.

Они молчали.

– Я хочу пройти.

Молчание.

– Я должен пройти.

Они не шевелились.

Может быть, они глухие? – мелькнуло у меня в голове. Почему бы не допустить такую возможность? Может, они не могут понять, что мне надо, потому что не могут понять, что я делаю.

Я медленно сделал шаг вперед.

Тени не шевелились.

Я сделал еще шаг.

Ничего.

Я украдкой – но тем не менее глубоко – вздохнул и пошел, пытаюсь придать своей походке уверенность. Я вспомнил старый совет, данный мне когда-то в детстве – не показывая собаке, что ты ее боишься. Те чуют страх – так может и эти...существа...могут его чутать.

Меня никто не преследовал.

А я не оглядывался.

Я шел через лабиринты, из стен которых тянулись руки, через улицы городов, в подворотнях которых за мной наблюдали тени, через лес, на ветках которых качались желтые глаза...

Я шел и шел, все время сквозь, не оглядываясь.

И даже не смотря вперед.

Просто шел.

Пока не понял, что все закончилось – и «сквозь» больше нет.

Это был какой-то хаос, нагромождение.

Уродливейшее порождение воспаленного рассудка.

Видимо, это были обрывки представлений о том, как выглядит наш мир и попытки вписать его в мир свой, существовавший когда-то и теперь исчезающий без следа.

И посередине всего этого стояла она.

И держала на руках поскуливавшего сашкиным голосом пса.

Она была красива. Она была бесспорно красива – и я даже не мог понять, чем, как, почему, и с чего я вообще в этот момент мог думать о красоте – и тем более, ее. Я даже не мог бы сказать, сколько ей лет – иногда мне казалось, что она совсем юна, а иногда, что уже вступила в пору бальзаковского возраста. Черты лица ее подрагивали и неуловимо менялись – и в этот же самый момент я чувствовал, как что-то щекочет меня в висках, под кожей. Неужели, пытается понять, какие женщины мне нравятся – мелькнуло в голове – чтобы подобрать подходящий облик? Но зачем? Или же она это делает безотчетно, повинувшись инстинкту – или что там вместо него у... у таких, как она?

У нее не выйдет. У нее ничего не выйдет – мне нравится совершенно иной тип. Совершенно. У нее никогда не получится стать шведкой – только потому, что она не понимает, кто это. Она пытается уловить смутные черты, да – и я даже вижу, как они мелькают у нее на лице – но от этого она становится невероятно жуткой...

– Я хочу забрать собаку, – сказал я.

Она прижала пса к себе.

– Отдай его мне.

Ее лицо исказилось – но в злобе ли или же в мольбе?

И она быстро отступила в темноту.

И тут я понял.

Боже мой, как же действительно страшно и одиноко было этому несчастному духу в нашем мире! Какой хаос творился в ее голове – и как она бесплодно пыталась хоть как-то систематизировать все. Она не могла понять, что происходит, что это такое – и как с этим быть. Она пыталась сравнивать все со знакомыми ей столетиями вещами – но даже те вещи изменились настолько, что она не могла с этим справиться.

Духи не злы, нет. Они просто испуганы, потеряны. И им нужна наша помощь. Они ищут нашу помощь – как могут, как умеют. И не их вина, что мы тоже боимся их.

И их обида уничтожает нас – и их возможность жить в мире.

Эти мысли бились в моей голове – и я не мог понять, мои ли это мысли, или же это она рассказывает мне все это.

– Я помогу тебе, – сказал я вслух. – Я понял тебя – и я помогу тебе.

«Хорошо» – прошелестело то ли вокруг, то ли в моей голове.

– Я расскажу тебе про этот мир. Не все, ты сама понимаешь, что я всего не знаю.

«Понимаю».

– Но хотя бы основы. И скажу, где и как найти остальное.

«Хорошо».

– Но я хочу кое-что взамен.

«Взамен?»

– Мне кажется, что это будет справедливо.

Молчание.

Я похолодел. Неужели я провалил переговоры.

– Мне нужно совсем немного! – спешно выкрикнул я.

«Немного?»

Уф, кажется, она еще тут. Хотя как она может быть не тут, когда я в ее голове – или что там может быть у духов?

– Я пришел за этим.

«За этим?»

Мне показалось, что разговор превращается в обычное эхо, что ей неинтересно меня слушать. То ли она поняла, к чему я клоню – то ли я ей надоел.

– Мне нужна собака!

«Собака».

– Та самая, которую ты забрала! Душа моей племянницы.

«Племянницы».

– Дочери моей сестры.

«Сестры».

– Отдай мне собаку – и я расскажу тебе все. Все, что смогу рассказать.

Молчание.

– Тебе никто больше не расскажет этого.

Молчание.

– Никто не сможет рассказать тебе этого – потому что никто больше не знает, что тебе это нужно.

Молчание.

Я ждал, затаив дыхание.

«Хорошо», – наконец прошелестело.

Из темноты выскочила собака. Я вцепился в ее шерсть и закрыл глаза.

«Рассказывай».

Я рассказывал очень долго, вздохнул, перепрыгивая с одного на другое.

И при этом чувствовал, как что-то копошилось у меня в голове.

Я говорил, а оно копошилось.

Я делал паузу – а оно копошилось.

Это длилось вечность.

А потом вечность закончилась.

«Хорошо», – мне показалось, или же в шелесте прозвучало удовлетворение?

Я открыл глаза.

Помещение было совсем другим. Все стало... правильным? Ровным? Нормальным? Предметы обрели верные очертания, рисунки на стенах – четкие края, и краски перестали быть словно разведенными в грязной луже.

– Я рад, что помог тебе, – честно сказал я. Наверное, так себя чувствует врач, излечивший пациента. Может, мне, и правда, потом пойти в психотерапию?

«Хорошо».

– Я могу идти.

«Хорошо».

Кажется, она меня теперь не слышала – и не слушала.

Я прижал собаку к груди – ту трясло мелкой дрожью – и стал пятиться назад.

«Хорошо».

Что-то вязкое обволокло меня и я, как был, спиной вперед, провалился в пустоту.

Теперь бы я описал профессора как «очень старый».

– Ну как, – взбудоражено спросил он. – Получилось?

Я посмотрел на свои руки. На них была пыль. А еще известка. А еще на них таял снег.

– Н-не знаю, – честно сказал я.

– Что там было?

– Она отдала мне собаку.

– Отдала? Сама?

– Да.

– Ты не убил ее?

– Кого? Собаку?

– Ее, идиот, ее! Жезтырнам!

– Нет.

– Странно, – задумался он. – Хотя... может все дело в том, что ты неместный. Может, на вас действуют иные правила...

– А как Сашка?

– Спит. Спит уже минут пятнадцать как.

– А сколько я там был?

– Полчаса.

Фотоаппарат мы завернули сначала в салфетку – а потом в плотную скатерть. Разбили его молотком, и я зарыл все под окнами профессора. Туда же, в эту же ямку я бросил и разломанную предварительно карточку.

– Думаю, что все теперь в порядке, – сказал карлик мне, когда мы прощались.

– Надеюсь, – ответил я.

– Но все-таки... почему она вам так просто отдала собаку? – задумчиво спросил он.

С ним мы больше не виделись.

Сашка окончательно выздоровела к вечеру того же дня.

Вскоре вернулись ее родители.

Она ничего не рассказала им – и я, разумеется, тоже.

Ничего странного в квартире больше не происходило.

Ноутбук я забрал из ремонта так и не починенным.

А потом мы уехали из этого городка.

С тех пор прошло уже полгода.

Я купил себе новый фотоаппарат и фотографирую так же часто.

Ничего странного не происходит.

Поначалу меня мучил тот последний вопрос старика – и я жалел, что не рассказал ему все. Может быть, тогда бы он объяснил мне, почему она так просто отдала мне собаку.

И особенно этот вопрос мучил меня потому, что мне казалось, что я продешевил.

Что я дал ей что-то такое невероятно большое и важное, что жизнь моей племянницы ее перестала интересовать. Что-то, что на самом деле стоило гораздо, гораздо больше.

И что-то, что я ни в коем случае не должен был давать.

А может быть, и нет.

Может, я просто спас племянницу.

Вот и все.

Эпилог.

Несколько месяцев спустя.

Лето уже прошло, практически закончилась и осень, и ветер гоняет пожухлую листву на улицах вместе со снежной поземкой. Темнеет теперь рано – полумрак уже постепенно заливает улицы и разрывается зажигающимися то там, то здесь окнами.

В фотоателье тихонько жужжит компьютер и мурлычет музыка из колонок.

Фотограф – парень с неухоженной бородкой, закинув ноги на подлокотник, небрежно развалился в кресле и что-то набирает на телефоне.

Вдруг он поднимает голову и чуть не падает на пол.

Перед ним стоит девушка, прячущая лицо в шубу.

– Я в-вас и н-не слышал, – заикась, произносит парень. – Что ж в-вы даже не постучались. Мы вот–вот закрываемся...

Девушка разочарованно пожимает плечами.

– Хотя.. – продолжает парень. – У нас есть еще пятнадцать минут.

Девушка кивает.

Фотограф суетится вокруг аппарата, выставляет свет, что-то делает в настройках.

– Вы не волнуйтесь, – бормочет он. – Даже если что-то на первый взгляд в исходниках не понравится, я все равно солью на комп и в фотошопе обработаю. Я всегда так делаю.

Девушка молчит и, глядя в зеркало, пудрит лицо и особенно нос.

На рабочем столе компьютера заставка – фотограф в обнимку с милой девчушкой.

– Извините, – смущается парень. – Я сейчас.

Он разворачивает на весь экран окно программы и находит нужную фотографию.

– А теперь давайте посмотрим, что у нас тут... У вас тут какой-то блик на носу...

вот...

Он поворачивается – но посетительницы уже нет.

Он переводит взгляд на фотографию, где под полустершейся пудрой бликует кончик носа.

Словно сделанный из металла.

Парень наклоняется поближе, чтобы разглядеть дефект снимка.

И мгновенно лицо его пересекают две окровавленные полосы.

Словно когтистая лапа распорола от уха до подбородка.

И из колонок доносится мягкий женский смех.

Черная церковь (Максим Кабир)

- Россия, - любила повторять бабка Арина. - Держится на трёх китах: Боге, Сталине и железных дорогах. Как сталинскую зону закрыли, так и ветку железнодорожную, что к зоне вела, бросили. А как дороги не стало, так и часть России, что от неё кормилась, померла.

В словах старухи была доля истины. Этот суровый таёжный край колонизировался в буквальном смысле: где появится колония строгого режима, туда и змеятся рельсы, там и цивилизация. Вглубь болот прокладывали путь зеки-первопроходцы, а по сторонам дороги возникали посёлки и целые города.

В 34-м от железной дороги Архангельск-Москва отпочковалась ведомственная ветка, не обозначенная ни на одной схеме. Вела она далеко на Юг, в закрытую тогда зону, и заканчивалась станцией 33 - в народе прозванной Трёшки. На Трёшках находился исправительно-трудовой лагерь, в котором бабка Арина во времена молодости была поварихой. Обслуживающий персонал лагеря проживал в рабочем посёлке Ленинск, но Арина поселилась южнее, в рыбацкой деревушке у полноводной реки Мокрова. Там живёт она по сей день с мужем Борисом, хотя и река уже не та, и лагеря больше нет. После того, как Трёшки закрыли, лагерный район опустел. Ветку за ненадобностью частично демонтировали, Ленинск, как и десятки других поселений, обезлюдил. Сегодня в рыбацкой деревне живут три человека: Арина с мужем, да старичок Кузьмич, их единственный сосед.

Тайга жадно пожирает брошенный кусок цивилизации. Зарастает мхом да кустарником дорога. Долгие зимы рушат пустые домики в посёлке. Трёшки ушли в лес, загородились стыдливо сосняком и лиственницей. Воплощенный в бесчисленных колониях Сталин канул в вечность, унеся за собой безымянные железнодорожные полосы.

- Вся надежда, что Бог удержит нашу Россию,- шепчет Арина, под Россией подразумевая себя, деда Бориса и Кузьмича, забытых на окраине Родины стариков.

А Мокрова бежит серебряным шнурком, впадая где-то в Северную Двину, и никуда не впадающие рельсы проглядывают под зеленью.

- Бог, говоришь, - качает головой Борис, показывая жене очередной улов.

Раньше в Мокрове рыбы водилось видимо-невидимо, и Борис тянул полные сети своими сильными загорелыми руками, а Арина любовалась, какой он у неё крепкий и красивый. Силы и в восемьдесят не покинули Бориса: мышцы молодецки выступали под дубленой кожей, когда он доставал улов. Но рыбы с тех пор в Мокрове поубавилось. А последнее время попадались какие-то калеки: то карася достанет слепого от рождения, то корюшку с костяными наростами на голове.

- Гляди, - показывает Борис и вовсе странный экземпляр, вроде краснопёрка, но прозрачная вся, кости видно сквозь железные бока, и глазных впадин не предусмотрено никаких. - Мутант, едрить его!

Арина ругает мужа за такие слова:

-Нечисть к ночи не поминай! А рыбу сожги, крестясь.

Борис подшучивал над недалёкой старухой, но улов бросает в костёр и крестится исподтишка.

А за Мокровой поднимается синим пламенем лес, и где-то в его недрах, в ядовитом болотном тумане, стоит Чёрная Церковь.

-Что вы знаете про Чёрную Церковь?- спрашивают стариков гости из Архангельска, принимая у Арины тарелки с ухой. Уху она делает их консервов, не доверяет больше реке.

В 2000ых они сюда зачастили - субтильные городские юноши и девушки с огромными рюкзаками и огромными фотоаппаратами. На арендованных "нивах" они приезжают в тайгу, чтобы запечатлеть брошенные города. Сталкерами себя кличут, да знают ли что про жизнь в мёртвой таёжной зоне?

Их маршрут обычно пролегает через Ленинск в Трёшки. Там и правда есть на что посмотреть. Арина, когда поясница не хватает, ходит на место бывшей работы ежевику собирать. В лагере всё осталось, как раньше: покидали его в спешке, никому из расформированного конвоя не хотелось задерживаться здесь. Бараки гниют, в них нары гниют, бумаги ценность потерявшие гниют, учебки и медсанчасти гниют. Скоро-скоро Трёшки станут перегноем, рухнут, как рухнула старая караульная вышка, и ничего не останется, лишь тайга.

Щёлкайте фотоаппаратами, пока можете, бледные городские дети.

Сегодня на ужин их трое пришло: два мальчика и девочка, красивая, как актриса из кино забытого. Туристы всегда заходят в посёлок, поглядеть, что это за рыбаки живут на окраине мира, почему не уехали вместе с остальными. Удивляются, узнав, что на всю деревушку три старика осталось. Арина с Борисом их радушно принимают, и Кузьмич в гости приходит. Он хоть маленько из ума выжил, но молодежь любит.

Дети показывают трофеи: пожелтевшие розыскные карточки, подобранные в Ленинске, фотографии Трёшки (на одной видна столовая, где работала Арина). Стариков больше интересует жизнь в Архангельске. Путин, Медведев. А Ельцин умер уже. Если даже Ельцин умер, что останется завтра, кроме тайги и болот?

Борис родился в Южанске, самом крупном населённом пункте на пути безымянной ветки. Сейчас там проживают человек триста, но всего десять лет назад это был обычный провинциальный город с достаточно развитой инфраструктурой. В 96ом там даже газеты выпускали - "НЛО" называлась. На всё СНГ выходила. Знаете, какие темы тогда в моде были: снежные люди, пришельцы, ерунда всякая. Народ в перестройку Солженицинами накушался, хотелось фантастики лёгкой. Вот "НЛО" и удовлетворяло запросы. Статьи там печатались одна другой глупее, но попадались и исключения. Именно в "НЛО" опубликовали забытую историю о Черной (или по-другому, Болотной) Церкви, и именно оттуда о ней знали гости Бориса.

Но он-то жёлтую прессу не читал, он про Церковь и её Архитектора с детства слышал. В Южанске про неё тогда все слышали.

- Не слышал я ни про какую Чёрную Церковь, - качает головой Борис, а сам на Кузьмича смотрит, глазами показывает, чтоб он молчал. Кузьмич дурной, но понимает, что детям про такое говорить нельзя, и только сопит расстроено. Про Путина хочет разговаривать, про перспективы их края: а вдруг Путин заново лагерь построит, и жизнь наладится, и, как раньше, по брошенной дороге поезда поедут. Кузьмич бы им руками махал и дудел бы, как паровозный гудок...

- Но, как же, - настаивает красивая девочка – Лиза её зовут. - Мы давно этой темой интересуемся, в Южанске были. Вот, посмотрите.

И она протягивает старику ксерокопию документа, написанного от руки красивым почерком с ятями и упразднённым «і». Документ обозначен, как доклад, и датирован 1866 годом.

«Судом рассматривалось дело крестьянина Григория Петровича Своржа, 1831 года рождения, русского, крещённого, проживающего в городе Южанске, Архангельской губернии. Указанный крестьянин был взят под стражу, по подозрению в убийстве настоятеля Михайловского храма города Южанска, отца Иннокентия, в миру – Саввы Мироновича Павлицкого, убитого зверским способом в ночь на 1 мая текущего года на пороге храма. В ходе расследования подозреваемый признал свою вину, и рассказал, что убил отца Иннокентия топором с целью завладения церковным имуществом. Жандармам, указавшим на отсутствия грабежа в составе преступления, пояснил, что не взял из храма ничего, ввиду сильного испуга от содеянного. Учитывая чистосердечное признание подсудимого, суд постановил заковать его в кандалы и ближайшим временем отправить на каторжные работы в Сибирь пожизненно».

Ниже: дата, подпись судебного пристава (инициалы неразборчивы)

Арина читает доклад вместе с мужем, заглядывая ему через плечо. Мурашки бегут по её коже. Оба вспоминают далёкий 79ый год, и белозубую улыбку Павлика.

Павлик – Паша Овсянников – был им, как сын, хотя знакомы они были меньше года. Его, старшего лейтенанта, перевели в Трёшки из Архангельска за диссидентские разговорчики. Тридцатилетний красавец, обладавший не дюжим интеллектом и собственным взглядом на мир, возглавил лагерный конвой. Вот уж не думал Борис, что сойдётся с вертухаем, а с Пашей сдружился сразу же и накрепко. От ужасов лагерной жизни сбегал лейтенант на выходные к Мокрове удить рыбу. Так они познакомились, так Паша стал добрым гостем в их доме.

Мутантов в 79-м в реке не водилось, поезда шли мимо густонаселённых берегов, зеки валили лес и прокладывали дорогу вглубь таёжных массивов, а Борис и Паша собирались за штофом водки обсудить политику да прессу. Интересовали лейтенанта и северные легенды, коих немало знал старший товарищ.

Арина любила Пашу, видя в нём сына, которого Бог ей не дал. Она никогда не говорила об этом вслух, но вину за смерть лейтенанта возлагала на супруга. Кто дёрнул его за язык, заставил рассказать про Церковь? Известно кто. Тот же, кто надоумил душегуба Своржа эту Церковь построить.

Женщина закрывает глаза, и слышит паровозный гудок, и шум далёкой стройки, и рёв грузовичка, спускающегося к рыбацкому посёлку со стороны Ленинска.

- Эй, старый! - кричит она. - Прячь антисоветскую пропаганду! НКВД едет!

- Ох, дожились! - шутливо отвечает помолодевший на тридцать лет Борис. - Слава Партии, есть заначка Бухарина!

Овсянников входит в дом, кланяется хозяевам. У него ямочки на щеках и глаза голубые, как Мокрова в апреле. Только сегодня в них затаилась тревога, и задумчивая морщинка легла меж бровей.

Он снимает шинель, садится за стол.

Уж не приключилось ли чего?- думает Борис.

- Приключилось, Борис Иванович, приключилось.

Побеги в Трёшки случались нечасто, тем более в 79ом, когда вместе с государственным режимом, смягчился и режим заключённых. Да и раньше бегали одни самоубийцы: бегать-то здесь особо некуда. Ежели на восток, в Архангельск или, там, Южанск, поймают в три счёта. А к Вологодской области, в тайгу, смысла и того меньше. Дед Бориса говорил, что архангельские болота прямо в ад идут, что глубина их непостижима. Ерунда, конечно, однако утонуть в трясине проще простого. Потом, медведи, волки, кикиморы – тайга полна разным зверьём. Заключённые и при Ежове с Берией считали, что расстрел лучше, чем сгнить в лесу. А тут такое – побег!

Борис справедливо полагал, что за последнее время вохра совсем обленилась, переложив свои обязанности по охране зеков на природные условия края. И вот итог, вчера перед отбоем обнаружили нехватку двоих рецидивистов.

- Мы, - Паша говорит, - до рассвета подождали, а только небо порозовело, пошли на восток. В октябре проверка из Москвы, не хватало нам такого конфуза. Взвод пошёл, там, где рельсы заканчиваются, разделились по трое.

- Через Пешницу пошли? - спрашивает Борис. Пешница – так называлось когда-то село за станцией, его, когда Боря маленьким был, лесной пожар уничтожил, да так и осталось пепелище.

- Через Пешницу, и вглубь. Где Мокрова мельчает.

Борис присвистывает: далеко зашли. В памяти всплывают истории стариков про духов леса, про кикимор с болотницами, про церковь Своржа.

А Паша рассказывает. Шёл он с двумя подчинёнными, палкой прощупывал почву на предмет топи. Выбирал такой маршрут, какой выбрал бы, будь он беглецом. К девяти утра наткнулся на прогнившие деревянные сваи, что в былые времена поддерживали мост. Моста

нет, а эти почерневшие бивни остались. И возле них следы недавнего привала. Попались, голубчики.

По свежим следам повёл Паша свою группу дальше. А потом... потом...

- Ты, Паша, рассказывай, ничего не скрывай. И не бойся глупым показаться. Ужель птицы петь перестали?

Паша удивлённо вскидывает брови: откуда знаете?

- Да как же, пятьдесят лет здесь обитаю. Кое-чего про тайгу нашу слышал.

- Да, - Паша продолжает. - Птицы замолчали. Будто пластинку кто-то выключил. Резко так. И потемнело, словно сумерки уже. Мне не по себе стало, но я от ребят скрыть пытаюсь, хотя вижу, и они смущены. Вокруг сосны, торфяник. Мысли о смерти в голову лезут. И ещё чушь всякая. И это... перекреститься захотелось.

Член партии опускает глаза смущённо. Он, наверно, и креститься-то не умеет, а вот, захотел. Потребовалось.

- Стыдится нечего, - твёрдо говорит Борис, - Я в детстве туда по грибы ходил. И креститься хотелось, и в монахи постричься. Нехорошее место, Павлик, очень плохое. Если зеки твои пропали, не найдёшь. И искать не стоит.

Лейтенант молча смотрит в окно, на тайгу за Мокровой, а потом негромко говорит:

- Так мы нашли. Нашли.

И впрямь нашли – недалеко от моста разрушенного, на природной залысине посреди леса. Одного мёртвым, другого абсолютно сумасшедшим.

- Бывает ли такое, чтоб человек за одну ночь с ума сошёл? - спрашивает Паша. - Да ладно, человек – Михайлов, бандит, каких свет не видел. Он в Омске дюжину людей зарезал, и ничего, психика не расстроилась. А тут...

А тут рецидивист Михайлов задушил товарища по побегу Челядинова, набил полные уши болотного ила (и себе, и труп), и сел посреди поляны дожидаться конвоиров.

- Ещё и пел при этом! - подчёркивает ошарашенный Овсянников.

- Что пел? - не из праздного любопытства уточняет Борис.

- Да может, и не пел, а просто повторял: «бом, бом, бом»... Но нараспев так... На нас никак не прореагировал. Глаза стеклянные, в одну точку смотрит и талдычит своё. Мы его под белые ручки доставили в лагерь. Он сейчас в лазарете связанный, что с ним делать, ума не приложу. Мои орлы тоже молодцы – едва заставил вернуться за Челядиновым. Борис Иванович, я вот думаю, может, они ягод каких съели, что крыша у них поехала?

- Тут не в ягодах дело, - отвечает Борис. - Ты, Паша, про Чёрную Церковь слышал?

- Не слышали мы ни про какую церковь, - отвечает Борис детям в 2009 году. -

Ближайшая церковь в Южанске. Раньше в лагере было что-то вроде молитвенного домика – будка такая с иконой. Но она в девяностых сгорела.

Кузьмич прячет глаза, когда красавица Лиза обводит присутствующих пытливым взором.

«Не верит, - понимает Арина, и тоска пронзает её сердце, - Истину ищут, бесята, а истина-то в болоте на дне!»

- Вы не могли о ней не слышать, - произносит Лиза. Она явно главная в их троице. Парни молчат, смущённые её наглостью. - Вот здесь о ней писали.

Девушка достаёт из рюкзака потрёпанную газету со статуями острова Пасхи на обложке. Южанское «НЛО» за 96-й год.

Борис хочет ответить, что подобный мусор не читает, но его сбивает выражение Лизиного лица. С какой мольбой, с какой надеждой смотрит она на него.

- Я эту статью в детстве прочитала, - говорит девушка. - В девять лет. И так мне эта история врезалась в память, что когда мы с ребятами начали сайт про аномальные явления верстать, первое, что в голову пришло, написать о Болотной Церкви. Я все архивы облазила, всё, что можно, нашла. Здесь она была, возле Трёшки. Но где именно? Где?

Борис разворачивает газету, шелестит жёлтыми страницами. На развороте статья с громким названием «Таёжное чудо».

Старик пробегают глазами по строчкам: «Чем занимался Сворж в ссылке, никто не знает, но доподлинно известно, что через 13 лет после убийства батюшки он вновь появился в Южанске. Живой и очень страшный».

О том, что Григорий Петрович Сворж вернулся, в Южанске слышали. Его даже видели несколько раз: заросшего бородой до самых глаз, постаревшего, будто почерневшего кожей. Он-де ночевал по оврагам, питался на базарной помойке. Сдавать жандармам его не стали. Люди полагали, что человек, который пешком прошёл от Сибири до Южанска, свой ад уже перенёс, и мучить его сверх того не по-божески. Была ещё одна причина: жуткий взгляд чёрных-пречёрных глаз каторжника. Связываться с ним не хотели. Поговаривали, что из ссылки он сбежал не один, и что товарищами своими в пути питался. Поговаривали, что за грязными усами он скрывает клыки. Да мало ли чего поговаривали. В конце концов, Сворж недолго пробыл в Южанске. В 1880-м (ему тогда было почти пятьдесят лет) он ушёл на восток, и след его затерялся ещё на несколько лет.

Всплыло имя Григория Петровича в середине восьмидесятых девятнадцатого века. По краю прошёл слух, будто на болотах за Пешницей поселился страшный, как черт, мужик, и, будто строит он там дом.

- Не дом он строит, а дворец! - говорили сельские жители. - Уже три этажа возвёл, самостоятельно!

- Из чего ему строить? - не верили скептики. - Не иначе в Вологде гвоздей закупил?

- Без гвоздей строит! - клялись первые. - Из коряг, из окаменевших деревьев да грязи. А по ночам ему строить караконджалы помогают.

Караконджалами в народе называли спутников Лиха Одноглазого, рогатых безобразных тварей.

- Вот что! - вступал в разговор взрослых веснушчатый мальчуган. - Я на болотах ягоду собирал, собственными глазами стройку видел. Нет там никаких караконджал. А Сворж есть. Косматый, злой. И то, что он строит, верно, только это не дом, а церковь. Чёрная она, что стены, что крыша. По бокам её балки подпирают – брёвна сосновые. Вся она неровная, неправильная, жуть берёт. С купола ил стекает, а на маковке вместо креста перекрученная коряга. Я, как увидел, сразу оттудова дёру дал!

И вновь пошли слухи, от Пешницы до Южанска, про Церковь Болотную Чёрную, хоть её саму мало кто видел. Не потому, что пряталась она, а из-за страха людского разумного на грешное дело смотреть. Но были смельчаки, и подтверждали они: Церковь существует.

- Ну и что! - отмахивались упрямые скептики. - Согрешил человек, теперь вот грехи замаливает, храм для лесных зверюшек строит.

- Не для зверюшек, а для хмырей болотных. И сам он уже на человека не похож: лает, на четвериках скачет, да, знай, бока своего уродство глиной смазывает.

Но какой бы невидалью не была болотная стройка, глаза она не тёрла, ибо оставалась скрытой в таёжной чаще. И Архитектор (как прозвали каторжника) к людям не захаживал. Шли годы, Церковь превратилась в местную страшилку, обросла вымышленными подробностями, вроде икон с рогатыми мордами и трона внутри (для самого Лиха). В 18ом году людям было не до фольклора. Гражданская война докатилась и до самой тайги. Интервенты захватили Архангельск. Потом, в 20ом, пришли большевики, и неожиданно даже для местных жителей, один архангельский комиссар вспомнил про Болотную Церковь.

Борис опускает глаза вниз газетной страницы, на фамилию автора статьи.

- Почему бы вам не расспросить этого Павлухина В.А?

Он искренне надеется, что некий Павлухин В.А. давно мёртв, и не сможет послать детей туда, куда сам Борис когда-то послал лейтенанта Овсянникова. Он удивляется, когда Лиза говорит:

- Мы хотели его разыскать, но оказалось, что автор «Таёжного чуда» погиб. Незадолго после выхода этого номера Павлухина разорвала его собственная овчарка.

- Случается, - стараясь скрыть эмоции, бубнит Борис.

- Может быть, вы вспомните? - просит девушка. - В детстве вы наверняка слышали эту историю. Большевики хотели использовать Церковь в анти-религиозной пропаганде, показать народу, до каких извращений дошли богомольцы. Они отыскиали храм Своржа, но что случилось потом?

Потом...

Потом был 79-й год, водка в граненых стаканах, сало и чёрный хлеб, закат на пиках сибирских елей, и ещё живой Паша Овсянников...

- И что же, нашли большевики эту Церковь? - спрашивает Паша. А Борис продолжает рассказывать историю Своржа, и не замечает, как горят глаза слушателя. Как жадно внимает он каждому слову.

- А то. Их местный мальчуган провёл. Комиссары, как увидели плод многолетних трудов мастера-отшельника, так и побагровели от ярости. Всякое желание агитировать пропало. Одно желание осталось: стереть с лица земли богомерзкое сооружение, да поскорее. Они-то все умерли вскоре, красноармейцы эти, но мальчик-проводник прожил долго, и говорил, что старшой их плевался и кричал, мол, уничтожить немедленно. Порешили они вернуться с пулемётами и издалека Церковь расстрелять.

- А чего ж не сжечь или взорвать?

- Того, что к самой Церкви они дороги не нашли. Будто из самой топи она росла, так, что только издалека смотреть и можно. Они притащили доски, сколотили помост на берегу. Уже приготовились стрелять, как вдруг из лесу выбежало что-то похожее на большого пса. Ну, это им так показалось, на самом деле, то был старик, только уж больно неухоженный, заросший и чёрный. И передвигался он, как пёс. Рассказывают, зыркнул дикарь на советскую власть глазами горящими, и шашь в Церковь. Лишь внутрь зашёл, как постройка покачнулась, заскрипела чёрными брёвнами, и вмиг исчезла. Утонула в болоте, только рябь над кривым крестом пошла. Не в кого стрелять красноармейцам, пошли они домой. А затем и умерли один за другим, кто от чего.

- Враки! - горячо восклицает член партии Овсянников. - Где такое видано, чтоб здание на трясине стояло!

- Тише, тише! - шепчет Борис, косясь на дверь. Не хочет, чтоб жена услышала, какими он байками тешит гостя. - Не враки, а легенды. С легенд спроса нет, и доказательства им не нужны, и этот ваш реализм. Мне дед рассказывал. Я тебе рассказал.

- Хотите сказать, что это было на том месте, где мы беглецов нашли.

- Нет. Много глубже. Это сейчас тайга начинается за Пешницей, а в двадцатом там ещё Мокрова текла. Оттуда и остатки моста. Я там в детстве гулял, вопреки родительским наставлениям. Отец, узнав, журил, а бабка прям порола. Порола и повторяла: «Хошь болотные колокола услышать, пострел?»

Паша спрашивает про колокола.

- Это тоже часть легенды. Как Церковь в болоте утонула, так из топи по ночам колокольный звон раздаётся. Мол, за старания, бесы подарили Своржу колокол, кто его звон услышит, тот разума лишится. Старики запрещали в тайгу ходить, чтоб ненароком на проклятое место не напороться. Но это, как ты понимаешь, тоже выдумки.

Борис подливает лейтенанту водку.

- Погодите, Борис Иванович. Не хотите ли вы сказать, что Михайлов услышал звон болотных колоколов?

Паша спрашивает так серьёзно, что Бориса охватывает смутное беспокойство.

- Да ну, - нарочито весело отвечает он. - Говорю же тебе, если и была Церковь, то намного южнее. И вообще, какая Церковь Болотная, когда наши спутники бороздят космос?

- Фольклор не из воздуха возник! - спорит Лиза, возвращая старика в сегодняшний день, - Существовала она, вы нам просто дорогу показать не желаете, ведёте себя с нами, как с детьми. А у нас всё оборудование имеется, и по болотам нам ходить не впервой.

- Фу-ты, ну-ты, заладила! - злится Борис. - Если б существовала она, сюда бы давно туристы нагрянули, разобрали бы её на сувениры. На месте Трёшки построили бы ларьки, чтоб торговать уменьшенными копиями.

Кузьмич радуется этой мысли, свистит, как паровоз, но никто не обращает на него внимание.

- Вычитали глупость, и сами глупостью занимаетесь! - заканчивает Борис гневную тираду. Арина гладит его по плечу: «Ну, не надо, они не собирались тебя обидеть!»

Лиза, виновато потупившись, извиняется.

- Мы так надеялись, - говорит она.

А в памяти Бориса возникает Паша. Красивый, молодой. Смотрит он на старика пытливо и говорит:

- А я, Борис Иванович, недавно был в тайге.

- За грибами, небось, ходил? - спрашивает непонятливый Борис. Он слишком сосредоточен на поплавке, и про Церковь совсем забыл. С тех пор, как он рассказал о ней товарищу, прошёл месяц.

- Я на том месте был, где мы беглых нашли.

Удочка едва не выскальзывает из рук Бориса:

- Это ещё зачем?

- Ну, как же. Интересно мне стало. Михайлов-то так в себя и не пришёл, вынуждены были его в область конвоировать. Пускай, нет там ничего, но причины для его безумия быть должны. Научные причины. Может, газы какие, может акустика особая.

- Научные! - восклицает Борис. - Нет там никакой науки, и соваться туда нечего!

- Нет, вы послушайте! - мягко возражает Паша. - Принимали ведь раньше обычное болотное свечение за болотных духов! Называли его свечками покойников, считали, что это древние призраки клады стерегут. А теперь мы знаем про возгорание метана, радиоактивные осадки, фосфоресцирующие организмы! Стало быть, и другие мифы объяснимы с научной точки зрения. И про колокол ваш тоже!

Борис, бросив удочку, спорит, убеждает, умоляет друга оставить затею, не приближаться к болотам, и тот вроде соглашается...

Вроде...

- Ты что же, старый болван, Павлику про Церковь рассказал? - кричит Арина, с работы возвращаясь. - Он у всех в лагере о ней спрашивает, ко мне в столовую с расспросами заходил!

- Да я так, байку травил, - бурчит Борис. - Не веришь же ты в самом деле, что она там до сих пор?

И жена качает головой, и пьёт настойку от сердца, и Мокрова течёт и течёт вдаль.

А Пашки в феврале не стало. Пропал без вести, как его не искали, не нашли. Известно лишь, что он незадолго до исчезновения в областную психбольницу ездил, Михайлова навещал.

Течёт быстрая Мокрова вдоль живописных берегов. Течёт параллельно ей старая железка, укутанная травой и мхом. Жёлтый и зелёный цвета правят в этом краю всеми своими оттенками. И вдруг - брошенная изба чёрным пятном посреди луга. Остов трактора с ещё сохранившейся синей краской на ржавых боках. Потом болота, всё ещё крепкие железнодорожные мосты, покосившиеся семафоры. Устремляются рельсы сквозь заросли лиственницы, а за ними целый посёлок: десятки заколоченных домов, деревянный клуб с провалившейся крышей, пожарная часть... Не кому больше здесь жить, нечего охранять. Дальше на юг пожираемая тайгой, похожая на покусанное яблоко, колония. Перекрытия крыш вывороченными рыбьими рёбрами торчат над бараками. Кое-где ещё сохранились стёкла. Над оврагами гниют мостки, огороженные ржавыми решётками. Тронешь железо - превратится в труху, как обратился в труху смысл бодрых, но лживых лозунгов, развешенных то тут, то там. За Трёшкой, нет ничего. Ничего человеческого.

Весной 89 года приснился Борису сон, будто кто-то в избу стучит посреди ночи. Он двери отпирает, а на пороге Паша. Шинель насквозь мокрая, лицо бледнее белой глины, а под глазами тёмные круги.

- Где же ты был столько лет? - ахает Борис, впуская гостя в избу.

Входит Паша. Походка у него странная, ноги не гнуться, и пахнет от него болотом, и тина с шинельки свисает. Но ведь это Пашка! Пашка вернулся!

Борис кидается на кухню, режет хлеб, наливает в стопки водку. Гость, скрипя суставами, садится за стол. Берёт ломтик ржаного. Нюхает.

- Всё это правда, - говорит он грудным булькающим голосом и смотрит на старика пронзительным взглядом. - Про Своржа и колокола.

Он накрывает хлебом свою стопку и произносит тихо:

- Ты, Борис Иванович, меня найди. Там не сложно. От старого моста на север. Сам всё поймёшь. Только ищи меня на Пасху. На Пасху болотным колоколам звонить запрещено. Никто тебя не тронет. Как найдёшь, сам поймёшь, что делать.

Засим он встаёт и тяжело уходит к дверям.

- Пашенька, подожди, я Арину разбужу! Она за тобой каждый день плачет, пусть хоть краем глаза на тебя посмотрит.

Но гость уходит, не поворачиваясь, и Борис просыпается в холодном поту.

На Пасху он взял у соседа мотоцикл с коляской и поехал на юг, ничего не сказав Арине. Оставил транспорт в Пешнице, оттуда пешком. В одной руке лопата, в другой – багор. А в голове все байки, что он когда-либо слышал. Про желтолицего болотняника, пугающего грибников вздохами да всхлипами. Про кикимор, заманивающих путников в трясину криками о помощи. Про болотных криксов, запрыгивающих на спину и катающихся на человеке верхом до первых петухов. А ещё про хитрых лесавок, уродливых шурале, злыдней и хмырей...

А вокруг, куда ни глянь, топи, и чёрные столбы деревьев стекают с зелёных крон, и колышется ряска над смертельными ямами. Ягод – видимо-невидимо, и слышны голоса тетеревов, глухарей, пищух, неясителей. А потом нет голосов. Нет птиц. И хочется побежать назад, но Борис не сворачивает, на ощупь идёт через тайгу.

Сегодня Пасха. Сегодня нечисти на земле делать нечего.

Пашу он нашёл. Паша лежал на изумрудно-белом покрывале кислицы, почерневший, но не разложившийся за десять лет. Чёрная выдубленная кожа облегла высушенное лицо, перекрученные кисти торчали из рукавов шинели. А шинель мокрая насквозь, хотя дождей не было уже месяц. Значит, раньше он лежал в болоте, где кислород не мог разрушить ткани, где холод и сфагнум законсервировали его труп, обратили в торфяную мумию. И лишь недавно кто-то достал Пашу из болота, чтобы Борис придал его земле.

Хоронили лейтенанта рыбаки из посёлка. Никому в Ленинске не сказали. Там никого уже не осталось, кто помнил бы Овсянникова, а родных у Паши не было. Кроме Арины с Борисом. Не хватало, чтобы, узнав о мумифицированном трупе, в тайгу нагрянули учёные. Нет в тайге науки. Чёрная Церковь есть, а науки нет.

- Простите нас, - говорит Лиза, пряча в рюкзак злосчастную газету. - И спасибо за угощение.

- Вы нас простите, - смягчается Борис. - Мы здесь совсем от людей отвыкли. Сколько лет втроём кукуем.

Гости собираются, благодарят за уху. Испортившаяся атмосфера вновь налаживается. Кузьмич достаёт из кармана горстку конфет «Холодок» и протягивает Лизе. Улыбается. И вдруг, впервые за весь вечер начинает говорить:

- Это ещё что! Это разве невидаль! Вот была война, фашисты землю забирать пришли! Весь народ советский встал супротив. И звери встали, и птицы. И все существа встали. И домовые, и банники, и лесавки с водяными – все на войну пошли. Сталин отряд сформировал из нечистой силы, и она с фашистами сражалась, вот как было. Банники их камнями раскалёнными били, лесавки в топь заманивали. Леший с пути сбивал и прямо на мины вёл.

Здесь это было, у нас. Не зря на гербе нашей Архангельской области, Святой Архистратиг Михаил, в лазуревом вооружении, с червлёным пламенеющим мечом и с лазуревым щитом, украшенным золотым крестом, попирает черного лежащего дьявола. Низвергнут лукавый, фашисты низвергнуты. Лишь болота остались. Чёрт, когда мир создавался, похитил у Господа кусок земли, съел да выблевал. Вот и болота получились. А вы говорите, невидаль.

Все смотрят на Кузьмича удивлённо, а потом Лиза произносит своим красивым голосом:

- Ну, нам пора. А Церковь мы и сами найдём. Тайгу с ног на голову поставим, но найдём.

И долго потом смотрят старики, как арендованная в Архангельске «нива» поднимается по склону от рыбацких избушек, делает поворот, и уносится в сторону Пешницы.

- Так тому и быть, - вздыхает Борис. - Вы Церковь найдёте, я – вас найду.

Арина крестится и заставляет Кузьмича перекреститься, но тот гудит, как паровоз и машет птичьей лапкой вслед исчезающему автомобилю.

Вот уже 20 лет подряд ходит Борис на Пасху в тайгу. В этот день отдаёт болото по одной своей жертве, выкладывает её аккуратно на покрывало кислицы, чтоб старик забрать мог. Раньше легче было, а нынче он совсем дряхлый стал. Порой до сумерек волочит труп по лесу. Все они под ольхой похоронены, недалеко от посёлка. Пашка первый был. Сейчас там целое маленькое кладбище. Двадцать торфяных мумий.

Борис, когда ещё почта до них доходила, выписывал журнал «Дружба народов», и прочёл в одном из номеров стихотворение Александра Блока:

Полюби эту вечность болот:

Никогда не иссякнет их мощь.

Этот знак, что сгорел, - не умрет.

Этот куст - без истления - тощ.

Теперь, закапывая очередную мумию, он читает блоковское стихотворение вместо молитвы, и Кузьмич сопровождает чтение паровозными гудками сложенных в трубочку губ:

Одинокая участь светла.

Безначальная доля свята.

Это Вечность Сама снизошла

И навеки замкнула уста.

Однажды он и Лизу похоронит: почерневшую, скорченную. Если до Пасхи сам не помрёт.

И мерещится ему болото, где под ряской, под трёхметровым слоем утрамбованных трупов лосей, росомов, волков, лисиц, белок, бурундуков, стоит Чёрная Церковь. И горят в её оконцах бледно-голубые огни – свечи покойников. И ждёт она, что однажды опоздает старый Борис, не успеет до окончания Пасхи из леса уйти.

И мощь её никогда не иссякнет.

Беспросветные (Дмитрий Тихонов)

Ёрш не видел схватки. Для него она началась и завершилась слишком быстро. Шипели в воздухе черные стрелы, серые фигуры вражеских всадников мелькали в столь же серой траве, кричали и падали люди, а раскаленное добела небо равнодушно сжигало степь. Было слишком жарко, чтобы стремиться выжить.

Воевода впереди вовремя проревел команду, и Ёрш поднял щит прежде, чем посыпавшиеся сверху срезни успели добраться до него. Но стрелы падали сплошным железным дождем, и спустя всего несколько мгновений одна из них с влажным глухим стуком вонзилась в шею Буяна. Тот испуганно всхрипнул, вздрогнул всем телом, метнулся в сторону, едва не столкнувшись с конем мчавшегося рядом кмета, а затем просто и быстро рухнул на бок, придавив собой Ерша, не успевшего даже выпустить поводья. Дружинник прижался к вздрагивающей спине умирающего жеребца, закрылся щитом, истово надеясь, что скачущие следом не растопчут его. Вот и все.

Затем наступило беспамятство, полное тошнотворной жары и неодолимых видений, душных, словно запахи здешних трав. Но когда он очнулся, в полной темноте, то не смог вспомнить ничего, кроме рыданий.

Ёрш отбросил в сторону измятый, искромсанный щит, из которого все еще торчал обломок стрелы, и тут же услышал голоса. Чуть в стороне, там, откуда полз прохладный, но по-прежнему сухой ветер. Слов было не разобрать, однако он сразу понял, что это свои. В горле запершило, в сердце впился ледяными зубами страх. Страх, что не заметят, не помогут, уйдут, вновь оставят его наедине с проклятой, чужой ночью и сводящими с ума запахами. Ерш попытался вытащить онемевшую ногу из-под трупа Буяна, но сил хватило лишь на пару судорожных, беспомощных рывков.

- Эй! - простонал он, отчаявшись. - Братцы!

Звук собственного голоса напугал его еще больше. Сиплый и пронзительный, он встревожил окружающий мрак, наполнил его шевелением и шепотами. Словно там, в черноте, неведомые существа, молча наблюдавшие за ним, теперь испуганно расползались в стороны. Что-то прошуршало возле самой головы. Ёрш встрепенулся, приподнялся на локтях - движение отозвалось острой болью в бедре - но, разумеется, не смог ничего разглядеть.

- Где? - раздалось совсем рядом.

- Здесь, - ответил кто-то еще. - Не причудилось же мне. Эй, отзовись!

- Я тут...

Две темные фигуры нависли над ним.

- И правда, тут. Вышат, запали-ка огня.

- А...

- Запали, сказал.

Чиркнуло по кремню кресало, брызнули искры, вспыхнул трут - и спустя всего несколько мгновений пламя вцепилось в просмоленный факел. Ёрш зажмурился.

- Знатно тебя придавило, - пробормотал один из спасителей у него над ухом. - Сам не вылезешь.

- Не вылезу.

Он открыл слезящиеся глаза, всмотрелся в нависшие над ним лица. Одно - совсем еще молодое, безусое, изуродованное изрядным синяком во всю левую скулу. Второе - куда старше, с кустистыми бровями и жиденькой седеющей бородкой, покрытое сеткой давних шрамов. Широкая улыбка обнажала редкие кривые зубы.

- Я - Головня, а этот вот малец - Вышата. Тебя как звать?

- Ершом кличут.

- Ну и славно. Не бойсь, рыбонька, сейчас подсобим.

Головня коротко хихикнул собственной нехитрой шутке и, осмотрев Буяна, достал кривой

нож:

- Ступня твоя наверняка в стремени застряла. Подпрыгну перерезать надо, а потом уж мы тебя вместе с седлом вытащим.

Так и сделали. Пока Вышата, кряхтя от натуги, тянул Ерша из-под мертвого коня, в ноге шевельнулась боль, царапнула длинным когтем от ступни до колена, на мгновение замерла, словно испугавшись чего-то, а затем впилась сотней остро заточенных клыков, пережевывая каждую мышцу, каждую косточку. Дружинник застонал, стиснув зубы.

- Кажись, не поломал, - сказал Головня, осторожно ощупывая освобожденную ногу. - Повезло. Даст бог, оклемаешься.

Он выпрямился во весь свой немалый рост, взял у Вышаты факел, осмотрелся.

- Да, здесь почище будет. Пожалуй, надо сюда Ставра приволочь.

Ёрш понемногу приходил в себя, боль привела его в чувство. Имя отозвалось эхом в еще пустом сознании.

- Ставра? - спросил он. - Здорового такого?

Вышата кивнул:

- Да. Детица могучий. Правда, поранили его напрочь...

- Не болтай, - одернул парня старший. - Поранить поранили, да только жив он пока. Крови много потерял, но помирать рано ему еще.

- Я же... я же... - слова гуляли в голове Ерша бессмысленной круговертью, никак не желали ложиться на язык. - Я же знаю его.

- И хорошо, - усмехнулся Головня. - Будет с кем языки почесать. Вот что. Вы сидите здесь, а я за Ставром схожу. Факел не гасите.

- Но... - встрепнулся Вышата.

- Не гасите, сказал! Или ты хочешь, чтобы мы с ним до утра по побоищу блуждали, пока вас не найдем?! Тот-то! Сидите спокойно. Нехристи давно празднуют, им не до нас нынче.

Головня высморкался и, шагнув прочь из круга света, сразу исчез в темноте. Слышны были его удаляющиеся шаги, затем раздался зычный, никак не годящийся тощему телу голос:

- Ста-а-авр! Ста-а-аврушка! Отзовись, браток!

Тишина. С немалым трудом Ёрш сел прямо, повел затекшими плечами, прислушался к отзвукам боли, потянувшимся вдоль всей спины вниз, к правому бедру. Значит, Ставр жив. Уцелел и в полон не попал. Можно, выходит, еще надеяться, что женится дружинник на его сестре, когда вернется домой. Когда они оба вернутся.

- Что, одолели нас? - спросил Ёрш Вышату, хотя и сам знал ответ. Но молчание в этой оглушительной темноте слишком сильно отдавало беспомощностью. А туда он не собирался возвращаться.

- Одолели, - вздохнул парень, присев рядом. - Со всех сторон наскочили. Поначалу просто стреляли, как галок, грудь в грудь не сходились. Потом порубили тех, кто камни преодолел, загнали обратно. Сами внутрь не сунулись, а когда темнеть начало, и вовсе усаkali прочь.

- Прочь? - Ёрш не первый раз воевал против степняков, их боевые обычаи были ему хорошо знакомы. Пострелять издалека, до последнего избегая прямого столкновения - обычное дело, но чтобы добычу бросить... такого на его памяти не случалось. - Не пограбили?

- Только тех, кого после камней свалили. Они сами за камни, на нашу сторону, не заступали. Я слышал, кричали что-то по-своему. То ли "чатгор", то ли "чаткар" какой. Ставр - тот по-ихнему понимает немного - говорит, камни эти у степняков вроде как святые. Они бесов удерживают.

- Бесов? - Ёрш смутно припоминал, как незадолго до нападения отряд и в самом деле пересек черту из странных черных камней. Невысоких, остроконечных, замшелых, расположенных на расстоянии в пару десятков шагов друг от друга. Никто и внимания не обратил. - Выходит, мы вроде как на проклятое место угодили?

- Выходит, - кивнул Вышата. - Но только я нечистой силы не боюсь. На нас же крест, нам бесы не страшны.

- Далеко от дома забрались. Может, Христос сюда и не заглянет.

- Да ты-то откуда знаешь?!

- Не бери в голову. Сбрехнул попусту.

- То-то и оно. Сильно, видать, приложился, раз в Христе сомневаться удумал.

Ёрш вспомнил Его лик, строгий и воинственный, безжалостные глаза, смотрящие со стягов. Нет, такой бог своих не сдаст и не оставит. Хотя и жалеть тоже не станет никого.

- Еще уцелел кто? - спросил он.

- Едва ли. Поначалу, само собой, много было. Но степняки ведь до самой темноты вокруг кружили, высматривали раненых, добивали. Прямо из луков - чуть кто пошевелится, они на него стрел не жалели. Другие, кому потяжелее было, попросту жары не вынесли. А нас, выходит, Господь прикрыл.

- Чудно, - покачал головой Ёрш. - Никогда о таком не слыхал. Говоришь, они издалика, из-за камней тех, по раненым стреляли?

- Да. Эх, и метко бьют! Я потому и не хотел огня зажигать. Уж больно боязно: мы с этими факелами для них, что твой щит на стрельбище. А Головня говорит, они до утра не вернуться.

- Знать, и вправду остерегаются этого места. Угроздило же...

- А не угроздило, так валялся бы ты сейчас с перерезанной глоткой, или плелся бы с арканом на плечах... стой! Глянь-ка! Вертается...

Головня медленно шел к ним, подняв зажженный факел. Дрожащее пламя освещало землю вокруг него: вытопанную траву и черные глыбы мертвых тел. Старый дружинник был один.

- Где Ставр? - спросил Ёрш, опередив Вышату. - Неужто помер?

- Пропал, - пробормотал задумчиво Головня. - Нет его.

- Как так? Может, ты в темноте заплутал, не там искал?

- Да ну! Конь его на месте, шелом на месте, даже меч лежит. Самого нет.

Ёрш медленно поднялся, осторожно перенес вес на пострадавшую ногу. Боль, уже ожидаемая и привычная, всплеснула от икры до бедра, но ее можно было терпеть.

- Как его ранили?

- Смотри-ка, - широко улыбаясь, протянул Головня. - Оклемался.

- Отвечай, как его ранили?

- Известно как, - помрачнел бородач. - Стрела в грудь справа, стрела сквозь правое плечо, стрела в пояснице. Ничего хорошего.

- С такими ранами не ходят, - жестко сказал Ёрш. - С такими ранами лежат и вспоминают грехи, в которых придется отчет давать.

- Да разве ж я спорю! - огрызнулся Головня. - Но только нет его. Уполз твой Ставр.

- Надо искать.

- Верно, надо бы. А уцелеть тоже надо бы, а?

- Ты это к чему?

- Так просто, обмолвился. Вышата, как думаешь, далеко до рассвета?

Парень поднял лицо к абсолютно черному небу, почесал загривок:

- Немало еще.

Головня вздохнул, заглянул Ершу в глаза:

- Нечего нам тут делать больше. Бежать надо, уходить по следам своим же обратно. Утром прикончат нас, видит бог. Мы и так помогли, кому сумели.

- Он сестры моей суженый. Не брошу я его, - сказал Ёрш. - Вы, так и быть, ступайте, оставьте мне только огонь.

Головня снова вздохнул, опустил взгляд.

- Ладно, - сказал он наконец. - Пойдем. Без нас проплутаешь как раз до восхода.

Вышата гневно фыркнул, словно рассерженный конь, но промолчал. Они двинулись вглубь поля битвы: впереди шагал Головня с факелом, за ним, время от времени стискивая зубы от боли и опираясь на свое копьё, ковылял Ёрш, а Вышата, тоже с факелом, замыкал. Света хватало, чтобы разглядеть хаос, застывший вокруг. Бесформенными горами

громоздились трупы - лошади и люди, растянутые в смертных оскалах рты, изломанные под нелепыми углами конечности. Окоченевшие пальцы все еще сжимали рукояти мечей и древки палиц. Бледные, покрытые засохшей кровью лица выплывали из темноты, гримасничали в резких, желтых отсветах пламени, и вновь скрывались во мраке. Тишина ползла по мертвецам, ласкала их холодную кожу своими холодными пальцами, нашептывала в их восковые уши свои восковые тайны.

- Птицы, - сказал вдруг Ёрш, неожиданно даже для себя самого. - Где птицы?

- Нет, - не оборачиваясь, ответил Головня. - Я давно уже заметил. Ни одного стервятника.

- Не может быть.

- Здесь все...

- Ша! - воскликнул позади Вышата. - Стойте!

Голос его, резкий и испуганный, едва не сорвался на визг.

- Что такое? - встрепнулся Головня, выхватил меч, подскочил к парню.

- Видал я кого-то, - ответил тот, напряженно вглядываясь в темноту. - Вон там.

- Ставра?

- Нет, не похоже на него. Вроде, ростом чутка пониже... хотя - кто знает.

- Сейчас посмотрим, - выставив перед собой факел и меч, Головня направился в ту сторону, куда указывал отрок. Ёрш потащился за ним, а сам Вышата, настороженно озираясь, остался на прежнем месте.

- Ста-а-авр! - гудел Головня, беспрерывно поворачиваясь из стороны в сторону, освещая все новые и новые трупы. - Это ты, милочек?!

Степь затаила дыхание и не торопилась с ответом. Она неохотно приоткрывала завесу мрака над тем, что считала законной добычей, показывала настырным людишкам свои новые сокровища: изувеченные, искореженные, затоптанные тела, окровавленные доспехи, проломленные черепа. Степь знала, что поглотит все эти жизни, расплескавшиеся по ее сухой груди, выпьет до дна, прорастет сквозь них. Она не сомневалась в своем неминуемом торжестве над уцелевшей троицей, и знала: здесь нет того, что они ищут.

- Ежели он сразу не отозвался, зачем глотку драть? - пробормотал Ёрш, морщась после очередного неудачного шага. - Причудилось парню.

- Наверное, - неохотно согласился Головня. - Правда, я тоже кого-то заметил.

- Здесь?

- Нет, впереди. Показалось, будто стоит там...

Вышата завизжал. Истошно, пронзительно, тонко - сама темнота всколыхнулась от столь громкого крика. Ёрш начал оборачиваться, но от резкого движения полоснула по ноге боль, да такая, что он зажмурился. А когда открыл глаза, факел Вышаты уже погас, ночь проглотила его вместе с хозяином и воплем. Ёрш шагнул было в том направлении, но Головня, который успел повернуться быстрее и увидеть больше, мертвой хваткой вцепился ему в плечо.

- Бежим! - простонал он. - Бежим, друже!

Что-то лязгнуло во мраке впереди, там, где только что стоял отрок. Что-то раздирало там металл. Что-то рвало кольчужку, пытаясь добраться до теплой, еще трепещущей плоти.

Головня развернулся и помчался прочь. Спустя мгновение за ним последовал и Ёрш. Бедро отзывалось на каждый шаг мучительными спазмами, он страшно хромал и стремительно отставал от товарища. Тот мчался вперед со всей возможной быстротой, ловко лавируя между мертвецами, подняв факел высоко над головой.

- Обожди, - хрипел Ёрш, прекрасно понимая, что никто не слышит его. - Ради Христа...

Небо, непроницаемое и безучастное, вдруг обратило внимание на его мольбы - или ради злого развлечения решило подыграть обреченным жертвам. Так или иначе, но спустя всего несколько ударов сердца Головня споткнулся и рухнул лицом вниз среди трупов. Факел откатился в сторону, чудом не погаснув. Огонь с шипением отпрянул от еще сырой земли, вывороченной здесь ударами могучих копыт.

Ёрш добрался до факела, схватил его, помог подняться беспрерывно бормочущему что-то

Головне. Лицо и руки того были перепачканы черной кровью - он упал на лошадь с распоротым брюхом. Внутренности ее, блестящие в тусклых отсветах пламени, оказались разбросаны вокруг.

- Кто это сделал? - прошептал Ёрш. - Волки?

- Волки? - ощерился Головня. - Волки?! Нет, рыбонька моя, волков здесь нет. Как и птиц. Как и степняков. Скоро и нас с тобой не будет.

- Ты видал?

- Видал. Ох, Господи, видал. Чур меня, чур! Бежим...

Последнее слово он произнес уже на ходу. Ёрш едва поспевал за ним, но теперь факел был у него, и Головне волей-неволей приходилось сдерживать скорость.

- Прав был Ставр твой, - сказал он, перемахнув через очередной ворох мертвых тел. - Нечисть тут оголодала.

Ёрш ничего не ответил, только скрипнул зубами, не позволяя боли выбить из него крик.

Ночь нехотя расступалась перед ними, обнажая усеянную трупами землю. Шаг за шагом, через кочки и смятый ковыль, через навеки потерянные хозяевами булавы и брошенные котомки с припасами, мимо тут и там торчащих стрел с черным оперением. Языки пламени отражались в еще утром до блеска начищенных шлемах, в зеркалах и оковке щитов. Не было конца мертвецам, и страшное подозрение закралось в грудь Ершу, но озвучить его он не решался, боясь накликать беду.

До тех пор, пока оба они не застыли, тяжело, измученно дыша, над слишком хорошо знакомой лошадью с разорванным брюхом и выпущенными внутренностями.

- Мы кругами ходим, - выдал Ёрш очевидную уже истину. - То-то я думаю, слишком много покойников на пути.

Головня посмотрел на него пустыми глазами, обернулся лицом к окружающей темноте и, протяжно всхлипнув, заверещал гнусавым, старушечьим голосом:

- Хер! Хер вам, диаволы, а не моя душа! - тощие кулаки грозили молчаливой пустоте. - Не достанусь я вам! Не возьмете!

- Тише, друже, - попросил Ёрш, растерявшись. - Не буди лихо...

Но Головня уже не мог остановиться:

- Вы - срань! Погань проклятая! А у меня вот... - длинные тонкие пальцы вытащили из-за пазухи простой деревянный крест на кожаном ремешке. - У меня Господь с собой! Не по зубам мой Господь вам, ироды! Не по зубам!

Головня замолчал и повернулся к Ершу. Он улыбался, хотя губы дрожали.

- Брательник мой однажды в бору заплутал. Лешак водил кругами, как нас. Так он, не будь дурак, взял, да душегрейку наыворот надел. Лешак и отпустил его, не узнавши. Может, нам попробовать, а? Кольчуги скинем, стегачи вывернем, а?

Ёрш покачал головой:

- А не лучше ли...

- Тихо! - Головня прижал пальцы с зажатым в них крестом к губам. Глаза его, расширившись от ужаса, уставились на что-то позади собеседника.

Ёрш тут же обернулся, ткнул факелом во мрак, но не заметил ничего особенного.

Погибшие люди, разбросанные по серой степи. Где-то тут, неподалеку, ночь сожрала Вышату.

- Видал? - просипел рядом Головня. - Там, внизу?

- Где?

- Под покойниками. Они крадутся под покойниками. Вот те и шевелятся. Но меня не провесте, нет. У меня глаз зоркий.

Он занес над головой меч и сделал несколько осторожных шагов вперед, будто охотник, подбирающийся к ничего не подозревающему зверю. Ёрш нехотя двинулся следом, опасаясь потерять обезумевшего соратника из виду. Головня остановился над ближайшим трупом, нагнулся и принялся оттащить его в сторону. На примятой траве под телом не было ничего, кроме багровых пятен.

- Выскользнул, гнида, - прошипел Головня. - погоди, я до тебя доберусь.

Он выпрямился, отбросил волосы со лба и посмотрел на Ерша укоризненно, с почти детской обидой:

- Подсобил бы. Одному мне не управиться.

Ёрш открыл рот, чтобы ответить, но не успел. Сквозь стену темноты за спиной Головни проступили еще более темные силуэты. Сверкнули в свете факела молочно-белые пальцы и желтые костяные когти, впились в локти, плечи, шею, волосы старого воина. Десятки, многие десятки рук. Громко хрустнуло что-то в его тощем теле, хлынула из расплоскованной глотки, не пропустившей ни звука, кровь, а затем дружинник, наверняка так и не сумевший понять, что случилось, канул во мрак. Все произошло невероятно, невообразимо быстро - Головня уже пропал из виду, когда капли крови из страшной раны на горле только коснулись травы.

Ёрш взвыл и, размахнувшись что было сил, метнул факел туда, где всего мгновение назад стоял его спутник. Но свет вострепнувшегося пламени не вырвал из пустоты ни Головни, ни его похитителей. Лишь все те же бесконечные нагромождения мертвецов, у каждого из которых за пазухой наверняка таился крест. Факел ткнулся в одного из них, скатился на землю и потух.

Выругавшись, Ёрш побежал прочь сквозь непроглядную черноту. Он не выбирал дороги и не раздумывал над ней, просто мчался во всю возможную прыть, стремясь оказаться как можно дальше от дышащего в спину кошмара. Благо что бедро почти перестало болеть.

Он спотыкался об убитых, падал, вскрикивая и уже не пытаясь утаить крик, упирался ладонями в ледяные лица и распахнутые рты, поднимался и снова бежал, наступая на животы и запястья. Но не мог скрыться от едва слышных звуков позади. Влажных. Жадных.

А потом что-то ткнулось в левую ступню, пробив ее насквозь. Ёрш по инерции сделал еще несколько шагов и растянулся на траве, став одним целым с этим бескрайним полем боя. Перевернулся на спину, опустил веки, оцепенел. Неожиданно и легко пришло странное, отрешенное спокойствие. Едва тлевшая надежда, наконец, потухла, а вместе с ней остыл и страх.

Он лежал на спине, зажмурившись, прислушиваясь к пульсирующей боли и собственному тяжелому дыханию. Он думал о Ставре, высоком статном весельчаке, пронзенном тремя стрелами, и своей сестре, чьих рук им обоим больше не доведется целовать. О кочевниках, из жалости добивавших раненых, обреченных врагов на проклятой земле. Думал о том, что когда раскаленное солнце все же поднимется над степью, за ним будет следить, впервые не мигая и не щурясь, множество широко открытых глаз. Думал о других глазах, смотревших со стягов прямо в душу, и их обладателе, недостижимом и непознаваемом в своем грозном величии. О его жестокой воле, оставившей крохотного человечка один на один с безнадежностью ради спасения души. Думал об иных богах, забытых и преданных, терзаемых жестоким голодом, но не способных обрести блаженства небытия. Днем, пока Ёрш был без сознания, они говорили с ним в видениях шелестящими, словно степной ветер, голосами, а потом пришли наяву. Бледные рабы черных камней, чье истинное назначение давным-давно стерлось из людской памяти. Отзвук иного, исчезнувшего мира. Эхо отзвучавшей песни.

Заточенные кости, выступавшие из обглоданных пальцев и служившие им когтями, коснулись его шеи. Почти нежно.

Ночь замерла.

День, когда цветет папортник (Дмитрий Лазарев)

Все началось, когда они свернули с трассы.

Покореженный синий знак «Скобянино, 3 км» на повороте оставался единственным указателем с тех пор, как автомобиль затрясло по проселочной дороге, а теперь еще и это – дорога разветвлялась в две стороны, однако на экране новенького навигатора ничего подобного отмечено не было. Судя по карте, им надлежало двигаться прямо и прямо до тех пор, пока они не упрутся в деревушку, примостившуюся на излучине реки. И никаких поворотов.

- Молодец, - язвительно проговорила Алена, - теперь мы заблудились. Отлично, просто отлично.

Стас промолчал. Она вела себя отвратительно всю дорогу, как и неделю до этого, когда он сказал, что вместо обещанной поездки в Тайланд решил обменять свою старую развалюху на внедорожник. Стоимости путевки как раз доставало, чтобы покрыть разницу в цене. Отдохнуть можно и в деревне, а вот шанса найти предлагаемый джип за столь выгодную сумму могло больше не представиться.

- Ничего не понимаю, - сказал он. Она рассмеялась, слишком громко и фальшиво.

- Почему я не удивлена?

Раньше он добирался в Скобянино на электричке – старая восьмерка была неспособна справиться с местными дорогами, но мощный двигатель «Тойоты» вкупе с широкими протекторами должен был победить любые ухабы, а навигатор, связанный со спутником – проложить маршрут где угодно. Но внезапно надежная японская техника подвела.

- Поедем направо, - решил Стас. Речка пересекала железнодорожные пути, которые они проехали полчаса назад, а значит и деревушка должна была находиться в той же стороне.

- Давай, Сусанин, веди нас, - траурным голосом сказала Алена. - Заедем туда, откуда даже это ржавое ведро нас не вытащит.

- Может, сама тогда решишь? - он повысил голос.

- Конечно, какой у нас Стас добрый! Всегда дает мне решать, когда нужно нести ответственность!

- Заткнись, - угрожающе проговорил он, переключая скорость.

- Не ори на меня! - взвилась она. Стас впился пальцами в руль, борясь с желанием вцепить ей пощечину. Черт бы побрал ее, эту жару, чудящий навигатор и всю эту гребаную поездку... он свернул направо, и джип бодро запрыгал на ухабах, вздымая в воздух потревоженную цветочную пыльцу.

Мальчишкой Стас часто проводил в Скобянино все лето. Чистый воздух, речка, лес прельщали его не меньше, чем прочих детей его возраста, еще не испорченных компьютером. Теперь он впервые вез в деревню свою девушку – о чем пожалел уже через полчаса после выезда.

Алена смотрела в окно, скрестив руки на груди, и Стас, мельком глянув на нее, заметил, что ее губы мелко дрожат. О боже, только не это...

Едва начав плакать, она становилась совершенно неадекватной.

Он включил магнитолу, разбавляя напряженную тишину.

- Выключи, - мгновенно среагировала Алена.

- Чтобы слушать твое похоронное молчание?

- У меня голова болит! - крикнула она зло. - Тебе плевать, ты только о себе и можешь думать! Зачем я с тобой поехала...

Она заплакала. Стас выдернул панельку магнитолы и зашвырнул ее в бардачок. Из-за поворота появилась еще одна развилка.

Он смотрел на экран навигатора. Жирная зеленая линия, соединяющая их автомобиль с пунктом назначения, по-прежнему не имела поворотов.

- Какого хрена...

- Поезжай, чего спрашиваешь, - всхлипывая, проговорила Алена. - Ты же самый умный. Какая разница, что мы проехали уже пять километров, хотя на указателе стояла отметка «три».

- Направо, - решил Стас, отчасти оттого, что не хотел признавать ее правоту. Ему только сейчас вспомнилось это «Скобянино, 3 км», хотя, судя по одометру, они проехали уже не меньше пяти. В любом случае, кроме Скобянино деревень в округе больше не было, а значит любая дорога в конце концов должна была вывести их туда.

В конце концов ей там понравится, решил Стас. Она еще спасибо скажет. Чистый воздух еще никому не вредил, как и домашняя еда, а загореть на речке можно не хуже чем на заграничных пляжах – никто потом и отличить не сможет.

Что-то показалось впереди – темнеющая буква «П», возвышающаяся на дорогой. Подъехав ближе, они увидели сложенные из старых бревен ворота, увенчанные огромным засохшим цветком, напоминающим соцветие подсолнуха.

- Мило, - сказала Алена, когда они проезжали внутрь. Меж деревьев показались первые дома – низкие, словно вдавленные в землю. Никаких заборов, покосившиеся ставни висели как попало и кое-где вообще отвалились, гнилые сараи опасно кренились, опираясь друг на друга. Плотная, почти осязаемая тишина стояла в воздухе, нарушаемая лишь шумом мотора. Место выглядело заброшенным.

Стас остановил машину и заглушил двигатель.

- Приехали? - Алена брезгливо глянула на ближайший дом – почерневшую гнилую хибару с заколоченными ставнями.

- Нет. Это не Скобянино, - Стас снова глянул на навигатор.

- Слава богу, - язвительно сказала она, вытирая глаза. - Я уж думала, нам придется в этой дыре...

Он все смотрел на экранчик. Теперь там было изображено кольцо – дорога нигде не начиналась и нигде не заканчивалась.

- Нам нужно найти местных и узнать дорогу, - услышал он собственный голос.

- Пойди, спроси, - Алена повела рукой в сторону домов. - Стас, тут никого нет! Сам послушай!

Она была права. Через открытые настежь окна джипа не долетало никаких звуков – ни лая собак, ни коровьего мычания, ни отдаленных голосов людей. Ни струйки дыма не поднималось над деревней.

Отстегнув ремень безопасности, Стас открыл дверь.

- Я пройду по улице и посмотрю. Мне осточертело сидеть.

- Сам виноват! - крикнула она ему вслед. - Осел упрямый.

Какого черта он вообще с ней связался? Симпатичная мордашка, стройные ножки – но боже ж ты мой... это нытье просто бесило его.

Колея порядком заросла, местами превращаясь из дороги в тропинку. Под ногами чавкала грязь, мгновенно перепачкавшая его белые кроссовки. Остро пахло гниющим деревом и свежей травой.

Первые два дома оказались намертво заколоченными. Он удивленно рассматривал тонкие деревянные заклепки, держащие доски вместо гвоздей, и неуклюжие навесные шарниры из черного дерева.

Что-то скрипнуло слева – едва слышно, но он замер, затаив дыхание, даже не осознавая до конца, чего так испугался.

На крыльце соседнего дома сидел дед, пристально глядя на Стаса глубоко посаженными темными глазами. В своей серой одежде он почти сливался со стеной – неудивительно, что Стас не сразу его увидел.

- Добрый день!

Стас двинулся к нему, обходя заросли крапивы. Старик сидел неподвижно – копна седых волос разметалась по узким плечам, рот совершенно не виден в густой бороде, глаза

смотрят въедливо и настороженно.

- Вы не подскажете, как проехать до Скобянино?

Дед с полминуты рассматривал его, и, когда Стас уже решил, что старик глух, медленно покачал головой. Сзади хлопнула дверь «Тойоты» – Алена направилась к ним, оставив автомобиль.

- Мы заблудились! Кто-нибудь здесь сможет подсказать нам дорогу? - громко спросил Стас. - Где все люди?

- На празднике усе, - проскрипел дед. Голос у него был надтреснутый, как сухая палка, словно старик много лет не открывал рот. Подошла Алена, неодобрительно глядя на аборигена.

- На каком празднике? - не понял Стас. Старик медленно поднялся, закричал, выпрямив спину, и отвернулся от них. Стас и Алена переглянулись.

- Подождите, где праздник-то? - спросил Стас. Дед отворил просевшую дверь и махнул рукой:

- Ходи.

- Что?

- Ходи, - повернувшись, старик скрылся в дверях.

- Я за ним не пойду, - решительно сказала Алена. - Может нам просто вернуться и...

Но Стас уже шагнул следом. В темных сенях пахло сыростью и засушенными травами. Несколько веников висели под потолком, опутанные паутиной, а вдоль стены шла скамейка, наполовину вросшая в земляной пол. Не разуваясь, дед прошел в следующую дверь, и Стас последовал за ним.

Внутри царил полумрак; в дальнем углу серела грубо сложенная печь, а прямо напротив входа застыл деревянный истукан, вырезанный из большого полена. Огромные плоски-глаза неотрывно таранились на Стаса, остановившегося в дверях.

Старик прошаркал мимо перекошенного стола, по которому ползали мухи, остановился у дальней стены и снова махнул рукой. Стас шагнул вперед, как вдруг что-то с силой сжало его запястье; вскрикнув, он отшатнулся в сторону, врезавшись в деревянного истукана.

В нише возле стола обнаружилась старуха – такая древняя, что казалась похожей на живую мумию. Костлявая рука, вся в пигментных пятнах, медленно возвращалась на колени, совершенно черные глаза сверлили Стаса из-под редких седых бровей.

- Ты чего, бабка!

Он перевел дух. Ушибленное плечо саднило, истукан медленно покачивался из стороны в сторону со стуком, похожим на сухие смешки. Что-то в этой комнате казалось Стасу неправильным, не таким, какими он привык видеть деревенские дома...

- Ходи!

Старик ждал его возле широкого куска бересты, приколоченного к стене все теми же деревянными гвоздями. Когда Стас подошел, хозяин дома провел грязным длинным ногтем по рисунку на бересте, привлекая его внимание.

Чья-то искусная рука обрамила картину замысловатой вязью, усыпанной цветами и побегами растений. В рамке неизвестный мастер изобразил лес, над которым в зените зависло солнце, заливая все вокруг своими лучами. Среди деревьев плясали люди – все в пышных костюмах и венках из цветов; некоторые из них – тонкие, словно невесомые – парили над землей, возвышаясь над остальными. А еще – у солнца было лицо. Суровые, злые глаза рассматривали суесящихся внизу существ, рот щерился в нехорошей ухмылке.

- Купайло, ходи, - сказал старик. - Усе. И ты ходи.

Он поскреб ногтем картину.

- Что, всё? - воскликнул Стас. Дед притащил его сюда показать это? Черт бы побрал этих стариков...

- Ходи, - повторил абориген. Снаружи донесся обеспокоенный голос, зовущий его по имени. Развернувшись, Стас широкими шагами двинулся к дверям, бормоча ругательства. Истукан проводил его тяжелым взглядом.

- Ну вы что там, уснули? - капризно спросила Алена. Стас обошел ее, направляясь к машине.

- Нужно найти кого-нибудь соображающего. Здесь живут люди.

- Конечно нужно, раз уж ты сам ничего сообразить не можешь, - мгновенно нашлась она. Он проигнорировал ее.

- Поедем дальше. Старик сказал, все на празднике – не думаю, что это далеко.

- Господи, да он просто выжил из ума! - воскликнула она. - Ну какой праздник двадцать первого июня? День летнего солнцестояния что ли? Это же смешно...

Стас вздрогнул, вспомнив солнечный лик на берестяной картине. Может быть, всему виной его воображение, но за ухмылкой угадывались зубы – острые и длинные, как ножи. Неожиданно он понял, что показалось ему странным в деревенском доме.

- Нет икон, - сказал он вслух. В каждом деревенском доме, в котором ему доводилось побывать, один из углов комнаты был отдан под киот с образами. Здесь же не было ничего похожего.

- Что? - не поняла Алена.

- Должно быть, это какие-нибудь староверы, или как их там называют, - сказал Стас. - У них в доме не было икон. Фиг знает, какие там у них праздники...

Она смерила его долгим взглядом.

- Знаешь, иногда ты меня просто бесишь.

Он молча сел в машину и завел двигатель. Алена вскарабкалась на соседнее сидение – голые ноги по колено перемазаны в травяном соку, в подошвы кроссовок набилась грязь.

- Мне здесь не нравится, - заявила она. - Поехали назад...

- Куда? Навигатор не работает, - он положил руку на ручник. - Лучше узнать дорогу здесь...

- Вернемся на трассу и поедем в город. Все равно, отдых уже испорчен.

Он возвел глаза, призывая все свое терпение.

- Так. Мы уже проехали семьдесят километров, и я не собираюсь поворачивать из-за бабских капризов. Я хочу отдохнуть на свежем воздухе, и тебе это тоже будет полезно.

- Черт бы тебя побрал с твоим свежим воздухом! - крикнула она. - Ты разве не видишь? Здесь... *странно*.

Он нажал на газ, и джип медленно пополз вперед, сминая тонкие стебельки.

- Мы повернем назад, как только узнаем дорогу. Я все сказал.

Алена отвернулась. Наверняка снова плачет, понял Стас, почувствовав некоторое удовлетворение. Сколько она ему нервов вымотала – сама заслужила...

Они проехали несколько домов – старых, словно готовых развалиться от малейшего толчка. Заборов жители деревни по-прежнему не признавали – если в этой части деревни действительно кто-то жил, кроме стариков на въезде. Постепенно домов становилось больше – они вырастали то тут, то там, некоторые довольно крепкие, а иные ушедшие под землю едва ли не по самую крышу.

Двигатель нутжно загудел – дорога пошла в гору. Колеса судорожно вращались, ища сцепление с дорогой, и джип карабкался вверх, как краб.

- Ты видел недостаточно? - тихо спросила Алена. - Тебе мало? Здесь только этот полоумный старик, больше никого.

- Они бы не смогли жить здесь одни – сказал Стас. - Наверняка есть кто-нибудь еще. Сейчас мы заберемся на эту горку, и все станет ясно.

- Ты даже не знаешь дорогу. Мы застрянем где-нибудь, или перевернемся – то-то веселье будет!

Он смолчал, вдавив педаль газа. Гребень холма маячил теперь совсем близко.

- Послушай меня хоть раз! - крикнула она, хватая его за руку. - Мне страшно!

- Отцепись!

Джип вынырнул из подъема; на секунду солнце ослепило его. А потом их подкинуло вверх, и с протяжным скрипом, отдавшемся у Стаса в позвоночнике, «Тойота» села на брюхо,

нырнув правыми колесами в глубокую канаву.

- Накаркала, дрянь! - крикнул Стас, отталкивая застывшую девушку. Переключившись на заднюю передачу, он вдавил педаль газа в пол. Двигатель взревел, и колеса выпустили фонтан земли и камней, вгрызаясь в податливую почву.

- А я говорила! Говорила! - истерично крикнула Алена, хватая его за руку. - Кретин! Ненавижу тебя!

- Заткни пасть!

Он распахнул дверь и обошел джип спереди. Машина застряла плотно: край канавы обвалился, усадив «Тойоту» прямо на днище.

- Твою мать!

Стас раздосадовано саданул по капоту. Алена сидела на переднем сидении, размазывая слезы по лицу. Это все она виновата, подумал он. Подзуживала его, дрянь, всю дорогу. Когда выберемся отсюда – брошу ее, решил Стас.

Однако, нужно было вытаскивать джип...

Он вернулся к Алене.

- Пошли, нужно найти трактор.

- Я никуда не пойду, - прохныкала она.

- Ну и отлично! Тогда сиди здесь, я сам все сделаю, - хлопнув дверью, Стас резко развернулся и пошел прочь.

Алена сидела в машине, подтянув ноги к груди и дрожа от негодования. Мало того, что вместо нормального отдыха ей досталась поездка в лесную глушь, так еще и ее паренек как всегда показал свой дрянной характер. Вернемся в город – уйду от него, решила она.

И как можно быть таким эгоистом? Она-то рассчитывала понежиться под горячим южным солнышком, но для него важней оказалась какая-то машина...

Становилось душно. Лобовое стекло фокусировало солнечные лучи не хуже выпуклой линзы, и передняя панель очень скоро превратилась в пылающую батарею. Алена потянулась включить кондиционер и обнаружила, что Стас забрал с собой ключи. Какого, а? Этот урод только о себе и может думать...

Промаявшись некоторое время, она не выдержала и выбралась наружу. Злое солнце немедленно обрушилось сверху. Поморщившись, Алена продралась через колючий шиповник к ближайшим деревьям – туда, где густые кроны давали хоть какую-то тень. Обнаружив выпирающий древесный корень, она уселась на него и вытянула ноги, прислонившись к теплой коре. Оставленная машина блестела на солнце, пуская солнечных зайчиков по высокой траве.

- Аленееееена!

С тупым удивлением она поняла, что задремала. Блик, отраженный автомобильным стеклом, успел переместиться к самым ее ногам, когда она неожиданно проснулась. Кто-то звал ее по имени.

Алена вскочила, пытаясь определиться, откуда доносится крик.

- Я здесь! Стас?

Тишина. Может быть, ей все только приснилось?

- Аленееееена!

Теперь она увидела – далеко в лесу, между стволов деревьев промелькнула белая футболка. Сделав пару шагов непослушными затекшими ногами, она крикнула:

- Стас, я здесь! Иди сюда!

Он обернулся. Лица она не разглядела, но поняла, что Стас увидел ее, потому что махнул ей рукой. Она тоже замахала ему, забыв, что обиделась. Все-таки оставаться здесь одной было как-то неуютно... и немного страшно. Как здорово, что он возвращается, вместе они что-нибудь придумают...

Он отвернулся и пошел в лес.

Что за черт?

- Стаааас! – крикнула она изо всех сил, не веря своим глазам. Он обернулся снова, махнул ей рукой и как ни в чем не бывало продолжил путь.

- Стой!

Не выдержав, она побежала за ним. Какого черта он творит, что о себе возомнил вообще? Злость быстро возвращалась, словно никуда и не уходила.

- Стас, подожди!

Она запнулась о корень и чуть не упала. Высокая трава цеплялась за щиколотки, оставляя порезы и царапины, правую ногу больно ужалила крапива. Лес шел под уклон, и девушке приходилось осторожничать, чтобы кубарем не покатиться вниз. Она понемногу нагоняла Стаса. Он ступал медленно и осторожно; неожиданно Алена поняла, что он хромает.

- Стас!

Она вышла на тропинку, спускающуюся в небольшой овражек. Он стоял на другой стороне, прислонившись к дереву. Его джинсы потемнели и заворсились, волосы всклокочены, футболка вся в налипших листьях и колючках... и где только он лазил?

- Ну подожди, засранец, - пробормотала она, тяжело поднимаясь к нему по травянистому склону. – И что это за игры? Почему я должна за тобой бегать, я что...

Он обернулся, заставив ее подавиться заготовленной фразой. Это был не Стас. Разумеется, это был не он – как она вообще могла спутать? Парень, стоящий перед ней, посмотрел на нее глубоко посаженными белесыми глазками и молча продолжил свой путь. Это вывело ее из оцепенения.

- Куда ты идешь? Подожди, - она быстро догнала его и схватила за рукав. – Ты местный? Мне нужна помощь.

Он снова глянул в ее сторону, нахмутив жидкие брови. Алена почувствовала, что теряет терпение.

- Ты понимаешь, что я говорю?

Молчание. Боже, ну и урод.

- Ты глухой? А... да чтоб тебя...

Неожиданно она услышала песню. Низкие, гортанные звуки, перекликающиеся с частыми деревянными перестуками, вязко тянулись среди стволов. Алена с удивлением поняла, что не понимает ни слова. Отпустив рукав незнакомца, она сделала пару шагов к зарослям ивы, раздвигая податливые ветви.

На лесной поляне горел костер, вокруг которого плясали люди – молодые парни и девушки, все в ярких красных и белых одеждах. С краю возле деревьев толпились старики, наблюдающие за танцами – редкие седые волосы аккуратно причесаны, на головах пестрят венки из цветов. Чуть поодаль Алена увидела мужчин, играющих на деревянных ложках. Стоящие вокруг них пели низким горловым голосом, и блики костра отражались в их черных глазах. А в центре поляны, в образованном огнем круге стояло чучело – в два человеческих роста, толстые ноги-бревна, руки – узловатые коряги, глаза из древесных кап смотрят в разные стороны из-под травяной шапки волос, а внизу – Алена моргнула несколько раз, чтобы убедиться в этом – болтаются деревянные мужские причиндалы внушительных размеров.

Она огляделась, ища, к кому обратиться. Неожиданно ложки разом смолкли, плясуны остановились, как по команде. Алена вздрогнула. В наступившей тишине их лица, обращенные к ней, показались ей лишь масками людей. Потом наваждение пропало.

Она открыла рот, но смешалась; три девушки вышли к ней, неся кусок красной ткани и венки из ромашек, и прежде, чем она успела что-то понять, на ее голове оказался круг из переплетенных цветов.

- Привет... вы мне не поможете?.. - начала Алена, а потом красная накидка опустилась на ее плечи, и подоспевшие молодцы с рябыми рожами втянули ее в толпу.

- Стойте, - сказала она, пока держащий ее за руку парень с торчащими в разные стороны патлами прокладывал путь среди аборигенов, - подождите! Мне нужна помощь, мы

сломались...

Грянули ложки – гулко, громко, словно барабаны. Парни вокруг нее похватили девушек и пустились в пляс; кто-то подхватил ее за талию и закружил. Едва успевая переставлять ноги, Алена встретила глазами с симпатичным черноволосым парнем, чьи руки ухватили ее за ягодицы. Прежде, чем она успела возмутиться, партнер сменился – блондин с уродливой бородавкой на носу закружил ее в другую сторону, и голоса продолжили свою странную песню. Внезапно на пути возник костер, и они не задумываясь перепрыгнули его.

О, эти милые деревенские забавы...

Вот так-то, Стасик, внезапно подумала она. Я нашла их первая и, пожалуй, повеселюсь на празднике, а ты можешь бродить в грязи и дальше, если хочешь.

Перехватив руки поудобнее, она широко улыбнулась своему кавалеру, а он улыбнулся в ответ, обнажив шеренгу кривых пожелтевших зубов.

Стас яростно топтал траву, пока злосчастный подъем не скрылся за деревьями. Мысли крутились вокруг покоренного днища почти новой машины. Вряд ли джип получил серьезные повреждения, однако оси могли погнуться, и бог знает что там еще отвалилось, когда колеса скovyрнулись вниз... и какого черта они не свернули в другую сторону?

- Эй! Есть тут кто?

Темные дома молчали. Его голос, срикошетив от деревьев, утонул где-то в лесу. Стас остановился, прислушиваясь. Если старик не врал, откуда-то должны были доноситься звуки праздника...

Ничего – лишь ветер гулял в кронах. Солнце, застывшее прямо над головой, нещадно палило. Он двинулся дальше, жалея, что не захватил кепку.

Если в деревне никого не окажется, придется топать до трассы пять километров. Телефон здесь никогда не ловил, но может быть, удастся поймать попутку, доехать-таки до Скобянино и вернуться сюда на тракторе... похоже, в этот раз Алена оказалась права. Мысли об этом с нарастающим упорством лезли в голову.

«Вернемся на трассу и поедem в город. Все равно, отдых уже испорчен»

«Мы повернем назад, как только узнаем дорогу. Я все сказал»

Нет, ну как можно было быть таким идиотом? Первая злость прошла, и теперь, оказавшись здесь, среди пустых лачуг, где некому прийти на помощь, Стас чувствовал растерянность. Растерянность... и страх.

Он огляделся.

Они стояли полукругом в центре вытоптанной площадки, словно расступившиеся в стороны хибары освободили для них место. Грубо вырезанные лица смотрели с высоких столбов хмуро и неприветливо.

Ну и дела.

Стас остановился в центре круга, рассматривая деревянных истуканов. Прямо перед ним возвышался грозный бородатый старик с молнией в руках; справа от него стоял мужик с луком – у его ног из дерева вырезали голову собаки; лик следующего, несомненно, изображал солнце. Также там были красивый юноша, увитый деревянными побегами растений, полноватая нагая девушка с тяжелыми грудями и сгорбленный, почерневший человечек, изо рта которого, вне всякого сомнения, торчали клыки, а голову увенчивали маленькие рожки. Истуканы гладели на него с холодным равнодушием.

Вот так история. Все это время в каких-нибудь пяти километрах от Скобянино в глухом лесу ютилось это маленькое языческое поселение, которого и на картах-то нет. Интересно, эти люди жили здесь с древних времен – или это просто бежавшие в свое время крестьяне, основавшие в лесах форпост и сменившие религию?

А ведь язычники действительно отмечают день летнего солнцестояния, называемый теперь днем Ивана Купала. «Купайло! Ходи!» - вспомнились ему слова деда, так отчетливо, словно старик шепнул их ему на ухо.

Он сглотнул, чувствуя на языке неприятный медный привкус. Черт их разберет, этих

деревенских – никогда не знаешь, чего от них ожидать. Тем более, от жителей заброшенного языческого поселения. Нужно вернуться и забрать Алену – нечего ей там одной сидеть.

А еще ему захотелось достать из багажника бейсбольную биту.

Осознание неправильности происходящего появилось не сразу. В какой-то момент Алена поняла, что людей вокруг как будто становится все больше и больше. Горловые звуки песни растекались, почти осязаемо плавая в воздухе, а дым от костра обволакивал поляну, и от его приторного сладкого запаха ей вдруг стало дурно. Ноги заплелись, и она едва не упала, но новый партнер неожиданно грубо вернул ей равновесие, увлекая за собой. Она пыталась что-то сказать, когда увидела их.

Серое, ничего не выражающее лицо мелькнуло и исчезло в дыму, затерявшись среди красных рубаш и белых платьев. За ним показалось второе – сморщенное, черное, глаза подернуты серой дымкой, тело – плотная тень, не касающаяся земли. Оба исчезли прежде чем она поняла, показалось ей или нет. Алена кинула взгляд в другую сторону – и с пугающей четкостью увидела серые фигуры, бредущие среди деревьев. Густая мгла крутилась у их ног, лица, словно сотканые из плотного тумана, бесстрастно плыли в воздухе. Одна за другой тени втягивались на площадку, смешиваясь с танцующими, но аборигены будто не видели их.

Она не закричала. Происходящее казалось нереальным, но каким-то странно уместным, правильным... да, правильным. Страшные лица вращались все быстрее, постепенно заменяя танцующие пары, и скоро на поляне осталось никого кроме их безумного хоровода, центром которого была она... и круг огня, заключающий в себя нелепое чучело. Алена не помнила, как оказалась там – словно что-то сильное подняло ее и перенесло через костер, опустив у его бревен-ног. С тупым удивлением увидела она сваленные на цветочное ложе овощи и несколько куриных тушек у самых ее рук.

Стучали ложки – все сильнее, отбивая бешеную дробь. В голове странно плыло; поляна раскачивалась, словно чаша колокола. Сквозь завихрения огня ей виделись лица – страшные серые тени окружили костер... а за ними стояли люди, словно ожидая чего-то.

Эта мысль пронзила ее, отрезвляя одурманенную голову взрывом ужаса. В этот момент что-то раздвинуло деревья, стоящие на краю поляны, и все звуки смолкли. И вот тут-то, поняла она, леденя, и начнется самое ужасное...

Теперь собравшиеся смотрели куда-то вверх – но она завопила лишь тогда, когда узловатая рука-коряга со скрипом протянулась к ней сзади и крепко стиснула поперек груди.

Стас застыл, не в силах поверить своим глазам. Машины не было.

Он вернулся со всей возможной поспешностью, на ходу придумывая слова примирения, и понял, что едва не прошел место аварии только тогда, когда дорога перевалила за вершину холма и заструилась вниз.

Машины не было.

Он стоял на самой вершине, с колотящимся сердцем оглядываясь по сторонам.

Происходящее начинало казаться ему дурным сном, чем-то иррациональным, невысказанным. Вот же они – следы от протекторов на влажной земле, вот примятая днищем трава. Но где же сам джип... и где Алена?

Мирная тишина этого богом забытого места теперь казалась ему пугающей, почти зловещей. Он был уверен, что в такую погоду любой звук разносился бы далеко вокруг – но не слышал ни звука работающего двигателя, ни голосов людей. Можно было бы предположить, что Алене удалось завести машину и сдвинуть-таки ее с места, после чего она уехала назад назло ему, однако Стас прекрасно знал, что девушка не умела водить. Но что же тогда, черт возьми, могло произойти?

Он негромко позвал ее, пугаясь звуков собственного голоса. Потом опустился на колени, внимательно осматривая влажную почву. В грязи отпечатались следы рубленой подошвы алиениных кроссовок – однако она могла оставить их и тогда, когда выходила в первый раз. На

всякий случай он последовал за ними, пачкая джинсы в травяном соку.

Следы сворачивали в лес.

Оглянувшись, Стас нырнул в заросли шиповника. Сначала следы были отлично видны в сырой земле, но скоро грязь уступила место сосновым иголкам и прошлогодним перепрелым листьям, и он сразу же потерял их. Куда это она направилась так целеустремленно, хотелось бы знать?

Он завертелся, пытаясь снова обнаружить след. Позвал ее, но даже эхо не ответило на его голос. А потом яркое пятно, настырно маячившее где-то на пределе видимости, привлекло его внимание. Стас посмотрел туда и увидел странно знакомый предмет валяющийся в зарослях. Он подошел поближе, присматриваясь.

Его кепка. Та самая, которую он оставил на панели автомобиля, о чем после сожалел. Прямо над кепкой стояло могучее дерево, и его толстый сук, переломленный почти у основания, свисал вниз, как перебитая рука. Стас огляделся. На нескольких соседних деревьях также были сломаны ветки, и листья осыпали лесную поросль.

Ему не хотелось об этом думать, но он все равно думал, пока шел вперед по образовавшемуся коридору. Что-то сломало все эти ветки. Что-то достаточно большое, чтобы...

Поднять автомобиль.

Стас перелез через молодую осину, вывороченную с корнем – и замер, пораженный. В этом месте лес обрывался, словно половину холма стесали исполинским ножом, и лишь несколько чахлах деревьев тщились карабкаться по отвесной земляной стене. У подножия обрыва валялся их автомобиль – покореженный и смятый, как консервная банка. Неведомая сила вдавила крышу внутрь, после чего согнула корпус пополам, отчего нос джипа задрался и смотрел в небо, оскалившись разбитой радиаторной решеткой. На примятую траву вытекало масло, влажно блестящее на солнце.

Вокруг уничтоженной «Тойоты» покоились другие автомобили. Многие из них совсем заржавели и поросли травой, словно лежали тут уже многие годы, пока солнце и земля довершали начатое разрушение, а некоторые выглядели почти новыми – но их вид ужаснул Стаса больше всего остального.

Ну и дела, Алена. А ведь эта история, видимо, повторялась из раза в раз. Поворот не туда, отказавший навигатор, покинутая деревушка... вот кто бы только сказал, что стало с хозяевами этих разбитых машин?

Он отступал, пока не запнулся о дерево и не свалился, вскрикнув от испуга. А потом откуда-то сзади донесся отчаянный вопль, заставивший Стаса похолодеть. Он знал этот голос.

А потом он побежал.

Ветви мелькали то слева, то справа, норовя выбить глаз или оцарапать лицо, а трава цеплялась за ноги, пытаясь повалить на землю, но Стас все равно бежал. Крики звучали слабее и глуше, а темнота, сгущающаяся под древесными кронами, с каждым шагом становилась все осязаемей, словно засыхающий сироп. Сама земля здесь, казалось, сочилась ядовитыми испарениями, и толстый слой папоротниковых листьев покрывал ее темно-зеленым ковром. Они были всюду, расходясь в стороны, когда он делал шаг, и смыкаясь за его спиной.

Крики давно стихли, когда невидимая рука поймала Стаса за ногу и он упал на землю среди солдат папоротникового воинства. Голова нещадно кружилась, и казалось, что земля раскачивается под ним, как корабельная палуба. Он поднял голову, пытаясь сфокусировать зрение...

Перед ним, наполовину вросший в землю, лежал человеческий череп. Стас отшатнулся, сминая папоротниковые побеги, а потом увидел их.

Размытые серые тени заключили поляну в круг; дряхлые, сморщенные лица были обращены к нему, и тяжелый черный туман клубился у их ног. А еще Стас слышал шаги – тяжелая поступь, сопровождаемая треском ломаемых веток, приближалась из леса.

- Нет, - прошептал он; по щекам скатились две слезы, прочертив тонкие дорожки. Пальцы сжались в кулаки. - Нет...

Ближайшая сосна наклонилась в сторону, и на папоротниковую полянку ступило нечто. Огромные тупые глаза-наросты уставились на Стаса, в густой травяной бороде кривился грубо вырезанный рот, а по здоровенной свисающей елде стекала темная красная жидкость.

Купайло.

В узловатой лапе чудовища болталось обнаженное женское тело. Длинные белые волосы Алены покраснели от крови, из распахнутого рта вывалился распухший язык, окровавленные ноги вывернуты под неестественными углами...

Взмахнув рукой, монстр отшвырнул мертвую девушку, и она упала рядом со Стасом, распластав руки по земле. Оглушенный, он смотрел в ее остекленевшие глаза – в ушах оглушительно бухал молот, и все вокруг плыло, а потом откуда-то сверху донесся посторонний звук – длинный, протяжный скрип сгибающегося дерева, и земля полетела куда-то вниз...

Люди, облаченные в праздничные наряды, собирались на священной поляне. Праздник был окончен, и навьи вернулись в свое сумрачное царствие, умиротворенные еще на один год. Папоротник, примятый танцами летнего Бога, успел подняться, и теперь молодые стебельки перешептывались между собой, возбужденные полученными подношениями.

На жертвенном кургане образовались два новых холмика, и папоротниковые побеги над ними оживленно шевелились. Прямо на глазах из земли пробивался новый стебелек, рос, тянулся к солнечному Богу, набухая тяжелым бутонем. Не прошло и десяти минут, когда бутон распустился прекрасным цветком – и это было добрым предзнаменованием.

Жители деревни расходились по домам – уставшие, но довольные. Боги приняли их дары. Урожай в этом году будет тучными, леса – полными дичи, и болезни минуют их.

Аттракционы (Татьяна Томах)

- Христо, бездельник, чтоб тебе повылазило! Ты почистил рыбу? Нет?! Я разве просила тебя полировать чешую или менять седла, я велела просто почистить рыбу! - Грозный голос тети Ксаны грохотал как гром, потемневшие глаза сверкали молниями, а сдвинутая набок цветастая косынка и толстые кольца золотых серег придавали ей сходство с пиратом. Рассерженным пиратом, собравшимся кого-нибудь зарубить. Вместо сабли в руке тети Ксаны красовался остро наточенный тесак. - Ты уже считаешь, что старая дама должна вместе со своим радикулитом и слабой спиной сходить на базар, наварить на всех обед и еще переделать твою работу?

Могучей спине тети Ксаны позавидовал бы и молотобоец, но Христо решил не возражать.

- Сейчас-сейчас, - торопливо зачастил он, отступая от тесака на безопасное расстояние, - туточки ворота облупились, и я... - он продемонстрировал хозяйке банку краски с полузатоленной кистью.

- Я велела не малевать забор, а чистить рыбу, поганец!

«Нет, - подумал мальчик, - только не это.» Он надеялся, что за утро хозяйка забудет про поручение, и потому оттягивал его выполнение, отвлекаясь на мелкие дела.

- Сейчас-сейчас, - пролепетал он, - я только...

- Вы гляньте на этого негодяя, - возмутилась тетя Ксана, всплескивая руками. Куры, единственные зрители этой сцены, отчаянно хлопая крыльями, с кулдыканьем метнулись прочь, приняв взмах тесака на свой счет. - Я его кормлю и пою, волоку на слабой спине дом и дело, а он... Сейчас же выкинь эту вонючую банку и иди чистить рыб!

- Уже иду, тетенька Ксана, - пролепетал мальчик. «Почищу синюю. И скажу, что я...»

- Обеих рыб! Понял?!

Сглотнув, мальчик кивнул. Он не знал, чего больше сейчас боится - тети Ксаны или Белой рыбы. Синяя еще ладно, Синяя смиренная, а Белая...

Они серьезно поссорились в первый раз.

- Ты не понимаешь! - кричала Аська.

- Нет, это ты не понимаешь! - перебил он, с трудом удержавшись, чтобы вообще не назвать ее дурой. Но Аська, кажется, почувствовала это, произнесенное, как обычно чувствовала другие, ласковые слова в одной улыбке, беззвучно отвечая смеющимися губами: «Я тебя тоже». И обиделась. Ушла на кухню и молча уселась там над кружкой остывшего чая. Одинокая, никем не понятая и печальная. Рисовать замерзшим пальчиком на холодном стекле отчаянные письма, в надежде, что хотя бы в зазеркалье найдется кто-то сочувствующий.

Долго Андрей не выдержал. Обнял вздернутые плечи, тронул губами теплую щеку.

- Асенька...

- Я никогда-никогда, - тихо сказала Аська, - ...я никогда не видела моря. Оно мне снится, понимаешь?

- Я знаю, - Андрей вздохнул. Море было Аськиной мечтой, и глупо надеяться, что можно всю жизнь морочить ей голову расплывчатыми обещаниями «вот через пару лет обязательно, а сейчас сама понимаешь» ... Но он думал, что хотя бы не так скоро, что хотя бы эти пару лет у них еще будет...

- Если бы была какая-то опасность, если хоть что-то из этих слухов было по-настоящему, они бы не разыгрывали эти путевки, - убежденно сказала Аська, шмыгнув носом. - Ну да? Скажи - да? Ты ведь сам говорил мне, что все под контролем, что нечего беспокоиться?

- Говорил, - с неохотой согласился Андрей. - Чтобы ты и не беспокоилась зря. Потому что...

- Потому что - что? Ну? Договаривай, я же не маленькая.

- Маленькая, - усмехнулся Андрей, целуя ее в висок, в завитки светлых и нежных как пух волос. - Потому что мы все равно ничего не можем изменить. Только бояться или не бояться. Но от того, что мы не боимся и не думаем, это никуда не девается.

- И ты решил за меня - думать мне или нет? - возмутилась Аська.

- Асенька... - было невыносимо так с ней говорить. Хотелось ее обнять, защитить. Убедить в том, что мир вокруг предсказуем и безопасен. То есть - наврать что-нибудь утешительное.

- Ты сам говорил, что нечего верить слухам. И что если в официальных источниках...

- Они врут, Ася. Они всегда нам ввали, - Андрей понизил голос. - О том, что происходит за границей. Что происходит у нас. Что они все контролируют. Потому что это в принципе нельзя контролировать. Талантливо сплетенная паутина вранья, чтобы мы запутались и не смогли выбраться. Чтобы одним движением липкой нити можно было бы каждого... - он осекся. Вряд ли кухню прослушивают, но есть вещи, которых не стоит говорить ни при каких обстоятельствах.

Аська смотрела на него округлившимися глазами. Потом вдруг сказала, сбросив его руку со своих плеч:

- Тогда чем ты лучше? Если ты со мной - так же как они?

До пансионата надо было еще ехать на автобусе вдоль побережья, но Аська не утерпела.

- Смотри, смотри, - крикнула она, - море!

И потащила Андрея за рукав туда, где за крышами домов проблескивала серебристо-лазурная полоса. Андрей вздохнул, перехватил поудобнее тяжелый чемодан и поплелся следом.

Пыльная каменистая дорога вильнула за угол дома, ощерившегося пустыми глазницами окон, и неожиданно вывернула к маленькой бухте. Аська восхищенно ахнула. В оправе золотого песка изумрудная, пронизанная светом вода сияла как драгоценный камень. Мелкие волны с шелестом накатывались на берег, солнечное кружево мерцало на зыбкой морской поверхности. Аська выронила сумку прямо на дорогу, и как замороженная, медленно пошла к воде.

Андрей хотел было ее окрикнуть, остановить, но заметил на краю бухты, на камнях, купающихся мальчишек, загорелых до черноты, похожих на маленьких вертялых чертенят, и осекся. Аська, наверное, почувствовала его несостоявшийся крик, обернулась, махнула рукой. На ее лице сияла улыбка.

- Эй, - позвала она, - давай сюда!

Он кивнул, плюхнул у дороги осточертевший чемодан. Рванул ворот промокшей от пота рубахи.

Все было не так. Слишком яркое солнце, слишком душный воздух, слишком безобидное море, слишком... Тут он увидел Аськины небрежно сброшенные туфли - один на боку, второй - нахлебавшийся песка. Как утонувшие кораблики. И Андрея вдруг захлестнул ужас. Дикий, необъяснимый; материализовавшаяся холодная тень тех кошмаров, что не давали ему толком высыпаться в последнее время и забывались сразу же, как он открывал глаза. Андрей, оцепенев и не имея сил отвести взгляд от утонувших в песке туфель, стоял под жарким полуденным солнцем и трясся от озноба.

В себя его привел слегка обиженный окрик Аськи:

- Эй, ты что там?

Он вздрогнул, заставил себя отвести взгляд от брошенных туфель, посмотреть на Аську - живую, здоровую и очень счастливую. С усилием, будто в финальном рывке выжимая штангу, Андрей поднял руку, махнул в ответ.

- Иди, иди скорее! Вода теплючая!

Вода, и вправду, была теплая. Песчинки щекотали ступни, иногда под ногу попадала ракушка, Аська теряла равновесие, взвизгивала, хваталась за Андрея. Сперва они вдвоем поплескались на мелководье, смеясь и дурачась. Андрей заставлял себя улыбаться в ответ, и ослепленная морем Аська не замечала фальши. А потом она сказала:

- Поплыли? - и махнула рукой вперед, где бирюзовая вода становилась сперва темно-синей, а потом почти черной.

- Аська, я... - глухо пробормотал Андрей, холодея в один миг и покрываясь мурашками. - Я устал очень. И голова кружится от солнца. Давай как-нибудь потом, а? Пойдем сейчас в пансионат уже? Пожалуйста.

Аська посмотрела на него с удивлением. Потом растеряно кивнула. Андрей выдохнул, обнял ее за плечи и почти вытащил на берег. Ему очень хотелось обернуться и снова посмотреть туда, где светлая вода становилась черной, но он сдержался.

И решил не говорить Аське ни слова про свои сны.

Начальник пансионата, представившись — Краснов Игорь Степаныч - выдал им для изучения по тонкой книжице.

- Инструктаж по ТБ. Прочесть, - строго велел он, сдвинув на лоб квадратные очки, отчего сразу стал похож на учителя, - вопросы потом - мне, подпись, дату - в журнал. Чтобы после, если чего...

- Если - чего? - спросил Андрей.

- Вопросы - потом, - строго повторил Игорь Степаныч и углубился в бумаги, наваленные на столе.

Первой спросила Аська, полистав книжицу до конца.

- Простите, а что...

- Да, девушка? - доброжелательно улыбнулся Игорь Степаныч. Андрею его улыбка не понравилась.

- А что, в море купаться нельзя?

- Там непонятно написано?

- Понятно. Но ведь...

- Два бассейна, - сказал начальник и поморщился - наверное, ему приходилось повторять это не раз. - Один с пресной водой, другой с соленой. С восьми до двадцати. По пятницам - до двадцати двух. Чего непонятно?

- Но море... - растеряно пробормотала Аська.

- Любуемся, - объяснил Игорь Степаныч, опять морщась. - Прогулки по аллеям, Морская номер один и номер два.

- До двадцати ноль-ноль? - уточнил Андрей, сверяясь с книжицей.

- Именно! - обрадовался начальник. Подтолкнул толстый гроссбук, ткнул пальцем в новую страницу, - Дата, подпись. Прошу. Талоны на питание получите у Натальи Алексеевны.

- А... - растеряно начала Аська.

Андрей легонько сжал ее плечо, протянул ручку, подвинул гроссбук. Сказал мягко:

- Вот здесь подпиши. Дату я поставил.

Андрей почти силой вытащил упирающуюся Аську в коридор.

- Ты чего? - рассерженно зашипела она.
- А ты? Что ты как маленькая? Не понимаешь, что ничего не изменишь своим возмущением?
- А ты...
- Что?
- Ты так и хотел, да?!

Аська вывернулась из его рук и побежала к выходу.
Андрей не стал ее догонять. Потому что он так и хотел. Подальше от этого проклятого моря.

Синяя рыба была еще ничего. Смирная. Она просто иногда виляла хвостом, как игривый щенок, и вздыбливала металлическую чешую на загровке. Но если на нее прикрикнуть и двинуть кулаком в бок, успокаивалась и опять застывала неподвижно, прикрывая глаза веками из крашеной парусины. Снова становилась как неживая. И можно было притвориться перед самим собой, что ничего такого не происходит, что механическая рыба не шевелится сама по себе. «Подумаешь, - бормотал себе под нос Христо, натирая ветошью блестящую синюю чешую, - видали мы таких рыб». Шестерни да рычаги внутри, а сверху — жесть и парусина. Да, еще деревянное седло на узком хребте, чтобы удобнее крутить педали.

Дядя Костя, небось, был немного не в себе, когда придумывал эдаких страховлюд — огромных железных рыб с седлами и педалями. Впрочем, у него все изобретения были странноватые. А детям нравилось. К этому аттракциону всегда была очередь. Да и понятно — залезаешь в седло, сразу выше всех. Крутишь педали, и рыба начинает двигаться, катится вперед, по рельсам, в воду, да еще моргает глазами и крутит хвостом на поворотах, брызгается. Дети визжат от восторга, взрослые подбадривают, рыбы катят наперегонки, кто быстрее. На финише все обычно клячат у мамы-папы хотя бы еще один круг. Христо сам любил покататься, конечно, уже после закрытия. Дядя Костя разрешал, иногда и сам садился на вторую рыбу. Они так и катили рядом, дядя Костя — на Белой Акуле, Христо — на пучеглазом Синем Карасе. Первый круг неторопливо, вроде как по работе — посмотреть, как идут рыбы, ничего ли не скрипит, не шатается. Ровно ли моргают, вовремя ли бьют хвостами. Иногда Христо первый замечал неполадки, и потом гордился похвалой дяди Кости. После первого круга дядя Костя, откинув чешуйную кольчугу, залезал в рыбе брюхо, подкручивал, подправлял там, что надо. Второй круг ехали проверочным, а потом уже как получалось. Например, дядя Костя говорил — а вот, скажем, если Белую перевести на внутренний круг, сможет ее обогнать Карась или нет? Проверим? И они проверяли. Иногда увлекались, летели круг за кругом, крутя педали. «Эгей, Акула!» - кричал дядя Костя и хлопал свою рыбу по хребту, будто подбадривая. «Вперед, Карась!», - отзывался Христо и лупил Синего пятками по бокам, будто тот был живой лошадей, а не железной рыбой. Случалось, за этой гонкой их заставляла тетя Ксана, забрызганных и довольных.

Дядя Костя смущался, сейчас же тормозил Акулу, доезжал неспешно до мостика, делая вид, что проверяет что-то в рыбих внутренностях на ходу. Тетя Ксана молчала и тихонько улыбалась. Она вообще часто улыбалась и почти никогда не ругалась, пока дядя Костя был жив.

Дядя Костя потонул во время Второго наводнения. Тогда море дошло почти до гор, накрыло весь поселок. В последний момент всех предупредили, можно было успеть спастись. Почти все местные успели. Даже кошки ушли — еще заранее, с утра, кто потихоньку, а кто пытался сказать хозяевам о беде истошным мявом. Потонула только запертая скотина, да собаки на привязи, о которых забыли впопыхах. И дядя Костя. Собрав домашних, он вдруг рванул к аттракционам — что-то там закрепить, чтобы не сломало

водой. Атракционы остались целехонькие, а дядю Костю так и не нашли. После этого целый год разом постаревшая тетя Ксана вскакивала среди ночи на каждый шорох. Ждала или живого дядю Костю или известия о нем, мертвом. Не дождалась ни того, ни другого. Море сожрало дядю Костю целиком, вместе с его аттракционами — потому что те после наводнения больше не работали. Что-то, видно, в них повредилось, внутри. Только карусель работала, но и та наполовину. Вертелся, поскрипывая, общий круг, но морские коньки с узорными изящными хвостами, толстый розовый кальмар и пучеглазый осьминог с длинными щупальцами, оживать не хотели.

Через год после исчезновения дяди Кости тетя Ксана сдалась. Налила две маленькие стопочки самогона, одну — Христо.

- Ничего, - сказала на его удивленный взгляд. - Можно. Ты теперь старший мужчина. Ее темные глаза тут же налились слезами.

- За помин души, - быстро сказала она и одним махом опрокинула в себя стопку. И сейчас же налила следующую. Она пила и беззвучно плакала, крупные слезы катились по ее щекам, падали на вышитую кофту в цветочек — подарок дяди Кости. Христо отводил глаза, ему тоже хотелось заплакать, но он сдерживался. Потому что если он теперь старший, как будто вместо дяди Кости, то нельзя.

— А я ведь тебе говорила, - вдруг пробормотала тетя Ксана дрожащими губами, неподвижно глядя в стенку. Христо сначала было дернулся, а потом понял, что она обращается не к нему. И замер. Потому что, по-хорошему, теперь надо было встать и тихонько уйти. - Говорила ведь, Костя. Не дразни их. Не дразни! Что, теперь, у них там будешь свои карусели делать? А я как же? Как я без тебя?!

Тетя Ксана вдруг согнулась пополам, будто кто-то невидимый резко ударил ее поддых, и завывала громко и отчаянно. Без слов, как воет пес по мертвому хозяину.

Христо сидел, будто замороженный. Хотел ее утешить, но не смел. Несколько раз протягивал руку к вздрагивающей спине, и отводил.

На следующий день тетя Ксана стала уже совсем другая. Строгая и крикливая. «Христо, бездельник, подмети дорожки, а почему ворота еще не починены? Завтра открываемся, забыл, бестолочь?» Христо так и не решился у нее спросить, про кого она говорила вечером. А, скорее всего, она бы и не ответила.

А с тех пор как начали оживать проклятые рыбы — синяя еще ладно, она смиренная и по старой памяти слушается Христо, а вот Белая Акула... Но теперь у тети Ксаны вообще страшно что-то спрашивать.

Хотя, наверное, Христо и сам знал ответ. Только не хотел в этом признаваться даже самому себе.

Андрей проснулся рывком, вынырнув из привычного уже кошмара, призрачно-зеленой глубины, где плавали жуткие тени, свивались огромные щупальца и мерцало Аськино лицо, незнакомо и страшно искаженное текучей водой. Он лежал несколько секунд неподвижно, тяжело дыша, не понимая, проснулся он уже по-настоящему или нет. А если проснулся, то почему не дома. Потом вспомнил - пансионат. Перевел дыхание, повернулся. На соседней подушке темнела Аськина голова. Андрей потянулся рукой и замер, не решаясь дотронуться. Вдруг испугавшись - тенью еще маячившего за веками кошмара - что Аськина кожа будет холодной, а волосы - мокрыми и липкими от морской воды. Потом, преодолев ледяную дрожь, дотянулся до Аськиного плеча. Она вздохнула, пробормотала что-то невнятное, потянулась к Андрею и уткнулась лицом в его шею, горячо и щеkotно дыша. Аська была

теплая, уютная и родная - от пушистой растрепанной макушки до розовых, боящихся щекотки, пяток.

Бассейна, конечно, ей было мало.

Они выбрались на волю, за территорию, огражденную металлическим высоким забором. Побрели по направлению к деревне, но на самом деле - к морю. Возле пирса старик возился с лодкой - вычерпывал из нее воду консервной банкой.

- А, молодежь! - окликнул он прохожих. - Свежей рыбки? Тока наловил.

Нырнув куда-то внутрь лодки, он вынул сетку, где переливались быстрые серебряные тела.

Заметив гримаску на лице девушки, рыбак немедленно сменил тактику.

- А покататься?

- С парусом? - спросила Аська, с интересом разглядывая лодку.

- А как же, - оживился дед. - С им. И погода вон, - он картинно прищурился из-под широкой корявой ладони на солнце, - Садись молодежь, занимай места в партере, - и вдруг заговорщически, хитро подмигнул Андрею. Андрей отступил, потянулся удержать Аську, но она уже, улыбаясь, залезла в лодку, опершись на галантно подставленную руку старого рыбака.

Ладно, - решил Андрей, поколебавшись и оглядывая улыбающегося старика, крепкую лодку и безмятежную гладь моря. Лучше так, чем Аська сама полезет в воду. И во сне... во сне все было не так.

- Недалеко, - предупредил он рыбака, - до того мыса и обратно.

Старик послушно закивал.

Парус то надувался, то опадал под слабым ветерком, лодка неторопливо скользила по морю. Дед правил, негромко напевая что-то залихватски-веселое, Аська смеялась, перегнувшись через борт, перебирала пальцами в искристой от солнца воде, будто плела что-то волшебное из сияющих нитей.

Все изменилось в один миг. Сперва Андрей увидел внизу, в глубине, невнятную огромную тень. Хотел крикнуть, предупредить, но не успел. Тень будто вдруг выплеснулась из воды, накрыла сумраком и светлое небо, и яркое солнце. И лодку с пассажирами. Взыл ветер, лодка качнулась а потом поднялась на дыбы, как взбесившийся конь. Аська закричала. Андрей прыгнул к ней, поймал маленькую мокрую ладошку - и упустил. Повторялся сон, который до того снился Андрею много раз - Аськино отчаянное лицо уплывало от него в зеленовато-темную глубину.

Его вытащили спасатели через несколько часов. Андрей сопротивлялся, но сил у него уже почти не оставалось. Он пытался ухватить спасателей за скользкие куртки, промахивался, и умолял их не уплывать, дальше искать Аську.

- Найдем, - пообещал старший, бородатый, с добрыми серыми глазами. - Держи одеяло, парень. И глотни-ка вот.

Из фляги резко пахло спиртом, от курток спасателей — рыбой и водорослями. Бородатый, конечно, наврал — катер повернул к берегу.

Дальше Андрей помнил смутно. Окружающее поплыло куда-то в сторону. Андрею показалось, что он погружается на дно, а вокруг в воде покачиваются обломки разбитых лодок и бледные безвольные мертвецы. Один, в лейтенантских погонах, с сердитым и чуть размытым лицом, нудно выпрашивал про фамилию и домашний адрес. Адрес вспоминался,

но не тот, что нужно, и вообще, если все утонули — какой может быть на дне моря, адрес? Андрей попытался подплыть поближе к лейтенанту и все объяснить, но запутался в водорослях и опрокинул по дороге то ли стол, то ли стул. Потом из водорослей выплыл начальник пансионата, нервно поправляя очки, и держа под руку огромную медузу с блондинистым начесом и медицинским чемоданчиком.

- О, вы тоже утонули, - обрадовался Андрей знакомому лицу и поплыл к Игорю Степанычу. Слегка опасаясь медузы, он сильнее греб правой рукой, и видимо поэтому ударился о дверь.
- Держитесь, голубчик, - неожиданно сердечно сказал Игорь Степаныч, и подхватил Андрея под руки. - Антонина Петровна, ну что вы там?
- Сейчас-сейчас, - ответила медуза, щелкая чемоданчиком. Андрей хотел увернуться от нее, но не успел — медуза выстрелила в него щупальцем, и яд жгучей волной немедленно начал расползаться от точки укуса, парализуя тело. Краем глаза Андрей вдруг заметил Аську, уплывающую все дальше и глубже, и рванулся следом за ней.

Очнулся он в незнакомой комнате. Белый потолок, грязно-кремовые стены, несколько пустых коек вдоль стены.

- Лазарет, - объяснил голос сверху, будто объявляя новую остановку. Андрей с трудом повернул голову и увидел начальника пансионата.
- Вот и ладно, - сказал тот, устало улыбаясь. - А то второго покойника мне не хватало.
- Аська! - вспомнил Андрей и вскочил, откидывая одеяло. Пол поехал из-под ног, как скользкий коврик, Игорь Степаныч подхватил Андрея за плечи, усадил на кровать.
- Да что же это, - сердито сказал он. - Лежите смирно. Или позвать сестру, чтобы она вам опять укол сделала?
- Вы не имеете права меня тут держать! - возмутился Андрей.
- Еще как, - криво усмехнулся Игорь Степаныч. Снял очки, склонился к Андрею. Глаза его без защитных стекол неожиданно оказались опасными и даже чуть диковатыми. - Учитывая обстоятельства, голубчик, еще как. Хотите, оформим официальное задержание до выяснения? Нет? Вот и правильно.
- Где Аська? Где моя жена? Вы нашли... вы ищите ее?
- Разумеется, будет сделано все, что возможно, - сообщил начальник, снова надевая очки. - Вам сейчас принесут ужин, отдохайте. Я еще зайду. - Поднялся, сухо кивнул и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Андрей заставил себя поесть. В любом случае, ему нужны были силы. Потом настоял, чтобы принесли одежду. Когда он зашнуровывал ботинки, иногда останавливаясь, чтобы передохнуть, опять появился Игорь Степаныч.

- Вы не имеете права меня тут держать, - уже спокойно повторил Андрей, поднимаясь на ноги.
- Конечно, - неожиданно согласился начальник пансионата. - Можете возвращаться в номер. Пойдемте, провожу. Но на выходе из медицинского корпуса он вдруг подхватил Андрея под локоть и направил совсем в другую сторону.
- Куда вы... - начал Андрей.
- Да погодите возмущаться, - тихо прошипел Игорь Степаныч совершенно другим голосом, - хотите ответов, так слушайте.
- Что?
- Сейчас, - и дальше Игорь Степаныч сказал уже громко, хотя вокруг, вроде бы и

никого не было: - Вам надо воздухом сейчас подышать. Пойдемте.

Удивленный Андрей послушно пошел вместе с ним. Они свернули направо с главной аллеи, и Андрей узнал Первую морскую, где полагалось гулять отдыхающим до двадцати ноль-ноль. Сейчас аллея была пуста. За темными деревьями проблескивало освещенное луной море, от воды веяло прохладным ветром.

— Присядем, - Игорь Степаныч опустился на лавочку, вынул из-за пазухи флягу, отвинтил крыжечку.

— Что это? - подозрительно принялся Андрей.

— Никакого алкоголя. Травяной сбор. Успокаивающий. Мята, Melissa, ну и всякое разное. Вам сейчас в самый раз. Да и мне. Слушайте меня, Андрей. Вам сейчас самое правильное — немедленно уехать. Возражения потом! Слушайте. Делать вам тут совершенно нечего. Я могу точно сказать, что жену вашу не найдут. Потому что искать не станут. Сейчас не ищут утопленников, понимаете?

— А если она еще не...

— Вы-то сами понимаете? Сколько времени прошло? Строго говоря, Андрей, вас тоже не должны были спасать. Да не смотрите на меня так. Я предупреждал? Я вас, дураков, каждый раз предупреждаю, а вы все лезете! Раньше ворота запирали, так еще хуже, каждый второй норовил сбежать. Не сообщают, что это не тюрьма, а наоборот. Теперь открыли, надемся на сознательность, и все равно в каждой смене хоть один идиот найдется! - Игорь Степаныч осекся, глотнул из своей фляги, помолчал.

— Мне говорили, - глухо сказал Андрей, - еще когда мы сюда только собирались, что вы тут специально... Своих, местных, жалко, а приезжих... А если жертву вовремя принести, то местных не трогает. И наводнений не бывает, и рыба хорошо ловится. Еще на удачу можно... Я тогда не верил.

— Да что же это такое! - возмутился Игорь Степаныч. - Вы меня за кого тут... Вы вот, неверующий, какого черта полезли к этому рыбаку, а?

— А при чем тут...

— А при том. То есть лично я этого вашего деда, конечно, не видел, но подозреваю, что вполне может быть. Говорят, у некоторых тут есть даже личные договоренности — подвезти к определенному месту, подать знак. Зато потом, как вы говорите, рыба будет хорошо ловиться. И на удачу можно. Или еще на что.

— И вы это все знаете, и ничего...

— А что я могу? Что я лично могу, а?! Если даже они там, наверху... Я вам говорил про официальный запрет спасения на воде, а? Вот эти ребята, которые вас вытащили, они теперь будут месяц оправдываться, объяснительные писать, доказывать, что вы просто поскользнулись и случайно упали в море, и не было никакого умысла и пожелания либо претензии иной стороны. А как это доказать, скажите на милость? Эту самую иную сторону в суд вызвать?

— А зачем тогда они вообще нужны, эти ваши спасатели, если так? Окурки с пляжа собирать?

— Нет, ну как дети, - всплеснул руками Игорь Степаныч. - Вы, молодые, вроде уже взрослые с виду, а на деле... Зачем-зачем. Затем, что покуда присутствуют хотя бы внешние атрибуты государства, пусть уже и без внутренней сути, государство существует. Покуда основные массы верят, что власть их скорее оберегает, чем обирает и убивает - власть на этой вере и будет держаться. А для наглядности главное своевременно указывать, от кого в данный момент они нас оберегают. От капитализма, американских шпионов или глубокоководных чудовищ. И тут неважно, что чего-то из этого не существует, а от чего-то уберечь просто невозможно. И скажите спасибо, Андрюша, что вы не маршируете строем с песнями прямо в пасти этих чудовищ, и не ведете туда за ручку своих детей и любимых. Возможно, это только пока - потому что

сейчас нет надобности. Потому что при умелом политическом вальсировании устроить это проще простого. Да уже и ходили. И пойдете снова, если они захотят.

— А вы? - помолчав, глухо спросил Андрей. - Вы - нет?

— А я отходил. Хватит.

— Тогда что вы тут шепчетесь со мной в кустах?

— А вот как раз потому, что отходил, - усмехнулся Игорь Степаныч. - За то, что я вам тут говорил, расстреливают, знаете? Да и за то, что вы тут слушаете.

— Не пугайте.

— А я не пугаю. А советую. Уезжайте отсюда. Сегодня выпитесь, а завтра собирайтесь и... Хотите, я вас на сегодня в другую комнату переведу, чтобы так сказать, ничего не напоминало?

— Нет.

— Ну, дело ваше. Только поймите, что сделать вы ничего здесь больше не можете. Разве еще себя погубить. Потому что, голубчик, вы сейчас как бы живете незаконно. Если пойдет разбирательство, понимаете, возможны всякие варианты.

— Что, отвезете обратно и утопите? - зло усмехнулся Андрей.

Игорь Степаныч вздохнул, укоризненно покачал головой, завинтил крышечку на своей фляге, и, медленно, вроде как с неохотой поднявшись, пошел прочь. По Морской аллее номер один, в темноту, заполненную шелестом листьев и волн.

Растеряно глядя ему вслед, Андрей подумал, а ведь и правда — они могут.

Подушка пахла Аськиными волосами. Андрей обнял ее, как ребенок плюшевого медведя, уткнулся лицом, жадно вдыхая родной, любимый запах. Представляя, что сейчас дверь откроется и под одеяло нырнет Аська, прохладная после душа, и бормоча: «Холодно-холодно», устроит замерзшие ладошки греться на его груди.

Потом он пытался думать, как это будет дальше — когда Аська больше не придет. Когда ее не будет. Совсем. Ему захотелось закричать. Или завывать. Или зарыдать. Но он не смог. Просто лежал неподвижно и жадно, как воздух, вдыхал слабеющий, потихоньку утекающий в новое свежее утро, запах Аськиных волос.

Увязая в песке, Андрей брел по пустому берегу, по самой кромке возле воды. Волны, шипя, подкатывались к его ногам. Он сам толком не понимал, чего ждал, на что надеялся. Что море вынесет к нему Аську, живую и здоровую, успевшую зацепиться за какой-нибудь обломок и удержаться на воде? Или ее тело. Или хотя бы клочок одежды...

Сперва он хотел найти того старого рыбака. Схватить его за горло и трясти до тех пор, пока тот не испугается по-настоящему. А потом убить. Или просто избить его до смерти, чтобы тот долго и мучительно умирал здесь, на берегу, возле моря. И чтобы он больше никогда никого не повез кататься на своей проклятой лодке. Хотя, может, не избивать, а умолять надо этого старика, валяться в ногах — чтобы он вернул Аську обратно, как угодно, за любую цену. Пусть договорится с этими, своими, кому он приносит человеческие жертвы за удачную рыбалку и хороший ветер. Ведь если они такие, как говорят, если они могут все, или почти все...

Но рыбака не было. Пустой, безлюдный берег – даже местные дети не плескались на мелководье, не ныряли в живописной бухте с прозрачной и спокойной водой.

Андрей добрался до поселка. На пыльных, нагретых солнцем, улицах ему никто не встретился, только разморенные жарой ленивые куры. Жители прятались за высокими заборами, крепко запертыми воротами, и не спешили открывать чужаку на стук. Один раз кто-то прошаркал к калитке, звякнул щеколдой, спросил изнутри то ли простуженным, то ли пропитым голосом:

- Ты кто такой, мил-человек?

- Приезжий, - начал Андрей, - а вы не видели здесь...

- Вот и проезжай, - перебили его, - мимо, как ехал, а то пса спущу.

Сразу же зловеще звякнуло цепью, и злым гулким басом забрехала собака. Андрей поспешно двинулся дальше.

Только в одном доме, возле которого на колченогом столике стояла миска с абрикосами, на стук открыли дверь. Глуховатая древняя старушка очень огорчилась, что Андрей зашел не насчет ягод, и что яблок ему тоже не надо.

Поселок закончился. Широкая дорога истончилась, и, обогнув унылое трехэтажное здание – то ли больницу, то ли школу – вильнула в заросли ежевики. Андрей хотел повернуть назад, но вдруг услышал вдалеке странные звуки - то ли звяканье, то ли пение, и вроде даже смех.

Пропетляв среди ежевики и орешника, тропинка перевалила через горку, на которой паслась облезлая коза, посмотревшая на Андрея крайне неодобрительно. А за горкой, в небольшой долине, вдруг обнаружились аттракционы. Крутилась, поскрипывая карусель, играла музыка, смеялись дети. Чуть подалее толкалась очередь к каким-то гонкам в бассейне. Там визжали и радовались еще громче.

Андрей немного постоял, глядя издали на веселый, но вроде как, чуть истеричный праздник.

Аське бы тут понравилось. Она любила до головокружения накататься на каруселях, а потом поехать в вагончике в пещеру ужасов, где из темноты падали пластмассовые скелеты со светящимися глазами и плюшевые крашенные кикиморы. Она, как маленькая, радовалась всей этой ерунде и пугалась по-настоящему. Верила в дурацких придуманных чудовищ и в сказки. Поэтому, не задумываясь, залезла в старую лодку этого чертова рыбака. Навстречу приключению, которое сама выдумала. А Андрей, дурак, ее не остановил.

Сгорбившись, он пошел прочь от чужого праздника. Снова продрался через ежевику, теперь не уворачиваясь, не обращая внимания, как она царапает лицо и руки.

Аттракционы. Надо же. Мир сломался, исказился, вывернулся наизнанку, выпустил на волю чудовищ, которым раньше было место только в кошмарных снах и фильмах ужасов. Люди вместо царей природы в один миг превратились в муравьев под пяткой рассеянного гиганта, который одним шагом может их раздавить, а одним движением – разметать любовно построенный муравейник. Но они до сих пор продолжают кататься на каруселях. Будто ничего не изменилось. Аттракционы...

Андрей опять вышел к морю. Темнело. «Не оставаться возле воды после заката» - вспомнил он первый пункт методички по технике безопасности. Разулся, уселся на песок, протянул босые ноги к воде. Первая волна обожгла, вторая показалась почти ласковой.

Так проще. Придумывать ненастоящих чудовищ. И делать вид, будто боишься их. Кукол из старой пакли и плюша. Привыкаешь, бояться понарошку, привыкаешь, что они просто куклы. Будто ты просто катаешься на аттракционах.

Андрей так не умел. Он всегда боялся по-настоящему. Боялся за Аську. И боялся ее потерять. И сейчас ему было страшно, но это уже не имело значения. Он поднялся, отступил на сухой песок, разделся. И медленно вошел в воду.

Над морем поднималась луна, серебряная дорожка переливалась на воде, вела к самому горизонту. Наверное, раньше, когда мир еще не изменился, было хорошо плыть по такой дорожке, качаться на теплых волнах, смотреть на звезды. Знать, что вокруг никого, только ты, море и небо. Что там, в глубине, не ворочается чужое, жуткое, для кого ты как букашка на кончике пальца. Страхнуть или раздавить?

Андрей плыл, стараясь дышать и двигаться ровно, чтобы быстрее добраться туда, где перевернулась лодка. Возможно, место имеет значение. В любом случае, ничего кроме догадок и ощущения тяжелого, пристального взгляда из глубины, у него не было.

Доплыв, он лег на воду. Внизу была чернота, глубокая и будто переливающаяся, как будто там ходили и переплетались какие-то тени.

- Ты, - хрипло сказал туда Андрей, - Тварь. – Потом поправился. – Бог. Ты любишь, когда жертвы, да? А если и не любил сначала, то тебя, уже, наверное, прикормили. Мы такие, мы умеем. Вот он я, бери. Верни ее и возьми меня. Сменяемся? Если тебе не слабо. Мне – нет. А если нет, мне тоже неважно. Мне здесь нечего делать без нее, понял? А, может, ты мной подавишься и сдохнешь? Тоже вариант.

Это было не очень похоже на просьбу и тем более молитву, но уж как получилось. Андрей выдохнул, и нырнул вниз, в черноту, где шевелились тени.

Его вывернуло несколько раз. Сначала – соленой водой, потом желчью. Задышавшись от кашля, он оттолкнул острое колено, вонзившееся поддых.

- Тихо, дядя, не пихайтесь! – возмутился кто-то тонким голосом.

- Ты кто? – сипло спросил Андрей. В горле саднило, дышать было больно.

- Здоровый вы дядя, еле вас вытащил, а вы пихаетесь, - укоризненно сказал мальчишка. Он был худой и узкоплечий, в лунном свете ярко блестели глаза на бледном лице.

- Ты меня спас, что ли?

- А то.

- Зачем?

- Вы, дядя, котелком сильно приложились? – обиделся спаситель. – Я чуть сам не потонул вас тащить, а вы... Вы там топились, что ли специально?

- Не твое дело, - смутился Андрей.

- Ну и ладно. Извиняйте, если помешал. Я тогда пойду, а вы тут как хотите, - мальчик поднял скомканные штаны, яростно отряхнул, натрусив песка в лицо Андрею, и принялся одеваться.

- Да погоди. Спасибо тебе. Правда. Как ты меня вытащил-то? Я ведь тяжелый.

- Да я привычный, - улыбнулся польщенный мальчишка. – Коней с мое поворочайте, тоже сильным будете.

- Кого-кого?

- Да коньков морских, они самые тяжелые. И строптивые. Все время с цепи срываются. Тетя Ксана уже двойную кузнецу заказала, а толку?

- Кто куда срывается?

- Да, ладно, долго объяснять, - махнул рукой мальчишка. Натянул рубаху, зябко переступил с ноги на ногу. – Вы тут, что ли останетесь? Или пошли, я вам чаю дам и блинов вчерашних, а то вас сейчас больше никто в дом не пустит, у нас запираются вечером.

- Да у вас и днем запираются, - пробурчал Андрей.

- Некоторые – и днем, - согласился мальчишка. – Ну, пойдете? А то жутковато чегой-то одному тут ночью ходить. А вы здоровый, с вами нормально.
- А чего ж ты один ходишь? – удивился Андрей. – И как ты вообще тогда полез в море меня спасать?
- А я не вас, - шмыгнул носом мальчишка.
- Что?
- Я дядю Костю. Я видал, как вы на наши аттракционы смотрели. И подумал – дядя Костя. Вы на него похожи, если издалека. И пошел за ним. То есть, за вами. А потом вижу, он обратно в море полез. Ну, я и за ним. То есть, за вами.
- Как – обратно?
- Да, ладно, долго объяснять. Пошлите домой, по дороге расскажу, если хотите.

- А еще, - сказал Христо, срывая по дороге ягоду и забрасывая ее в рот, - я думаю, что по-правде, дядя Костя – это Белая Акула.
- Что?! – Андрей споткнулся и чуть не упал.
- Идите сюда, - мальчик остановился, огляделся по сторонам – не подслушивает ли кто их кустов – поманил Андрея пальцем, и зашептал ему сбивчиво в самое ухо: - Я сначала думал, что тетя Ксана головой подвинулась, ну чокнулась, знаете? А потом понял, что она теперь как бы ведьма.
- Что?
- Да тихо вы. Говорят, что у Них можно чего угодно попросить. Иногда дают. Надо к морю прийти ночью, одному, и попросить. Только надо слова знать. И правильно все сделать. Иногда жертву надо. Человеческую. Лучше девушку. Или младенца. Уй, отпустите руку, больно! Вы чего?
- И кто у вас так... ходит?
- Вот, тетя Ксана ходила. И теперь, знаете, чего? Теперь она сама так может. Думаете, вру? А я сам видел. И к ней приходят, просят. Вот, Аленкина мамка целый месяц ходила, плакала. Денег несут, подарки. А тетя Ксана не берет. Потому что или получится или нет.
- Что получится?
- Вернуть обратно того, кто потонул.

- Ты понимаешь, о чем меня просишь, касатик? – заглянув в зеркало, она сняла цветастую косынку, вынула из волос гребень. Две черные тугие косы змеями скользнули на плечи. Ксана обернулась, пристально глянула на Андрея. – А?
- Понимаю, - глухо ответил он. Без платка, с выпущенными на волю косами, она вдруг показалась моложе, почти его ровесницей.
- А вы можете? – спросил Андрей.
- А ты?
- Что – я?

Она усмехнулась и промолчала, внимательно, будто оценивая разглядывая гостя. Покачивались возле смуглых щек золотые кольца серег, насмешливо изгибались густые брови, блестели глаза цвета темного меда. В такие долго смотреть - увязнешь, как беспомощная мошка в настоящем меду. Ведьма – сказал Христо.

- Если вы можете, - упрямо повторил Андрей, с трудом отрываясь от ее глаз.
- Я-то при чем, - опять усмехнулась она, блеснув белыми мелкими зубами. – Твоя просьба, тебе и делать.
- Как?

- А я научу, если хочешь. Ты только, сперва твердо реши, хочешь или нет.
- Конечно, хочу, - удивился Андрей глупому вопросу.

- Держи-ка, - велела Ксана, перекладывая из своей руки в его маленькую ладошку девочки – будто какую-то вещь передала. Девочка перевела взгляд чуть удивленных светло-карих глаз с тети Ксаны на Андрея и послушно шагнула к нему.

- А обязательно... - сглотнув, глухо спросил он, косясь на девочку. Теплая ладошка уютно и доверчиво лежала в его руке.

- А как же, - отозвалась Ксана. – Сам ведь хотел? Иди теперь с дядей, Аленка. Он тебя отведет куда надо.

Аленка – вспомнил Андрей. Что-то про нее говорил Христо. «Мамка Аленкина целый месяц ходила, просила». Как же я теперь ее... – испугался он. Как будто имело какое-то значение, что эта девочка именно та Аленка.

- Ну, так что? – Ксана обернулась на пороге дома, накидывая на плечи шаль. – Ты идешь? Или останемся тут чай пить с вареньем?

- Чай с вареньем, - решила Аленка, заулыбалась и легонько подергала Андрея за руку, - Да, дядя?

- А может быть, - неуверенно спросил он, умоляюще глядя на Ксану. Он не ожидал, что это все будет так. Так обыденно. И чудовищно. Что эта девочка будет на него так смотреть. Что у нее будет такая маленькая теплая ручка с тонкими пальчиками.

- Как хочешь, дело твое, - Ксана равнодушно пожала плечами, стянула шаль. - Но другой раз предлагать не буду, тут тебе не базар, касатик.

«Аська», - напомнил он себе, отвел взгляд в сторону, чтобы не смотреть на девочку, сказал дрогнувшим голосом:

- Чай с вареньем потом. Идем, Ксана.

На побережье было ветрено. Ксана плотнее закуталась в шаль, Аленка спряталась за спину Андрея.

- Здесь? – спросил он, когда молчание стало уже совсем невыносимым.

- Подойдет, - кивнула Ксана. Вынула из складок широкой юбки и протянула ему нож.

- Дяденька, пусти меня, - вдруг всхлипнула девочка, наверное, почувствовав, как он сильнее сжал ее ручку. – Я хочу домой. Пусти, пожалуйста.

Андрей сжал зубы, дернул девочку к себе и взял у Ксаны нож.

Аська вернулась на следующую ночь.

Андрей слышал, как скрипнула дверь, а потом – пол. Будто кто-то стоял на пороге и не решался войти. А он лежал в кровати и не решался повернуться и посмотреть.

Потом, когда тишина и ощущение чужого присутствия за спиной стали невыносимыми, он медленно обернулся.

Темная фигура возле двери переступила с ноги на ногу.

- Аська? – хрипло позвал Андрей, и сам не узнал свой голос.

- Привет, - прошелестело от двери.

- Ты что там стоишь? – с трудом выговаривая каждое слово, спросил он.

- Холодно, - сказала Аська. Незнакомым голосом, совсем не так, как говорила раньше свое смешливое «холодно-холодно». Устало и как-то безнадежно. И тут Андрей

услышал, как капли падают на пол. Равномерно, как отсчет метронома. Кап-кап. Та, где стояла Аська, натекла уже небольшая лужица.

Наверное, было бы лучше встать с кровати и включить свет, но Андрей почему-то не мог пошевелиться. Как в кошмарном сне, где ты не владеешь своим телом и можешь только смотреть, как к тебе приближается что-то ужасное.

Он боялся вставать и боялся зажигать свет, чтобы не увидеть того или то, что стояло сейчас возле двери.

«Там Аська, – сказал Андрей, убеждая сам себя, – и ей холодно. А я...»

- Иди сюда, – позвал он. И сейчас же испугался своих слов, потому что темная фигура послушно двинулась от двери к кровати.

Андрей с трудом сдержался, чтобы не заорать, когда невидимая в темноте рука приподняла одеяло.

Иногда она становилась похожей на прежнюю Аську. Знакомым рассеянным движением, робкой улыбкой, интонацией или задумчивым взглядом. Тогда ее глаза светлели до прежнего жемчужно-серого цвета с рыжими солнечными крапинками. Только время от времени по ним проходила тень – будто в глубине, под солнечной поверхностью воды проплывало что-то темное и жуткое. А потом это темное выныривало, и Аськины глаза менялись, постепенно будто заливаясь чернилами. И голос опять делался незнакомым, из речи исчезали милые привычные словечки-приговорки, а мягкие движения сменялись резкими, нечеловечески гибкими и быстрыми.

Аськино тело теперь было как море, переменчивое и зыбкое, в котором плавали, и время от времени выходили на поверхность разные существа. И не все они были людьми.

Андрею боялся смотреть в ее глаза. И дотрагиваться до нее. Потому что любое прикосновение, взгляд или слово могли вызвать из этой морской глубины кого угодно.

В пансионат они, конечно, не вернулись. Аське туда было нельзя. Тем более, такой. Да и Андрею, наверное, тоже.

Он попросился пожить у Ксаны.

- В пансионат возвращаться не хочется, – объяснил он, – а до поезда еще две недели. Я заплачу.

- Платить не надо. По хозяйству лучше чего помоги, – ответила та, оглядев быстрым взглядом Андрея и маячившую в глубине комнаты девушку. – А тут у меня как раз домик для постояльцев. Раньше, знаешь, многие сдавали. В этой комнате у нас в Первое наводнение родители Христо жили. Потонули они, знаешь? А мальчонку Костя вытащил. Христо еще маленький был, поди, не помнит. Ну, живите сколько надо.

Сначала Андрей пытался пересилить себя. Сделать вид, что все в порядке. Жить так, будто Аська прежняя. Наверное, он надеялся, что так можно будет когда-нибудь, со временем, вернуть ее назад. Иногда ему казалось, что получается. Преодолевая ужас, он прижимал ее к себе, когда она бормотала незнакомым бесцветным голосом: «Холодно». Ее кожа теперь всегда была прохладной, как мрамор, а волосы влажными и пахли водорослями. На шее висело ожерелье из ракушек, которые больно кололись, когда Андрей пытался ее обнять. Снять его Аська отказывалась наотрез. Сперва она вроде бы даже согревалась, когда он долго держал ее в руках, поглаживая худую спину, узнавая наощупь острые лопатки, родинку на плече, гладкие и круглые, как низанные на нитку жемчужины, позвонки. Аська

расслаблялась, оттаивала, бормотала сонно и нежно, щекоча дыханием шею - совершенно как раньше:

- Андрюша...

В такие редкие минуты он верил, что все еще будет хорошо.

Но через некоторое время прежняя Аська опять исчезала. Снова тонула в своем море. Как один раз наяву, и много - в кошмарных снах, уходила в далекую темно-зеленую глубину и Андрей никак не мог ее остановить или догнать. И опять терял ее навсегда. Снова и снова.

А однажды вместо чернильных нечеловеческих глаз на него взглянули светло-карие. Андрей, застыв от ужаса, сразу же их узнал.

- Дяденька,пусти меня, - пробормотал тоненький Аленкин голос. — Я хочу домой.

Андрей молчал, оцепенев под доверчивым и ласковым взглядом девочки, которую убил. Он не знал, что делать.

- Пусти меня, - тихо, почти совсем безнадежно, попросила она. — Мне тут плохо, — она помолчала и добавила жалостливо: - И тебе.

С трудом преодолев судорогу в горле, он сипло сказал:

- Иди.

Она улыбнулась — Аленкиными глазами и Аськиной улыбкой, и благодарно кивнула. Поднялась на цыпочки, поцеловала его в лоб. И Андрей увидел близко-близко теперь уже Аськины глаза, нежные и грустные, наполненные слезами.

- Я люблю тебя, Андрюша, - сказала она совершенно прежним, своим голосом.

А потом отвела его руки и отступила в сторону.

Он зажмурился, чтобы не видеть, как она уходит.

Ожерелье из ракушек она оставила на подушке. От него пахло морем, водорослями и немного, еле уловимо — прежним цветочным запахом Аськиных волос и кожи.

Андрей проснулся, будто вынырнул из глубины на поверхность. Как будто Христо только что вытащил его из моря. Закашлялся, задыхаясь и жадно хватая воздух.

Огляделся. Комната в гостевом домике Ксаны. Знакомый беленый потолок с трещиной посередине, стены, завешанные цветастыми ковриками. Тикают старые ходики на комод, укрытом кружевной скатертью. И никого нет, кроме самого Андрея.

На дворе Ксана, подобрав цветастые широкие юбки, сыпала квохочущим курам зерно, и кричала грозным басом:

- Христо, бездельник, чтоб тебе повылазило! Ты уже почистил рыб?

«Я уже это слышал, — удивленно подумал Андрей».

- А, - увидела его Ксана. — Утопленник наш. Ну, чиво? Проспался? Блинов-то будешь? Ишо горячие.

«Сон, - понял Андрей. — Просто кошмарный сон».

- Спасибо, - сказал он, улыбаясь. — Буду. Ксана, а можно... Можно, я тут поживу немного. В пансионат мне возвращаться не хочется, а до поезда еще две недели. Я заплачу.

- Мы ведь уже с тобой договаривались насчет платы, - удивилась Ксана.

- Что?!

Андрей метнулся обратно в дом. Бросился к кровати.

Ожерелье из ракушек лежало под подушкой.

Медленно, с ожерельем в руках, он вышел во двор. Ксана пристально смотрела на него.

- Это был не сон? – хрипло спросил Андрей.

- А кто ж его знает, - пожала широкими плечами Ксана, серьги качнулись, отбрасывая солнечные зайчики на ее щеки. – Сейчас тут, касатик, не всегда разберешь, где сон, а где нет, – усмехнулась, блеснув белыми зубами, добавила: - Где смерть, а где жизнь.

Андрей молчал, неподвижно глядя на нитку ракушек в своих руках.

- А пойдем-ка со мной, - сказала вдруг Ксана резко. Выпустила юбку, отряхнула руки. Зерно и хлебные крошки кучей высыпались на землю из подола. Куры, восторженно квохча, кинулись на неожиданную добычу.

- А вот это Машута, - сказала Ксана, ласково похлопывая по жестяному боку пузатую пучеглазую красно-желтую рыбу. – Хорошая баба была. У ней все росло в саду, как на дрожжах. Мне в земле копать некогда, я всегда у Машуты помидоры покупала и ягоды. Таких вкусных ни у кого не было. Умела она чего-то такое с цветами и деревьями. Слово волшебное знала, что ли. Как мой Костя с железками своими.

Рыба вдруг дрогнула, со скрежетом приоткрыла железные веки, и посмотрела на Ксану.

- Привет, Машута, - сказала та.

Андрей содрогнулся.

- А вона там, глянь, видишь, медуза жирная? Морда у ей еще такая противная. Это Капитоныч, гадина. Медузой был, медузой и стал, сволочь. Скольким из наших, местных, он гадостей сделал, не перечесть. Доносы строчил. Говорят, притопили его не просто, а еще и по этому делу. Он у меня, кстати, единственный, кого я специально сюда. Я, ведь, касатик, не понимала сперва, что творю-то. А как поняла – все, больше ни-ни. Только вот его, гадину. А ты глазами-то не лупай на меня, сволочь, а то я тебе их вовсе закрасу, нечем будет лупать.

Медуза вздрогнула всем телом, обтянутым мятой парусиной и поспешно прикрыла веки.

- Так-то, - одобрила Ксана.

- А ... Аленка? – спросил Андрей, с ужасом оглядывая остальных обитателей чудовищной морской карусели.

- Аленка? – удивилась Ксана. – Нет, ее тут нету. Она уже после. Мать ее ко мне ходила, дура. Слышала она, мол, про меня, что я умею. Просила, мол, верни доченьку хоть какую, только верни. Вон как ты меня давеча, - криво усмехнулась она.

- Это вы мне так предлагали Аську вернуть? – хрипло спросил он, указывая задеревеневшей рукой на карусель.

- Я - тебе? Окстись, касатик. Это ты меня просил, помнишь?

- Я не знал, что...

- Вона и я не знала. Я ведь как ты, касатик, о том же просила. Я что угодно была готова сделать, чтобы мой Костя вернулся.

- Я не буду убивать, - быстро перебил ее Андрей. – Даже ради этого я не буду. Ни Аленку, ни кого-то еще. Я ведь, - он запнулся, - я ведь не убил ее на самом деле?

Ксана хмыкнула.

- Я ведь тебе говорила, касатик, сейчас толком и не разберешь, где тут на самом деле. Опершись на руку Андрея, она тяжело спрыгнула с карусели. Махнула рукой в сторону:

- А вона там, видишь, аттракцион с плавающими рыбами. Костя мой больше всего его любил. Я теперь туда не хожу. Христо за ним смотрит. Не могу. Сперва, когда он вернулся-то, Костя, я все время там с ним сидела. Разговаривала, плакала. Я ведь, знаешь, сначала думала, как та дура, Аленкина мать, пусть хоть как вернется. Только бы был. А потом поняла, что натворила. Ты представляешь, касатик, им-то каково – там? Каково живому человеку в железной рыбе, которой всего движения – хвостом пошевелить, и по рельсам круг проехать. Один и тот же круг. День за днем. А? Я сперва думала – пусть просто стоит. А потом поняла, что так ему еще больше тоска. Пусть хоть покатается, и детишки опять же каждый день разные. Вот и развлечение.

Ксана смотрела в сторону аттракциона с рыбами, и по ее лицу катились слезы. Андрей растерянно молчал.

- Это Косте моему, - еле слышно сказала она через некоторое время. – Косте, который каждую минуту не мог спокойно сидеть, все что-то придумывал новое или мастерил. Что же я сделала с ним... Что же я со всеми ними сделала... Если бы я только могла их обратно отпустить...

Она махнула рукой, и, забыв про Андрея, быстро пошла прочь, вздрагивая от сдерживаемых рыданий.

Приближалась дата, отмеченная у Андрея на обратном билете. Только теперь ему было некуда возвращаться. Точнее – не к кому.

В любом случае, здесь у него еще оставалось дело, которое надо было закончить.

- И что, думаешь, получится? – засомневалась Ксана, хотя ей самой и очень хотелось поверить.

- У меня ведь получилось. Понимаешь, я думаю, в основном мы сами это придумываем. Рецепты - как просить, то, что не умеем сами. А когда получаем ответ, не умеем верно понять его и использовать полученные дары. Если это вообще, дары.

- Я не просила, чтобы Костя вернулся так, – хмуро сказала Ксана.

- Вторая проблема в том, что нас тоже, наверное, не понимают. Слишком разный масштаб, чтобы говорить на равных. Это как рыбы и люди. Кто станет говорить с рыбой?

- Я говорила, - усмехнулась Ксана.

- Ты говорила с человеком. Который был заперт внутри рыбы. Это как раз пример того, о чем я. Потому что в этом раскладе мы – рыбы. Мы считаем, что плаваем в море, но неизвестно, как видят это море Они. Аквариумом или садком для разведения карпов, или бассейном, который надо почистить от ненужной живности. И тогда хлебные крошки, которые падают к нам – или лакомство, или наживка, или отравка. Или просто крошки, которые кто-то стряхнул со стола. Но для себя мы сами определяем цену этим крошкам. И их назначение.

Как посоветовал Андрей, Ксана сняла с каждой морской твари по железной чешуйке. Возле медузы задумалась. Пробормотала:

- А не оставить ли тебя, поганец?

Но потом сжалась, отстригла от бахромы кусочек крашеной парусины.

К морю они пошли с Андреем вместе.

Подобрав подол, Ксана зашла в воду по колено и медленно, по одной, выпустила все

чешуйки в море. Железные, они должны были сразу утонуть, но какое-то время почему-то держались на поверхности, качаясь на волнах и уплывая все дальше от берега. Ксана долго смотрела на них, прищурившись и смаргивая подступающие слезы. Потом выбралась на сушу, подошла к Андрею. Спросила:

- Как думаешь, получилось?

- Если ты смогла их отпустить.

- А ты?

- То ожерелье, из ракушек... Оно сначала не хотело уплывать. Как будто просило – возьми меня обратно. На память. А потом его унесло волной. И я его больше не видел. И она... она с тех пор не приходит ко мне по ночам. Совсем.

Ксана помолчала. Потом вдруг сказала тихо:

- А говорил - любишь.

- Что?

- Говорил, жизнь за нее готов отдать.

- Свою – готов, - хмуро ответил Андрей.

- Да? – Ксана покосилась на него, насмешливо выгнув бровь.

- А чужую – нет. Я не могу отдать то, что не мое. Потому что это будет уже не жертва, а убийство.

Ксана хмыкнула. Стянула косынку, выпустила на волю косы, подставила лицо ветру. Прищурилась и спокойно сказала:

- А я бы убила за своего Костю. Кого угодно убила бы за него. Вот хоть тебя, молодого-красивого, - она усмехнулась, блеснув белыми зубами, и бросила быстрый взгляд на Андрея. Он дрогнул, и с трудом заставил себя не отвести глаза, потому что понял – не врет.

«А я?» - вдруг подумал он. Если бы знать, что Аська вернется прежней. Если бы знать, что их жизнь будет такой, как раньше. Что Аська никогда не узнает цену своего возвращения. И сам Андрей сумеет забыть, что сделал. Если...

Но богам не ставят условия. Можно только принимать или не принимать их дары. Случайные хлебные крошки, попавшие в твою ладонь.

«И все-таки, - он прищурился на море, туда, куда смотрела Ксана, где на границе воды и неба двигались какие-то огромные существа – то ли киты, то ли кто-то еще. - И все-таки – если бы?»...

Родительский день (Олег Кожин)

– А где печенье?! Люсенька, ты взяла печенье? Я специально с вечера целый кулек на столе оставила!

Несмотря на пристегнутый ремень безопасности, Ираида Павловна повернулась в кресле едва ли не на сто восемьдесят градусов. Женщиной она была не крупной, в свой, без двух лет юбилейный полтинник, сохранившей практически девичью фигурку, и потому трюк этот дался ей без особого труда. Люся, глядя на метания матери, страдальчески закатила густо подведенные фиолетовыми тенями глаза, и уставшим механическим тоном ответила.

– Да, мама. Я взяла это долбаное печенье, – и в доказательство демонстративно потрясла перед острым носом Ираиды Павловны кульком, набитым коричневыми лепешками «овсянок».

– Мама, а Люся ругается! – хихикнув в кулачок, поспешил заложить сестру шестилетний Коленька.

– Не выражайся при ребенке, – не отрываясь от дороги, одернул дочь Михаил Матвеевич. Ночью по всей области прошел сильнейший ливень, и глава семейства вел машину предельно аккуратно.

– А конфеты?! Конфеты-то где?! – заполошно причитала Ираида Павловна.

– Не мельтеши, мать. В бардачке твои конфеты. Я их туда еще утром положил, знал, что ты забудешь.

Михаил Матвеевич даже в этом бедламе умудрялся оставаться невозмутимым, спокойным и собранным. Обхватив широкими грубыми ладонями руль, плотно обмотанный синей изолентой, он уверенно вел старенькую «Волгу» по разбитой, точно после бомбежки, загородной дороге. С виду машина была ведро-ведром, но хозяина своего, водителя-механика с тридцатилетним стажем, слушалась беспрекословно. Зеленый рыдван гладенько вписывался даже в самый малый зазор, образуемый в плотном потоке автомобилей таких же, как семейство Лехтинен, «умников», решивших «выехать пораньше, пока на трассе никого нет».

На этом семейном празднике жизни Юрка Кашин, чувствовал себя пятым лишним. Поездка длилась всего каких-то двадцать минут, а он уже готов выпрыгнуть на полном ходу на встречную полосу, только бы не слышать противного визгливого голоса мамы-Лехтинен, и придурковатого смеха мелкого Кольки. С того самого момента как, поддавшись Люсиным уговорам, Юрка позволил затащить себя в пахнущий хвойным дезодорантом и крепкими сигаретами салон, его не покидала ощущение, что он кочует с бродячим цирком.

– Господи, а термос-то мы забыли!

– В рюкзаке у меня твой долбаный термос.

– Не выражайся при ребенке!

– Мама, я хочу писяяать!

– Мишенька, давайте остановимся, Коленьке пописать надо!

Михаил Матвеевич глухо ругнулся себе под нос, но все же остановил «Волгу» у обочины, и, едва лишь супруга с сыном, спустившись по насыпи, скрылись в густом кустарнике, тоже покинул салон. Не обратив на сердитый крик дочери ни малейшего внимания, отец семейства принялся прямо с дороги отливать на выбеленный солнцем щебень. Ничуть не смущаясь проносящихся мимо машин, Лехтинен-старший активно вращал бедрами и даже напевал какой-то спортивный марш. Кажется, «Трус не играет в хоккей», но стопроцентно Юрка уверен не был. Закрытое окно, вкупе с сомнительными вокальными данными Михаила Матвеевича, искажали мелодию до неузнаваемости. К тому же, отнести себя к знатокам советской спортивной песни Юра не мог при всем желании, так как родился спустя три года после развала Союза.

В который раз уже Юрка мысленно ругал себя за то, что послушался Люсю и согласился

сопровождать ее придурочное семейство. На словах все выглядело и впрямь неплохо: на пятнадцать минут съездить на кладбище, помянуть бабулю Лехтинен, а потом Михаил Матвеевич забросил бы их прямо к турбазе, где уже с утра жарят шашлыки и пьют пиво однокурсники. И не придется полчаса тащиться от автобусной остановки с набитым доверху рюкзаком. Но, как водится, гладко было на бумаге. Теперь же приходилось стоически терпеть визгливую Ираиду Павловну, беспрестанно жующего «козявки» Коленку, да тяжело наваливающуюся дневную духоту, от которой уже плохо спасали даже открытые окна.

Кладбище оказалось не просто старым, а по-настоящему древним. Начавшее свое существование несколько веков назад, будучи еще совсем крохотным погостом, за минувшие с той поры столетия оно разрослось и вытянулось, со свойственной смерти ненасытностью поглощая километры и километры холмов, оврагов, полян и густого елового леса. Точно некая мастерица вплела в местный ландшафт многочисленные кресты, создавая свой, непонятный непосвященному взгляду, узор. Причем сделала это столь искусно, что Юрка далеко не сразу осознал, что за окнами уже некоторое время мелькают не только широколапые ели, но и старые деревянные кресты, многие из которых имели сверху дополнительные перекладыны «домиком», делающие их похожими на гигантские кормушки для птиц.

Постепенно в пейзаж стали влезать гранитные и мраморные надгробия, более современные и потому привычные. Кладбище поделилось на участки, обнесенные символическими заборами из широких решеток и проржавевших цепей. Каждый покойник огородил свое последнее пристанище, стараясь даже после смерти урвать пару-тройку квадратных метров личной площади. Машина ехала уже несколько минут, а вереница крестов и памятников все тянулась и тянулась. Практически возле каждой могилы сидели люди – родственники и друзья, приехавшие помянуть близкого человека. Уже совсем скоро Кашину стало казаться, что жители всех окрестных городов и сел, и даже быть может соседних областей, вдруг одновременно решили отметить родительский день, собравшись на этом, самом огромном в мире погосте. Потому что в их родном провинциальном городишке просто не могло быть такого количества народа.

– Жуть, правда?

Голос у Люси был мягким и неестественно тихим, но Юрка все равно подпрыгнул на месте. Придавленный мрачным величием старинного кладбища Кашин начисто забыл, что едет в машине не один. Тут же стало понятно, что уже некоторое время, единственным звуком, нарушающим тишину автомобильного салона, было гудение двигателя, да шелест шин по влажному асфальту. Заткнулся даже неугомонный Коленька.

– Каждый раз, когда сюда приезжаем, у меня просто мурашки по коже!

И хотя в машине стояла тяжелая духота, Люся зябко обняла себя за плечи. Неожиданно для себя Юра понял, о чем она говорит. Не веря в разную чертовщину и мистику, считая призраков и зомби бабкиными сказками, он вдруг проникся Люсиным состоянием, и еле сдержался, чтобы не стряхнуть «мурашек», уже забравшихся под его футболку, и активно взбирающихся по позвоночнику, прямо к коротко стриженному затылку. Так получилось, что к своим восемнадцати Кашин никогда не сталкивался со смертью, и относился к ней с иронией. Однако сейчас шутить ему не хотелось абсолютно.

Между тем, зеленая «Волга» свернув с основной дороги на разбитую грунтовку, принялась петлять между пологими холмами, поросшими елками, крестами и памятниками. Несмотря на то, что народу здесь было поменьше, эта часть кладбища выглядела более «обжитой». Почти перестали попадаться сколоченные из бруса замшелые кресты, оградки блестели свежей краской, а насыпи могильных холмов радовали глаз геометрической правильностью. Прилипнув к стеклу носом, Юра с болезненным любопытством разглядывал гнетущую панораму, выхватывая из нее какие-то особенно колоритные моменты. Вот пожилая женщина в черном платке, перетягивающем седые кудри, аккуратно пристраивает искусственный венок возле угловатой плиты из белого мрамора. А вот целая компания молодых людей спортивного телосложения, сидя за столиком возле странного, напоминающего

сюрреалистический цветок, памятника, разливает водку по пластиковым стаканам. А это...

Парализованный цепким иррациональным страхом, Юра застыл. Могильщик смотрел прямо на него. Тощий, жилистый детина баскетбольного роста, закинув лопату на плечо, устало вытирал лоб свободной рукой. Юноша готов был поклясться, что он не просто провожает взглядом проезжающую мимо «Волгу», а пристально следит за ним, Кашиным. К счастью, машина вскорости перевалила за холм, оставив жутковатого могильщика позади. Юрка внезапно сообразив, что все это время сидел не дыша, облегченно выпустил воздух из легких.

– Ну, куда ты поехал-то! – всплеснула руками Ираида Павловна. – Здесь налево нужно было!

– Окстись, мать. На первой развилке направо, а потом уже налево все время.

Не сбавляя скорости, Михаил Матвеевич уверенно свернул на правую отворотку, рыжеющую по краям влажно блестящей глиной.

– Да как направо же!? Семь лет сюда ездим, а ты все не запомнишь! Налево, направо, направо, а затем опять лево!

– Цыц говорю. Вот будешь за рулем, и езжай куда хочешь. Тока сперва права получи, – тоном спокойным, но в то же время не оставляющим возможности для пререканий, обрубил глава семейства.

– «Налево-направо-направо», – это в позапрошлом году было, – туманно и как-то невпопад закончил он.

Спорить с мужем Ираида Павловна не стала. Возмущенно-презрительно хмыкнув, она отвернулась к окну, демонстрируя непоколебимость своего мнения. Дальше Лехтинен-старший вел машину в полном молчании. Юрка, хотя его и тяготила тишина, нарушить ее не решился. Так, меся глиняную трассу резиновой обувкой, «Волга» проезжала поворот за поворотом. Стали попадаться встречные машины – отдавшие родительский долг семьи торопились вернуться домой. К жизни.

После второго «налево», дорога выгнулась турецкой саблей, заставив Михаила Матвеевича сбросить скорость до пешеходной. На узком пути встречные машины едва могли разминуться, проходя впритирку друг к другу. Наконец грунтовка перестала вилять и ровной прямой линией побежала вперед, к невысокому холму, на котором... Юра вздрогнул и потряхнул головой, стараясь отогнать наваждение, но нет, зрение его не обманывало. У подножия холма, за который переваливала дорога, маячила длинная фигура могильщика. Того самого. Только лопата теперь не покоилась у него на плече, а была небрежно воткнута в насыпь свежевырытой земли...

– А, штоб тебя, – с досадой ругнулся Михаил Матвеевич. – Такого кругаля дали...

И Кашина «отпустило». Стало понятно, что нет здесь никакой мистики, просто неверно выбранный маршрут вернул их к исходной точке. Мама-Лехтинен не произнесла ни слова, но ее торжествующе вздернутые брови оказались куда как красноречивее. Поравнявшись с могильщиком, Михаил Матвеевич прижал машину к обочине, едва не зацепив крылом кованную оградку ближней могилы, и отстегнул ремень безопасности. Не глядя на супругу бросил:

– Сейчас, у местных аборигенов дорогу спросим...

Поспешно, словно боясь справедливых упреков жены, отец семейства выскочил наружу. Однако Ираида Павловна решила проявить великодушие, ограничившись довольной улыбкой в ссутулившуюся спину мужа.

Переждав пока мимо проползет, похожая на гигантского жука, заляпанная грязью «бэха», Михаил Матвеевич перебежал дорогу. За руку, как со старым знакомым поздоровался с могильщиком. Достав из нагрудного кармана рубашки пачку сигарет, угостил «аборигена» и угостился сам. Следующие несколько минут прошли за активным обсуждением дальнейшего пути. Долговязый землекоп активно загибал руки, видимо изображая нужные повороты, да настойчиво тыкал тлеющей сигаретой в сторону ближайшего холма. Михаил Матвеевич кивал, соглашаясь. Его собеседник сплевывал под ноги, лениво скребя живот ногтями прямо

через грязную майку-алкоголичку. К тому моменту, когда высмоленные почти до фильтра «бычки» полетели на землю, Юрка уже весь извелся. Вопреки всему, рациональное объяснения их возвращения не до конца развеяло ореол жути, исходящий от тощаги-могильщика. Находиться с ним рядом было пыткой не меньшей, чем слушать нытье уставшего от дороги Коленьки. Все чудилось Юрке, что нет-нет, да ощупает его липкий, изучающий взгляд. Каждый раз он пытался встретиться с землекопом глазами, и каждый раз неудачно. Верзила смотрел на дорогу, на Михаила Матвеевича, за горизонт, просто себе под ноги. Куда угодно, только не на Кашина. Однако ощущение слежки не проходило. Наконец Лехтинен-старший горячо потряс мосластую руку могильщика и быстро вернулся к машине. Плехнувшись на сиденье, с места в карьер тронул машину вперед. Даже пристегиваться не стал.

– Ну? – нетерпеливо спросила Ираида Павловна.

Михаил Матвеевич ответил жене торжествующим взглядом.

– Баранки гну! Лопухнулся я, что уж там... но и ты, мать, тоже...

В последовавшей за этим мешанине многочисленных «направо» и «налево», Кашин заблудился окончательно и бесповоротно. А Люськины родители увлеченно обсуждали дорогу, точно действительно были здесь впервые.

– Столько лет сюда мотаемся, а они все дорогу запомнить не могут, – шепнула Люся. – Теперь до самой могилы собачиться будут. Не обращай внимания...

Ее горячее дыхание странным образом разлилось по Юркиному телу, сделав его податливым и мягким, как подтаявший на солнце пластилин.

– Кладбище само по себе здоровенное, да еще и растет постоянно. Тут каждый год какие-то новые дороги появляются. Я сама, если честно, без предков бы нипочем бабушкину могилу не нашла. Извини, что все так затянулось...

Мягкие губы как бы невзначай коснулись Юркиного уха, и юноша поплыл окончательно. Кашин уже давно смирился с тем, что находясь рядом с этой девчонкой полностью теряет волю к сопротивлению. Люсина ладошка украдкой принялась поглаживать его бедро, а у Юрки не было сил, чтобы даже просто попросить ее перестать. Иногда ему казалось, что он ловит в зеркале заднего вида отражение укоризненно поджатых губ Ираиды Павловны... но это было так несущественно, пока к нему льнула мягкая, горячая, пахнущая цветами Люся!

Резко хлопнувшая дверь мгновенно привела Юру в чувство. Он удивленно похлопал глазами, с удивлением осознав, что машина уже давно остановилась, а Михаил Матвеевич даже успел выбраться наружу. На улицу не спеша вылезла и мама-Лехтинен, тут же принявшаяся кудахтать над радостно бесящимся Коленькой. Люська, паскудница, с невинным видом ковырялась в рюкзаке, будто бы это не она только что ласкала Юрку, чуть ли не на глазах у родителей. Жеманно стрельнув глазками, девушка подтолкнула Кашина к выходу и следом за ним сама выбралась из машины.

– Люсенька, термос не забудьте! – крикнула удаляющаяся вслед за мужем Ираида Павловна.

– Да возьму я твой долбаный термос, – под нос буркнула Люся, навьючивая рюкзак на своего молодого человека. – Мертвого достанет, истеричка старая...

– Пошли, – бросила она уже Кашину. – Под ноги смотри, тут спуск крутой. И глаза береги, все этими долбанными елками заросло.

Сказала и тут же ловко шмыгнула между скрещенных лап двух здоровенных елей, в просветах за которыми смутно угадывалась, соштопанная из лоскутов-могил открытая поляна. Кашин забросил рюкзак на плечи и, стараясь следовать обоим советам одновременно, двинулся следом. Острая хвоя приятно кольнула ладони, когда он развел ветки в стороны, выбираясь на глиняный спуск, на котором угадывалась протоптанная посетителями кладбища тропинка. Юркая Люся оказалась уже в самом низу. Привычно лавируя между деревьями, пеньками и могилами, она стремительно догоняла неторопливо бредущих родителей.

Кашин нагнал семейство уже возле самой бабушкиной могилы. Невысокий, по пояс,

металлический заборчик, со стилизованными набалдашниками на угловых прутьях, отсекал квадратный участок, выложенный богатой черной плиткой. Солнечные лучи покрытие не отражало, а словно впитывало, отчего казалось, что и сама могила, и небольшой столик с лавочками, парят над бездонной черной ямой. Это выглядело настолько натуралистично, что Юрка, уже перенесший ногу через символический порожек, замешкался, не решаясь опустить ее. Но папаша Лехтинен абсолютно спокойно подправлял пластиковые лилии, а Ираида Павловна буднично вытаскивала из сумки кульки и контейнеры с едой, и никто из них не проваливался в это смолянистую черноту.

– Юрочка, доставайте термос, – позвала Кашина мама-Лехтинен. – Будем бабушку поминать.

Послушно выполнив указания Ираиды Павловны, юноша присел на край скамейки, впервые посмотрев на надгробие. С обрамленной металлическими завитушками фотографии, на Юру подозрительно глядела пожилая женщина. Строгое, сухощавое лицо, старательно зачесанные седые волосы, узкие сморщенные губы и под стать им хищный, островатый нос.

– Знакомься, – заметив его взгляд, сказала Люся, – эт Нойта Тойвовна, бабка наша.

– Не бабка, а бааа-ааабушка! – назидательно протянул Коленька, засунувший в нос указательный палец чуть ли не по третью фалангу.

– Душевная была женщина! – развязывая пакетики с печеньем и конфетами, сказала Ираида Павловна. – Вот верите – нет, Юрочка, хоть говорят, что свекровь с невесткой, как собака с кошкой, а мы с ней даже не ругались ни разу. Мишенька, скажи?

Михаил Матвеевич, занятый распечатыванием бутылки водки, ограничился коротким кивком. Наконец, терзаемая перочинным ножиком пробка поддалась, и глава семейства плеснул кристально прозрачной жидкости в два пластиковых стакана. Немного поразмыслив, налил на полпальца водки еще в два, и поставил их рядом с Люсей и Юрой.

– Давайте-ка, помянем старушку.

– Не чокаясь! – упреждая, шепнула Люся Кашину.

– Земля пухом... – пробормотала Ираида Павловна.

– Земля пухом... – поддержал ее Михаил Матвеевич, выливая свою порцию на землю рядом с надгробием.

Ираида Павловна привычно закусилась водку загодя развернутой карамелькой. Воспользовавшись тем, что внимание родителей отвлечено, Люся быстро опустошила свой стакан. Закашлялась для натуральности, хотя Юрка точно знал – от таких доз Люся даже не морщится. Маленький Коленька увлеченно булькал чаем, размачивая овсяное печенье прямо в крышке от термоса. Кашин еще секунду помешкал – водку он не любил, предпочитая ей светлое пиво, – но, не желая обижать семейство, решил поддержать традицию.

– Земля пухом...

Запрокинув голову, Юрка попытался протолкнуть водку прямо в пищевод, минуя вкусовые рецепторы. Да так и замер, нелепо оттопырив локоть, прижав к губам безвкусный прозрачный пластик. Почти не чувствуя, как по внутренностям разливается обжигающее тепло.

Над ними кружил ворон. Угольно-черный, ширококрылый, без видимых усилий подстраиваясь под потоки ветра, он бесшумно нарезал воздух геометрически правильными кругами, четко над могилой бабушки-Лехтинен. Но вовсе не это заставило Кашина застыть в позе пионера-горниста. А то, что опускаясь все ниже и ниже, птица увеличивалась в размерах. Становилась не просто большой, а какой-то непозволительно громадной.

Тряхнув головой, Кашин наконец-то сбросил оцепенение. Недоверчиво взгляделся в смятый стаканчик в своей ладони, и осторожно, как если бы тот был начинен чем-то взрывоопасным, положил его на краешек стола. В освободившуюся руку тут же улегся бутерброд с колбасой, заботливо подсунутый Ираидой Павловной.

– Закусывайте, Юрочка, закусывайте. На такой жаре, если не закусывать, развезет моментально.

Машинально сунув бутерброд в рот, Юра откусил кусок, чтобы занять себя хоть чем-

нибудь. Практически не чувствуя вкуса сырокопченой колбасы прожевал, слушая, как сверху, все ближе и ближе доносится хлопанье крыльев, громкое, как работающие лопасти вертолета. Поднятый ветер зашуршал лежащими на столе пакетиками. Кашин и сам спиной чувствовал, как давят на него плотные потоки нагретого солнцем воздуха. Воздуха, гонимого огромными сильными крыльями. Семейство Лехтинен, между тем, вело себя, как ни в чем не бывало. Будто бы не трепетала от яростных порывов просторная футболка Михаила Матвеевича. Будто Люся не откидывала лезущие в лицо волосы раздраженным жестом. Ираида Павловна манерно отщипывала зубками кусочки сыра от бутерброда. Коленька с усердием размазывал остатки размоченной «овсянки» по кружке. Никому не было дела до гигантской птицы, опускающейся прямо к ним. Один лишь Юра стоял, вцепившись побелевшими пальцами в столешницу, стараясь не думать о том, что поднявшийся ветер уж больно сильно прижимает к земле высокую изумрудную траву, растущую вдоль кладбищенских дорожек.

– Эй, ты в порядке? – будто через вату донесся до него голос Люси.

Юра с удивлением посмотрел на девушку и, наконец-то, проглотил жидкую кашу, бывшую некогда куском колбасы и хлеба. Он уже собрался заорать, что нет, все совсем не в порядке... но в этот миг, прямо у него за спиной раздалось громкое, требовательное карканье. Сверхъестественным усилием оторвав от столешницы вспотевшие ладони, Кашин обернулся. Он поворачивался медленно-медленно, целую вечность, чувствуя напряжение каждой задействованной в этом привычном процессе мышцы. Так поворачиваются роботы в фантастических фильмах – механически выверено и правильно. И когда дуга в сто восемьдесят градусов завершилась, на ее конце Юрка обнаружил черные глаза, блестящие, точно ониксовые бусинки.

Сжав ограду мощными когтистыми лапами, ворон сидел, слегка наклонившись вперед, с любопытством разглядывая Кашина. Их глаза находились на одном уровне. Только по этому юноша понял, насколько тот огромен. А семейство Лехтинен по-прежнему отказывалось что-либо замечать.

– Мам, плесни Юрке чаю, он чего-то бледный совсем.

– Юрочка, вы в порядке? Юрочка?!

Ворон спрыгнул с оградки. Выпятив широченную грудь, он, покачивая головой в такт шагам, подошел к Кашину. Находясь на земле птица не стала ниже, напротив – горделиво выпрямившийся ворон оказался выше юноши на добрый десяток сантиметров.

– Па, ну я же говорила, что он водку не пьет! Вот нафига ты вечно все по-своему делаешь?

– Юрочка?! Юра?! Юра!?

Глядя в немигающие глаза, похожие на драгоценности в обрамлении черного боа, Кашин видел в них пустоту. Вернее, не просто пустоту, а Пустоту с большой буквы. Бесконечность, которую никогда не смогут заполнить даже миллиарды лет мудрого созидания.

– Да я что, специально что ли? Я ж не думал, что так плохо все!

– Да ты вообще никогда не думаешь!

– Юрочка, вы присядьте!

Ворон склонил тяжелую голову набок, но странным образом, движение это казалось не птичьим, а почти человеческим. Чувствуя, как подгибаются колени, Юра попытался отмахнуться от птицы рукой. Но вместо того, чтобы испуганно отскочить в сторону, ворон каркнул прямо в побледневшее Юркино лицо, обдав волной тухлых запахов, а затем с размаху ударил его прямо в лоб, громадным, похожим на черную торпеду, клювом...

Мир болтало из стороны в сторону. Какое-то обезумевшее божество затолкало реальность в блендер, и включило максимальную скорость, в надежде сотворить из нее нечто однородное. Невозможно было определить, где верх, а где низ, где право, а где лево. Мир подбрасывало, точно телегу на ухабах, и вместе с ним взлетал и падал, больно ударяясь о стенки черепной коробки, Юркин мозг.

– Папа, хорош уже! Не дрова везешь, в самом деле!

– Да я нарочно что ли? Не дорога, а дерьмо какое-то!
– Мам, а папа ругается!
– А чего вы хотели? Вечно тянете кота за яйца! Оставили бы там, сразу бы выпустила... А теперь водить будет, пока...

Кашин через силу приподнял стотонные веки. Перед глазами тут же замаячили размытые амебоподобные кляксы, активно жестикулирующие псевдоподиями и ругающиеся на разные голоса. Поняв, что он все еще находится в передвижном цирке имени Лехтинен, Юрка застонал.

– Тихо там! – голосом Ираиды Павловны заговорила оранжевая клякса, плывущая немного впереди. – Кажется, очнулся...

– Юрчик? Хороший мой, ты как?

Заслонив обзор, над Кашиным склонилось бледно-розовое пятно, из которого постепенно начали проступать зеленые точки Люсиных глаз. Пятно выпустило тонкий жгутик ложноножки, и осторожно потянулось им к юноше. Зрение все еще не сфокусировалось, но осязание не подвело: Юра почувствовал, как на лоб ему улеглась теплая ладошка Люси, ощутил мягкие подушечки ее пальцев, металл тонкого золотого колечка. Желая спросить, что же с ним произошло, Кашин разлепил спекшиеся губы, но лишь промычал нечто нечленораздельное.

– Все хорошо, маленький мой, все хорошо! – бледно-розовое пятно, уже почти полностью приняло формы Люсиного лица. – Ты не шевелись, сейчас все пройдет.

– Что со мной случилось? – через силу прохрипел Юра.

– Это солнечный удар, Юрочка, – ответила девушка. – Очень неприятная штука! Голова будет болеть – немилосердно! Еще и температура повысится... Вернее, уже повысилась. Очень, очень неприятная штука!

С каждым словом, произнесенным этим необоснованно жизнерадостным голосом, Юре стремительно становилось хуже. К головокружению и потерянности в пространстве, прибавились тошнота, боль в мышцах и внутренний жар. Кашин попытался приподняться, чтобы поудобнее устроить свое ноющее тело на сиденье, но лишь беспомощно заерзал на месте. Он ощущал себя гусеницей. Подмышки ему тут же заползли Люсины руки, с неожиданной силой вздернувшие его вверх, будто вырывая из трясины.

– Во-от так, мой маленький! Так удобно?

Кивнув, Юра поспешно высунул голову в раскрытое окно. Блевать в салоне не хотелось, но переносить эту жуткую смесь пота, духов, хвойного дезодоранта и страха он уже просто не мог. В этот же момент «Волгу» сильно подбросило на ухабе, и Юрка ощутимо треснулся затылком о верхнюю раму.

– Папа, ну пипец! – тут же заголосила Люся.

– Мишенька, правда, веда аккуратнее.

– Не нравится, ведите сами! – огрызнулся отец семейства, в досаде хлопнув ладонями по рулю. – Не папа хреновый – дорога хреновая!

Станным образом от удара в затылок картинка прояснилась. Размытые пятна наконец-то приняли устойчивые формы, перестали прыгать перед глазами. Кашин наконец-то смог рассмотреть, где они едут. Судя по замшелым крестам и неухоженным могилам, по бурелому и разросшимся мрачным елям, они вновь въехали на территорию старого кладбища. Значит совсем скоро приедут домой. Да, скорее бы домой. На турбазу Юрке уже не хотелось.

Не до конца опущенное стекло давило в подбородок, но удерживать голову сил не было. Ветер немного остужал кожу на лице, приводя в чувство, отрезвляя, выдувая через уши плавающую в мозгу муть. Когда «Волга» набирала скорость, – например, съезжая с горки, – картинка смазывалась, превращаясь в мельтешение черных полос и солнечных просветов между ними. Именно по просветам, становящимся все уже и тоньше, Юра понял, что на улице вечереет. Пересилив себя, он вновь нырнул в мешанину запахов душного салона.

– А сколько сейчас времени? – с трудом сфокусировавшись на Люсе, спросил он.

– Много.

Не дождавшись, пока Люся созреет для нормального ответа, Юра попытался достать мобильный телефон, чтобы посмотреть самостоятельно, но ослабевшие пальцы не совладали с карманами узких джинсов. Машина катилась по грунтовой дороге, то падая вниз на манер «русских горок», то по-черепашьи вползая в гору. Под пальцами Михаила Матвеевича скрипела намотанная на руль изолента. Посвистывал летящий навстречу «Волге» ветер. Дребезжала подвеска. За окном проносились кривые деревья и заваливающиеся кресты.

Наконец Ираида Павловна повернулась, и нацелившись в Кашина своим острым носом, сказала:

– Понимаете, Юрочка, мы немного... э-э-э... заблудились. Да, заблудились.

– Да, похоже, где-то не там свернули, – поддержал супругу Михаил Матвеевич.

Глупо поморгав, Юра сказал первое, что пришло в голову:

– Ну, так поверните обратно.

Раздраженно фыркнула Люся. Маленький Коля гнусно хихикнул. Тяжело вздохнул Лехтинен-старший.

– Понимаешь, Юрка, какое дело, – начал он. – Я уже поворачивал.

– Поворачивали?

– Ага. Часа три назад. Когда понял, что заблудились – сразу повернул.

Удивленный Юра, ища поддержки, перевел взгляд на Люсю, но та отвернулась к окну, демонстративно не обращая внимания на Кашина.

– А сколько я уже... – во рту внезапно стало вязко, точно он разом съел килограмм черноплодной рябины. – Сколько я без сознания?

Долгое время ему никто не отвечал. Затем Колька, старательно загибавший перемазанные козявками пальцы, радостно воскликнул:

– Восемь!

– Чего восемь, – глупо переспросил Кашин.

– Восемь часов, Юрочка. Вы восемь часов не приходили в себя, – подсказала мама-Лехтинен. – Мы уж думали – все...

– А ты бы и рада была? – со злостью крикнула Люся.

– А ну замолчи немедленно! – в голосе Михаила Матвеевича прорезалось-таки раздражение. – Как язык-то повернулся? На мать!

– Да пошла она! Оба идите! Я говорила – надо было сразу оставлять, а вы...

От криков и напряжения, в голове Юрки щелкнуло. По лбу побежало что-то горячее и мокрое. Преодолевая слабость, он коснулся лица пальцами, поднеся их к глазам. По подушечкам, глубоко вдавнившись в отпечатки, точно краска на процедуре дактилоскопии, расплылась кровь. Липкая. Свежая.

– Кровь... – заморожено прошептал Кашин. – Откуда у меня кровь?

Вопли и взаимные обвинения внезапно стихли.

– Из носа, – неуверенно ответила Люся. – Ты когда в обморок грохнулся, у тебя из носа кровь побежала. Давление, наверное.

– Господи, да сколько можно уже врать!?

Перегнувшись через сиденье, Ираида Павловна злобно зашипела на дочь.

– Что ж ты за дрянь такая, а? Парню осталось всего ничего, а ты все паинькой прикидываешься! Скажи уже! Ну?

Не дождавшись ответа от внезапно умолкшей Люси, похлопала Юру по колену и доверительно сообщила:

– Это вас Хугинн клюнул, Юрочка. Вы не переживайте, уж если он кого клюнул, значит все – конец. Это папа у нас дурак – дураком, все думает судьбу обойти. На зеленой своей развалюхе обогнать. Не переживайте. Скоро все закончится.

– Скорее, чем ты думаешь, – Люся прервала мать, кивнув в сторону лобового стекла.

– М-да-а-а... – с тоской в голосе протянул папа-Лехтинен. – Кажись приехали.

И Юркин взгляд потянулся туда же, куда кивнула хмурая Люся. Туда, через опущенные плечи мамы и папы Лехтинен, через заляпанное грязью и глиной лобовое стекло, через

бесконечно длинный зеленый капот, под которым устало переводил дух натруженный мотор. Туда, где посреди двух высоких валов рассыпчатой свежей земли стоял он. Тот самый мосластый высокий могильщик, в растянутой майке алкоголичке, бывшей некогда белой.

– Не выпустила, ведьма старая, – прошептал Михаил Матвеевич.

– Мишенька, нельзя так... это же мама твоя все-таки, – укорила мужа Ираида Павловна.

Тот лишь кивнул, поджав губы, рывком распахнул дверь и выбрался наружу. Точно по команде, могильщик закинул лопату через плечи, свесив руки по обе стороны черенка. Он был похож на тощее пугало, выставленное в поле, чтобы пугать ворон. Вот только вороны его не слишком то боялись. Гигантская черная туша Хугинна аккуратно спланировала с неба, встав рядом с могильщиком. Долговязый, словно только этого и ждал, поднял правую руку, приложил два пальца к виску, по-приятельски козырнув Кашину.

И ушел.

Просто развернулся и пошел прочь. Рядом с ним вспарывая глину мощными когтями, вышагивал Хугинн. Сложенные за спиной крылья напоминали полы черного фрака, по прихоти модельера сделанного из вороньих перьев. Фигурки человека и птицы все удалялись и удалялись, пока не стали совсем крохотными. Тогда ворон подпрыгнул вверх, на лету ловко сцапав могильщика лапами за плечи, и взмыв в закатное небо, быстро скрылся за тонким лезвием горизонта. Хотя последнее Кашину вполне могло показаться. Не понимая, где явь, а где последствия солнечного удара, Юра не сразу почувствовал, как чьи-то сильные руки выволокли его безвольное тело из машины.

– За ноги берите, – прохрипел над самым ухом голос Михаила Матвеевича. – Тяжелый мальчишка... Спортсмен, что ли?

– Спортсмен, – пропыхтела Люся, откуда-то снизу, после чего ноги Кашина взметнулись вверх, и тело обрело приятную, легкую невесомость. – Нападающий университетской баскетбольной команды.

Дернув ногами, Юра попытался вырваться из крепких рук.

– Ах тыж сволочь! – ругнулась Люся. – Мам, помоги! Он мне сейчас весь топик перепачкает!

– Мам, а Люся...

– Коля, закрой рот! – неожиданно резко перебила сына Ираида Павловна.

После чего в Юркину ногу вцепилась еще одна пара рук, окончательно лишив его возможности сопротивляться.

– Ну, чего встали, клуши? Поволокли уже... – скомандовал Лехтинен-старший.

Земляные холмы поплыли навстречу Кашину. В затылок Юрке упиралось круглое пузо Михаила Матвеевича. Кашину хотелось попросить его остановиться, не делать того, что бы они там не задумали... однако не мог оторвать взгляда от приближающейся разрытой могилы. В том, что это не свежая, а раскопанная старая могила, сомневаться не приходилось.

Земляные валы рассыпались обширно, но все же недостаточно широко, чтобы скрыть оградку, с узнаваемыми набалдашниками, на угловых прутьях. Тут и там, будто чешуя неведомого монстра, из земли выпирала матово-черная плитка, безжалостно расколота лезвием лопаты. С каждым шагом, которого он не делал, Кашину все лучше становился виден жадно распахнутый зев глубокой ямы, расположившийся между двумя земляными холмами, как рот между толстых щек. Изголовье вскрытой могилы венчало черное надгробие, с которого в предвкушении скалила длинные желтые зубы фотография Нойты Тойвовны Лехтинен.

Исчезла благообразная старушка, с зализанными седыми волосами. Вместо нее Кашину недобро улыбалась всклокоченная ведьма с бездонными провалами пустых глазниц. И, наконец поняв, что сейчас будет, Юра закричал, что было мочи, изогнулся всем телом, стараясь вырваться, выскользнуть, отбиться. Вскрикнула от боли предательница Люся, когда в плечо ей угодила рифленая подошва кроссовка. Растерянно охнул Михаил Матвеевич, не ожидавший удара затылком. Взволнованно заверещал мерзавец Коленька.

Но было уже поздно.

Семейство Лехтинен, подобно воинам, тараном высаживающим ворота вражеского замка, с разбегу влетели на земляной холм. На секунду Юра завис над ямой. Всего на секунду. И этого времени хватило ему, чтобы увидеть...

...что яма не имеет конца, она тянется вниз, насколько хватает взгляда, и даже солнечные лучи бессильно умирают, так и не достигнув ее дна...

Чтобы почувствовать...

...что под мягким запахом свежей сырой земли прячется гниль и тухлятина, как запах пота прячется под химическими ароматизаторами дезодоранта...

Чтобы услышать...

...как где-то на дне, в самом низу, воеет рыщущая во тьме ведьма с вытекшими глазами, воеет и визгливо хохочет в радостном ожидании...

Попытавшись остановить неминуемое падение, Кашин широко раскинул руки и ноги, в надежде зацепиться за могильные стены. Но внезапно понял, что расстояние между ними исчисляется десятками, сотнями, тысячами километров, и никак не достать, и никак не удержаться. И будто это понимание обрезало последнюю ниточку, чудом державшую его в воздухе, Юра рухнул прямо в беспросветную тьму. Навстречу безумному смеху и голодным всхлипам.

Некоторое время семейство Лехтинен переводило дух, старательно не замечая полных ужаса криков, несущихся из-под земли. Упершись ладонями в колени, Михаил Матвеевич шумно дышал, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Его дочь с сожалением разглядывала земляной отпечаток кроссовка на своем белоснежном топики.

– Ох, как же меня это утомляет, – устало прикрыла глаза Ираида Павловна. – Ненавижу родительский день.

– Так надо было дома остаться, и не ехать никуда?! – внезапно вскинулась Люся. – Чего мы сюда каждый год приезжаем? Скоро ни одного нормального пацана в городе не останется – всех бабке скормим!

– Не бабке, а баа-бушке! – встрял Коленька.

– Ага, не ехать... – глазки Ираиды Павловны испуганно забегали. – Спасибо, один раз уже попробовали.

– Не спорь с матерью! – пресекая попытки дальнейших споров, отрезал Михаил Матвеевич. – Ты тогда еще младше Коленьки была, совсем ни шиша не помнишь. Нельзя не ездить... нельзя. А и не брать их если, что тогда? Кого бабке оставлять будем? Тебя? Маму? Или может Кольку ей сбросим? На кого Хуннин укажет, а?

Не решаясь спорить с отцом, Люся спрятала глаза. И все же, стараясь оставить последнее слово за собой, раздраженно бросила:

– И стоило тогда комедию ломать? Сразу бы его бабке отдали, так уже бы сто раз назад вернуться успели.

– А вдруг бы в этот раз не взяла? – отрешенно пробормотал Михаил Матвеевич. – Нельзя сразу... Не по-божески как-то.

– А держать детей в душной машине на такой жаре – это по-божески? Меня, между прочим, на турбазе заждались уже наверное!

– Да кому ты там нужна, шалава крашенная? – по-взрослому зло съехидничал Коленька.

– Ах ты, ублюдок мелкий!

Люся удивленно округлила глаза и попыталась отвесить младшему брату подзатыльник, но тот проворно перехватил руку, с неожиданной силой отведя ее в сторону. Глядя прямо в глаза девушке в два раза выше и больше его самого, он предостерегающе покачал головой, и Люся, вывернув покрасневшее запястье из стальных пальцев маленького мальчика, поспешно отошла в сторону. Коленька проводил ее тяжелым взглядом, в котором еле видной искоркой мерцала победная ухмылка. Убедившись, что повторной атаки на его голову не предвидится, он вперевалочку подбежал к матери, дернул ее за руку и противно загундосил:

– Ма-а-ам, я писа-а-ать хо-чу-у-у!

– Пап, поехали уже... – согласилась Люся, потирая запястье.

– Да, Мишенька, правда, поехали домой, а?

Стоящий на краю могилы Михаил Матвеевич встрепенулся, услыхав свое имя.

– И то верно. Старую проведали, можно и домой. Давайте-ка, раньше начнем – раньше закончим... раньше дома будем.

Сбросив с себя гипнотическое оцепенение, навеянное бездонной земляной ямой, он подошел к багажнику «Волги» и вынул оттуда большую лопату с широким лезвием. Следом на свет появились две лопаты поменьше – для женщин. Последним из багажника был извлечен небольшой металлический совок на длинной ручке. Маленький Коленька очень любил чувствовать себя частью большого семейного дела.

Сучий объект (Майк Гелприн)

За пару километров до цели штабной УАЗ, вот уже третий час трясшийся на колдобинах и ухабах, затормозил в метре от завалившейся поперёк дороги могучей сосны.

- Не проедем, товарищ прапорщик, - растерянно сказал водитель.

Литовченко матюгнулся сквозь зубы и полез из машины наружу. Стерегающие узкую лесную просеку лиственницы уже щекотали верхушками нижний край солнечного диска. Азартно гудело, прицеливаясь к прапорщицкой шее, нахальное предвечернее комарье. Где-то неподалёку монотонно выстукивал бесконечную морзянку дятел.

- Давай, Хакимов, вылезай, - скомандовал Литовченко сгорбившемуся за рулём водителю. - Пешком дойдём, ноги, авось, не собьём. Там и переночуем.

- Где “там”, товарищ прапорщик?

Литовченко не ответил. Перелез через разрезавший просеку напополам сосновый ствол и широким шагом двинулся по заросшей травой обочине. Где “там”, он и сам толком не знал. В месте, которое майор Немоляев называл “сучьим объектом”, прапорщик за десять лет службы бывал лишь однажды, год с небольшим назад. Подвозил туда продовольствие - что-то у них там стряслось со штатной полуторкой. Впрочем, на объект как таковой Литовченко не пустили - съестное разгрузили снаружи, у распашных ворот, врезанных в забор из стальных щитов в два с половиной человеческих роста. Литовченко сдал продовольствие под расписку очкастому задохлику в штатском и под доносящийся из-за забора залиvistый собачий брех отбыл. Что происходит за оградой, и кто там, помимо псов, обитает, прапорщик понятия не имел. Походило на то, что майор Немоляев не имел также, хотя в подпитии, бывало, плёл про “сучий объект” разные небылицы, сводившиеся в основном к скабрёзностям насчёт противоестественных отношений между собачьим и человеческим персоналом.

“Делать людям нечего, - сердито думал Литовченко, с остервенением отмахиваясь от комаров. - На связь, видите ли, они не выходят, большое дело. Перепились, небось, а тут тащись к ним за сотню вёрст”.

- Товарищ прапорщик!

Литовченко на ходу обернулся. Запыхавшийся Хакимов, закинув за спину “АКМ”, трусил следом.

- Чего тебе?

- Сосна эта, - Хакимов приблизился, перевёл дух. - Она не сама упала, товарищ прапорщик. Я там посмотрел - её, похоже, топором рубили.

Литовченко сморгнул, ему враз стало не по себе. Ладонь непроизвольно опустилась на кобуру с “ПЯ”, который в армии называли “грачом”.

- Уверен? - переспросил он.

- Так точно.

С четверть минуты Литовченко молчал, думал - обстоятельно и неторопливо, как и подобает выдавшему виды прапору. Допустим, рация на объекте замолчала не потому, что персонал отмечал чей-нибудь день рождения, и не оттого, что накрылся какой-нибудь диод или резистор. Также предположим, что дерево срубили не забавы ради, а с целью задержать направляющуюся на объект технику. Тогда получается...

Литовченко утёр тыльной стороной ладони внезапно вспотевший лоб и додумал мысль до конца. Тогда получается, что объект атакован, а персонал выведен из строя. К примеру сказать, диверсантами.

“Чушь! - со злостью подумал прапорщик. - Какие тут диверсанты, в мирное время, посреди сибирской глуши, в трехстах километрах от Томска и в доброй полусотне от ближайшего жилья”.

- Может, зэки? - подал голос Хакимов. - Беглые.
- Что? - Литовченко пренебрежительно хмыкнул и взял себя в руки. - Зэки-шмэки,
- буркнул он. - Их бы псы почуяли за версту. Пошли давай.

Он сплюнул, повернулся к бойцу спиной и решительно зашагал дальше. Старее, с неудовольствием думал прапорщик. В Чечне были настоящие диверсанты, он и то не шибко боялся, а тут... Дерево, видите ли, срубили как раз, когда забарахлила связь - тоже мне повод нервничать. В жизни и не такие ещё совпадения бывают, а в армии особенно.

Литовченко ускорил шаг. Солнце уселось на лиственничные верхушки уже основательно, комарьё несколько присмирело, стук дятла затерялся за спиной, сменившись нестройной птичьей разноголосицей. Прапорщик скосил глаза на ходу - боец топал в пяти шагах сзади, жевал травинку и, видимо, тоже больше не нервничал.

- Километра полтора ещё, - бросил Литовченко. - Скоро при...

Он осёкся и, едва не споткнувшись, застыл на месте. В двадцати шагах спереди, распластавшись поперёк просеки, в запекшейся кровавой луже лежалдохлый пёс с распоротым брюхом и вывалившимися наружу внутренностями.

Байдарка плавно приближалась к перекату, обычному, каких прошли уже не один десяток. Ссутулившись на сиденье рулевого, Надя задумчиво изучала коротко стриженный затылок Артёма. На байдарочный поход её уговорил он, видимо, решив, что на природе Надя станет уступчивей. Напрасно - спать пускай и с фигуристым, атлетически сложенным, но грубоватым и неотёсанным Артёмом Надя не собиралась. Так же, как с сопящим на корме угрюмым крепышом Игорем. И вообще, бицепсы и кулачищи совсем не то, ради чего она ляжет с парнем в постель. Вот с Лёшкой с параллельного курса... с ним она бы не прочь. Она и на уговоры-то согласилась, когда узнала, что идёт Лёшка. Тот, однако, Надиного интереса не замечал или делал вид, что не замечает, а в головную байдарку посадил на рули рыжую Ирку.

Походом по верховьям реки с нелепым названием Кеть Надя была сыта по горло. А в изобилии водящиеся по берегам этой Кети комары наверняка были сыты Надей. Также по горло, мысленно усмехнулась она. Слава гребле, послезавтра поход закончится, и можно будет забыть про пересолённые и недосолённые каши из чумазого котелка, про невкусный чай, про навязчивые ухаживания Артёма и про туалет на природе, когда приседаешь и думаешь, как бы успеть, прежде чем в задницу ужалит какая-нибудь змея.

- Эй! - окликнул с носа Артём.

Надя встрепенулась. Байдарка подходила к перекату.

- Табань, ёпст, - скомандовал Артём. - Лево руля!

Игорь на корме стал табанить, байдарка замедлила ход. Наде осталось лишь положить руль влево. За трое суток похода она проделывала это множество раз. Но сейчас, сама не зная отчего, потянула вдруг на себя правый штуртрос.

- Куда? - заорал с носовой банки Артём. - Ты что ёпст творишь?!

Надя охнула и перехватил штуртрос, но было уже поздно. Байдарка вошла в перекаат бортом, на секунду замерла и ринулась вниз, прямо на стерегущий за перекаатом острый жандарм.

От страха Надя вскрикнула. Байдарка с ходу вмазалась в жандарм правым шпангоутом. С треском лопнули алюминиевые стрингеры, а секунду спустя хрястнуло под ногами, и в разорванный каркас ворвалась река.

- За борт! - рявкнул Артём.

Надя и опомниться не успела, как оказалась по пояс в ледяной, сбивающей с ног воде. Байдарка стремительно погружалась, с носа сорвался и унёсся вниз по течению рюкзак с провизией. За ним другой - со спальными мешками и тёплой одеждой.

- К берегу тащи! - кричал вцепившийся в корму затонувшей байдарки Артём. -

Быстреей, ёпст!

Как они втроём умудрились вытащить утопленницу из реки, Надя помнила плохо. Как карабкались на прибрежные валуны - тоже. Пришла в себя она, лишь когда Артём поднёс ей к губам флягу с водкой и заставил глотнуть. Надя закашлялась, тяжело опустилась на каменную россыпь и обхватила себя непослушными, ходуном ходящими руками.

- Кильсон накрылся, - буркнул Артём. - Байдарке временный пэце. И жратва уплыла.

- У ребят осталась, - прохрипел пританцовывающий в попытках избавиться от воды в ухе Игорь.

- Точно, - согласился Артём. - Только...

Он оборвал фразу, выпрямился и уставился на речную излучину в паре сотен метров ниже по течению. Головной байдарки видно не было.

- Лёха! - приложив ладони рупором ко рту, во всю глотку закричал Артём. - Ирка! Вадим!

Ответило только эхо.

- Тьфу ёпст-переёпст, - выругался Артём. - Ладно, далеко не уплывут, рано или поздно сообразят.

Он присел, развязал уцелевший рюкзак со снаряжением и выудил со дна герметичный полиэтиленовый пакет с бензиновой зажигалкой внутри.

- Заголяемся, - велел Артём и первым стал стягивать с себя мокрую, липнущую к груди фуфайку. - Заночуем у костра, ребят утром догоним по берегу. Шуруй ёпст за хворостом, - бросил он Игорю, - пара часов до темноты у нас есть.

В трёх шагах от мёртвого пса Литовченко опустился на корточки, взгляделся в рану, раскроившую собаку от глотки до паха. Обернулся через плечо - Хакимов, уцепившись за ствол лиственницы, блевал в можжевельниковые кусты. Прапорщик выругался вслух - дело явно принимало дурной оборот, не хватало только напарника, празднующего слабака при виде дохлятины.

- Отставить! - бухнул Литовченко. - Смирно!

Хакимов шагнул в сторону, утёр рот рукавом гимнастёрки, затем с натугой выпрямился и застыл, глядя на прапорщика ошалелыми от испуга глазами.

- Вольно, - Литовченко поднялся. - Значит, так - вернёшься к машине. Радируешь в часть, докладываешь обстановку и ждёшь меня. Задача ясна?

- А в-вы, товарищ п-прапорщик? - запинаясь, выдавил из себя Хакимов.

Литовченко помедлил с ответом. В часть доложить по-любому необходимо, надёжнее всего вернуться к УАЗу вдвоём, там и ждать подкрепления. Однако "надёжнее" и "правильнее" - суть вещи разные. Кто знает, что случилось на объекте и не нуждается ли персонал в помощи.

- Задача ясна? - повторил прапорщик.

- Т-так точно, ясна.

- Выполняй!

Литовченко проводил взглядом удаляющуюся рысцой фигуру Хакимова, по обочине обошёл собачий труп и на секунду остановился. Решительно расстегнул кобуру, выдернул из неё "грач", рифлёная рукоятка привычно легла в ладонь. Пристально вглядываясь в застывший вдоль дороги лес, Литовченко неспешно, с опаской двинулся дальше. Так он прошагал минут пять и начал уже успокаиваться, когда сзади, оттуда, куда ушёл Хакимов, донёсся и враз смолк крик, истошный, пронзительный.

Прапорщик на мгновение остолбенел, языки страха лизнули сердце. Он знал наверняка, что этот оборвавшийся крик - предсмертный, ему доводилось слышать такие в

рукопашных под Грозным и Гудермесом. В следующий миг страх отступил, сменившись злой тугой решительностью, той, что приходит к бывалому солдату перед боем. Намертво зажав в ладони рукоятку “грача”, Литовченко бросился по просеке назад.

Хакимов лежал, скорчившись, мёртвыми пальцами вцепившись в ремень от “АКМ”, из которого так и не успел выстрелить. Голова бойца была свёрнута на сторону, из разорванного горла всё ещё текла кровь. Пару мгновений прапорщик, стиснув зубы, смотрел на покойника, затем метнулся к нему, перекинул “грач” в левую руку, правой подхватил автомат и замер, всматриваясь в окружающий просеку лес и вслушиваясь в доносящиеся из него звуки.

С полминуты Литовченко простоял недвижно, затем сунул пистолет в кобуру, взял “АКМ” наизготовку и тяжело побежал дальше, к УАЗу. Тот был там, где они его оставили - за перегородившим просеку сосновым стволом. Только вот лобового стекла у него больше не было, осколки переливались на капоте в лучах наполовину скрывшегося за лесом солнца.

Литовченко приблизился, растерянно осмотрел развороченную торпеду и то, что осталось от встроеной в неё рации. Ноги у прапорщика стали внезапно ватными, и страх, который он недавно в себе подавил, пришёл вновь, захлестнул его, заполонил, мешая думать, мешая решить, как быть дальше.

Движение за спиной Литовченко уловил шестым, если не седьмым чувством. Он не успел понять, что это за движение - понял и среагировал намертво вбитый в него навык - рефлекс солдата. Прапорщик рванулся влево и в развороте вскинул “АКМ” навстречу бесшумно несущемуся к нему стремительному существу.

Надя проснулась посреди ночи, вскинулась с постеленной на сырой мох фуфайки. Артём размеренно похрапывал, завернувшись в брезент. Костёр догорал, дежурящий возле него Игорь, ссутулившись на байдарочном каркасе, клевал носом.

Наде внезапно и неведомо отчего стало страшно. Что-то встревожило её, вырвало из сна и словно зависло неподалёку. Звук, поняла Надя секунду спустя. Протяжный, по душе резанувший звук, от него она и проснулась.

- Игорь, - шёпотом позвала Надя.
- Чего? - пробормотал тот. - Спи давай.
- Ты ничего не слышал?

Игорь поднял голову, протёр глаза.

- Ничего. Я тут слегка задремал, - признался он. - А в чём дело?
- Понимаешь, - Надя зябко поёжилась, - я слышала что-то. Заунывное что-то, протяжное, словно вой. Во сне слышала.

Игорь хмыкнул.

- И что с того? Вернёмся в Томск, купим тебе сонник.
- Я не во сне слышала. То есть во сне, конечно, но...

Игорь потянулся, шумно зевнул.

- Тебя не поймёшь, - сказал он. - То во сне, то не во сне. Знаешь что, ложись спать. Завтра будет трудный день. Кто знает, где эти черти причалили и сколько нам до них пилить.

- Ладно, - от исходящей от Игоря уверенности тревога у Нади прошла. Она улеглась на фуфайку, подложив под голову руку, и в этот момент звук повторился. Гулкий, зловещий, грозный. Надя ахнула, вскочила на ноги. В трёх шагах растерянно озирался по сторонам Игорь, лишь Артём по-прежнему безмятежно похрапывал.

- Волки, - растерянно прошептал Игорь. - Это, наверное, волчий вой.

Надя почувствовала, что близка к истерике.

- И ты так спокойно об этом говоришь? - едва сдерживаясь, бросила она.

- А что мне - чечётку сплясать? - зло ответил Игорь. - Ну, волки, большое дело, - уже миролюбиво продолжил он. - Летом они сытые. Да и потом, у нас топор есть. Если что, отобьёмся. Ложись спать.

- Нет уж, - выдохнула Надя и в следующий миг разревелась. - Вам только бы спать, - сквозь слёзы бормотала она. - Какой тут сон, я больше глаз не сомкну.

Вой раздался вновь, ещё более грозный и пронзительный, чем предыдущий. На этот раз Надя, не удержавшись, взвизгнула от страха.

- Что за ёпст? - оторопело спросил пробудившийся, наконец, Артём.

- Не знаешь что?! - набросилась на него Надя. - Так спроси своего друга, он тебе расскажет. Так, надо уходить отсюда, убираться, что расселись?

- Волки, - объяснил Игорь и вновь зевнул. - Воют где-то на луну. Я как услышал, тоже сначала испугался.

Артём неспешно сел, затем поднялся. Притянул Надю, обнял, она уткнулась лицом ему в грудь и заревела навзрыд.

- Ничего, - говорил, прижимая Надю к себе и поглаживая её по коротким каштановым волосам, Артём. - Ничего ёпст не бойся. Волки это не страшно. Нечего нам их бояться, пускай лучше они нас.

Надя всхлипнула, подняла на Артёма заплаканные глаза. Всё-таки он молодец, подумала она. Спокойный, выдержанный, а что грубый и недалёкий, так кто не без изъяна.

- Хорошо, - сквозь слёзы улыбнулась она.

- Ну вот и лады, - заключил Артём. - Ложитесь спать, ёпст. Моя очередь дежурить.

Автоматная очередь разорвала степенное лесное спокойствие. На расстоянии в пять шагов она перечеркнула атакующего, отбросила его и опрокинула наземь.

Медленно, очень медленно Литовченко двинулся вперёд. Вгляделся, усилием воли подавил страх. Застреленный походил на человека, но человеком явно не был. Узловатые, поросшие густой шерстью руки, а скорее лапы, конвульсивно дёргались, взрывая землю бурными кривыми когтями. Нижние конечности в брезентовых, выпачканных грязью штанах были неподвижны, чудовищного размера ступни походили на уродливые, распяленные резиновые перчатки. Литовченко бросил взгляд на лицо умирающего, и его едва не вывернуло, как недавно Хакимова. Костистое, оскалившееся, с запавшими желтоватыми глазами и покатым лбом, это лицо больше походило на морду. На волчью морду, понял прапорщик, а путанные свалывшиеся пегие волосы - на шерсть.

Литовченко осторожно приблизился. В двух шагах от застреленного уroda лежал отлетевший в сторону кухонный нож с треснувшей рукоятью. Прапорщик нагнулся, двумя пальцами брезгливо его подобрал, осмотрел лезвие и зашвырнул нож в лес.

Желтоватые глаза закатились, когти перестали скрести землю, похожий на волка человек дёрнулся в последний раз и застыл.

- Сволочь, - сказал вслух Литовченко. - Гнида такая, гадина...

Он перевёл дух, оглянулся по сторонам. Солнце уже едва выглядывало из-за лесной изгороди. С минуту прапорщик обдумывал положение. Если поблизости бродит ещё парочка таких тварей, то ночи в лесу ему не пережить. Оставался единственный путь - к объекту, и предстояло спешить, чтобы достигнуть его до темноты.

Держа автомат наготове, Литовченко зашагал по просеке. Стараясь не смотреть, обогнул тело Хакимова, ускорился, затем побежал. К зарезанному псу он приблизился, когда начало уже темнеть. Перескочил через него и побежал дальше. Настежь распахнутых ворот прапорщик достиг, когда вечерние сумерки уже сгустились.

Литовченко остановился и медленно, опасливо двинулся к объекту. Поравнялся с воротами, прижавшись спиной к распахнутой створке, приставными шагами добрался до

проёма и заглянул вовнутрь. Метрах в десяти от ворот скрючилось на бетонной плите обезглавленное женское тело, за ним мужское, с головой, но без нижних конечностей. Между ними распростёрлась, вытянув лапы, собачья туша.

Литовченко окинул взглядом зажатое стальным забором пространство метров в полтора в диаметре. Крытую бетонными плитами площадку. Пустой решётчатый собачий вольер. Двухэтажное кирпичное строение по левую от него руку, по виду - жилой дом. Гараж поодаль, застывший рядом с ним грузовик. Приземистое прямоугольное здание, судя по всему - генераторную. И примыкающий к ней справа массивный куб с плексигласовыми стенами. Свет ни в одном окне не горел, в стремительно сгущающихся сумерках тела убитых походили на небрежно разбросанные по бетону тюки с тряпьем.

Стиснув зубы, прапорщик отлепился от воротной створки и рванул внутрь. Отмахав с десятка прыжков, остановился, описал стволом автомата полукруг, замер, прислушиваясь и вглядываясь в почти уже полную темноту. Ничего не услышал, не разглядел и бросился к генераторной. Дверь её оказалась распахнутой, распределительный щиток развороченным, разорванные провода лезли из щитка, будто расплетающийся клубок змей. Минут пять Литовченко постоял недвижно, давая глазам привыкнуть к темноте. Затем, когда из-за облаков пробилась полная луна, двинулся к кирпичной двухэтажке. В отличие от генераторной, входная дверь в неё была заперта. Прапорщик шагнул на крыльцо, собираясь отжать дверную ручку, и в этот момент, как тогда, в лесу, уловил за спиной движение. Скользнув вдоль стены, Литовченко замер.

Он никогда не был трусом, да и не пристала трусость человеку, не раз раскланивавшемуся с костлявой. Но сейчас он почувствовал, как ужас, животный бесконтрольный ужас, народившись в нём, раскатывается по внутренностям, сдавливает желудок, колотит в сердце и спазмом корёжит гортань. Раскачиваясь из стороны в сторону и мотая страшной косматой башкой, в мертвенном лунном свете косолапило по бетонным плитам исполинское уродливое чудовище. У Литовченко подломились колени, он сполз спиной по кирпичной стене, замороженно глядя, как чудовище приближается. А потом оно вдруг застыло, задрало башку и разразилось хриплым, отрывистым рёвом. Опустилось на четвереньки и взревело вновь, а затем оторвало от земли обезглавленный женский труп и впилося в него зубами.

Собрались и двинулись по лесу вдоль берега, едва рассвело.

- Кильсон починить дело плёвое, - рассуждал на ходу Артём. - Хорошо, что мешок с инструментами у ребят в байдарке. Если б мы его утопили, шлёпали бы пёхом до самого Белого Яра.

Наде было не по себе. Ночной вой до сих пор не ушёл, словно застрял в ушах. К тому же одолевал насморк - результат вчерашнего купания, и зудели по всему телу расчёсы от комариных укусов. Надя достала карманное зеркальце, посмотрелась на ходу. Вместо миловидной кареглазой девочки с нежной кожей и ямочками на щеках на неё глянула из зеркальца страшная неухоженная лахудра в прыщах.

- Ничего, ты мне и такая нравишься, - гоготнул, обернувшись на ходу, Артём.

- Спасибо, - язвительно ответила Надя. - У тебя явно что-то не то со вкусом, раз тебе нравятся такие уродины.

- Да разве ёпст в красоте дело, - загорячился Артём. - С лица воду не пить. Вот у нас в деревне...

Он принялся излагать, как деревенские парни подходят к деликатной проблеме выбора подходящей девки. Надя не слушала. Может быть, он и вправду не просто кобелирует, а влюбился в меня по-настоящему, думала она. В общем-то неплохой парень, ну, деревенский, конечно, грубоватый, недалёкий, ну и ладно, не всем же быть

интеллектуалами. Ну да, с ним не так интересно, как, например, было с Аликом или могло бы быть с Лёшкой. Но, возможно, и не так тоскливо, как она полагала. Артём, конечно, не семи пядей во лбу, но в институт с первого раза поступил, после сельской-то школы. Учится вон, зубрит. Не пьёт, занимается спортом, в походы ходит. К тому же неробкий и нетрусливый, пускай, сказал, волки нас боятся. Надёжный. Такой не бросит, походя, из-за смазливой бабы, как Алик. И если случится что, не сбежит.

- Вот они! - прервал Надины раздумья взобравшийся на невысокий пригорок Игорь. - Лёшка, Вадим! - заорал он. - Принимайте гостей!

Ответа почему-то не было. Надя догнала Игоря, встала с ним рядом и вгляделась в поляну на береговой излучине в паре десятков метров от места, где они стояли. На поляне была разбита палатка. Вытащенная из воды байдарка загорала днищем вверх сотней метров дальше, притулившись к могучему камню в паре шагов от береговой кромки.

- Дрыхнут, что ли, - неуверенно пробормотал Игорь. - Или за грибами пошли...

- А ну-ка, - бодро проговорил взобравшийся на пригорок Артём. Он встал рядом с Игорем, приложил руку козырьком ко лбу. - Точно дрыхнут. Вот мы сейчас...

Он осёкся. Полог палатки внезапно распахнуло порывом ветра, и внутри...

- Что это? - ахнула Надя. - Боже, что это?!

Внутри было то, что осталось от Ирки. Роскошные рыжие волосы стали красными и едва скрывали то, что ещё вчера было шикарной Иркиной грудью, а сегодня стало похоже на замешанное на крови тесто. Отсечённая от туловища Лёшкина голова умостила у самого входа и, казалось, любовалась бесстыдной Иркиной наготой.

- Ёпст... - ахнул Артём.

Он сорвал с плеч рюкзак, отбросил его в сторону и размашисто побежал по пологому склону вниз. Рванул полог палатки на себя, отшатнулся, попятился на заплетающихся ногах.

- Сюда, быстро! - заорал Артём. - Он бросился к байдарке, рывком перевернул её и толкнул в воду. - Быстрей, - отчаянно замахал он рукой, - уходить надо! Быстрей же, ёпст! Надя, не смотри туда...

Смотреть Надя не собиралась - того, что она успела разглядеть, было достаточно. Она согнулась, приступ рвоты едва не вывернул её наизнанку. Ноги подкосились, Надя рухнула лицом вниз в траву и заколотила по земле кулаками.

Литовченко сам не знал, как ему удалось взять себя в руки. В двадцати шагах утробно чавкало, пожирая человеческую плоть, отвратительное чудовище. Оно походило на медведя, но ещё больше - на вырядившегося медведем человека, гиганта за два метра ростом.

“АКМ” забился у прапорщика в руках. Очередь растерзала чудовищу грудь, швырнула его на землю, но миг спустя исполин взревел, вздыбился в полный рост и, раскачиваясь, двинулся к прапорщику.

Литовченко вскочил, рванул спусковой крючок, но “АКМ” отозвался лишь одиночным выстрелом - рожок опустел. Чудовище с распоротой пулями окровавленной грудью было в пяти шагах, прапорщика обдало волной зловонного смрада. Литовченко отбросил автомат, выдернул из кобуры “грач” и одну за другой всадил четыре пули в оскаленную косматую морду. Уронил руку и стал бездумно смотреть, как чудовище издыхает в корчах. Очнулся прапорщик, лишь когда конвульсии затихли. Трясущейся рукой с третьего раза попал стволом “грача” в кобуру. И в этот момент его окликнули.

Литовченко шархнулся, задрал голову. Из окна второго этажа прапорщику судорожно махал руками тот самый очкастый задохлик, который год назад под расписку принимал у него продовольствие.

Надя с трудом поднялась, её шатало от слабости и дурноты. Игорь подхватил под руку, помог сделать пару первых, неверных шагов. В сотне метров ниже по течению Артём суетливо забрасывал в байдарку пожитки.

- Ничего, - невнятно бормотал Игорь. - Обойдётся, всё обойдётся. Вот сейчас...

Он оборвал фразу, выпустил Надину руку и резко развернулся влево. Надя по инерции шагнула вперёд, обернулась через плечо и заорала от ужаса. По склону пригорка наперерез им крался, пригнувшись, страшный долговязый урод с выпяченной челюстью, путаной пегой шевелюрой и топором в руке.

- Беги! - Игорь оттолкнул Надю и, приняв боксёрскую стойку, застыл.

Надя в отчаянии рванулась прочь, споткнулась, покатила по склону. Грянулась о камень у подножия, хотела закричать, но лишь заскулила от боли. Перед глазами расплылась мутная пелена, сквозь неё где-то вдалеке маячил Артём. Надя метнулась к нему, но рухнула, подкошенная взорвавшимся в правом колене сгустком боли, ткнулась лицом в траву.

- Артём, - взмолилась Надя, извиваясь и пытаясь ползти. - Артё-ё-ё-м...

Сзади пронзительно и страшно закричал Игорь, а потом крик оборвался, и Надя знала, понимала уже, что это означает.

- Артём, - прошептала она, из последних сил отжимаясь на локтях.

На берегу было пусто. Лихорадочно работая веслом, Артём выгребал на стремнину. На Надю он даже не оглянулся. Отчаянным усилием она перевернулась на спину. В десяти шагах выше по склону оскалившийся долговязый урод, словно мясник на бойне, рубил топором то, что осталось от Игоря. Ужас налетел, нахлынул, поглотил Надю и вышиб из неё сознание.

Литовченко уселся на подоконник, выудил из кармана фонарик и направил луч очкастому в лицо.

- Вы не уйдёте, нет? - подобострастно заглядывая в глаза, частил тот. - Не бросите меня? Все убиты, все, я один спасся. Вы не сбежите отсюда?

Литовченко не ответил. Он вогнал в "грач" запасную обойму, устроился поудобнее и стал ждать, когда прекратится истерика.

- Все умерли: профессор Петров... Майор Олейник... Лидия Андреевна, завхоз... Боже, какое несчастье, я до сих пор не верю. Профессора они растерзали, представляете? На куски порвали. И собак. Вы не бросите меня? Вы...

- Тебя как зовут? - прервал Литовченко.

- Что? Георгий Владимирович. Можно просто Георгий.

Прапорщик прыгнул с подоконника, в два шага покрыл разделяющее его с очкариком расстояние и ухватил того за грудки.

- Значит, так, Гоша, - сказал он, - или ты мне сейчас расскажешь, что здесь произошло, внятно и без вранья. Или я тебя шлёпну.

У очкастого Гоши клацнула челюсть.

- Зачем вы так? - пролепетал он. - Я учёный, биолог. Я кандидат наук!

- Ты - кандидат в покойники, - жёстко бросил Литовченко. - Итак - что здесь произошло, откуда взялись эти звери, сколько их и где они могут прятаться?

- Это не звери. Я не могу, понимаете, не могу рассказать. Это секрет. Государственная тайна. Пожалуйста, уберите руки! Отпустите меня!

Литовченко отступил на шаг и с размаху влепил кандидату наук пощёчину. Тот охнул, отшатнулся к стене, схватился за щеку.

- Слушаю тебя, - нарочито спокойным голосом сказал прапорщик.

Пару минут очкастый молчал и только лишь шмыгал носом да тонко всхлипывал. Литовченко не торопил, ждал. Страх и ярость в нём улеглись, осталась лишь холодная, злая решимость разобраться и отомстить. Он плохо понимал кому.

- Хорошо, - едва слышно прошептал, наконец, очкастый. - Я расскажу. Только... Скажите, вы здесь один? Помощи ждать неоткуда?

Литовченко задумчиво поскрёб отросшую за сутки щетину. В части наверняка уже забили тревогу. Вряд ли, однако, стоит рассчитывать, что подкрепление вышлют на ночь глядя. Майор Немоляев скорее всего будет ждать до утра и тогда уж...

- Будет тебе помощь, - буркнул Литовченко. - Если доживёшь. Итак?

- Ладно. Вы слыхали или читали что-нибудь о германских вервольфах?

- О чём, о чём? - изумился прапорщик.

- У нас их называют оборотнями. Одно время много говорили, что немцы во Второй Мировой использовали спецотряды, состоящие из оборотней. Для борьбы с партизанами, например.

Литовченко подобрался, шагнул к очкарику.

- Ты что же, Гоша, - сказал он проникновенно, - байки мне травить будешь?

- Постойте! Это не байки. Вернее - да, байки - оборотней не существует. Зато существуют териантропы. Не перебивайте меня, пожалуйста. Понимаете люди, мнящие себя зверями, их называют териантропами или терианами. Таких много, тысячи, даже десятки тысяч. Есть даже сообщества териан, клубы, сетевые сайты. Вы, может быть, слыхали?

- Нет, не слыхал, - отрезал прапорщик. - Меня не интересуют психи.

- Да-да, вы правы, множество териан попросту шизофреники. Но не все, далеко не все. Большинство их них - обычные люди. Нет, конечно, не совсем обычные, но люди, сумевшие сжиться с такой вот своей особенностью. Подавить в себе звериное или, скажем так, управлять им. Есть, однако, и ещё одна категория, малочисленная. Они... - Гоша замялся.

- Ну, - подбодрил Литовченко, - договаривай уже.

- Видите ли, таких единицы. Это люди, которые и в самом деле довольно близки к животным. И физически, и, так сказать, ментально. У которых человеческий разум сочетается со звериными инстинктами и повадками. Из таких немцы и формировали в своё время отряды лесных карателей. Представьте себе, например, наделённого разумом волка. Или стаю волков.

Литовченко крякнул.

- Понятно, - буркнул он. - Значит, вы их здесь держали, этих уродов?

- Они не уроды. Это просто очень, очень опасные люди. В основном приговорённые к пожизненному сроку преступники, изъятые из тюрем и зон. Мы изучали их поведение, особенности, привычки, их военный потенциал, если угодно.

- Потенциал, значит, - повторил прапорщик. - Ну-ну. И какой же у этих животных потенциал?

- Очень высокий, поверьте. Но они не животные, - очкастый потупился. - Им вводили гормональные препараты, экстракты, полученные из звериных эндокринных желез, поэтому и внешность у них, так сказать, несколько изменилась. Профессор Петров выстроил из всего этого целую теорию. Понимаете, фактически мы вывели тут новую расу.

- Ах, вот оно как, - саркастически фыркнул прапорщик. - Новую, значит, расу. Недолудей.

- Ну, не совсем. Людями они всё же остались. Но очень сильными, жестокими, хитрыми. Это был во всех отношениях дерзкий проект и засекреченный, конечно. Если бы не медведь...

- Это которого я шлёпнул? - уточнил Литовченко.

- Да. Знаете, териантропы, в основном, киноиды, отождествляющие себя с хищниками семейства псовых. Мнящих себя другими животными крайне мало, а пригодных для нашего проекта так и вовсе считанные единицы. Понимаете, для нас было большой удачей, когда выяснилось, что арестованный в Екатеринбурге маньяк и серийный убийца - на самом деле отождествляющий себя с медведем териантроп. Мы лишь не учли, что он и силён как медведь. Териан содержали в клетках, в подвале под лабораторией. Медведь клетку взломал. Расправился с персоналом, потом выпустил остальных.

Литовченко ошеломлённо потряс головой. Поверить было трудновато, но тому, что прапорщик видел собственными глазами, сказанное соответствовало. Литовченко потянулся, расправил плечи. Ужас и кровь вчерашнего дня отступили, сейчас он чувствовал лишь усталость и горечь оттого, что из-за чьей-то нерадивости или глупости погибли люди. За окном начинало уже светать, оставалось продержаться несколько часов до того, как подойдёт подкрепление.

- Сколько их было, этих остальных?

- Четверо. Вместе с медведем пятеро. Но одного волка застрелил майор Олейник. Медведя убили вы. Остаются ещё трое.

- Двое, - поправил прапорщик. - Одного я в лесу завалил. Что ж - просто прекрасно, замечательно, экспериментаторы вы хреновы. Значит, на свободе гуляют два человека-волка, так?

- Не совсем.

- Что значит "не совсем"?

- Волк только один. Второй - статья особая.

- Какая ещё особая?

- Понимаете, второй тоже териантроп. И сумасшедший, по вашим меркам, естественно. Но он, несмотря на брутальность, жестокость и прочее - другой, не такой, как остальные. Я и жив-то остался благодаря ему.

- Новое дело, - нахмурился Литовченко. - В каком смысле?

- В прямом. Он видел, где я прятался, но не стал меня выдавать. Знаете, я к нему всегда по-особому относился, подкармливал иногда, разговаривал с ним, спорил, он совсем не дурак. В прошлом убийца, конечно, но его жертвы - не мирные обыватели, а другие преступники - бандиты всякие, насильники, наркоманы. В общем, он отождествляет себя не с волком, а с охотником на волков. С псом. Можно сказать - с волкодавом.

Надя открыла глаза и удивилась, что ещё жива. Миг спустя удивление сменилось обречённостью - долговязый урод был в десяти шагах. И не один - рядом стоял, пригнувшись и оскалившись, ещё такой же.

Судорожно отталкиваясь от земли локтями, Надя рывками пыталась уползти прочь. Долговязый смерил её взглядом глубоко запавших глаз поганого гнойного цвета. Но почему-то не бросился на неё, а вновь обернулся ко второму. Они были похожи, эти двое, словно порождённые из единой мерзкой утробы, и, вместе с тем, чем-то они отличались друг от друга, чем-то неуловимым и разительным одновременно.

Надя закрыла глаза, чтобы не смотреть на тех, кто сейчас будет её убивать. Она не плакала, не кричала. Она смирилась - жизненные силы закончились, даже боль в сломанной ноге притупилась и стала не такой нестерпимой. А потом раздался вдруг рёв, страшный, гораздо страшнее, чем тот вой, что Надя слышала ночью. Она вскинулась и на этот раз заорала от ужаса. В десяти шагах от неё дрались два нелюдя. Нет, даже не дрались - грызлись. Сцепившись, раздирая друг друга когтями и впиваясь клыками в плоть.

Она не знала, сколько длилась грызня. Так же, как не знала, кто вышел из неё победителем и, подобрав отлетевший в сторону топор, разможил им череп второму. “Из-за меня, - обречённо думала Надя, - эти двое убивали друг друга из-за меня. Выясняли, кому я достанусь”.

- Гадина, - сказала она приближающемуся к ней существу. - Паскуда, нелюдь.

Нелюдь нагнулся, рывком оторвал Надю от земли и закинул на плечо.

- Не бойся, - хрипло сказал он. - Я не такой, как они. Я тебя не трону.

- Ты... - выдохнула Надя. - Ты кто?

- Я охотник. Я убиваю волков и спасаю людей.

- Ты псих, - выдохнула Надя и заколотила кулаком по спине этого “спасителя”. -

Псих! Псих! Убийца!

- Да, - существо усмехнулось окровавленной пастью. - Я псих и убийца. К сожалению. Но тебя я отсюда вытащу.

Надя всхлипнула.

- Не убьёшь? - тихо, едва слышно спросила она. - Ты меня не убьёшь? Поклянись, что нет.

“Псих и убийца” тяжело вздохнул.

- Клянусь, - прохрипел он. - Слово даю.

Уперев локоть в подоконник, Литовченко вёл стволом “грача” за ковыляющим по бетонным плитам уродом, несущим на плече миниатюрную девушку с короткими каштановыми волосами.

- Не стреляйте, умоляю, не стреляйте, - причитал за спиной Гоша. - Это он, волкодав.

Прапорщик левой рукой не глядя поймал Гошу за ворот, отшвырнул от себя.

- Не стреляйте, не надо, - продолжал мямлить тот.

Литовченко прицелился. Бить надо было наверняка и так, чтобы не задеть девушку. Навалившаяся усталость мешала взять точный прицел, туманила глаза, дрожью сбивала руку.

Внезапно девушка подняла голову. На мгновение их взгляды встретились.

Прапорщика хлестануло по сердцу жалостью и болью.

- Сейчас, сейчас, девочка, - бормотал Литовченко. - Потерпи, милая. Только не бойся, сейчас всё сделаю, вот увидишь.

Он обхватил рукоятку обеими ладонями, волевым усилием унял дрожь.

- Не стреляйте! - закричала вдруг девушка.

От неожиданности прапорщик дёрнулся, а в следующее мгновение териантроп задрал башку и уставился на него.

- Не стреля-я-я-йте!

Териантроп рванулся, и Литовченко, улучив момент, всадил в него пулю. Волкодав пошатнулся, уронил девушку, затем упал на колени. Прапорщик хладнокровно выстрелил ему в голову, поднялся и, грузно ступая, пошёл на выход.

- Что ж вы наделали, - тоскливо бубнил очкастый биолог. - Зачем?

Литовченко обернулся с порога. Подавил в себе желание пристрелить заодно и этого.

- Я вот думаю, кто на вашем сучьем объекте самая большая сука, - презрительно сказал он. - Волк, волкодав или ты.

“Или я”, - мысленно добавил он, спускаясь с лестницы.

Пиявки (Андрей Таран)

Стылая морось повисла в воздухе, солнце прилипло к небу блеклой соплей. Кузьма Игнатьич прицелился в него здоровым глазом – не тем, что в паутине багровых шрамов и давно помутнел, а тем, что ещё различает свет и зыбкие силуэты. Тоже не телескоп, но в его годы плакаться – только бога гневить.

- Что впялился, сват? – рокотнуло сзади, и под сопливую мокроту выбрался Сява. – Никак архангелов с трубами караулишь? Неужто запаздывают?

Кузьма Игнатьич скривился, будто от кислого: тьфу ты, господи, достался сожитель! Помирать соберёшься – в гробу полежать не даст. Несуразный человек, одно слово: финтифлюй! Вот, скажем, голос: зычный, рокошующий, глаз прижмуришь – чистый Левитан; а взглянешь: сморчок жёваный, одна суета. Или, к примеру, имечко взять. Посмеялся родитель, записал в метрику: «Сила Григорьич Сявкин». Ну какой он «сила»? Ясное дело, деревенские пацаны вмиг перекрестили, сделался он «СиСя». До пенсии в дурачках проходил, а нынче, поближе к смерти, до «Сявы» дорос.

И вот ведь какая пакость: были у них в деревне мужики и здоровые, и умные, и с руками золотыми. Кто в колхозе работал, кто в города подался. Все перемёрли. А в живых застряли только непутёвый Сява и он, Кузьма-инвалид. Отчего такое получается? Ещё Марфа Битюгова небо коптит, да Степановна... только эта который год без ума и неходячая, стало быть, к покойничкам поближе будет, чем к живым. Ну и Яшка-дурачок, сосланный к старикам городскими родственниками. Всё, что осталось от деревни.

Кузьма Игнатьич ещё разок глянул в прохуdivшиеся небеса, смахнул мутную слезу. По спине разгулялся чёртов радикулит, драл кости ржавой пилой. Боль ходила пляшущей девкой, не было от неё спасения. Огненные молнии стреляли вниз, в каличное колено, и тогда сохлая нога подворачивалась, норовя уронить хозяина в липкую грязь. Если б не костыль, хлебать Кузьме холодную жижу.

- Не, - вздохнул старик, слушаясь боли, - не развиднеется. Неделю лупит, зараза, и никакого тебе перекура. Так мыслю, что с обеда сызнава зарядит в полную силу.

- Так а я про что? - засуетился неугомонный Сява. - В эдакое мракобесие сам бог велел! Давай, Кузьма, расчехляй агрегат! Бражка созрела, дождь опять же, чего думать? Я покудова дровишек соображу.

Старик припал на костыль и покрутил головой: вот ведь человек - одна самогонка на уме!

- Кладбище надо проверить, в ямы глянуть. Не ровен час, преставится кто. Хоть я, хоть Степановна. Ежели заготовленные могилки залило, как новые копать будем? Или ты, к примеру, согласный в жижу лечь?

- А чего сразу я? - обидел Сява. - Я, может, не тороплюсь вовсе. Я, может, пенсию за позапрошлый месяц не получил.

Кузьма Игнатьич хмыкнул, и боль, словно почуяв, что хозяин сжился с нею, притерпелся, воткнулась в спину раскалённым прутом.

- Ох ты ж, фашистская засада!

Старик не сел - упал - на мокрую лавчонку. В глазах зарябило, взметнулись рыжие мухи. С ушами вовсе случилось непотребство – будто издали, из страшного детства, заиграл весёлый марш, с каким немец входил в деревню. Тотчас вспомнилось: солдатня на трёх грузовиках, над мотоциклетной коляской сытая морда офицера, позади бронетранспортёр с пулемётом. Всерьёз заходили, по-хозяйски. Оцепили деревню и давай по дворам шнырять. Поначалу бабы кинулись прятать скотину, да только эти явились не мародёрить. Как принялись народ к церквушке гнать, тут уж стало не до курей. Он, пацанёнок, через окошко в огороды нырнул и добежал почти до леса. Только немец тогда без собак не ездил...

Кузьма Игнатьич мазнул ладонью по лицу, прогоняя старые картинки.

- Ладно, Сява, твоя взяла. Тащи дрова к сараю, он повыше стоит, посуше, там и раскурбаним под вечер.

Сам решил стукнуться в «бабий терем»: что-то соседки на улицу не выглядывают. Может, и впрямь померли? Не накаркать бы.

Застраившие в деревне старики обосновались в двух ближних домах. В том, что поменьше - Кузьма с Сявой, во втором - Марфа Битюгова со Степановной и Яшка-дурачок. Забор между дворами разобрали, пожгли в печах. Старики бродили по пустующим хозяйствам, несли в дом путное, ломали чужую мебель на растопку. Марфа готовила, обстирывала. В огорожке колупались по очереди. Блаженный парнишка помогал с недвижимой старухой: с боку на бок ворочал, держал, пока постелю меняют, таскал горшки на задний двор. Заодно коровёнку Маруську на луг гонял.

Прижились как-то. По нынешним годам отдельные хозяйства им не вытянуть, а так вроде ладно получилось, старческим колхозом. Одна беда: дома стояли в низине, как непогода - заливало их чуть не по окна. А в другие перебираться уж ни сил, ни охоты не было.

Вот и нынче расплескалось между Кузьмой Игнатьичем и «бабьим теремом» чвакающее бездонье. До крыльца едва добрёл, костылём дорожку щупая, а и там не передохнуть: ступени скрылись под мутной жижей, дверь в зелёных кляксах.

Старик толкнулся и ступил в сени вместе с хлопнувшей волной.

- Есть кто живой?

В доме оказалось погано, хуже, чем думалось снаружи. Тухлая вода забралась внутрь, стояла в комнатах по щиколотку. Печь выхолодилась. Старый кот Васька шипел не то с чердака, не то с крыши. На разобранной кровати в обнимку замерли перепуганные бабы. Неодетые, расхристанные, в застиранных сорочках. На Кузьму Игнатьича вперились невидящими глазами, вроде как не признали.

- Степановна, Марфа, вы это чего? Никак безносую углядели?

На звук Битюгова переполошилась, застрясла головой, с ходу кинулась в слезу:

- Игнатьич, да что ж это делается-то?! Это ж такая страсть! Как сердце-то выдержало?..

Из бабьих воплей выходило, что беда случилась с Яшкой. Ночевал дурачок как всегда, на полу у печки, раскинув поперёк комнаты тюфяк да сунув драный тулуп под голову. Ложился в сухое и заснул крепко, с храпом и присвистом. А поутру Марфу разбудило мычание. Степановна, выкатив ошалелые глаза, тянула на одной ноте и тыкала дрожащим пальцем в дурака. Тот раскинулся в зловонной жиже, утопив лицо, и лишь вихрастый затылок торчал над водой болотной кочкой. Битюгова закрестилась мелко и собралась уже орать, как Яшка шелохнулся, встал на карачки и глянул на баб.

- А лица-то нету! - божилась Марфа, вцепившись в рукав стариковой телогрейки. - Как стёрло всю личность! Ни рта, ни носа, ни глаз - а зыркает, в самую душу подглядывает! Я аж обмерла, а этот пождал-пождал и вон выскочил. В сарае завозился. Глянула в окошко - погнал Марусеньку нашу...

- Так может, и не было ничего? - кинулся в уговоры Кузьма Игнатьич, выдираясь из бабьей хватки. - Мало ли какая напасть со сна привидится. Вон, Сява, каждый-третий день чертей пересчитывает.

Битюгова на резоны не поддавалась.

- Истинный крест, не померещилось мне! Что я, Яшкину рожу не распознаю? Да только нету теперича блаженного нашего, сожрал упырь болотный и в него же перекинулся!

Кузьма Игнатьич крякнул с досады. Эх, горе! По всему выходило, что двинулась баба, подравняла её жизнь со Степановной и Яшкой-дурачком. И остался в их колхозе он один при голове, да ещё Сява-шалапут сойдёт за половинку, если не наливать. На полтора работника трое обузных. Как теперь выкарабкиваться?

Рыхлая Степановна, блуждая мутным глазом, забормотала вдруг:

- Смертушка, милая, прибери меня! Смертушка, родненькая, торопись скорее!..

- Святой Николай-заступник, - ахнула Битюгова, - заговорила! Шесть годочков

молчала - и заговорила!

Кузьма Игнатьич попятился. Что за день сегодня такой?!

- Вот что, - сказал сурово, только бы страхи превозмочь, - схожу на околицу. Маруську проведу, заодно полюбуюсь на пастуха нашего.

И не слушая Марфины причитанья, захромал из избы.

Легко сказать – «схожу». Путь до коровьего выпаса неблизкий, с костылём и по сухой погоде ковылять полчаса, а нынче, когда стылое месиво по колено, да ещё треклятый радикулит крутит в бараний рог... Кузьма Игнатьич огляделся: не видать ли соседки? Сява, может, мужичонка никчёмный, но компанейский и на помощь отзывчивый. В дороге пособит, разговором отвлечёт. Опять же, застрашали полоумные бабы – а ну как правда? – сердце ворочается с тревогой, боязно одному с безликим Яшкой встречаться.

Но Сява, по извечной своей привычке, в нужный момент запропал.

Кузьма Игнатьич вздохнул и захромал вдоль улицы. Ступал едва-едва, опасаясь, что поедет нога по мокрому, растянется он в грязи, а подняться не сумеет. То-то будет защитничек! Кирза, хоть и старая, воду не пускала, оставалось только не начерпать через голенища. «Оттого и не тороплюсь, - уговаривал себя старик, - лучше медленно, да лучше; всяк вернее выйдет...», но изнутри чуял: не распутица виною, и даже не покалеченное колено, а один лишь утробный желчный страх.

Кузьма Игнатьич ковылял по единственной деревенской улице и изумлялся сквозь поганую трясучку. Всю жизнь знал, что мальцом отбоялся своё, с запасом, а вот на тебе!

Когда немец пришёл их жечь, пострелёнку Кузьке только-только исполнилось восемь. Мать, не растерявшись, толкнула его в огороды и крикнула: тикай! Шустрый мальчонка метнулся ветром и добрался аж до лесной опушки, но натасканные псы догнали, сбили с ног, вцепились. Жаркие челюсти сомкнулись на плече, на руках, на правом колене; хрустнула кость. Он заголосил, перекрыв собачий рык, но конопатый солдат равнодушно забрал его у псов, отволоч к церкви и швырнул внутрь. Мать подхватила, прижала к груди, зашептала-запричитала... И почти сразу потянуло дымом.

Старик обмер, вспоминая. Ну конечно! тогда тоже хлынул дождь! и подпалённая с разных концов церквушка, не сумев превратиться в костёр, стала огромной коптильней. Горклый чёрный дым за клубился под божьими сводами; люди кричали, корчились и задыхались в нём, а со стен, сложив тонкие пальцы в благословениях, взирали печальные святые. Мамка его, забившись со стонущим Кузей за алтарь, ногтями выцарапала межбрёвенную паклю и к тонкой щели прижала лицо сына.

Он, переломанный мальчишка, сумел вдохнуть.

Он дышал, когда по стенам пробежали голубые язычки пламени, прижарили его лицо к дереву и спекли глаз.

Он дышал, чувствуя, как омертвели тёплые мамины руки и навек пригнули к земле его плечи.

Он дышал, пока ворвавшиеся в деревню партизаны раскидывали чадающие брёвна.

Он дышал, когда хоронили деревню.

Что нынче может его испугать?

Кузьма Игнатьич зажмурился, пряча слёзы. Как так вышло, что он знал тот день поминутно, прожил с эдакой жутью семьдесят лет, а про дождь запаматовал? Отчего такое получается? Выходит, не за просто так спасся тогда мальчонка Кузька, а кто-то дал ему годы взаимы... под дождь, под слякотную мерзость... а теперь явился за забытым долгом.

Придумалось вдруг бросить костыль. Он, конечно, старый товарищ и выручал не раз, но... если не жить, то хоть умереть без костыля.

Кузьма Игнатьич, больше не мешкая, заторопился к лугу.

Маруськин выпас раскинулся на холме, где вода, при всей ненасытности, не застревала. Тугие дождевые потоки стекали с густой травы вниз, в деревню, а луг лишь наливался соком под небесными хлябями. Вышагивать в кручу оказалось тяжковато, но старик карабкался с ослиным упорством. Шаг за шагом, вонзая наверх костыля в

разбухшую землю, плюнув на злой ревматизм и на страх, завернувший кишки узлами. А когда выбрался на сухое, когда низинное болото с чавканьем выпростало сапоги, на миг поверилось, что ещё не конец, ещё успеется ткнуть в харю неведомому благодетелю...

Коровёнка лежала на вершине холма. За день добрая животина превратилась в скелет, а пушистые ресницы - девкина мечта - прикрыли смертную муть потухших глаз.

На Маруське разлёгся голый Яшка-дурачок. Распластался морской звездой, облапив руками-ногами коровью тушу, уткнув лицо в мохнатый бок.

Кузьма Игнатъич подступил ближе, ткнул дурака костылём.

- Эй, малой, ты это здесь чего?

Бок у Яшки колыхнулся, словно бурдюк с киселём. С протяжным хлюпаньем парень отодрал голову от коровы и обернулся.

В первый миг Кузьма Игнатъич решил, будто мальчишка оброс серым волосом. Ошерстился целиком - и щеки с носом, и плечи с грудью, и ладони. Вот только отчего на Маруськиной туше остался чёткий алый силуэт из сотен кровавых капелек?

Яшка тяжело поднялся на ноги. Он шагнул к старику, протягивая мохнатые руки, и Кузьма Игнатъич обмер. Вместо волос в него целились острые иглы. Тонкие жёсткие колючки, сплошь перепачканные кровью. На руках бывшего дурачка они принялись расти, пока не вымахали в вязальные спицы, зато на голове и теле втянулись под кожу.

Права оказалась Марфа - лица у мальчонки больше не было.

Не было и самого мальчика. Перед Кузьмой Игнатъичем замерла тварь: с разбухшим пузом, мокрая, но всё ещё жадная до чужой крови.

Сосущая гадость, пиявка.

Переваливаясь, она шагнула вперед.

Старик попятился. Под больную ногу подвернулась кочка, предатель-радикулит взвыл радостно и вцепился огненными зубищами в поясницу. Кузьма Игнатъич охнул и упал на спину. От удара вышибло дух, но мокрая трава спасла: засаленная телогрейка заскользила по ней, руки ухватили воздух, и старик, набирая скорость, покатился с холма.

Он врезался в тухлое болото у подножья и с головой ушёл под воду. Кое-как перевернулся, отплевался и, опёршись на верный костыль, рывком вздёргнул себя на ноги.

Тварь замешкалась. Встала на холме, будто раздумывала: гнаться за новой добычей или дожрать старую?

Кузьма Игнатъич, поминутно оборачиваясь, захромал в деревню. Лицо сёк надоевший дождь, сапоги черпали ледяную жижу, но старик не обращал внимания на ерунду. Поскальзывался, но лишь скрипел зубами и торопился дальше.

Когда холм исчез в серой пелене, липкий ужас отодвинулся от сердца.

«Бежать! Уходить из деревни немедленно! - кричало внутри. - Но как? Ни машины, ни лошади, Степановну на горбу не вытащить. Бросить всех, спастись самому! А далеко ли укowlьяешь на костыле?»

«Тогда прятаться! - вторил разум. - Запереться, где посуше, и переждать дождину. Глядишь, как просохнет, пиявка или сдохнет, или уберётся в болота. Тогда и бежать».

Он добрёл до «бабьего терема», когда холодное солнце опустилось к деревьям. Мутное окошко светилось, из печной трубы по крыше пласталась тонкая струйка дыма. Видать, оклемалась Битюгова. А где Сява? Ага, сарайные ворота распахнуты, наверняка хлопочет над аппаратом. Вот и славно, все покудова живы. Кузьма Игнатъич привалился к стене и перевёл дух.

В доме грохнуло, забрякала посуда. Через миг распахнулась дверь, и Марфа выплеснула в лужу помои. Заметила старика и чуть кастрюлю не выронила.

- Живой?! Слава те, господи, и святым угодникам! А ты отчего зелёный, Игнатъич?

Он отлепился от стены и шагнул в дом.

Первое, что услышал, была невнятная скороговорка-бормоталка:

- Смертушка, милая, приberi меня! Смертушка, родненькая, торопись скорее!..

- Что ж она, всё время так? - спросил у Битюговой.

Марфа вздохнула и перекрестилась:

- Без продыху. Гоняет и гоняет, что твой граммофон.

- Вот ведь, беда... - Кузьма Игнатьич свалился на лавку, с наслаждением вытянул ноги и прикрыл глаза. - Ты собирайся, Марфа. Будем в сарае ночевать, там сухо. Пожрать возьми с запасом. Потому как просидим долго, ведь неровён час - Яшенька зайвится...

Он рассказал вкратце, как прогулялся на выпас. Про высосанную досуха Маруську и про пиявку. Против ожидания, Битюгова ахами и слезами не донимала, только крестилась через раз, пихая в узлы нужное. Напоследок из красного угла сняла икону, поцеловала образа и спрятала за пазуху.

- Нехорошо это, без светлого лика от бесовщины прятаться.

Кузьма Игнатьич не возражал, хотя сам к богу и прочим ангелам вопросов накопил без счёта.

Особенно про ту церквушку и про безответного Яшку-дурачка.

Вдвоём кое-как подняли Степановну и потащили к сараю. Всю дорогу та кликала смерть, зазывала, будто гостя дорогого. «А что? - подумалось вдруг старику. - Может, права полоумная? Чем гадине в брюхо лезть, не умней ли тихо-мирно помереть в том же сарае, на сеновале? Тепло, сухо, уютно... и пугаться особо нечего: ведь пожилые уже, годов насобирали себе на удивление и другим на зависть».

В сарае Сявы не оказалось. Валялись в углу дрова - ещё сырые, тёмные - на железном листе стоял самогонный аппарат, грел широкое днище в багровых углях. Вокруг была раскидана солома. Кузьма Игнатьич, глядя на эдакое безобразие, только крикнул: «Ну что за финтифлю?! Ушёл, огонь бросив! Подпалит нам всё укрытие!» Тихо булькала брага, охлаждался в корыте с водой ржавый змеевик. Под тонким носиком ловила редкие капли первача зелёная бутылка, сарай напитался густым сивушным духом.

Усадив Степановну, запалив и развесив в углах керосиновые лампы, старик задвинул засов на воротах.

- Впустим, когда стукнется, - объяснил Битюговой. - А сами взаперти посидим, оно так спокойней.

Марфа полезла наверх и набросала старого прелого сена. Они сгребли его в лежанки, подальше от огня. Ящик накрыли газетой, разложили еду.

Со двора застучали.

- Эгей, Кузьма, открывай! Ты что это заперся, самогонку хлещешь в одну личность?

- Сява, ты?

- А кто ещё? - хохотнул сосед, протискиваясь в приоткрытые ворота. Был он весел и румян; явно не первая бутылка стояла под аппаратом. - Здорово, бабоньки! Вы, я погляжу, тоже намылились принять для сугреву? Оно и верно, потому как погоды нынче...

- В деревне видел кого?

Сява только присвистнул.

- Кого ж мне там видеть? Ты, сват, что-то в последнее время на голову ослаб. Нету ж никого! Так, Яшку заприметил вдалеке, только он в огорода шмыгнул, я догонять не стал. Слышь, Марфа, а что наш дурак без порток под дождём шастает?

Кузьма Игнатьич вздохнул и второй раз пересказал историю про тварь.

Не в пример Битюговой, Сява слушал с нервом. То хихикал, хлопая себя по тощим ляжкам, то грозил пальцем: «Блажишь, сват!», то вскакивал и принимался скакать по сараю. Хотел приложиться к бутылку, но Марфа отогнала. Под конец сосед посмурнел, зыркал недобро, харя пошла красными пятнами, а глазки спрятались под пегими бровями.

- ...вот такая напасть, - закончил рассказ Кузьма Игнатьич. - Пару дней пересидим в сарае, после станем решать.

- Ага, ещё чего! - взъерепенился Сява. - Я так погляжу, мозги у тебя вовсе поплыли. Эдакую белиберду изобрести! Ты что, сват, решил, будто я поверю в байки-страшилки? Нет уж! Сам скажу, как дело было. Захотели вы с Марфой меня обдурить, вот оно как! Может, со свету вознамерились сжить, а может, прикинулись дураками, чтобы я один на вас на всех,

болезных, горбатился. Только дудки! Не на того напали! Силу Григорьяча Сявкина ещё никто на кривой козе не объезжал! Сидите тут сколько влезет, хоть пиявок дожидаясь, хоть второго потопа. А я с полоумными не останусь, я в доме спать буду, в кровати. И ежели к утру в ум не вернётся - уйду из деревни! К внуку, в город, он меня ждёт! Сами здесь подышайте, без меня!

Он вырвал-таки бутыль и развернулся к воротам. Кузьма Игнатьич пытался загородить, да только на костыле не сильно распрыгаешься. Сява вильнул ужом и скинул засов.

- Счастливо оставаться, убогие!

Ворота распахнулись.

За ними, под проливным дождём, стоял голый Яшка.

Страшен он был. Исчезла сытая брюхатость, синюшное тело налилось дурной силищей, будто вырос прежний дурачок вдвое. Лицо так и не отыскалось, зато уже всё туловище встопорщилось сотнями длинных игл.

Сява заверещал зайцем.

Тварь махнула ручищей, и вздорный сосед отлетел к стене. Бутыль первача грохнула об пол и разбилась, напав солому отборным самогоном.

Протяжно, пожарной сиреной, заорала Марфа.

Кузьма Игнатьич махнул костылём, но тварь легко перехватила палку и вырвала из рук. После шагнула внутрь, сбив старика с ног и, навалившись тяжёлой тушей, пронзила иглами.

Словно сотня электрических разрядов пробежали по телу. Кузьма Игнатьич застонал. Жизнь вытекала из него, убегала с кровью через сотню тонких дырочек. Навалился сон. Старик крепился. Он ещё надеялся, хотя понимал: на этот раз всё, кончился Кузьма Игнатьич, отходил. Краем глаза заметил тень, растущую по стене. Степановна, не переставая бормотать, тянулась к керосиновой лампе:

- Смертушка, милая, приberi меня! - и поставила лампу перед собой...

- Смертушка, родненькая, торопись скорее! - и сняла стеклянный колпак...

- Смертушка, милая, приberi меня! - и вывернула вентиль на полную...

- Смертушка, родненькая, торопись скорее! - и толкнула гудящую керосинку в солому.

Тонкий огонёк лизнул угощение, распробовал и в тот же миг разросся, разбежался по сторонам, взревел в радостном предвкушении. Полыхнул разлитый самогон. Затрещали бревна и доски. Сделалось светло, как посреди лета.

Пиявка дёрнулась, вытаскивая иглы.

«Поздно! - думал Кузьма Игнатьич, улыбаясь. - Не успеет, гадина! Спасибо тебе, Степановна!»

И умер...

...В предрассветной мгле на дальнем конце деревни заплясали два ярких пятнышка. Дождь закончился, так что свет был виден издалека. Хотя в мёртвой деревне любоваться было некому.

Перед догорающим сараем остановился здоровенный внедорожник, настоящий размалёванный монстр на высоких ребристых колёсах, с поднятыми над кабиной выхлопными трубами и мощной лебёдкой на бампере.

Распахнулись дверцы. Пара крепких парней соскочила в грязь, следом выбрались девицы.

- Стасик, - протянула та, что повыше, - ты куда нас завёз? Это же ужас какой-то, декорации к фильму про нищету и уныние. Ещё этот дурацкий костёр на холме...

- Не гони, Ленусь, сама захотела сафари. Вот, наслаждайся! Деревня в натуре, масштаб один к одному. Всё настоящее, от дерьма до комаров. Здесь мой дед живёт. Или жил - я не в курсе, давно со стариком не общался.

Парни вытащили из машины сумки и направились к ближайшему дому. Девицы

поплелись следом, с трудом выдирая каблуки из липкой грязи. Знаток местных реалий Стасик громко разглагольствовал на ходу.

- Тут любому местному столтник дай - и всё, ты царь и бог! Сейчас под крышей обоснуемся, перекусим-отдохнём, а поутру, как просветлеет, нафоткаемся вдоволь. Ещё можно на речку сгонять, тут рыбалка - закачаешься! У аборигенов сувениров прикупим. Помню, у инвалида одного такой самогонный агрегат был - просто чума, раритет! Кстати, насчёт антиквариата тоже можно прошвырнуться.

- А к деду пойдёшь?

- Зачем? Накой он мне сдался, старый пень? Может, помер давно...

Они вышагивали к дому, не замечая, как за их спинами растёт широкая, невозможная в этом грязевом болоте, волна.

Лето пришло (Юрий Погуляй)

Дрожит руль под ладонями, пылит зажатая между картофельными полями июльская дорога. Солнце жарит, повиснув над сосновой рощей.

- Эге-гей! - кричит Еремей, изо всех сил крутя педали. Скрипит несмазанная цепь, стрекочет по спицам пластиковый красный флажок, а с полей вторят ему вездесущие цикады.

Лето пришло. Теперь можно точно сказать: лето пришло. Два дня назад Еремей приехал в деревню на старом, вечно чихающем пикапе Мориловых. Всю дорогу от станции в голове роились восторженные мысли и мечты. Лето... Еще одно лето! Мимо проносились такие знакомые, такие родные дома. Заброшенная бензоколонка, тайное место встреч Клуба Четырех. Спрятавшееся среди зелени тополей унылое здание администрации. Магазин «Рдукты» на углу. О, сколько Еремей повидает в этот раз! Проверит все свои древние закутки и закоулки. Обязательно наведается к Пяти Мостам, спрятанным в чаще Дядюшки Тома. Прогуляется по ночным полям в компании с Джекки Соломенная Шляпа, который вечно заикается и боится котов. Будет вставать рано-рано утром, чтобы взяв бамбуковую удочку в руку - уехать на ближнее озеро и ловить там окушков. А потом, когда вода согреется, купаться-купаться до того момента, когда не останется никаких сил. И вместе с Рианом Добрословом они будут валяться на песке и смотреть в небо, болтая обо всем на свете. Об инопланетянах и призраках, о коллекции вкладышей и школе, о любви и летних лагерях.

Риан едет чуть впереди, его велосипед очень стар, но у него замечательный спортивный руль - рожками-барашками, украшенными синей изолентой. Солнце блестит на загорелой спине Доброслова.

- Эй-е-ей! - кричит он. Пластиковое ведерко для рыбы висит у него на руле слева и качается из стороны в сторону. А бесстрашный велогонщик смотрит через плечо на Еремея и восклицает:

- Ты надолго к нам?!

- На целый месяц!

- О! Добро! Добро! Тобби на следующей неделе хочет поехать на дальние озера, в Большой Поход! Ты как?!

- А его отпустят?!

- Кто же удержит Большого Тобби?! - смеется Риан.

Тобби, улыбочивого мальчика лет шестнадцати, действительно невозможно остановить. Если он за что-то берется, то это получается именно Большим, и всегда, абсолютно всегда остается в памяти до следующего лета. Родители Тобби так и не смирились с его затеями, пытаясь уберечь сына от придуманных опасностей, и потому иногда, у костра, создатель Клуба Четырех рассказывал забавные истории об очередном «сражении с родаками».

Но Большой Поход! О, как это будет здорово!

- Будем жарить сосиски и играть в карты! Да здравствует Большой Поход! - душу Еремея переполняет счастье. Все будет хорошо. И даже если Тобби опять посадят под домашний арест за день до путешествия – то ранним утром, еще до восхода солнца, мальчик все равно выберется из запертого дома через окошко, пройдет вдоль живых изгородей до дачи Риана, у которого в сарае стоит запасной велосипед - и они вчетвером поедут на дальние озера, увозя в рюкзаках заготовленные вечером бутерброды, сосиски, спички и самый настоящий термос (подарок дяди Доброслова) с горячим чаем! А там, на дальних озерах, Джекки будет рассказывать про книги, которые читал, Тобби громко смеяться, а Риан задумчиво улыбаться, глядя на друзей.

Лето...

- Кто последний будет у пляжа - тот хвост дохлой кошки! - кричит Еремей, и Риан склоняется чуть ниже, бешено вращая педали. Он выигрывает. У самого пляжа Еремей почти

догоняет загорелого приятеля, но Доброслов уверенно опережает его, тормозит, совсем как полицейские в американских фильмах и как-то странно смотрит на Еремея.

- У меня нога сорвалась, - пытается оправдаться тот.

- Поехали на Звездочку? – говорит вдруг Риан, и Еремею становится страшно. По картине мира пробегает рябь, за которой нет лета. Словно помехи на экране телевизора.

Он дико боится этого изгиба среди озер. Мимо Звездочки проходит шоссе. Когда-то он там был. Когда-то он...

- Я не хочу... - вырывается у Еремея.

- Там доброго подлещика можно поймать!

В глазах Риана появляется непонятный огонек.

- Поехали, Еремей! Пожалуйста!

- Давай завтра? – там, на Звездочке, живет зло. Еремею стыдно признаваться в своем страхе перед приятелем, но ноги становятся ватными. Он готов на все, лишь бы отодвинуть час встречи с демонами темного озера.

- Надо сегодня, - очень серьезно говорит Риан и улыбается. – Струсил?!

Еремею хочется ответить: «Да!», но он знает, что никогда так не сделает. Вместо этого с губ срывается:

- Еще чего! А подлещик на тесто клюет?!

Еремей садится на велосипед и обреченно крутит тугие педали, направляясь к шоссе.

- Клюет! – Риан чудесным образом оказывается впереди.

Над озером носятся стрижи, иногда чуть ли не задевая воду. Еремей и Риан сидят на поваленном дереве, уткнувшись взглядами в поплавки. За их спинами вздымается склон, ведущий к шоссе и таящий в себе несколько темных уголков. По краям шумят кусты, скрывающие рыбаков от лишних глаз. У каждого в руках по пучку пахучей травы, которой они отгоняют ленивых комаров и противную мошкарю. Не клюет. Жара загнала рыбу на глубину, и Еремей то и дело касается кончиком удилища своего поплавок, то притапливая его, то склоняя набок. Безмятежное озеро быстро гасит круги, расходящиеся по сторонам.

- Джекки вчера под домашний арест посадили, - делится Риан. – А еще его батя забрал шнур от магнитофона.

- Ого! - удивляется Еремей столь суровому наказанию. - А за что его так?

- Не знаю. Да только Джекки этой ночью на поле выходил все одно, картофельных воров с дедом Пантелеем гонял. Но вот магнитофон, по добру, зря. Он же собирался записывать хит-парад этого лета!

- Самый летний хит-парад! - хором воскликнули они любимую присказку Джекки и рассмеялись.

Наверху раздался шум колес, короткий гудок. Вниз по склону посыпались мелкие камушки. Приятели ненадолго замолчали, переглянулись, и через пару минут уже весело вспоминали как Тобби и Джекки ругались в прошлом году о первом месте хит-парада. Джекки раскопал где-то странную музыку без слов, и говорил что это будущее, а Тобби уверял, что нет ничего сильнее группы «Кино». Еремею же нравились обе песни.

На пляж, метрах в трехстах от рыбацкой засады, выехала большая машина.

- Смотри-смотри! - зашептал Риан, потянув приятеля за рукав. Еремей отвлекся от поплавок и посмотрел на черный, забрызганный грязью автомобиль. С водительского места выпрыгнул крупный мужчина средних лет с длинными седыми волосами, собранными в хвост. В сердце больно кольнуло. Еремей узнал водителя. Он не мог назвать его имени, и ему никак не удавалось вспомнить, где же он видел этого человека со стальными зубами (откуда?! Откуда он знает о его зубах?). В животе стало очень холодно и больно.

Незванный гость огляделся по сторонам, посмотрел на озерную гладь и открыл пассажирскую дверь. Еще раз обернулся и потащил наружу...

Еремей задохнулся, забыв обо всем.

Незнакомец подхватил тело подмышки и дотащил его до берега, затем толкнул в воду, еще раз огляделся по сторонам, и зашагал куда-то вдоль озера, прочь от сокрытых кустами рыбаков.

- Что это, Риан? Что это? - прошептал Еремей. Но приятель не ответил. Мир словно повернулся. Дернулся и стряхнул с себя привычную реальность, в которой не было удочек, не было стрижей. По ту сторону озера дымил завод, и радужная пена грязных вод оседала на мертвых черных корнях прибрежных деревьев.

Здесь же не было и Риана. Поднявшись, Еремей как сомнамбула пошел к машине.

Когда он добрался до внедорожника - незнакомец вернулся. Теперь он сидел в лодке, неторопливо взмахивая веслами. Увидав Еремея, мужчина дернулся, но затем узнал его и расслабился, продолжая заниматься своими делами. Подгреб к сброшенному телу, склонился над ним, держа в руках моток веревки. Седовласый хозяин внедорожника то и дело смотрел на Еремея, и в глубине его бороды таилась насмешливая улыбка стальных зубов.

Но откуда, откуда Еремей о них знает?!

- Что вы делаете?! - севшим голосом спросил он.

Седовласый перестал улыбаться, внимательно посмотрел ему в глаза, а затем, обвязав ногу скрытого под водой покойника, погреб прочь от берега. Там, на глубине, он привязал к веревке кусок тракторного трака и сбросил вниз. Булькнула вода, навеки приняв в себя мертвеца. Убийца закурил, глядя на Еремея, и вернулся на берег.

- А ты чего это... Очухался?! - спросил он

- Вы... вы убили?! Вы убийца?

- Ну надо же... Очухался все-таки... - задумчиво пробормотал мужчина, покачал головой и погреб к заброшенному причалу. Еремей побрел следом. Ему было неуютно здесь, на холодном берегу, среди останков резины и ржавеющих бочек. У него болело в груди и ныло колено. На небе за плотными облаками едва угадывалось пятно солнца. Июль окончательно растворился.

- Это будет даже интересно, - проговорил убийца, не сводя глаз с преследующего его Еремея. Скрипели весла в уключинах, постукивало что-то о днище лодки. — Показать бы тебе щекотку, от греха. Ну да кто тебе поверит, Еремей-дурачок. Еремей-безумец. Слабак и трусишка. Твои дружки были сильнее.

Мир сжался еще больше. На пристани из прогнивших досок сидела, поникнув головой, фигурка, лицо которой закрывала широкополая заплесневевшая шляпа. Еремей понял, кто это.

- Пожалуйста, нет... - прошептал он.

Джекки поднял голову. Распухшее синюшное лицо едва ли не лопалось от скопившейся в теле воды. Вместо глаз чернели провалы, из которых сочились противная слизь.

- Он поймал меня в поле. Ночью. Вы ждали меня у костра, а я не дошел. Он держал меня у себя в подвале неделю, прежде чем убил. Ты помнишь Николаевых у Северяг? Он каждый год снимал там дачу. А потом он привез меня сюда. Он всех привозил сюда. И привозит до сих пор.

- Я хочу назад... В лето... - проговорил Еремей. Глаза защищало, к горлу подкатил комок горьких воспоминаний. - Назад.

Убийца причалил, не замечая понурого Джекки. Привязал лодку к цепи, навесил замок и остановился, мусоля губами мятую сигарету.

- Может, все-таки пощекотать? А? Понимаешь меня, дурачок?

Сзади зашевелились кусты, послышалось тихое "Добро...". Риан с разрезанным горлом стоял у скрюченной березы и смотрел на Еремея. Старинный друг булькал кровью и сдавленно хрипел, пытаясь сказать что-то еще. Он был так не похож на Риана Доброслова, оставшегося в далеком июле очередным пропавшим мальчишкой. Мертвый мальчик показывал черными пальцами в сторону водителя внедорожника.

Убийца с притворной ленцой сошел с мостков и подошел к Еремею, глядя на него сверху вниз. Толкнул легонько в грудь.

- Ну так что, понимаешь?

Еремей отшатнулся, не сводя взгляда с Риана. Губы задрожали.

- Или опять потерялся, а? - продолжал мужчина. Он постоянно оглядывался по сторонам, словно боялся свидетелей. - Ау?

Следом за ними шел Джекки, и с рукавов рубахи капала на старые доски темная вода. Джекки Соломенная Шляпа, Ди-Джей Джекки... Четырнадцатилетний Евгений Куреев, пропавший там, в другом мире без июля, много-много лет назад. Первая жертва.

- Я хочу обратно... - опять вырвалось из груди Еремея. У него хриплый голос. У него другие руки. Он посмотрел на бледные ладони, на грязную и потасканную одежду. На правом запястье красовался зеленый браслет с вложенной запиской. Трясущимися пальцами он развернул бумажку.

"Здравствуйте. Меня зовут Еремей Савушкин, к сожалению, я очень болен и могу не понимать вас. Если вы видите, что рядом со мною никого нет, то, пожалуйста, отведите меня по адресу...". В горле щелкнуло, земля поплыла перед глазами, а на лбу выступил холодных пот.

- Ладно, дурачок. Живи, - улыбнулся стальными зубами расслабившийся мужчина. - Ты неинтересный. Твои дружки были вкуснее.

Словно кукла Еремей побрел вслед за убийцей. Позади хлюпал Джекки, слева ломился сквозь кусты молчаливый Риан.

- Пошел вон, - оглянулся на него мужчина. - Уйди от греха! А не то все-таки проверю тебя на щекотку.

Еремей его не слышал.

У внедорожника, у пассажирской двери, стоял Тобби. Из вырезанных глаз сочилась кровь, бурными дорожками рассекая его белое лицо на части.

- Ты помнишь тот день, Еремей? Ты помнишь? - пошевелил губами мертвый друг.

Еремей пошатнулся от черной волны памяти.

«

-Пожалуйста, не надо. Пожалуйста! Помогите! – слышен детский крик в темноте затхлого подвала. Здесь воняет гнилью и страхом. Сквозь узкую щелочку Еремей видит залитую солнцем лужайку "по ту сторону мира".

-Заткнись, щенок. Заткнись! А ты смотри, смотри! Вот что такое щекотка. Ты боишься щекотки? Боишься?! – он ненавидит этот хриплый голос невидимого человека. Ангела тьмы, схватившего их на дороге.

-Еремей, пожалуйста! Помоги!

-Тобби, не трогайте Тобби! - кричит Еремей, не в силах оторвать глаз от сломанного велосипеда Тобби, валяющегося у дороги и едва прикрытого грязным мешком из-под картошки..

-Заткнись, щенок! До тебя очередь еще дойдет. Я еще проверю тебя на щекотку! - Еремей не видел того, кто их схватил. Не видел. И не хотел видеть. Но он слышал, как клацали стальные зубы, вонзаясь... О нет, он не хотел об этом думать, не хотел!

Крик Тобби превратился в дикий вой, и Еремей вдруг шагнул в спасительное лето»

Сегодня же он вернулся. Спустя годы.

- Пусти нас, Еремей, - сказал Джекки. – Пусти.

Что значит «пусти»?

- Я не могу. Я...

Убийца остановился, обернулся. Тобби, переваливаясь с ноги на ногу, будто ему сильно натерло в промежности, подошел к мужчине и встал по левую руку от него. Еремей

чувствовал взгляд Миши Тоббова. Это был его прежний, такой знакомый взор, вселяющий уверенность в праведности любых проделок.

- В озере становится тесно, - вместе со словами изо рта Тобби стекает черный ил.

- Я не хочу...

- Чего ты бормочешь, а? – убийца скрестил на груди руки. Облизнулся нервно, посмотрел по сторонам. Где-то наверху шумело шоссе. Гудели дикие механизмы загадочного завода на той стороне озера. Пахло грязью и затхлостью умирающего озера.

Озера – хранящего совсем не детские тайны.

- Ты их не видишь? – спросил Еремей у мужчины. Тот усмехнулся, махнул рукой и попытался сесть в машину.

- Стой! Разве ты их не видишь?

Убийца обернулся, совершенно не замечая окруживших его мертвых мальчиков.

- Знаешь, - спустя паузу произнес мужчина. У него был приятный, глубокий голос. – Все эти годы я наблюдал за тобой. Это возбуждало. Ты единственный, кого я отпустил. Маленький безумец, которому пришлось наблюдать за тем, как я играюсь с его дружкой, как топлю эту слепую тварь. Ты тот, кто знает правду. Это действительно заводит. Стоишь в очереди за молоком, с бидоном, посреди этих тупых свиней и коров, не знающих ничего кроме жратвы и отдыха, и слушаешь их разговоры.

Он залез в карман и вытащил оттуда мятный леденец. Развернул обертку, не сводя глаз с Еремея, и отправил конфету в рот, а затем радушно улыбнулся:

- Они любят поговорить, поверь. Например, о Еремее Дурачке. О его тетке, что привозит бедолагу каждое лето, и тот бежит по дорожкам, словно он все еще ребенок. Слушаешь, смотришь - и знаешь правду. Знаешь что этот вот дурачок единственный, кто знает тебя. Единственный, кто знает больше всего этого быдла, до сих пор убежденного, что мальчики утонули. Что девочка сбежала в город, что мужчина переехал к любовнице, что женщина ушла во все тяжкие. Это восхитительно. Понимаешь? Дурачок и мудрецы. Забавно ведь, правда?

Он вытащил из машины бейсбольную биту.

- Мне кажется, теперь я все-таки рискую, если отпущу тебя. Так что пора присоединиться к друзьям, малыш. Спустя, сколько... Двадцать лет? Как летит время...

- Дай мне руку, - говорит Тобби и протягивает обглоданную стальными зубами кисть.

- Дай мне руку, - хлюпает Джекки.

- Добро... - хрипит Риан.

Еремей зажмуривается. Он не понимает, чего хотят его друзья. Он не понимает слов убийцы. Но протягивает в сторону мертвецов трясущиеся руки и чувствует, как его касается холодное, мерзкое, тягучее нечто. Как немеют пальцы, и ледяные волны распространяются по телу.

Еремей падает на колени, чувствуя, как режет горло жуткая память, как горит в паху, и жгутся огнем глаза, как легкие наполняются водой. Открыв глаза, он видит, что его руки сами перехватывают биту убийцы. Сейчас он Тобби, он Джекки, он Риан, но никак не Еремей. Он отмщение мертвых и беспомощных детей.

Глаза мужчины расширяются в изумлении и ужасе. Изо рта Еремея стекает ил, а глаза переполняют кровавые слезы. Убийца пятится, спотыкается и падает возле своего автомобиля. Пытается отползти прочь от приближающегося к нему Еремее-Тобби-Джекки-Риана.

- Кто ты? Мать твою, кто ты такой?!

Из темного озера выходят мертвецы. Один за одним они настигают Еремея. Он становится Светой и Николаем Дмитриевичем, Машенькой и Еленой Петровной. Он впитывает в себя каждую жертву, обрастая их чертами и ранами. Тело рвется на части от невыносимых мук. Но боль скоро должна уйти. Еще секунда, еще две. Руки Еремея все ближе к убийце.

Все меркнет. Мир становится черно-красным, на грязь внедорожника липнут алые капли, и дикий визг умирающего мужчины бьется в оврагах и повисает над затхлой водой. Где-то наверху шуршат колеса пролетающих мимо безразличных автомобилей. Гудит по ту сторону Звездочки завод.

Крик превращается в бульканье. Еремей чувствует теплое и мокрое в своих руках, отбрасывает его прочь. Ему хочется плакать, хочется забыть обо всем, что он вспомнил. Он смотрит в небо и видит, как солнечный луч прорезается сквозь угрюмое небо. Он хватается за него взглядом, чтобы оторваться от зрелища растерзанного голыми руками мужчины со стальными зубами.

С каждой секундой свет становится все ярче. Все нестерпимее. Еремей улыбается.

- Поехали отсюда, - говорит Риан. Он выглядит довольным, несмотря на отсутствие поклевки. – Недоброе тут все. Надо на ближе. Зря я тебя сюда вытащил.

Еремей сидит на бревне, уставившись испуганным взглядом на поплавок. Ему почудилось? Ему показалось?! В горле сухо, словно в африканской пустыне.

Ну, конечно, показалось! Жара! Напекло голову и все.

От этой мысли хочется улыбаться и кричать во все горло от радости. Одна простенькая идея – и мир становится прежним. Среди кувшинок играет рыбешка, от лилии к лилии носятся стрекозы. На далеком пляже стоит черный и большой автомобиль. Наверное, кто-то из соседней деревни приехал. Но клева тут нет, Риан прав!

Еремей сматывает удочку, тщательно, и непонятно зачем, моет руки, а затем идет к велосипеду. Риан ждет его наверху, смотрит испытующе и настороженно улыбается:

- Скоро Большой Поход! Вот там мы оторвемся! Ух!

Что-то в этих словах кажется Еремею неправильным, но он старательно гонит прочь странные мысли. Он умеет не думать о плохом. У него такой дар.

- Это если Тобби отпустят, - с трудом говорит он.

Взгляд Риана теплеет, друг оглядывает приозерные заросли, задержав взгляд на машине. Касается рукой горла, будто оно у него заболело.

- Кто же его удержит... - произносит он, наконец.

Июль продолжается.

Ферма (Мария Артемьева)

*Раз, два, три, четыре, пять
Маму я иду искать.
Раз – дремучий вырос лес.
Два — твой дом во тьме исчез.
И три, и четыре
— никому не нужен в мире.
Скройся, убеги, замри,
Не реви и не ори.*

*Раз, два, три, четыре, пять
С фермы нам не убежать.
Мама, мама, плачут дети —
съест их кто-то на рассвете.*

Эту считалку для нас Очкарик когда-то сочинил. А я ее тут на стенке нацарапал для памяти. Ты, конечно, Очкарика не знаешь. И не узнаешь уже... Да не реви ты, мелкота.

Сядь вот тут тихонечко в уголке, спрячься за ящик, и молчи. Слушай. Я растолкую тебе насчет Безликого. Постарайся запомнить. Когда-нибудь меня не станет, и ты один будешь прятаться тут в темноте.

Не хочешь? Сбежишь? Дурак ты. Если б отсюда можно было сбежать, кто бы привез тебя сюда!

Или ты воображаешь, что это обычная ферма? Ну, такая, просто ферма. Просто далеко, дальше, чем все другие, от города и людей. Так ты думаешь? Ладно, не реви. Все мы были такими же дураками. Все. И я тоже.

Что свистели эти твои мама-папа, которые привезли тебя сюда? Что ты здесь ненадолго. Воздухом подышать. Солнышко, зеленая травка, курочки-лошадки-собачки, да? «Ты будешь немножко помогать по хозяйству, окрепнешь, поправишь здоровье». Бла-бла-бла и все такое...

Ты еще веришь, что они случайно про тебя забыли? Весточки ждешь?

Может, и придет, почему нет. Только это ничего не значит. Ничего ты не понимаешь! Я тебе так скажу: это все Безликий. Он везде.

Ханна от своей приемной мамы до сих пор письма получает. Не веришь? Я сам видел. Красивые такие, на розовой бумаге, пахнут приятно. Да что там. Она даже ноты иногда Ханне присылает, для музыки. Ханна у них там музыке обучалась, на этом, как его... ну... Название еще такое чудачье? А, вспомнил – *вертипьяно*! Смешно, да?

Это только Безликий мог такое выдумать: ноты! Для Ханны. Тут ведь у нас на ферме с утра до вечера сплошной свиной навоз, и никакого *вертипьяно* отродясь не водилось.

Но Безликому такое нравится. Он любит поизмываться. Души у него нет, он ведь не человек.

Видел ли я Безликого? Ну, ты вопросы задаешь. Погоди, не так все просто. Тебе еще много чего понять нужно, малявка. Ты слушай лучше. И не реви. Никто здесь ничего поначалу не понимал. И я тоже. И все.

Ты главное-то знай вот что: Безликий везде. Убежать от него нельзя. Ты эту дурь выбрось и не морочь себе ею голову. И вот, вот тебе правило: если вдруг тебе скажут или сам начнешь думать, что Безликого никакого нет – знай, что это брехня собачья, говно свинячье, вонь пердячая! Безликий – он до человека всюду дотянется. Под землей, на небе, где бы ни был. Безликий – он всегда и везде, понял?

Это ты должен наизусть заучить, чтоб звенело и от зубов отскакивало. Всегда и везде, запомнил? Повтори еще раз. Вбей это в свою тупую голову! Усвоишь – дольше проживешь.

Я таких умников, как ты, пачками на ферме перевидал. Половину из них хозяйские свиньи сожрали. Ладно, не реви. Если жить хочешь – слушай меня.

Тут ведь все поначалу думают, что сбегут.

Ну, не совсем, конечно. Не каждый. Не такие, как Пузырь или там Шныра. Они слишком маленькие, чтоб додуматься. И, конечно, не такие, как наш Косорыл. Видел его? Нет, это его не здесь изуродовали. Это он родился таким красавцем.

Я однажды подслушал, как Хозяин с его приемными разговаривал – они сказали, что мамаша, которая его родила, зашибала сильно. Ну, пила то есть... У пропитой шалавы что родиться может? Только такой вот Косорыл – ни ума, ни слуха, поперек рта два уха.

Урод, конечно. Но зато добрый. За Ханну однажды вступился, когда к ней Жирдяй-на-Джипе приезжал. Ханна после его отъезда всегда точно безумная делается. Цепенеет. Сидит вся серая, как валун у дороги, и молчит. Ни словечка от нее не добьешься. Бывалоча, пока Хозяйка по затылку ее не огреет – с места Ханна не двинется, зови—не зови. Аж глядеть не нее страшно.

Вот Косорыл Ханну и пожалел. Не знаю, что у него там в плешивой голове защелкнуло, только он перед Жирдям встал и не пускал его к Ханне. За руки хватал, дорогу заступал. И все лопотал чего-то, по-своему, по-косорыльски.

А Безликий не любит, когда мешают.

Хозяин тогда Косорыла ногой под зад, да на ночь на воротах подвесил. Чуть не помер наш Косорыл. Подмерз, конечно. Но потом ничего, оклемался. Живучий он, даром что урод.

Безликий не терпит, когда мешают. Чуть что – и окажешься в погребе, с крысами в одной яме.

Что? Хозяин – Безликий? Не пори чепуху. Хозяин – он просто злой, а Безликий – он не человек! Он на этой ферме был, когда еще никого тут не было. Прозрачный, как водяной слизень и липкий. И еще цепкий ужасно... Видел ли я его? Да в том-то и дело, дурья твоя башка!.. Как ты Безликого увидишь, если он на себя людей, как варежку на руку, надевает – такая его природа!

Не понял, да? А кто сказал, что ты все сразу поймешь? Если ты слушать не слушаешь, а только сбиваешь меня! Ты не сбивай. У меня и без тебя башка трещит, и мысли мечутся, как тараканы на свету.

Ты лучше молчи, малявка, а то еще Михей войдет сюда, услышит. Молчи! Молчи и слушай.

...Я ведь тоже поначалу думал, что тут люди. А это не люди, ничего даже похожего.

Я, когда впервые на ферму попал, долго не понимал ничего. Все надеялся, что найдется какой-нибудь взрослый, который поможет мне. И всем нам. Надо только найти кого-нибудь и рассказать, чтобы они поняли. И тогда нас спасут. Глупый я был ужас до чего. Дурак, вроде тебя.

Ну, потом, конечно, понял, что таких взрослых, как мне надо — их вообще не бывает. Те, которые сюда приезжают – они все ненормальные, им верить нельзя. Даже если какой тип не нарочно, а по случаю попадется. Вроде как нечаянно... Все равно он такой же, как и они. Пустой внутри. Безликий его быстро прибирает. Раз, два, и – и готово: в голове у парня уже — шур-шур-шур – Безликий хозяйничает. Вот и все дела.

А как я это понял, это я тебе расскажу. Как-то раз Хозяйка послала меня и Хромого в лес, хряка искать. Хряк в загоне стенку проломил и свиньи все врассыпную... Ну, мы с ребятами набегались тогда – будь здоров! Но свиней, конечно, поймали. Они хоть и дурные, но тупые. А хряк – он, зараза, и умный и злоющий, клыки у него как кувалда, только острые...

Он тогда Плаксу Лизу чуть не загрыз, с тех пор рука у нее висит плетью, не поднимается... Ну, да не об этом речь.

Вот взяли мы тогда с Хромым палки и пошли в лес, хряка искать. Иначе, Хозяйка сказала, и не возвращайтесь, мол, – жрать все равно не дам, и в дом не пушу, если хряка не

споймаете.

Ну, пошли мы... А уже сумерки, стемнело в лесу. Хромой в руке фонарь со свечой держит, только что толку от того фонаря? От него даже вроде как темнота еще гуще.

Вошли мы в лес, а Хромой мне и говорит: стой, говорит. Давай послушаем. Все равно, мол, ничего не видно – может, услышим чего, что нас на след наведет. Если где ветка треснет или листья зашуршат – там, наверное, хряк залег. Больше-то никого в этом лесу не должно быть? Сам говорит, а сам трясется.

Я сразу просек, чего он боится. Места здесь дикие – здесь не то, что хряка, здесь и нас с ним обоих найдется кому сожрать. Нет, про Безликого я тогда еще вовсе не знал. Поэтому и не особенно боялся-то – считал, ну, подумаешь, там волк. Обычное животное. Его отогнать можно. Огнем напугать. Или криками.

Хромой мне ничего про это не говорил. Он тогда тоже ничего еще не знал. Но, думаю, чуял, как и я, что не так тут все просто на ферме... Ну, вот стоим мы с ним в темном лесу с этим тусклым фонарем и палками наизготовку, прислушиваемся.

Зубами прищелкиваем от страха, и от того, что замерзли. Тянет холодным с земли, палые листья уже по краям белой каймой подернулись и аж позвякивают, как ледышки – тихонечко так. Словно крохотные феи или светлячки хрустальными бокальчиками чокаются. Страшно – ужас. Но хорошо.

Потому как в лесу свинячьим дерьмом не воняет, да и Хозяина с его полоумной Хозяйкой близко нет. И сыночка их, громилы Михея, тоже. Ужасно он, сволочь, дерется. Лапы как оглобли.

В лесу хорошо. Если б не холод и хозяйские собаки – я б там жить остался. Воздух там хороший. Как вино. От него дуреешь и наплевать становится на ферму, на все...

Ну, ты о лесе-то не мечтай. Бесполезно это. Хозяин, если разозлится, собак пошлет – эти злобные твари вмиг тебе глотку перегрызут. Даже не думай.

Я-то видал, что эти псы делают с такими, как ты. У Трехпалого знаешь почему три пальца?.. Тут Безликий. Не забывай о нем. Безликий везде.

В общем, вот. Стоим мы с Хромым в лесу. И вдруг слышим – шур-шур, шур-шур, шур-шур. «Ой, бу-бу-бу!» И опять – шур-шур. Идет кто-то. И точно не хряк – слышно, как ругается от того, что наткнулся на дерево в темноте. Что говорит – не разобрать, но по звуку понятно, что человек, а не зверь.

Мы с Хромым притаились. А этот, неизвестно кто, лезет прямо на нас. Мы стоим, выжидаем чего-то, как дураки.

И выходит к нам парень. Длинный, худой, волосы светлые до плеч, на плече сумка и маленький деревянный чемоданчик. Джинсы краской заляпаны. Но не как у маляров – одной какой-то, а разными – там белое пятнышко посажено, тут желтое, зеленое, синее. Как будто под разноцветный дождик парень попал. Я на него как только глянул – мне сразу весело стало.

Вот, думаю, уж этот-то, хоть и молодой, но все-таки взрослый, и наверняка не *из этих*.

Парень нас увидел, заулыбался.

— О! – говорит, — малышня! Вы откуда тут взялись? Ночь-полночь на дворе, а вы? Здесь, наверное, дом ваш где-то рядом? Отлично. Повезло мне! Я уж думал, до самой границы дойду, никого людей не встречу.

Мы с Хромым и слова не успели сказать – стоим, таращимся на него. А он все тарахтит, весело так. Видать, вправду нам обрадовался.

— У меня, — говорит, — машина заглохла. Тут неподалеку, я ее на дороге бросил. Хотел помощь найти – мне показалось, я по тропинке какой-то шел, и вроде там даже был кто. Кто-то там пыхтел передо мной. Я его звал, звал. Но он от меня убежал.

Мы с Хромым переглянулись – понятно теперь, где хряк. Далеко, скотина, удрал. Не догоним мы его сегодня. А парень себе тарахтит.

— Я за тем чудаком пошел, да не догнал. А потом как-то сразу в темноте и заблудился. Я вообще-то в лесу не очень привык. В городе вырос. Сюда так только, на *итюды* приехал.

Мне друзья посоветовали – мол, здесь места красивые, дикие. Да вот, машина заглохла. Даже не знал, что и делать. Но, по счастью, вы, малышня, мне попались. Теперь выведите меня отсюда к вашему папаше. Думаю, папаша ваш мне поможет машину починить. Вряд ли там что-то серьезное. Скорее всего так, ерунда. Свечи отсырели, или что... Я там в лужищу какую-то въехал с разгону, думал, застряну. Нет, не застрял. Но машина заглохла...

И тут он, наконец, дал себе передышку. Глянул на нас – а глаза у него синие-синие, даже при свете тусклого фонаря видно, какие яркие. Красивый такой парень. Прямо вот как есть сказочный принц.

— А чегой-то вы, — говорит, — молчите оба? Языки проглотили?

Подошел к нам, присмотрелся повнимательнее. Улыбаться перестал.

— Вы, — говорит, — случайно, не немые? Ну-ка, девочка, как тебя зовут?

Взял меня за плечо.

— Я, — говорю, — не девочка никакая. Я пацан.

— Да ну? – Принц прямо растерялся. — А что ж ты в платье ходишь? Впервые вижу, — говорит, — чтоб мальчишка в девчачьем платье ходил. Что у вас тут за дела такие? Или вы из дома убежали, что ли?

Ну, вот как тут ему объяснить? Вылезет какой-то чужак из лесу, наткнется на тебя с бухты-барахты, и нате, выложите ему все сразу на тарелочке! Да как?!

Не знаю, как. Не знаю почему. Но тут пнуло меня что-то изнутри поддых, и будто кадку с помоями расплескало. Все из меня полилось наружу. Во всех подробностях про мою поганую жизнь.

Про то, что сирота давно. Из детства своего почти ничего не помню. Иногда, когда сплю, одну и ту же картинку во сне вижу: пацаненок маленький, в красных штанишках и белой рубашечке, едет на трехколесном велике в темноте. Впереди у него свет – яркий такой, белый-белый. Это там дверь какая-то открыта и изнутри тот свет бьет. Вокруг мрак кромешный, ничего не видно, но и свет этот такой, что в нем ничего не разглядишь. Не освещает он, а только слепит... Пацан едет, педали крутит, они скрипят. Куда он едет? Зачем? И кто там ждет его, за этим светом – ничего я не знаю. Но такая меня жуть забирает от скрипа этого велика, аж в пот бросает, и просыпаюсь я в слезах и соплях. Кто этот малец на велике? Да хрен знает. Может, я сам?

Вот это все я ему зачем-то рассказал. И о своих кошмарах, и о том, как на ферме оказался. О том, что последние мои приемные мамы – они обе требовали, чтоб я их мамами называл. Мама один и мама два. Они женаты были друг на друге. Даже бумажку мне какую-то с печатями показывали. Но мне это по барабану. Хотят в свои игры играть – пускай. Еще эти старые дуры хотели, чтоб я для них был девочкой.

Они мне платья покупали и надевали белые колготы, а волосы мыли специальным шампунем, чтобы росли мягкие и шелковистые, как у девчонок. А я что? Мне по фигу. Девочек, по крайней мере, не бьют так, как пацанов. Предыдущие родители мне жрать не давали, если я шумел или бегал. Еду мне наливали в собачью миску, а вместо воды заставляли горький кетчуп лакать, если услышат вдруг, что я плохими словами ругаюсь. Чтоб мне язык как следует прижгло за грехи.

Так что эти две мамы меня, в общем, даже устраивали. Сюсюкали они противно, но это ничего, это терпеть можно. А на ферму я попал из-за их соседки. Надо ж было ей влезть в чужие дела! Она, зараза, медсестрой работала и как-то случайно узнала, что эти мамы меня таблетками специальными кормят. Таблетки, чтоб мальчика в девочку превратить. *Гармоны* — кажется, так они называются?

Ну, она сказала про это моим мамашам. Про то, что все знает. Они перепугались: дескать, из-за меня их под суд отдадут. Подумали, посоветовались – и потом потихоньку спланировали меня к Хозяину с Хозяйкой на передержку.

Хозяева раньше звериную гостиницу держали. Хозяин – он вроде как ветеринаром когда-то был. Поэтому, если что, лечит нас сам, в больницу к доктору не возит. Говорит – глупости, лишний расход.

Ну, вот, они собак сперва передерживали, а потом на детей перешли. У них этот остолоп Михай – он как раз тоже приемный. Его кто-то когда-то поленом по голове шваркнул – с тех пор он такой идиот. Здесь, на ферму многие приезжают, чтоб детей оставить – приемных или купленных. Бывает, больные попадутся, а на что они такие кому нужны? Или не больные, а вот как Ханна или Очкарик был – слишком умные. Тоже надоедает. Случалось, кого-то, отсюда, наоборот, забирали. Но это редко, и тоже ничего хорошего. Когда забирают – это еще хуже иной раз, чем тут. Я сам не знаю, но от Очкарика такое слышал, даже повторять не хочу...

Ну, а Хозяева и от тех, и от других денежки получают — от тех, кто привозит, и от тех, кто увозит. И от тех, кто тут, на месте, пользуется. Как Жирдяй, например, Ханной.

А кроме того, мы еще и по дому работаем: убираем, стираем, посуду моем. Все, что Хозяйке лень самой делать – все на нас спихивают. Со свиньями вот... И в огороде. И в парниках.

— Постой, постой, — Принц разноцветный слегка ошалел от моего рассказа. — Что-то я ничего не понял, что ты тут несешь. Хочешь сказать, на вашей ферме одни дети работают? Такие вот малявки, как ты? Малыш, да тебе сколько лет?

— Мне, — говорю, — одиннадцать. А Хромому – восемь.

— Обалдеть, — парень говорит. Волосы надо лбом взъерошил, одну прядь на палец накрутил. Хотел на землю сесть. Только земля-то холодная. Ноябрь как-никак. Ну, он на корточки сел. Смотрит на нас круглыми глазами.

— Так, — говорит. — А как же социальные работники? Учителя? Они-то знают, о том, как вы тут живете?

— Какие, — говорю, — учителя?

— Так вы, значит, и в школу не ходите? Ваш опекун не возит вас?

Мы с Хромым вместе плечами пожали: нету тут никаких школ поблизости, и опекунов нету. А возить нас куда-то в школу – какому дураку надо? Это ведь Хозяину лишние траты. К тому ж мы и так все, что надо, умеем уже. За свиньями убирать – дело не хитрое. Противно только.

И тут я по лбу себя как хлопну!

— Стоим, — говорю, — как дураки. А хряка-то кто искать будет? Хозяйка жрать не даст и в дом не пустит, если хряка не приведем. Пошли, — говорю, — Хромой.

— Нет!

Парень вдруг вскочил, схватил нас за руки и потащил куда-то за собой.

— Никаких хряков! — говорит. — Я с этим разберусь. Ведите меня к вашему Хозяину! Надо бы мне с ним потолковать.

Мы с Хромым обалдели. Не поняли, чего он такой психованный вдруг стал. И у него, как оказалось, не выдерешься: руки цепкие, пальцы железные. Прямо рассвирепел чего-то.

Я только крикнул ему, что, если он на ферму хочет, то в другую сторону повернуть надо. Он послушался. Повернул и потащил нас обратно.

А я как чуял. Не хотел я, чтоб он на ферму попал. Жалко мне его чего-то стало, ну прямо до ужаса! Засвербело у меня что-то в груди, вот тут слева – аж горячо и больно стало. Я как заорю:

— Нет, нет! Не ходи туда! Хозяин тебя убьет. И нас убьет, и тебя прикокнет, не поморщится! Ты, — кричу, — Михея-идиота не видел, а я видел! Он тебя кувалдой по голове оглушит, и свиньями скормит. Что ты, не понимаешь, что ли?! Нельзя тебе на ферму идти!

Запсиховал я, короче. Сам даже от себя не ожидал. Не знаю, что со мной такое случилось, но вот стою я в этом лесу, а сам вижу, будто сон наяву смотрю, как этот чудной парень с синими глазами в нашем свином загоне лежит. Голова у него молотом разможена, кровища сползает с виска густая, как кетчуп, и заливает эти его необычные синие глаза. Только не живые они уже, а стеклянные, и мухи по ним ползают. А свиньи вместе с хряком рыла повыставили, пяточками водят, нюхают воздух и подбираются ближе... Жрать хотят, твари. Челюстями пожевывают, хрумкают, чавкают, аж за ушами у них трещит от

удовольствия. Им, заразам, все равно что жрать – собачье мясо или человеческое. Или такого вот принца-дурачка.

Короче, ору я, а самого трясет, как будто голый электрический провод рукой схватил. Парень даже испугался. Обнял меня... Я тебе клянусь - обнял! Прямо как братишку родного. Гладит меня по голове, успокаивает.

— Ну, чего ты, чего? – бормочет. – Чего ты перепугался? Ничего мне никто не сделает. Не позволю я никому ничего сделать ни с собой, ни с вами. Ты, что думаешь, я, хлюпик, что ли какой? Это я только с виду. А на самом деле я, знаешь, ого-го-го! Я каратэ занимался. И боксом. А кроме того, еще и чемпион школы по бегу когда-то был. И по плаванию.

Тут я как заржу. Ну, вот при чем тут плавание? Где он тут плавать собрался на нашей ферме? Хромой не понял, почему я смеюсь, но за компанию захихикал. А парень видит, что мы ржем, и тоже как давай хохотать!

— Тьфу ты! – говорит, — напугали вы меня, дуралеи! Бестолочи. Ты лучше скажи, как тебя зовут?

— Меня? Крысеныш.

У парня глаза на лоб.

— Чушь, — говорит. — Не бывает такого имени у человека. Я про настоящее имя спрашиваю. Ну, там... Как тебя папа с мамой звали?

— Какие, — говорю, — папа с мамой? Первые или вторые? Которые мамыши?

Мне и того смешнее стало. А он задумался. Вздыхнул.

— Ну, ладно, — говорит. — Знаешь, вот у индейцев... У них было принято, чтоб мальчик, когда вырастает, сам себе имя выбирал. Какое нравится. Или подходит больше всего. Или такое, чтоб счастье приносило. Они считали, что имя влияет на человека.

— Как это?

Хромому тоже интересно стало, он даже забыл руки от холода тереть. Руки у него почему-то всегда сильно мерзнут. Вечно красные, как лапы у гуся, и все в цыпках.

— Ну, например... Если парень быстро бежит, он может взять себе имя Быстрый Олень. Или хочется ему, чтоб все на него обращали внимание – назовется тогда Грозовой Тучей, скажем. Ну, или просто – Медведь. Чтоб все медведи в лесу за брата его считали. Понял?

Мы с Хромым кивнули. Чего не понять? Кликуха, только наоборот. Не плохая, не обзывательская. А хорошая.

— Ну, так какое бы ты себе имя взял, если как у индейцев? Вот ты.

Я подумал, затылок почесал и говорю:

— Невидимый.

— Такое имя – невидимый? – удивился парень.

— Да, — говорю. — Было б хорошо, если б никто никогда меня видеть не мог. Мне ничего другого не надо. Чтоб только в покое меня оставили. Не трогали бы никто.

— А я, я б хотел Медведем быть, — Хромой влезает в разговор. — Я в лесу тогда поселился бы. И не хромал. Медведи ведь не хромают? У них ведь целых четыре ноги.

— Да, — говорит Принц, а сам странный какой-то. И не нравится мне это ужасно. — Медведи не хромают. Ну, ладно! В общем, я что, пацаны, хотел сказать? Невидимый и Медведь. Я вам честное слово даю и, можно сказать, клянусь – ничего с вами Хозяева не сделают. И со мной тоже. Я просто приду к ним и поговорю. А там поглядим. Может, что-нибудь придумаем. Разберемся с этой вашей фермой. Обещаю. Идет?

— Слово Принца? – говорю.

Он сперва удивился, потом, видно, сообразил что-то, засмеялся, закивал.

— Ага, — говорит, — слово Принца. Давайте, ведите меня. Иди вперед ты, Невидимый. А ты, Медведь, устал, наверное. Давай я тебя на руки возьму, иди сюда, а то, боюсь, свалишься ты, брат, на ходу. В куст какой-нибудь вломишься и заляжешь там в берлогу до весны дрыхать...

Хромой засмеялся, потянулся к Принцу. Но тут, откуда ни возьмись, рука Михеева вынырнула из темноты и цап Хромого за шкирман.

И голос Хозяина:

— Вот вы, где, паразиты, лентяи чертовы. В лесу ошиваетесь. А хряка кто будет искать, а?

И бац – подзатыльник с размаху мне как залепит. Я чуть землю носом не запахал – если б не Принц, упал бы, как пить дать. А так только ткнулся мордой в тот деревянный чемоданчик, который у него на ремне через плечо висел – что-то там загромыхало, да так, что Михай аж подпрыгнул с перепугу.

Принц меня рукой придержал, чтоб я с копыт не сверзился. И говорит тихо так – а голос у самого звенит, как у комара, когда тот кусаться летит:

— А позвольте узнать, господа, кто вы такие и почему бьете этих детей?

Тут только до Хозяина доперло, что рядом с нами кто-то чужой стоит. Разглядел Принца. И давай петь, и все таким обиженным голосочком – мол, вы меня не за того приняли:

— Никто тут никого не бьет, господин хороший. А детям этим давно в постель пора, разве не понятно? *Заботимся-мы-об-их-здоровье-и-душевно-нравственном-состоянии.* Только и всего!

У него и Хозяйки подобные фразочки будто бы заранее в голове записаны и в клубочек смотаны. При нас они ими, конечно, не пользуются – ни к чему им. А вот при чужих эти клубочки сами собой разматываются, только дерни за ниточку.

Теперь-то я знаю, кто их там за ниточку дергает. У них даже глаза какие-то косые делаются, когда они такими фразами говорить начинают.

— Вы, — говорит Хозяин, — молодой человек, не волнуйтесь. Не стоит. Мы вот с вами попросим сейчас моего сына Михея отвести этих непослушных детей в их комнаты, потому что им ведь давно пора спать. А вас прошу пройти со мной в дом. Я вас со своей Хозяйкой познакомлю. В спокойной обстановке все обсудим. Мы там на дороге какой-то автомобиль видели. Правда, Михай? Это не ваш, случайно? Вы один тут или с друзьями? Вам, наверное, помощь нужна? С нашей фермы можно механика вызвать. Пойдемте с нами, молодой человек.

Я на Принца смотрю, и, чувствую, слезы у меня из глаз вот-вот хлынут. Щиплет глаза невозможно как. А Хромой побелел лицом, испугался, и тоже, гляжу, хныкать намастырился: рот распустил, аж слюни закапали.

Принц нахмурился, глянул на меня, на Хромого. Кивнул – типа: ничего-ничего, я все помню, держись, пацаны. Сжал губы и машет головой – пошли, мол! Двигай.

Ну, мы и пошли.

Хоть про хряка сразу все забыли.

Я еще подумал – может, все и обойдется в этот раз? Все-таки Принц. Я уже вроде как и сам поверил, что тот парень – настоящий принц. Разноцветный принц из разноцветной сказки. А у нас тут сказки-то все одинаковые, на один серый манер.

Как из леса вышли, Михай нас с Хромым сразу направо, в наш барак завернул. А Принц за Хозяином влево пошел, к дому. Там в кухне на первом этаже свет горел, и собаки в вольере таякали. Принц нам рукой на прощание помахал и еще кулаком вот так сделал. Не знаю, что это означает. Наверно, что-то хорошее. Может, хотел напомнить, что он чемпион по бегу и плаванию? Может, так все чемпионы делают? Или принцы. Не знаю.

Больше мне с ним поговорить ни разу не довелось, так что спросить не мог. Ты случайно не знаешь, что это значит, когда кулак вот так сжимают и так вот рукой вверх? Нет? Так я и думал.

Что дальше было?

А дальше уже не очень интересно. Это ж тебе не сказки. Я ведь тебе все как есть, объясняю. Чтоб ты просто понимал, в каком мире живешь.

...Короче, когда вернулись мы в барак, Михай с нами даже разговаривать не стал – Хромому по затылку съездил, и он вырубился. А меня, за то, что старший, и что хряка мы так и не поймали, да еще с чужаком в лесу разболтались, к столбу привязал да розгой оттянул

вдоль спины.

Хорошо так оттянул, не слабо. Мне показалось, что он мне спину распорол и позвоночник выдрал – до того больно было. Свалился я на свою подстилку и головы поднять не мог. Всю ночь спина у меня горела. Только и думал о том, чтоб водой бы ее кто затушил, что ли, а то сил нет терпеть.

Так и заснул. Огонь мне снился. Будто какой-то огромный клоун развел на моей спине костер, и бегаёт вокруг, руками размахивает — счастлив, что одни угольки скоро от меня останутся. Радует, и знай дрова подбрасывает. Одним поленом по уху звезданул. Тут я и очнулся. Смешно? Смейся, малявка. Если б ты только знал, что сон мой был в руку. Вещий — так это называется. Но ты не перебивай. Ты дальше слушай.

Открыл я глаза и вижу, что никакое то не полено было, а это Очкарик покойный — Царствие ему Небесное, хотя тогда он еще был жив — надо мной стоит, трясет меня. Морда встревоженная, весь какой-то встрепанный, на себя не похож...

— Чтой-то, — говорит, — когой-то вы сюда привели с Хромым?

Я говорю:

— А что такое?

— Они с Хозяином всю ночь препираются. Ничего себе парень! Въедливый, как оса.

— Приятно, — говорю, — слышать. Пусть знают настоящего Принца!

— Да что ты понимаешь, — кипит Очкарик. — Принц. Дурак он, твой Принц!

Нарвется же... На Михея нарвется. На его кувалду. Как есть дурак!

— Не без этого, — говорю. — У Принцев это дело обязательное. А чем бы иначе они от обычных людей отличались? Они все такие. Храбрые, как психи. Он, между прочим, еще и чемпион, чтоб ты знал.

— Чемпион? По чему чемпион?! — вопит Очкарик. — По идиотизму, что ли?

— По плаванию, — говорю. — И по бегу еще.

И ухмыляюсь, как дурак. У меня даже спина не так болеть стала, до того мне за своего Принца весело вдруг сделалось. Вот, мол, какой он у меня. У меня! Ха! Как будто что-то в этой жизни может быть у такого как я, мое.

Но это я сейчас понимаю, что глупости нес. А тогда... Тогда Очкарик со мной чуть не разругался. За то, что я Принцем этим горжусь. Да, так он сказал.

— Что ты, — говорит, — своим Принцем *гордишься*? Как будто он такой герой, и нас всех тут сейчас с фермы на свободу выведет! Или нет — даже не на свободу. А *домой*. К настоящим *родным*, к папам-мамам, бабушкам-тетушкам. *В семью*. Ага?!

— А что? Может и выведет!

Дурак я тогда был. Хуже тебя сейчас. Но уж больно я в этого Принца поверил. Что он со всеми этими гадами справится. Всех победит. И все такое. Да-а-а.

Очкарик передо мной бледный сидит, пальцы свои терзает. У него привычка такая дурацкая была — кожу на лапах себе крутить, когда волнуется. Сидит и щиплет сам себя до синяков.

— Ты про Ханну-то зачем ему рассказал? — говорит.

— А что? — спрашиваю.

— Как — что? Ты понимаешь, этот кретин уже потребовал, чтоб ему Ханну предъявили. Назвался он им каким-то там «добровольцем—инспектором по заступничеству за детей-сирот» и канифолит Хозяйке мозги, что, мол, должен он своими глазами увидеть, как тут девочке живется. Жалобы у нее принять, если имеются.

Я прям захихикал, клянусь! Ничего себе, думаю, у Принца разноцветного фантазия. Почище, чем у Хромого или Очкарика. Надо ж, какую штуку завернул. А что, может быть, и работает? Но Очкарик смотрит на меня и головой качает.

И тут до меня допирает. Все бы хорошо, но Ханна! Действительно, зачем я ему про Ханну рассказал? И про Жирдя-на-Джипе, помнится, тоже. Зачем?!

— Я так понимаю, про то, что Ханнины косточки давно под свинарником зарыты, про это ты ему забыл упомянуть?

Голос у Очкарика ядовитый – ни дать, ни взять, кобра. Такая, которая ядом плюется.

Я чуть не завыл в голос. И ведь действительно так: забыл! Ну, правда. Как из головы вылетело. Я ведь с головой-то своей давно не в ладах. И болит она у меня, и многое забываю.

А Ханна... Я про нее часто, как про живую, думаю. Даже и до сих пор. Все время почему-то забываю тот день, когда к ней в последний раз Жирдяй приезжал. Хозяйка послала меня с Очкариком ее искать, и мы искали. Долго искали. Жирдяй уже злиться начал. Все бегал, хлопал дверями своего джипа. Какие-то фотоаппараты туда-сюда таскал. А мы всё Ханну искали. По-настоящему.

Но нашел ее Косорыл. Он всегда знал, где она прячется. Оказалось, на сеновале она. На балке висит, и ноги босые всего—то в паре сантиметров от земли болтаются. Как будто Ханна на цыпочки хотела встать, подпрыгнула, взлетела вверх, а назад, на землю не вернулась.

Это в первое, самое первое мгновение мне так показалось. Потом – нет. Потом я ее лицо увидел. Опухшее, не Ханнино совсем лицо. Язык синий, набок свесился. Под ногами лужа вонючая. И веревка на балке раскачивается и скрипит, скрипит. Страх, в общем, и гадость.

Достал ее Безликий. Ханна, она слишком хорошая была. И уже почти большая. Душу ее Безликий забрать не сумел, а убить – сумел. Теперь-то я это знаю. А тогда... Чего только ни думал, аж голова у меня трещала по ночам. Нет, не хотел я про это помнить.

Вот потому и Принцу забыл рассказать. А он теперь из-за меня в ловушку угодил. Потому что если Хозяин вдруг заподозрит, что Принцу нашему по-настоящему что-то известно про здешние дела – они с Михеем точно его порешат и свиньям скормят. Хоть он и чемпион по плаванию десять раз.

Мне от этой мысли прям дурно стало.

— Иди, — говорю, — Очкарик! Иди скорей. Подслушай еще, о чем они там говорят. И если что – беги сюда. Я сейчас встану, всех соберу. Обскажу им про все, объясню. Не хочу я, чтоб Принца убили. Может, если мы все туда придем и скажем, что нельзя Принца убивать...

— Да куда тебе вставать! – Очкарик говорит, а сам чуть не ревет. – С ума ты сошел. О себе подумай. У тебя ж спина вон вся в крови. А ты о Принце думаешь!

— Миленький, — говорю, — Очкарик. Ты за меня не заморачивайся. Я твердый орешек. Меня разные папы-мамы били, и мамы-мамы травили — ничего со мной не будет. Ты иди, тихонечко подберись, послушай, что там делается... Главное – вовремя свистни на подмогу. А я сейчас... Давай, двигай!

Очкарик только глянул на меня – понял, что я не отступлю. И убежал.

А я потихоньку поднялся – кровь, зараза, запеклась, и одежда к спине присохла. Надо снять, а не могу — больно, будто кожу с меня живьем тянут. Я вдруг вспомнил, как бывало, ящериц, сереньких таких, юрких, как змейки, в поле ловил, а они, если неправильно их схватишь, хвосты отбрасывали. Впервые подумалось: больно же им, наверное, когда приходится вот так собственный хвост от себя отдирать да бросать. Раньше мне это в голову не приходило. А тут я этих ящериц крепко пожалел. Когда начал сам, как та ящерица, выползать из присохшей одежды, будто из собственной кожи выдираться... Ужасно больно было. Но иначе-то нельзя. Потом, когда отодрал, полегче все же стало.

Вышел я из нашего барака взглянуть, где там наши все. Косорыл у ворот сидит, башкой во все стороны вертит. Меня увидел – расплылся в улыбочке. Я ему помахал рукой, он сразу прибежал, мычит чего-то.

Я ему велел, чтоб он мне бумагу и карандаш притащил. Я знаю, у него есть. От Ханны остались. Косорыл хранил ее альбом и два карандаша в каком-то своем тайнике.

Он удивился сперва, но потом увидел, что я нисколько не шучу, что мне очень надо, и послушался.

Вынул один листочек из альбома и карандаш принес. Я написал записку ребятам, что жду всех срочно в нашем бараке. Чтоб были все, как штык, обязательно. Написал, что это мой им предсмертный завет. Очень я серьезно настроен был тогда.

С этой запиской я послал Косорыла. Чтоб он всем ее показал и собрал наших. А сам сел

ждать Очкарика у входа в барак. Отсюда мне видны были еще собачьи вольеры во дворе. Боялся я, что, если чего, Михея Хозяин пошлет за своими зверюгами – на Принца натравить. Надо этот момент не упустить, не прошляпить.

Сидел я, волновался ужасно. Так переживал — даже о жратве забыл, хотя с прошлого вечера не жрамши. Все на солнышко пялился. Небо серое, как свинцовое плита, а солнышко все-таки как-то через эту хмарь пробивается – винтится теплыми лучиками в серую стенку. Будто лампочка сквозь грязную занавеску просвечивает.

Думал я об этом упрямом солнышке, мечтал... И так высоко мои мысли забирались — как стрижи в поле – под небеса. В таком я был необычном помрачении тогда. Дурак, что взять.

И вдруг вижу: въезжает, гроыхая на повороте, во двор машина. Яркая, спортивная, хотя и не новая, но красивая. Капот какими-то драконами разрисован. Ни разу эту машину я на ферме не видел.

Вылезает из машины хмырь в рабочем комбинезоне, дверцей хлопает и машет рукой в сторону кухни. А из дома выходят навстречу хмырю Хозяин с Хозяйкой, Михей-идиот и... кто бы ты думал? Принц. Собственной персоной. Причем все улыбаются друг другу, как *родные*. И разговаривают с такими дружелюбными мордами – ни дать, ни взять – лучшие приятели.

Хоть я и зырил на них издалека, со своего места, но все же мне хорошо видно было – улыбаются, да. И Принц улыбается.

Я его пилю взглядом, а он даже головы в мою сторону не повернет. Будто и нет меня. И никогда на свете не было.

Вот в это мгновение я и подумал, что был, наверное, не прав: выдумал тоже имечко - Невидимый! Разве можно человеку такого для себя желать, чтоб никто на него внимания не обращал? Нет, нету в этом ничего хорошего.

По крайней мере, в тот момент почувствовал я ужасную обиду. Даже, каюсь, вкунул чего-то в ту сторону – так захотелось заставить их всех посмотреть на меня. Чтоб увидели. А главное, чтоб Принц поглядел. Чтоб заметил. И вспомнил.

Но он не поглядел, нет.

Он снял с плеча свою сумку и деревянный чемоданчик, швырнул в машину, руку Хозяину и хмырю пожал, Хозяйке кивнул. Сел за руль и уехал. Даже не оглянулся ни разу.

Лицо у него было мрачное. Неживое какое-то.

Стоял я и смотрел ему вслед, как дурак. Даже не знал, что и думать. Вот так.

А потом пришел Очкарик, Косорыл с ребятами прибежали. Не знал я, что им сказать. Сидел и только смотрел и смотрел куда-то в пустоту. На дорогу. На серое небо. Странное это было чувство. Сижу: и никаких мыслей у меня в голове нет. Только усталость. Но это даже хорошо.

Знаешь, бывает такая усталость, что даже боли не чувствуешь нигде. В голове шумит, все тело ломит и зудит, но тебя самого как будто нет. Вывалился из этого мира, и лежишь отдыхаешь. Как сломанная кукла.

А потом Очкарик ко мне подсел, локтем пихнул.

— Ну, че ты, говорит. Ну, Принц. Нормально же с ним все. По крайней мере, обошлось. Ты ж хотел, чтоб с ним ничего не стряслось. Ну, вот с ним и ничего...

— Ничего, — повторяю, как попка. А сам и не понимаю, что говорю. – Ничего.

А ребята стоят и смотрят на меня. Тоже не понимают. Но видно, что им страшно.

Очкарик носом дернул, говорит:

— Они у него в багажнике какую-то траву нашли. Пригрозили, что в полицию сдадут. Тогда он свою художественную академию уже не закончит. Они все про него узнали — имя, где живет, где учится. Местная полиция постаралась. Один с утра уже приезжал. Пугнул его. Они ж все здесь долю свою имеют. И полиция, и опека, и муниципалы. Жирдяй, он знаешь, кто?

Я отмахнулся. Мне все равно, кто такой Жирдяй. Мне важно, что Ханну он до смерти

довел. А кто он, мне до лампочки.

А Очкарик свое продолжает:

— Ты знаешь, говорит, как Хозяин свой бизнес от прежнего владельца перенял?

Задешево купил. А все почему? Тот, предыдущий Хозяин, который первым тут все устроил, он чуть было в тюрьму не загремел. Парень ему какой-то попался, сын шишки из соседнего города. Этого мальчишку семья искала, и уже полиция на след вышла, что его сюда, на ферму, кто-то сплавил. Вот и нагрянули. А тут... сам понимаешь. Ну, и прошлый Хозяин уж думал в бега податься. Но тот, что в местной полиции главный, уломал его. Чего ты, говорит. Зассал, что ли, перед залетными? Мы их уделаем. Те собрались, понавезли сюда каких-то социальных комитетов, комиссии понаехали... А на ферме – опаньки! Никого уже и нет. Ни единой души. Кроме Хозяина с Михеем. Но этот идиот, ты ж знаешь, не разговаривает. Да, он с той, прежней партии еще остался. Один. А всех остальных ребят... Они их в лес вывезли, на Дальние Топи. И там положили. В болотной воде тела быстро гниют. Никто их там не найдет. И никто ничего не докажет. Никогда.

Хромой услышал все это, заревел. А я говорю:

— И откуда ты, Очкарик, — говорю, — все знаешь?

Он плечами пожал.

— Слышал, — говорит. Очкарик – он, правда, подслушивать мастак был.

Я говорю:

— А объясни ты мне, Очкарик, если ты такой умный и все знаешь. Объясни ты мне: почему все это с людьми происходит, а? Как так может быть, что люди друг другу делают больно, невыносимо больно... А за что? Мне, — говорю, — сегодня даже ящерицу жалко стало. А почему, — говорю, — нас-то никто на свете не жалеет? Как такое может быть, а? Скажи, если ты умный!

Очкарик весь сжался в комок. Лицо у него стало задумчивое. А мне чего-то все пофиг — я на него ору, как псих. Как принц какой-нибудь. Даже не страшно, что Михей или Хозяин услышат. Внутри у меня такая вдруг болючая боль образовалась – думал, все, конец мне пришел. Сейчас как лопнет, как взорвет меня изнутри. Не знаю, что пацаны чувствовали, но они тоже на Очкарика уставились совсем не ласково. Даже Хромой и тот – на эти очкариковские очки с потресканными стеклами вызверился, будто именно эти стекла вообще во всем на свете виноваты.

И вот тут Очкарик, наконец, раскололся по-настоящему. Подумал, помолчал, и говорит.

— Я, — говорит, — знаю, почему. Я просто боялся раньше, что вы мне не поверите. Да и пугать вас не хотел. Но теперь, раз уж такое дело, слушайте и запоминайте. Я вам все расскажу. Я это однажды в одной очень старой книге прочитал.

Давным-давно, когда Земля еще только начиналась, на дне моря-окена выросло огромное чудовище: Безликий. Был он полужидкий и прозрачный, как морская вода, и огромный, будто остров. Нет у Безликого ни рук, ни ног, а только щупальца и огромный мозг. Нечеловеческий и страшно злой.

Всю рыбеху на дне моря Безликий сожрал, но ему мало просто жрать. Ему еще надо, чтобы развлекаться. Поэтому придумал он питаться людьми. Сперва он притягивал к себе корабли, и губил все живое на море. Потом стал выманивать людей поближе к берегу и поедать их души. Люди, которые ему попадались, становились без души пустыми как тряпичные куклы, которые на руку надевают. Ими Безликий и стал играть. Души у него нет, поэтому он бессмертный. За миллионы лет все время одно и то же... Скучает Безликий, ему нужно все больше и больше людей. Они ж ему быстро надоедают, как старые игрушки.

Вот он и ловил людей, прилипал к ним и высасывал. А эти высосанные люди возвращались с виду такие же, как раньше. Зато внутри... Внутри у них у всех был уже Безликий. Он ими управлял, и продолжал играть, и приманивать других людей, все время свеженьких, и пожирать их для своего удовольствия. Давно уже весь наш мир принадлежит этому Безликому. Он везде. Везде высосанные им люди, его слуги. У всех у них нет души, одна черная бездонная яма – Безликий, жадная и жестокая сволочь. Сколько раз я здесь, на

ферме, это видал. Приходит с виду обычный человек... Много их тут перебивало. Инспекторы санитарные. Случайные туристы. Полицейские. Приемные родители. Нормальные вроде бы люди. А потом – хлюп! Посидит на их кухне полчаса, и, глядишь, нет человека. Как устрицу они его вскроют, и дело сделано. Кончено. Только Безликий внутри сидит, от удовольствия раздувается. Так и с Принцем твоим было. Я просто тебе говорить не хотел. Знал, что расстроишься.

— А почему же, — спрашиваю, — почему с детьми так не бывает?

— А какой ему интерес тебя жрать? — Очкарик говорит, — Мелюзга она и есть мелюзга. Ни вкусу, ни смаку. Он ждет, когда ты подрастешь.

— А взрослые почему не убьют его?

— Сам рассуди, дурья твоя башка. Как они могут убить то, во что не верят? Ведь люди, когда вырастают, они уже много чего по-другому видят. Кому из взрослых про Безликого расскажи – только посмеется. Безликий этим и пользуется. Он, гад, страшно радуется, что его несуществующим считают. Так ему проще к человеку подобраться.

Да. Вот так Очкарик и открыл нам всем глаза.

Он умный, Очкарик. Книг когда-то уйму прочитал. Правда, ему самому это нисколько не помогло – уж больно он был хилый. И растяпа.

Спустя месяц после того случая споткнулся он в свином загоне, в ногу щепку какую-то вогнал, до крови. А потом у него нога почернела, запузырилась вся. Главное, он сразу понял, что померет, Очкарик наш. До того умный был.

Сказал: ребята, это у меня *гангрена*, от этого, мол, умирают. И ведь так и случилось. Два дня всего в горячке пометался, и умер, не приходя в сознание. Хозяин тогда кобеля Гектора на выставку куда-то возил, не было его на ферме. Хотя, кто его знает – может и Хозяин ничем Очкарику не сумел бы помочь.

В общем, сгинул наш Очкарик.

Но про Безликого он нам подробно рассказал. Спасибо ему. Лучше все-таки знать про мир, в котором живешь. А иначе свихнуться можно.

Ты реветь-то, малявка, перестань. Тебя еще никто тут не жрет. Научись быть тихим – дольше проживешь. Понял?

Не знаю, как ты, а у меня есть одна мечта. Я ведь как думаю? Вот взять, например, меня. Я про Безликого знаю. И ребята знают. И ты вот, хоть и малявка, тоже теперь в курсе его делишек. Если мы в живых останемся, вырастем, сил наберемся. Может, и получится у нас Безликого убить?

Ведь он, зараза, тоже когда-нибудь... захочет вылезти на свет, поразмяться. Сунется – тут-то мы его и прихватим. Узнать бы только, какой он...

Если он мягкий как дождевой червяк, так я с ним наверняка справлюсь. А если у него панцирь на теле, тогда что? Тогда, глаза ему, например, выдавить, можно. Представь себе, вот было бы здорово – Безликого паразита уконтрапупить! Всю мировую порчу свиньям на хрен скормить и под стенами нашего свинарника закопать. Вот это было б дело, скажи?!

Вот. Не знаю, как ты, а я лично в себе уверен: даже если трижды взрослым я стану, про Безликого ни за что не забуду. Разве можно такое забыть?

Правда, иногда, в самые несчастливые дни, или ночью, когда долго маюсь без сна, лезет мне в голову пакостная мысль. Я ее отгоняю от себя, а она лезет и зудит, и чешется, как вошь под рубашкой...

Какая мысль? Да такая. А вдруг, думаю, нет никакого Безликого на самом-то деле? Что, если Очкарик всю эту бодягу просто из головы выдумал? Навалил врак до небес, только чтоб нас тогда успокоить.

И вот тут-то мне по-настоящему жутко делается, до самых печенок эта мыслишка меня достает. Самое это страшное на свете – когда я думаю, что Безликого никакого нет.

Потому что если его нет, значит, это *сами люди такие*. Сами по себе. А тогда... Как тогда вообще?

Ты-то что думаешь, а? Не знаешь?

Вот и я не знаю. Ну, ладно, не реви. А то Безликий услышит. Эх, ты, малявка!

Забытые чертом (Александр Подольский)

Валенки семенили по хрустальной поверхности льда, в которой отражались детские лица. Привычный мороз за тридцать не давал скучать двоим друзьям. Самодельные клюшки отстукивали деревянную дробь, а голоса эхом уносились в туман.

– Ты не Третьяк! – вопил Леха. – Третьяк – вратарь!

– Ну и что! – не соглашался Мишка. – Он самый хороший игрок! Как и я!

Из мехового кокона показалась улыбка. Чуть съехавшая набок ушанка Лехи походила на растрепанную голову какого-то диковинного зверя.

– Да ты дырка! – подначивал Леха. – Спорим, два из трех забью?

– Ха! – воскликнул Мишка, протирая замерзшие под носом сопли. – Да ты и не добросишь, слабак!

Прочертив две линии на льду, Мишка занял место ровно посередине. Теперь мальчишка в почти невесомой куртке на гагачьем пуху превратился в настоящего вратаря.

– Ну, попробуй забить, хвастун!

Леха отошел на более-менее приличное расстояние и ковырнул шайбу в сторону «ворот». Каучуковый диск, который, судя по виду, не раз жевала собака, приполз в распростертые объятья Мишки.

– Ха-ха! – радовался тот. – И кто из нас еще неумеха?

– Это тренировка! – отозвался Леха. Он был годом старше и раза в полтора здоровее, так что на нехватку сил жаловаться ему было не с руки.

Второй удар вышел будь здоров. Шайба юркнула под ногой Мишки и зарылась в сугроб позади.

– Штанга! – довольным голосом заверещал Мишка, хотя прекрасно видел, что гол был.

– Что ты брешешь? – возмущался Леха. – Там до штанги еще километр!

– А вот и нет! Ты просто мазила!

Леха промолчал, и на секунду Мишке подумалось, что друг обиделся. Это было бы очень странно, ведь подобные сцены повторялись изо дня в день, и мальчишки просто дурачились. Неуловимо менялась разве что их площадка – размашистая наледь, которую с начала зимы грунтовые воды подняли уже на добрый пяток метров.

Но Леха молчал потому, что усталился куда-то в сторону леса. Мишка обернулся и уловил движение вдалеке. Там, где к зарождающейся цивилизации со всех сторон подкрадывалась тайга, шагала вереница черных человечков. Привычным маршрутом они направлялись на планируемый участок магистрали от Усть-Кута до Тайшета. Остальным бамовцам там показываться запрещалось, и жители небольшого поселка тянули рельсы в другую сторону – к Комсомольску-на-Амуре. Стройки века хватало на всех.

– Они теперь еще и ночью работают? – спросил Мишка, тотчас позабыв о хоккейных баталиях.

– Похоже.

– Страшные они какие-то. Живут в лесу, дед Семен говорит, у них там лагерь свой. Интересно, а как в темнотище строить? Ночью же за сорок подморозит!

– Ну, – промычал Леха, – они ж военные, армия. Им это раз плюнуть.

– Мы когда дорогу построим, я тоже в армию пойду. И буду получать много денег. Тыщи две в месяц!

– А я еще больше тебя! – усмехнулся Леха и закинул клюшку на плечо. – Ладно, темнеет. Ничья?

– Ничья, – без раздумий согласился Мишка, вытаскивая из снега шайбу.

Мальчишки отряхнулись от повисших на одежде сосулек и направились к дому. Впереди бежал пар изо рта, разгоняя морозную дымку. Туман, который не давал любоваться солнцем вот уже второй месяц, с сумраком справиться не мог, и спускающаяся с неба тьма наступала

друзьям на пятки.

– И все равно я – Третьяк, – как бы между делом произнес Мишка.

– И все равно ты – дырка, – отозвался Леха.

До родных домишек они добрались уже бегом, бомбардируя друг друга снежками. Поселок встретил их звуками топоров — это мужики рубили замерзшую с утра воду. На БАМе наступала пора ужина.

*

Вездеход затих где-то в таежной глуши, став бесполезной грудой железа. Запас солянки не предусматривал столь долгого путешествия, и теперь перед заплутавшими в темноте пассажирами открывались нерадостные перспективы.

– Молодец, водитель! Ладно службу несешь!

– Товарищ лейтенант, я же говорил, что...

– Говорил-говорил. Можешь не повторять.

Олег осмотрелся. Верхушки кедров терялись в черноте, которая куполом нависла над вездеходом. Снег лежал ровно, словно его специально утрамбовывали, желая показать в лучшем виде. По ледяной дороге в темноту уходили две змейки проторенной лыжни. Сковавший лес мороз медленно добирался и до людей, начиная покусывать лицо.

– Бойцы! Соорудите-ка костер, что ли.

– Товарищ лейтенант, да как мы его тут зажжем? Мы ж не егеря какие-нибудь.

– Не знаю, смекалку проявите, – сказал Олег и отвернулся к огрызку дороги, который белым языком вываливался из темной пасти тайги. – Я пока посмотрю, куда капитан пропал.

Распределение закинуло Олега в зону вечной мерзлоты, край высокой сейсмической активности, где паутины трещин от землетрясений распугивали таежную живность. Молодой лейтенант поначалу обрадовался возможности служить в месте возведения Байкало-Амурской магистрали, но ему хватило и недели, чтобы вкусить все прелести всесоюзной комсомольской стройки. Холод, который не всегда могла вынести даже техника, тяжелейшие условия жизни, непонятная суэта вокруг этой железной дороги и полная неопределенность с собственным будущим. Не грела и мысль о том, что Олегу выпала честь участвовать в важнейшем для страны событии, которому наверняка суждено было войти в историю. Олега привезли в Усть-Кут, ничего толком не объяснив. Сказали лишь пару слов об объекте, на котором предстояло нести службу – неприметном лагере близ магистрали. Рвущийся почувствовать себя командиром лейтенант никого в подчинение не получил и кормился только наставлениями старших по званию. Олег понимал, что все, чему его учили, в здешних суровых краях никому не нужно. Единственная хорошая новость с момента приезда на БАМ заключалась в обещанной начальством доплате за секретность. Хотя какие секреты могут быть в такой глуши, Олег не представлял, а на вопросы ему тут обычно не отвечали.

И вот теперь, после долгого пути на объект вездеход заснул в снегу. Капитан, который сопровождал группу, ушел на лыжах дальше по дороге с полчаса назад. Оставив Олега за главного, он сказал, что поселок недалеко, и найти его поскорее проще тому, кто там уже бывал. Капитан производил впечатление уверенного в себе человека, однако Олегу показалось, что тот чего-то не договаривал. Последними словами были указания держаться всем вместе и внимательнее смотреть по сторонам.

Шагая наедине с собственными мыслями, Олег не заметил, как отошел от вездехода довольно далеко. Впереди хрустнул снег. Сначала Олег решил, что ему мерещится. Завывания стихии в каждом ухе не умолкали, стараясь спрятать посторонние шумы. Но треск снежного покрова раздался вновь. Теперь уже было очевидно, что прямо по курсу навстречу Олегу кто-то очень медленно двигался.

– Товарищ капитан? – спросил Олег у пустоты.

Шаги приближались. Становились быстрее. Только сейчас лейтенант сообразил, что лыжи такого звука издавать не могут. Человек из темноты шел пешком.

– Кто тут?

Ответа не последовало. Но сквозь снежную завесу стали проступать контуры идущего. И чем ближе становился незнакомец, тем быстрее пятился Олег. Шагающий сквозь сугробы человек был одет лишь в легкую рубашу и рваные штаны. Черные пятна на коже, воронки проваленных глаз, неровный шаг и странное мычание вместо слов. Все говорило о том, что человек серьезно болен и ему нужна помощь. Все, кроме одного. Из грудной клетки незнакомца торчала лыжная палка.

*

Внутри было тепло, а это самое главное. Печь жевала дрова, выдыхая в трубу сизый столб дыма. За столом гремели посудой голодные бамовцы, с мороза в здание столовой постоянно кто-то заходил.

– Закрывайте двери, елки-палки! – рявкнул бородатый мужик с проседью.

– Не ворчи, Иваныч. Сейчас надышим и напердим, так опять потеплеет.

К звону ложек с вилками прибавился смех, тут же в ответ понеслись колкости и подначивания. Мишка спрятал довольную улыбку в кулак, но мама все равно шутливо погрозила ему пальцем. В их семье нехорошие слова были запрещены, хотя не слышать их вокруг было невозможно. А уж после того, как папка взял Мишу на лесопилку, мальчонка сразу втрое увеличил свой нецензурный словарный запас.

Мишке нравилось жить в поселке. Ему очень хотелось почувствовать себя одним из строителей нового мира, о котором так много говорили взрослые, ведь даже он понимал, что является частью чего-то очень важного. Так происходило на каждом километре магистрали, куда съезжались люди со всего Союза. БАМ уже не был обычной стройкой, став для многих образом жизни.

Пока же наблюдались только зачатки славного будущего, Мишка привыкал к морозам и изучал таежную природу. Однажды охотники дали ему подержать в руках бурундука, а совсем недавно вместе с Лехой им удалось усмотреть возле одного из котлованов настоящего горноста. Пушистый зверек издали рассматривал ребятишек, а потом бросился наутек, мелькая черным кончиком хвоста на снегу.

Детей в поселке пока было мало, и под школу отдали одну из небольших изб. Занятия проходили три-четыре раза в неделю, что, по мнению Мишки, было чересчур много. Сидеть за столом с книжкой в руках, когда вокруг раскинулась таинственная и загадочная тайга, он не слишком-то любил. Впрочем, как и остальные мальчишки.

Грохнула дверь, впуская внутрь морозный сумрак.

– Да сколько же можно, в самом деле?! Закрывайте за собой две...

Бородач замолк. С порога на него таранился высохший человек в дырявой военной куртке. На глазах блестел иней, матовая кожа головы в некоторых местах обнажала кость.

– Твою ж мать, мужик, что стряслось? – сказал кто-то из строителей.

Мишка заворочено глядел на гостя, который словно врос в доски. Снежная пыльца за его спиной валила в помещение, и пол быстро покрылся белесым ковром. Откуда-то из-под стола выбралась сонная овчарка и с любопытством подошла к человеку. Псина стала обнюхивать обклеенные льдом сапоги, как вдруг незнакомец резко пригнулся к полу и вгрызся в загривок животного. Визг пронзил комнату, и со своих мест повскакивали бамовцы, роняя посуду. В дверном проеме возникли еще две полусогнутые грязные фигуры, и Мишка почувствовал, что ему стало не только немножко теплее, но еще и мокро.

*

– Ты к-кто? – только и смог выдавить Олег.

По дороге пронесся грохот выстрела, и верхняя часть головы незнакомца кусками повалилась на снег. Осколки черепа вперемешку со стеклянными волосами уткнулись в ноги

Олега. Развалившаяся прямо на глазах голова походила на разбитую вдребезги сосульку. Туловище сделало еще два шага и плавно опустилось на дорогу. Рядом скрючился и Олег, освобождая организм от скудных запасов пищи.

Утерев рот, лейтенант встретился глазами с дулом ружья и моментально поднял руки.

– Кто такой? – спросил человек в военной форме без каких-либо знаков отличия. Новый оружейный гром не дал Олегу даже подумать над ответом.

– Стоять на месте! – проорал кто-то из темноты, и Олег понял, что выкрик был адресован солдатам, которые прибежали на выстрел. – Следующий будет на поражение!

– Кто такой и какого хрена тут делаешь? – повторил мужик с ружьем, подцепляя ледяным дулом замерзший нос Олега.

– Я п-по распределению, служить приехал, – промямлил Олег. – Младший лейтенант Егоров. На объект, к-который...

– Ладно, все ясно. Вставай давай, лейтенант. Только из учебки, что ли?

– Так точно.

– Мда... Не хватало мне еще и за тобой ходить сопلي вытирать. Вставай, говорю, жопу отморозишь!

Олег поднялся, хотя ноги его не слушались. Труп с размазанной по дороге головой лежал в метре от него. Из-за спины широкоплечего собеседника показалось еще человек десять. Все вооружены.

– Товарищ майор, еще пятеро осталось, – сказал один из военных.

– Ты лучше патроны посчитай, которыми все ветки посшибал. – Человек, которого называли майором, помолчал, а потом вновь обратился к Олегу: – Где командир?

– Не знаю, ушел на лыжах к поселку. У нас соляра кончилась.

– На лыжах, говоришь... Значит, нету больше твоего командира. Только лыжи и остались. Но палкой, видимо, махнуть успел, здоровый мужик был. Кто сопровождал?

– Капитан Стрельников.

– Сашка?! Его же в Тынду переводить собирались! Ну, зверье... Значит так, слушай мою команду, – проговорил майор, обращаясь уже не только к Олегу, но и к перепуганным срочникам. – У нас тут ЧП. Причем такое, что вам, соплякам, и не снилось. Раскладывать кашки по полкам нет времени. Оружие имеется?

– В вездеходе есть.

– Вот очень плохо, что в вездеходе! С собой нужно его носить, понятно? Тут вам не учебка. Хватайте все, что есть, и попрошу с нами. Фонари захватите, наши сдохнут скоро. Здесь где-то в тайге еще пятеро очень нехороших ребят, которых нужно срочно обезвредить. Пример лежит у вас под ногами. Предвидя вопросы, отвечаю сразу: это живые мертвецы, поэтому стрелять нужно только в голову. Чтобы мозги разметало по всей округе. Вопросы есть?

– Это ж бредни какие-то...

– Не бредни, а военная тайна. Вам выпала честь оказаться на засекреченном объекте, который должен был стать отправной точкой славного будущего великой державы. Только вот беда: все тут пошло наперекосяк. Так что пока вам...

– Движение! – пронзил темноту крик. – Вон там!

Все обернулись к вездеходу, возле которого шевелилась тьма. Что-то метнулось из снега и скрылось за массивными гусеницами.

– Может, волк? – поинтересовался Олег.

– Ага, – кивнул майор, шагая вперед. – Или гуси-лебеди. Стой тут со своими архаровцами. Без оружия от вас толку нет.

Майор раздал несколько команд, и небольшой отряд стал окружать вездеход. Только сейчас Олег заметил, что на ногах вооруженных людей были снегоступы, благодаря которым двигались военные куда быстрее и увереннее.

Словно шахматные фигуры, солдаты шли вперед поочередно. Снежные вихри над головой бесновались все сильнее. Олег чувствовал, как замерзает дыхание. Сейчас он был лишь бесполезным зрителем, чему в глубине души несказанно радовался. Все-таки он приехал в

эту глушь отрабатывать контракт за очень неплохие деньги. О разгуливающих в округе покойниках никто не упоминал. Рядиться героем Олег не собирался.

Автоматные очереди пробежали по верхушкам сугробов, смахивая снежную крупу. Серая сгорбленная фигура метнулась к лесному частоколу. Темноту прорубили вспышки выстрелов. Существо, не обращая внимания на огонь, спешило под защиту тайги. Точные попадания в спину лишь подгоняли тварь, и вскоре мертвец исчез за стеной деревьев. Военные кинулись следом, дав оружию небольшую передышку. Под матовым небом вновь воцарилась тишина. Темнота проглотила людей, будто их никогда и не было.

Олег не знал, отчего у него дрожат колени. Хотелось верить, что от холода. Время словно отмотали назад, возвратив его к знакомому моменту. Он стоит перед пустым вездеходом, рядом – троица солдат. Так, может, ничего и не было? И прямо сейчас из леса выйдет капитан с соляжкой. А все остальное – только работа воображения. Олег почти поверил в это, но все испортил один из рядовых.

– Товарищ лейтенант, что будем делать?

Олег тяжело вздохнул. Мыслить в таком состоянии его мозг отказывался.

– Не знаю. Будем ждать возвращения майора, он-то уж подскажет. Как я понял, к нему в подчинение нас и везли.

– А если их это... – не унимался рядовой, у которого за шапкой и высоким воротником можно было рассмотреть только глаза, – сожрут.

– Тогда жмурики будут сытые и нас не тронут.

– Товарищ лейтенант, может, все-таки достанем оружие?

Олега осенило. Это была самая умная мысль.

– Да, как раз об этом думал. За мной!

Карабкаться на гусеницы было не слишком удобно, но Олег никого вперед себя не пропустил. Рядовые забирались следом. Кабина на секунду мигнула. То ли отблеск лунного света просочился сквозь ночной туман, то ли в кабине кто-то был. Или что-то. Олегу сразу вспомнились слова одного из бойцов отряда майора. Их осталось еще пятеро... Черт, и зачем он полез самым первым?

– Тише, – прошептал Олег, изо всех сил стараясь не выдать дрожь в голосе. – Кажется, возвращаются.

Он замер прямо перед дверью, обернувшись к лесу. Звонящая пустота не несла никаких звуков. Однако Олег продолжал:

– Точно. Слышите? Пойду встречу, а вы пока хватайте оружие – и пулей ко мне.

Эта невинная перестраховка едва ли могла кому-то навредить, ведь крайне сомнительно, что мертвецы из всех укромных мест вокруг могли бы выбрать кабину вездехода. Спрыгнув на снег, Олег с облегчением наблюдал, как водитель спокойно проникает внутрь. Но тут же из кабины вылетел крик, который подкосил и без того ватные ноги лейтенанта.

– А-а-а! – летело из темноты. – Стреляйте в него! Стреляйте!

Топтавшиеся на входе солдаты напоминали пару маятников. Животный страх гнал их подальше от этого места, но вопли товарища звали на помощь. Последнее все-таки пересилило.

– Он сожрет мою руку! Он же сожрет!

Солдаты ворвались в кабину. Грохнули выстрелы, осыпалось стекло. Очень быстро все затихло.

Из вездехода выбрались только двое. Опирающийся на товарища водитель еле волочил ноги. Его правый рукав безжизненно повис вдоль тела, словно там ничего и не было. На снег у гусениц обильно стекала кровь. Рядовой что-то бормотал.

– Откусил... он просто откусил. Вырвал ему кадык, отгрыз и сжевал.

– Тише, Колян, – успокаивал его второй солдат, который, похоже, не пострадал. – Мы выкарабкаемся. И Вовку помянем обязательно. Если бы не он, та тварюга на руке не остановилась бы.

– Он же из-за меня умер! Да что тут вообще творится такое? Это вот так выглядит

советская армия?!

Олег помог парням спуститься. Несмотря на все случившееся, они умудрились прихватить с собой два Калашникова. Один автомат Олег сразу приютил на плече, второй оставил целому рядовому. Раненного водителя посадили у колес вездехода. В кабину, которая могла защитить от ветра, соваться даже не думали.

– Мне пара месяцев до дембеля, – всхлипнул водитель, – возил всех туда-сюда... Это ж надо в такое вляпаться. А если они нас всех пристрелят? Может, не для наших глаз такое зрелище.

Свист ветра над головами напоминал колыбельную. В непроглядном ночном небе копошились заблудившиеся снежинки. Насквозь пропитанная кровью рукавица водителя замерзла и теперь походила на стальные доспехи.

Сквозь чернильное марево стали проклевываться болезненные пятна, словно огромные светлячки на последнем издыхании спешили пробраться к вездеходу. Олег выпрямился и поднял автомат. Свет фонарей приближался. Людские голоса становились громче, и Олег немножко расслабился. Пришли люди майора.

Над раненым сразу принялся колдовать медик, группа сомкнулась вокруг вездехода вооруженным кольцом. Присутствие всех этих людей добавляло уверенности. Но, похоже, на месте сидеть никто не собирался – всех мертвяков в лесу выловить не удалось.

– Двигаемся к поселку бамовцев, возможно, они там, – сообщил майор. – Подтянутся наши, будем уничтожать отработанный материал. Пока и остальные не превратились в человекоедов...

– Остальные?! – изумился Олег.

– Егоров, кажется? – спросил майор. – В общем, обрисую тебе ситуацию, коли в одной упряжке теперь. Хотя даже мне известно далеко не все. После войны наше правительство занималось разными экспериментами – удачными и не очень. Одной из стратегических задач являлась находка рабочей силы, которой не страшны любые условия. Так вот, решение не так давно нашли. Как они научились поднимать мертвецов – одному богу известно. Хотя, скорее, черту. Какая-то химия, куча опытов и так далее. В итоге мы получили идеальных работяг, которым и мороз нипочем, и спать не нужно, и жрать они не просят. По крайней мере, не просили до недавнего времени.

Майор смачно сплюнул, и Олег мог поклясться, что на землю упал уже замерзший шарик.

– А где проверять новую рабсилу, как не на стройке века? Вот и был создан наш объект. Сначала все шло хорошо. Страшно было, конечно, но работали мертвецы как проклятые, ни малейшей агрессии не проявляли. Идеальные чернорабочие. Даже вони от них немного, холодина местная все заглушает. Мы уж было попривыкли, как у некоторых что-то замкнуло. То ли от морозов, то ли еще от чего. Результат ты видел. А у нас их сорок единиц. Вы как раз должны были помочь, ведь через месяц еще пятьдесят жмуриков подвезти обещали.

– А что с покусанным будет? – озвучил нехорошую мысль Олег.

– Сложный вопрос. Ученые проводили и такой эксперимент, правда, на зверушках. В общем, контакт для живого организма не опасен. Вроде бы. Но если живой организм через какое-то время после укуса становится мертвым... тогда возможны варианты. В общем, водителю твоему лучше не умирать. На всякий случай.

Олег решил больше ничего не спрашивать. От всего этого его начинало мутить. Не верилось, что за какую-то неделю жизнь может так поменяться. Если бы при поступлении в военное училище ему сказали, что он вот так будет шагать через тайгу с автоматом на плече в поисках взбесившихся мертвых строителей, то люди в погонах до сих пор искали бы его по городам Союза.

– Приготовьтесь, – сказал майор, – вот и поселок. Нам теперь уже не до секретов, так что главное – результат. И ради бога, не попадите в кого из гражданских.

Бамовские вагончики с избушками сонно выглядывали из-за снежной завесы. К ночи мороз крепчал, загоняя людей под защиту стен и печей. На улице не было никого. Фонарный свет, который питали местные генераторы, скользил по обледелым крышам. Поселок напоминал

обиталище призраков. И когда темнота принесла с собой множественные крики, едва ли этому хоть кто-то удивился.

*

Столы летели в стороны, будто щепки из-под циркулярной пилы. Трое неизвестных рывками перемещались по залу, сбивая людей с ног и впиваясь в них зубами. В помещении поднялась паника, валенки и сапоги размазывали по полу кровь. Входная дверь колотилась о косяк, словно сумасшедший зритель хлопал в ладоши этому представлению.

Мишка схватился за маму, отступая ближе к кухне. Рядом полетели на пол ножи с тарелками. Кто-то кричал и звал на помощь. Один из страшных гостей, который перекусил пополам собаку, метнулся к тучной поварихе и, завалив ее на пол, содрал с головы женщины чуть ли не все волосы. Окровавленный парик свисал с кривой исхудалой пасти, в то время как черные зрачки шарили по комнате.

– Упыри! – завопил кто-то из стариков.

Мишка заплакал. Трое оборванцев превращали комнату в скотобойню, кровь хлестала так, словно работал разбрызгиватель.

– Ма-а-а, бежим отсюда, – всхлипывая, скулил Мишка, – съедят ведь!

– Упыри! – надрывался все тот же старик. – Антихристы окаянные!

Рука мамы шевельнулась, в глазах женщины появилась жизнь.

– Сейчас, сейчас... где же твой отец...

Позади мамы возникла фигура в военном тряпье. Чудовище прыгнуло, и Мишка почувствовал невероятную тяжесть, подкосившую ноги. Грохнув головой о доски, он едва не выпустил из себя весь воздух, когда сверху навалилось сразу два тела. Мама в последний раз улыбнулась сыну, а потом в Мишкино лицо словно выплеснули тарелку борща. Дышать стало нечем, и мальчик закатил глаза. Вверх ногами он увидел дверной проем. Оттуда показались новые люди в военной форме, и Мишка понял, что теперь надеяться не на что.

Неожиданно раздались звуки, которые здесь гостили нечасто – выстрелы. Задымилась голова одного из нападавших, на лице выросли сквозные черные круги.

Рядом что-то хрустнуло, и Мишка поймал мертвый взгляд мамы. Оторванная голова покатилась в угол, будто огромный снежок. Повторить то же самое с мальчишкой прогнивший насквозь человек не успел. Только разинув черный рот, он получил удар топором в голову. Около Мишки стоял дед Семен в разорванном тулупе. Но существо поднялось даже с топором в макушке.

– В сторону! – рявкнул кто-то. – Пацана, пацана заберите!

Бахнул гром, зазвенело в ушах. Топор разлетелся в щепки вместе с тем, куда его засадил дед Семен. Из развороченной челюсти мертвеца посыпались зубы, точно мертвые мухи из сорванной паутины. Почти тут же за стенами столовой откликнулись автоматные очереди. Сидя в луже, в которой словно только что выпотрошили свинью, Мишка пытался вспомнить, как правильно дышать. Засохшие слезы скрылись под багровой коркой, в волосах запутались какие-то липкие кусочки.

– Товарищ майор, – донесся до Мишки голос сквозь звон колокольчиков. – Третьего успели прямо у порога уложить. Вроде не осталось больше.

– Успели, говоришь? Да ты вокруг посмотри! Матерь божья... Ничего мы не успели. Ничего.

Мишку подняли на ноги и увели подальше отсюда. Спустя минуту к нему подошел командующий военными дядька.

– Привет, смельчак. Тебя как зовут?

Мишка в ответ моргнул два раза.

– Не бойся, теперь тебя никто не обидит.

Мишка моргнул еще раз, но военный никак не отставал.

– Хочешь, буду звать тебя «Почетный бамовец»?

Мальчуган посмотрел в доброе, но смертельно уставшее лицо человека и заговорил:

– Мишкой меня зовут все, мамка назвала так.

– Хорошее имя, Мишка. Просто отличное! – сказал дядька, потрепав паренька за плечо. – Меня вот все майором зовут, а ведь я тоже Мишка, так что мы с тобой тезки. А раз так, будем дружить, точно?

– Наверное, – нехотя согласился Мишка.

– Ну и отлично, по рукам.

Майор огляделся и подозвал к себе пару человек.

– Присмотрите за парнем, головой отвечаете. Найдите родственников или знакомых. Егоров, пора и тебе покомандовать немного. Здесь все нужно прибрать, а мертвых приготовить к захоронению.

– Так точно, товарищ майор.

– И тех, и других мертвых. Рисковать не будем.

Военные еще о чем-то шептались, но Мишка их уже не слышал. К нему кинулись заплаканные родители Лехи. Голоса их сливались в один заунывный стон. На выходе из столовой они встретили курящего деда Семена. Тот попытался улыбнуться Мишке, но получилось слишком неуклюже. Обменявшись парой фраз с Лехиным отцом, дед Семен вернулся в помещение и захлопнул за собой дверь, из-под которой ползла красная лужа. Скрывшиеся за деревянной перегородкой родители и друзья исчезли для Мишки навсегда.

Сутки спустя он сидел у окна, которое обросло новым морозным узором. За стеклом будто занималась заря, хотя время только шло к ночи. Багряные лучики выглядывали из-за спин деревьев, слегка раскрашивая черное небо. Мишка знал, что это до сих пор горит самый большой костер, какой он только видел. Пускай и издалека.

Военные сожгли всех. К тем троим, что перебили людей из столовой, добавили еще столько же. Все они были мертвецами еще до того, как им разорвало головы. Возможно, даже раньше, чем Мишка появился на свет. Он не понимал, как такое может быть, но видел все собственными глазами. А потом из леса вышел еще один отряд с теми самыми черными человечками, которых они с Лехой видели чуть ли не каждый день. Оказалось, военные строители тоже не были людьми. Конечно, Мишке прямо никто ничего не рассказывал, но слышал он достаточно, да еще и напившийся дед Семен много чего наболтал. Теперь от всех этих чудищ остались только догорающие в самом глубоком котловане кости. Там же сожгли и убитых, и этого Мишка никак не мог понять и принять. Ведь если бы ожил его папка, которого нашли на полу столовой под грудой тел, то он бы точно не стал ни на кого нападать. Потому что добрый.

– Не спится? – спросил Леха, глядя со второго яруса двухэтажной кровати.

– Не-а.

Теперь мальчишки жили в одной маленькой комнате, как братья. Мишке, который остался без родителей, предстояло ждать отправки домой к бабушке, в Ленинградскую область. Но когда это произойдет, никто не говорил, ведь вокруг хватало и других хлопот.

– А хочешь посмотреть? – стараясь растормошить друга, спросил Леха.

– Ты что? Нам все уши отдерут.

– А мы тихо, я много раз в окно сбегал. Мои спать рано ложатся, нужно только на знакомых не наткнуться.

– А солдаты?

– Так они вроде подожгли – и все. Где-то в вагончиках ждут своих.

Мишка взглянул в темноту за окном. Сидеть в четырех стенах, где любой зашедший в гости лез к нему со своей жалостью, было невыносимо. А котлован теперь навсегда останется могилой его родителей. Так почему бы их не навестить?

Друзья выбрались в таежную ночь через окно. По спящему поселку носился ветер, гремя зубьями-сосульками. Котлованы располагались к северу от железной дороги, теснясь ближе к трассе, по которой ходила крупная техника. Словно лунные кратеры, выеденные экскаваторами, они разрастались в том месте, где тайга должна была уступить место городу.

Сейчас они только заглатывали снег и бездумно тарасились в низкое небо. Все, кроме одного.

Жарко было до сих пор. Причудливые тени гуляли по краям котлована, из которого вился легкий дымок. Вокруг никого не было, превратив всех мертвецов в пепел, военные вернулись в поселок. Ужасы прошлого вечера были погребены под угольной пылью, которая под стоны деревьев смешивалась со снегом.

– Всех просто подожгли? – спросил Мишка. – Как спички?

– Не знаю, кто бы нас пустил смотреть? Наверное, чем-то залили сначала, чтоб горели хорошо. Так им всем и надо. – Леха помолчал, глядя вниз, а потом спохватился: – Ну, кроме наших. Я про этих, военных.

Мишка заворожено глядел в погребальную дыру и пытался представить казнь. Другого слова мальчишка подобрать не мог. Ведь людей просто загнали вниз, расстреляли и сожгли, точно березовую шелуху. Пусть и не совсем людьми они были.

– Ничего не оставили, так даже не интересно, – ворчал Леха, который ожидал хоть какого-то зрелища. – Только зря вылезали в такую холодрыгу.

Кончики пальцев и впрямь стали чужими, и Мишка согласился, что идея оказалась плохой. Хоть из огромной ямы и шло тепло, кусачий мороз это не останавливало. Пора было возвращаться.

Но в трухе на дне ямы вдруг что-то вздыбилось. Мишка удивленно перевел взгляд на Леху – тот тоже заметил. Талый снег, смешанный с грязью, легонько шевелился. В середине котлована из разваренных внутренностей земли показалась облезлая кость. Мальчишки отступили чуть назад, не веря своим глазам.

– Они ж сгорели, – прошептал Мишка. – Должны были.

Возня внизу продолжалась, и вскоре на поверхности показалась голова, похожая на изъеденную крысами тыкву. Из глубины замерзшей земли прорывался мертвец.

– Ух ты! – возбужденно тараторил Леха. – Значит, этот целый остался. Нужно... нужно в него чем-то бросить!

– Дурак, что ли? Нужно позвать военных.

– Да что он нам сделать-то может? Эта развалина по склону и не поднимется. Это ж настоящий живой труп! Представь, а? Ну, представь!

– Мы ж не в зоопарке, – сказал Мишка. Ему все это очень не нравилось. Как это армия могла проморгать целого мертвеца?

– Да мы только немножко понаблюдаем, а потом, конечно, позовем всех. Интересно, если в него комком бросить, он зарычит? Глянь на него только. Копытится внизу, как жук какой-то.

– Или два жука, – пробормотал Мишка, указывая вниз.

– Ого, – нахмурился Леха. – Это, наверное, уже плохо?

Чуть дальше от первого «жука» выпрямлялся черный силуэт. Он двигалась гораздо быстрее, словно ледяные ставни не схватывали его конечности. Обугленная фигура хлопнула ногами по пепельному киселю вокруг и задрала голову.

– Бежим, – шепнул Мишка, чтобы тварь внизу не услышала. Мальчишка знал, что их уже заметили, но шуметь все равно не хотелось.

Леха втянул носом соплю и без лишних разговоров ринулся к поселку, следом затопали и Мишкины валенки. Перед тем, как броситься за другом, Мишка мельком успел кое-что заметить. Возможно, это только очередные проделки воображения, но в трясине на дне котлована кто-то был. По всей огромной поверхности пузырилась рябь, словно в снежно-земляном месиве ворочалось нечто живое. Или мертвое.

Свет горел только в одном вагончике, поэтому мальчишки долго не выбирали, куда бежать. За столом сидели четверо молодых солдат. Они играли в домино, рядом в чугунной сковородке дымилась картошка.

– Эй, пацаны, вы чего ночью бродите? Совсем, что ли?

– Там это, как их, опять! – тараторил Леха, пытаясь отдышаться. – Которые мертвые, из могилы горелой!

– Ты чего несешь?

– Вылезают из земли опять! – выпучив глаза, голосил Леха.

– Мы не врем, – подключился Мишка, – там правда они есть. Черные такие... и страшные.

По лицам военных прошла волна непонимания, но буквально через пару секунд солдаты уже спешно одевались, подгоняя друг друга. Из занавешенной одеялами части помещения выбрались еще несколько человек заспанного вида. Среди них Мишка сразу узнал того майора, своего тезку. Он быстро взял командование на себя, расспросив мальчишек еще раз и отправив куда-то двоих солдат с автоматами.

Выстрелы сработали вместо утренних петухов, и поселок проснулся. Тут и там стали зажигаться слабые огоньки, где-то захлопали двери. Мишка с Лехой стояли на пороге вместе с майором, который смотрел в темноту провала лесной дороги. Стрельба там притихла, и это могло означать все что угодно.

– Что стряслось опять? – спросил всклокоченный дед Семен, на ходу запахивая телогрейку.

– Пока ничего, – ответил майор, даже не глядя на старика.

На дороге возник силуэт. За ним второй. Майор напрягся, потянувшись за ружьем, но из темноты бежали его люди. Мишка не мог стоять на месте, холод волнами гулял по телу.

Солдаты, спотыкаясь, добрались до порога. По глазам читалось, что за ними гонятся как минимум выводок медведей-переростков.

– Их слишком много, нам патронов не хватит, – звенящим голосом стал рассказывать солдат с красным от мороза лицом. – Нужно что-то делать, они сюда идут. Некоторые бегут.

Вокруг собирался народ, чье бормотание заглушало скулеж ветра. Из вагончиков и косых срубов появлялись новые солдаты с оружием.

– Как же так, – проговорил майор. – Все же ладно сделали... Что, они все мясом обросли за сутки?

– Товарищ майор, по-моему, их стало даже больше.

Взвыл автомат, и Мишка зажал уши. От неожиданности он чуть не грохнулся с порога. Вспышки выстрелов пятнали ночь, отражаясь в глазах перепуганных бамовцев. На дороге появились бегуны, которых и пытались остановить солдаты, стоящие ближе остальных. Нескладные тени приближались к поселку, двигаясь неуклюже, но при этом быстро. Пули кусали их, разносили коленные чашечки и черепа, но мертвецы продолжали выскакивать из тьмы, точно поезда из туннелей. Снег взъерошивали выстрелы, белесыми фонтанчиками встречая гостей. Некоторых удавалось утихомирить на полпути, но адский конвейер продолжал выплевывать десятки невесть откуда взявшихся тварей.

– Да кто же вы такие? – спросил майор сам у себя, перезаряжая ружье.

Мишка старался держаться к нему поближе, чувствуя за человеком невероятную силу. Да и некуда мальчишке было бежать, никто его не искал. Все спасали собственную шкуру.

Когда дорогу поверх ковра разорванных свинцом трупов заполнило шествие мертвецов, военные решили отступать. Шагающие по кускам своих собратьев твари стали издавать какие-то странные звуки, которые напоминали стоны ветра в печных трубах. Основную массу бегунов отстрелили, и теперь к поселку приближались тихоходы. Но их насчитывалось уже даже не пара десятков, а не меньше сотни. Народ не поддавался контролю, в панике кидаясь от здания к зданию. Люди прятались кто где может, совершенно наплевав на попытки солдат сдерживать всех вместе. Ужас поглотил бамовский поселок без остатка.

Дверь заколотили сразу за Мишкой, которого вместе с Лехой притащили солдаты. Вход тут же загородили столами и шкафом. В обоих окнах небольшой пристройки у лесопилки уже дежурили люди с автоматами. Темноту прогоняли керосиновыми лампами. Внутри было холодно и пахло опилками. Среди дюжины собравшихся Мишка обрадовался разве что деду Семену с майором, хотя и присутствие других военных немного успокаивало.

– Если они ломанутся – ничего не поможет, – грустно сказал кто-то из солдат.

– Четыре автомата с полупустыми рожками и ружье, – подсчитал дед Семен. – Негусто.

– Окна тоже заколотить, – приказал майор.

Леха не отходил от Мишки, держась подальше от дверей. Ребятня уселась в углу, стараясь

унять страх. В помещении гремели удары молотков.

– Ну, командир, рассказывай, пока можешь, – сказал дед Семен, который, в отличие от пары строителей, примкнул к военным и старался помочь. – Чего вы в этот раз нахিমичили?

– Мы – ничего, – голос майора был спокоен, будто они мило беседовали о том, как скоро цветные телевизоры вытеснят черно-белые.

– Оно и видно.

– Серьезно, это не наши. Их чересчур много.

– Тогда, может, это из дальних поселков заразившиеся?

– Ребята же сказали, что из котлована, – кивнул майор в сторону Мишки с Лехой. – Да и не должны они заражать. Им ведь в организм какую-то дрянь засунули, а действует она только на неживое. Эх, вот сейчас бы нашего доктора сюда, засыпал бы заумностями. Я так не умею.

По стенам прошло первое эхо стуков. Голоса сразу затихли. Деревянные перекрытия закрипели сухими костями, с потолка посыпалась опилочная пыль.

В дверь будто врезался гигантский молот. Грохнувший снаружи вой даже отдаленно не напоминал человеческий. Удары неслись со всех сторон, под верстаком для циркулярной пилы плясала древесная стружка. Заплатки на дальнем окне стали выплевывать скрюченные гвозди.

– Экономьте патроны, – сказал майор, взводя курок. – И в первую очередь держите дверь.

Женщины, в одной из которых Мишка с опозданием признал свою учительницу, заплакали, но до них никому не было дела. Дед Семен, который для своих лет выглядел настоящим богатырем, в подсобке раздобыл колун и подошел к окну. Когда последняя полоска дерева вместе с остатками стекла влетела внутрь, он размахнулся и саданул по подоконнику. На пол свалилась отрубленная кисть, похожая на черного паука-гиганта. Мишка уставился на редкие судороги мертвой руки, непроизвольно вцепившись в Лехин локоть. Мальчишке казалось, что пальцы вот-вот поднимут обглоданную временем кисть и побегут прямо к нему.

Тем временем дед Семен охаживал топором мелькающие, словно щупальца, конечности мертвецов в оконном проеме. Военные отстреливали головы, как только те показывались в зоне поражения. Развалилось и второе окно, в баррикаде у двери стали проявляться дыры. Гомон покойников снаружи тупой дрелью сверлил мозг. Видя, что сил и патронов у военных остается в обрез, бамовцы перебрались в подсобку. Пусть и не было там никакой защиты, но смотреть на то, как последние минуты доживает заслон от рвущейся внутрь нежити, не желал никто. Леха тянул Мишку вместе со всеми, но оторвать друга от пола так и не удалось. Мишка остался в большой комнате, где шестеро человек еще пытались зацепиться за жизнь.

Колун исчез за оконной рамой, и что-то очень сильное потянуло деда Семена в темноту. Солдаты едва успели втащить его обратно до того, как он перевалился через подоконник. Но вместе со стариком в комнату ввалился труп, в темно-зеленой голове которого зияли раны от дробы. Мертвец был сухим коротышкой в какой-то полуразложившейся робе. Зубы его сомкнулись на плече деда Семена, челюсти скрипели прямо под ухом.

– Снимите! Снимите его на хрен!

Солдаты нависли над катающейся по полу парой, боясь попасть в человека. Мертвецы ломались уже в оба окна, дверь доживала последние секунды. Мишка очень хотел хоть чем-то помочь, но страх его просто-напросто парализовал. Заплаканные глаза смотрели на деда Семена, который, кажется, переставал сопротивляться. Но вдруг помещение наполнил знакомый шум, и Мишка вспомнил о потерявшемся в кошмаре майоре. В его руках была «Дружба 4» – бензопила, которой частенько пользовался Мишкин отец. В затылок мертвеца вгрызлись пильные зубья, и мозговое крошево оросило человека на полу. Дед Семен в ошметках чудовища беззвучно открывал рот, как персонаж немого кино.

– Уходим, сейчас ворвутся! – крикнул майор.

Почти тут же солдаты похватили хоть чуточку пригодные доски и стали отходить. Мишка заметил, что половина уже побросала оружие. В окна, точно личинки, стали вваливаться скрюченные мертвецы. Чьи-то сильные руки сгребли пацана под мышки, и развороченный вход Мишка уже не увидел.

Дверь заложили остатками досок, хотя такой заслон выглядел просто смешно. В подсобке было тесно, дыхание людей жалобными хрипами ползало по комнате.

– Теперь ясно, – тихо проговорил дед Семен, когда Мишка попытался вытереть кровь с его лица.

– Что? – спросил майор, наваливаясь на дверь.

С другой стороны пока никто не скребся, словно мертвецы сначала решили осмотреться.

– Форма, – прохрипел дед Семен. – Я разглядел форму. Это бамлаговцы. Заключенные.

Привет из прошлого.

Мужчины, подпиравшие дверь, переглянулись. Один из солдат знающе присвистнул.

Майор выкинул на пол давно бесполезное ружье и присел рядом с Семеном.

– Эту чертову дорогу в тридцатых годах строили заключенные, – проговорил дед Семен. – Их держали хуже скота, в день умирало несколько человек.

Дверь едва не слетела с петель, но первую атаку выдержала. Дед Семен откашлялся рубиновыми сгустками и продолжал:

– Трупы валили штабелями прямо в бараках, рядом с кроватями. Они смерзались друг с другом, и отковырять человека можно было только по частям.

– Замолчите! Замолчите вы! – заголосила Мишкина учительница. – Зачем вы все это рассказываете?!

– Чтобы ты, красавица, знала, кто тебя кушать будет, – ответил дед Семен и рассмеялся.

Короткая очередь по верху двери снесла кому-то с той стороны макушку, и автомат отозвался грустными щелчками.

– Я отстрелялся.

– Своими жизнями они и прокладывали тот первый, довоенный БАМ. Кто ж знал, что рельсы потом снимать придется и тянуть в Сталинград. Видать, и в наших краях было отделение этого БАМЛАГа. Хоронили их как зверей, хотя настоящих душегубов было не много. В основном враги народа. Похоже, на месте того котлована и так было трупов полно, а вы туда еще своих потащили.

Майор шагнул от двери неровной походкой. В такое совпадение просто нельзя было поверить. Сдерживающие толпу нежити люди призывали его вернуться, но треск досок проглотил их крики.

– Та дрянь... – прошептал майор, устало усаживаясь на пол. – Та гадость, что жила внутри наших мертвецов, просто подняла бамлаговцев? Осталась в пепелище и спустилась вниз... Но как можно было раскопать котлован в том же самом месте?!

– Откуда теперь узнаешь, но все о том и говорит. Видно, крепкую штуку придумали ученые ваши, раз через столько лет оживила мертвяков. Своим костром вы заварили волшебное зелье, ребята. Спалив остатки этого проклятого эксперимента, только открыли крышку бездонного склепа.

Дверь уже походила на решето, женщины вслух обращались к всевышнему, а вой бамлаговцев резал уши.

– В полу, – прокашлял дед Семен, – есть схрон. Прямо у стены за мной. Думали, погреб маленький сделать, да так и не докопали до зимы.

– Да что ж ты молчал тогда?! – возмутился лысенький солдат с трясущимися губами.

– Потому что места там на двоих, меня можете не считать.

Мишка оглянулся, но ничего такого не заметил. Майор бросился к указанным доскам и за грудой хлама расковырял секретный кармашек комнаты.

– А ну-ка, мелюзга, мухой ко мне!

Мишка подошел к схрону и его туда буквально запихнули. Это была обычная яма с обледелыми стенами размером с гроб. Сверху на друга повалился Леха. Внутри царил жуткий холод, пахло сыростью.

– Еще только одна из вас поместится, – сказал майор, глядя на женщин. – Чего уставились, решайтесь кто-нибудь пока не поздно!

Съежившись внизу под полом, Мишка слышал, как разрыдались женщины. Места совсем

не было, и в компании с третьим человеком здесь они будут как те самые смерзшиеся бамлаговцы из рассказа деда Семена.

– Думайте, мать вашу! – взревел майор. – Закрывать надо!

Мишка выглянул наружу, понимая, что больше никого из этих людей не увидит. Мальчишка хотел хотя бы сказать «спасибо», но кроме привычного детского плача ничего выдать так и не смог. От двери двигался топот. Один из солдат, на ходу сбрасывая объемную форму, подбежал к провалу в полу и нырнул внутрь, едва не задавив мальчишек. Теперь Мишка мог наблюдать за происходящим только через крохотную щелочку меж досок.

– Ах ты гаденыш! – майор потянулся к подчиненному, но тут лопнула дверь, и в застывших около нее людей врезалась волна мертвецов.

Майор наскоро замуровал схрон, припорошив его инструментами и досками. В комнату осторожно втекали мертвецы, точно не веря, что им удалось прорваться.

– А я ведь сразу почувствовал, что ты гнилой, – сказал майор в лица выходцев из могил, но слова предназначались тому, кто скрылся в подполе. – Если с детьми что-то случится, я тебя и с того света достану, Егоров. Мальчишки должны жить.

Подпирающие сзади своих собратьев мертвецы заполняли помещение. Мишка, будто сложенный втрое, мог видеть, как над головой мелькают черные босые ноги. Он знал, что сейчас будет, потому и закрыл глаза. И тогда прямо над головой наступил настоящий ад.

*

Дышать в крохотной яме было нечем. Они словно находились в материнской утробе, упираясь друг в друга и ледяные стены схрона. Мальчишки больше не плакали, ведь прошло уже черт знает сколько времени. Кровавый водопад перестал сочиться в щели потолка, превратившись в редкую капель. Пропали и звуки последних шагов наверху.

Олег не чувствовал себя виноватым. Если бы не он, то погибнуть могли вообще все. Ведь пока те клуши выбирали, кому же из них спастись, мертвецы уже почти проломили заграждение. Еще полминуты – и времени не хватило бы даже на то, чтобы прикрыть схрон. А так у троих появился шанс. Слова майора – только эмоции.

Пока над головой шла разделка людей, Олег был почти уверен, что бамлаговцы найдут их. Закончат с основным блюдом и спустятся за десертом. Но чавканье нежити постепенно стихало, а вскоре чудовищные тени убрались из комнаты. В крошечные просветы в дереве виделись только куски окровавленной одежды.

Олег непослушными руками приоткрыл створку, которая прятала их. Со второй попытки распахнуть ее удалось, грохнули какие-то железки. Пол точно покрыли разноцветным фаршем, который походил на ворсистый ковер. Олег сразу отвернулся, но желудочные спазмы скомкали внутренности, как использованную салфетку. Он помог выбраться наружу детям, за которых теперь отвечал. Что делать в такой ситуации, Егоров понятия не имел. Мишка с Лехой смотрели только на него, стараясь случайно не зацепить взором останки.

Выбравшись в зал с развороченным входом, Егоров убедился, что тот пуст.

– Давайте за мной, – шепнул он. – Только очень тихо.

Скрип досок действовал на нервы. Олег слышал за спиной шаги мальчишек, которые будто ступали по минному полю. Он подошел к оконной дыре и взглянул в темноту. Интересно, сейчас все та же ночь или уже миновали сутки? На подоконнике замерзла кровь, припорошенная свежим снегом. Шаги позади медленно поскрипывали, и тут Олег сообразил, что два перепуганных тельца уже уткнулись ему в спину. Егоров резко обернулся, едва не повалив ребят. К ним топал мертвец, точно искупавшийся в крови. Обрывки тюремной робы свисали вперемешку с внутренностями. Из-под верстака выбрался еще один покойник и заковылял за товарищем, распахнув беззубый рот.

Мальчишки кинулись к двери, а Олег не мог отвести взгляда от мертвецов. Они, казалось, стали двигаться еще медленнее, шаркая по полу грязными ногами. Перекрикивание ребятни раздалось уже за стеной, и Олег поспешил к выходу. На улице валил снег, дальше пары

метров видеть было нельзя. Белая стена подходила все ближе, сжирая последние кусочки ночи.

– Дядь, – сказал Мишка, который, казалось, лет на десять повзрослел, – что нам теперь делать-то?

Из снежного водоворота доносился какой-то скрежет.

– Если бы я знал...

– Двигать надо, там ведь эти гады, они ж вылезут, догонят! – тараторил Леха.

За спиной от прикосновений мертвецов застонали доски. Нужно было бежать, но куда? Ведь в необъятной молочной мгле жили черные тени прошлого, голодные и опасные.

Пробираясь едва ли не на ощупь, троица резала таежный снегопад. Практически ослепленные нескончаемым крошевом, они просто шагали вперед. Когда на пути вырос забор из деревьев, Олег обрадовался. Лес казался самым безопасным местом. Но вцепившиеся ему в руку мальчишки вдруг потянули назад. Тогда Егоров увидел, что стволы деревьев вовсе не были такими толстыми, как ему показалось. Их облепили мертвецы, вгрызаясь в кору, точно спятывшие зайцы. Треск стоял оглушительный. Мертвые были везде. Завидев людей, они прервали свое занятие и с любопытством уставились на живых. Из черной массы стали отделяться сгорбленные пятнышки, приближаясь со всех сторон.

Теперь Олег окончательно все осознал. Куда бы они ни пошли, где бы ни спрятались, рано или поздно мертвецы найдут их. Если и удастся затеряться в тайге, то протянуть на морозе больше суток уже не получится. Лететь сломя голову в неизвестность было глупо. От тех, кто не спит и не устает, убежать невозможно.

– Слушайте меня внимательно, – проговорил Олег. – Бежим что есть сил к котловану, ясно? К тому самому.

– Зачем? – обреченно спросил Мишка.

– Потому что я хочу жить, – бросил Олег и потянул мальчишек к едва видной в темноте снежной дороге, вокруг которой пока еще не успели сомкнуться мертвецы.

Шальная мысль посетила голову неожиданно, и Олегу было не до раздумий. Все, чего он хотел, – выжить любой ценой. Любой. Вспомнились слова майора о мальчишках. Что же, Олег позаботится и о них.

Отовсюду к ним тянулись облезлые руки, стараясь ухватить свой кусок человечины. Мертвецы вылезали везде, и от них едва удавалось увернуться. Абсурдная идея гнала Олега к котловану, а рассудок заранее противился тому, что задумал осуществить лейтенант. Дикость будущего поступка давила на черепную коробку, но Егоров неслся вперед, пока десятки, если не сотни, мертвецов медленно ковыляли следом.

У котлована никого не оказалось, и Олег, взглянув на первую волну покойников, столкнул Леху с Мишкой вниз. Мальчишки покатались по склону, обрастая снежной коркой. Когда друзья воткнулись головами в растекшуюся по дну слизь, Олег прыгнул следом. Ворчание мертвецов приближалось, на другом краю котлована уже выросли серые силуэты.

– Вы что ж натворили такое? – плакал Мишка, размазывая зловонную жидкость по лицу. – Нас же теперь всех сожрут!

В земле словно ковырялись огромные кроты. Изрытые мертвецами туннели сочились снежной влагой, в глубинах невообразимой трясины копались проснувшиеся покойники.

– Нас бы и так сожрали... – хриплым голосом говорил Олег, глядя на новые фигуры вокруг котлована. – До последнего куса, как остальных.

Леха сидел на земле, смотря в одну точку. Его, казалось, уже ничего не интересовало. Мишка пытался что-то сказать, но издал лишь бессильный стон.

– Но здесь, – продолжал Олег, намазываясь оставшейся после костра дрянью, – может, проживем. Хоть и немножко в другом качестве. Если не разучимся говорить, скажете мне спасибо.

Хрусталики на ресницах Мишки дрогнули. Сверху донесся знакомый вой. Мальчишка медленно опустился рядом с Лехой, из закрытых глаз которого, словно рельсы, тянулись ледяные полосы. Над головами ребят в сплетении деревьев ухнул филин. На востоке

занимался рассвет. Мишка обнял друга и, пульсируя крупной дрожью, тоже зажмурился.

Олег уповал на то, что та химия, которая разбудила мертвецов, все еще сохранилась здесь. Огромное кострище с раскисшей землей должно было стать его пропуском в новый мир. Мир без боли и усталости. Без адского холода и болезней. Мир без жизни. Егоров последний раз поднял голову к туманному небу тайги. Его личная стройка БАМа подошла к концу, и Олег надеялся, что успеет ожить до того, как мертвецы оставят от него человеческий обрубок.

В котлован спускались десятки бамлаговцев. Падая, спотыкаясь, путаясь в снегу, они шли за своей пищей. Волочили мертвые ноги, чтобы впервые за сорок с лишним лет наконец-то наесться.

Конец пути (Парфенов М. С.)

В последние дни Штырь смотрел на Янку голодными глазами, и мне это не нравилось. Доставшийся от отца хронометр уже давно приказал долго жить, но сейчас я слышал сухие щелчки, с холодной неумолимостью отмерявшие путь из пункта А в пункт Б. И в конце этой дороги нас всех ждет с распростертыми объятиями кровавое безумие. Мертвые огоньки тлели на глубине темных впадин под лишенными волос надбровными дугами, когда Штырь отрывал взгляд от потрепанной книги и долго молча, не мигая, глядел на Янку.

Тэк-с, тэк-с. Голод не тетка.

Тэк-с, тэк-с. Аппетитная девочка.

Мы устроились за насыпью у поворота к имению Губера — я, Штырь, Янка и еще четверо. Кто жевал траву, кто изучал почерневшие остовы деревьев в надежде найти нетронутый пламенем, а значит съедобный участок коры. Штырь в миллионный раз перечитывал учебник русской литературы за седьмой класс. Янка спала с открытыми глазами, утопая невидящим взором в низких, налитых свинцовой тяжестью тучах. Я сидел рядом, ощущая тепло ее тела, проверял амуницию — лук, стрелы, ножи, бинокль — так было удобнее следить за Штырем.

Мы знакомы еще по прошлой жизни. Выросли в одном дворе, ходили в одну школу, только в разные классы - я на год старше. Война всех сравняла в этом смысле, а кому и воздала сторицей. Штырь с его бледным иссохшим лицом и клочками белого, как снег, мха на голом, покрытом серыми пятнами черепе по виду мне в отцы уже годится, а то и в деды. Нет уж давно того двора, школу разметало в пыль. Былая дружба превратилась в затхлые руины, где над гниющими трупами родных и близких правит Царь Голод. Это его огоньки мерцали в глазах Штыря, когда он поглядывал на дремлющую Янку.

Тэк-с, тэк-с — щелкает в голове.

Тэк-с, тэк-с. Желто-зеленой змеей проскальзывает язык меж редких гнилых зубов и очерчивает контур тонких лиловых губ, оставляя влажную борозду на грязной, покрытой струпьями коже.

Тэк-с.

Затолкав последнюю стрелу в колчан, я поднялся и тихо свистнул. Взгляды охотников на секунду обратились в мою сторону. В глазах у некоторых тлели те же голодные огоньки, что и у Штыря. Тот понял, кому подан знак, не сразу: несколько раз моргнул, схаркнул зеленоватой жижей, только затем уставился на меня.

- Айда по периметру, - сказал я. - Стоит проверить.

- У бабы своей под юбкой проверь.

- Она не носит, из моды вышло.

Череп Штыря понизу расколола кривая ухмылка.

- Тэк-с, тэк-с... Ну тады давай пройдемся. Может, сыщем обнову.

Штырь спрятал учебник за пазуху драной ветровки, оперся тощей рукой о наверхие топора и, крикнув по-стариковски, медленно встал. Закинув оружие на плечо, похромал вперед. Я задержался, чтобы бросить еще один взгляд на спящую Янку. Умиротворенное лицо, тонкая белая шея, мальчишечья грудь... округлый, выпирающий живот. В желудке у меня заурчало.

- Как думаешь, друже, сколько мы еще протянем? - спросил Штырь, не оборачиваясь,

когда я нагнал его.

- Не знаю, Ванька. Не знаю.

- День, два... Затемдохнуть начнем, - ответил он сам себе. - Людям надо что-то жрать, кроме ковыля и коры, чтобы сохранять силы.

- Ты же учитель. Тебе видней.

- Был учитель, да съели с потрошками. - Я по-прежнему видел перед собой только спину Штыря, но догадывался, что сейчас он вновь обнажил почернелые зубы в усмешке.

Мы отошли метров на пятьсот в сторону базы и, убедившись, что здесь все спокойно и пустыня осталась пустыней, взяли по широкой дуге назад — с тем, чтобы выйти за поворот, к трассе, где с моста над оврагом можно увидеть огороженное высоким бетонным забором имение Губера.

- Ты ведь понимаешь, что рано или поздно люди начнут точить ножи друг на друга, - продолжил Штырь, как будто мы и на минуту не прерывали разговор, хотя на самом деле прошло не менее получаса.

Перешли мелкий ручей, на берегах которого ноги почти по щиколотку утопали в темной вязкой жиже, и, пройдя еще метров двести по голой, черной от сажи земле до поваленного, выгоревшего в уголь ствола, повернули направо, к дороге.

- Наверное, начнут, - сказал, подумав, я. - Но что делать прикажешь-то?

- Надо идти за мост. Ждать больше нельзя.

- Лучше попасть под пули губеровской банды что ли?

Штырь резко обернулся — впервые за все время нашего похода. Сейчас он уже не улыбался.

- Альтернатива хуже, Миша, - проскрипел сквозь зубы. - Альтернатива гораздо хуже. Поверь, я знаю.

Я верил. Штырь и Царь Голод знакомство свели давно. Что стало с другими учителями? С теми, с кем Штырь вместе несколько месяцев прятался в школьном подвале от ребят с ружьями? Мы, охотники, нашли после несколько обглоданных черепов и костей. И детские косточки там тоже были.

- Если не решишься... - Штырь почесал шею. - Тогда смотри на людей. Те, кто поздоровее — следи за ними. Они начнут. Станут выбирать слабых и умирающих... Такие у нас перспективы, Миша. Тэк-с.

Я подумал про Янку, жилистую, высокую, не по-женски сильную Янку. Ее положение неизбежно лишит ее силы, сделает уязвимой. В животе опять заурчало. Штырь услышал, и в таившейся на дне его глаз первобытной мгле снова вспыхнуло пламя.

- А ты? - я положил руку на рукоять заткнутого за пояс ножа. - Кого бы выбрал ты?

Бывший учитель русского языка и литературы задумчиво облизнул губы. Погладил спрятанную под ветровкой книгу.

- У стариков мясо жестче и хватает его ненадолго. Я бы начал с женщин и детей.

Сказал — и, отвернувшись, потопал дальше, прихрамывая на левую ногу, из которой мы год назад, когда подобрали его, вытащили пулю.

Тэк-с, тэк-с, Миша. С женщин и детей...

Я нагнал Штыря у самого края «периметра». Он сидел на корточках на ближней стороне оврага, опираясь паучьей лапой о топор. Смотрел вдаль. Куда тянулась от положенной над провалом переправы широкая полоса асфальта. Когда-то здесь рос густой

заповедный лес, но Война превратила эти края в серую от пепла равнину, огромное кладбище с торчащими, как памятники, зубастыми верхушками обугленных пней. Ровное полотно проложенной незадолго до начала Войны дороги рассекало это мертвое поле надвое и казалось на нем столь же уместным, как жизнерадостный клоун в раковом корпусе... Ну или как учитель русского языка и литературы в мире, где больше не осталось детей.

- Скажи, - я коснулся костлявого плеча, - почему там, в школе, ты не сожрал свой гребаный учебник? Понимаю, деликатес еще тот. Но все-таки, обложка, страницы... Бумагу ведь делают... делали из дерева. И если можно жрать траву, то... Все-таки лучше бумага, чем...

Штырь посмотрел на меня снизу вверх.

- Тебе не понять. Пока еще — не понять.

- Хорошо, - сказал я. - Согласен. Пойдем вперед, на ту сторону. Посмотрим на домик Губера поближе.

- Тэк-с, тэк-с! Не думал, что ты решишься, - то ли сухо кашлянул, то ли рассмеялся Штырь. - Но... все-таки лучше, чем ждать, кто первый укусит твою бабу, да?

- Да, ты прав. Определенно лучше.

- И потом, может они там передохли уже давно, а мы всё за периметр зайти боимся.

- Видимо, еще не дошли до предела.

- Ой ли?..

Так, отвлекая по старой памяти друг друга ничего не значащими репликами, мы выбрались на трассу и, минуя мост, напрямик потопали в направлении белеющего на горизонте бетона.

- Приятно ощутить под ногами нормальную дорогу, как в старые добрые времена, - заметил я, когда за спины нам уплыл каким-то чудом уцелевший, пусть и изрядно покорюженный знак ограничения скорости.

- Дорога жизни, - мрачно сказал Штырь.

- Чего?

- Да так... Видишь? - он указал рукой на вплавившийся в землю железный остров. - После первых атак народ, кто побойчее, рванули к губернской резиденции. Кто защиты искал, кто справедливости. И пешком шли, и на машинах, у кого целы остались. Для многих несчастных дорога эта была дорогой жизни, дорогой надежды...

- Да ты поэт.

- Это они поэты... были.

За первым сожженным авто открылось второе, третье. Издалека их легко было принять за очередные пеньки, но вблизи детали становились узнаваемы. Тэк-с, тэк-с — щелкал хронометр, а в памяти всплывали уже подзабытые названия: «Москвич», «Лада Гранта», «Форд Фокус», «копеечка». Несколько десятков обгоревших машин по обе стороны от дороги, некоторые почти целиком утонули в земле.

- Вот почему так долго губерские нас, пейзаж, не трогали. Мясо само шло к ним в руки. Как и мы теперь.

Я содрогнулся. Дорога жизни? Дорога смерти... Дорога в никуда, из одного Ада в другой. Вспомнились отец, мать... Как и миллионы других, батя тоже сгинул на какой-то дороге, откликнувшись на зов Войны. Ему терять, как он считал, уже было нечего — мамке повезло оказаться в числе тех, кого накрыло первой волной, в городе, а я уже был взрослый и жил отдельно, с Янкой. Влившись в какой-то стихийный, вооруженный дрекольем отряд, отец отправился в поход на Запад — и ушел навсегда. Когда-нибудь и я так же уйду и не

вернусь. Вопрос лишь в том, будет ли кому продолжить мой путь. И надо ли?..

Штырь приметил у обочины пару зеленоватых стеблей, присел, сорвал и отправил их в рот. Потом посмотрел на меня снизу вверх.

- Асфальт теплый.
- Губеровские?..
- Кто ж еще?
- Значит, выезжали.
- Только до моста не доехали.

Авто на ходу остались только у Губера и его нелюдей. Равно как и топливо, и оружие — ушлые ребята подсуетились, сгребли все что можно, пока остальные, вроде меня и Янки, просто старались выжить. В открытом бою шансов одолеть их не было, что могут ножи и топоры против ружей и пистолетов? Поэтому, когда губеровские выезжали за мост, мои охотники сами становились легкой добычей. За зиму мы потеряли пятерых, двое умерли от болезней и холода, прочих забрали губеровские. Вот и сидел наш отряд за насыпью у поворота уже неделю. Ждали своего шанса в засаде.

- Что их могло остановить?
- Не знаю. Соляра кончилась, поломалось что?.. Поищем следы.

Я вытер вспотевшие ладони о штаны и достал нож. Глянул в сторону бетонки, потом назад, оценил расстояния. Если вдруг Губер и его бригада появятся, придется быстро рвать когти обратно за периметр. Им, конечно, никто не сможет помешать продолжать гонку и за мостом, но там все-таки ландшафт другой, местность холмистая, поваленные деревья, много укрытий. А главное — там наши. Здесь же как на ладони, и если мы со Штырем видим отсюда стены губеровского имения, то, понятно, и оттуда нас тоже легко приметить.

- Что-то твоя затея пойти сюда на разведку уже не кажется мне удачной.
- Тише! Слышишь?
- Да.

Я боялся услышать звук ревущих моторов, но вместо этого до ушей донесся... плач? Точно, плачь! Или даже скорее — тихое поскуливание. Тоненький вой можно было бы принять за злые шутки гулящего ветра, если бы в этих краях после Войны еще жил ветер. И если бы вой не прерывался время от времени всхлипами.

Женский голос... Детский. Сухие щелчки хронометра ударили в виски колокольным звоном. Откуда эти стоны? Я глянул на Штыря — смешно, я и забыл, что он умеет шевелить ушами. В детстве это было просто забавой и вызывало зависть, а сейчас, когда он вслушивался и мочка уха извивалась дождевым червяком, выглядело пугающе, придавая и без того не сильно приятному облику напарника совсем уж нечеловеческий, упыринный вид.

- Там, - кивнул Штырь в сторону, где останки авто громоздились небольшой кучей. За свалкой этой обнаружилась воронка — след от снаряда. На другой стороне воронки стоял джип, покрытый толстым слоем грязи, но практически нетронутый, если не считать битых стекол и фар.

А на дне ямы плакала лишенная ног девочка.

На вид ей было лет десять-двенадцать. Кожа настолько бледная, что, казалось, почти светится под слоем грязи и пыли. Драное бесцветное платье с едва заметным узором — цветочки походили на ползающих по телу ребенка пауков. Она лежала на спине, раскинув в стороны ослабшие тонкие руки и стянутые у ран тряпичными жгутами культи, словно распятая. И, хотя лицо было обращено к нам, девочка меня и Штыря не видела — тот, кто

бросил ее на дно воронки, перед этим не только отсек несчастной ноги выше колен, но и глаза выколол.

- Ты думаешь о том же, о чем и я?

- Вань... это же ребенок.

- Мясо есть мясо, - сглотнув слюну, ответил голосом моего бывшего друга Царь Голод.

Штырь начал спускаться вниз, я последовал за ним, пытаюсь утихомирить взбесившийся перезвон у себя в голове. Она все равно не жалеет, с такими-то ранами... Первую помощь у нас есть кому оказать — вон, та же Янка медсестрой работала, кое-что умеет. Но здесь нужна больница, палата, наркоз — а все это давно превратилось в прах и пустыню, как и весь город. Со дна этой ямы девочке уже не выкарабкаться. Хотя... У нее отняли ноги, но ведь зачем-то озаботились, чтобы перевязать раны?..

Озарение пришло ко мне слишком поздно. Мы поняли, что допустили роковую ошибку, услышав, как хлопнула дверца джипа у нас над головами.

- Стой, где стоишь, - хохотнули сверху. Из машины выбралось трое: два здоровенных амбала в кожаных косухах, с ружьями, а между ними еще один — толстый, седовласый, в черном, давно не глаженном костюме-двойке, когда-то дорогих туфель и белой, расстегнутой на груди рубашке.

Губер улыбался.

- Рыпнетесь — и будете собирать свои тощие задницы по кусочкам. Нож, топор — на землю.

«Мясо» у наших ног затихло — девочка потеряла сознание. Глядя на нее и слыша шаги спускающихся к нам бандитов, я подумал о своих ребятах, оставшихся за мостом. И о Янке. Как она теперь, без меня?..

- Такая примитивная ловушка. Так глупо попасться. Гос-споди...

- Господь здесь больше не живет, - ответил возникший перед глазами здоровяк и ударил прикладом ружья меня в лоб.

Тэк-с, тэк-с. Хронометр тикает. Тэк-с, тэк-с. Никогда бы не подумал, что проклятые щелчки, годами не дававшие мне спать по ночам, станут для меня сродни биению сердца, послужат сигналом о том, что я еще жив.

Сначала появились они, потом — запах. Стылый, терпкий, солоноватый запах крови и пота. В последнюю очередь вернулось зрение, хотя, оглядевшись (движение вызвало серию болезненных вспышек в голове), я поначалу мало что смог рассмотреть. Темно. Во тьме проступали смутные очертания, позволившие понять, что нахожусь я в небольшом помещении или узкой, похожей на пенал комнате. И нахожусь я тут не один — рядом со мной, на расстоянии вытянутой руки сидел спиной к стене, понурился плешивую голову и вытянув длинные палки-ноги, Штырь. Напротив нас, в трех метрах — другая стена, по правую руку — третья, а в углу стоит стол или, может быть, верстак, а под ним валяется что-то округлое, черное, смахивающее на бублик размером с большую собаку.

Шина. То есть мы в гараже. Пошевелив конечностями, я понял, что связан. Присмотревшись, убедился, что и Штырь ничуть не в лучшем положении — руки, как и у меня, за спиной, ноги перехвачены веревкой в щиколотках.

Слева раздался металлический лязг, скрип, пахнуло свежим воздухом и на мгновение комнату залил белый, слепящий свет. Штырь хрипло закашлялся, а я отвернулся, почувствовав, что еще секунда — и глаза лопнут. Конечно, ничего подобного не случилось. Послышалось шарканье, замелькали, разбивая потоки яркой белизны, тени и, хотя за лобной

костью у меня все еще плясали искры, зрочки смогли сфокусироваться. Передо мной и Штырем стоял, возвышаясь над нами в полный рост, Губер.

- Как видите, господа, мы весьма вовремя. Наши дорогие гости почти что в добром здравии. Правда, если судить по кислому выражению лиц, они не слишком расположены к задушевным беседам.

- Ничо, с паяльником в заднице запоют соловьями, гы, - проворчал один из его подручных, горилла в грязном свитере с закатанными по локоть рукавами. Татуированные перстнями пальцы и правда сжимали ручку паяльной лампы. Губер брезгливо отмахнулся:

- Не засти.

Громила чуть подвинулся, давая хозяину больше света, а тот, нырнув рукой под полу пиджака, выудил оттуда и нацепил на нос очки с пыльными, заляпанными стеклами в тонкой золотистой оправе. Другую руку вытянул перед собой на всю длину — в ней он держал раскрытую книгу... чертов учебник за седьмой класс. В люющемся через гаражные ворота свете черты оплывшего лица казались аристократически благородными, холеными, как у римских патрициев в старом кино, легкая щетина на приподнятом круглом подбородке напоминала младенческий пушок. Он громко прочистил горло, будто готовясь произнести торжественную речь, и я вспомнил, что в прошлой жизни слышал в его исполнении несколько таких по местному телевидению. Черт подери, я даже голосовал за этого ублюдка, когда он на заре своей политической карьеры избирался в мэры. Мы с Ванькой безмолвно наблюдали, и не знаю, как у Штыря, а во мне эта маленькая театральная сценка вызывала только недоумение.

- Ну конечно! Ответ родился не в сознании, а в горле, в легких. И эта мысль, словно глоток чистого кислорода, сразу взбодрила. Деревья и трава, - произнес Губер, не отрывая взгляда от раскрытой книги, и я понял, что он читает вслух. - Он поглядел на свои руки и повернул их ладонями вверх. Он будет сажать траву и деревья. Вот его работа: бороться против того самого, что может помешать ему остаться здесь. Он объявит Марсу войну — особую, агробиологическую войну. Древняя марсианская почва... Ее собственные растения прожили столько миллионов тысячелетий, что вконец одряхлели и выродились. А если посадить новые виды? Земные деревья — ветвистые мимозы, плакучие ивы, магнолии, величественные эвкалипты. Что тогда? Можно только гадать, какие минеральные богатства таятся в здешней почве — нетронутые, потому что древние папоротники, цветы, кусты, деревья погибли от изнеможения.

Недоумение мое росло.

- Рэй Брэдбери, «Зеленое утро», - пояснил Губер. Схлопнул обложки, повертел книгу в руках. - Фантастика. Какая глупость! Старый учебник, советский еще... Не слишком патриотично. Пацифизма много. На том и погорели. - Небрежно бросил потрепанный томик к сваленным на верстаке инструментам. - Однако же, господа, тут у нас интеллигенция в гостях. Интеллектуалы, так сказать.

- Говно, - буркнул детина с паяльником.

- Можно и так выразиться, - пожал плечами Губер. - Как бы там ни было, а какая-то правда жизни есть и в фантастике. Чтобы жить, нужен кислород, нужны растения, плоды которых можно потреблять в пищу.

- Помидорчики, - облизнулся детина.

- Они самые. Знаете ли вы, граждане, - обратился Губер к нам со Штырем, - что одна хорошая ухоженная теплица способна снабдить пропитанием десять-пятнадцать человек в течение всего года? У меня таких теплиц три. Я же аграрий по образованию! Первый бизнес по сельхоз части делал, в натуре.

«В натуре ты — сука», - подумал я и глянул на Штыря. Тот, похоже, не думал ни о чем, тупо смотрел в стену за спиной стоящего рядом с ним губернского амбала, с края рта у него тянулась тонкая ниточка слюны.

- Конечно, урожаи нынче уже не те, - продолжал Губер. - Экологическая обстановка, так сказать, не способствует. Однако, - сделав паузу, он снял и спрятал обратно очки. - В наше сложное время по-настоящему огромную ценность обретают уже не деньги, не золото, не газ и даже не нефть.

Запустив пухлую ладонь в карман брюк, вытащил маленький, размером с мизинец, огурчик.

- Вот вам валюта нового времени. Зеленый рубль. Или даже евро. За это теперь можно купить все — бензин, пули, женщину... Но главное — лояльность. Не так ли?

- Так точно, - поддакнул детина.

Губер забросил огурец себе в пасть и захрустел, двигая челюстями. От этого звука у меня скрутило в тугой узел кишки, а рот наполнился слюной, голова раскалывалась от боли, перед глазами все поплыло, и я на миг прикрыл веки, борясь с накатившей тошнотой.

- Видите ли в чем дело, граждане. Во все времена ресурсы дают людям власть. Настоящим людям, как я, — над таким зверьем опущенным, как вы. И возможность жить, так сказать, на широкую ногу... Как там шашлык, не готов еще?! - крикнул в распахнутые ворота. Оттуда донесся ответ: «Скоро!». Губер опять повернулся в нашу со Штырем сторону, тепло, по-отечески улыбнулся, развел руки в стороны.

- Оставим лирику, господа. Помидорами-огурцами можно насытиться, но вся эта зеленая херь, травка, кора древесная — для вашего брата, вегетарианцев. Настоящим людям нужно время от времени баловать себя мирскими радостями — котлетки, бифштексы, шашлычок.

- Витамин Це — сальце-маслице-винце, - хохотнул татуированный губернский громила.

- Именно, - кивнул Губер. - Что и подводит нас, наконец, к основной теме разговора. В вас, граждане, сала не больше, чем у таракана, кем вы, собственно, и являетесь. Но для тараканов вас слишком мало, всего двое. А теперь внимание, вопрос. И я бы хотел, чтобы вы крепко подумали, что ответить, подумали о паяльниках в заднице и страшной, неопишуемой боли... Где остальные и сколько их?

Я крепко, как мог, стиснул зубы и зажмурился. Старался представить Янку, ее синие, как море, глаза и тихий спокойный голос. Ее животик, в котором рос мой сын или моя дочь.

Тэк-с, тэк-с, тараканы. Тэк-с, тэк-с, зверье.

Буду молчать, чтобы эти твари со мной не сделали.

Но, как только я подумал об этом, слева раздался голос Штыря, спокойный и заинтересованный:

- Пожрать дадите? Тогда и побалакаем...

- Гнида, не смей!! - я рванул к нему из пут, грохнулся на бок, попытался поползти до паскуды в надежде вцепиться зубами в глотку.

- Ответ неверный, - послышалось сверху. - Борис, успокой скотинку.

На мою многострадальную голову обрушился удар, затем еще один — в лицо. Тяжелыми солдатскими берцами амбал пинал меня в живот, топтал череп, крошил зубы и кости. Боли не было. Я не чувствовал ее, а может забыл, потому что милосердная темнота вернулась, накрыла...

- Интеллигента плешивого покормить, дикого — оставим на утро... - Губер раздавал

деловитые указания примерно в тысяче километров от меня.

И хронометр снова перестал щелкать.

Второе пробуждение оказалось куда хуже первого, потому что на этот раз меня били по щекам — не сильно, но теперь и легких шлепков было достаточно, чтоб разбитое лицо отозвалось на них вопящими вспышками боли. Ныла грудь, тупая боль отзывалась в ребрах и спине. Очнувшись от очередного шлепка, я повернул голову вбок и меня вывернуло желудочным соком на пол.

- Тише, Миша, тиша... - прошептал в темноте знакомый голос.

- Штырь.. сука, падла, сволочь...

- Тихо, дурак! Заткни пасть и не издавай ни звука, если хочешь жить, - состоящие лишь из костей и кожи руки, как костыли, воткнулись мне подмышки и осторожно потянули вверх, поднимая на ноги. Пришлось сжать изо всех сил остатки зубов, чтобы не взвыть от боли.

- Стоишь? Держишься? Обопрись о стену пока.

Штырь исчез. Я привалился боком к холодной шершавой поверхности, чтоб не рухнуть, и попробовал оглядеться. С этим у меня возникли проблемы — один глаз совсем заплыл, на его месте набухала, как я чувствовал, солидная шишка, другой смог разлепить лишь узенькой щелочкой, в которую увидал перед собой коридор на тот свет, каким его описывали в желтых газетенках в прошлой жизни. Черные стены, пол, потолок — и свет впереди. Точнее, квадрат темно-синей зыбкой материи, не столь темный, как все остальное, на тон слабее. Распахнутые гаражные ворота. Выход. Свобода.

Цепкие пальцы сжали локоть.

- Стоишь? Нормально? - Штырь говорил тихо, отрывисто. В темноте его пятнистая черепушка с хаотично рассыпанными по ней клоками белых волос плыла, как луна среди туч.
- Сам идти как, сможешь?

- Куда... идти? - я утер губы тыльной стороной ладони, чтобы содрать запекшуюся на них кровь. - Куда ты меня тянешь?

- К своим. К нашим.

- Какие они тебе «свои»? Ты же, гнида, сдать всех решил... за огурцы, тварь...

- Тэк-с. Еще пощечину дать? Приди в себя уже, Миша, я тебя спасти сейчас пытаюсь.

- Спасти?.. А где эти...

- Спят. Обожрались шашлыка, водяра у них тут есть, самогон какой-то... На вот, держи, - Штырь сунул мне в руки большой разводной ключ, добытый, очевидно, с верстака в другом конце гаража. Сам он тоже вооружился — сжимал кусок арматуры. И свой учебник не забыл прихватить. - Давай, соберись, Миша. Пошли домой, - рука с книжкой снова нырнула мне под локоть.

Мы двинулись. Каждый шаг отзывался болью в левом колене — видимо, какие-то удары пришились в ногу, — поэтому я хромал, но терпеть, а значит и ковылять кое-как — мог. Когда выбрались наружу, сумел даже отпихнуть руку помогавшего мне Штыря:

- Сам справлюсь... спасибо.

- Сам так сам. Только тише.

Ночной воздух обтекал, как холодный душ, остужая раны, приводя в чувство. Удалось раскрыть уцелевший глаз чуть шире и осмотреться. Мы были у Губера в имении, где ж еще. Впрочем, лично я здесь оказался впервые. Сюда и до Войны-то журналистов не пускали, не

то что простой люд. Я увидел рядом громадный трехэтажный коттедж, почти дворец, с мраморными статуями у высоких витражных окон, широкими низкими ступеньками, убегающими в два пролета к высоченным стеклянным дверям, перед которыми каменным цветком распустился не работающий фонтан. Бортик был украшен изваяниями крылатых младенцев с луками и стрелами в маленьких ручках. Возможно, при свете дня все это выглядело заброшенным памятником былой роскоши, но сейчас, в ночной темноте, смотрелось как королевский замок из сказки. С другой стороны от гаража я разглядел три низких, вытянутых по длине и накрытых пленкой сооружения — теплицы, ими хвастался Губер. Чуть впереди, среди деревьев — бляха-муха, у них тут живые деревья растут! — угадывалось что-то вроде маленькой ротонды, внутри которой едва заметно чадил на тонких ножках мангал. Сладкий запах жареного мяса плевать хотел на мой разбитый и сломанный нос, проник внутрь, закружил голову.

- Не стой, Миша, не стой, некогда, - Штырь схватил за рукав, потянул в сторону ротонды. В слабых просветах между колоннами белела бетонная стена ограды. И ворота, через которые губерские выезжали на охоту или чтобы расставить ловушки для любопытных дураков, вроде нас.

В тени ротонды лежало тело — давишний амбал, уже без паяльной лампы, зато с копьём шампура, торчащим из горла.

- Этот у них за сторожа остался. Меня охранял, - коротко пояснил Штырь, продолжая тянуть мою руку.

Он торопился, и на то были причины, но я все равно заметил ржавое ведро в паре метров от мангала. Глянул внутрь, когда проходили мимо — и меня едва вновь не вывернуло наизнанку, благо нечем уже было. На дне ведра змеились ленты кишок, на которых, как вишенка на торте, возлежала человеческая голова. По дырам на месте глаз я узнал ту девчонку с отрезанными ногами, которую бандиты использовали в качестве приманки для ловли на живца.

- Шашлык... - прохрипел я, замерев на месте и тем самым заставив остановиться Штыря. - Ел?..

- Угостили, - его белеющее во тьме лицо не выражало никаких эмоций.

- Вкусно было? - спросил я, желая превратить эту звериную морду в кровавую кашу, но не имея на то сил. Разводной ключ тянул руку к земле пудовой гирей, поднять почти невозможно, ударить им сейчас?.. С тем же успехом я мог бы взлететь.

- Сытно.

- Ты же.. мля... учитель. У тебя ж такие, как она... учились...

Его тонкие губы чуть дрогнули. Глаза превратились в узкие темные шелки. Царь Голод смотрел на меня со злобой.

- Тэк-с... Я еще и добавки просил, - процедил Штырь. - А теперь, если ты закончил читать нотации, давай двигай булками. У нас мало времени.

Тогда я понял, что убью его. Потом, если мы доберемся до своих, если нас прежде не схватят, самих не прикончат и не пустят на шашлыки, как ту девочку. Убью, потому что это существо не должно ходить по одной земле с моей Янкой.

Но это потом. Когда-нибудь. А пока я с помощью Штыря выбрался за ворота. В былые времена те работали от электричества, ныне же Штырь просто слегка толкнул загородку рукой, и та с тихим скрипом отъехала на ржавых колесиках в сторону. Я подумал, что охрана губерского имения не слишком хороша. Всего один «настоящий человек» бодрствует ночью, замков и шлагбаумов на въезде нет. Знай мы об этом раньше, не бойся мы так их огнестрелов — можно было бы атаковать по науке, под утро, взять еще тепленькими... Рисковый план, но

— дающий шансы на победу. Доберемся до своих, оклемаюсь чуток — можно будет попробовать. Это если доберемся, если до нас первых не доберутся...

До оврага оставалось метров пятьдесят, когда сзади раздался рев мотора. Я оглянулся — в полной темноте, с выключенными фарами (нет, вспомнил, не выключенными, они же у них разбиты), в километре от нас из ворот губернского имения выехал похожий на танк джип. В кузове стояли люди, и не просто стояли — раздались хлопки, полыхнуло — они стреляли в нас. Пока еще мимо, но машина набирала ход, разделяющее нас расстояние стремительно сокращалось.

- Ходу! - рывкнул Штырь и помчался к мосту.

Я — за ним, забыв про боль в поврежденном колене. Асфальт не пускал, лип к ступням, словно играя на руку преследователям. Я выбросил ключ, я рвался вперед, мне казалось, что грудь сейчас разорвет от недостатка кислорода — в нашем мире, как и на Марсе у Брэдбери, зелени катастрофически не хватало все-таки... Штырь ждал уже на той стороне моста, уши заполнил рык пробитого выхлопного легкого дышащего мне в спину монстра. Я упал на протянутые ко мне руки, уже готовый получить пулю меж лопаток. Мы завертели, теряя равновесие, рухнули вместе, в обнимку, сбоку от трассы и покатались вниз со спуска. В этой круговерти на миг в поле зрения мне попал выпрыгивающий на полной скорости на противоположный конец моста джип — перекошенное от ярости лицо Губера за рулевым колесом... Мелькнула в голове мысль, неожиданно спокойное и обреченное: «Это конец».

В какой-то момент, когда падение наше остановилось и мы со Штырем уже рухнули без сил, разлепив объятия, земля под нами вдруг ощутимо дрогнула, раздался грохот, в котором потонул рев настигающего нас чудовища.

Тяжело дыша, мы смотрели друг на друга. Прошла минута, другая, а чудище о четырех колесах все не появлялось, и никто не шел к нам с ружьем в руках.

- Какого хрена они тянут?

- Тихо, - сказал Штырь, шевеля своими чудесными нетопыриными ушами.

Тут до меня дошло. И правда — тихо! Не слышно ни мотора, не стрельбы, ни криков преследователей. Неужели спаслись?..

Затем из предрассветного зарева явились они — Янка и остальные. С луками, дубинками, ножами, осторожно выкарабкались с обеих сторон дороги. Разбившись на группы по двое, перебежками, подтянулись к нам. Последней подбежала Янка, у которой пары не было, склонилась надо мной, обняла, поцеловала мои опухшие губы — никогда еще ее поцелуи не были так приятны, а собственная соленая кровь показалась мне на вкус слаще сахара. Янка помогла мне встать. Штырь успел подняться сам, раньше, и теперь, стоя наверху, на краю оврага, смотрел оттуда на нас - и хохотал.

- Кранты губеровским... мост рухнул... завалило... - давясь смехом, утирая слезы говорил Штырь. - Дорогу-то перед войной... к поместью... дорогу новую отгрохал, сука, а на мосту... ха... сэкономил!

Выглядел Штырь тогда совсем даже не отвратительным мутантом, скорее - смешным. Высокий, тощий, похожий на огородное пугало уродец, скалящий гнилые зубы на фоне багровых рассветных туч. Таким я его запомнил. Случилось то, что случилось, как в дешевом старом кино про гангстеров — бандит выполз из разбитой машины и, умирая, нажал на курок. Взорвалась хлопушка — и полы старенькой ветровки распахнулись, книга вылетела оттуда, запестрел страницами, как голубь какой-нибудь голубиными своими крыльями. А на голой костлявой груди появилась дыра размером с ладонь. Штырь выронил арматуру, а потом упал сам и больше уже не вставал.

Нет, умер он не сразу. Такие люди, как Штырь, сразу концы не отдают, даже если

пробитые насквозь легкие и развороченные ребра не оставляют шансов. Когда мы с Янкой подошли, он хрипел. Кровь пузырилась алым на побелевших тонких губах и с каждым мучительным вздохом бурые капли взлетали и падали, рассыпаясь мелким бисером на лицо и даже на покрытый болезненными пятнами плешистый затылок. Штырь пытался что-то сказать, и мне пришлось прижать ухо к его рту, чтобы разобрать слова.

- Книгу сыну... читать будешь. Вот для чего они... книги... Как сказки...

Не знаю, почему он решил, что у нас с Янкой именно сын родится. Но, как выяснилось спустя пять месяцев, Штырь угадал.

Он говорил еще, хотя точно разобрать уже было сложно. Что-то насчет того, что конец одного пути — это всего лишь начало другого, нового. Потом лишённые ресниц веки мелко задрожали, зрачки закатились. Тогда я поднял с земли кусок арматуры и, чтоб не мучился, добил.

Так и умер Штырь. Мой друг, Ванька Штырлов, бывший учитель русского языка и литературы...

А мясо у губернатора оказалось сочным, сладким. Янке понравилось.

Тэк-с.

Тишина в дождевой капле (Николай Иванов)

В лесу шел дождь. Капли стучали по листьям, разбивались вдребезги и мелкими осколками умирали в траве. Солнце ушло за тучи, и оттого все цвета вокруг казались невероятно яркими: в них не было сухого белого оттенка, которым дневной свет окрашивает летние дни, не было раскаленного марева, поднимающегося к небу. Очертания деревьев тонули в океане мерцающего сумрака и одновременно с этим сохраняли свои краски, словно на картинах.

Мы с братом промокли до нитки, одежда прилипла к телу, так что от холода, казалось, дрожали даже кости. В складках на футболках и шортах собралась вода, и с каждым шагом она ручейками выплескивалась под ноги. Разбухшие сандалии хлюпали по лужам, что прятались в траве.

В лесу стояла тишина, такая густая, что не было слышно даже шорохов. Муравьи, мухи, стрекозы и птицы исчезли.

Существовал только дождь, прорезавший сумрак холодными каплями.

Пробираясь сквозь духоту, набившуюся в легкие клочками ваты, мы шли туда, куда не вела ни одна тропинка.

— Это не сработает... Ты просто набрал камешков, обычных камешков. Как они помогут? Да ладно, пошли домой, нет никакого Медведя, зачем нам мокнуть? — мой голос звучал негромко, его мог услышать только Леха. Мне было страшно, впрочем, как и ему.

Это только кажется, что здесь никого нет.

Там, где не слышно птиц и насекомых, есть то, из-за чего птицы и насекомые ушли.

В Лехиной руке — пластмассовый пистолет. Его купил нам папа, один на двоих.

Мы постоянно дрались из-за того, кто будет первым с ним играть. Пистолет выглядел как настоящий, да и стрелял по-настоящему: в магазин заряжалось пятнадцать пластмассовых шариков, передергивался затвор, щелчок — и верхний в обойме патрон попадал в ствол. Дело оставалось только за спусковым крючком.

С расстояния пяти метров шарик пробивал тетрадный листок, с расстояния трех — обложку тетради.

Только сейчас в магазине не было шариков. Были камешки, которые целую неделю Леха собирал по улицам, тщательно выискивая подходящие.

— Нет, мы никуда не пойдём, понял? — в Лехином голосе слышалась нестигаемая уверенность, но при этом он все равно дрожал. — Тогда никто не пропадет. Мы дойдем до Пня, убьем и Медведя, и Ста... кх-кх... сам знаешь кого... И можно будет спокойно играть. Ты хочешь спокойно играть?

— Да сказки все это, давай домой...

— А если сказки, то чего боишься? До Пня немного осталось: быстро проверим, что к чему, и назад.

— Не хочу я ничего проверять. Никого там нет — и все! Что толку под дождем мокнуть? Заболеем еще...

Леха презрительно хмыкнул. Настоящий пацан не боится заболеть.

С каждым пройденным метром ноги становились тяжелее и тяжелее. Как можно спокойно идти вперед, зная, что если Медведь действительно существует, если истории, которые шепотом рассказывают о нем — правда, то все, что мы можем, — выстрелить в него маленьким белым камешком?

Эти мысли сковывали движения. Глаза щипало. Я не сразу понял, что у меня потекли слезы. Хорошо, что под дождем они незаметны: Леха поднял бы меня на смех, узнав, что я вдруг ни с того ни с сего заплакал. Но мне было очень страшно. Как никогда в жизни. Нос шмыгал, словно я схватил насморк. Хотелось закричать — громко, на весь лес.

Может быть, крик смог бы рассеять тишину и хоть на секунду сделать так, чтобы

мы перестали бояться.

Леха прибавил шаг, и я начал отставать. Он шел все быстрее и быстрее, словно загипнотизированный: его худая спина ссутулилась, ноги-спички дрожали и подергивались, впиваясь в траву, словно ножи. Он не был похож на человека, скорее на ожившую проволочную куклу.

Мокрый от дождя пистолет хищно блестел.

Я хотел окликнуть Леху, догнать, растормошить, но ноги переставали двигаться, я постоянно запинаясь, останавливаясь, сдирал с сандалий ветки и стебли, запутавшиеся в ногах, и все больше пропитывался гадким страхом.

Лехин силуэт удалялся, пока окончательно не растворился среди деревьев и травы.

Слезы продолжали течь, все так же смешиваясь с дождем. Я по привычке вытирал ладонями глаза, но это не помогало — даже еще больше хотелось плакать. Лицо опухло. Я не понимал, почему мне так больно, почему я не могу переступить через кошмар, через растекшуюся под ногами темноту и броситься вслед за братом. Я знал, куда он идет и что собирается сделать, — догнать его несложно, нужно-то всего пару минут.

Но у меня не получалось сделать и шага.

Стоя среди деревьев в темноте и тишине, я чувствовал, как тело становится скользким, водянистым и холодным, таким же, как и падающие с неба капли.

Не выдержав, я развернулся и побежал домой. Так быстро, что, запинаясь и падая, даже не пытался выставить вперед руки для смягчения удара. С каждым падением мне становилось все больнее — как внутри, так и снаружи — но я вставал и бежал дальше, не обращая внимания на синяки, наливавшиеся бурыми пятнами.

Только выбравшись на окраину леса, я смог перевести дух.

Все это время мой рот был набит грязью и травой.

А еще — солью, набежавшей из глаз.

«Крыша дома совсем высохла», — подумал я, когда вылез из машины.

Место, где прошло восемнадцать лет, казавшихся в детстве бесконечным миром со спрятанными от посторонних тайнами, из года в год превращалось в игрушечный домик, где живут старик со старухой и день за днем чинят разбитое корыто. Словно деревянная модель из пожелтевшего советского журнала, собранная спустя рукава.

Выжженные солнцем мостки заскрипели, когда я зашагал по ним. Этот скрип был и знакомым, и чужим одновременно: знакомым, потому что вызывал воспоминания — где и как доски должны скрипеть; а чужим из-за того, что звук этот был намного громче, чем я помнил его в детстве. Теперь он был похож на стон, словно я делал больно старому дереву.

Родители тоже менялись, из года в год высыхая. Раньше отец был самым сильным, умным и смелым, без труда справлялся с любой проблемой, знал, как вести себя правильно, что можно делать, а чего нельзя. Мама была доброй, заботливой, готовила самую вкусную еду, уступавшую только бабушкиной стряпне. Но бабушкина стряпня, как и сама бабушка, давным-давно покинула этот свет, как и те двое совершенных людей, которыми я помнил своих родителей. Лишь изредка в их поведении проступало что-то очень знакомое: в том, как они присматривали за моим сыном, следили, чтобы он не отлынивал от работы и не бросал начатых дел.

С восторженным криком «папа-папа!» Димка бросился мне на шею. Я обнял его и заметил, что он стал чуть шире в плечах и немного тяжелее.

Откормили пацана старики. Хорошая работа.

Спустя полчаса мы вместе сидели на кухне, пили чай из потертого фарфорового сервиза, расписанного лепестками никем не виданных цветов, и болтали о том о сем. Я, как и в детстве, по привычке пытался закинуть под столом ногу на ногу, но ничего не получалось. Это было странно: мой рост остался таким же, как и в десятом классе, в весе

тоже особенно не прибавилось — почему же раньше я мог закинуть ногу на ногу, а теперь ударяюсь коленкой о крышку?

Оставалось только виновато бормотать под нос ругательства.

Мама едва слышно посмеивалась. Отец делал вид, что ничего не замечает.

— ... вот так. Предлагают место, зарплата высокая, но это в шестистах километрах от ближайшего населенного пункта. Что-то навроде поселка, там, кажется, золото добывают. Для карьеры, конечно, это сразу крест. Ни о каком опыте и речи не идет, так, обслуживание.

— Молод ты еще, сынок. Хочется тебе посрывать звезд.

— А почему бы и нет?

— Ну, тоже верно...

Все как обычно и при этом совершенно по-другому.

— Покажи папе, что я нашел, покажи, — попросил Димка.

Мама медленно сделала несколько плотков чая.

— Ну, покажи, покажи!

Я поднял бровь.

Старики сосредоточились на содержимом своих чашек, словно там находился весь мир.

Я терпеливо ждал.

Наконец, отец поднялся из-за стола, открыл шкафчик с посудой, достал оттуда замотанный в полиэтиленовый пакет предмет и положил прямо передо мной, на стол, рядом с корзинкой, в которой лежали печенья и конфеты.

Он покрылся плесенью, потрескался и потерял цвета. Шероховатые ребра на рукоятке стерлись, проточенные дождями и ветром, шляпки миниатюрных болтиков, когда-то покрытые черным лаком, теперь были ярко-рыжими от выросшей ржавчины.

Черно-стальной корпус выровнялся по цвету, став однородным, блекло-серым.

Его почти невозможно было узнать, но все равно — ни с чем не спутаешь. Все тот же знакомый Лехин пистолет.

Уже не наш. Только Лехин.

Когда я взял его в руки, меня охватили приятные ощущения: кончики нервов стало пощипывать, словно все вокруг находилось во сне, легком, как весенний ветер. Мне снова тринадцать лет, я уверен в каждом своем шаге, я знаю, что мое оружие сразит любого противника. Целиться не надо, пули бьют без промаха, правило только одно — раньше всех крикнуть: «Падай, ты убит».

С обратной стороны пластик сохранил краски: там ствол был таким же, как и двадцать пять лет назад. Видимо, игрушка лежала этим боком к земле, и солнце до него не добралось. Разве что лесная трава добавила ядовито-зеленых разводов, ошетилившихся язвами в трещинах корпуса.

— Давно это было, правда, сынок? — вымученно произнес отец.

Я нажал кнопку на рукоятке. Магазин даже не шевельнулся, хотя, по идее, должен был легко выпрыгнуть прямо в ладонь.

Попробовал поддеть ногтем и вытащить силой.

Пластмасса со скрипом подалась. Из зазоров посыпались хлопья ржавчины и соли.

Пружина совсем хлипкая, проволока того и гляди рассыплется песком. Но обойма из Лехиных камешков — блестящих, с острыми краями-гранями, заточенными, словно бритвенные лезвия — до сих пор на месте. Ни один не раскололся и не стал трухой с течением времени.

Только теперь их не пятнадцать, а десять.

— Десять... — мой голос схватил за хвост убегающую мысль.

— Помнишь, как Леша собирал их? — спросила мама, старательно перемешивая сахар в чае.

Конечно, помню. Леха выбирал с толком, самые острые — чтобы смогли проникнуть под кожу, а блестящие — чтобы победить черную душу чудовища, которого он так боялся.

А ведь он действительно верил в эти камешки.

— Вот и понесли они его в лес, — добавил отец. — Заигрался.

Димка больше не ерзал: сидел тише воды ниже травы, внимательно слушая и чувствуя, что за нашими словами прячется что-то жуткое и интересное, о чем никто не станет ему рассказывать.

— Где ты нашел это, малой?

— В лесу за нижней дорогой, ну, той, что больше не пользуются. Есть там одно место, куда из местных пацанов никто не ходит. Они, дураки, всего боятся, а я вот не испугался и пошел. Ну, и ничего страшного там не было. Сначала кругом деревья: очень много, все кривые, какие растут, а какие уже упали; а потом большая поляна и такой здоро-о-овый пенёк. Рядом с пнем и нашел, в траве.

— Вот как... А где именно рядом с пнем?

— Рядом... ну, это... рядом... Не знаю, как по-другому сказать...

Понятно.

У Димки свои тайны.

Спустя десять лет после исчезновения Лехи я преодолел свой страх, пришел туда, обыскал поляну, перекопал каждый миллиметр, но ничего не смог найти — даже костей.

Не то что пистолета.

Тогда мне стало легче. Появилась уверенность в той правде, которой верили все: Леха просто потерялся, не нашел дорогу домой. Никакого Медведя не было.

Он всего лишь заблудился.

Как и все те, кто когда-то исчезал в лесу.

А дрожащие голоса, передававшие историю о Старухе, что похищает маленьких детей и пожирает их в чащобе, — перепуганное темнотой детское воображение. Очередная сказка про Бабу-Ягу.

Это было настолько очевидно, что у меня никогда не возникало и тени сомнения в обратном.

Вплоть до того момента, пока я не увидел Лехин пистолет, и Димка не сказал, что нашел его на той поляне.

Рядом с Пнем. Волшебным Пнем, из которого появляется ужасный Медведь.

— Пап, можно я сегодня заночую на улице, в доме, что мы с пацанами построили? Деда с бабой не пускают, пусти ты!

Я сделал глоток из чашки. Мама по-прежнему покупает самый дешевый чай: этот отвратительный вкус ни с чем не спутаешь. Но стоит добавить туда две ложки сахара, и появляется необычный эффект: я успокаиваюсь, из головы исчезают посторонние мысли, а освободившаяся пустота заполняется голосами прошлого, что звучат тепло и умиротворяюще.

По привычке закинув ногу на ногу, я снова ударился о крышку стола.

Ну надо же, дети до сих пор строят дома в поленницах. Только теперь те выглядят гораздо лучше. Раньше из дров делали лазы и укрепляли их досками так, чтобы можно было передвигаться внутри, как в лабиринте. Или как в муравейнике. Хороший дом строился не один месяц, требовалось пересобрать поленницу от начала до конца, но зато и результат того стоил: самая лучшая и совершенная конструкция становилась центром мира, здесь собиралось больше всего детей, здесь проходили игры, правила которых были настолько запутаны и нелогичны, что ни один человек старше шестнадцати лет не мог их понять.

Таковыми я помнил дома в поленницах со времен детства.

Но тот, что построил Димка с друзьями, — он отличался.

Этот дом был не просто большим — гигантским. Никаких лазов — вместо них просторные проходы, тщательно выложенные самыми ровными и крепкими полешками. Они

были узкими, но в них вполне мог протиснуться и взрослый человек. Не знаю, как такая конструкция получилась у детей — может, помогли статьи из интернета, может, внутреннее чутье, — но стены были сложены идеально: ничего не шаталось и не требовало гвоздей. Доски настелены только сверху, так, чтобы внутрь не затекала вода во время дождя.

Проходы в поленнице петляли, изгибаясь так, что я потерял ощущение пространства, пока не оказался в небольшой комнате со сколоченной из досок мебелью: столик, несколько табуретов и кровать, на которой лежал старый матрас и несколько одеял.

— Кровать всего одна, поэтому мы на камень-ножницы-бумага разбиваем, кто будет на ней спать, а остальные из дома спальники притаскивают, — пояснил Димка.

Старики рассказывали мне про этот дом. По всей округе он вызывал улыбку и чувство гордости, но никто даже и не догадывался о его истинном назначении.

Я все понял, когда увидел на входе нарисованные мелом знаки. По всей поленнице растянулись коряво нацарапанные звезды, солнечные диски с лучами, ромашки и листья. От дождя к дождю рисунки размывались — повсюду были потеки мела, но это не останавливало детей, и поверх рисовались новые символы. Этими же символами были покрыты и стены проходов. Я с головы до ног испачкался в меле, пока Димка вел меня внутрь.

— Вот как... что-то я не вижу твоих товарищей...

— Они позже подойдут.

— Позже... ну да, это хорошо.

В комнате приятно пахло высушенным деревом и смолой. Я коснулся поверхности одной из стен. Дует. Как бы плотно ни лежало дерево, все равно сквозь щели проникает ветер, едва слышно подвывая тонким голоском.

Проведя рукой сверху вниз, я угодил пальцами в липкие потеки смолы. Подушечки неприятно склеились между собой. Я уже и забыл, какое это странное ощущение: склеенные от смолы пальцы.

Так тепло стало внутри, словно никуда не уходили прожитые годы, и я всю жизнь был где-то здесь, в домиках, построенных внутри поленниц.

— Стены липкие...

— Я вижу, малой, вижу...

Улыбаясь, Димка присел на самодельную кровать. Он радовался, что я оценил дотошно проделанную работу, но в его глазах пряталось то, что изнутри меня мог увидеть только испуганный мальчик, смотрящий вслед удаляющемуся брату.

— Они не придут. Потому что ты видел Медведя.

Молчание — лучший ответ. Димка не нашел в себе сил засмеяться, сказать, что ничего не понимает, спросить меня: «О чем ты?»

— Смола липкая, мы соскребаем ее, но она все равно натекает...

Потому что днем солнце пригревает, и на месте старой выступает новая.

Значит, и сейчас дети верят в Старуху, хотя уже много лет никто не пропадал. По местным поверьям, ночью к каждому ребенку приходит чудовище — Медведь — и если ребенок видит Медведя, то совсем скоро его заберет Старуха. Утащит с собой в лес и съест.

— Я смотрю, вы целую крепость отстроили, чтобы Она не смогла зайти. Когда я был маленьким, мой брат, Леха, тоже верил, что все белое и чистое сможет защитить нас. Взрослые ничем не могут помочь, потому что они считают все это чепухой. Вот и получается: камешки и мел — единственное оружие.

Димка поднял голову. В его взгляде была ненависть: ему казалось, что я смеюсь над очевидными вещами, не понимаю всю глубину опасности. Но во взгляде скрывалась и надежда, ведь остальным взрослым не то что наплевать — они даже не знают этих тайн. А еще там было желание расплакаться и рассказать все как есть, потому что сегодня он будет ночевать в крепости один: нет такого друга, который остался бы рядом с ним, чтобы защищать от страхов.

И тишины.

— Расскажи, что ты видел. Мы что-нибудь придумаем.

Он отвернулся.

— Иди домой, папа. Нет никаких медведей и старух. Иди домой.

Я помнил эту интонацию, хотя прошло немало лет.

Это Лехин голос. Его слова.

«Давай расскажем папе с мамой! Они нам помогут! Мы же дети!»

«Иди спать. Те, кто не верят, не смогут помочь. Если бы Медведь пришел к тебе, ты бы понял».

Ему не нужна помощь. Он не думает, что кто-то сможет ему помочь.

— Давай сделаем проще, давай не будем прятаться ни в какой крепости, а пойдем домой. Я не буду спать, подежурю рядом и отгоню кого угодно.

— Тот пистолет... его принес мне Медведь. Принес и положил прямо под одеяло. Я ничего не находил, папа. Он прошел через двери и замки. И Она пройдет... И никто мне не поможет. Только здесь я в безопасности.

Димка дрожал от страха, но я видел его решительность. Такую же, как и у Лехи.

Стоит сделать что-нибудь не так, и он сбежит из дома и исчезнет в лесу, нелепо шагая вперед, будто кукла из проволоки. Один раз я это уже видел и теперь понимал — мне никогда его не отыскать.

Глупая детская страшилка перепугала Леху, а теперь и Димка вот-вот сойдет с ума.

Что же, придется подыграть.

— Хорошо, Дима, твоя взяла... думаю, погода снаружи уже испортилась. Самое время пойти погулять в лесу...

Он ничего не ответил, но мне показалось, что доски кровати скрипнули.

— Зачем ты пошел на поляну?

— Пацаны на слабо взяли... я же не знал... правда, не знал...

Я обнял его и похлопал по плечу. Глупый жест, дешевый, как и фильмы, в которых он появлялся. Но это ерунда. Главное — мальчику стало легче, он уже не так боится. Я все еще всемогущий папа, умный, смелый, готовый дать отпор Медведю и Старухе, разогнать темноту и все те ужасы, что спрятались в углах комнаты и под кроватью.

— Папа, только, пожалуйста, сделай все по правилам.

— Конечно, малой. Может, мне позвать посидеть с тобой дедушку и бабушку?

— Нет, не надо... они не понимают. Они все испортят. Я буду сидеть тихо, и тогда ничего плохого не случится.

— Ладно-ладно, успокойся. Я понял. Пусть это будет нашей тайной.

— Пап... это... ветер замолчал...

Я не сразу понял, о чем он хочет мне сказать. Только спустя минуту дошло: из щелей в стенах не доносится ни одного звука.

Значит, снаружи стоит тишина.

По деревянному настилу над нашими головами застучали первые капли дождя.

Я помнил, как в детстве тишина обволакивала округу: двери в дома захлопывались, дети прятались под одеялами, взрослые закрывали окна на улицу и вели на кухне длинные и скучные разговоры о жизни, пытаясь создать ощущение спокойствия эхом голосов.

Отсутствие скрипов и шорохов снаружи подсказывало, что через воздух крадется зло.

Сейчас я не чувствовал ничего подобного. Пещера остается пещерой, даже если внутри нее эхом разлетится каждая капля, разбившаяся о каменный пол. Воображение может нарисовать из этого звука что-то таинственное и загадочное, но ты знаешь: здесь всего лишь камни, всего лишь отражение звуковых волн от поверхности.

Шума дождя вполне хватало. Лес был душным, жарким, притихшим, но наверняка все живое прячется от непогоды, поэтому кажется, что с деревьями творится неладное. И даже

это неудобное ощущение вызывал всего лишь детский пистолет у меня в руке.

Единственная связь между мной сегодняшним и мной тогдашним, тем мальчишкой, что боялся каждого куста.

Связь с верой Лехи в Медведя и Старуху.

Глупо вот так без причины гулять под дождем среди деревьев. Видел бы кто-нибудь — покрутил бы пальцем у виска. Но так надо. С детскими страхами может справиться лишь детская вера в вещи, способные их победить. Я слишком взрослый, чтобы отнестись серьезно к разговору с сыном, но меня, как и любого взрослого, до глубины души тронул огонек надежды в глазах ребенка. Димка верит, что я помогу ему «по всем правилам», и это подкупает, это заставляет брать в руки старую игрушку и идти через лес к таинственному и страшному Пню.

Если бы я действительно верил, что там меня ждет Медведь, слуга костлявой Старухи из детских страшилок, — я бы взял двустолку.

Поэтому — все «по правилам».

Старикам я ничего не сказал. Еще решат, что мы с Димкой рехнулись на пару.

Меня тяготила мысль о том, что я оставил малого одного, но в той ситуации сложно было найти другой выход. По крайней мере, я точно знал — он будет прятаться в детской крепости и никуда оттуда не убежит.

И не сойдет с ума, как Леха.

Моя одежда пропиталась водой: волокна тканей набухли, пропустив к коже холодные капли. Стояло лето, и градусники показывали +25, но дождь почему-то казался ледяным. Губы онемели и стали синими от холода. Каждый выдох превращался в едва заметное облачко пара.

Пальцы, держащие пистолет, сводило.

Шаг за шагом продвигаясь вглубь леса, я ощущал волнение. Что я делаю? Происходило что-то странное — я забывал о своем возрасте. Мысли в голове двигались вразнобой, перебегая с одного на другое, теряя привычную логическую связанность, неторопливость. Мне казалось, что деревья вокруг замерли, и только я хотел проанализировать это (Почему замерли? Почему мне так кажется? Какая может быть причина у подобных ощущений?) — как тут же внимание переключалось на новую паранойю: я один, совсем один в лесу, и если здесь что-нибудь случится, то мне никто не поможет.

Это метание от одной навязчивой идеи к другой, с принятием каждой из них на веру и без возможности проанализировать... черт, да я, кажется, снова чувствовал себя ребенком.

Лес опять волшебный, а тишина — зловещая.

Поляна была близка, и последние шаги до нее давались очень тяжело. Привкус детства притащил с собой страхи: ноги налились тяжестью и отказывались мне служить. Кажется, даже дождь стал падать тише, хотя потоки воды не успокаивались и все так же заливали деревья.

Только если двадцать пять лет назад лес дышал и светился неоновой красотой, пугая своими тайнами, то теперь он напоминал обесцвеченную картину. Даже трава под ногами словно высохла, превратившись в сухие стебли.

Как ствол протертого дождями пистолета из далекого детства.

Я сделал шаг на открытое пространство среди хаотично растущих и мертвых деревьев. Звук исчез.

Я вошел внутрь огромной дождевой капли, где, словно в ловушке, меня ждала та самая тишина из детства.

В середине пустой поляны находился поросший мхом пенёк. Настолько огромный, что на его поверхности могли бы, как на кровати, лечь во весь рост два взрослых человека. Вокруг не было ни одного намека на росшее когда-то здесь дерево, не различались даже

очертания ствола. Наверное, поэтому поляна всегда пользовалась дурной славой: таких больших деревьев просто не может быть. Ветви должны уходить за облака.

Не понимая, что со мной происходит, я поднял пистолет и направил его в центр дождевой капли. Затем пошел вперед, стараясь, чтобы шаги звучали как можно тише. Но эта предосторожность была лишней: вокруг стояла абсолютная тишина.

Дождь рассекал стебли травы. Беззвучно, словно в кошмарном сне.

— Выходи, — прошептал я в тишину.

Некоторое время ничего не происходило, но затем до меня донеслось копошение. Эти неестественные звуки в пространстве, погруженном в вату, резали нервы.

По спине пробежал холод, я остановился, не в силах пошевелить ни руками, ни ногами.

Даже слюну не получалось сглотнуть: она тонкой струйкой медленно стекала в горло.

Мох на поверхности пня зашевелился и начал сворачиваться в комки. Комки соединялись между собой, прилипали друг к другу, сжимались и становились плотнее, сплетаясь в черноту, — густую, словно пустота беззвездного неба, с торчащими наружу волокнами, напоминавшими шерсть. Один из комков треснул посередине и раскрылся. В трещине заблестели зубы, многочисленными белоснежными рядами уходя внутрь.

Мелкие, словно иголки.

Существо отделилось от поверхности и шмякнулось на землю, беззвучно расплескав в сторону воду из луж. Оно действительно напоминало медведя, только не такого, каким его можно увидеть в зоопарке или цирке, не такого, какой нарисован в учебнике по биологии. Это были комки мха: большой — брюхо, чуть поменьше — голова, и совсем маленькие — конечности.

Больше всего оно походило на плюшевого мишку: маленькое, ростом не выше пояса, неуклюже переваливающееся с ноги на ногу.

Движения — такие же нелепые, как движения Винни-Пуха из детского мультфильма.

Только черное тело, хорошо различимое даже среди опустившейся на лес темноты, и зубы, торчащие в голове-пасти без глаз и носа, — это было гораздо хуже, чем встретить настоящего медведя.

Дуло пистолета было направлено на существо, но я не мог нажать на спусковой крючок. Меня гипнотизировала одна и та же мысль: «Все это было правдой, он настоящий. Все это было правдой, он настоящий. Все это было правдой, он...»

Медведь зашипел, словно змея. Его движения становились быстрее, он полз ко мне.

Капли дождя неторопливо стекали по ненастоящей шерсти.

«Все это было правдой, он настоящий. Все это было правдой...» Леха стоял здесь один, слабый, промокший, преданный, против этого существа. Он смог выстрелить, и не один раз, а у меня не получается даже пошевелиться.

Из пятнадцати камешков вылетело пять, и даже если они не попали в цель... нужно быть очень смелым, чтобы выстрелить хоть один раз.

«Давай же», — прохрипел я под нос, но из-за густой тишины не услышал собственного голоса.

Наконец, мой палец на спусковом крючке нервно пошевелился. Затвор дернулся и выскочил из направляющего паза.

Старый пластик треснул, поэтому вместо выстрела у пистолета выбило затвор. Перекошенный набок ствол напоминал выбросившегося на берег кита, каким я помнил его на фотографиях в школьном учебнике.

Маленький блестящий камешек выкатился из дула и упал в траву.

Медведь прыгнул ко мне и плюхнулся в лужу около ног. Я закричал, но звук моего голоса утонул в тишине.

В голове что-то щелкнуло.

Хватит этих детских страшилок. Игры закончились. Пора возвращаться во взрослый мир.

Как это глупо — бояться детского чудовища, которое полчаса потратит только на то, чтобы прогрызть дыру в подошве ботинка.

Да, детский кошмар ожил, но я-то уже давно не ребенок.

Я поднял ногу и со всей силы наступил на существо. Раздался звук, словно кто-то раздавил большое насекомое.

Медведь под подошвой по-прежнему шевелился и шипел, но на этот раз звуки не казались такими зловещими. Как будто из кастрюли убегает вскипятившееся молоко и, превращаясь в пар, издает предсмертный хрип на кухонной плитке.

Я вернул затвор на место, направил дуло прямо в зубастую пасть, придавленную носком ботинка, и снова нажал на спусковой крючок. Пластик не выдержал, пистолет опять перекошило.

Выкатившийся из ствола камешек упал в трещину с зубами, Медведь закашлял, стал выплевывать из легких черную жижу.

Еще раз. Третья попытка. Затвор на месте. Выстрел.

Лехина пуля врезалась в безносую и безглазую голову, пробив там дыру. Из дыры потекла та же черная дрянь. Она густыми каплями падала в лужи, смешивалась с водой и растворялась без следа, словно воспоминания о плохом сне.

Больше оружие не отказывало. Я разрядил всю обойму.

Под ногой теперь лежала только кучка старого заплесневелого мха.

И тогда дождевая капля, погрузившая поляну в тишину детских кошмаров, с грохотом лопнула, и на меня обрушилась симфония летящего дождя. В ту секунду я мог расслышать падение каждой капли, каждое прикосновение небесных пальцев к ожившему в темноте лесу. Пространство сдвинулось с мертвой точки и стремительно вернулось в поток времени, за доли секунды отправив в прошлое мальчика, давным-давно превратившегося во взрослого человека.

В то мгновение я больше всего хотел, чтобы рядом со мной стоял Леха.

С этой мыслью я размахнулся и зашвырнул пистолет вглубь леса.

Показались первые лучи солнца. Я хотел спать, глаза сами собой закрывались, но у меня внутри разрасталось теплое чувство. Словно освобождение от груза, что тянул долгие годы на дно, где прятались самые навязчивые и стойкие ужасы.

Димка наверняка не спал, ожидая своей участи внутри крепости.

Теперь я знал, как рассказать ему, что детские кошмары — это всего лишь детские кошмары.

Даже если они реальные.

Просыпающийся день наполнял округу дыханием, полным разнообразных звуков. Птицы, насекомые, трава: все, казалось, ожило и зашевелилось, разрезая ночь сверкающим лезвием утра.

Вход в построенный ребятей дом был разрушен. Доски и плашки, покрытые пятнами бело-желтой рвоты, разбросаны по сторонам. Беспомощные детские рисунки размыты и забрызганы кровью. В воздухе пахло внутренностями мертвых животных, на желудочной слизи сидели огромные мухи. Их хоботки присосались к оскверненной крепости, втягивая внутрь хитиновых тел гниль обезображенного детства.

Коридоры дома также покрывали кровь и рвота. Казалось, слизь разъедает стены, превращая проходы в подобие кишечника. Набухшее дерево ошетинилось иглами-занозами, царапало одежду и залезало под кожу.

С каждым шагом крови было все больше, она веерными разводами засыхала на заблеваных стенах.

Как может быть столько крови?

— Нет... нет... ну как же... почему... Почему? Не может быть... не может...

В гниющем спокойствии детской крепости слышались мерзкие звуки — словно кто-то чавкал за столом. Огромные зубы стучали о что-то твердое. Раздавался скрежет, еда

переламывалась и кашеобразными шлепками падала на пол. Чудовище, сидящее в сердце лабиринта из детских кошмаров, рычало, его глухой голос, казалось, шел из-под земли, погребенный под многими метрами почвы.

Я знал, что за следующим поворотом должна появиться та самая комната с самодельной мебелью.

Чавканье и рычание становилось невыносимыми. От запаха кружилась голова. Я остановился. Завис на краю пропасти. Шаг вперед — и меня ждет долгое и страшное падение туда, где сейчас находятся Леха и Димка.

Из кошмара вокруг нет выхода и, что самое страшное, никогда не было.

Я развернулся.

Шагнул назад, пытаясь разучиться дышать, потому что теперь понял — все это время воздух был пропитан лишь криком, который так и не смог вырваться из моего горла.

Волчья квинта¹ (Галина Евдокимова)

*И арфу он взял, и на арфе играл.
И звуками скорби наполнился зал.
И вздохи той песни росли и росли,
И в царство печали меня унесли.
Мирра Лохвицкая. «Праздник Забвения»*

Стояла одна из тех безветренных ночей, когда не слышны тоненькие свисты и шорохи, что пугают запоздалых путников, волею судьбы оказавшихся в густых богемских лесах. По еле приметной, выходящей меж деревьев дороге, ехали двое всадников. Осторожно объезжая рытвины, камни и вымытые дождевыми потоками корни деревьев, они двигались всё время на север.

— ...на арфе играет сам дьявол на пирушках ведьм, когда они, наевшись досыта, кружатся в хороводе, — говорил тот, что постарше. — Уж поверь мне. Недаром считается, что этот инструмент изобрёл Каинов внук Иувал.

— О чём вы говорите, учитель! Через символику десяти струн Давидовой арфы святой Августин разъяснял смысл десяти заповедей, — отвечал его молодой товарищ.

— Голос, мой мальчик, только голос! Вот единственный совершенный инструмент, созданный Творцом. Всё остальное искусственно сделано рукой человека. Вначале возникла речь. Музыка появилась, когда к ней присоединили мелодию и добавили гармонию, доставляющие удовольствие душе, дабы возвыситься и искать в ней разнообразные ритмы и метры.

— Вы хотите сказать, что музыку можно измерить?

— Конечно! Каждое число имеет своё звуковое воплощение. Если угодно, музыка — это звучащее число.

— Значит, любой, кто владеет музыкальной грамотой, может понять....

— Нет, друг мой! Я сказал измерить, но не объяснить. Величайшее из творений Господа — человек — наделён разумом, и тем приближен к Богу. Но постигнуть сие искусство дано не каждому. Не забывай, что над человеком довлеет плоть, а всё плотское в человеке связывает его с миром форм. Форма по отношению к звуку — это интервал.

— А как же быть с *diabolus in musica*² и «волчьей квинтой»? Неужели вы хотите сказать, учитель, что Господь, сотворивший вселенную совершенной, не смог создать равномерного музыкального строя?

— О, мой многознающий ученик! Всю жизнь я боролся с «волками» в музыке, и могу сказать тебе: Господь создал натуральный музыкальный строй, и в природе, сотворенной Им, нет никакой «волчьей» квинты. Гармония — душа мира. Однако после Боэция³ кончился «золотой век музыки», и настали времена упадка. Только стараниями великого Вилларта⁴

¹ Волчья квинта (букв. пер. с нем. Wolfsquinte) — музыкальный интервал, название очень фальшивой квинты, которая возникала в различных музыкальных строях. Обращение «волчьей квинты» (перемещение нижнего звука на октаву вверх) даёт «волчью кварту». Иногда их называли просто «волками».

² Название *diabolus in musica* употреблялось по отношению к тритону. Тритон — интервал, содержащий три целых тона. В диатоническом звукоряде три тона включают взаимно обращаемые интервалы: увеличенная кварта (ув. 4) и уменьшенная квинта (ум. 5). Благодаря одинаковому количеству тонов ув. 4 и ум. 5 с одним общим звуком энгармонически равны. Тритон — диссонирующий интервал. В музыке эпохи возрождения практически запрещалась использоваться в созвучии с тоникой (параллельно так и последовательно в любом порядке), так как образовывался диссонанс. Тритон называли нотой дьявола.

³ Аниций Манлий Торкват Северин Боэций в исторических документах Аниций Манлий Северин (ок. 480 — 524, по др. св. 526) — римский государственный деятель, философ-неоплатоник, теоретик музыки, христианский теолог. В трактатах «Основы музыки», «*Libri V de institutione musica*» передал европейской цивилизации метод и базовые знания лучших греческих авторов (преимущественно пифагорейцев) в области «математических» наук.

⁴ Адриан Вилларт (ок. 1490 — 1562), фламандский композитор и педагог, работал в Италии. Представитель

возродится былая слава музыки. Воистину говорю тебе, это новый Пифагор. Не в пример ужасному хроматисту Винчентино⁵! Ах, мой дорогой Джованни, ты ещё так молод...

Разговаривая таким образом, путники двигались вперёд по темнеющей дорожной колее. Подул холодный ветер и пригнал косматые тучи.

Где-то в чаще завыл волк.

– Учитель, не пора ли устраиваться на ночлег? – спросил Джованни, поёжившись.

– В такое полнолуние нельзя оставаться в лесу, – вторил ему учитель, показывая на жёлтый глаз луны.

Лес постепенно редел. На расстоянии четверти мили путники различили хутор. Пустив лошадей рысью, вскоре они добрались до постоянного двора.

Это была большая усадьба – дом из обтёсанных камней и несколько надворных построек. На черепичные крыши безмолвно лился лунный свет. Вокруг простиралась пустошь, уходившая к тёмной полосе леса.

У ворот их остановил мрачный сторож и потребовал, чтобы путники назвались. Старший по возрасту ответил:

– Джозефе Карлино, органист кафедрального собора в Кьоджи со своим учеником Джованни Д' Артузио. Мы едем в Анежский монастырь.

Однако, взгляд сторожа оставался угрюмым, пока спутник Джозефе не сунул ему несколько монет.

Вскоре Карлино и Джованни сидели за столом в полупустой харчевне. Хозяин поставил перед ними огромное блюдо плохо прожаренной свинины.

Карлино недовольно скривился.

– Любезный, не найдётся ли у тебя другой пищи? Мы монахи и не вкушаем мясного.

И тут же поинтересовался:

– Не скажешь, далеко ли до Старого Места?

– Два дня пути, если Господь будет милостив к вам, – не слишком приветливо ответил хозяин.

Потом он кивнул слуге, и тот принёс гостям крутую кашу из варёной фасоли.

– Аббатиса возвращается через четыре дня, – обратился Карлино к своему ученику, придвинув ближе миску с едой. – Надеюсь, мы успеем настроить орган к её приезду.

Разговор за ужином не клеился. Они пили тёмное, чуть горьковатое на вкус пиво и молчали. На улице тоненькой флейтой посвистывал ветер. Безнадёжно серый, как облачение францисканского монаха, осенний день без единого светлого лучика, завершился.

Под монотонное бормотанье голосов немногочисленных постояльцев, а, скорее, под воздействием усталости, душу Карлино затопила печаль. Он сидел, склонив голову над кружкой, и думал о том, как можно пройти столь длинный путь так незаметно? О долгой ли дороге из Италии в Богемию он думал? Или о своей жизни?

Вдруг, словно по полу рассыпались орехи, зазвенели звуки цимбал. Это пробовал струны молодой цыган в белой рубахе и бархатной безрукавке. Музыка взвилась к потолку, напирая лавиной.

Удивление мгновенно вытеснило из сердца Карлино меланхолию. Он узнал эту мелодию.

...Ему вспомнилась изогнутая шея арфы и дерзкие глаза певицы, жёлтые от света лампы. И её алыт, чуть хриловатый, страстный...

Песни сильнее самой жизни...

– Что с вами, учитель? Вы побледнели, – беспокоился Джованни.

франко-фламандской полифонической школы, основоположник венецианской школы.

⁵ Итальянский композитор XVI века Никола Вичентино пытался вновь ввести в европейскую музыкальную теорию хроматизм и энгармонизм античной музыки. Результаты своих изысканий он изложил в трактате «Древняя музыка, сведенная к современной практике» (1555).

—Я... просто вспомнил. Я слышал эту мелодию. Давно. Её играла одна девушка...

—Девушка? О чём вы говорите? Это какой-то цыганский наигрыш.

—...я всегда любил прислушиваться к отголоскам таинственного и заглядывать на другую сторону мира. Моё увлечение музыкой в полной мере давало мне такую возможность. Да-да, мой мальчик, я не так уж стар, но волосы мои седые, а глаза впалы, ибо я приподнял край завесы и заглянул в мир сверхъестественного. Всё, что считают бреднями и выдумками, приобрело для меня характер страшной истины. Джованни, я должен рассказать тебе... Ты ещё так молод. Как я той осенью, когда мне исполнилось семнадцать...

Отец считал, что юноше негоже оставаться неучем, и по совету приходского священника отправил меня во францисканский монастырь, что на острове Сан Франческо дель Дезерто. Зная о моём увлечении музыкой, падре Агриций договорился с органистом кафедрального собора, чтобы тот обучил меня этому искусству.

Недолгие сборы, слёзное прощание с матушкой, и вскоре от берега Венецианской лагуны отчалила лодка, переправившая меня из Бурано на крошечный клочок суши, к которому два века назад прибило челн Франциска Ассизского, следовавшего на родину из Святой Земли.

Давно не случалось таких затяжных, упрямых дождей. Волны, подгоняемые сирокко, перехлестывали через борт утлого судёнышка, и я истово молился Святому Франциску. А ещё из всех сил старался не думать о доме, что оставлял, дабы постичь богословскую науку среди монахов францисканского ордена. Лишь иногда осмеливался я поднять глаза и бросить испуганный взгляд туда, где смыкались серый небосвод и серое море. Там смутно угадывались очертания святой обители.

Когда лодка пристала к пологому берегу, и моему взору открылась картина, поистине превосходящая мои представления о возможностях творения рук человеческих, меня поразили не мощные стены и не громадность постройки, но согласие, симметрия и гармония этого места, словно созданного для мирной молитвы и отречения от всего земного.

К монастырской двери вела аллея кипарисов.

Когда я вошёл в храм, братья молились. Павши ниц, монахи, мерно отсчитывали нужное количество псалмов. Огонь с треноги едва освещал их серые фигуры. Казалось, они придавлены к полу неизбывной скорбью, но уста непрерывно творили молитву:

In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti.

Братья не прервали молебен, даже когда из открытой мною двери по полу потянуло холодным воздухом, насыщенным влагой. Мне не оставалось ничего другого, как присоединиться к общей молитве.

Когда вознеслось под купол нефа последнее «Amen», и в храме воцарилась тишина, ко мне подошёл келарь и велел идти с ним.

Направо от церкви тянулся ряд часовен, а чуть дальше располагались хозяйственные постройки. Мне отвели маленькую келью в доме послушников. Её убранство состояло из неширокого ложа, скамьи, высокого аналая с двумя наклонными дощечками для писания и деревянной полки с несколькими книгами. Узкое окно смотрело на монастырскую стену.

Как мечтал я тогда затвориться в этом мирном убежище и поскорей погрузиться в изучение строгих соразмеренных гармоний, призванных сопровождать обращённые к Господу молитвы. Органист кафедрального собора отец Северин начал обучать меня музыкальной грамоте с самых азов. О, сколько премудростей и тайн поведал мне мой многомудрый учитель! Я подолгу просиживал у аналая, аккуратно обмакивая тростник в чернильницу, и старательно записывал числа, полные духовного смысла, коих существует огромное множество. Через эти символы Господь обращается к нам, призывая помнить о жизни вечной, заставляя истаять все тени и призраки в душе.

Но одной проклятой ночью прервалось моё путешествие в мир божественных созвучий. Это случилось в самом конце октября, в ту единственную в году ночь, когда

стирается грань времён, а сны становятся вещими.

Отец настоятель направил моего учителя в небольшую деревушку для настройки органа в новом храме. Отец Северин одарил меня святым благословением, и я отправился с ним. С усердием выполнив то, что надлежало, мы двинулись в обратный путь. Однако к вечеру непогода разыгралась не на шутку. Лило как из ведра, и, опасаясь вымокнуть до нитки, мы решили переждать дождь в захудалой таверне на перекрёстке двух дорог.

Угрюмый хозяин, нерасторопные слуги... Но на ужин нам подали отменный сыр, изюм и бутылку вина. Я сидел напротив отца Северина, ел и думал...

О чём я думал? Теперь я и не вспомню, ибо в памяти осталось только мгновение, когда моего слуха коснулись странные, подобные ветру гипнотизирующие звуки. Кто-то извлекал дивные арпеджио из какого-то струнного инструмента, по звучанию напоминавшего арфу.

И вдруг зазвенел красивый женский голос.

Она сидела в дальнем углу, небрежно бросив руку на спинку скамьи, в платье, туго стянутом на талии ярким платком, красивая, с пламенными глазами и гибким станом, У неё на коленях лежала арфа. Отблески огня из большого очага прыгали по стенам и сверкали в её чуть раскосых глазах. О, эта девушка стоила всех чудес на свете – тонкая, стройная, изящная... Дерзкий взгляд, воодушевляемый какой-то дикой энергией, разбросанные по плечам волосы вместе являли нечто пленительное, даже обольстительное. Но что есть красота? Наружность всего мимолетней в человеке. Она вянет и пропадает как луговой цвет.

Она играла на арфе и пела...

Её музыка не являла вдохновенной строгости церковной школы, на которой я воспитывался, но и простецкой мелодией площадного музыканта её не назовёшь. По сей день я не могу понять, как в условные формы она смогла влить дерзновенность новых звуко сочетаний и роскошь необычных гармоний. Казалось, мелодия звучит впервые с сотворения мира, ибо такое не забудешь, услышав однажды.

Она сразила меня...

Можно ли пробудить страсть с помощью музыки? Мне кажется, мой мальчик, что природа любви – это музыка. Мы слышим самые гармоничные аккорды и прекраснейшие мелодии, когда влюблены и счастливы. Когда же напротив, нас преследуют диссонансы.

Инструмент, что она держала в руках, походил на арфу – изогнутая шея, прозрачная сетка струн. Но резонатор более узкий, а струны разной длины натянуты по диагонали. Это являло собой что-то более древнее, похожее на инструмент библейского царя Давида.

Я внимал дивным созвучиям и гармониям неизреченной сладости.

Наверное, так говорили боги... Она играла, и я из деревенского паренька превращался в древнего воина, которому впервые спела натянутая тетива боевого лука. В тот день молодой лучник поднял оружие не для того, что бы убить, ибо сердце его наполняла любовь. Он натянул четыре тетивы, и создал первую арфу.

Мистическая звуковая лестница уводила меня в иные миры. Передо мной стояла не кружка с кислым вином, а золотая чаша, полная фимиама. В струнах арфы пел Эол, а в жёлтых глазах певицы мне улыбалась сама Луна.

И вдруг... завораживающий мрак, вызванный дьявольским тоном, пронзительный звук, похожий на завывание волка.

Я вздрогнул. Девушка играла какие-то дикие интервалы. Шире кварты, но уже квинты, ровно три тона... *Diabolus in musica!* Квинта дьявола! Мной овладело предчувствие и страх. Сейчас я понимаю, сколько дурных знаков посылал мне ангел-хранитель.

В тот же миг дверь таверны распахнулась, и показалась безобразная старуха. Не переступая порога, она обратилась к девушке. Старуха сыпала какими-то обрубками слов, адской смесью древних языков, отголоски которых я слышал однажды... Я не знал, что она выкрикивает. Из тёмных речений ведьмы я понял только одно – девушку звали Франческа.

Франческа не ответила, только презрительно повела плечом, легко поднялась и направилась к двери, глядя на меня. Проходя мимо, она слегка дёрнула меня за рукав, как бы приглашая идти за ней.

Я выдержал всего несколько мгновений, так тянуло меня выйти следом.

Стояла глухая ночь – чёрная, разбойничья. Дождь кончился. Луна поднялась высоко, и воздух был так прозрачен, что я различал даже изгибы ветвей на деревьях. В конюшне тревожно заржали лошади. Я оглядел двор. В двух десятках шагов какое-то животное рылось в земле. Я присмотрелся – волк.

Похолодев, одними губами я прошептал молитву:

–Святой Франциск, заступись за нас грешных!

Лёгкий шорох за спиной заставил меня оглянуться.

Рядом стояла Франческа.

Её глаза горели в лунном блеске как два жёлтых огня. Волчьи глаза...

Вблизи я рассмотрел, что она рыжеволоса, а лицо покрыто веснушками. Необычная, своеобразная красота Франчески сделала меня бессильным перед нею.

Не знаю, грехи ли её или прелесть, делали девушку такой притягательной? Ведь красота тела, в сущности, ограничена кожей. Но простое любопытство сменилось могущественным чувством. Страсть, внезапная и непобедимая, овладела мной.

Почему так глупеет человек, когда влюблён?

Франческа приблизилась так, что её дыхание обожгло мне губы, и поцеловала...

Время словно остановилось и падало на нас с небес, подобно каплям таинственного вещества.

Потом Франческа прошептала:

–Джозефе, приходи завтра после заката...

Она махнула рукой в сторону моря.

–... туда ведёт левая тропинка от развилки, что у пинии...

Если на этом свете существует тайное предчувствие беды, то я испытал нечто подобное, и это касалось моих отношений с Франческой. Глупец, тогда я даже не удивился, что она знала моё имя, хотя мы виделись впервые.

Весь следующий день мне не сиделось в келье, и я бесцельно рыскал по монастырю. Назначенная встреча с Франческой не давала мне покоя. Что-то грызло и угнетало мой дух, приобретая всё более таинственный смысл.

Солнце уже клонилось к западу, когда послышалось пение монахов, сопровождаемое звоном колокольчиков, и длинный ряд братьев-францисканцев потянулся вдоль монастырской стены, останавливаясь возле каждой часовни и вполголоса читая молитвы.

«Придите, воспоем Господу!»

Обойдя все до одной, братья вошли в церковь.

Я не пошёл с ними, а какое-то время всматривался в вечерние облака и прислушивался к звону струн, доносившемуся откуда-то издалека. Я представлял, как Франческа сидит на прибрежном песке, глядит на море и играет на арфе. Меня непреодолимо влекло туда.

Когда монастырские часы пробили восемь, я отправился на берег.

Выйдя тем вечером за пределы обители, я невольно вступил в таинственные запретные области. Мог ли я вообразить, что существует иной мир, волшебная страна, где цветы и растения источают мёд и амброзию, зреют сочные плоды. Но она уже ждала меня, эта ловушка для молодой необузданной плоти...

Неподалёку от монастыря, у старого колодца росла вечнозелёная пиния. От неё расходились две узкие тропы. Одна из них от развилки уводила к морю. Странная, заросшая по краям репейником и мареною дорожка. Будто никто давно по ней не ходил. Ветер уныло качал сорную траву, фиолетовые соцветия чертополоха. Чем дальше уходил я по тропе, тем более уставшим себя ощущал, но о возвращении даже не помышлял.

Вдруг из зарослей, прямо из-под ног выполз крупный уж. Он оставлял за собой дорожку в пыли. По змеиному следу я и вышел к берегу.

Франческа стояла у небольшого костра спиной ко мне и смотрела на море. Волны с шумом накатывали на песок. Тучи постепенно затягивали небо. Не знаю как, но она, не

обернувшись, поняла, что это я.

– Будет дождь, – сказала Франческа. – Пойдём...

Она привела меня в покосившуюся рыбацкую хижину. Но внутри оказалось уютно и хорошо натоплено, что удивило меня – как можно удержать тепло в таких ветхих стенах, защититься от сырости.

Хозяйство Франчески состояло из узкого ложа, покрытого тканью с ярким орнаментом, стола со скамьёй у крошечного окошка, маленького котелка и кружки.

Она поняла мой взгляд и сказала с улыбкой:

– Здесь найдётся всё: вода, немного хлеба, а вот вино.

Она повернулась к полке и достала несколько олив. Мы поужинали размоченным в кипятке хлебом и выпили вина.

Небрежный наряд и чудесные распущенные волосы делали Франческу неотразимой. Она заигрывала со мной, и я не мог не отвечать ей. Но тёмное предчувствие не оставляло меня.

– Хочешь, сыграю тебе на хелисе⁶? – спросила она, беря в руки инструмент.

Пальцы коснулись струн. Сначала она играла какую-то тихую, монотонную мелодию, похожую на завывание ветра. Она звучала будто внутри меня, вызывая леденящий душу страх. Потом она запела на каком-то древнем наречии. Я не знал языка Франчески, но...

...на меня обрушились рёв урагана, бушующего над морем, быстрый топот ног невидимых преследователей, спор тысячи гневных голосов...

Музыка достигла странного вибрирующего тона, будто хотела подняться до недостижимой высоты. И уже невозможно определить, звук ли это струнного инструмента или высокий человеческий голос. Дрожь волнами пробегала по телу вместе с тем, как звучали то приятные, то диссонирующие звуки. Гармония менялась крайней дисгармонией, и я переходил от эйфории к раздражению, от наслаждения к щемящей душевной боли.

А перед взором она... Лицо дивной красоты, атласная кожа, точеная шея и дикие жёлтые глаза. Сердце наполнило острое, беспокойно сладостное чувство, которое рождается при созерцании мечты, однажды ранившей сердце.

На лице Франчески блуждала улыбка, едва заметная, лукавая и двусмысленная. Она околдовала меня так, что смешанное чувство страха и вожделения, боровшихся во мне, уступило место безудержной страсти.

Необузданность желания, вызванная пением хелиса, подобная священной ярости, овладела мной. Специфическое звучание арпеджио пробуждали не веселье и не грусть, а тревогу. И в них явно слышалась нота дьявола, дьявольский тон.

Я смотрел на Франческу мутными от блаженства и ужаса глазами, безотчётно пытаюсь отдалиться. Но её горячие ладони и лихорадочно блестящие глаза сожгли последние мосты. Разумеется, то, чему суждено совершиться, то совершится. Шатаясь от пьянящего восторга, я подошёл к ней.

Потом была ветреная ночь, неплотно закрытая поскрипывающая дверь, обращённая к морю, и вспыхнувшая ярко как сигнальный костёр страсть.

Франческа ничего не просила у меня, дрожа, как стрела, сорвавшаяся с тетивы. Казалось, она хочет только любви.

Блаженство затопило всё моё существо, и я вошёл в светозарную арку дворца сияющих грёз. Но на острие сладости ощущалась мука и предчувствие чего-то страшного. Эта девушка опутала мою душу сетями самых греховных желаний, сплела прочную нить, на которой держала мою волю. Одним жестом она превратила убогую лачугу в сказочный дворец.

Рассвет я встретил в объятиях Франчески.

⁶ Хелис – разновидность лиры, простейшая и самая лёгкая по весу, с корпусом из панциря черепахи, обтянутым воловьей кожей. Техника игры на всех античных лирах примерно одинакова: музыкант держал инструмент под углом примерно 45 градусов к корпусу, играя стоя или сидя.

С той ночи я не находил покоя ни во время церковной службы, ни посреди благочестивых занятий.

Началась странная, полусознательная, хотя тайно-сладостная жизнь. Я всё время чувствовал близость Франчески, желал её до изнеможения, до невозможности дышать. Мечтая освободиться, словно предчувствуя беду, душа взывала: «Спаситель, или Ты не слышишь: не введи во искушение!»

Но вечером я снова спешил на берег, входил в хижину, Франческа играла мне на дьявольской арфе и пела древнюю песнь.

— Возьмем от любви всё, что она может дать, — шептала она.

Безумная страсть и жгучие объятия всю ночь. Утомленные, под утро мы засыпали, а вскоре нас будил монастырский колокол.

Бледный и обессиленный, возвращался я в свою келью.

Я стоял на краю бездны... Передо мной будто разверзлась пропасть. Как легко и соблазнительно было сорваться вниз. Между жизнью в монастыре и неистовствами в хижине Франчески лежала узкая, тоньше волоса тропинка, и пройти по ней я мог только сам.

Крошечный, едва заметный, в дидимову комму⁷, диссонанс разрушал гармонию моей прежней жизни.

Днём в храме я внимал дивному благогласию псалмов, заставляющему взлетать к куполу священные энергии, а ночью слушал немыслимые созвучия древнего хелиса и стоны любовницы. Два мира сошлись яростной схватке за мою душу. Жуткая дисгармония... Волчья квинта...

Я находился на грани сумасшествия, не владел собой, не знал, чего желаю, о чём всеокрушающая тоска в сердце. Опьянение Франческой задрнуло передо мной действительность. Жизнь приобрела вкус сладостного, но смертельного яда.

Никто не знал о моих ночных свиданиях. При одной мысли, что отец Северин мог догадаться о нашей с Франческой любви, я начинал трепетать от страха.

Днём, выполняя свои ежедневные обязанности в монастыре, я думал только о ней. Всё озарялось пламенем чувственности. Проходя под аркадами монастыря, я испытывал смятение, а моё тело нетерпеливо ожидало новой встречи. Не в состоянии противиться мечтам о Франческе, даже мысленно впадая в грех, я стонал, лёжа на каменных плитах. Я так сильно желал её, что чувствовал весь стыд греха.

Но приближалась ночь, и я, потворствуя тёмной силе, обольстительной и ужасной, бежал по тропинке на берег, Франческа вела меня в хижину, брала в руки арфу, и тихие звуки погружали меня в сладостный сон, и мы снова и снова возобновляли наш тайный брак, предаваясь любви под свет углей в остывающем очаге.

Однажды, в миг чувственного восторга, я уловил на её губах победную усмешку, которую она не смогла скрыть. На дне моих глаз навсегда осталось лицо Франчески в то мгновение. В её улыбке таилось что-то порочное, а в жёлтых глазах... предсмертная грусть. Тёмный страх сжал мне сердце. Потом она слегка отстранилась и произнесла какую-то фразу...

О, в ней жила ещё одна женщина! Женщина из породы иных существ. Моя сонная душа предчувствовала ужас, неизбежную гибель.

Проходила ночь за ночью, и бороться со сладким полубытием стоило мне огромных усилий. Её любовь оказалась ароматным, но ядовитым зельем. Я жадно припал к этой чаше и выпил до дна. Я стыдился своей страсти, чувствуя, что в ней больше магии, чем любви. В голове постоянно слышались звуки хелиса и зов Франчески: «Приди ко мне!» Она гипнотизировала меня напряжением тёмной воли и загадочными звуками древней арфы. Даже туман под луною приобретал для меня очертания тел соединяющихся любовников.

⁷ Дидимова, или так называемая синтоническая, или малая, комма (Komma Syntonicum) — интервал менее малой секунды (80/81).

Франческа, моя любовь, моя страсть, мой враг...

Так продолжалось несколько недель, пока я совершенно не обессилел и не превратился в тень, пустую оболочку.

Мой мудрый учитель отец Северин, требовал объяснений, возможно, догадываясь о чём-то.

– Уж не богомерзский ли суккуб мучает тебя по ночам, мой мальчик?

Но я не решился открыть тайну нашей с Франческой блаженной обители.

Однажды утром я едва смог подняться, чтобы пойти к заутрене. Силы оставили меня, я не мог вернуться к прежней жизни. В голове переплелись воспоминания, мысли, чувства.

Меня уложили в постель, позвали лекаря. Нервная горячка так глубоко потрясла мою душу, что она не знала, как освободиться от наваждения.

Я принял твёрдое решение стать монахом.

Отец Северин неустанно молился обо мне Господу, и день ото дня исцеление неуклонно наступало. Я перестал бывать у Франчески, и постепенно возвращался в привычное состояние.

Но однажды после вечерни ко мне подошёл один из братьев и сказал, что меня ждут у монастырских ворот. Сердце в груди ёкнуло, но я бросился туда со всех ног.

За воротами стояла старуха. Та, что я видел в таверне в день знакомства с Франческой. Устремив на меня повелительный, гипнотизирующий взгляд, она размахивала руками, кричала грубые слова, грозила кулаком и указывала чёрным кривым пальцем в сторону моря.

– Франческа, Франческа, – повторяла она.

Предчувствуя недоброе, я бросился в церковь и упал на колени перед алтарём. Но слишком тусклый свет лампы не позволил мне увидеть, как Архангел Михаил сражается с дьяволом...

Долго лежал я, простёртый ниц, словно в оцепенении, не в силах молиться.

Когда наступила ночь, и на небе зажглись огромные звёзды, вместе с братьями я вышел из церкви после полунощницы.

Вдруг среди безмолвия раздался странный звук, похожий на рыдание. Словно запели сразу несколько арф одновременно. Звук налетел, как волна на прибрежный песок, и растаял. Я перекрестился и с лёгкой дрожью подумал, что слышу звуки мира нездешнего.

– Дьявол свадьбу справляет, – сказал старый монах, шедший рядом, и осенил себя крестом.

Сердце моё заныло, навалилась тоска. Схватив фонарь, я бросился к берегу....

Порывистый ветер рвал на мне одежду, прижимал к земле сухую траву и брызгал в лицо первыми каплями дождя. Я едва успел добежать до хижины Франчески, как хлынул ливень. Ветер яростно трепал не затворённую дверь хибарки, то распахивая настежь, то захлопывая.

Я вошёл. Внутри пахло прахом и плесенью. На полу у порога брошен платок, рядом хелис. Подняв фонарь повыше, я шагнул вперёд.

Она лежала на узком ложе, устремив на меня жёлтые глаза с сильно уменьшенными зрачками. Никогда не забыть мне этот жуткий взгляд – грозный, безжалостный, по-звериному жестокий.

Франческа умерла в ту ночь...

Она лежала передо мной на алтаре нашей любви, оплаканная только мною и дождём. С тоской глядя на прекрасное тело Франчески, я не мог поверить, что оно мертво.

Эта женщина как черта у зеркала, разделившая мою жизнь на две несогласуемые части, открывшая мне вселенную чувств.

Франческа, моя вакханка и моя невеста...

В часы бдения у тела усопшей царила невообразимая тишина. Свечи догорали, я зажигал новые, потом открывал ненадолго дверь, чтобы проветрить комнату, и возвращалась обратно.

Я сам выкопал могилу под молодым, промокшим насквозь кипарисом, и засыпал землёй свою возлюбленную.

Прислонившись щекой к сырой земле, я рыдал неутешающими рыданиями.

– Спи, моя любимая, пусть тебя убаюкивает ветер....

Всю ночь я провёл на могиле Франчески, слушая, как в завываниях ветра рождается полная скорби и отчаяния мелодия. К утру, совершенно окоченев в холодном тумане, я вернулся в опустевший домик, и содрогнулся от страшной тишины.

Стоя на пороге полуразрушенной рыбацкой лачуги, я смотрел и не узнавал это место. Как я попал сюда? Дверь и окна хижины выломаны, пол давно сгнил, чёрные трещины зияли в облупившихся стенах. Злой сырой ветер будто хотел смести жалкие развалины с лица земли.

В неярких бликах пасмурного утреннего света я увидел хелис, арфу дьявола, таинственную древнюю лиру, певшую мне о никогда не утоляемой страсти. Он валялся на полу возле ложа. Мой искуситель умер вместе с Франческой.

Дрожащими руками я потянулся к хелису. Словно голос с небес провозгласил мне: «Скрой то, что является вражьей силой, уничтожь его!»

Той ночью я сжёг хелис вместе с развалинами дома.

По серому небу с бешеной скоростью мчались низкие тучи, сливаясь с бушующим морем и дымом пепелища.

Не помню, как я добрёл до монастыря.

Оставшись один, я наглухо закрылся в келье, ибо мне захотелось умереть, прекратить существование. Чувство вины мучило меня. Почему умерла Франческа? От любви ко мне, из-за того, что я её бросил? А если отец Северин прав, и мне являлся жуткий суккуб, порождение лукавого?

Весь день после похорон Франчески я мучил себя, но так и не нашёл ответа.

Глубоким вечером, когда свеча на аналое уже догорала, в окно возле самой постели, заглянула луна, и на пол легли белые пятна.

Спать не хотелось, но я задул свечу, лёг, силясь забыться. В бессоннице я обвинял лунный свет и даже попробовал найти что-нибудь, чем можно занавесить окно, но не нашёл.

Я долго читал молитвы, и, наконец, заснул.

Не помню, что я видел во сне, вероятно, что-то страшное, ибо вскоре в испуге проснулся от толчка в рёбра. Продолжая лежать, я разглядывал келью. От напряжения казалось, что все предметы шевелятся.

Вдруг что-то мягкое сорвалось с подоконника и упало вниз. Через некоторое время я услышал шаги как будто животного и стон – не то звериный, не то человеческий...

– Человек или зверь, – воскликнул я, – повелеваю тебе именем Господа Иисуса Христа, скажи, кто ты.

За дверью послышался шорох, а потом голос. Кто-то тихонько запел.

Я задрожал всем телом, будто под ледяным дождём.

Голос звучал как из-под земли, но я узнал его...

Затем дверь медленно, бесшумно отворилась... и в комнату вплыла она....

В тусклом лунном свете, в платье, измазанном землёй, стояла Франческа. Она поднимала руки, то ли подзывая, то ли указывая на меня.

– Франческа? – промолвил я одними губами, ибо горло сдавил ужас.

Та, что стояла передо мной, походила на Франческу, но не была ею. Она шагнула вперёд. Её лицо ушло из лунной полосы, и в темноте светились только глаза – жёлтые,

дерзкие, зовущие, холодные, хищные... Глаза волчицы...

Привидение проплыло через всю комнату. Оно улыбнулось бледными губами и прошептало:

– Джозефе, где мой хелис? Верни мне хелис. Как же я спою тебе без него? Мука тяготит меня. Помоги мне сбросить этот груз. Коснись меня рукой. Ты прибежище моих наслаждений...

Прекрасное лицо искажала смертная мука, глаза смотрели на меня, но не видели, вместо улыбки – судорога трупной агонии. Она следила за мной невидящими глазами. Потом наклонилась и коснулась моих губ ледяными безжизненными губами.

Мы слились в чудовищном поцелуе.

Всё исчезло в мучительном, ни с чем несравнимом страдании....

...на рассвете меня разбудил протяжный звон монастырского колокола.

День прошёл в неустанных молитвах о несчастной грешнице. Я не знал, каким богам поклонялась Франческа, но просил Господа спасения для неё...

Следующей ночи я ждал. И Франческа снова пришла.

Когда луна заглянула в окно, неодолимая сонливость заставила мои веки на время смежиться. Но когда сон начал туманить мне голову, каким-то чутьём я уловил, что Франческа где-то рядом. Послышался шорох платья, а потом тихое пение...

Я открыл глаза. Она стояла у порога. У меня едва хватило самообладания, чтобы не закричать.

– Любовь моя, – прошептала Франческа. – Ты мне дороже жизни и души! Тебя, одного тебя хочу!

Как ни пытался я отвести глаза, но ей всё-таки удалось схватить мой взгляд, связав нас прочной алой нитью. Я испытывал невыразимый душевный гнёт. Ее жёлтые глаза – так мне почудилось – старались проникнуть в мои мысли. Я подчинился, не сделав даже попытки сопротивляться. Её губы кривились в победной усмешке торжества.

Она медленно подплыла ко мне и наклонилась так низко, что я почувствовал могильный холод.

В смертельном порыве, она вновь и вновь звала: «Приди ко мне!...»

...порывы страсти сменялись приступами панического ужаса...

Я снова умирал, испытывая непередаваемые страдания, словно все атомы моего тела поменяли взаимоотношения.

В глубине души трепетало жуткое желание, затаённая радость – войти в таинственный мир моей мёртвой возлюбленной, отдаться запредельной любви навсегда.

Прошёл ещё день. Но дневные занятия не возвращали мне ясности сознания. Надо мной тяготел чёрный морок. Я понял, что только и жду ночи, страшась и желая появления Франчески. Ко мне вернулось мучительное томление страсти.

Я снова жаждал её. Я знал, что она придёт...

...Ещё не начинало светать, и тьма казалась мёртвой, когда на лестнице раздались шаги. Затем дверь бесшумно отворилась, и в комнату вплыла Франческа. В одной руке она держала воображаемую арфу, другой трогала струны.

– Джозефе! Где мой хелис?! Я жду...

В ушах зазвучали дикие арпеджио, и некуда было спрятаться от всепроникающих безжалостных звуков. Надо мной раскинулась тонкая сеть из огненных нитей.

Я понимал, что гибну. Утром мне едва хватило сил, что бы подняться и выйти из дома послушников.

Меня не пугала мысль об адских муках, я лишь сожалел о том, что сжѐг хелис. Возможно, я смог бы откупиться... Теперь её инструментом стал я сам. Она играла мною, она играла на мне, как на хелисе!

Я должен был умереть или снять проклятье. Разгоняя морок пламенем искренней веры, мучимый виной перед возлюбленной, я отправился на её могилу и обрызгал святой водой невысокий холмик ещё не успевшей затвердеть земли. Тот час над ней поднялось белое облачко, в котором угадывались очертания обольстительного тела Франчески, и слышались её тихие стоны. Она проплыла между могил мимо меня и исчезла...

Я задыхался и плакал.

В ту ночь Франческа пришла в последний раз. Я начал уже дремать, когда она влетела в окно на лунном луче. Черты лица блистали гибельной красотой, но... её глазам уже открылись вечные муки.

– Что ты наделал, Джозефе! – крикнула она. – Иди же ко мне, любовь моя... Я люблю тебя, ты – жених мой!

Совершенно обессиленный я сполз с ложа, а Франческа обволокла меня и страстно обнимала всю ночь.

Перед рассветом она низко наклонилась, коснулась ледяной рукой моей груди и, как мне показалось, вынула моё сердце...

...Очнулся я при ярком свете дня, совершенно разбитый то ли падением, то ли неистовой любовью моей мёртвой суженой.

Я поднялся, мучимый жаждой и острой болью за грудиной, дотащился до монастырского колодца и долго пил. Вода горчила, как та, что омывает самое сердце земли, – подземная, чёрная, холодная.

С тех пор душа моя иссохла. Томление страсти навсегда покинуло тело, а любовь сердце. Ни одна, даже самая прекрасная женщина, больше никогда не пробуждала во мне чувств. Я освободился от Франчески и... от всех земных желаний. Даже в музыке я вижу лишь воплощение чисел и ищущую гармонии не земные, но небесные.

Карлино тяжело облокотился на стол и обхватил голову руками. Лицо его осунулось, глаза померкли. Он выглядел очень измученным и... старым.

Джованни Д'Артузио потрясённо смотрел на учителя. Тот помолчал и продолжил, а вернее, завершил свою повесть:

– Тридцать лет прошло с той поры, Джованни. Но и по сей день я не могу сказать точно – существовала ли Франческа на самом деле, или это мучил меня богомерзкий суккуб. Может быть, демоны туманили мне сознание, или лукавый искушал перед тем, как я совсем распрощался с мирским? И ещё...

Глаза Карлино наполнились ужасом.

–...странная, страшная мысль иногда поднимается из тёмных глубин сознания: а что, если Франческа вернётся за мной?

Карлино поднялся по грязной лестнице с обтёртыми ступенями в отведённую ему комнату.

За окном холодный ветер гремел голыми почерневшими ветками тополей.

Он помолился и лёг спать, а в тоскливой полутьме сырого пасмурного утра его разбудил звук, похожий на собачий вой. Карлино поднялся с кровати и подошёл к окну.

Остроухая серая собака стояла в воротах и исподлобья смотрела прямо на него жёлтыми глазами. Карлино пригляделся. Это был волк.

Зверь завыл. Слабо, тонко, с хрипотцой...

–Волчья квинта... – прошептал Карлино.

Странная тоска стеснила сердце. Он вернулся в постель.

Когда Джованни Д'Артузио постучался в дверь комнаты своего учителя, никто не ответил. Обеспокоившись, Джованни вошёл и обнаружил его в ужасном состоянии. Тот не отвечал на вопросы, только смотрел в дальний угол комнаты безумными глазами.

В то утро Джозефе Карлино отдал Богу душу, даже не успев приобщиться Святых Тайн.

Перед тем, как выдохнуть в последний раз, он крепко схватил руку ученика и произнёс:

– Говорят, в каждом человеке звучит своя нота. Что за нота звучала во мне?

Встань и иди (Илья Обьедков)

- Что ж ты, глупый, сбежал?- Хаим протянул ладонь ягнёнку и, тот ткнулся в неё носом. – Пойдём скорее. Он обещал сегодня прийти, а я за тобой тут гоняюсь.

Мальчик поднял белокудрого озорника и, осторожно ступая по острым береговым камням, побрёл вдоль крутого скалистого обрыва, возвышающегося над ним мрачной стеной.

- Представляешь, Назаретянин сам к нам идёт! – обратился Хаим к, вздрагивающему от шипения морских волн, ягнёнку. - Отец много раз пытался на проповедь к нему попасть, а тут он сам. Представляешь! Говорят, он может словом болезни лечить. Глядишь, и маме ногу вылечит. И ещё, его сыном Божиим называют. Чудеса! А ты убежать надумал. Знаешь же, как отец ругается, когда овцы пропадают.

Так, болтая с беглецом, мальчишка дошёл до узкой тропы, ведущей вверх на скалу. Солнце уже клонилось к закату и стоило поторопиться, ведь в сумерках подниматься было опасно. Хаим перехватил поудобней ягненка, и уже было собрался пробираться вверх, как услышал крики. Наверху, на обрыве, слышался неразборчивый шум. Ветер уносил голоса, роняя со скалы обрывки фраз.

- Имя! Имя! – донёсся крик, и хохот был ему ответом.

- Легион! - раздался рёв, сквозь внезапно утихший ветер.

Хаиму стало страшно. Он понимал, что там, наверху происходит что-то нехорошее. Мальчик придерживал рукой ягнёнка, а другой, закрываясь от света закатного солнца, смотрел на край скалы. Вдруг он заметил движение, и вниз, с визгом и рёвом, упала большая свинья. Она рухнула у почти самых ног Хаима, забрызгав его кровью. Мальчик в ужасе сделал шаг назад, ягнёнок вырвался у него из рук и побежал. Хаим, опомнившись, хотел броситься следом, но не успел. Воздух наполнился рычанием и воем, а с обрыва, одна, за другой, стали падать свиньи. Пятнистые туши с хрустом обрушивались на острые камни. Одни разбивались насмерть, другие, с хрипением, пытались ползти на поломанных ногах.

Хаим, оскальзываясь на окровавленных камнях и внутренностях свиней, бежал и плакал. А сверху всё падали и падали, визжащие животные. Неожиданно прямо перед мальчишкой рухнула свинья, он с разбегу влетел на неё и упал, ударившись затылком о камень. В голове вспыхнуло солнце и, теряя сознание, он видел, как бешено вращается глаз умирающего зверя.

Очнулся Хаим оттого, что кто-то ткнул его в щеку. Он вскрикнул и поднялся, спугнув ворону, сидящую у него на груди. Солнце пекло над самой головой – значит уже полдень. Туши свиней вздулись, наполнив побережье смрадом. Стаи ворон, несмотря на богатую добычу, шумно дрались между собой. Хаим, зажимая нос и сдерживая тошноту, побрёл подальше от этого кладбища. У мальчика ужасно болела голова, и казалось, готова была развалиться при каждом шаге. Он нащупал на затылке, под спёкшейся коркой крови, большую шишку и горестно вздохнул. Это мелочи в сравнении с пропажей ягнёнка. Отец теперь точно выпорет. И откуда взялись эти свиньи?

Выбравшись, по каменистой тропинке наверх, Хаим побежал к дому. А когда приблизился к деревне, то увидел большое скопление народа. Мальчишка сначала обрадовался, подумав, что это пророк со своими учениками и отцу теперь точно дела до овец не будет. Но, подойдя ближе, понял, что ошибался. Это были римские солдаты. Они выгнали людей из домов и собрали их на площади. Хаим, взглядом отыскивая родителей, хотел проскользнуть в тени домов, но один римлянин схватил его за шиворот и толкнул к остальным. Мальчика охватил ужас. Люди шумел, не понимая, чего от них хотят. Хаим почувствовал, как, ограждая от других, руки матери обнимают его.

- Ма, где отец? – спросил он, прижимаясь.

Мальчик видел, что мать едва сдерживает рыдания и, проследив её взгляд, заметил несколько человек, лежащих на обочине дороги в луже крови. Слёзы лились по щекам мамы,

и она крепко прижала к себе сына. Хаим всё бы отдал и стерпел любое наказание, лишь бы его отца не было среди тех убитых.

Римляне построили жителей деревни и по сигналу рожка погнали их к Старым Холмам. Хаим знал эту дорогу. Она вела мимо пещеры, в которой он со стадом овец не раз переживал дождь. Солдаты загнали ничего не понимающих людей в тёмный лаз пещеры, оставив несколько человек снаружи. И, по приказу, те стали заваливать валунами вход. Люди закричали. Несколько мужчин бросились наружу, но тут же, мёртвые скатились вниз. Женщины рыдали, умоляя выпустить детей, но камни продолжали сыпаться. И вскоре исчез последний луч света, а в наступившей темноте ещё долго слышались глухие удары камней.

Хаим задышался от пыли и, уткнувшись головой в маму, провалился в забытие. Когда он очнулся, уже всё стихло. В темноте тихо переговаривались между собой люди. Мама мальчика рассказала, что произошло. Пророк из Назарета, всё-таки, приходил. Он проповедовал и даже исцелил одного бесноватого, изгнав из него демона. А потом ушёл, а следом появились римляне. Легат пропретор годарских земель - Марк Люций, требовал выдать чародея из Назарета. Он говорил, что не потерпит беспорядка на своей земле. Отец Хаима и ещё несколько мужчин пытались возразить римлянину, но были убиты. Люди были в ужасе – никогда их деревня не переживала столько страха. Они бы и рады были рассказать, где пророк, да и вправду, сами не знали.

Марк Люций недавно был прислан сюда с северных, заснеженных стран. Купцы с Годара говорили, что там он предавал огню и мечу непокорных варваров и за излишние зверства был снят с должности наместника и отправлен сюда.

Мужчины пытались развести огонь, но дым душил бедных узников. Много раз люди бросались на каменный завал, но подняв клубы пыли, отступали не в силах сдвинуть валуны.

Там, снаружи, Хаим измерял время по положению солнца на небе. Сейчас же мрак забрал всё – и время и солнце.

Сначала люди звали на помощь, но постепенно крики стали затихать. Дети просили еды и плакали. Голова у Хаима ужасно болела, и мама гладила его и успокаивала. Он лежал, прижавшись к её коленям, и думал об отце. Будь он здесь, то обязательно нашёл бы выход.

- Успокойся, маленький, – шептала мама. - Скоро всё кончится.

А Хаим уже не был маленьким и понимал, чем всё кончается.

Однажды, проснувшись, Хаим позвал маму, но она не отозвалась. Он протянул к ней руку и в ужасе отдёргнул. Она была холодная, как камень.

Тьма поглотила всех и теперь переваривала одного за другим. Хаим тихо плакал и часто терял сознание, а, очнувшись, слышал, что голосов и стонов становилось меньше. Самый стойкий оказался старик Шима. Его дребезжащий голос ещё долго сотрясал пещеру. Он просил темноту отпустить его и дать поесть. Но та отзывалась эхом, передразнивая его крики. Пожалев старика, Хаим откликнулся, но тут же понял, что зря. Шима притих и тотчас бросился на голос. Мальчик едва успел отползти в сторону. Старик, громко сопя, шарил вокруг себя руками.

- Мальчик. Где... где ты. Я же слышал, как ты меня звал. Отзовись, – визгливо бормотал Шима. – У меня для тебя кое-что есть. Протяни руку, мальчик. Еда, слышишь, еда у меня есть.

Хаим вжимался в стену пещеры, боясь дышать. Шима совсем сошёл с ума от голода. Мальчик представлял, как старик, словно паук, длинными лапами ощупывает мёртвые тела, в поисках свежей добычи.

- Иди сюда! - неожиданно взревел Шима. – Ты всё равно сдохнешь. Я найду тебя и съем!

Хаим, зажимая рвущийся крик двумя руками, плакал и просил бога о помощи.

Время шло. Хаим совсем обессилил. Он боялся спать, ему виделось, как безумный

Шима крадётся к нему во тьме, с окровавленным ртом и белыми, как молоко, глазами.

Вскоре старика не стало слышно. Темнота, казалось, заполнила всё. Она затекла в уши, набилась в рот. Темнота внутри и снаружи. И тогда Хаим услышал голос.

- Отпусти - и- и, - протяжный стон перепугал мальчишку. Он выставил вперёд руки, изготавившись, вцепится в любого, кто приблизится.

- Отпусти меня-я-я.

- Кто здесь? - всхлипнул Хаим.

- Не бойся, Хаим, и не старайся переглядеть тьму. Я с тобой. Я в тебе.

Хаим зажал уши руками, но голос звучал в голове.

- Не прячься, малыш, я не желаю тебе зла. Я хочу тебе помочь.

Негромкий приятный голос немного успокоил мальчика.

- Кто ты?

- Зови меня - Ангел. Я буду хранить тебя. Ты только меня отпусти.

- Откуда отпустить? Где ты?

- Скажи, что отпускаешь меня, и я помогу тебе выбраться.

- Отсюда нет выхода. Там много камней.

В голове раздался смешок.

- Я Ангел, Хаим, и на многое способен. Я уже храню тебя. Посмотри, вокруг все мертвы – один ты жив. Поверь мне, мальчик, и я выведу тебя на свет.

Хаим заплакал. Отец не раз рассказывал ему об англах. Они являлись голосом Бога, его гневом и благодатью. И их слова – есть воля Его.

- Хорошо. Иди, я отпускаю тебя, – произнёс мальчик во тьму.

По пещере разнесся долгий вздох. Тьма зашевелилась. Всколыхнуло воздух и в лицо Хаима пахнуло мёртвым смрадом. словно светлячки, попарно загорались тусклые звёздочки - точки. Их становилось больше, и бледный свет наполнял пещеру. Это светились глаза. Глаза мертвецов. Хаим закусил губу, чтобы не закричать. Все жители деревни, мёртвые, стояли серыми столбами в мрачном молчании и их горящие взгляды были устремлены на мальчика. Хаим слышал, как затихало дыхание каждого из них, как крики превращались в хрипы, а теперь они все воскресли.

Тишина давила сильнее низкого свода пещеры. Хаим искал, куда бы скрыться, как вдруг раздался визгливый крик. Старик Шима оказался ещё жив, и вот теперь, очнувшись, увидел перед собой толпу мертвецов. Странно, но старика Хаим испугался больше, чем восставших. Мёртвые как один обернулись и, словно, повинаясь приказу мальчика, пошли на верещащего Шиму. Они сомкнули ряды и на стены полетели чёрные, в полумраке, брызги крови. Его хрипящие крики прекратились, и мертвецы вновь направили взор на Хаима.

- Приказывай, Хаим. Ты хочешь наружу, на воздух? – спокойно спросил Ангел.

- Да.

Не медля ни мгновения, толпа бросилась на каменный завал. Мёртвые выворачивали камни, которые раньше не в силах были поднять. Клубы пыли затмили бледное мерцание их глаз, и в пещере вновь воцарилась тьма. Хаим упал на каменный пол и закрыл воротом рот, спасаясь от пыли. Но она сгущалась, мешая дышать. Казалось, в грудь набили острых камней, и они впивались при каждом вдохе. Теряя сознание, Хаим почувствовал сквозь закрытые веки прикосновение света. И, перед тем как провалится во тьму, мальчишку подхватили и куда-то понесли.

- Вставай, Хаим. Уже пора, – пропел мамин голос.

Хаим улыбнулся и потянулся, но тут же резко сел. Мама умерла! Мальчик сидел в тени нависшей скалы, а перед ним, на солнцепёке, стояла толпа, серых от пыли мертвецов. Недвижимые, словно статуи, облепленные мухами, они смотрели мутными глазами на Хаима.

- Это твоё стадо, ты их пастырь и хозяин, – прозвучал в голове строгий голос отца, и тут же продолжил голосом Ангела. – И нет преданной овец, но под каждой шкурой скрыт лев.

- Где ты? – спросил, озираясь, мальчик.

- Я же говорил – в тебе.

- Почему... во мне? Откуда ты взялся?

- Ну, считай, для тебя я спустился сверху. Помнишь свиней? То было знамение моего прихода. В тебе есть искра, Хаим. Искра божья. Не каждый выдержит моё присутствие. Ты сильный, и мне нужна твоя сила.

- Ты обещал уйти, - сказал Хаим, выискивая в безликой толпе свою маму.

- Да, обещал, малыш. Я говорил, что освобожу тебя. Но разве ты свободен? Из плена каменной темницы ты перебрался в более просторную. И не ищи мать. Она умела там - во тьме. Я поднял их тела своей волей. Это лишь пустые оболочки, но они приведут тебя к цели.

- Мама! – Увидев знакомую фигуру, крикнул мальчик и бросился к толпе мертвецов. Они послушно расступились. Смерть исказила лицо женщины, а трупный запах пропитал воздух кругом. Хаим коснулся холодной руки матери. Она заворчала, но не шевельнулась.

- Она мертва, как и все остальные, – голос Ангела патокой лился в уши. - И ты знаешь, кто в этом виноват.

- Кто? - всхлипнул мальчик.

- Он обрёк вас на смерть, замурав в пещере. Ты помнишь плач и крики людей? На твоих руках угасала мать. Кого проклинали перед мучительной смертью?

- Марк Люций.

- Да, – выдохнул Ангел. – Он сейчас в Годаре, плещется в ванной, забыв о вас и о том, что сделал. Вы для него - никто.

У Хаима слёзы навернулись на глаза.

- Что я могу сделать?

- Может, потому и свершилась воля божья. Он, видя творимую несправедливость, поднял из праха мёртвых, чтобы ты, избранник Его, повёл их за собой. Перед тобой твоя армия, Хаим. И нет преданней и бесстрашней солдат, – возликовал Ангел. – Прикажи, и они положат Годар к твоим ногам.

- Это плохо, – растерялся мальчик. – Назаретянин учил смиряться.

- Смирись, - захихикал Ангел. - И сколько ещё деревень пропадёт с земли годарской. Время добра прошло. Дай свободу своим желаниям. Марк должен понести наказание за содеянное. Вспомни боль и скажи, чего хочешь ты.

В ушах Хаима, до сих пор, стоял плач детей и тихая молитва матери.

- Да. Я хочу возмездия.

В голове раздался рычание и хохот. И, повинаясь незримому командиру, мертвецы встрепенулись, стряхивая пыль, и побежали в сторону города. Рослый пастух с ввалившимися белёсыми глазами подхватил Хаима, словно тряпичную куклу, и прыжками понёсся следом. У мальчика не было сил сопротивляться. Его сковала бесконечная усталость и безразличие. Он уже сомневался, что это всё происходит на самом деле. Он умер там, в пещере, вместе со всеми. И теперь они просто куклы из пыли и праха, гонимые ветром.

Мертвецы бежали молчаливой толпой. К полудню из-за холма показался Годар, стоящий у берега моря и прохладный ветерок остудил пылающую грудь мальчика. С дозорных постов заметили бегущих людей, и, по звуку рожка, навстречу вышел строй латных легионеров. Мертвец поставил на землю Хаима и, вместе с остальными, ринулся на красные щиты римских воинов. Их строй разомкнулся, пропуская вперёд лучников, и рой стрел снёс бегущую толпу.

- Смотри, – зашептал довольный Ангел. – Нельзя убить то, что мертво.

Мёртвые вставали с дорожной пыли, утыканные стелами, и шли дальше. Легионеры не растерялись. Выставив копья они двинулись стеной на бегущих. Мертвецы накатились волной на щиты. Воины рубили мечами не желающие умирать тела. Ангел одарил мёртвых нечеловеческой силой. Они мяли щиты, ломали копья и, наконец, пробили брешь в строе римлян.

- Ты только посмотри, Хаим! Твои воины бессмертны и у них есть оружие. Гляди!

Хаим зачарованно смотрел на резню у стен города. Пыль под ногами превратилась в кровавое месиво. Легионеры отточенными ударами рубили мертвецов, но те вновь вставали. Даже с подрубленными ногами и, волочащимися по пыли верёвками внутренностей, они ползли к врагу. Воскресшие скрюченными пальцами срывали кожаные латы легионеров и рвали кольчугу, словно гнилую ткань. Вгрызались зубами в плоть, подминая под себя воинов.

- Смотри!

Поверженные легионеры, ещё мгновение назад мёртвые и терзаемые воскресшими, зашевелились. Они поднимались и бросались на своих же воинов, впиваясь в них зубами. Строй распался. Было непонятно, кто с кем воюет. Волна мёртвых накрыла окровавленных солдат. Бой стих, и толпа оживших легионеров пополнила мёртвое воинство.

- Он в городе. Марк Люций скрывается за стенами Годара, – зашептал Ангел в голове Хаима. – Веди своё войско.

Мёртвые, не дожидаясь приказа, развернулись и бросились в город. Толпа зевак, собравшаяся у главных ворот, забеспокоилась – что могло обратить в бегство римских воинов. И тут же была подмята волной оживших мертвецов.

- Тебе нужно набираться сил, – сказал Ангел. – Иди следом.

И Хаим, с трудом передвигая ноги, побрёл в Годар. Дорога опустела, остались лишь несколько изорванных тел, пытающихся подняться. В городе слышались крики. Мертвые врывались в дома, а люди, оскальзываясь на окровавленной мостовой, пытались бежать. Сразу, за гостеприимно распахнутыми воротами города, был рынок. Толпа мертвецов разогнала торговцев. Всюду были разбросаны фрукты из опрокинутых корзин. У Хаима заурчало в животе. Голод, мучавший его в пещере, ушёл, уступив место бессилию, но теперь вновь вернулся. Хаим упал на колени и стал жадно набивать рот виноградом и сыром. Казалось, ничего вкусней он никогда не пробовал. Рядом послышалось ворчание, и мальчик повернул голову. На спине валялся толстый человек, а на нём лежала, погрузив голову в разорванную грудь маленькая девочка. Она рычала, яростно терзая мёртвое тело и, словно почувствовав взгляд Хаима, подняла голову. Мальчик едва сдержал крик. Белые глаза на покрытом кровавыми сгустками лице пылали ненавистью.

- Хватит, – прошептал мальчик.

- Почему? – отозвался Ангел. – Твоя армия выполняет твою волю. Она мстит за смерть твоего народа.

- Хватит, – к горлу Хаима подкатил комок.

Он оглянулся. Как он раньше не заметил этого. Вокруг, среди разбросанных столов и корзин, валялись мёртвые. Некоторые уже начинали оживать, вращая белесыми глазами и хватая растопыренными пальцами воздух. Кровь! Всюду кровь.

- Смотри, тебе подарок, - хохотнул Ангел.

По заваленной мусором улице шла мама Хаима. Одна рука в плече была срублена и висела на лоскуте кожи, а другой она вела человека. Он делал попытки вырваться, но пальцы мертвеца, прорвав тунику на плече, глубоко вошли в тело.

- Марк Люций. Вот он, источник ваших бед, – мрачно проговорил Ангел. - Что скажешь теперь, Хаим? Прикажешь остановиться? Ведь всё, что произошло тогда и происходит сейчас – это его вина. Вспомни свою боль и скажи, что ты хочешь.

Хаим помнил. Отчаяние, боль и голод, крики и плач детей. Как остывал воздух в пещере, уже не согреваемый ничьим дыханием.

- Я хочу, чтобы он умер.

Мама Хаима надела на плечо Люция, ещё сильнее вонзив в него пальцы, и поставила его на колени. Тот не издал ни звука, лишь заиграли желваки на гладко выбитых скулах. Тогда воскресшая запустила окровавленные пальцы в рот римлянина и, резко дёрнув, вырвала ему нижнюю челюсть. И он закричал, заливая пузырящейся кровью мостовую вокруг себя.

Хаим опять попробовал поймать взгляд матери, а она, запрокинув голову Люция назад, рванула вниз и, оторвав её, бросила под ноги сыну.

Силы оставили мальчишку и он мешком осел вниз.

- Хватит, - еле слышно пошептал он.

- Успокойся, малыш, - сказал Ангел. – Зло только так и можно победить. Кровь за кровь. Только повергнув в ужас врага, ты станешь его сильнее. Мы пройдем вдоль побережья, преумножая твоё воинство. Имя нам – Легион. Потому, что нас много.

- Нет.

- Вся Галилея преклонится пред тобой. Мы уничтожим пришельцев, и ты будешь править этими землями, – голос Ангела крепчал, наливаясь силой.

- Нет.

- То, что перенесла твоя деревня, лишь малая толика всех мучений твоего народа. Верни людям свободу! Пусть польётся кровь римлян!

- Не-е-ет! – крикнул, закрывая лицо руками, Хаим. - Я хочу, чтобы они ушли. Пусть они уйдут... в море.

- Остановись, – заволновался Ангел. - Не делай этого. Не нарушай воли Его... Там же твоя мать.

- Она умерла, – прошептал мальчик, провожая взглядом зашевелившуюся толпу мёртвых. – Уходите.

Со всех улочек города стекалась окровавленная масса воскресших мертвецов, и медленно продвигалась к торговой набережной. У пристани было глубоко и они, прыгнув вниз, сразу с головой скрывались в воде.

- Остановись, Хаим! Прекрати! Подумай, от чего ты отказываешься. Ты наслушался бредней этого порока из Назарета, – вопил в голове Ангел, – Да это он источник всех несчастий! Ходит с блаженным лицом по земле, а за ним по пятам следует смерть. Раз ему ведомо грядущее – то зачем он пришёл в землю годарскую? Он виновен не меньше Люция. Если бы не он, вас бы не тронули. Останови их, слышишь!

Хаим молчал. Он молился, как учил отец и просил у Бога то, о чём просила мать. Прощения всем. Слёзы заливали глаза мальчика, когда последние воскресшие скрылись под водой, оставив на поверхности обрывки одежды и розовую от крови пену.

- Нет! – казалось, в голове Хаима взорвался котёл.

Он чувствовал, что какая-то сила рвётся наружу, хрипя от ярости и ненависти, а потом всё стихло. Пустота и тишина.

- Ты прав, Хаим, – раздался тихий усталый голос Ангела. – Пусть идут. Они заслужили покой. Да и не справится нам с Назаретянином. Ну, да ничего. Раз он говорит, что он человек, то люди с него и спросят. Они любят добряков забивать камнями на площадях. На удары нужно скалить клыки, а не подставлять другую щеку. Он сам найдёт свою погибель. А мы подождём. Я терпеливый, и в силах тебе дать долгую, бесконечно долгую жизнь. А когда ты увидишь всю несправедливость мира и поймёшь, что со злом нужно бороться только злом – мы вернёмся и соберём новую армию.

Слышишь, Хаим? Не молчи. А, впрочем, как знаешь... наше время ещё придёт. Вот увидишь.

Книга Скорби (Дмитрий Тихонов)

Мертвую тварь нашел Серый. Мы сидели на бревне на опушке леса, а он отправился к реке – то ли поплавок искать, то ли просто по нужде. Суть в том, что минут через пять прибежал обратно. Роба белая, штаны мокрые, выгоревшие за лето волосы во все стороны торчат, кепку где-то посеял. Такой уж был Серый: если чему-то не повезло оказаться у него в руках, терял в самом скором времени. Причем, терял безвозвратно, с концами.

- Там... там... - рот открывает, как рыба, а толком ничего сказать не может. – Идемте...

- Что такое? – Санчес вскочил первым. Понял, видимо, что дело нешуточное. Санька у нас молодец, всегда быстрее остальных соображает.

- Хреновина, - начинает объяснять Серый и руками машет, пытается, значит, эту самую хреновину обозначить. – У реки, на берегу... лежит... здоровая...

Тут нам всем интересно стало. Серый не способен придумать подобную небылицу, не то что уж изобразить ее, не сорвавшись в глупый ржач. Побросали мы карты, повставали все, даже мелкий Ванятка поднялся, хотя видно было, что страшно ему до усрачки.

- Веди, - скомандовал Санчес. – Показывай, где там чего.

Серый послушался: побежал торопливо, едва на траве не поскользываясь. Мы за ним.

В этом месте лес совсем узенькой полоской тянулся, всего-то, наверное, метров пятьдесят. Вот как раз половину мы прошли, когда запах почуяли. Густая мерзкая вонь нахлынула сразу, волной, выбила слезы из глаз, сжала мертвой хваткой пищевод. Было в ней что-то от протухшего мяса и гниющих водорослей, но еще больше было от длинных червей, выползающих из земли на стук дождя. Я закашлялся, Федьку и Ванятку вырвало. Что с них взять, с малышей. Остальным хоть бы хны, поморщились только.

- Оставайтесь здесь, - сказал Санчес малолеткам. – Дождитесь нас. Мы вам принесем что-нибудь интересное.

Я ж говорю, молоток. Мне бы, например, и в голову не пришло подобное детишкам пообещать. Наверняка, будь я за старшего, так и не смог бы заставить их остаться – пустые угрозы в их возрасте не действуют. Поперлись бы следом, мало ли что могло приключиться. За ними глаз да глаз. А тут остановились как вкопанные, а потом и вовсе назад побрели, к бревну.

Мы, зажимая носы рукавами, двинулись дальше и через минуту вышли на высокий берег реки, обрывающийся вниз отвесным глинистым склоном. Внизу, прямо под нами, из коричневой воды поднимался гладкий белый бок валуна, на котором только вчера мы с Серым ловили рыбу. Тогда он и остался без поплавок, кстати говоря. А в нескольких шагах справа от валуна вздымалось нечто столь безобразное и уродливое, что я в первые несколько мгновений попросту не мог задержать на нем взгляд, а когда все же сумел присмотреться, меня мгновенно вывернуло.

Казалось, у этого... создания вовсе не было формы: оно целиком состояло из перекрученных лохмотьев плоти, отростков и щупалец, беспорядочно громоздящихся одно на другое. Черную, лоснящуюся плоть тут и там разрывали безвольно распахнутые беззубые провалы, в некоторых из которых виднелись круглые, по-рыбьи пустые глаза. Самое отвратительное заключалось в том, что на мелководье волны слегка шевелили концы самых тонких щупалец, придавая машине некое подобие жизни.

- Это шоггот! – объявил Санчес. Разумеется, он был прав. Та же самая мысль промелькнула в моем мозгу всего за мгновение до его слов. Конечно, шоггот. Что же еще. Все мы слышали о могучих созданиях, обитателях темных океанских глубин и холодных антарктических подземелий. О тех, что способны принимать любую форму и выполнять невероятно трудную работу. О тех, кто возвел сводящие с ума башни Р'льеха. В школе нам часто рассказывали о них, демонстрировали рисунки и редкие фотографии. Нужно быть полным идиотом, чтобы не распознать в мертвом шогготе мертвого шоггота.

Взгляд против моей воли снова скользнул вниз, туда, где в коричневой воде равномерно покачивались щупальца твари, похожие на невероятно длинные пальцы. Зрелище завораживало меня, будило холодок ужаса в солнечном сплетении. И целых три минуты ушло на то, чтобы понять, почему.

Среди тонких бескостных отростков виднелась человеческая рука. Молочно-белая, сжатая в кулак. Отсюда ее вполне можно было принять за ветку или еще какой-нибудь мусор. И наоборот.

- Откуда он здесь взялся? – прошептал рядом Санчес. – Они же не заплывают в реки...
- Слушай, - начал я, борясь с очередным приступом тошноты. – Глянь вон туда.
- Куда?
- Ну... вниз... вон, сбоку от камня. Видишь?
- Что? Щупальца?
- Там рука. Человеческая рука.
- Не может быть. Нет. Это коряга или корень какой-нибудь.

Я уже и сам не был уверен, в том, что увидел. Вода колебалась, отростки шоггота тоже, и различить что-либо в их мельтешении наверняка было невозможно. Решение возникло быстро, сразу заставило меня действовать. Я осмотрелся, отыскал в траве упавшую ветку потолще и, используя ее для опоры, начал спускаться по склону.

- Эй! – обеспокоено крикнул Санчес. – Ты куда?
- Надо посмотреть, - ответил я, не оборачиваясь. – Не ссы.
- Мне-то с чего ссать? - разумно парировал Санчес. – Тут, наверно, не страшно. А вдруг он... не мертвый?
- Мертвый! – уверенно возразил я. – Как полено.

Понятия не имею, откуда вдруг взялась эта странная храбрость. Ее подпитывала злость – на Серого, на липкую едкую вонь, на корягу в форме человеческой руки. Матерясь про себя, я кое-как добрался до кромки воды и шагнул к исполинской черной туше. На самом деле, только в тот момент я понял, насколько она громадная. Куча пористой, пузырящейся плоти возвышалась надо мной на пару локтей, а для того, чтобы обойти ее, мне бы потребовалось сделать не меньше двух десятков широких шагов. И ведь над поверхностью торчало далеко не все. Нечего было и думать сдвинуть с места подобную махину, поэтому я просто дотянулся краем палки и отвел в сторону тонкие щупальца, скрывающие интересующий меня объект.

Вблизи ошибиться не получилось. То, что могло оказаться корягой или веткой, все-таки было человеческой рукой. Белая, бескровная плоть сползала с тонких костей, рваные лоскутки кожи в воде шевелились вокруг полностью обнажившихся фаланг.

В тот самый миг безрассудное отчаяние, скрутившее дыхание в моей груди в плотный узел, начало понемногу ослаблять хватку, и, только сделав первый за прошедшую минуту судорожный вдох, я понял, насколько сильно испуган. Оглянулся. Санчес и Серый, прижав к носам рукава, следили за мной расширившимися от ужаса глазами. Но им сверху было видно далеко не все. Тот, кому рука принадлежала, тоже лежал здесь. Голый череп с невзрачными остатками кожи и волос, перепачканный в черноте шогготской плоти, оскалившийся в беззвучном, бесконечном вопле. Чуть дальше, там, где на его полуразложившееся тело наваливалось чудовище, виднелся небольшой металлический контейнер. То ли он висел на ремне на шее человека, то ли был привязан к груди – не разобрать.

Еще немного нагнувшись вперед, я поддел контейнер палкой и попытался подвинуть его к себе. Если бы меня спросили, зачем я это делаю, то вряд ли дождались бы вразумительного ответа. Я и теперь вспоминаю тот момент с содроганием. Если бы прислушаться к дрожащему в руках страху, повернуться и вскарабкаться вверх по склону... многие были бы живы. О, да.

Контейнер поддался неожиданно легко. Я подтолкнул его еще пару раз, задев при этом нижнюю челюсть мертвеца и свернув ее набок. Вытащив коробку на песок, я внимательно осмотрел ее. Стандартный почтовый сейф. Мой отец отправлял документацию по заказам в

таких же. Заперт плотно, на поверхности никаких маркировок или пометок. Я осторожно коснулся его пальцами, ощупал холодную влажную сталь. Потом схватил контейнер и принялся взбираться, опираясь на палку. Огромная черная тварь за спиной заставляла постоянно оборачиваться – стоило мне потерять ее из виду, как воображение тут же наполнялось яркими картинками: шоггот ворочается, поднимается, выпрастывая щупальца, стремясь обвить, поглотить, растворить меня в себе. Но существо было действительно мертво.

Санчес помог мне добраться до вершины, а потом, не говоря ни слова, протянул складной нож. С его помощью мы и открыли контейнер. Внутри была книга.

Родители ничего не заподозрили. Мы прошли вверх по реке, выкупались и тщательно выстирали одежду, чтобы избавиться от пристающей вони. Малышам отдали коробку, чем привели их в дикий восторг. На фермах немало таких штукун, но детям обычно не позволяют с ними играть, так что можно было не опасаться лишних вопросов.

Книгу забрал я. Это не вызвало возражений. В самом деле, кому должна доставаться добыча, если не добытчику! Санчес там вообще не при делах оказался, а Серый, конечно, первым отыскал шоггота, но отдавать ему книгу было нельзя ни в коем случае – потеряет уже к вечеру. Мы договорились, что станем собираться в нашем секретном месте на опушке и вместе изучать хрупкие, явно старые страницы, покрытые непонятными надписями и странными схемами. Читать мы едва умели – да фермерским детям и не полагается – но прекрасно осознавали, что книга прячет важные и даже опасные тайны. Шрифт казался знакомым, но ни одной мало-мальски узнаваемой буквы отыскать не удалось. Чертежи, похоже, изображали магические символы и последовательности проведения неких ритуалов. В тринадцать лет уже понятно: найденный между погибшим шогготом и погибшим человеком том вряд ли посвящен разведению фикусов.

Побродив еще пару часов по лесу, обсохнув, мы решили, что запах выветрился окончательно, и разбрелись по домам. Мне предстояло выполнить весьма сложную задачу: проникнуть на ферму и успеть надежно спрятать книгу, не попавшись на глаза отцу, матери или Крэгу, нашему «самовару». Поэтому я не воспользовался обычной тропой, а двинулся в обход, через бурелом. Порядком изодрав штаны и исцарапавшись, вышел к зернохранилищу с тыла, вскарабкался по стене к нижнему окну и забрался в него. Здесь было тихо, пыльно, пахло ржавчиной. Рядом неподвижно висели громады мельничных шестерней. Я спрятал книгу в вентиляционной шахте, аккуратно закрыв ее решеткой. Никому и никогда не придет в голову искать здесь. Даже в тот момент мне было очевидно: книгу будут искать. Скорее всего, уже ищут.

Нервный, дрожащий смех вырвался из меня, и тотчас пришла мысль: надо рассказать отцу. Обо всем. Показать ему шоггота, череп в воде, отдать находку, объяснить, как она попала ко мне. Наверняка, взбучки не избежать, но, по крайней мере, не придется ждать последствий и в страхе гадать, какими они могут быть.

Однако уже в следующее мгновение тот неведь откуда взявшийся внутренний авантюрист, который ранее заставил меня спуститься с берега, взял верх, и я, все еще криво улыбаясь, выполз в основной коридор и направился в сторону жилых отсеков. Авантюрист знал, что будет всю оставшуюся жизнь страдать, если добровольно лишит себя приключения, если лично обрежет ниточку, внезапно протянувшуюся от его серого, монотонного существования к огромному миру, лежащему по ту сторону поросших лесом холмов и болотистых равнин.

Батя сидел в главной зале, потягивал пиво и слушал радио.

- Куда пропал? – спросил он. – Я тебя обыскался. Надо ремонтировать Тройку.

Тройка – наш рабочий робот, основа благосостояния фермы. Он строит, пашет, грузит и возит. Интеллектом не блещет, но от него и не требуется принимать решений, а приказы он выполняет исправно. Модель достаточно старая, время от времени барахлит, и тогда мы с отцом ковыряемся в его внутренностях в поисках неисправностей. Разумеется, батя отлично

справился бы и без меня, но ему нравится учить меня всяческим технарским премудростям.

- Загулялись, - ответил я, не моргнув глазом. – Федька потерялся, искали его всей бандой по лесу.

- Федька? Это Семенов, что ли?

- Он.

Отец медленно кивнул, повернул тумблер, выключив радио, спросил:

- Голодный?

Я помотал головой.

- Ну, пойдем тогда. Дел не впрокорот.

На ферме никогда не бывает иначе. Мы заглянули на кухню, взяли бутылку с водой и позвали Крэга, помогавшего матери готовить фарш. «Самовар» высокопарно извинился перед хозяйкой и последовал за нами: приоритет отца был выше. Ничего не поделаешь, мы действительно нуждались в его сильных гидравлических руках.

Работа спорилась. Мне нравилось возиться в раскроманном брюхе большого робота, запоминать названия деталей, крутить их в перепачканных маслом пальцах. Отец, как обычно, рассказывал о столице. О непригодном для дыхания воздухе, переполненных трущобах нижних уровней и вознесенных под облака элитных районах. О кровожадных бандах, убивающих за один косой взгляд, о чудовищных механизмах, спрятанных в подземных глубинах и предназначенных для переработки людей в... в нечто совсем иное. Рассказывал о том, как нужно стрелять из вакуумного пистолета, о том, как однажды повстречал Ми-Го в одном из лабиринтов.

Многие из этих историй я слышал уже не в первый раз, а потому не переспрашивал, да и вообще старался помалкивать. Меня беспокоили две вещи. Во-первых, загадочная книга, покоящаяся неподалеку, надежно (вроде бы) спрятанная в вентиляционной шахте. Во-вторых, от меня не укрылось, что отец был чем-то серьезно озабочен. Обычно рассказы о старых временах увлекали его, он улыбался, отпускал не всегда понятные мне шутки, лихо и ловко управлялся с починкой вышедших из строя механизмов. Но в этот раз его мысли явно странствовали где-то далеко, и он говорил скорее по привычке, без охоты. Да и на устранении поломки сосредоточиться не получалось. Может, он знал о дневном происшествии? Я вновь испытал сильнейший порыв признаться во всем, открыл даже рот, но в последний момент сдержался. У бати и так хватало проблем, новая порция явно стала бы лишней.

Несмотря на все трудности и отцовскую рассеянность, мы поставили Тройку на ноги точно к тому моменту, как мать выглянула из окна и позвала нас ужинать. Я пошел к входной двери вслед за Крэгом, несущим инструменты, но через пару шагов понял, что отец не идет рядом, и обернулся. Он стоял рядом с большим роботом, тревожно глядя в небо. Проследив за его взглядом, я увидел дирижабль, неспешно плывущий над лесом меньше, чем в полутора километрах к западу, как раз над рекой. Стальные бока сверкали в лучах заходящего солнца, и даже с такого расстояния можно было различить мощные орудийные башни и черные жерла пушек.

- Что им здесь понадобилось? – напряженно проговорил отец.

Я промолчал. Он же не ко мне обращался.

Они пришли под утро. Я проснулся от шума, поднятого Крэгом – его сигнализационная система сработала отлично – но еще некоторое время ворочался в постели, не понимая, что к чему. Потом воспоминания о событиях прошедшего дня вспыхнули в моем мозгу десятком неоновых вывесок, кричавших на все лады: КНИГА! ШОГГОТ! МЕРТВЕЦ! ДИ-РИ-ЖАБЛЬ! Я вскочил с кровати, принялся спешно натягивать одежду. Сирена «самовара» стихла, и дом вновь погрузился в сонную тишину. Но, припав ухом к двери, я сумел различить голоса внизу. Беспокойные, злые голоса.

Держа ботинки в руках, я вышел в коридор, начал осторожно спускаться, стараясь, чтобы старинные деревянные ступени не скрипели под ногами.

- ...Вы же понимаете, что мы имеем на обыск полное право? – визгливо спрашивал кто-то

незнакомый. – Нам даже никаких документов не нужно!

- Уверяю, понятия не имею, о чем вы говорите, - это уже отец. – Я ничего не прячу здесь, ни от кого не скрываюсь, и единственная причина, почему я прошу повременить пару часов – это мои жена и сын. Они спят. К чему их пугать?

Он говорил спокойно. Слишком спокойно. Никогда в жизни я не слышал в его голосе таких ноток: ледяных, острых, словно лезвия, которыми Тройка косил в полях созревшую рожь.

- Хорошо, - сказал неизвестный. – Тогда ответьте на несколько простых вопросов.

- С удовольствием, - невозмутимо согласился батя. – Задавайте.

Что-то скрипнуло и зажужжало. Я не смог сопротивляться любопытству и, опустившись на ступени животом, выглянул из-за лестничного пролета.

Отец стоял спиной ко мне, в своей обычной пижаме зеленого цвета. Перед ним, в дверном проеме, находились двое. Одинакового роста, одинакового сложения. Идентичные коричневые плащи и шляпы. На плечах нашивки с эмблемой Владыки. Лица закрыты компактными масками-респираторами. Один из них, тот, что слева, поднял на уровень груди небольшой черный чемоданчик, открыл его. Это оказался переносной видеофон с плоским серым экраном. Одно нажатие кнопки, и монитор вспыхнул мягким голубоватым светом, а через секунду на нем появилось изображение худощавого мужчины с солидными залысинами и длинным крючковатым носом.

- Вам знаком этот человек? – из-за масок я не мог определить, кто из двух задал вопрос. Возможно, они произносили слова одновременно.

- Естественно, - ответил отец. – Его зовут Джошуа Элиот.

- Звали, - невозмутимо заметили маски. – Когда вы познакомились?

- Думаю, в вашем ведомстве знают это лучше меня, - если отца и задела поправка незваных гостей, то он никак на нее не отреагировал. – Мы вместе работали в Аркхэме.

- В Мискатоникском Университете, верно?

- Да.

- Над чем работали, если не секрет?

- Не секрет. Мы занимались расшифровкой древних рукописей, имеющих отношение к Владыке. Конкретно – третьего и четвертого наборов Пнакотических манускриптов, апокрифических изданий «Культов Гулей», а также материалов, известных в качестве приложений к «Аль-Азифу».

Я ничего не понимал. Батя никогда не упоминал ни о чем подобном. Он много путешествовал в молодости, повидал мир и даже поучаствовал в паре военных конфликтов, а потом, встретив женщину, ставшую впоследствии моей матерью, оставил ядовитую суету больших городов и осел здесь, в диком Поволжье, чтобы вести мирную и спокойную жизнь фермера. Так мне говорили. Видимо, в нашей семье не всем полагалось знать правду.

Тем временем маски продолжали допрос:

- Вы поддерживали связь с Джошуа Элиотом после окончания командировки и возвращения на родину?

- Нет. Нас связывали исключительно деловые отношения.

- Тогда как объяснить тот факт, что труп мистера Элиота был сегодня обнаружен в реке неподалеку от вашего дома?

Мои ладони вспотели, под ребрами растекся колючий, противный страх. Книга! Все-таки она навлекла несчастье на наш дом. Надо было что-то делать, что-то срочно предпринимать. Я двинулся, и дерево предательски скрипнуло под рукой. Черные маски-респираторы тотчас поднялись, упершись в меня взглядами круглых непрозрачных стекол. Отец начал оборачиваться – а в следующую секунду я уже мчался вверх по лестнице, не заботясь о сохранении тишины. Позади раздался грохот, кто-то вскрикнул, что-то тяжелое разбилось с оглушительным звоном.

Я выскочил в центральный коридор и со всех ног бросился к входу в зернохранилище. Снаружи доносились отрывистые, плохо различимые команды. Потом громыхнул выстрел.

Затем еще один. Тьма вокруг ломалась в отчаянии, рассыпаясь тысячами зазубренных осколков – это рванулся сквозь щели в ставнях белый свет прожектора.

Я юркнул под шестерни, скатился по наклонному желобу точно к тому самому окну. Дрожащими пальцами снял решетку, вытащил из углубления проклятый фолиант, прижал к груди. В глубине дома продолжали греметь выстрелы. В отдалении слышались ритмичные, слегка завывающие песнопения. Боевая молитва или что-то вроде того. Древние Боги, чем мы провинились перед Вами?!

В коридоре раздались торопливые шаги. Я вжался в стену, задержал дыхание. Сердце тяжело бухало в груди, и оставалось лишь надеяться, что оно не выдаст меня. Шаги приблизились.

- Эй? Сынок, ты?

Отец. Шумно выдохнув, я ответил:

- Да, пап.

Он вышел из-за шестерней, забрался ко мне в укрытие. Вдвоем мы едва помещались здесь. Его лоб покрывал пот, правый рукав был разорван и пропитался кровью. В левой руке отец держал пистолет. ТТ-117, «Палач». Оружие страшной убойной силы. Нам рассказывали о них на занятиях по военной подготовке: такие пистолеты имелись только у высших офицеров и агентов спецслужб.

- Где мама? – спросил я.

- Отстреливается, - сказал отец. – Ничего, она всегда была к этому готова.

Он бросил быстрый взгляд на книгу.

- Где вы ее нашли?

- На берегу реки. Там был шоггот и...

- Ясно, - отец почесал щетину на подбородке. – Облажался старина Джош, значит. Но вы молодцы. Только зря меня не позвали.

- Кто это такие?

- Алхимики. Особый Корпус. Нам с тобой надо выбираться отсюда, да побыстрее, иначе скоро к ним явится подкрепление.

- А мама?

Он ткнул пальцем мне в грудь, заговорил быстрым, злым шепотом:

- Послушай... я хочу, чтобы ты уяснил одну вещь. Мама сейчас не имеет значения. Я не имею значения. Ты - тоже не имеешь значения. Только книга, только эта чертова книга важна. Знаешь, что это?

- Нет.

- Это «Аль-Азиф»... «Некрономикон», будь он неладен! Но не та исправленная, тщательно порезанная версия, которую вам вслух читают в школе. Нет, это – оригинал, «Книга Скорби». Тот самый текст, который безумный старикашка Альхазред написал сотни лет назад. Текст, объясняющий, как призывать Древних в наш мир и как контролировать их! Вот в чем дело! Здесь описаны ритуалы, позволяющие защищаться от воли гребаного Козлища, повелевать им, даже отправлять обратно в бездну! Понимаешь?! Эти ритуалы очень опасны и сложны, но вполне осуществимы. Мы можем избавиться от них! Поэтому-то они так тщательно исправили «Некрономикон». Переписали заново, считай. Поэтому они и явились сюда: они боятся. У Элиота почти десять лет ушло на то, чтобы восстановить первоначальный текст и создать копию, которую ты держишь. Могу поспорить, эти ребята снаружи и их хозяева исполнили бы любое твоё желание, чтобы заполучить ее...

- Пап?

- А?

- Ты ведь не фермер, да?

- Нет, сын. Я ученый. Лингвист. Когда-то был им, по крайней мере. А теперь... теперь я, видимо, предатель и заговорщик.

Он взглянул на часы:

- Сейчас. Вот...

Снаружи, с другой стороны дома, что-то оглушительно затрещало. Механический, бездушный, но очень громкий звук, от которого, казалось, вибрировали даже стены. Спустя несколько секунд до меня дошло: пулеметная очередь.

- Тройка задаст им жару! – процедил отец и, прежде, чем я успел удивиться, схватил меня за локоть. – Это отвлечет их ненадолго. Нам пора уходить!

Ударом ноги он выбил ставень и выскользнул из окна наружу. Я прыгнул следом. Не знаю, чего во мне в тот момент было больше: страха за свою жизнь, скорби по матери или гордости за отца, оказавшегося вдруг чем-то вроде сказочного героя. Не помню. Это произошло так давно.

Мы побежали через поле, но не успели сделать их десяти шагов, как из-за угла вывернул человек в коричневом плаще и коричневой шляпе, из-под которой на нас равнодушно пялился противогаз. Мы увидели друг друга одновременно, однако отец выстрелил первым. Пуля угодила в шею, и враг опрокинулся навзничь, не издав ни звука.

Отец в три прыжка оказался рядом, сдернул с него маску и забрал оружие – пехотный пистолет-пулемет. Запаханный еще горячей кровью противогаз он сунул мне, приказал:

- Надевай, быстро! – и, как только я справился с задачей, вновь потащил за собой.

Мы направлялись через поле к лесу. Темноту позади разрезали лучи белого света, бьющие с зависшего над домом винтолета. Пулеметные очереди кромсали тишину в клочья, и крики умирающих смешивались с все набирающими силу колдовскими песнопениями, насквозь пропитавшими отступающую ночь.

Враг словно бы возник из них, соткался из мрака и беспросветных слов, звучавших, казалось, сразу со всех сторон. Он появился впереди и, прежде чем отец успел поднять пистолет, с размаху метнул в нас что-то. Тявкнул выстрел, голова алхимика дернулась, шляпа полетела в траву, сам он повалился следом. Но это уже не имело значения – стеклянная колба с кулак размером, брошенная им, разбилась у наших ног, выпустив облако густого темного пара.

Отец вытолкнул меня вперед, подхватил под ребра и, совершив несколько широких прыжков, упал вместе со мной в заросли полыни. Он хрипел, на губах выступила белая пена, вены на шее чудовищно вздулись и пульсировали.

- Иди, - проскрипел он, вцепившись скрюченными пальцами в щеки. – Беги. Книга...

Я не стал испытывать судьбу. Припустил к лесу, благо что до него оставалось не больше пятидесяти метров. Достигнув опушки и забившись в кусты, я стащил с головы противогаз. Некоторое время сидел там, укрывшись в густых тенях, собирался с мыслями и наблюдал, как Особый Алхимический Корпус с помощью огнеметов стирает нашу ферму с лица земли. Полчаса спустя, когда безликие фигуры в коричневых плащах принялись прочесывать поле, я покинул убежище.

Именно тогда, за несколько мгновений до наступлений рассвета, в недолговечном, но прекрасном сером лабиринте леса он(а) и встретил(а) меня. Я шел, не разбирая дороги, спеша оказаться как можно дальше от кошмара, что разрушил мою жизнь, словно хрупкое птичье гнездо. Слезы душили меня. Осознание произошедшего постепенно заполняло собой разум, убивая всякую волю к дальнейшему существованию.

А потом я остановился, поднял взгляд. Он(а) стоял(а) предо мной, порождение теней и запредельного безумия. Чуждость этого существа нашему миру была такова, что взрослый человек, узрев его, наверняка бы ослеп или лишился рассудка. Но мое детское, сожженное страшным горем сознание приняло увиденное как данность. И многочисленные пасти, и бескостные конечности, и вывернутые назад ноги. Песнопения алхимиков достигли цели. Их слышали, и на них ответили.

Дитя нашего Бога, одно из Тысячи, явилось мне. Немногие из тех, кто верой и правдой служили Черному Козлу, устаивались подобной чести. Он(а) смотрел(а) в мои глаза, и великая, неизбывная пустота истины проникала в меня, избавляла от свежих страданий, исцеляла любую прошлую и будущую боль. Он(а) был(а) само небытие, хранящее в себе все

возможные вселенные, окончательные ответы на любые возможные вопросы.

Я зажмурился, чтобы не рассыпаться пеплом, опустил на колени и положил книгу в траву перед собой. Отец оказался прав. Мы все – не имеем значения. Книга, это проклятое сборище ненужных знаний, не принесла ничего, кроме скорби. Эти страницы разрушили невероятное количество жизней, с легкостью перемололи в труху и мою.

Нельзя позволить хаосу вновь вырваться в мир. Я улыбнулся, чувствуя, как сильная, склизкая рука касается моей головы, наполняя ее светом вечности.

Маргарита (Вадим Громов)

- Большое спасибо за покупку! Приходите к нам ещё.

Платиновая блондинка лет тридцати заучено улыбалась, демонстрируя идеальные зубки. Мордашка была смазливой, хоть сейчас нагоняй целую свору корифеев объектива и длинного мегапикселя: точёные черты лица и голубые глазищи так и просились на обложку не самого захудалого дамского глянца.

- Спасибо. – Маргарита взяла два фирменных пакета (плотная качественная бумага, причудливый чёрный с тиснёной серебряной каймой вензель – на алом фоне, позолоченные ручки-шнурки), в которых лежало по коробке с дорогой обувью. – До свиданья.

- До свиданья, всего хорошего.

Маргарита (Марго, Марита, Рита, Маргунчик, в зависимости от того – с кем и в какой обстановке происходит общение) направилась к дверям бутика элитной обуви. На ходу бросив взгляд в зеркало, в котором отражалась блондинистая продавщица. Улыбка той уже пропала, но Марго была уверена – обернись она – и дежурно-предупредительный «чи-и-из» снова появится на лице красотки. Как будто у неё в голове переключат рычажок, над которым имеется изображение улыбающегося смайлика. «Вкл.», «Выкл.». Щёлк-щёлк.

Естественно, оборачиваться Маргарита не стала: к чему эти бессмысленные телодвижения? Потешить своё самолюбие осознанием того, что обслуживающий персонал готов суетиться на полусогнутых, лишь бы клиент зашёл в приобретательском оргазме? Чего-чего, а это она прочно разучилась делать несколько лет назад. Жизнь иногда бьёт наотмашь так, что из любого начисто вылетает всякая душевная *труха*.

Люди зарабатывают деньги, и стоимость этой улыбки тоже включена в цену двух пар обуви. Изящнейшие бежевые босоножки и элегантные туфли на высоком каблуке обошлись в несколько десятков тысяч рублей. Какая-нибудь бюджетница наверняка бы посчитала подобную трату – как минимум придурью... но столкнуться в таком бутике с бюджетницей – было бы так же удивительно, как лицезреть порхающего по Дворцовой площади Карлсона. Зажавшего в пухлой пятерне «Ф-1» с выдернутой чекой, и ненавязчиво предлагающего многочисленным интуристам скинуться на цистерну варенья. «Пополни бюджет, морда заграничная, и не жмись. А то у меня от огорчения пальчики моментально устают...».

«Это всё пустяки, дело житейское» - автоматическая дверь распахнулась, выпуская Риту из кондиционированной прохлады – в середину июля. С грандиозным успехом поставившего пьесу под названием «Жизнь и зной в Санкт-Петербурге».

Маково-красный «Ауди» находился на платной стоянке в «Стокманне», минутах в десяти ходу от бутика. Маргарита прогулочным шагом двинулась по Невскому – в сторону Московского вокзала. Прикидывая, не стоит ли где-нибудь перекусить, или можно потерпеть до дома...

Мужчины почти не оглядывались ей вслед, это она знала точно: но не чувствовала себя ущемлённой. Центр Санкт-Петербурга, выходной, полдень, июль. В такое время и в таком месте – не могло быть недостатка в женских прелестях, порой (по мнению Марго) выставляемых напоказ чересчур откровенно. Молоденькие девочки ходили одиночками, парочками, табунками. Взмывленные купидоны заранее впадали в лютое уныние, прикидывая объём отчёта о диком перерасходе стрел, предстоящий в небесной канцелярии в самое ближайшее время. Кто будет обращать внимание на совершенно *обычную*, пусть спортивную и следящую за собой женщину: которой вот-вот предстоит разменять пятый десяток... Пусть даже в ней безошибочно угадывается *хозяйка*, умеющая взять от жизни своё – и ещё немного в довесок. Разве только альфонсы, но эту паскудную породу Марго раскусывала влёт и отшивала жёстко, разрушая любые иллюзии – касающиеся возможности шикарно и с размахом пожить за её счёт.

«Господи, как на Лидочку похожа...»

Рита невольно остановилась, задержав взгляд на миловидной городской фее лет восемнадцати, в фиолетовой маечке с портретом бледнолицего Паттинсона из «Сумерек», и джинсовых шортиках. Курносый нос, непослушные каштановые кудри, миндалевидные карие глаза: небольшая полноватость, нисколько не портящая девушку. Очаровашка увлечённо болтала по телефону, активно жестикулируя свободной рукой.

Удивлённо подняла аккуратные бровки, заметив незнакомую, во вкусом одетую и ухоженную тётку лет сорока, уставившуюся на неё насквозь непонятым взглядом. Неприязненно скривила тонкие, резко очерченные губы. Чего надо, дура старая?

Эффект от гримаски был такой, словно по душе *скользнули* ледяными коготочками: не поранили, но в дрожь бросило. Марго отвела глаза и пошла дальше, заставляя себя стереть из памяти малолетку с гламурным кровососом на майке. Её Лидочка никогда бы не стала смотреть на людей с какой-либо толикой неприязни, пренебрежения...

Через сотню метров Рита всё-таки присела на террасе небольшого ресторанчика с разноплановой кухней. Не сколько от голода или желания отдохнуть в тени: сколько для того, чтобы присесть и успокоиться. Можно приучить себя мгновенно зачищать память, но без осечек – хоть и делающихся всё реже и реже, всё равно не обойдётся. Если бы курносая кареглазка знала, как можно растравить человеку душу одним-единственным жестом, взглядом...

- Свежевыжатый апельсиновый и... крем-брюле есть?

Невысокий сухощавый официант, смахивающий на молодого Пьера Ришара своими кудряшками и преисполненной оптимизма физиономией (словно до прихода Риты здесь побывал поклонник французского комика и оставил кудряшу на чай пару сотен евро) – мгновенно заверил в том, что мороженое есть. С сиропом, шоколадной крошкой, фруктами, взбитыми сливками – чего изволите? А ещё есть «специальное летнее меню от нашего шеф-повара, не желаете ли взглянуть?».

Марго не желала. Официант моментально удалился за заказом, безупречно прочувствовав настроение посетительницы.

«Слышу голос из прекрасного далёка, голос утренний в серебряной росе...» - раздалось из сумочки. Рита достала смартфон, провела пальцем по экрану.

- Да. Что? Света, все вопросы к Роберту Артемьевичу. Я буду в отлучке ещё неделю. Что? Меня не волнует. Через семь дней выйду и разберусь – кого уволить. Мне звонить только в самом экстренном случае. В самом, понятно? Всё, работайте.

Образец южнокорейских высоких технологий вернулся на прежнее место. Маргарита обвела рассеянным взглядом бурлящий энергией Невский, смотря *сквозь* людей, машины, здания, рекламные щиты. Не замечая ни малейшей детали из происходящего вокруг...

Все мысли были о другом. И сегодняшняя поездка имела всего одну цель – обдумать *предстоящее*, в последний раз взвесить все «за» и «против», пока не сделан последний шаг. Прогулка по центру северной Ривьеры, покупка обуви и всё остальное – являлось лишь второстепенными декорациями, *обёрткой*: скрывающей подлинную цель Марго.

- Ваш заказ... - Рита даже не заметила, как возле столика материализовался «Пьер Ришар», ловко поставивший перед ней стакан с соком и вазочку с мороженым. – Приятного аппетита!

- Спасибо. Счёт сразу принесите.

- Конечно. Э-э-э, чего это она?!

Физиономия кудряша, внезапно уставившегося Маргарите за спину, стала испуганно-озабоченной. Как у человека, вдруг увидевшего нечто неприятное, могущее коснуться его лично. А могущее и не коснуться...

Марго резко обернулась, едва не задев локтем вазочку с тремя шариками крем-брюле: отыскивая взглядом причину беспокойства официанта.

Причина опускалась на колени в каких-то трёх метрах от резного деревянного ограждения ресторанной террасы. Прохожие замедляли шаг и... в основном проходили мимо, старательно делая вид, что ничего не происходит.

- Воды, быстро!

«Пьер Ришар» ошалело тряхнул кудряшками, и метнулся вглубь заведения, подчиняясь властному окрику Риты. Несколько посетителей рестораника уже с любопытством главели в сторону тротуара, не делая попыток помочь.

Нет, один – сублильный, с нервным лицом и недельной щетиной непризнанного гения шустрил пальцами по экрану мобильного, перехватил телефон поудобнее... Ах, ты, чмо многогранное! Два глобуса тебе в ноздри, а не ролик на Ютубе!

- Убрал, ну! – рыкнула Маргарита, с трудом преодолев желание вслух причислить его к сексуальным меньшинствам. А то и вовсе – выбить девайс из руки морального урода, снимающего на видео – как грузной пожилой женщине в тёмно-коричневом закрытом платье и – такого же цвета, скрывающем большую часть лица платке: становится плохо.

Сублильного проняло моментально, металл в голосе Марго имелся не в виде смешного звяка чайных ложечек, а – лязга передёргиваемого затвора. У «непризнанного гения» испуганно дёрнулся уголок рта, он поспешно убрал мобильный и отвернулся, даже не пробуя препираться.

Рита подбежала к стоящей на коленях женщине, медленно кренившейся на левый бок и прижимающей ладони к голове. Схватила её за плечо, не давая упасть. Почувствовав прикосновение чужой руки, та что-то пробормотала, и Маргарита облегчённо выдохнула. Уже хорошо, что в сознании...

- Вы как? Встать можете?

Женщина неразборчиво пробормотала что-то ещё, и Рита посмотрела по сторонам: понимая, что в одиночку не сможет дотащить её до террасы.

- Помогите...

Жилистый, молодой парень модельной внешности в драных джинсах и рубашке с короткими рукавами, вынырнул у неё из-за спины. Коротко бросил:

- Куда?

- Да вот туда давайте... - Марго мотнула головой в нужном направлении, подхватила женщину под руку. – На скамеечку посадить, а там видно будет.

Парень стал бережно поднимать владелицу коричневого платка:

- Давайте, бабушка, во-о-от так...

Женщину усадили за ближайший к входу, свободный столик.

- Вода! - официант поставил перед Ритой запотевшую бутылку «Бон Аквы», нерешительно затоптался на месте.

Маргарита правильно истолковала его заминку:

- Мне в счёт включите.

- Ага... - с явным облегчением пискнул кудряш. – Ещё что-нибудь? Скорую вызвать?

- Не надо скорой, - еле слышно, но – внятно сказала женщина. – Жарко очень...

- Попейте. - Марго скрутила пробку, поднесла бутылку к её рту. – Помаленьку, не торопитесь.

- Спасибо, - женщина сделала пару глотков. – Холодненькая... Сейчас посижу немного, и полегчает. Не надо «скорой». Спасибо, дочка, что не бросила. И тебе, внучок – спасибо...

- Да не за что, - улыбнулся парень. – Я ещё нужен?

- Торопись – иди, - сказала Рита. – Не пропадём. Если что – найдутся помощники. Не все же могут только на видео снимать!

Последнюю фразу она произнесла так, чтобы непременно долетело до ушей сублильного. Тот нервно ёрзнул, и громко попросил счёт.

- Тогда – убегаю, - помощник Марго чуть-чуть виновато улыбнулся, и быстро зашагал в сторону площади Восстания.

- Спасибо, что помогли! - спохватившись, бросила Маргарита ему в спину. Парень обернулся на ходу и коротко махнул рукой. «Всегда – пожалуйста».

«Пьер Ришар» тоже удалился. Воду оплатят, от «скорой» отказались: остальное – несущественно... Посетители рестораника потеряли всякий интерес к происходящему,

вернувшись к своим суши, пастам, пиву и десертам. Помогать, конечно же – хорошо и необходимо: но лежащий на тротуаре человек – это не в пример зрелищнее...

Женщина закрыла глаза и сидела, молча, дыша медленно – но ровно: только лицо было мокрым от пота. Рита решительно потянулась к концам плотно облегающего голову платка, намереваясь ослабить его. Ну, не платье же с неё снимать? Конечно, так одеваться при подобной душегубке на улице, учитывая возраст и вес женщины... Стоило предполагать, что может быть плохо.

С другой стороны, о причине – вынудившей её выходить в зной именно в этом платье и платке – можно лишь догадываться... Да, теперь-то чего? – главное, что живая.

Она размотала концы платка, обёрнутые вокруг шеи – ловкими, экономичными движениями: потащила ткань с головы. Справа платок закрывал почти всю щёку и половину глаза, Марго не придавала этому значения... ну, съехал, когда женщина держалась руками за голову, стоя на коленях...

- Не надо!

Торопливый, умоляющий шёпот заставил вздрогнуть и замереть. Пальцы вынырнувшей из забвения незнакомки сжались на запястье Риты. Захват был неожиданно сильным, Маргарита невольно поморщилась от боли.

- Вы что? Я же... - она осеклась, и отпустила платок, увидев – *что* скрывалось под ним на правой половине лица.

- Не надо, - повторила женщина. В её голосе не было злости или недовольства. Лишь глубокое сожаление о том, что Марго смогла увидеть скрываемый от чужих глаз *изъян*.

Кожа на скуле, щеке и кажется (Рита не успела разглядеть точно) – виске, выглядела так, словно её сначала долго и *затейливо* кромсали, не оставив живого места: а потом – прижгли. Невеликих медицинских познаний Маргариты хватило на то, чтобы понять – увечье давнишнее.

Ледяные коготочки повторно *мазнули* по душе, на этот раз – надавив ощутимо сильнее. Марго закаменела лицом, боясь даже представить ситуацию, оставляющую схожую *памятку* от той стороны судьбы, что носит наряды исключительно траурных цветов и оттенков...

- Извините, я не знала...

- Ничего, дочка, - платок снова скрыл увечье от чужих глаз. – Ты же не нарочно. И мо...

Женщина осеклась на полуслове, *поплыла* лицом. Странно, но Рита как-то сразу поняла – это не новый приступ дурноты: что-то совершенно иное...

Серо-голубые глаза незнакомки словно выцвели, стали блёклыми. Женщина неотрывно смотрела на Маргариту, и в этом взгляде не имелось какого-либо любопытства или горечи.

Было что-то другое, пока непонятное Рите.

Внезапно незнакомка подалась вперёд, её губы медленно зашевелились, и до Марго донёлся тягучий, еле слышный шёпот. Который, казалось, *перетекал* не с языка – в уши: а из взгляда – во взгляд...

- Кровь вижу... Подумай, не спеши. Не спеши. Смерть вижу, кровь...

- Что с вами? – тихо спросила Маргарита, чувствуя непонятную внутреннюю опустошённость. - Какая кровь? Куда не спешить? Вам плохо?

- Вижу... - донеслось в последний раз: лицо женщины стало прежним. Она стёрла пот со лба, потянулась за водой...

- Какая смерть? – Марго протянула руку, чтобы тряхнуть незнакомку за плечо: но передумала. – Да отвечайте же!

Незнакомка с боязливым недоумением покосилась на Риту, потом её взгляд неожиданно *переполнился* совершенно осознанным сожалением. Женщина вздохнула – глубоко, покаянно:

- Прости, дочка. Эта напасть сильнее меня, никак не совладать... Я с ней уже почти сорок лет мыкаюсь, такая вот доля выпала.

- С чем мыкаетесь? – тихонько уточнила Марго.

Женщина медленно провела кончиком указательного пальца по скрывающей увечье ткани. Маргарита слегка пожалала плечами. «Не понимаю».

- Мне в молодости *это* пережить пришлось, - незнакомка выговаривала слова явно через силу, но не останавливалась, - не дай Бог никому...

Рита не стала уточнять, что именно скрывается под местоимением «это». Есть вещи, которые лучше всего – не вспоминать. А если всё же приходится – то обходиться самым минимумом пояснений, умному человеку их обычно бывает достаточно. «Это» - сидевшей перед ней женщины, точно было чем-то страшным, возможно даже – подлинным кошмаром...

- И сразу после... я *видеть* начала, - собеседница Марго вздрогнула всем телом: но взгляд остался прежним – полным сожаления. – Если у кого-то впереди близёхонько плохое маячит, мне всё – как на ладони... Самое худое, что молчать не могу. Оно у меня помимо воли вылезает, всё что вижу – то и обсказываю. А когда отпускает – ничегошеньки не помню. Спроси меня сейчас, а в памяти пустота, что я там наговорила... Ты прости, а?

Маргарита посмотрела на неё в упор, раздумывая, что ответить. Женщина не отвела глаз, и Рита неожиданно для себя – усмехнулась: коротко, печально.

- Близёхонько, говорите?

- Верно... - робко кивнула *видящая*. – Точно не скажу, бывает – что и через час: а иногда и день пройдёт, прежде чем сбудется. Но, всё равно – плохое недалече. Разве что...

- Что?

- Некоторые, кому предрекала – внимали. Кто дома надолго запирался и сидел, ничего не делая. Кто догадывался, откуда беда придёт, и в ту сторону – ни ногой.

- И что – все убереглись? – спросила Маргарита.

Женщина скорбно покачала головой:

- Не все, дочка. Я, если честно – обо всех и не знаю, люди-то зачастую незнакомые, случайные... Меня послушают, как на из ума выжившую зыркнут – и больше я их не видела. Что там с ними потом было? Одна, да – дома заперлась: а у соседей что-то взорвалось, её и зацепило. Кабы я знала, что ей дома лучше не сидеть – неужели б не поведала? Смерть, ей ведь с любой сторонки подкрасться не в тягость будет. Но от троих я точно погибель отвела, а может и не только от них. Как-то было, что человек уцелел, а люди из-за него погибли. Он потом сказал, что зря от моих слов отмахнулся, ведь всё сбылось. Кто знает, может и тебе это к лучшему обернётся... И всё равно – прости?

- Прощаю, - сказала Рита. – Вы же не виноваты, что видеть можете. У всех – своя судьба. Другой вопрос, что каждый к этому по-разному относится. Мирится, или что-то там пытается по-своему перекрутить. Как-то вот так...

Грустная усмешка опять тронула её губы, и пропала окончательно.

- Вам лучше? Может, проводить куда? Время у меня есть...

- Ой, не надо! Мне уже полегчало, да и после обеда дождик обещали, уйдёт пекло-то... Сейчас, ещё минутку посижу, да идти надо – дела. Только...

Она замялась, просительно глядя на бутылку «Бон Аквы».

- Воду забрать хотите? – поняла Марго. – Берите, конечно... Если надо, ещё куплю.

- Куда мне столько! Я по чуть-чуть, по глоточку... Глядишь, и эту не выпью. Ещё раз спасибо, дочка, что равнодушной не осталась. Храни тебя Господь.

- А если мне всё равно? – голос Маргариты стал сухим и тусклым.

- Что – «всё равно»?

- Будет он меня хранить, или нет. Не для кого хранить...

Она замолчала. Следующую фразу можно было легко прочесть во взгляде, но опущенные на несколько мгновений веки – надёжно утаили правду.

«Но вот «для чего» - пока ещё есть».

Светофор загорелся зелёным, и пятьсот с лишним «лошадок» под капотом «Ауди R8 Spyder» рванули детище немецкого автопрома вперёд. Шушары остались позади, движение на Московском шоссе было относительно свободным, и стрелка на спидометре не перепрыгивала отметку «девяносто».

Марго вела аккуратно, обгоняя и перестраиваясь без какого-либо намёка на хамство. Чистопородный «немец» идеально слушался руля, ну, и четырнадцать лет водительского стажа – это не стакан горелых семечек... Само собой, кто-то непременно брюзжал вслед, баба за рулём алой иномарки стоимостью почти в восемь миллионов целковых – для некоторых по определению является тем самым хамством и раздражителем. Даже если она никого не подрезает с запредельной наглостью и дисциплинированно включает поворотник при перестроении.

До дома было ещё километров тридцать с гаком, через Царское Село, Павловск, в сторону Гатчины.

Кровь вижу. Подумай, не спеши...

Маргарита сжала губы, в очередной раз прогоняя загостившееся в памяти видение: настроение портилось безоглядно. Прибавила газу, нырнула на левую полосу – в сужающийся просвет между выдавшей виды «газелью»-развозкой с заковыристой эмблемой незнакомого предприятия на дверце, усталыми лицами людей за окнами: и – гружёным панелевозом. Стрелка спидометра поползла к ста двадцати.

не спеши...

Тентованный, приближающийся по встречной большегруз – вдруг *бросило* в сторону, словно кто-то огромный и невидимый играючи щёлкнул по боку тягача.

кровь вижу...

Рита бездумно, рефлексивно рванула руль вправо, уходя от неминуемого столкновения: и «Ауди» послушно рыскнул вправо, на волосок разминувшись с передним бампером «КАМАЗа». Слишком близко, слишком неожиданно!

Тормоза панелевоза возмутились: натужно, пронзительно. Зеркало заднего вида «Спайдера» запечатлело частичку начинающегося кошмара – панелевоз неудержимо кренится набок, заваливаясь на экстренно тормозящую развозку. Дьявол впал в детство, и решил поразвлечься «бибиками», сталкивая их друг с другом: причудливо, беспощадно, жутко...

Сбоку надвинулось ещё что-то, кажется бортовая, идущая «порожняком» Газель. «Ауди» ощутимо тряхнуло, Марго судорожно вбила педаль тормоза в пол. Но от следующего – страшного, непонятно откуда прилетевшего удара о корпус «Спайдера», сопровождающегося скрежетом сминающегося железа – Маргариту вышвырнуло в чёрную каверну небытия...

- Мама... Уходи, мама!

- Лидочка?!

Девушка стояла в двух шагах от Риты, выставив перед собой обе руки. Ладони смотрели вниз, и Марго впилась в кончики пальцев умоляющим взглядом, будто это могло не дать им подняться вверх: став жестом неприятия.

- Лидка, ласточка моя. Как мне без тебя плохо...

- Мама! Почему всё так получилось? – пальцы девушки дрогнули, и замерли снова. Маргарита застонала, чувствуя, что сердце словно ухватили щипцами: одна часть которых была ледяной, а другая – раскалённой.

«Я не знаю – почему. Такая судьба... - невысказанные из-за сковавшего горло спазма слова крутились в голове: садня, словно живые. – Прости меня, Лидочка».

- Мне до сих пор нет покоя, мама... - струйка крови перечеркнула подбородок девушки, потекла по шее. Губы дочери были разбиты – полностью, страшно... Корка запёкшейся крови треснула ещё в одном месте, и вторая струйка проложила путь вниз. – За что меня так?

Рита посмотрела на свою единственную дочь, не сдерживая слёзы. От платья Лидочки-ласточки, одетого на выпускной бал – осталось что-то невразумительное, сильно испачканное кровью.

Её кровью.

Следы побоев, укусов – на левом плече зияла рана, какую могли оставить лишь зубы, вырвавшие кусок плоти... Прокушенное сразу в трёх местах – горло. Несколько глубоких порезов на хорошо видимой в прорехах настоящего китайского шёлка – груди. Порезы на руках, бёдрах: на внутренней стороне которых кровь засохла пятнами вовсе уж жутких размеров...

- Доченька! – спазм прошёл, и Маргарита сделала шаг к той частичке себя, которую она любила больше всего в жизни. – Я здесь, с тобой!

- Уходи, мама! – в карих глаза отчаяние смешивалось с невыразимой любовью, и Рита увидела – как кончики пальцев всё же поднимаются вверх. Марго остановилась, поспешно вытирая мешающие слёзы. Ещё раз увидеть дочь! – пусть такую...

- Я люблю тебя, мама... - прошептала Лида. – Но сейчас ты должна уйти. Должна...

- Спокойно, всё хорошо, - мужчина в белом халате успокаивающе протянул руку, коснувшись плеча Маргариты. – Очнулись, наконец-то...

Сбоку от него замерла женщина средних лет, в таком же белом халате, черты лица были чуточку грубоватыми: немного смягчить – и будет вылитая Валентина Теличкина.

- Где я? – мгновенно спросила Марго. Мышление было нисколько не *шатким*: обычным. Реальность, насколько могла судить Рита – воспринималась в полном объёме и адекватности. Человек в чуточку помятом халате больше всего походил на врача: а помещение, в котором они находились... если это не больничная палата, то Маргарита – Исаак Ньютон. Других больных не наблюдалось, палата была явно не общей, и судя по имеющемуся в ней оборудованию и уровню ремонта – точно не бесплатной. Ну, тут ответ простой – наверняка видели документы, возможно, даже позвонили в фирму, Роберт и подсуетился...

- А как вы думаете – где? – моментально последовал встречный вопрос. Эскулап нисколько не напоминал пухлощёкого любителя градусников, придуманного Чуковским: монументальный, широкоплечий, гладко выбритый, с цепким – даже жестковатым взглядом зелёных глаз. Такой типаж уместно смотрелся бы где-нибудь на афише, оповещающей о схватке бойцов «ММА», чем в больничных интерьерах.

- В клинике, - лаконично сказала Рита: доктор молча кивнул. – Сколько я здесь?

- Вы помните, что с вами случилось? – ненавязчиво поинтересовался эскулап. Медсестра? санитарка? – по-прежнему не двигалась и даже не пыталась вставить слово, являя собой идеальный образец вышколенного персонала.

- Помню.

Марго действительно помнила всё – от утра, когда она уехала в Питер, и – до того мига, после которого навалилось беспамятство. Сон тоже сохранился в памяти – *весь*, до мельчайших нюансов, большинство из которых девятьсот девяносто девять человек из тысячи предпочли бы забыть навсегда... Но Маргарита была той самой тысячной, во многом идущей наперекор устоявшимся правилам и привычкам толпы.

Она легонько подвигала руками-ногами, прислушиваясь к ощущениям в теле. Сильной боли не было, разве что в левом бедре присутствовал некоторый дискомфорт: крайне похожий на банальный ушиб. Ещё побаливала голова, но боль была несильной, словно затухающей.

- У вас всё в порядке, - заверил доктор, сразу раскусивший суть телодвижений Риты. – Говоря начистоту – крупно вам повезло. Исключительно. Машина восстановлению не подлежит, а на вас – царапины по пальцам одной руки пересчитать можно. Ну, если не считать удар головой. Но опять же – ничего серьёзного.

- Что там случилось, на Московском? Всё было так быстро...

Доктор задумчиво потёр переносицу, словно размышляя – стоит ли сейчас посвящать Марго *в эти* подробности. Отвёл взгляд в сторону.

- Колесо у большегруза заклинило, он на встречку и... Меня, понятно – там не было: по новостям смотрел. Двенадцать трупов, не считая тех – кто с травмами.

- Двенадцать? Что-то чересчур... - сказала Маргарита, чувствуя как от сердца и дальше – расплзается паршивый, кромсающий душу холодок. Скорее всего, она знала
...зеркало заднего вида, панелевоз – заваливающийся на «газель» с работягами...

ответ: требовалось только подтверждение.

- Если что-то в голове отложилось, то должны помнить – панелевоз там ехал... - хмуро сообщил эскулап. – А по соседней полосе развозка народ со смены везла. «КАМАЗ» занесло, плиты на «газель» попадали. Семеро только оттуда...

Рита не сомневалась – не будь она тем – кем являлась в этой жизни, то не узнала бы и этих крох информации. С *обычными* пациентами, как правило – лишнего не болтают, если можно так назвать то, о чём вёлся разговор.

- Вам плохо? – врач наклонился к резко побледневшей Марго: в позе женщины теперь было что-то от стойки гончей, готовой к любому повороту событий. – Скажите что-нибудь!

- Я нормально... - внятно проговорила Рита неважно слушающимися губами. Холодок превратился в мороз, и на заиндевавшем стекле памяти кто-то раз за разом выводил слова – чем-то горячим, оставляющим красные потёки...

... *Кровь вижу... Подумай, не спеши. Не спеши. Смерть вижу, кровь...*

Перед глазами возникла стрелка спидометра, ползущая к отметке «120». Держи Маргарита привычные девяносто, обгона развозки просто не было бы! Да, трагедия была неминуема, большегруз выбросило бы на встречную полосу – в любом случае. Возможно, Рита сейчас лежала бы не в комфортабельной палате, а на столе морга: но...

Но ей не пришлось бы испытывать невыносимо-жгучего чувства вины. Люди в «газели», погибшие от того, что маково-красный «Ауди» *шарахнулся* прочь от смерти перед самым бампером панелевоза – были на её совести.

Во всяком случае, она так считала. И не пыталась *смазать* в себе это ощущение другой точкой зрения случившегося, снимающей с души часть (а то и отмывающей добела) вины. «*А что? – я должна была таранить тягач, жертвуя собой?*», «*Будь на моём месте другой – он поступил бы точно так же*», «*Всё уже случилось, какой смысл рыдать – если ничего не исправить*», «*Меня ведь тоже могло раскатать в лепёшку!*».

Марго знала – как бы там ни было – именно она обогнала «развозку». Именно она – подрезала панелевоз. *Обстоятельства* значения не имеют. Семь трупов. Семь человек, которые не вернуться домой, к своим близким.

Всё, что она теперь может сделать – помочь семьям погибших. Неважно – в открытую, анонимно: но – помочь. Если они нуждаются в этой помощи и примут её. Тем более, что у Маргариты Георгиевны Гравицкой, владелицы налаженного и рентабельного бизнеса в сфере развлечений – такая возможность есть.

Но сейчас у неё осталось ещё одно, сугубо личное дело. Требующее *обязательного* завершения.

- Сколько я здесь нахожусь? – голос Марго окреп, и врач удивлённо моргнул: не ожидая, что пациентка так быстро вернётся в нормальное состояние. – Сколько?!

- Почти два дня. В кому впали, но к счастью – ненадолго...

- Я ухожу. Прямо сейчас. – Рита села, протянула женщине руку, к которой тянулась трубочка капельницы: избавляйте. Медсестра не тронулась с места, определённо ожидая распоряжения доктора. Тот озабоченно нахмурился.

- Но, вам бы ещё...

- Я – ухожу. Какие-то бумаги, счета, что там требуется подписать – готовьте в темпе. Срочность оплачивается. И вызовите мне такси.

Эскулап капельку помедлил, будто собираясь возразить, и – согласно опустил веки.

- Вера, Маргарита Георгиевна уходит. Помогите ей собраться.

Женщина беспрекословно шагнула к Марго...

Полдюжины встроенных, сильных настенных светильников схарчили подвальную темноту, и лежащий на боку мужчина лет тридцати – поднял голову. Сощурился, привыкая к свету после нескольких десятков часов темноты, уставился на Риту, стоящую в нескольких шагах от него. Марго встретила взгляд неожиданно красивых, чуть раскосых, чарующе-голубых глаз.

«Живой...».

Она наконец-то смогла избавиться от дичайшего душевного напряжения последних двух часов, которые ушли на соблюдение необходимых формальностей в клинике, и – дорогу домой.

Человек резко тряхнул головой, невнятно – но яростно замычал сквозь торчащий во рту кляп. Маргарита продолжала смотреть на лежащего, не выказывая никаких эмоций. Они обязательно будут позже, не может статься, чтобы их – *не было*...

Мычание повторилось: злее, дольше. Рита подошла к лежащему, не обращая внимание на запах дерьма, принялась освобождать мужчину от кляпа. Марго знала, что человек не сможет причинить ей вреда. Ножные и ручные, сделанные по спецзаказу – кандалы, ключи от которых были только у неё: исключали возможность освобождения. От скованных за спиной рук – к вмурованной в стену скобе тянулась короткая, массивная цепь, позволяющая только лежать или сидеть.

Рита должна была увидеть мужчину ещё в тот день, когда на трассе «М10» оборвался жизненный путь двенадцати человек. В подвал его доставили спящим, ему полагалось проснуться чуть позже возвращения Маргариты, состоявшегося на двое суток позднее.

Эти сорок с лишним часов он провёл в темноте, голодный, без воды, не имея возможности полноценно двигаться, справляя нужду под себя. Неизвестно, насколько мужчина пребывал в неведении касательно того – куда он попал, и что с ним будет: но Риту это волновало меньше всего.

Марго справилась с застёжкой кляпа, освободила рот пленника, отошла метра на полтора. Ограниченность в движениях не исключала вероятности какого-нибудь поганого сюрприза: лучше не рисковать.

- Ты кто?! – мужчина жадно *рвал* её глазами. Он не попросил пить или ещё чего-нибудь, словно какая-то внутренняя одержимость начисто вытеснила все будничные желания. Рита не сомневалась – освободись он от кандалов, и станет рвать уже по настоящему – руками, зубами... Долго, безостановочно, пока не пресытится страданиями жертвы.

Она безмолвно смотрела ему в лицо, напряжённое, волевое, в чертах имелась определённая аристократичность. Но первое впечатление напрочь губила еле уловимая примесь порочности, от которой любой здравомыслящей женщине – следовало держаться подальше. Даже не порочности – *гнили*, мертвечины.

Но подобную *порчу* может распознать более-менее повидавший жизнь человек, и то – не каждый. А откуда взяться *такому* опыту у восемнадцатилетней девушки...

- Глухонемая, или в молчанку играешь? – громко спросил мужчина, и вдруг заорал. – Помогите! Кто-нибудь! Убивают!

Рита равнодушно покачала головой. Никто не придёт. Весь обслуживающий персонал коттеджа приятно отягощён внеплановыми премиальными, и отпущен на длительные выходные. А два здоровенных, спущенных с поводка кавказца, многочисленные камеры наблюдения и табличка с логотипом одного из солиднейших охранных агентств на воротах – напрочь исключают непрошенных гостей.

- Что ты хочешь? – жажда убийства в глазах пленника померкла. – Скажи, ну! Я всё могу, что угодно... Не молчи, сука!

Марго отвела взгляд, шагнула к небольшому столику, на котором имелось всё необходимое. Хрупнул кончик ампулы со снотворным, прозрачная жидкость заполнила шприц. Мужчина неотрывно следил за ней, и его участившееся дыхание – было дыханием затравленного зверя.

- Что ты хочешь? – взвизгнул он, изворачиваясь, пытаясь сесть, когда Маргарита направилась к нему. – Отпусти меня, ну – отпусти, слышишь! Паскуда, тварь, я доберусь до тебя – запомни это. Доберусь!

Рита улучила момент, и пнула его по ширинке дешёвых тёмно-синих джинсов. Мужчина скорчился от боли, а Маргарита ловко воткнула иглу ему в плечо, прямо через рукав простой хлопчатобумажной рубашки, надавила на поршень.

- Гнида-а-а-а... - простонал пленник, и ненависть в его глазах – легла поверх боли. – Да кто ты такая, сука?! Чего тебе надо?

Марго и сама не знала, что она добивалась – вынимая у него кляп. Услышать, как он вымаливает прощение, раскаиваясь во всём, что сделал? Вряд ли. Спросить – знает ли он, какое будущее ему уготовано? Нет. Насладиться тем, что здоровый мужик орёт во всю глотку, зная – что абсолютно беспомощен? Мимо...

Она снова замерла неподалёку, наблюдая, как начинает действовать снотворное.

- Тва-а-а-арь, я...

Рита вернула кляп на прежнее место, повернулась – и пошла к выходу из подвала. Сегодня ещё предстояло подготовить мужчину к тому, для чего он здесь оказался. И убедиться в наличии всего остального – из длинного списка, который Маргарита составляла в течение двух месяцев. Чтобы завтра пленник понял – что Страшный Суд реален: и иногда бывает гораздо ближе, чем гласят некоторые расхожие поверья...

Сколько стоит жизнь человека?

Смотря – какого. У некоторых на противоположной стороне весов «жизнь-смерть» – лежит смятая сторублёвка, а то и вовсе – дешёвая сигарета. За других отмеривают не в пример щедрее, без всяких торгов и возражений.

Маргарита точно знала цену одной из них. Полтора миллиона евро. Деньги, за которые в гигантском общепитовском заведении под вывеской «Этот мир», ей приготовили и подали блюдо с пока ещё непонятным вкусом: и коротким, жёстким названием «Мечь».

Екатерина Великая однажды сказала – «Кроме закона, должна быть ещё и справедливость». Полную справедливость Марго видела в том, что человек – изнасиловавший, жестоко мучивший и убивший её единственную дочь – и ещё два десятка девушек: будет умирать долго и мучительно. Чтобы душа Лидочки-ласточки, и возможно – всех остальных, нашла успокоение... Садиста, насильника и людоеда по прозвищу «Фаворит Смерти» - данное ему каким-то циничным и беспринципным журналистом: в самом ближайшем будущем *должны* жрать могильные черви. Он больше не имеет права дышать воздухом, даже отбывая пожизненное заключение.

Лида была предпоследней жертвой маньяка, впервые отведавшего человеческой крови и плоти около трёх лет назад. Рита сделала всё, чтобы найти мразь, лишившую её самого дорогого человека. Но питерские опера вычислили и взяли тварь первыми.

Это не остановило Марго. Она давно усвоила одну простую истину – за деньги нельзя купить очень малое количество из того, что существует в нашем несовершенном мире. Всё остальное – можно. Вопрос лишь в цене, а в этот раз Маргарита была готова заплатить любую сумму.

О том, что вместо маньяка – в тюремном морге лежит похожий на него человек с частично изуродованным лицом, кроме неё – знали четверо. Кто-то из тюремного начальства, тамошний медик: третьего Марго не знала. Да и зачем ей это? – она заплатила, а кто и как будет изворачиваться за внушительный гонорар... главное – что *товар* прибыл в целостности и сохранности. Эти трое поровну разделили почти семьдесят миллионов рублей, а четвёртого Рита однажды вытащила из крайне неприглядной ситуации: и сейчас он полностью отработал свой долг.

Она не сомневалась – эти четвёро будет хранить гробовое молчание. И ни один из них, никогда не станет шантажировать её.

Найти подходящий труп оказалось не проблемой, в городских моргах не бывает недостатка в «ничейных» мертвецах. Сидящий в одиночке маньяк не отличался смирением, и никто не удивился, что однажды его нашли мёртвым, лежащим на полу камеры.

Многочисленные следы крови в помещении говорили о том, что перед смертью он скорее всего впал в помешательство, изуродовав себе лицо. Разодрав ногтями, разбив его о стены и пол камеры. Родственники у ублюдка были, но – очень дальние, проживающие в трёх днях езды от северной столицы. К тому же, давно не поддерживающие с ним никаких отношений.

Вследствие этого, все необходимые процедуры – опознание и прочее, носили формальный характер. Все, кто узнавал о случившемся, были единодушны в своём мнении. «Туда ему и дорога». Ни одного заподозрившего что в этом деле есть второе дно – не нашлось. Люди, которым платила Рита – знали, как действует система, её уязвимые места: и безукоризненно отработали свои деньги.

Будильник надсадно заголосил, выдёргивая Марго из забытья без сновидений, показавшегося невыносимо долгим.

Девять утра. Маргарита открыла глаза, и прислушалась к тому – что творится в её душе.

Всё осталось без изменений. Она была готова идти вниз – и выбирать любое приспособление для истязания человеческой плоти. Кто-то другой мог бы сломаться, остановиться в шажке от цели, вдруг обнаружив – что не может заставить себя лить кровь. Пусть ещё вчера – осатанело стремился к этому, ошибочно полагая, что в мире нет силы – способной помешать и остановить.

Всё было готово ещё вчера, до полуночи, и Рита могла провести всю ночь в подвале. Пуская в ход то небольшую электродрель, то кусачки, то раскалённое железо. Кислоту, электричество, набор иголок, напильник – перечень *инструментов* впечатлял своей длиной. Марго готовилась к этому дню *истово* и скрупулёзно, собирая любую информацию о пытках.

Но она отправилась спать, сделав эту ночь – последней проверкой для тёмной стороны своего «эго», полностью разбуженного находящимся в доме пленником. Которое снова впадёт в спячку, как только маньяк перестанет существовать. В этом Рита была уверена. Она никогда и ничего не делала – вкладывая в основу *только* эмоции. Потому и смогла достичь тех высот, с которых гораздо ближе и легче дотянуться до других: на которых обитает редкая в любое время птица с названием «справедливость»...

Марго выпила кофе, и пошла в подвал. Размышляя о том, какой же именно эпизод из её жизни – видела женщина на Невском. Аварию, или то – что произойдёт в самое ближайшее время. Не факт, что «*плохое маячит*» - непременно означало гибель самой Риты. Это вполне могло быть видение участи пленника. *Человек уцелел, а люди из-за него погибли*...

Но если применительно к бойне на Московском шоссе – Маргарита была (запоздало, но тем не менее) согласна с «*подумай, не спеши*»: то по отношению к человеку в подвале – это отрицалось напрочь. Возможно, незнакомка придерживалась мнения, что наказание должен отмеривать суд, и пятнать руки кровью даже самой законченной нелюди – нельзя. Не исключено, что она пыталась предостеречь Риту от *последствий*, обретающих особый вес после завершения жизненного пути любого из нас...

Но Марго была готова к тому, что по каким-то придуманным свыше правилам, казнь этой нежити зачтётся ей страшным, незамаливаемым грехом. А может быть – и не зачтётся... что мы на самом деле знаем о мериле, по которому судят *там*?

Что бы не имела в виду женщина с изуродованным лицом, Маргарита знала – маньяк должен умереть здесь.

Абсолютно голый «Фаворит Смерти» живой буквой «Х» висел на стальной рамке, сделанной как и кандалы – по спецзаказу. Хитрые крепления позволяли без проблем вращать и поворачивать её как угодно, давая доступ к любой области тела пытаемого. Руки и ноги мрази находились в особых зажимах, причиняющих боль при малейшей попытке освободиться. Пол был застелен прозрачной полиэтиленовой плёнкой.

Увидев Риту, кровавый ублюдок взвыл сквозь кляп, но она не отреагировала. Неторопливо надела полиэтиленовую накидку-дождевик, чтобы не запачкаться в крови. Вытащила иглу капельницы, поставленной «Фавориту» вчера вечером. Ей очень не хотелось, чтобы эта тварь вдруг сдохла от обезвоживания, избавившись от предстоящих страданий.

Маньяк смотрел на неё, не пытаясь дёрнуться, наверняка в полной мере прочувствовав принцип действия зажимов.

Марго приложила к ранке от иглы – кусочек ватки, заклеила лейкопластырем. Эти капли крови должны были стать единственными, покинувшими тело «Фаворита Смерти» - без особой боли.

Пленник издал очередной вой. Напрочь игнорируя его, Рита взяла со стоящего рядом столика – хирургические перчатки, одела. Неторопливо, но без всякой показухи, могущей заставить распятую перед ней мразь – покрыться потом. Маргарите этого не требовалось, «Фаворит» уже успел разглядеть пыточный арсенал, аккуратно разложенный на трёх столиках. И определённо не строил иллюзий насчёт того, что намеревается делать с ним невысокая, подтянутая женщина с простоватым – но жёстким лицом.

Марго чуть подумала и всё-таки встала напротив ублюдка, заглянув ему в глаза. Увидев в них то, что и хотела.

Страх перед грядущей болью. Присосавшийся к душе маньяка – огромной, ненасытной пиявкой, постоянно увеличивающийся в размерах...

- Лидочку Гравицкую помнишь? – негромко спросила Маргарита, даже не думая освобождать рот пленника от кляпа: ответа ей не требовалось. – Карие глаза, тёмные волосы, платье из золотого шёлка. Ты убил её в день выпускного.

Пленник затряс головой, не то соглашаясь с Ритой, не то – от страха, перерастающего в ужас. Марго вдруг оскалилась – по-звериному, жутко: судя по опорожнившемуся мочевому пузырю маньяка.

- Я не буду допытываться, зачем ты это сделал... - как она ни пыталась взять себя в руки, голос срывался, в нём обозначилось что-то *нечеловеческое*. – Потому что я всё равно не получу от тебя ответа, после которого моя Лидочка перестанет сниться мне *такой*, какой ты её сделал в ту ночь. Но я клянусь – ты будешь дышать так...

Её голос пресёкся. Маргарита закрыла глаза, изо всех сил сжала зубы и кулаки, унимая проснувшуюся в теле дрожь.

Справилась, как всегда. Подошла к ближнему столику, задумчиво провела пальцами по инвентарю. Выбрала подушечку с десятком длинных, разной толщины иголок.

Взяла одну. Надавила ладонью на рамку, и та послушно заняла горизонтальное положение. «Фаворит» заколыхался всем телом, выдавливая сквозь кляп – уже не вой: что-то утробное, проклинающее...

Рита подошла к ближней, сжатой в кулак ладони маньяка – и ткнула иглой в мякоть мизинца: надавила, заставляя разогнуться. Крепко прихватила незанятой рукой, чуть отогнула вниз – и неторопливо принялась вводить иглу под ноготь...

Вверх и наружу (Елена Щетинина)

Кабину тряхнуло, и без того тусклый свет моргнул и притух, что-то заскрежетало – и лифт остановился.

- Сука, - с чувством констатировал Кирилл. – С-сука!

Следующий эпитет сопровождался ударом по кнопкам – первое сотрясло воздух, второе – кабину.

Третье слово Кирилл процедил сквозь зубы, постепенно смиряясь с ситуацией.

Лифт в их многоэтажке на окраине городе был старым, дребезжащим, постоянно запаздывающим с открыванием дверей, в нем периодически чем-то воняло – то ли старой пластмассой, то ли дохлыми крысами – но на памяти Кирилла, то есть последние лет пять, он не застревал ни разу. Но да, иногда надо с чего-то начинать. Или с кого-то, да.

- Сука, - мрачно сообщил Кирилл лифту и снова пнул дверь в надежде, что кто-то его услышит. Надежда, прямо скажем, была весьма зыбкой – летний полдень четверга далеко не то время, когда площадки и лестницы в спальном районе кишат людьми. Кто-то на работе, кто-то в отпуске за границей, кто-то на трудовой повинности на даче, кто-то во дворе, магазинах, да где угодно. И до того момента, когда соседи начнут массово возвращаться домой и живо интересоваться лифтом, еще долгих шесть часов...

- Эй! – крикнул Кирилл в щель между дверями, чуть ли не вжавшись в нее губами. – Эй! Я тут! Помогите!

«Помогите», конечно, было несколько преждевременно – до «помогите» ему надо было бы сидеть тут около суток – но в голову не приходило ничего более емкого. Но не важно, все равно, судя по тому, какая тишина стояла снаружи – только где-то внизу, в шахте, ухало невнятное эхо – его никто не слышал.

Кирилл мрачно повернулся к панели с кнопками. Там, где должна была находиться красная кнопка связи с диспетчером, горбилась горка плавленной пластмассы. Третий год как. Кто именно сжег ее – никто не знал, да и не собирался выяснять. Равно как и менять. Понадеялись на то, что не понадобится, да. На всякий случай Кирилл потыкал пальцем в комок пластмассы. Разумеется, без толку.

На счастье, он не страдал клаустрофобией – поэтому перспектива просидеть пару часов в кабине лифта его всего лишь не радовала. Кроме того – Кирилл критически осмотрел пол – на улице сегодня сухо, так что если ожидание затянется, он не побрезгует и присесть. И не только присесть – но и свободно вытянуть ноги и даже прилечь, лифт был совмещен с грузовым и давал определенную свободу действиям.

В карманах не было ничего, кроме ключей и флэшки – даже телефон он оставил дома – делов-то, всего лишь заскочить в маленькую полиграфическую конурку в соседнем дворе – в руках же реферат по культурологии, в как на зло мягкой папке.

Ни разжать двери, ни постучать по стенам толком, мда.

Кирилл еще раз – больше для проформы – попинал двери и стал медленно постигать бытовой дзен. Ничего другого ему больше не оставалось.

- Египетская религия, - мрачно бубнил под нос Кирилл спустя полтора часа, как мог удобно устроившись в углу кабины и штудирова реферат, - являет собой хрестоматийный пример комплекса верований, характерного для аграрной цивилизации...

В дверь осторожно поскребли.

- ...коей и являлся Древний Египет, - Кирилл поднял голову, прислушиваясь.

По пластику – или из чего там сделаны эти двери? – снова чем-то зашкрябали. Слава всем египетским богам, электрик!

- Эй! – крикнул Кирилл, вскакивая на ноги и бросаясь к двери. – Я тут! Давайте! Я

тут!

Ему не ответили.

Скрежетание прекратилось.

- Эй! – заорал Кирилл, с огорчением понимая, что ошибся. – Эй! Я тут! Я застрял!

Позовите кого-нибудь!

Тишина. Ни сопения, ни кряхтения, ни дыхания – ни единого звука, которые издают пусть даже и молчащие люди. Можно было подумать, что снаружи никого нет.

Но скрежет, который возобновился через минуту, свидетельствовал об обратном.

- Эй! Я тут! – снова крикнул Кирилл и попытался со своей стороны помочь разжать двери. Тугие пружины не поддавались, да и сам он не был в достаточной мере спортивен – так что пару минут он только пыхтел, неуклюже цеплялся за обитые резиной края и вглядывался в щель между дверями, надеясь, что помогает увеличить ее хоть на пару сантиметров.

И тут внизу, на уровне щиколоток, в нее просунулась рука.

Точнее пока лишь пальцы – но и их вида хватило, чтобы Кирилл совершенно по-женски взвизгнул, со всего размаху приложился по ним ботинком – а потом отскочил в дальний угол лифта так, что кабина заходила ходуном.

Пальцы недовольно – Кирилл так и видел, что они были НЕДОВОЛЬНЫ – сжались, зашевелились, сгибаясь в совершенно неожиданные стороны, и замерли, растопырившись, поводя фалангами туда-сюда, словно на их подушечках были глаза.

Их было шесть – гибких, ненормально длинных – уже сейчас было видно пять фаланг – обтянутых бледной, лоснящейся словно от жира, кожей. Они шевелились, как лапки отожравшегося паука-альбиноса, подгребая к себе воздух – словно обладали не только глазами, но и ноздрями.

Видимо, Кирилл все-таки хорошо приложил их ботинком, так как хозяин пальцев – или же сами пальцы? – пока не решались продвигаться дальше. Кирилл осторожно, преодолевая отвращение, сделал шаг к ним. Остановился. Пальцы тоже замерли, повернувшись в его сторону. Кирилл со свистом втянул воздух – и снова пнул их. Еще раз. Еще. Еще!

Пальцы сжались и уползли наружу. Двери сомкнулись, оставив лишь небольшую щель.

Кирилл, не переводя дух, снова бросился к приборной панели и стал колотить по кнопкам.

- Эй! – истошно вопил он. – Эй!

Дом молчал. Молчал так, как никогда до этого – словно был полностью, от первого этажа до последнего, абсолютно пуст.

- Пожар! – осенило Кирилла. – Горим! Пожар! Ааа!

Тишина.

Никого.

Кирилл ударил в стену, потом разбежался и пнул со всего размаху – лифт заходил ходуном и тросы угрожающе заскрипели. Парень завыл и стал скрести пластик – словно надеялся процарапать дыру к свободе – пусть даже та оказалась бы шахтой. Главное – вырваться отсюда, из этой ловушки, из которой его пытается вытащить – ее хозяин?

Едва уловимое движение за спиной заставило его оглянуться – и отскочить, невзирая на очередное раскачивание кабины.

Все в таком же молчании пальцы снова начали протискиваться в дверь. Только на этот раз они делали это медленнее – но и настойчивее. Во всяком случае, через минуту показалась и ладонь – точнее то, что у существа за дверью считалось ладонью.

Кирилл, судорожно сглотнув слюну и чувствуя, как от ужаса немеет лицо, снова занес ногу и пнул ладонь.

Та приняла удар и вцепилась в ботинок. Кирилл взвыл – ему показалось, что

нечеловеческая сила сейчас сомнет ему стопу и переломает кости. Рука дернула его ногу на себя – и Кирилл не удержался, со всего размаху шлепнулся на пол, снова взыв – на этот раз от боли в отшибленном напрочь копчике и ушибленном затылке. Рука еще раз дернула его ногу, выкручивая и выворачивая стопу. Подвывая, Кирилл стал бить по ней второй ногой, то и дело промахиваясь, попадая то по лифту, то по своей же ноге. Рука не отпускала. Тогда он уперся в нее рантом ботинка и стал отскребать, сталкивать пальцы с себя. Пустить в ход свои собственные руки он не решался – что-то подсказывало ему, что если та вцепится в них, то сражение будет в тот же момент проиграно.

Наконец, рант удачно уперся в то, что у нормальных людей является большим пальцем – Кирилл напрягся, вытянулся в струнку, резко вывернул пойманную ногу, прижимая руку к дверям, дернул вторую, словно стесывая руку вниз – и только отлетев к противоположной стене, понял, что ему наконец-то удалось освободиться.

Рука, изрядно помятая, потоптанная, с содранной кожей, с сочащейся из ранок мутноватой жидкостью – по кабине разнесся отчетливый запах сероводорода – медленно шевелила пальцами, словно пытаясь понять их наличие и число.

Кирилл размахнулся и стукнул ее папкой с рефератом. Потом еще и еще. Как муху! как поганую! Навозную! Мерзкую! Вонючую! Муху! – с каждым ударом он выплевывал эти слова в воздух, словно пытаясь напугать руку.

Что-то из этого возымело действие – во всяком случае, та еще немного подергалась, а потом уползла обратно, за двери.

То ли механизм, сдерживающий дверь, был слишком тугим, то ли у существа снаружи была лишь одна рука – но сейчас кабину снова ощупывала-осматривала-обнюхивала та же самая, уже изрядно помятая конечность. При этом она то и дело отщипывала куски резиновой обивки дверей – видимо, чтобы увеличить проем. Щель действительно расширялась – пусть и на сантиметр-полтора, но достаточно для того, чтобы через нее просунулось уже предплечье, мускулистое и крепкое.

Кирилл смотрел на все это и методично сворачивал выданные из реферата листы в плотный кулек. Когда-то давным-давно – ему казалось, что все происходило с ним давным-давно в какой-то иной жизни – он читал о подобном и теперь был момент проверить это на практике. Точнее, нет, не проверить. Использовать.

Он не ощущал лицо, ноги существовали у него лишь где-то на уровне колен – во всяком случае, именно там дергалась какая-то жилка – все остальное охватило мертвенное, свинцовое оцепенение ужаса. Работал лишь мозг – четко, прямолинейно, не вдаваясь в подробности и не отвлекаясь на рефлексии. Кирилл вертел кулек и меланхолично прикидывал, что же это такое – там, за дверями.

Совершенно однозначно, что это не человек. Было бы у него меньше, чем пять пальцев, можно было бы списать на какого-нибудь окончательно рехнувшегося от белочки алкаша. Но вот шесть...

Где-то год назад на собрании жильцов поднимался вопрос по поводу мусора под лестницей – там, где первый этаж плавно переходил в подвал. Кто-то начал стаскивать туда тумбочки, старые стулья, листы фанеры, какие-то тряпки, железки – в общем, чему самое место было на помойке. Сначала наиболее ответственные жильцы выкидывали этот хлам туда, куда ему и должно было быть – но уже через пару дней подлестница снова забивалась каким-то мусором. В конце концов терпение лопнуло и у наиболее ответственных, и они махнули рукой.

Так неужели то был не просто хлам? Неужели что-то вило там, у них, под лестницей, свое гнездо? И теперь оно вышло оттуда?

Кирилл мрачно сплюнул сквозь зубы и проверил острие кулька. Шансов совсем мало, но хоть какие-то.

Он резко швырнул оставшиеся листы в противоположный угол. Рука дернулась,

растопырилась и напряглась.

Кирилл бесшумно метнулся к ней.

- Сука! – голос сорвался на фальцет. И одновременно с этим воплем узкий кулек вонзился в ладонь, проткнув ее насквозь.

Сероводородом запахло еще сильнее. Кирилл торжествующе завопил – байки из Интернета по поводу того, что можно убить листом бумаги, оказались правдивыми. Рука задергалась и рванула обратно, наружу, но кулек был слишком плотным и растопыркой застрял в дверях.

- Ха! – уже нечленораздельно орал Кирилл, охваченный каким-то первобытным восторгом удачливого охотника. – Ха, сука, ха!

Он развернулся и кулаками выбил дробь по панели с кнопками.

Рука дергалась, извивалась, пыталась протиснуться назад – но качественная бумага стойко держала удар, да и судя по тому, как потряхивало руку, Кирилл умудрился попасть по каким-то важным сухожилиям, или что там у нее было. Но все это происходило в полнейшей, гробовой тишине. Кирилл уже понял, что звуков дома ему не услышать – но он не ожидал, что даже сейчас существо будет немо. Или же оно пребывало в ином, чем люди, звуковом диапазоне.

Рука еще пару раз мелко дернулась, а потом резко протолкнулась вперед – заставив Кирилла шарахнуться в дальний угол.

И тут кабина лифта дрогнула и медленно поехала наверх.

Не успев сообразить, зачем, Кирилл подскочил и вцепился в руку. Ее кожа была холодной и склизкой. Кирилла передернуло от отвращения – но он сильнее сжал руку, так, что его ногти прорвали бледную кожу. Сероводород еще сильнее ударил в нос – хотя казалось, что запах и так находится на пределе своих возможностей.

Рука дергалась, извивалась и пыталась вырваться – но Кирилл держал ее.

Она налилась тяжестью – лифт теперь тащил за собой наверх и то существо, что было с другой стороны руки – но Кирилл держал.

Ему вскоре пришлось сесть на пол и упереться ногами – существо было слишком тяжелым, но он не сдавался.

Лифт скрежетал, визжал – ему тоже было тяжело, и Кирилл бормотал просьбы не сдаваться, вверх, вверх, сука, вверх!

Вдруг что-то хрустнуло, лопнуло снаружи – и Кирилла в очередной раз отбросило назад.

- Сука! – торжествующе выдохнул он и упал на пол рядом с подергивающейся рукой.

Вонючая жижа уже перестала сочиться из оторванной культи и собралась подсыхающей желевой лужей. Кирилл сидел в углу, аккуратно пересоворачивая бережно очищенный от мерзости кулек.

Лифт все еще ехал.

Наверх.

Наверх.

Уже восемь часов – наверх.

«Вверх и наружу» – фраза из книжки, что когда-то читал он племяннику, пришла ему в голову. – «Вверх и наружу».

По всем подсчетам, уже должен был закончиться не только дом, но и нижние слои атмосферы.

Вверх и наружу.

Одним из ключей он отделил от кости плоть – или как это называлось у этого

существа? Кость лишь отдаленно напоминала человеческую – пористая, с какими-то выступами. Кирилл содрал ею кусок резиновых окантовок дверей и, орудуя, как рычагом, попытался разжать их. Те подались лишь отчасти – поэтому Кирилл оставил кость как распорку. Сантиметров пять – а если налегать на кость, то и все десять. Достаточно для того, чтобы видеть то, что происходит снаружи.

Видеть, закрывать глаза от ужаса – и смотреть снова. Смотреть снова в надежде увидеть такие родные серо-зеленые стены.

Хотя нет, справедливости ради нужно сказать, что серо-зеленые стены изредка попадались и здесь. Только они были уже иными. Где-то оплетенные плющом, завешанные лианами или покрытые инеем. Где-то на них висели освеженные туши, где-то сочилась гноистая жидкость – лифт ехал по старой привычке, достаточно медленно, чтобы Кирилл мог рассмотреть эти миры. Нередко их обитатели замечали его – и кидались на двери, рыча, визжа или храня гробовое молчание. Существ, подобных этим, Кирилл не видел никогда – только если на картинах Босха можно было увидеть слабое подобие этих... просто ЭТИХ.

А лифт все ехал и ехал.

Вверх и наружу.

Гребано вверх и гребано наружу.

Щетина постепенно отрастала.

Останки существа стали вонять – поэтому он, кривясь от омерзения, протолкнул их в щель.

Туда же он и помочился. Правда, потом, когда стал испытывать жажду, пожалел об этом – на второй день он не побрезговал бы и мочой. Он попытался прогрызть свою кожу, чтобы выпить хоть чуть крови – но зубы его были слабы, а бумагу он так опрометчиво начал жевать, когда стал испытывать первые признаки голода. Даже спасительный кулек был уже измохрачен и не мог ему помочь.

Но к вечеру третьего дня лифт проезжал миры-этажи, где шел дождь, и он успел вытащить наружу сложенные лодочкой ладони. А еще через пару секунд сообразил и сунул под воду оба ботинка. Те оказались не только непромокаемые, но и водонепропускающие.

Из крепления папки он сделал крючок и привязал его к шнуркам. Через час на крючок попала странное существо – полу-пиявка, полу-муха. Ему даже показалось, что оно пыталось заговорить с ним – но он был слишком голоден. На вкус существо отдавало тиной и его слегка пронесло – но голод чуть отступил.

Жизнь, кажется, налаживалась.

И она существовала вверх и наружу.

И он уже точно знал, чего не хочет ни в каком случае.

Пусть голод, пусть жажда, пусть что угодно.

Только пусть лифт не останавливается и не открывает двери.

Пока не доберется до этажа Кирилла – пусть он не останавливается и не открывает двери.

Пусть так и будет – вверх и наружу.

Бесконечно вверх и постоянно наружу.

Вирусный контент (Илья Пивоваров)

Лариса Соколова сбросила скорость, едва заведя нужный поворот. До Волчьего Лога, деревни, где располагался их участок, оставались считанные километры. Женщина потянулась, не отрывая взгляда от дороги, и недовольно скривилась: мышцы затекли. Почти три часа стояния в пробке на выезде из города, и это с восьми-то утра! Олег был прав: надо было выезжать вчера. Но сборы на дачу никогда короткими не бывают. То рассаду забудешь, то сапоги для детей. Кстати, как там они? Лариса глянула в зеркало заднего вида. Димка сидел, уставившись в планшет, в глубине его глаз мелькали цветные всполохи. Наверняка играет в «Subway Surfers» - приложение, на которое подсел, похоже, весь Питер. Женщина пожалала плечами; она не могла понять, что такого особенного в игре, где мальчик бежит по рельсам, запрыгивая на вагоны? «Супер Марио» и то интереснее! Таня сидела на противоположном краю сиденья, уставившись в смартфон. Даже тогда, когда джип запрыгал по «бетонке», девушка не оторвалась от экрана.

По правде говоря, Ларису с Олегом стало беспокоить то, что их дети постоянно заседали с гаджетами. Техника должна помогать человеку в работе, но не занимать все его время. Хотя кого я обманываю, сказала женщина самой себе, мы с мужем так же часто смотрим телевизор. Или нет? В основном зомбящий в их квартире был включен по вечерам: передачи с Малаховым, пока готовится ужин, «Голос» за едой, ну а потом можно глянуть какой-нибудь фильм, если идет что-то стоящее. Димка с Танькой же зависали в своих смартфонах-планшетах постоянно: сын играл, дочь с кем-то чатила. Спокойно, сказала себе Лариса, сейчас как начнем картошку сажать – не до техники будет.

Ряд редких дачных домишек остался позади. Дальше по дороге находились только их дом и участок Вдовиных, ближайших соседей. Бетонные плиты кончились, и земля сразу же пошла ухабами. Джип подскочил, затем провалился в глубокую лужу, разбрызгивая грязь. Сзади послышалось недовольное Димкино ворчание – видимо, тряска мешала играть.

- Мы когда приедем, мам? – протянула Таня.
- Уже почти, - ответила Лариса, борясь с рулем. – В туалет хочется?
- Да.
- Мне тоже, - присоединился к сестре Дима.
- Потерпите, немножко осталось.

Слева показались ворота – железные секции, крепившиеся на столбах, прочно гнездившихся в земле. Лариса отметила про себя, что надо будет найти человека, который покрасил бы ограду. Кусты, посаженные по периметру, еще не распустились полностью, и сквозь них можно было разглядеть, что творится на участке. Мысли некстати свернули в другое русло, набросав в голове сценарий для ужастика. Да, через месяц зелень закроет обзор для возможных незнакомцев, но с другой стороны, если кто-то проникнет за ограду, а перелезть через нее реально, никто не увидит, что творится с их семьей внутри, и не вызовет помощь... Да что с тобой такое, рассердилась Лариса на себя. Глупости всякие выдумываешь! Но все же, когда показались широкие ворота, ведущие на участок, она, сбавив скорость почти до нуля, наклонилась вправо и достала из бардачка шокер. Так, на всякий случай. Мало ли кто решил поселиться в доме, пока хозяева отсутствовали.

Дети выскочили из джипа сразу, стоило тому остановиться. Глядя на них, Лариса порадовалась: нет, технологии еще не завладели ее чадами. Во всяком случае, не настолько, чтобы они не смогли радоваться солнцу, зелени и свежему ветерку. Впрочем, осадила себя женщина, рано делать выводы. Скорее всего, они просто спешат в туалет. Но, глядя на то, как Димка пытается подтянуться и перелезть чрез забор, Лариса не могла не рассмеяться. Таня на секунду замешкалась, глядя на брата, затем присоединилась к нему. Она нагнала Диму уже на вершине ограды, а через пару секунд дети уже бежали наперегонки к кабинке из светлого дерева, что стояла неподалеку от дома.

Лариса вышла из машины (на секунду ее одолело абсурдное желание махнуть через забор следом за детьми), повозилась с замком, затем открыла ворота и завела джип во двор. Памятуя о возможном незнакомце в доме, тревожно поглядела в сторону туалета (Дима стоял снаружи, полусогнувшись, и подпрыгивал на месте от нетерпения), потом перевела взгляд на дом. Массивная двухэтажная постройка, казалось, нависала над женщиной, хотя конечно, это была иллюзия. Возможно, дело было в темном цвете стен. Подойдя к крыльцу, Лариса увидела мигание синей лампочки над дверью. Значит, сигнализация работала, и в дом, скорее всего, никто не пробрался. Тревожные мысли, витавшие в голове еще пару минут назад, теперь казались смешными.

Женщина сняла защиту, введя пароль из семи цифр. Затем вернулась к воротам и закрыла их, впрочем, возвращать на место замок не стала – вечером еще придет Олег. Таня вышла из кабинки, к огромному облегчению брата, и пошла к машине. Ноги в светлых «найках» еле слышно чавкали на влажной земле.

- Кушать хочешь? – спросила Лариса, доставая из багажника сетку с едой. Она выудила из пакета багет с зеленью и ветчиной. Дочь скосила голову набок, будто прислушиваясь к голосу желудка, подошла, заглянула в пакет, нашла там глазированный сырок и юркнула в салон.

- Ты чего? – спросила Лариса, но ответ был уже очевиден: Таня вылезла наружу, сжимая в свободной руке смартфон. Ну разумеется! Девочка направилась в дом, глядя в экран. На мгновение Лариса представила, что ее дочь смотрит на мир через электронное око телефона.

Раздался звук хлопнувшей дверцы и бодрые шаги Димки.

- Мам, дай, - попросил он, протягивая руку. Женщина отдала бутерброд, а сама нагнулась в багажник и достала пакет с рассадой. Лопаты и грабли она заберет за второй заход. Дима достал тяпку, кинул ее на плечо и зашагал следом за матерью, продолжая вгрызаться в багет. Так они и направились в дом.

Внутри было зябко. В прихожей царил сумрак, поэтому Лариса, бросив пакеты у порога, дотянулась до щитка и, врубив пробки, щелкнула выключателем. Белый свет залил помещение. Справа к стене крепилась вешалка, на которой сейчас висела только фуфайка мужа. Далее шла двойная дверь, через которую был виден круглый обеденный стол в окружении четырех стульев. Еще дальше начиналось Ларисино царство – кухня с кучей шкафчиков, газовой плитой, работавшей от баллона и стареньким холодильником, реликтом советской эпохи. Вдыхая знакомые запахи дерева и земли, женщина почувствовала, как напряжение, державшее ее всю дорогу от Питера, наконец, стало отпускать. Она вернулась в дом, гораздо более уютный, нежели городская квартира. Правда, предстояло еще включить обогреватели, вытереть пыль с мебели, помыть окна и сделать еще кучу дел, но это были мелочи.

Пока она возилась с пакетами на кухне, укладывая продукты в холодильник (внутри обнаружилась непечатая бутылка вина – будет чем отметить Первомай, когда Олег придет), Димка занес в дом инструменты из машины. Ставить их в кладовку он не стал – первую партию картошки Лариса планировала засадить уже сегодня. Сверху послышался недовольный Танькин голос:

- Ма-ам, здесь интернет почти не ловит. Связи нет.

- Вот и хорошо – меньше будешь в телефоне сидеть, - огрызнулась женщина. Давай, переоденься и спускайся, мне помощь нужна.

- Блин, мы уже сейчас в огород пойдем? Мне тут с домашкой обещали помочь.

- Знаю я твою домашку. Небось, с подружками треплешься попусту. Наобщаетесь еще в школе. А сейчас ноги в руки, и бегом вниз!

Сверху донесся недовольный вопль, затем последовал топот ног. Таня показала на лестнице.

- Мам, ты не понимаешь! Нам дали задание по информатике, и для того, чтобы решить его, нужно скачать одно приложение. Ты все равно не поймешь! А почти связь не ловит –

загрузка постоянно прерывается.

- Так ты зачем качаешь через мобильный интернет? Сейчас все деньги просадишь! Подожди пока, ладно? Надо сейчас хотя бы чуть-чуть поработать. Потом вернемся, я включу папин компьютер, выйдешь оттуда.

Дочь закатила глаза. Но ей придется смириться. Про себя Лариса уже твердо решила – на ближайшие часа три никаких мобильных! Потом, когда Олег приедет, дети будут предоставлены сами себе.

- Тань, жду тебя в огороде, - крикнула женщина и, надев сапоги, направилась на улицу, - Дим, возьми две лопаты, - тот кивнул.

Земля была влажной – всю вторую половину апреля шли дожди. Да, придется повозиться, тяжело таскать лопатой мокрую землю. Ничего, приободрила себя Лариса, хотя бы начнем, тогда на завтра будет меньше работы. Сегодня же можно будет вернуться в дом, как только дети устанут.

Она пересыпала молодую картошку из мешка в ведро. Затем дала Димке лопату.

- Держи. Начнем копать с того края. Двигаемся навстречу друг другу. Когда Таня подойдет, она сменит тебя. Хорошо?

Мальчик кивнул. Он тоскливо взглянул на джип, возможно, сожалея об игрушке, оставленной там. Но потом ухватился за лопату и начал работать.

Мать и сын двигались навстречу друг другу с разных концов межи. В голове Ларисы, пока она трудилась, крутились разные мысли. Танька подрастает. Вот с кем она там чатится? Может быть, у нее появился мальчик? Вряд ли, иначе дочка уже рассказала бы. Женщина чертыхнулась, когда лезвие лопаты звякнуло о камень. Интересно, как там Олежек? Уже выехал, или еще сидит на работе? Муж Ларисы крутился в строительном бизнесе. Его фирма могла взяться за какой-нибудь объект в любое время, даже в праздники. Но зато на деньги Олега был куплен этот участок и построен дом. Главное теперь – вырастить детей, чтобы те окончили школу и выбрали нормальный университет. Сложно пока сказать, чем увлекается Дима, но вот Танька вроде как подумывает о филологии. Конечно, по русскому у девочки одни пятерки, но кем она станет, когда закончит учебу? Учителя сейчас получают мало...

Пронзительный вопль, донесшийся из дома, мигом прервал размышления женщины.

Танька, промелькнуло в голове, а следом вернулась мысль о незваном госте: надо было проверить второй этаж. Вдруг, вор каким-то образом пробрался через крышу. Думая это, Лариса уже неслась к дому. Перед домом она поскользнулась на мокрой траве, но ухватилась за крыльцо. Залезла в карман. Шокер был на месте. Женщина поднялась, распахнула дверь и столкнулась нос к носу с дочерью. Девочка плакала; светлые волосы прилипли к лицу. Одну руку она прижимала к груди. Между пальцев, пачкая футболку с логотипом «D & G», струилась кровь.

- Что случилось? – Лариса окинула взглядом прихожую, и никого не увидела. Она захлопнула дверь, уводя дочь от возможной опасности. – Дай посмотрю!

В этот момент сверху послышался глухой звук, будто что-то упало. А затем – ритмичный перестук и скрежет. Как будто животное пробежало. Лариса посмотрела вверх, но размышлять о природе звука ей было некогда. Она осмотрела Танину руку.

- Кто это тебя так? – ладонь просекли три параллельные борозды. Кровь выплескивалась толчками через рваные края кожи. Лариса мельком отметила, что испачкалась сама. Плевать, потом отмоемся. Она повела дочку к машине. Испуганный Дима кинулся за ними следом, то и дело оглядываясь на дом.

Надо позвонить Олегу. Но прежде всего – в полицию. Может быть, вверх пробралось животное? Интересно, какое? Тогда нужно еще и врача вызывать, с прививкой от столбняка. Лариса подбежала к машине, открыла дверь, порывалась в бардачке. Наконец, выудила оттуда аптечку, нашла перекись водорода и бинт.

- Дай руку, - девочка подчинилась. Она испуганно смотрела на дом. – Сейчас я замочу рану, а потом позвоню в полицию.

- Не надо! – Таня вздрогнула и задела рукой бутылку с перекисью. Прозрачная

жидкость вылилась на рану, превращаясь в грязно-бурую пену.

- Что такое?

- Не подходи к мобильникам. Они... - договорить Таня не успела. В доме опять послышались звуки. На этот раз – треск ломающегося пластика. Лариса вздрогнула, когда Дима вцепился сзади в ее куртку.

- Так! – женщина разозлилась. Кто, черт побери, посмел вторгнуться в их жилище, да еще и хозяйничает там? Она быстро перевязала руку дочери, затянув так, что девочка вскрикнула, - прости. Постойте здесь, а я зайду в дом. Обещаю, что сразу же вернусь, - прибавила Лариса, почувствовав, что Димины хватка стала еще крепче. – Ну же, отпусти. Пока я буду в доме, откройте ворота, они не заперты. Бегите к Вдовиным и вызывайте полицию. Хорошо? – Дети кивнули. – Все, я пошла.

Она направилась к крыльцу, нащупала шокер в кармане, а потом остановилась и извлекла его на свет. Устройство напоминало фонарик, вот только вместо лампочки у него были два железных штырька. Женщина нажала кнопку и вздрогнула от последовавшего за этим резкого звука. Но вид искр, проскочивших между стержнями, успокоил ее. Не важно, что именно пробралось в дом, но сейчас ему не поздоровится. Лариса обернулась, чтобы проверить, послушались ли дети? Те стояли на месте.

- Ну же, - шикнула на них женщина. – Давайте, идите.

Димка с Таней нехотя повиновались. Ну и славно!

Лариса поднялась на крыльцо, слыша, как под ногами предательски скрипят ступеньки. Тот, кто находится в доме, мог тоже услышать их. У двери женщина замешкалась, не решаясь войти. Вдруг кто-то притаился с другой стороны? *Ждет ее там?* Она прислонила ухо к двери. С той стороны не доносилось ни звука. Вокруг шелестела листва, слышались переливы птичьего пения. В этот момент Ларисе хотелось отключить все окружающие звуки ради одного – чтобы расслышать, не стоит ли кто прямо за дверью.

Сердце ее гулко билось.

Рука нащупала дверную ручку, сжала. Внутрь идти не хотелось. Но все средства связи лежали в доме. Свой мобильник Лариса оставила на столе, перед тем, как выйти в огород. Ключи от автомобиля и квартиры – там же. Дело было за малым – добраться до столовой, забрать все это и поспешно ретироваться. Если тот, кто спрятался в доме, нападет на нее, его встретит электрический разряд. Но, по правде говоря, встретить кого-либо на своем пути не хотелось. Лариса была трусихой. Если она заберет телефон и ключи, то сразу же направится к машине, догонит детей на пути к Вдовиным, а потом рванет в город, по пути позвонив в полицию.

Хватит планировать, сказала она себе. Входи, ну же!

Женщина распахнула дверь, выставив шокер перед собой. Она была готова пустить оружие в ход, если кто-то выскочит на нее или сделает хотя бы движение. Но в гостиной и в столовой никого не было. Двери на кухню были закрыты. Лариса не могла вспомнить, оставляла ли их такими, когда выходила в огород.

Она сделала шаг – нет, крохотный шажочек вперед, пытаясь заметить боковым зрением что-либо незнакомое у стен. Но ничего не увидела. Тогда женщина пошла уже смелее, направившись прямо к круглому столу, на котором лежала связка ключей и... мигающий мобильный телефон.

На экране, насколько она могла видеть, какие-то незнакомые рисунки быстро сменяли друг друга. Подсветка клавиатуры то вспыхивала, то выключалась. Мобильник-раскладушка напоминал новогоднюю игрушку, которую кто-то включил по случаю праздника. Странно... Вспомнились Танины слова: «Не подходи к мобильникам». Что бы это значило?

В голове выстроилась цепочка: что мы делаем в первую очередь, когда попадаем в беду? Как правило, добираемся до первого попавшегося телефона и звоним – в полицию, в «скорую», соседям или друзьям. Что, если неизвестный маньяк использует устройство как приманку, заманивая жертву в ловушку, а потом нанося удар? Таня не успела рассказать матери, что произошло, но Лариса была уверена: так все и было. Следовательно, если

добраться до столовой, то псих, притаившийся в квартире, попытается перегородить единственный выход в доме. Или нападет из кухни, где в одном из ящиков находятся ножи. Женщина тяжело вздохнула. Плохо, когда не знаешь, с чем придется столкнуться.

На ватных ногах она подошла к входу в столовую и быстро оглядела помещение. Никого. Затем, вместо того, чтобы забрать то, что ей требовалось и удирать без оглядки, женщина пинком распахнула двери в кухню. Пусто! От облегчения она едва не разрыдалась. Но тут же оглянулась назад, уверенная, что кто-то мог подкрасться к ней сзади. Нет, никого не было.

Ладно, подумала Лариса, возвращаясь в столовую и протягивая руку к ключам, если телефон не работает, надо просто...

Что-то задвигалось на поверхности стола. Раздался знакомый звук – треск ломающегося пластика – и с мобильником *что-то произошло*.

Он вывернулся наизнанку.

Экран замигал и погас, потом вспучился и треснул пополам. Клавиатурная панель вздыбилась, став похожей на панцирь, испещренный цифрами. Корпус разошелся по швам, из него полезли крохотные проводки. Все это произошло за какие-то секунды. Лариса завизжала и отдернула руку. Она попятилась назад, а конструкция вдруг вскочила и резво подбежала к краю стола. Теперь она меньше всего походила на телефон, скорее – на механического скорпиона. Экранная панель, теперь служившая твари хвостом, сделала движение в сторону женщины. Эти торчащие осколки были опасны. Лариса начала догадываться, каким образом поранилась ее дочь.

Но это же полное сумасшествие! Мобильные телефоны не могут...

Прежде, женщина успела додумать мысль, конструкция свернулась в шар и откатилась назад. Предчувствуя недоброе, Лариса отскочила в сторону, ударившись бедром об угол подоконника. В следующий миг пластиковый комок с треском двинулся вперед и скатился со стола. В полете он раскрылся, ошестинившись осколками. Никого не задев, конструкция упала на пол, процарапав линолеум. Затем развернулась и засеменила к женщине. Та взвизгнула и залезла на подоконник. Пластиковое нечто внизу извивалось, трещало и без конца меняло форму. Его метаморфозы завораживали. Лариса глянула – до стола было совсем ничего, ключи еще лежали там – и прыгнула вперед.

Она успела схватить связку, но не удержала равновесие. Стол накренился и начал падать, с грохотом расталкивая стулья. Женщина упала на руку, ту, что сжимала ключи, и зашипела от боли. Она перекатилась на спину – как раз, чтобы увидеть, как огибая стол по широкой дуге, к ней катится ненавистный шар.

Шокер лежал рядом. Лариса схватила его, и тут почувствовала, как в правую икру что-то впилося. Она заорала от боли и задергала ногой, пытаясь стряхнуть конструкцию. Та застрекотала, но не отцепилась, а еще сильнее погрузила осколки в плоть женщины. Штанина окрасилась в красный цвет. Лариса ударила ногой об угол столешницы – не помогло. Тогда она поднесла шокер к конструкции. Наверняка, ее саму заденет разрядом, но будь что будет! Женщина надавила на кнопку.

Она не успела поднести оружие к твари, когда та отцепилась от ноги и перескочила на руку, обхватив ладонь, сжимающую устройство, маленькими пластиковыми коготками. Лариса размахнулась и откинула оба устройства куда-то вбок, подальше от себя. Вскочила и, прихрамывая, побежала к выходу, оставляя за собой кровавый след. Бешеный стук сердца, казалось, пульсировал в глазах.

Что это было? С этим вопросом надо разобраться позднее, когда она окажется в безопасности. Почти добежав до двери выхода, женщина обернулась, уверенная, что шар опять преследует ее. Но нет, тварь еще находилась в столовой. Оттуда доносилось механическое жужжание, похожее на звук электродрели. Не стоит разбираться в том, что там происходит. Лариса выскочила наружу и захлопнула за собой дверь.

Снаружи было спокойно. Ветер колыхал ветки деревьев с едва распустившимися листьями, легонько трепал траву; где-то рядом птички выводили трель. Лариса почувствовала

себя так, будто вырвалась из какой-то кошмарной Нарнии. В доме царил ужас, здесь же шла своим чередом нормальная жизнь. На миг у Ларисы возникло абсурдное желание заглянуть обратно, чтобы убедиться в том, что ей ничего не почудилось. Однако, жгучее пульсирование в правой ноге было самым веским доказательством.

Что, черт возьми, происходит? Только теперь стало понятным предупреждение Тани. Мобильные телефоны сошли с ума. Лариса усмехнулась этой мысли. Но, прежде чем приступ истерического смеха завладел ею, она повернулась и закрыла входную дверь на замок, и только потом позволила себе осесть на крыльцо. Значит, никому не позвонить? Она захихикала, прикрывая рот рукой. В памяти всплыли молодежные ужастики, пару из которых довелось смотреть им с Олегом. Люди попадают в глухую чащу, сталкиваются там с чем-нибудь страшным, и тут оказывается, что телефоны не работают. Что ж, в жизни все может оказаться даже хуже.

Женщина попыталась встать, но оказалось, что ноги не держат ее. Руки тряслись; Лариса сомневалась, что сможет вставить ключ в замок зажигания с первого раза. А действовать требовалось быстро. То, что тварь, бывшая ее телефоном, еще находится в доме, было чудом. Если она выберется наружу, то Ларисе несдобровать. Надо идти. В джипе находится аптечка. Нужно обеззаразить рану и забинтовать ногу. Но женщина еще какое-то время не могла подняться – как воздушный шар, из которого выпустили воздух.

В конце концов, она оперлась на деревянные перила и спустилась вниз, ковыляя, словно старуха. Держась за стену, Лариса свернула за угол. Джип стоял недалеко, но даже это расстояние казалось огромным. Так, не падать духом! Еще чуть-чуть, и она сможет выехать отсюда. Подволакивая ногу, женщина двинулась вперед.

В воротах показались три силуэта. Сердце Ларисы екнуло, но затем она сообразила, что это Димка с Таней, а впереди них – Виктор Вдовин с ружьем наперевес.

Лариса недолюбливала соседа – тот любил покичиться перед Соколовыми какой-нибудь покупкой, будь то бензиновый культиватор, новый автомобиль или ружье. Последнее Виктор Владимирович купил около года назад. С тех пор со стороны его участка то и дело слышались выстрелы. Однажды Вдовин принес им стеклянную банку, в которой находилось что-то, напоминающее тушенку. «Кабан это, - похвастался он, шевеля усами. – Сам завалил». Женщина вдруг осознала, что сосед, скорее всего, не звонил в полицию, а решил разобраться с проблемой лично. Это раздражало.

- Mamochka, - закричала Таня и бросилась навстречу. По ее лицу было видно – девочка плакала всю дорогу, не переставая.

- Прости меня, - зарыдала та, уткнувшись лицом в Ларисин живот. – Это все я виновата.

- О чем ты говоришь?

- Вот именно, я тоже не понимаю. Здравствуйте, - сказал, подходя, Вдовин. Он оглядел раненую ногу, с которой до сих пор стекала кровь. – Девочка несла какой-то бред.

- Помнишь, я говорила, что мне надо скачать программу для того, чтобы решить задачку по информатике? – Девочка запнулась и разразилась рыданиями. – Так вот, я нашла место, где связь хорошо ловила, и поставила программу на загрузку. Но вместо программы выскочило какое-то окно, как спам. А потом... мой телефон сошел с ума и порезал меня.

Лариса могла лишь пожать плечами. Нет, конечно, есть вирусные программы, но такие... Она переглянулась с Вдовиным. Тот закатил глаза.

- На вас кто-то напал? – спросил он.

- Не кто-то, а что-то. Впрочем, вы вряд ли поверите. Лучше вызвать полицию, пусть она тут разбирается.

- Чужь какая, - хмыкнул тот, и направился к дому. Этот тип был настолько самоуверен, что даже повесил ружье за спину. Видимо, собрался справиться с напастью голыми руками. Лариса хотела остановить его, но потом передумала. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, мстительно подумала она. Женщина повернулась к детям. Димка поглядывал на окна дома, внезапно ставшего вражеской территорией. Таня глядела на мать заплаканными

глазами.

- Мамочка, ты простишь меня? – спросила она.

- За что, солнышко?

- За то, что я скачала злую программу.

- Ты не виновата в том, что она установилась тебе на телефон. – Лариса вздохнула и сжала кулаки. – А вот с тем, кто ее написал, я поговорила бы по душам. Ох, не дай Бог, он мне попадется...

Вернулся Вдовин. На его лице застыло скептическое выражение. Ружье по-прежнему болталось за плечом.

- Дверь заперта, - сказал он.

- Ах да, я и забыла. Вот, держите, - женщина протянула ему связку, предварительно сняв оттуда ключ зажигания. Что-то в ее тоне насторожило Виктора Владимировича. Тот нахмурился, взял ключи и направился к дому. Ружье он так и не снял, но вместо этого достал из кармана мобильник, набрал короткий номер и стал дожидаться ответа, свободной рукой пытаясь открыть дверь.

- Да, алло, - наконец сказал он. – Тут на женщину напали. Можете приехать по адресу... О!

Скрежещущий звук пронесся по дому, направляясь со стороны кухни к входной двери. А потом Вдовин закричал, но крик тут же оборвался.

Лариса побежала к дому, по пути укоряя себя за то, что послала соседа на верную смерть. Она увидела, как тот скатывается с крыльца вниз. На его руке, превращая ее в лохмотья, сидела давешняя конструкция. Она изменилась, только женщина не сразу осознала, как именно: вместо хвоста у твари торчал электрошокер, зубцы которого то и дело жалили Вдовина. Тот лежал и дергался в конвульсиях. Присмотревшись, Лариса поняла, что тварь не просто залезла на руку мужчины. В настоящий момент она занималась тем, что разбирала мобильник Вдовина, быстро перебирая щупальцами проводков, откидывая в сторону ненужные элементы и присоединяя к себе искомое. Существо выросло в размерах, и женщине это не понравилось.

- Дети, в машину, - крикнула она и сама развернулась к джипу. Тварь сзади пока занята, так что они успеют...

Окно на втором этаже разбилось, и из него наружу что-то выпало прямо на капот автомобиля. Танька взвизгнула, открыла дверцу и кинулась в салон, таща за собой Диму. Лариса подбежала ближе и увидела, что на джип приземлилась вторая конструкция.

Она была гораздо больше первой. Видимо, устройство успело побывать в комнате Олега, потому что использовало его компьютер, чтобы создать себе новое тело. Корпус процессора был измят и перекорежен, сквозь дыры в нем было видно месиво проводов, сходявшихся к Таниному смартфону. Осколки экрана были каким-то образом насажены на лопасти охлаждающего вентилятора, который крутился с угрожающей скоростью. Существо опиралось на пять конечностей, в одной из которых Лариса опознала антенну от старого радио, в четырех других – детали от кронштейна, к которому когда-то крепился монитор. Глазок вебкамеры повернулся к женщине, но потом переключил внимание на детей. Конструкция развернулась к лобовому стеклу и принялась выгрызать в нем дыру, орудия переделанным вентилятором. Дети завизжали.

Лариса кинулась к детям, но тварь, быстро извернувшись в сторону женщины, угрожающе ощерилась осколками. Ладно, пусть так, главное, что существо не обращает внимания на детей. Лариса переступала то влево, то вправо, лихорадочно пытаясь придумать план, который помог бы им спастись. Конструкция разве что только не рычала. Сейчас она напоминала кошмарного механического пса, охранявшего своих жертв.

В голове выстраивались и тут же обрывались возможные цепочки событий. Если подойти слишком близко, тварь может накинуться и повалить с ног. Лариса отогнала образ вентилятора, опускающегося ей на лицо. Если отойти к дому за топором, могут пострадать дети. К тому же, придется пройти мимо Вдовина. Сзади слышался очередной треск

шокера. Черт побери!

В этот момент Димка вдруг перегнулся через водительское сиденье и что-то схватил с приборной панели.

- Дима, - крикнула мать. Конструкция развернулась к ребенку, но тот уже выскочил из джипа, размахивая чем-то перед собой – вроде бы, навигатором.

- Давай, - закричал он. – Ну же, бери!

Лариса похолодела от ужаса. Сейчас тварь накинется на ее сына! И та действительно было собралась это сделать, но тут Таня, видимо, угадала замысел брата. Девочка подобрала что-то с заднего сидения, затем выбралась наружу, но с противоположной стороны. В руке она сжимала планшет. Конструкция метнулась в одну сторону, затем в другую, видимо, не зная, что выбрать.

В голове Ларисы, наконец, выстроилась нужная цепочка. Она развернулась и побежала в направлении огорода. Лопата лежала там же, где ее и оставили – на меже, среди маленьких разбросанной земли. Женщина подобрала ее и направилась к дому. Какой же Димка молодец! Теперь главное – успеть.

Вдовин по-прежнему лежал около крыльца, но уже не дергался. Конструкция оседлала его лицо, методично вырывая из него полоски кожи. Под головой Виктора Владимировича, пачкая траву, растеклась темно-красная лужа. Лариса подбежала ближе, а потом ткнула лопатой тварь, целясь в взбугрившийся пластиковый корпус. Та махнула шокером, но женщина отдернула руку. Конструкция зажужжала, а потом собралась в шар. Этого женщина и ждала. Она подцепила перекатывающийся комок лопатой, а потом развернулась и закинула его куда-то в направлении огорода.

Теперь нельзя терять ни секунды! Крики детей, отвлекающих вторую конструкцию, нервировали. Лариса отбросила лопату в сторону и наклонилась к Вдовину, стараясь не смотреть на лохмотья, оставшиеся от его лица. Она приподняла тело, ухватила за ружье, дернула раз, другой. Со стороны огорода раздалось приближающееся жужжание. Лариса наконец вытащила оружие и взвела курки.

Пластиковый шар уже направлялся к ней, подпрыгивая на траве. Этаким злой колобок. Но тебе не убежать от лисы, подумала женщина, прицеливаясь, она хитрее. И выстрелила. Ствол подпрыгнул, отдача отозвалась болью в плече. Но, прежде чем облако порохового дыма застлало обзор, Лариса увидела, как конструкция разлетелась на множество мелких деталей.

Одна есть. Теперь нужно разобраться со второй. Выйдя из-за угла, женщина увидела, что вторая механическая тварь уже семенит в ее сторону. Дети по-прежнему стояли по бокам от джипа, целые и невредимые. И слава Богу! Лариса перевела ствол ниже, стараясь нацелить мушку на мигающий смартфон. Возможно, в этом причудливом организме из металла и пластика, он играл роль мозга.

Раздался второй выстрел. Тварь завертелась волчком, а потом упала на землю и замерла.

- Дети, не приближайтесь, - женщина направилась к поверженному механизму, готовая стрелять еще и еще, до тех пор, пока не останется месиво из осколков. Она подошла и ткнула ружьем в металлический корпус.

Тварь ожила.

Она ухватила двумя ножками за ружье и дернула на себя. Падая, Лариса, успела выпустить оружие, но было уже поздно. Что-то острое рассекло кожу между пальцев ее правой руки, вгрызлось в плоть и в мгновение ока добралось до кости. Женщина с немым изумлением наблюдала, как вентилятор, усеянный осколками, разрезает ее кисть. Кровь брызгала во все стороны. Лариса закричала.

- Эй, песик, смотри, что у меня есть, - Димка подбежал ближе, размахивая навигатором. Прежде, чем тварь оторвалась от истерзанной руки, мальчик бросил прибор. Тот описал дугу и упал куда-то за забор. Спустя мгновение туда же отправился и смартфон. Конструкция оторвалась от Ларисы и засемила прочь.

- Мам, пойдем, - Дима поднял Ларису с земли. Та плакала и прижимала к себе

изуродованную руку. – Надо уезжать.

Танька уже сидела спереди, роясь в аптечке. Лариса здоровой рукой выудила ключ зажигания из кармана джинсов и завела машину. Она не знала, как будет управлять джипом в таком состоянии, но сейчас это было не важно. Дима сел сзади и пристегнулся. Автомобиль с ревом сдал назад и выехал за ворота.

- Мам, сбавь скорость, а то врежешься, - Таня выудила из аптечки в бардачке бинты, и теперь разматывала их. – Так, теперь дай руку. Осторожно, веди левой. Приготовься, сейчас будет больно.

И действительно, было больно. Лариса плакала, и здоровой рукой то утирала слезы, то хваталась за руль. Они спаслись – но какой ценой! Впрочем, дети были целы и невредимы. А сейчас главное – доехать до ближайшей больницы и позвонить Олегу, чтобы тот ни в коем случае не приезжал на дачу. А потом в полицию.

Таня замотала обезображенную руку так сильно, как могла, но кровь не останавливалась. Впрочем, мама не обращала на это внимания. Она была погружена в свои мысли.

Кто смог изобрести такую программу, которая превращает бытовые приборы в опасные для жизни устройства? Это противоречило всем законам физики. Лариса сомневалась, что такое под силу человеческому уму. Возможно ли, что Таня, сама того не ведая, скачала... существо не из нашего мира? Мы мало знаем о виртуальной реальности, привыкнув воспринимать ее как данное. В то же время интернет – это другое измерение, где действуют иные законы. Информация – удел духовного. Может быть, в смартфон попало существо, способное оживлять технику, так же, как душа оживляет тело? Лариса не знала ответа на этот вопрос.

Она нахмурилась, прислушалась к себе: не вздумает ли сознание покинуть ее в неподходящий момент? Вроде все было под контролем, если не считать правую руку, горевшую огнем, и пульсирующую боль в израненной ноге.

- Дима, где твой мобильник?

- В комнате оставил. Я подумал, ты рассердишься, если я буду сажать картошку, а мне кто-нибудь позвонит.

- Ну да, действительно.

Лариса замолчала. Взгляд ее искал дорожный знак с кушеткой и красным крестом, а мысли возвращались к технике, оставшейся на даче.

Кондиционер.

Радио.

Вентилятор.

Садовый триммер.

Телевизор.

Все это послужит пищей для конструкции, и тогда она станет больше в размерах.

Намного больше.

Олег Соколов въехал в открытые ворота своего участка, когда уже темнело. Был вечер, солнце скрылось за низкими темными облаками. Синоптики обещали: быть грозе.

Если бы он выехал минут на двадцать раньше, то возможно бы увидел, как джип его жены мчится к Питеру на всех парах. Но потом Лариса свернула на парковку какой-то пригородной больницы, остановила машину и тут же потеряла сознание. Олег же скучал в пробке. До этого был напряженный рабочий день. Заказчик артачился, не желая раскошелиться на более дорогие материалы для отделки, а Соколов убеждал его, что скупой платит дважды и если не потратиться сейчас, повторный ремонт квартиры грянет уже через год и влетит в копеечку. Оба нервничали, но наконец, компромисс был достигнут, а необходимые бумаги - подписаны. Завтра его ребята поедут закупать все необходимое, а с

понедельника начнется полноценная работа. До этого времени Олег хотел провести хоть немного времени с женой и детьми.

Только вот странно – никто из них не брал трубку. Он звонил Ларисе, но вместо гудков в трубке раздавался гул помех. Димины и Танины телефоны тоже не отвечали. Что у них с телефонами? Олег заволновался и погнал по трассе сразу же, как только рассосалась пробка. Он не сомневался, что домочадцы копают картошку, а телефоны оставили дома, но мало ли.

Ворота были открыты. Обычно, если Лариса приезжает первой, то не оставляет их нараспашку. Джипа во дворе не было. Соколов затормозил и тут же выскочил наружу.

Сердце его екнуло, стоило ему увидеть бурые брызги, усеявшие траву и ближайшую стену дома. Олег направился дальше. Дурные предчувствия терзали его.

У крыльца лежал человек. Признать в нем Витю Вдовина можно было только по одежде – от лица ничего не осталось. Руки были раскинуты в стороны, вместо одной ладони – измочаленная культия. Дверь в дом была широко распахнута, будто что-то таилось внутри, а потом выскочило на соседа, стоило тому войти. На негнущихся ногах Олег поднялся по ступенькам крыльца и заглянул в дом. Темная прихожая встретила его молчанием.

- Ларис, - позвал мужчина. Голос его почти срывался. Он заходил все дальше, не замечая, что с улицы вслед за ним проследовало *что-то еще*. – Димка, Танюха, вы здесь?

Обеденный стол был свален на бок вместе с парой стульев. По линолеуму протянулась кровавая полоса. На глаза Олега навернулись слезы. Он заметил какое-то мигание на подоконнике справа. Мобильник. Вроде бы Димкин.

Может быть, его семья спаслась и оставила сообщение на телефоне. А может быть, неизвестный преступник взял их в заложники, и оставил указания насчет выкупа. Соколов не знал, что и думать. Господи, лишь бы все закончилось хорошо!

Он протянул руку к телефону.

Сученыш (Олег Кожин)

Осенний ноябрьский лес походил на неопытного диверсанта, неумело кутающегося в рваный маскхалат цвета сырого промозглого тумана. Сердитая щетина нахохлившихся елок рвала маскировочную накидку в клочья. Высоченные сосны беззастенчиво выпирали в самых неожиданных местах. И только скрюченные артритом березки, да обтрепанные ветром бороны кустов старательно натягивали на себя серую дымчатую кисею.

Еще вчера, на радость горожанам, уставшим от мелкой мороси, поливающей мостовые не слишком обильно, но исправно и часто, выпал первый снег. А уже сегодня, отравленный выхлопами заводов, одуревший от паров бензина, он растаял, превратившись в липкую и грязную «мочмалу». Но это в городе. А лес по-прежнему приятно хрустел под ногами схваченной первыми настоящими морозами травой, предательски поблескивал снегом из-под туманного маскхалата.

Из всех времен года Серебров ценил именно переходные периоды. Кто-то любит лето – за жару и буйную, неукротимо растущую зелень. Кто-то зиму – за снег, за чистую белизну, за Новый год, в конце концов. Поэты воспевают осеннюю тоску и «пышное природы увяданье». А Серебров больше всего любил находиться на стыке. Очень уж нравились ему смешанные в одной палитре осенние рыжие, желтые, красные краски – присыпанные снегом, схваченные морозцем, до конца не облетевшие листья. Недозима.

Сосед Кузьма Федорович, в прошлом отличный охотник, ныне, в силу преклонного возраста, полностью пересевший на рыбалку, частенько ворчал на Сереброва:

- Вечно ты, Михалстепаныч, не в сезон лезешь. То ли дело по «пухляку» дичь скрадывать, так нет же! Выползешь, когда под ногами даже трава хрустит... Как ты вообще с добычей возвращаешься – ума не приложу!?

Прав, кругом прав был пенсионер. Захваченный первыми заморозками лес словно спешит извиниться перед мерзнувшим зверьем, загодя извещая их о каждом передвижении опасных пришельцев с ружьями. В такое время, как ни старайся передвигаться осторожно, под ногами обязательно громко хрустнет, если не сбитая ветром ветка, так смерзшаяся в ледяную корку листва.

Впрочем, Михаил Степанович не особо-то и таился. Былинный богатырь, широкоплечий и рослый, он мерно вышагивал по еле заметной звериной тропке, практически не глядя под ноги. Под тяжелой поступью обутой в подкатанные болотники ног, треща, разбегались изломанной сеткою маленькие лужицы, крошилась в труху ломкая заиндевевшая трава, лопались тонкие ветки. Перепуганное шумом, с дороги исполина торопилось убраться все окрестное зверье, и даже вездесущая пернатая мелочь стайками срываясь с верхушек деревьев, стремительно улетала прочь, на писклявых птичьих языках кроя двуногое чудовище по матери. Серебров их не слышал, равно, как не слышал он, какую сумятицу вносят в застывший мир замерзшего леса его тяжелые шаги.

Узнай кто из коллег, как Михаил Степанович ходит на охоту, подняли бы на смех, а то и вовсе сочли бы ненормальным. Нет, со снаряжением у Сереброва был полный порядок. Толстые зимние портянки плотно укутывали спрятанные в сапоги ноги. На спине висел вместительный, выдавший виды рюкзакище на девяносто литров, купленный около десяти лет назад и все еще верой и правдой служащий своему хозяину. Охотничий костюм - полукомбинезон, дополненный теплой курткой, легко выдерживал температуру до минус двадцати градусов, так что при нынешних минус восьми Михаилу Степановичу было вполне комфортно. И даже камуфляжная расцветка с поэтическим названием «Зимний кедр» была подобрана, как раз по сезону.

Вот только оружия у охотника не было. Нет, конечно, болтался на поясе скрытый лапами куртки и плотными кожаными ножнами тяжелый нож с широким лезвием, да в одном из боковых карманов рюкзака валялась давно не вынимавшаяся швейцарская «раскладушка».

Но вот ни ружья, ни патронов Серебров с собой не брал уже два года. Зато брал вещь абсолютно не нужную, и даже, по мнению подавляющего большинства охотников, вредную. Ну кто, скажите на милость, идя в лес бить зверя, берет с собой плеер? А между тем, тонкие проводки наушников привычно выползали из-под ворота зимней куртки и, извиваясь черными змеями, терялись в густой бороде Михаила Степановича.

- Поброжу по болотам, проверю грибные местаааааа.

Отпущу свою душу погреться на звезды...

... задушевно выводил в динамиках глубокий бас Полковника. Плеер, миниатюрную четырехгигабайтную китайскую подделку под «Айпод», Серебров приобрел в прошлом году, удачно сменяв на выделанную волчью шкуру заезжим толкиенистам, устроившим в окрестных лесах какой-то свой шабаш. Тощий длинноволосый паренек, одетый в кольчугу, поверх грязной косоворотки, сам того не понимая, за одну ночь привил угрюмому охотнику любовь к музыке. Изначально Серебров собирался толкнуть игрушку кому-нибудь из городских барыг, не слишком жалующих волчью шкуру, зато ценящих мобильные телефоны и прочий электронный хлам. Но среди мешанины незнакомых и зачастую непонятных песен, одна зацепила старого охотника за живое, как рыболовный крючок, вырывающий внутренности глупому окуню. Именно она сейчас играла в ушах Михаила Степановича, тонкой стенкой из гитарного перебора и писклявых клавиш гармонии отсекая его от многообразия лесных звуков.

Запутанная тропка внезапно прекратила юлить, и вывела охотника к маленькой почти обмелевшей речке, чье имя знали, вероятно, лишь географические карты. Ведущий к ней пологий склон густо порос кустарником и низенькими кривыми березками. Аккуратно привалив рюкзак к стволу самого большого дерева, корневища которого изгибались удачным и крайне удобным для многочасовой засады образом, Серебров неторопливо спустился к воде. Встав на колени, осторожно, чтобы не пораниться, кулаком разломал тонкое ледяное стекло и долго смотрел на свое бородатое отражение. Простое широкое лицо, из тех, что принято называть «русским», за последнее время с виду совсем не постарело. Даже пучок длинных рыжих волос, стянутых на затылке резинкой, по-прежнему успешно сопротивлялся седине. Разве что лапки морщин, обосновавшихся возле глаз, тех самых морщин, что придают улыбке добродушную лукавость, стали заметно шире и ветвистее.

Большие грубые ладони зачерпнули ледяной воды и с наслаждением плеснули прямо в лицо, обжигающим холодом подстегнув кровь двигаться быстрее. Серебров с наслаждением потер глаза, отжал бороду и, глядя, как колыхнется его лицо в чистой воде, прошептал:

- Господи, пронеси... Пусть все хорошо пройдет, Господи...

Этот простенький ритуал в последнее время заменял ему псалмы и молитвы. Не был уверен Михаил Степанович, что право имеет с Богом разговаривать. Но и не разговаривать с Ним совсем тоже не мог, и потому перед каждой вылазкой ходил к безымянной речке умываться.

Упираясь ладонями в колени, Серебров поднялся к рюкзаку и отстегнул пластиковые карабины, закрывающие основной отдел. Из малого отдела вынул «пенку», подsunул ее под куртку и застегнул на бедрах. Пройдя к причудливо изогнутым корневищам дерева, присел прямо на стылую землю, спиной к рюкзаку. Поерзал, устраиваясь удобней и, откинувшись на самый толстый корень, достал из-за пазухи старый латунный портсигар. Пальцами подцепив сигаретку, сунул фильтром в заросли усов и бороды, а сам портсигар, на внутренней стороне крышке которого крепилось крохотное зеркало, пристроил на соседнем корне, так чтобы происходящее за спиной было видно во всех подробностях. Неторопливо подкурил. И только выдохнув в морозный воздух первую затяжку горького табачного дыма, Михаил Степанович бросил за спину:

- Матвейка, вылазь...

Отражение, которое давало зеркало, было слегка волнистым, и оттого казалось ненатуральным, как дешевый спецэффект в старом фантастическом фильме средней руки. К этому Михаил Степанович давно привык. И все же, где-то в самой глубине подсознания не

мог отделаться от мысли, что он уже давным-давно «поехал крышей», и на деле сидит сейчас где-нибудь в комнате с мягкими стенами, намертво спеленатый белой рубашкой, с непомерно длинным рукавом. Потому что перед той реальностью, которой вот уже два года жил Серебров, меркла любая фантастика.

Верх рюкзака откинулся назад, и изнутри показались тонкие бледные руки. Неестественно выломавшись в локтях, они вцепились в усиленные каркасом стенки, примяли их, следом за собой вытягивая в морозный воздух притихшего леса лысую голову, с едва заметными, плотно прижатыми к черепу ушами. Частично выползая из рюкзака, частично снимая его с себя, существо поспешно выбралось наружу целиком. Тело - абсолютно голое, если не считать за одежду грязный кусок ткани, бывший некогда плавками, - казалось, совсем не реагирует на легкий, но все же ощутимый морозец, а босые ступни спокойно встали прямо на обледеневшую траву. Молниеносно обернувшись, существо на долю секунды явило отражению свой безносый лик, и тут исчезло из поля зрения зеркала. Совершенно бесшумно и практически незаметно.

Пальцы Сереброва автоматически поменяли зеркалу угол обзора, и охотник успел заметить быстро удаляющуюся худую спину с отчетливо выпирающим позвоночником и широко ходящими под тонкой кожей лопатками. Странное создание стремительно несло между кустами и деревьями, ловко перепрыгивая бурелом, огибая заросли кустарника, стелясь под самыми низкими ветками. Без единого звука – это Михаил Степанович знал абсолютно точно. Он и плеер-то не выключал в основном из-за того, что уж больно жутко было в полной тишине смотреть на призрачно-бесшумный бег детской фигурки.

Удовлетворенно кивнув самому себе, охотник захлопнул портсигар, но далеко убирать не стал, сунул в карман. Вытащив из-за пазухи «айпод», Серебров отыскиал там Полковника, зациклил любимую песню на повтор, и, выведя звук на максимум, облегченно прислонился к спинке своего природного кресла. Участие Сереброва в охоте закончилось. Теперь ему оставалось просто ждать. И надеяться, что все пройдет гладко.

Поводив плечами, Михаил Степанович приподнял ворот куртки, уткнулся лицом в высокое горло грубого шерстяного свитера и закрыл глаза отяжелевшими от налипшего инея ресницами. В тревожной полудреме зрачки его безостановочно сновали под веками, изуродованными вспухшими красными прожилками. Неглубокий сон смешал в один бессвязный сюжет бродящего по болотам, в поисках больших сапог, Полковника, застреленных им грибников, мертвенно-бледного Матвейку и, отчего-то Буяна. Это было странно, потому что Буян не снился Михаилу Степановичу уже года полтора. Первые месяцы он приходил регулярно – упирался своими тяжеленными лапами прямо в грудь Сереброву и, глядя в его беспокойное мятущееся лицо, давил всем весом... давил, давил и давил...

Буян был пес – всем псам пес. Настоящая охотничья собака, не чета всяким шавкам. Покойный лесник Лехунов, шесть лет тому назад окончательно спившийся и утонувший по осени в речке Оленьей, отдавая Сереброву Буяна, тогда еще совсем щенка, клялся и божился, что кутеныш этот ни что иное, как помесь волка и лайки. Большой веры покойнику, Царствие ему Небесное, не было. В погоне за водкой мог и не такое наплести. Сереброву памятен был случай, когда Лехунов толкнул «черным следопытам» координаты партизанского оружейного склада, оставшегося, якобы, со времен Великой Отечественной войны. Тогда предприимчивый лесник закопал в полусгнившей землянке одну из конфискованных браконьерок, в надежде, что проканает. Не проканало. На счастье свое, отделался Лехунов вывихнутой челюстью, да тремя сломанными ребрами. Так что, не было веры покойничку, не было. Однако, когда он, глядя Сереброву в глаза своими мутными, гноящимися буркалами, истово крестился и, вздергивая за шкуру маленькое скулящее тельце кричал...

- Волчара! Степаныч, Христом богом клянусь – настоящий волчара! Только тебе, по дружбе, задаром почти!

...Серебров ему поверил. Поверил, и, обменяв скулящий черный комок на мятую пятисотку, сунул щенка за отворот куртки и унес домой.

Так получилось, что «волчара» стал первым и последним псом Сереброва. Бобыль, одиночка по жизни, старый охотник не слишком жаловал домашних питомцев, считая всех городских собак, даже самых больших и злобных, бесполезными тварями, пригодными, разве что, на хорошую теплую шапку. Живущий в частном секторе на самой окраине города, охотник сразу же поставил четкие границы для нового жильца, отдав ему на откуп огороженный высоким забором двор и покосившуюся будку, в которой никто не жил с тех самых пор, как Серебров купил этот полуразвалившийся деревянный дом и привел его в порядок.

Но время шло, пес вырос и совершенно неожиданно для себя Михаил Степанович обнаружил, что не такие уж они и разные. Даже будучи щенком, при виде хозяина Буян не заливался радостным лаем, не бросался лизаться, а молча подходил, и тыкался лобастой головой ему в ногу, разрешая почесать себя за ухом. «Волчара» рос и матерел, ходил с Серебровым на охоту, становясь обстоятельным и деловитым, полностью оправдывая утверждение, что собаки – копии своих владельцев.

К осени Серебров починил ему будку и накидал внутрь ветоши и соломы. А к зиме, как-то незаметно для себя разрешил псу жить в доме, на старом полушубке, постеленном возле батареи центрального отопления. Никогда и никого не любивший затворник вдруг осознал, насколько это приятно, когда любят тебя.

Буян вырос в здоровенного мощного зверя, не боящегося ни лося, ни медведя, ни черта с дьяволом, и за хозяина готового убить, или умереть.

Возможность представилась два года назад...

С самого утра все шло на редкость мерзопакостно. Вздумавший вечером порубить дрова, Серебров здорово разошелся, и орудовал тяжеленным колуном, стоя на промозглом ветру в одной лишь майке, да ватных штанах. Так что просквозило его вполне закономерно. Проснулся он от жуткого кашля, рвущего на части не только легкие, но казалось и всю грудную клетку.

Одними только проблемами со здоровьем дело не ограничилось. Внезапно взбунтовавшаяся мебель бросалась под ноги, а мелкие предметы при всяком удобном случае норовили выпасть из рук. В хлебнице отчего-то не оказалось ничего, кроме пары зачерствевших горбушек, а в холодильнике закончилось молоко и яйца. Ветром сорвало с крыши антенну, обрубив единственный телеканал. В довершении всего, перегорела лампочка в сенях, и Михаил Степанович едва не сломал о порожек пальцы.

Верь Серебров в приметы, непременно остался бы дома, пить чай с купленным по случаю алтайским медом, слушать «Маяк», да вполголоса ругать паршивую погоду. Но Серебров в приметы не верил, и потому, как и собирался, пошел на охоту. Однако отцепиться от неудачи оказалось не так-то просто – череда мелких неприятностей преследовала Михаила Степановича неотступно целый день, к шести часам вечера заставив остервенеть настолько, что в сердцах ковырнув ногой снег, он сломал толстую охотничью лыжу, сломать которую было практически невозможно. Глядя на ехидно щерящийся из-под снега пень, Серебров едва не взвыл от досады. Распушивший мохнатую шерсть Буян тактично отошел в сторону, чтобы еще больше не смущать хозяина в минуту душевной слабости.

Чувствуя, как в ушах закипает пар, а глаза наполняются кровью, Михаил Степанович сел прямо на снег и принялся стаскивать бесполезные лыжи с мохнатых унтов. Заевшее, как назло, крепление, обжигало пальцы металлическим холодом, скользило, царапалось, но открываться не желало. И тогда, плюнув на свою обычную сдержанность, Серебров с мясом вырвал застежку, со злостью сорвал крепление с ноги и запустив его в засыпанный густым снегом кустарник, громко и с наслаждением выматерился. Поспешно содрав с себя вторую лыжу, Серебров вскочил на ноги и в голос заорал, вместе с паром и криком, выпуская наружу все скопившееся за день раздражение. Перепуганные ревом неведомого животного, с окрестных деревьев в воздух сорвались несколько птиц. Невозмутимый Буян продолжал деловито обнюхивать ничем не примечательную березу.

После крика значительно полегчало. Дышать стало легче, да и в голове прояснилось, и Михаил Степанович трезво оценил свое положение: глубоко в лесу, надвигается ночь, лыжи сломаны. С тоской вздохнув, он напряг глаза и попытался разглядеть в опускающихся сумерках место, куда улетело злосчастное крепление... однако вместо этого увидел кое-что необычное. Прямо на него, медленно, но верно, двигался снежный холмик, точно плугом разваливая искрящийся снег по обе стороны от себя. Складывалось ощущение, что нечто передвигается прямо под настом, ввинчиваясь в него на манер крота, разрывающего землю. Определенно, так оно и было – кто-то копошился в сугробах, не зная, что рядом находится двуногий хищник с карабином!

Недобро улыбаясь, Серебров тихонько снял со спины «Сайгу», упер прикладом в плечо и прицелился. Кто бы там ни был, а упускать свое охотник не собирался. Первая попавшаяся за сегодня дичь должна была не только оправдать вылазку, но и принять на себя остатки раздражения, не вышедшего с криком. Заинтересованный поведением хозяина Буян задрал лапу, быстро помочился на черно-белый ствол и бодро потрусил к Сереброву. Остановившись рядом с обутыми в унты ногами, он некоторое время крутил лобастой башкой и шевелил мокрым черным носом, принюхиваясь. А затем вдруг широко расставил лапы, по-бычьему наклонил голову и, сверкнув длинными клыками, угрожающе зарычал.

Шерсть на его загривке встопорщилась острыми иголками, а в клекотании послышалась такая ненависть и злоба, что Серебров прорычал до самой макушки. Он вдруг ясно и отчетливо подумал – а почему, собственно, он решил, что существо под снегом подозревает о его присутствии? После такого крика его бы и глухой заяц услышал, не то что... Кто? Охотник вдруг осознал, что понятия не имеет, какое животное может себя вот так странно вести.

Двигающийся снежный холм замер, не дойдя до человека с собакой каких-то три метра. Буян продолжал рычать, все более громко и угрожающе. Серебров, боясь опустить ружье, поспешно вытирал о предплечье внезапно вспотевший лоб. Холм не двигался.

Ждать неизвестно чего было невыносимо. Если бы не рык Буяна, страх бы уже давным-давно ушел, уступив место глухому стыду. Но матерый пес продолжал глухо ворчать, а когти его врезались в утоптаный снег, делая боевую стойку более уверенной и непоколебимой. Буян готовился к драке. Серебров тоже готовился, правда, все еще не понимал к чему. Напряженный указательный палец нервно поглаживал изогнутый клык курка. Достаточно было крохотного усилия и сотой доли секунды, чтобы нарезное жерло вытошнило огнем и смертью...

Сотой доли не хватило.

Равно, как не хватило и целой секунды.

Снежный горб вспучился, взорвался целым фонтаном снега, прямо в лицо Сереброву, залепляя глаза, сбивая прицел, дезориентируя. Мужчина скорее почувствовал, чем действительно увидел, как из сугроба вынырнуло бледное, и отчего-то совершенно безволосое тельце. В невероятно прыжке, с легкостью преодолев трехметровую отметку, оно с силой врезалось в грудь охотника, опрокидывая его на спину. Серебров грохнулся на снег, показав темнеющему небу подошвы своих унтов. «Сайга», недовольно рывкнув куда-то в сторону леса, отлетела, едва не выломав державшую ее руку.

Извиваясь всем телом, в попытке сбросить с себя невидимого зверя, охотник смахнул с лица липкий снег, и впервые увидел *это*... Увидел и замер, придавленный парализующим, отнимающим волю к сопротивлению, страхом. Верхом на нем, скаля два ряда мелких но острых зубов сидел ребенок. Тощий, синий от холода, невероятно уродливый, но все же ребенок. Серебров нипочем не смог бы ответить, откуда у него взялась такая уверенность. Было в оскаленной морде что-то такое... какая-то черта, общая для всех детенышей, от котят, до крокодилов, от человека, до волка.

Оцепенение прошло, когда существо взмахнуло рукой, и грудь охотника взорвалась от острой режущей боли. В прорехи куртки, уже набухающие от крови, радостно метнулся ледяной зимний воздух, и давление на грудь тут же исчезло. Лишь мгновение спустя,

услышав за спиной яростное рычание, переполненное злобой и тщательно сдерживаемой болью, он осознал, что существо целилось ему в горло и не попало лишь по одной причине – лохматой, сорокакилограммовой причине, которая, судя по звукам, в данный момент насмерть билась за своего хозяина.

Перевернувшись на живот, Михаил Степанович споро подхватил присыпанную снегом «Сайгу», и, не целясь выпалил туда, где, намертво сцепив челюсть на тощей ноге жуткой твари, погибал верный Буян. Выстрел, хоть и сделанный навскидку, угодил точнехонько в цель и сшиб чудовище с ног. Наметанный охотничий глаз Сереброва успел заметить, как пуля, вырвав приличный шмат мяса из бледно-синего тельца, проникла внутрь, да там и осталась. Ему даже показалось, что он слышал радостное чавканье, с которым тупой свинец вгрызался в бескровную плоть. Да, именно бескровную – из страшной раны не выпало ни единой красной капельки. Это Серебров видел также отчетливо. И потому-то почти не удивился, когда маленькая тварь, по кошачьи вспрыгнув на все четыре лапы, вновь встала перед ним, как ни в чем не бывало. В голове старого охотника, сталкиваясь и разлетаясь в сторону, точно бильярдные шары, уже давно метались старые легенды и страшные сказки, постепенно вылившиеся в одно веющее могильной жутью слово.

Упырь.

Детеныш резким движением оторвал бездыханному Буяну, даже в смерти не разжавшему зубы, нижнюю челюсть и, стряхнув с себя окровавленное помятое тело, кинулся на Сереброва. Еще дважды рывкнул карабин, но несущийся на всех парах упырь даже не остановился, уже через мгновение отбив ствол в сторону и набросившись на охотника. Некоторое время Сереброву удавалось удерживать клацающую зубами тварь на расстоянии вытянутой руки, но, не смотря на малый вес и почти полное отсутствие мускулатуры, чудовище наклонялось все ближе и ближе к бородатому лицу Михаила Степановича. Изогнутые черные когти пластали на лоскуты рукава зимней куртки, с каждым взмахом взрезая не только ткань, но и кожу, и мясо. И тогда Серебров решил пойти на риск.

Всего одно мгновение смогла бы выдержать этот бешеный напор его правая рука, прежде чем перемазанные слюной и собачьей кровью зубы сомкнутся на его шее. Всего одно лишь мгновение - Михаил Степанович знал это каким-то обострившимся чувством, отвечающим за выживание в экстремальной ситуации. Напрягшись, он оттолкнул от себя смертоносный комок их мельтешащих когтей и клацающих клыков, правой рукой ухватив упыря за горло, а свободной левой зашарил у себя за головой, выскивая в снегу поломанную лыжу. Запястье обожгло болью, заставив Сереброва разжать хватку, но перебирающие снег пальцы уже наткнулись на лакированное дерево и, сжав, с силой вонзили острый обломок прямо под торчащие, словно ксилофон, ребра упыря.

В тот же миг напор кровососа ослаб. Дернувшись всем телом, Михаил Степанович сбросил с себя бледное тело и поспешил встать. От потери крови и смены положения закружилась голова. Совершенно беспомощный, Серебров силился отогнать прилипшие к глазам разноцветные круги, и не мог этого сделать. Во рту собралась кровь, подрванная упыриными когтями грудь болела и чесалась, в рукавах и за воротом таял набившийся туда снег. Наклонившись, Серебров на ощупь зачерпнул в ладони снега и быстро протер лицо. На усах и бороде повисли неприятные холодные капельки, зато вернулось зрение.

Ребенок-упырь лежал совсем рядом, буквально на расстоянии вытянутой руки, но при этом даже не пытался напасть. Абсолютно синие, начисто лишенные зрачков глаза существа, расширившись неотрывно наблюдали, как из-под торчащего в его животе обломка лыжи толчками вытекает густая черная жидкость. Сочась медленно, неохотно, как смола, черная кровь стекала на снег – не растапливая его, а ровным слоем ложась сверху, словно главный ингредиент отвратительного коктейля. Сведенные судорогой когтистые пальцы в напряжении подрагивали над деревянной лыжей, не рискуя прикоснуться.

На нетвердых ногах, пошатываясь, направляя остатки сил на то, чтобы просто не упасть, Михаил Степанович подошел к замершей твари и с размаху впечатал ей в морду тяжелую подошву унта. Упырь рухнул на спину. Опираясь на руки, он отполз на пару шагов

от охотника и снова застыл, зачарованно следя за течением вязкой смолянистой крови. Серебров упрямо проковылял к нему и вновь пнул существо ногой, метя на сей раз в обломок лыжи. Удар загнал деревяшку еще глубже, заставив тварь пронзительно взвизгнуть. И только когда по ушам Сереброва лезвием полоснул жалобный крик раненного зверя, Михаил Степанович понял, что весь их быстротечный бой прошел практически в полном молчании.

- Что, ссушеныш, - сплюнув кровью на снег, ненавидяще прошипел Михаил Степанович, - больно?

И тут же отвечая самому себе, злорадно ухмыльнулся в бороду:

- Больно, паскуда, больно! А будет еще больнее! Я тебе все кишки на кулак намотаю!

Чувствуя, что сил остается все меньше, он, будто в сатанинской молитве, бухнулся на колени перед упыриным отродьем. Крепко ухватился за торчащий из впалого живота твари конец лыжи, с целью исполнить свою угрозу - намотать кишки, если не на кулак, то на спасшую его палку. Но стоило ему слегка прокрутить обломок в ране, как рука опустилась сама собой.

Упырь больше не стонал, не выл, не пытался огрызнуться – он просто молча ждал своей участи, и даже, как будто, смирился с ней. А когда широкая ладонь охотника протолкнула обломок лыжи глубже, чудовище только съежилось и закрыло глаза. В мгновение ока клыкастая мерзость превратилась в то, чем и была с самого начала. В ребенка. Тощего, синего от холода, невероятно уродливого, но все же ребенка. Именно такого, каким увидел его Серебров впервые.

Не меняя позы, упырь сидел на снегу, боязливо зажмурившись. Лишь еле заметно вздымалась грудная клетка, да бегали глаза под плотно сжатыми веками. И не выдержавший Михаил Степанович отвернулся. Мир вдруг начал расплываться непонятно отчего, и Серебров поспешил отыскать взглядом неподвижное тело Буяна. Пес лежал, нелепо подогнув под себя передние лапы, остекленевшими глазами с ненавистью смотря куда-то сквозь частокол мохнатых елок. Лицо охотника стало горячим и мокрым, и, щекоча кожу, по нему побежали шустрые капельки, тут же пропадающие в зарослях густой бороды. Подбородок Сереброва трясся от беззвучных рыданий, тело дрожало от боли, холода и начинающейся лихорадки, а утопший в слезах взгляд все метался от мертвого четвероногого друга к крепко зажмурившемуся ребенку-нежити. Наконец приняв решение, Михаил Степанович собрался, перестал дрожать, стиснул руку на своем импровизированном оружии...

... и резко выдрал его из начавшей покрываться черной коркой раны, отбросил далеко в сторону.

На этом силы кончились. Лицом вперед рухнув в снег, Серебров попытался отжаться, и не смог. Так и лежал неподвижно, краем глаза наблюдая, как мелкая мразь недоверчиво обнюхивает его лицо, а затем проворно ползет к мертвому Буяну и погружает свое безносое рыло в окровавленную дыру на песьем горле.

И только когда в уши Михаилу Степановичу с чмоканьем впились звуки поглощаемой упырем крови, он нашел в себе силы с ненавистью процедить сквозь стиснутые зубы неподъемных челюстей:

- С-сучен-ныш...

Очнулся Серебров глубокой ночью. Вяло удивился тому, что все еще жив. Не помня себя, шел, по колено проваливаясь в снег, придерживаясь за широкие лапы елей. По пути дважды терял сознание и в бреду, не видимый и не слышимый ни одной человеческой душой, метался и кричал, зовя верного Буяна. Обмороженный, ослабленный кровопотерей, каким-то чудом к полудню добрался до дома. С трудом отворил тяжелые ворота. Еле-еле справился с огромным навесным замком на входной двери. Содрал с себя окровавленную, изорванную в клочья на груди и руках, куртку, кое-как обработал раны, промыв их спиртом и перекисью водорода. После чего, не разуываясь и не снимая штанов, рухнул прямо на застеленный топчан, служивший ему кроватью, и провалился в тревожный, обрывочный сон.

Он не знал, сколько времени провел в бессознательном состоянии, разметавшись по

мокрым подушкам и простыням, швыряемый усиливающейся лихорадкой из жары в холод. Несколько раз Серебров вставал и добирался до раковины, где жадно пил теплую, отдающую хлоркой воду. Ему казалось, что за время горячки он разок менял себе повязки, а однажды даже попытался поесть; тушеная зайчатина с картошкой не удержалась в желудке и полупереваренными кусками изверглись из него прямо на круглый вязанный коврик подле топчана. Во всем этом Михаил Степанович не был абсолютно уверен.

Потому что всякий раз приходя в сознание, он видел тощий силуэт, сидящего возле батареи, на том самом месте где обычно спал Буян. Лишенные зрачков глаза следовали за Серебровым по комнате неотрывно, куда бы тот не пошел. Они сверлили его, когда он спал, или проваливался в забытие, прожигали, буравили... изучали. Проходя по дому нетвердой походкой, Михаил Степанович грозил этим внимательным глазам кулачищем и бормотал со злостью:

- Уууу, сс-сученыш! Тварюка подколодная!

Сученыш отмалчивался.

В то утро, когда лихорадка, побежденная сильным, не испорченным вредными привычками телом, отступила, и Серебров наконец начал воспринимать реальность адекватно, он в первую очередь перетряс старый тулуп – Буянову лежку. Сам не зная, что он хочет найти, Михаил Степанович тщательно исследовал каждый сантиметр вытертого меха, и даже обнюхал подстилку. От тулупа остро несло псиной и только. Ничего сверхъестественного.

Игнорируя урчащий желудок, несколько дней не получавший нормальной пищи, Михаил Степанович все же не пошел на кухню, а сперва обошел весь дом. Никакого подтверждения тому, что ночной гость не привиделся ему в лихорадочном бреде, обнаружить не удалось. О яростной и быстротечной лесной схватке напоминала лишь груда окровавленного тряпья, да отсутствие Буяна.

Впервые в жизни Михаил Степанович крепко задумался о состоянии своего рассудка. Ведь если мерещился ему пришелец в доме, где гарантия, что то же самое не происходило в лесу? Может быть и не было никакого мертвого ребенка-кровососа? А была, к примеру, рысь – раны на груди и руках вполне могли оставить когти дикой кошки... Что если...

Пожалуй, со временем, рациональный разум Сереброва убедил бы самого себя в том, что именно так и было. Потому что в мире телевидения и самолетов нет места ожившим мертвецам. Потому что в лесу по зиме нужно бояться волков, да не впавших в спячку медведей, а не голых мальчиков с полным набором клыков. Он бы с радостью дал себя обмануть, чтобы забыть этот кошмар, запрятать его глубоко в подкорке.

Но к вечеру, слегка оклемавшись, Серебров захотел малосольных огурцов, и полез за ними в подпол. Там, среди невысоких полок, уставленных банками с соленьями, он и обнаружил разрытый земляной ход, ведущий на улицу. На утоптанном полу, прямо в осыпавшейся земле, отпечаталась маленькая детская ножка, отчего-то всего с четырьмя пальцами, от которых шли четкие, глубокие бороздки, оставленные когтями. Вдоль стены, повторяя построение пузатых банок, лежали три куриные тушки, трупик облезлого кота невнятной расцветки, и с пяток жирных амбарных крыс. Все совершенно обескровленные.

Серебров устало опустился прямо на холодный земляной пол и долго глядел на любовно разложенные тела мертвых животных. Есть расхотелось. Совсем.

Сученыш пришел под вечер. Привычным движением головы приподнял крышку подпола и протиснулся в комнату. Он был абсолютно таким же, каким Михаил Степанович его запомнил – приплюснутый, словно отсутствующий нос, плотно прижатые, чуть заостренные уши, сильно выдающиеся вперед надбровные дуги и синие, почти до черноты, глаза. По-паучьи переставляя все четыре конечности, он подошел к Сереброву вплотную, бесстрастно поглядел прямо в дуло обреза, пляшущего в его дрожащих руках, и, разжав челюсти, выронил на пол белую курицу с размозженной головой. После чего, пятясь, отполз на пару шагов и уселся, растопырив мосластые коленки в стороны.

Взгляд Сереброва долго недоверчиво сновал с уродливого рыла на куриную тушку и обратно. Совершенно спонтанно, до конца не отдавая себе отчет в том, что он делает, Михаил Степанович отложил обрез, вместо него подняв с пола мертвую птицу.

- Что ж ты, паскудник, где живешь, там и воруеть, а? – покачивая давно не чесаной головой спросил он.

Сученыш не ответил, продолжая смотреть на охотника немигающим взглядом.

- Спать ложись, - устало пробормотал Серебров. – И чтоб без моего ведома на улицу ни шагу, понял?

Не дожидаясь ответа, он прошел на кухню. Куриная тушка шлепнулась в раковину и оттуда, по орлиному раскинув крылья, укоризненно пялилась на охотника единственным уцелевшим глазом. Щелкнула плита, в долю секунды вырастив в одной из конфорок голубоватый газово-огненный цветок, тут же безжалостно придавленный кастрюлей с холодной водой. Правая оселком затупившийся нож, Михаил Степанович боковым зрением следил, как на провонявшей псиной подстилке устраивается на ночь самый запаправдашний упырь.

Так Сученыш поселился у Сереброва и со временем обзавелся собственным именем – Матвейка. А мертвый Буян с тех пор стал навещать хозяина в кошмарных снах, укоризненно зияя разорванной глоткой и давя на грудь охотника грубыми подушечками широченных лап. Вот и сейчас вес его был почти невыносим, он мешал дыханию, перекрывая доступ кислорода, и...

... Михаил Степанович не сразу понял, что уже несколько секунд не спит, а давление на грудь хоть и продолжается, но на деле не такое уж и сильное. Громко вдохнув полной грудью промерзший воздух, Серебров провентилировал легкие и проснулся окончательно. Мутноватый спросонья взгляд встретился с остекленевшими звериными зрачками, заставив охотника вздрогнуть. Но практически сразу в поле зрения попал всклокоченный белый мех, обвисшие длинные уши и характерная губа, из-под которой торчали тупые белые зубы. Серебров выпрямился, сбрасывая с себя заячью тушку. По виду «косой» тянул килограммов на пять, но по ощущениям выходили все пятьдесят.

Быстро обшарив взглядом пространство перед собой, Михаил Степанович отыскал еще одного зайца, чуть помельче первого, пару упитанных тетеревов, лису, с целым выводком маленьких рыжих щенят, после смерти ставших похожими на плюшевые игрушки, и одного лупоглазого филина. Последнего Матвейка притащил «на пробу», как притаскивал он все, что попадалось ему впервые. Все тушки были высосаны досуха, а у тетеревов, вдобавок, отсутствовали головы. Упырь сидел неподалеку, склонив голову к левому плечу, с интересом разглядывая проснувшегося хозяина. Значит, охота закончилась. И закончилась, слава Богу, удачно.

Поднявшись на ноги, Серебров цапнул филина за лапы и, раскрутив, зашвырнул далеко в кусты, давая понять – нам такого не надобно. Матвейка проводил выброшенный трофей немигающими синими глазами и вновь уставился куда-то за спину Михаила Степановича. За два года успевший изучить его поведение, охотник научился понимать позы и жесты мертвеца и порой даже улавливал разные эмоции в его неподвижном, навечно застывшем выражении уродливой морды. Сейчас, - Михаил Степанович мог сказать это с абсолютной уверенностью, - упыреныш ждал одобрения. От этого странного ожидания, прячущегося в глазах кровососа, сердце Сереброва тревожно заныло. Стараясь оттянуть время, он собрал добычу. Только после того, как в одной руке его были крепко зажаты заячьи уши и лисьи хвосты, а в другой мягкие крылья тетеревов, охотник нашел в себе силы обернуться и посмотреть себе за спину. И тут же вновь уронил на землю тщательно собранные трофеи.

На вид мужчине было лет сорок - сорок пять. На бескровном, лишенном растительности лице его отпечаталось скорее удивление, чем страх. Прямо под горлом, не

скрываемым более разорванным воротом свитера, на месте вырванного кадыка багровела глубокая дыра с обсосанными бледными краями. Серебров подошел к покойнику, присел на корточки и пальцами прикрыл ему веки.

- Что ж ты, Господи... не уберег, - прошептал он.

Пуговицы на куртке чужака не желали поддаваться дрожащим пальцам и расстегивались с большим трудом. И все же Серебров справился. Запустил ладонь во внутренний карман и уверенно вытащил оттуда бумажник, связку ключей и мобильный телефон. Ключи и «мобильник» он опустил к себе в карман, а бумажник открыл и долго смотрел на улыбающиеся физиономии двух девчонок, лет пяти. Сглотнув застрявший в горле горький ком, Михаил Степанович быстро вынул из кошелька всю наличность и тщательно протерев, вернул его законному владельцу. Матвейка тем временем перебрался поближе, и теперь, обхватив самый толстый корень руками и ногами, сидел над тем местом, где только что спал его хозяин. У Сереброва мелькнула мысль – может быть не стоит вот так, у него на виду брать вещи, деньги? Но тут же, снимая с трупа патронташ и ремень с хорошим охотничьим ножом, одернул себя, – сделанного не воротишь, мертвому все эти цацки теперь ни к чему, а ему – Сереброву, на что-то жить надо.

- Эх, Матвейка, сученыш ты! - с болью в голосе, чуть не плача, пробормотал Михаил Степанович, споро выворачивая покойнику карманы. - Сученыш, как есть!

Сученыш сидел на месте, попеременно поворачивая к хозяину то одно, то другое ухо, словно прислушиваясь.

Могилу необходимой глубины удалось выкопать лишь к вечеру, когда в лес пришла поделница ночь, желающая помочь спрятать улики. Морщась от боли в сорванных мозолях, - пройти полтора метра твердой как камень земли саперной лопаткой, это вам не шутки! – охотник вылез из ямы. Оберегая ладони, покойника он, без всяких почестей столкнул туда ногой. Наскоро закидал тело землей и тщательно утрамбовал, оставив едва заметный холмик – по весне просядет, будет не так заметно. Остатки земли долго перетаскивал к речке и сбрасывал под лед. По большому счету, можно было точно так же поступить и с безымянным мужиком, на беду свою повстречавшим Матвейку, но было это как-то... не по-христиански. Не по-христиански было и втыкать в грудь мертвецу наскоро выструганный кол, но иначе поступить Михаил Степанович просто не мог. Боялся.

Темнота опускалась все ниже, уже не столько помогая, сколько мешая, но Серебров был этому даже рад. Он уже почти закончил. По-быстрому набросав сверху веток и снега, Михаил Степанович придал месту вид охотничьего шалашика. Отошел на два шага, критически осмотрел и остался доволен. Однако же про себя твердо решил, что вернется сюда, как только сойдет снег и подправит могилу. Может быть даже посадит сверху дерево.

Поспешно рассовав по отделениям Матвейкину добычу и усадив внутрь самого Матвейку, Серебров взвалил изрядно потяжелевший рюкзак на спину, воткнул в уши плеер и по своим следам отправился обратно. Пока еще было относительно светло, Михаил Степанович хотел отойти как можно дальше от этого места.

*... обошелся с собою, как будто хреновый колдун –
превратился в дерьмо, а как обратно – не знаю...*

... жаловался в плеере Полковник.

«Дерьмо, - дерьмо я и есть - отрешенно думал Серебров, под шаг удобнее устраивая рюкзак на плечах. - А когда таким стал? И обратно как? Никак обратно... то-то же...»

За его спиной, невидимые для случайного человека, растворялись во тьме три могилки – пара престарелых грибников, разделивших одну яму, девчонка-фотограф, неведомо как забравшаяся в эту глушь и сегодняшний охотник.

На самой старой могиле, вот уже два года росла маленькая ель, с пушистыми колючими лапками.

Оставайтесь на связи (Игорь Кром)

1

Октябрьский ветер выплёскивал свою непреходящую злость, швыряя по окнам избы мелкие россыпи ледяных колючих брызг. Черёмуха в палисаднике махала из стороны в сторону голыми ветвями, отчего изнутри казалось, что вокруг дома водят хоровод сонмища теней. Предчувствие чего-то недоброго, необратимого, такого, о чём даже *догадываться* было тошно, вибрировало то ли в душе, то ли в подсознании - тонко, как непрерывный, раздражающий зуммер. Половицы равномерно скрипели под тяжёлыми сапогами участкового, расхаживающего по кухне от печи до входной двери и обратно. Печь поддымливала, и дышать было тяжеловато. Окно – обычное дело для старых сибирских изб - не открывалось, рама была намертво вделана в сруб. Форточка также не предусматривалась. Поэтому участковый слегка приоткрыл дверь, и в дом сразу залетел ветер, зашелестев шторами и задув и без того угасавшую свечу на столе. То, что излучал старенький диодник под потолком, светом можно было назвать только с натяжкой.

«Видимо, аккумулятор садится. Ну что за жизнь здесь в этом Подгорске, без электричества?» - устало подумал участковый.

Тягостное молчание затягивалось.

- Ну хватит уже, Степан, в молчанку-то играть, - наконец произнёс он, останавливаясь напротив хозяина дома, сидящего с опущенной головой на табуретке возле окна. Руки его были в несколько витков связаны за спиной пеньковой верёвкой в полпальца толщиной. Конец верёвки для верности был примотан к скобе, бог знает для чего вбитой в брус внутри дома. Ноги были связаны тоже, да и туловище участковый не поленился примотать к табуретке.

- Ты пойми, я ж никому зла не желаю, Стёпа. И тебе тоже зла не желаю. Хотя одна статья у тебя уже есть – нападение на полицейского. Но я не буду это заносить в протокол, если скажешь, где девушка. Просто скажи, Стёпа: где Марина? Ты ведь не мог сделать ничего такого, что уже не исправить, правда? По глазам вижу, что правда.

Степан изогнулся на стуле, и в глазах его сверкнуло совсем не то, о чём говорил участковый. С тех пор, как он был усажен на этот стул, похоже, его ярость только усиливалась. Если бы он и заговорил, то скорее всего лишь для того, чтобы осыпать ночного гостя бранью или проклятиями. Но и этого не случилось, Степан молчал уже битый час, и это было как-то ненормально. Неправильно.

- Тёмный ты человек, Степан,- вздохнул участковый. – Я уже двенадцатый год здесь работаю, один на пять деревень. От Сергеевки до Подгорска тридцать километров, а ведь ещё и Верхнеухтымское есть – так до него все пятьдесят. Всякое бывало, а только посадить я пока никого не посадил. Веришь, нет – табельное оружие сегодня чуть не в первый раз взял. И без него разбираюсь обычно. Меня ведь, Стёпа, все знают, все уважают. А почему? Да потому что зла никому не делал. Натворил что – изволь, штраф получи. Или отработай на благо родного посёлка. Вот взять хоть Саньку Краснова с Утёсова. На той неделе напился, хулиганить начал, пришлось выезжать, вязать его, бугая такого... Он же здоровый, как лось, наручники мне сломал и сиденье в УАЗике. А как проспался – совсем другой человек. Можно было и посадить за хулиганку, только зачем? Нашли ему штрафработу. А позавчера он с женой приходил, благодарили... Понимаешь, к чему я веду? У меня ведь, Стёпа, серьёзных происшествий на участке отродясь не было. Ты, кстати, прости, что вот так тебя примотать пришлось – ну так ты ж сам кинулся мне морду бить. А наручников-то и нету. Я тебе так скажу – мне их даже и не выдавали никогда. А те, что поломались – так то китайские, я их в Абакане на рынке за свои деньги покупал.

Тем временем ветер за окном уgomонился, и зарядил дождь, сильный и монотонный. Его косые струи со странным глуховатым звоном лупили в окно, за которым различить что-либо во тьме было решительно невозможно. Алексей Петрович внезапно ощутил озноб – то ли от сырости и холода, проникших в дом через полуоткрытую дверь, то ли от того самого, свербевающего в глубине души тревожного сигнала, о котором не хотелось даже и думать... Он снова закрыл дверь.

- Вот же погода, а? Сам знаешь, в такую ночь хозяин собаку на улицу не выгонит, а я тут с тобой, понимаешь, развлекаюсь. А ведь мне ещё и обратно ехать. По вашей-то убитой дороге! Давай уже, не тяни, решим всё, а? Скажи: где девушка? Марина Златовойская, семнадцати лет, чёрненькая такая, с короткой стрижкой? Ведь ты же с ней замутить пытался, мне люди рассказали. Люди-то, брат – они всё видят. Разве в деревне что можно от людей скрыть? К тебе она и поехала, сюда, в Подгорск, позавчера. Где она, а?

Степан остервенело мотнул головой. Мускулы на предплечьях напряглись – это было видно даже сквозь футболку. Но верёвка не поддавалась.

- Да угомонись уже, - вздохнул участковый. – Я же всё-таки полицейский, узлы вязать умею хорошо.

Но Степан лишь тяжело дышал, угрюма смотря на Алексея Петровича. По лбу его медленно стекали бисеринки пота.

Внезапно рация, до сих пор мирно висевшая на поясе у полицейского, разразилась длиннющим шквалом хрипов и тресков. Алексей Петрович выдернул её из чехла и с отвращением посмотрел на ни в чём не повинный прибор. Чей-то неразборчивый голос, прошивая пространство, стремился донести до участкового нечто крайне важное. Получалось плохо. Наконец говоривший умолк, и участковый спокойно произнёс:

- На связи. Стрепетов.

Снова треск и хрипы, но на этот раз сквозь помехи неожиданно прорезался чей-то голос:

- ...твердилась информация об убийстве?

- Не подтвердилась, - ответил Стрепетов. - Пока. Но и не опроверглась. Тела нет. Девушки нет.

- Но она там хоть была?

- Я разбираюсь. Всё под контролем. Работаю с подозреваемым. Дом, подполье осмотрел, пока никаких следов. Конец связи.

Участковый зачем-то протёр рацию носовым платком и засунул её обратно в чехол.

- Что ж ты, Степан, мать твою, молчишь, как долбаный партизан? Ты, похоже, не осознаёшь своего положения. Дело-то – серьёзнее некуда. Девчонка пропала молодая, которая к тебе поехала. Представитель закона приехал навести справки – а ты на него напал во дворе... Слышал же – ты у нас подозреваемый номер один. Это значит, что тебя имеют полное право закрыть на время следствия. Ордер будет, и санкция... Всё по закону. Что тут у вас произошло, говори!

Степан снова изогнулся на стуле, словно слова участкового действовали на него, как флейта заклинателя змей на кобру. В его взгляде было столько ненависти, что Алексей Петрович невольно отшатнулся.

- Ох и странный же ты тип! Вся семья у вас... со странностями. Вот знаешь же, что люди о твоей матушке говорят? Знаешь, поди. Говорят, будто ведьма она. Колдунья. Будто лягушек да змей на болотах ловит, а потом зелья всякие из них варит, девок заказчикам привораживает. А может и ещё чего. Что последы козьи по дворам скупает. Мракобесие, мать твою! А ведь дыма-то без огня не бывает, а, Степан? Не на пустом месте же слухи такие в народе рождаются? Что задёргался-то сразу, как уж на сковородке?

Алексей Петрович Стрепетов присмотрелся к своему подозреваемому, и тревожный зуммер в его душе внезапно усилился. Выражение лица Степана резко изменилось, теперь в глазах его буквально светился животный ужас.

- Вот оно как... - задумчиво произнёс участковый. – Боишься, значит, матушку свою...

Ну, дела...

Он тяжело поднялся, снова прошёлся по кухне несколько раз, от двери до печки и обратно.

- Ну а братец твой где болезный? Лёшка, тёзка мой? Блаженненький ведь он у вас, юродивый. Шизик, одним словом. Где?

Степан дышал всё тяжелее и глубже. Алексей Петрович видел, как то и дело вздуваются вены на запястьях подозреваемого. Тот ни на секунду не оставлял попыток ослабить путы. Происходящее нравилось участковому всё меньше и меньше. Чувство, что он чего-то не понимает, крепло с каждой минутой, а вместе с ним крепло и ощущение беды.

- Говорят, он обычно так даже и ничего парень, почти нормальный. А как полнолуние – так на него накатывает. А, Степан? Так оно и есть, да? Сегодня-то ведь у нас как раз полнолуние, верно? Или на Лёшку твоего оно не действует, если самой Луны не видно? Не молчи же, сукин ты сын, не хочешь про девушку, так хоть про братца своего расскажи...

Неожиданно где-то рядом с домом протяжно и тоскливо взвыл цепной пёс. Вздогнули оба – и Стрепетов, и Степан. Пронзительный вой, прорезав шум дождя, походил на стон, переходящий в хрип.

- Иттительская сила, - сплюнул Алексей Петрович. Пёс взвыл повторно, ещё более отчаянно и тоскливо. «Неужто покойника чует?» - подумал полицейский.

- Последний раз говорю, хватит Ваньку валять, - вновь обратился он к Степану, но тот только злобно оскалился в ответ. Пёс в конуре взвыл в третий раз, и неожиданно умолк, словно осознал, что уже исполнил свою тайную миссию. Атмосфера в доме стала совсем уж гнетущей, неправдоподобно тревожной. По прежнему пахло дымком, и от этого запаха у Стрепетова уже начинала болеть голова. К тому же что-то непонятное творилось с температурой в доме. Огонь в печи потихоньку затухал, так и не насытив помещения теплом, и участкового реально бил озноб. Степана же прошибала испарина, капельки пота блестели уже не только на лбу, но и на залысине, футболка на спине вся взмокла.

- Ну и ну, - тихо сказал Стрепетов. – Я теперь людей понимать начинаю, которые о вашей семье говорят... *всякое*. Вот ты, например, мужик уже в годах, тебе ж под сорок где-то, так? А девчонку молодую, соплюху, как-то охмурил. Не обошлось, поди, без зелья матушкиного приворотного, да?

Степан снова задёргался на своём стуле, заизвивался, захрипел. Глазные яблоки закатились, обнажив огромные белки, покрытые красной сеточкой кровяных сосудов. Движения его туловища и впрямь походили на танец змеи, а ноги в армейских ботинках вдруг заколотились мелкой дробью по дощатому полу. Из уголков рта показались хлопья белой пены.

- Э-э, брат, да ты ж совсем болен, - прошептал участковый. – Тебя не в изолятор, тебя в больничку надо.

Он нашарил в кармане кителя мобильник, но сети не было. Изломовская вышка плохо доставала до Подгорска. Сигнал здесь поймать вообще-то было можно, но не в каждом доме. С сигналом дела обстояли как с грибами летом – нужно было знать места. Стрепетов их, само собой, не знал.

«А почему он дома в ботинках? - ни к селу, ни к городу подумал вдруг Стрепетов. – Ах, ну да, я же его со двора сюда притащил, оглушённого».

Снова ожила рация, извергнув новую порцию хрипов и тресков. Участковый выхватил её, дождался паузы и рявкнул в микрофон:

- На связи!

- Хр-р-р-р конца операции переходишь в его полное распоряжение. Как понял? – спросил невидимый собеседник.

- Не понял я! В чьё там ещё распоряжение? Какой операции? Приём.

- Тебе позвонят! – лаконично сообщил суровый начальственный голос, после чего рация стихла.

- Вызовите скорую, здесь скорая нужна, срочно. Приём! Приём, мать твою!

Ответа не было.

- Твою мать... - растерянно повторил Стрепетов. – Ну что ж теперь делать-то, а?

К счастью, Степану быстро стало лучше. Припадок, чем бы он ни был вызван, оказался кратковременным, и теперь подозреваемый снова сидел на своём табурете, низко опустив голову и наблюдая исподлбья за Стрепетовым.

- Ладно, мужик, - сказал участковый. - Что-то ты мне не нравишься совсем. Я тебя сегодня увезу отсюда, сначала в Изломово, а там, быть может, и в район. Начальство пусть с тобой разбирается, не моего ума это дело, видать. Даже и вникать не хочу, что за хрень у вас тут творится. Сейчас вот схожу только, ещё кое с кем потолкую... Приду скоро, а ты пока здесь побудь. Спокойно сиди, не дёргайся, всё равно не развяжешься. Я тебя ещё и запру для верности. Приду скоро, и сразу поедем. Так вот.

Ключ от входной двери, висящий на гвоздике в прихожке, Алексей Петрович заприметил сразу, едва переступив порог Степанова жилища. Прихватив ещё и широкий чёрный плащ-дождевик с вешалки, он вышел на крыльцо, на свежий воздух. Несмотря на холод и дождь, он почувствовал громадное облегчение оттого, что покинул этот негостеприимный, *неправильный* дом.

Но тревожный зуммер в душе никак не унимался.

Накинув дождевик, участковый шагнул с крыльца. Обогнув дом, он прошёл по расплывшейся от дождя дорожке мимо длиннющего сарая с односкатной крышей, мимо большой высокой стайки⁸ с сеновалом, мимо колодезного сруба и дощатого уличного сортира, и только тогда услышал равномерное жужжание бензогенератора. Окна большой избы были ярко освещены, в одном из них за шторами оттенок освещения то и дело менялся. Полутораметровая офсетная спутниковая тарелка на южной стене дома легонько позванивала от ударов водяных капель.

Матушка Степана, Маргарита Васильевна, смотрела в эту ненастную ночь спутниковое телевидение.

2

Усадьба молодой семьи Звягиных была первой на въезде в Подгорск. Охранял двор умнейший пёс по кличке Пират. За пять лет своего существования он научился отличать своих подгорчан от пришлых людей, проезжающих мимо по изломовской дороге, которая, пока шла по Подгорску, числилась Трактовой улицей. И на своего, подгорского, незваного ночного гостя он реагировал бы совсем не так яростно и остервенело, как на кого-то неизвестного в эту ненастную ночь.

Хозяйка, Лена Звягина, несмотря на позднее время, сидела на кухне, ожидая, когда можно будет вынуть хлеб из печи. Её муж Дмитрий смотрел триллер по телеку. В последние несколько лет жизнь в Подгорске разительно изменилась, и этому не смогло помешать даже отсутствие электричества. Люди обзаводились компьютерами, спутниковыми тарелками, научились пользоваться интернетом. Питание приборам обеспечивали аккумуляторы, которые заряжались солнечными батареями и бензогенераторами.

Пират во дворе залаял внезапно, истово, зло. По характеру лая Лена сразу поняла, что во дворе кто-то чужой.

- Дим, - позвала женщина. - Сходил бы посмотрел, что-то Пират во дворе заходится, слышишь?

Дима промычал что-то неопределённое. Лена заглянула в комнату. На экране Джонни Депп разговаривал сам с собой и со своим отражением в зеркале, и Лена поняла, что мужа вряд ли можно сейчас оторвать от просмотра. Муж любил ужастики и готов был смотреть их часами. Как он говаривал – для того, чтобы уравновесить свою природную доброту.

Лена накинула куртку с капюшоном, нацепила налобный фонарик и, пройдя сквозь сенки⁹, вышла наружу. Луч фонарика слабо пробивался сквозь темень и дождь. Пират где-то возле конуры лаял, не умолкая.

Сбоку послышался какой-то звук, то ли скрип, то ли стон. Лена обернулась и увидела за пеленой дождя, всего в нескольких шагах от неё жуткую бледную фигуру. Фигура стояла, облокотившись на угловой столб дровяника – почти голый мужик в одних промокших насквозь белых кальсонах с разzyавленной ширинкой. Он покачнулся и сделал шаг в сторону Лены, сразу потянувшись к ней обеими руками. Она шарахнулась в сторону и завизжала, споткнулась обо что-то и упала на бок, в грязь. Тут же вскочила и увидела прямо перед собой жуткую рожу, правая половина которой была густо залита красным. Снова завизжав, Лена метнулась в сторону крыльца, взлетела по ступенькам, опять споткнулась. Пытаясь сохранить равновесие, взмахнула рукой и смела с полочки кучу всякой всячины: пластиковые бутылки, воронки для разлива ГСМ, промасленную ветошь, консервные банки, стаканчики для рассады... Упав на четвереньки, ткнулась рукой в пятилитровую канистрочку с лукойловским маслом для генератора и тут же метнула её наугад через плечо. Вскочила на ноги, как на пружинах, и вбежала в дом, мгновенно закрыв входную дверь на засов.

- Дима, блин, у нас во дворе маньяк!!! Или зомби!!!

- Какой там ещё маньяк? - недовольно отозвался муж, отрываемый от фильма на самом интересном месте. Но из комнаты всё же выглянул. Гримаса недовольства слетела с лица мгновенно.

- А ну, - сказал он, –отойди-ка от дверей. Посмотрим, что там за маньяк. Счас я его сам отманьячу..

Он поцеловал жену, снял с неё налобный фонарик, накинул бушлат, подхватил стоявший в углу у входа топор и открыл дверь.

3

Дородная женщина с завитыми волосами, запахнувшаяся в дорогой махровый халат, изумлённо вытаращилась на участкового.

- Доброй ночи, Маргарита Васильевна, - сказал он, упреждая возможные расспросы. – Я Ваш участковый, старший лейтенант Стрепетов Алексей Петрович.

- Ой, - пробормотала хозяйка, явно лихорадочно выбирающая в эти секунды нужную модель поведения. – Ой, простите... Не ожидала. Да вы проходите, что ж вы на пороге-то... Алексей Петрович. Милости прошу.

- Простите за столь поздний визит, но мне придётся задать вам несколько вопросов.

- Конечно-конечно. Садитесь, товарищ участковый, за стол, сейчас я чайку соображу. Пирожками домашними вас побалую. Сейчас-сейчас, у меня тут всё как раз готово, и чайник уже почти кипит.

Стрепетов разулся и прошёл к столу. Хозяйка, спиной к нему, крутилась возле газовой плиты, от которой тянулся толстый чёрный шланг к красному газовому баллону в углу. Участковый уселся на лавку и устало провёл ладонью по лицу. На мгновение ему показалось, что царящие здесь повсюду чистота и порядок иллюзорны, и что из-под них вот-вот проглянет нечто истинное, страшное и непотребное. Под ложечкой тоскливо засосало, как бывало в детстве, когда его, нерадивого ученика, внезапно вызывал в кабинет директор школы. Сознание услужливо напомнило знакомое расхожее выражение «отвести глаза». В соседней комнате монотонно бубнил телевизор, шёл рекламный блок – чудовищный микс из автомобилей, соков, прокладок и криминальных боевиков.

- Скажите, пожалуйста, Маргарита Васильевна, вам знакомы такие имя и фамилия: Марина Златовойская?

Слова выговаривались с трудом, как бы немного запаздывая по отношению к норме. Стрепетов вдруг понял, насколько он не высыпался в последние несколько дней.

- Нет, - ответила хозяйка, не оборачиваясь. - Не припомню. А кто это?

- Ну как же, как же. Новая девушка сына вашего, Степана. Брюнеточка такая худенькая, девчонка совсем. Семнадцатилетняя.

Маргарита Васильевна поставила на стол большущее блюдо с пирожками, на резную кедровую подставку водрузила расписной заварочный чайник. Принесла хрустальную вазочку с клубничным вареньем, поставила чайные приборы себе и гостю. Зажгла красивую жёлтую свечу, такую же, как была у Степана. Села сама напротив.

- Оговор это, милый человек. Оговор. Не было у Стёпки такой девки никогда, уж мне ли не знать. И кто вам только наболтал такого. Да вы кушайте, кушайте, не стесняйтесь. Пирожки берите. Вот эти – с капустой, а эти – с грибами. Угощайтесь, пожалуйста.

Стрепетов хотел было отказаться, но рука его словно сама потянулась к пышущему жаром аппетитному пирожку. Маргарита Васильевна налила в его чашку заварки, долила кипятком и снова поставила на блюдце. Сладковатый дымок от свечи расплывался над столом.

- Сахару желаете, Алексей Петрович? Или медку?

- Нет, спасибо, я уж с вареньем, - ответил он, пережёвывая пирожок. И, с трудом преодолев желание тут же откусить ещё кусок, спросил:

- И кому ж это понадобилось оговаривать-то вас? И зачем?

- Известно зачем. Из зависти. Люди, знаете какие бывают завистливые, не дай боже...

Последнее слово она произнесла с ударением на последний слог – божЕ. «Вроде и побожилась, и в то же время не Господа упомянула, - мелькнула мысль в голове участкового. – Ведьма она, точно, ведьма и есть. Ну что за мракобесие, и зачем только я сюда приехал...»

Угловым зрением он заметил какое-то странное шевеление на одной из стенных полочек, и на долю секунды ему даже показалось, что там сидит какое-то существо, похожее на толстую розовую крысу, но едва лишь он скосил взгляд, как понял, что это всего лишь часы, большой механический будильник.

- Ну а чему уж так завидовать-то? Как вы полагаете?

Проговорив эти слова, Стрепетов снова впился зубами в пирожок.

- Как чему? Семья у нас уважаемая, зажиточная. Сыновья у меня хорошие выросли, молодцы оба.

- Оба? - переспросил Алексей Петрович, зачёрпывая чайной ложкой варенье.

- Конечно, оба. Да вы пейте чай-то, что ж вы всё в сухоматку...

- Спасибо, пусть чуть-чуть остынет... Горячий не люблю.

Варенье оставляло во рту приятное послевкусие, напоминающее о полузабытом детстве.

- А вот младший ваш, Лёша... Говорят, он не от мира сего, блаженный... Вы уж меня простите, но разве тут есть чему завидовать?

- Ну и что ж, что блаженный? Он у меня добрый, заботливый. О матери никогда не забывает, первая моя подмога и опора в старости. Работящий, много чего умеет. И дрова заготовить, и сена накосить. Гончарному делу вот летом обучался у Елфеева. Я вам скажу: я на него просто не нарадуюсь.

- Любите, значит, своего младшего? - Стрепетов в упор посмотрел на хозяйку дома. – А где он сейчас, кстати?

Похоже, вопрос застал женщину врасплох. Она открыла было рот, затем снова закрыла. Утёрла ладонью пот со лба. Вздохнула.

- Да вот не приходил ещё сегодня вечером. Бегаёт где-то, шельмец. Гуляет. Дело-то молодое.

Участковый с сомнением посмотрел в окно. Дождь всё не унимался, всё так же барабанил по стёклам. И в этот момент дверь в комнату слегка приоткрылась, и кто-то посмотрел в щель. Участковый успел только заметить отблески света в двух неестественно

круглых белых глазах с большими зрачками, на высоте примерно метра от пола. Впрочем, стоило лишь ему слегка обернуться, как и это наваждение исчезло.

- Сколько же ему сейчас? – спросил он.

- Двадцать восемь, - ответила хозяйка. – Но в душе он так и остался пятнадцатилетним.

- А ночует он здесь?

- Конечно. Здесь. Дом большой, а у Стёпки своя жизнь, он один живёт, в старой избе.

- Я в курсе. Мы с ним уже сегодня побеседовали.

Маргарита Васильевна, похоже, собиралась, что-то спросить, но тут на поясе участкового опять ожила рация. Алексей Петрович взял её в руки, прислушиваясь к сумасшедшему треску и хрипам.

- ... налажена в ближайшие несколько минут. Будьте предельно осторожны, – отчётливо произнёс вдруг совершенно незнакомый Стрепетову голос, после чего вновь наступила полная тишина.

Участковый хотел было засунуть рацию обратно в чехол, но тут заметил, что на чёрном корпусе прибора и на жидкокристаллическом дисплее появились пятнышки странного жёлтого налёта. Он достал носовой платок и тщательно протёр рацию.

- Да вы чай-то пейте, - снова сказала хозяйка. – Он, поди, уж остыл совсем.

Стрепетов поднёс чашку к губам. Тут же пронзительно, тягуче заныло где-то в груди, возле самого сердца. «Я на самой грани, - подумалось ему. - На самой-самой грани...»

Из телевизора доносились чьи-то отчаянные вопли, брань и выстрелы.

- Хороший чаёк, крепкий, - ласково сказала Маргарита Васильевна, нависая над столом массивным бюстом.

Стрепетов пригубил чай. Обострённые чувства тут же зафиксировали посторонний неприятный привкус.

- Пей, пей, милый человек, - ведьма наклонялась к нему через стол всё ближе и ближе, её голубые глаза с накрашенными ресницами, не мигая, заглядывали прямо ему в душу. Сопrotивляться этому пожеланию было почти невозможно. И он, конечно, выпил бы.

Если бы Маргарита Васильевна случайно не зацепила грудью свою свечу на столе.

Опрокинувшись, свеча погасла, и всё наведённое исчезло в один миг. Симпатичные обои на стенах исчезли, обнажив покрытые плесенью и паутиной чёрные брёвна сруба, увешанные сушёными лягушачьими шкурками и связками косточек, больших и малых. В надкушенном пирожке на столе зашевелились черви. У самой Маргариты Васильевны появился длинный кривой жёлтый клык, проросший прямо сквозь нижнюю губу. Участковый вскочил на ноги, опрокидывая от себя тяжёлый стол вместе с колдуньей. Та охнула, падая на спину, и тяжело ударилась затылком об угол печи. Существо, маскировавшееся под будильник, с истошным визгом метнулось Стрепетову в лицо и вцепилось в него добрым десятком то ли когтей, то ли зубов. Двухное низкорослое чёрно-белое создание, немного похожее на толстого лемура, выбежало из комнаты, сжимая в одной из передних лап огромный нож, и сходу попыталось вонзить его в ступню участкового. Он отшвырнул её прочь ударом ноги и одновременно, схватив за кожистое крыло, сорвал с себя первую тварь. Исцарапанное лицо горело, как в огне, по щекам потекли струйки крови. Стрепетов размахнулся и несколько раз с силой ударил существом о дверной косяк, пока то не затихло. Мерзкий лемур, выронив нож, тихо поскуливал у стены, тараща круглые выпученные глаза и пытаясь незаметно сгруппироваться для прыжка. Стрепетов подобрал нож, и вовремя – тот бросился снова. Блокировав атаку, Алексей Петрович, наугад пырнул тварь ножом и попал куда-то в мягкий живот. На руки выплеснулась горячая кровь, и лемур, взвывая, рухнул участковому под ноги. Тут же сверху, с абажура на Стрепетова свалилось что-то скользкое и холодное, и он с отвращением стряхнул с себя толстую гадюку. Змеи выползали отовсюду – из щелей в полу, из ящиков комода, из кухонной посуды и мешков с крупами. Зашевелилась деревянная крышка на кадке с водой, кто-то или что-то пыталось вылезти оттуда, но разбухшие от воды ушки заклинили в прорезях, и крышка не поддавалась. Большой удав медленно спускался

головой вниз по шторе. В довершение всего к горлу подкатила тошнота. Всё поплыло перед глазами, участковый пошатнулся, упал на колени, и его вырвало прямо на пол плохо пережёванными червями и кровавыми сгустками.

- Стрепетов! – послышалось из рации. – Стрепетов, ответьте! Приём, Стрепетов!

Задыхаясь, он всё-таки достал прибор и нажал тангенту.

- На связи... - почти прошептал он в микрофон, не сводя глаз с умирающего лемура.

Он был абсолютно уверен, что тот, несмотря на рану, снова кинется, стоит лишь на мгновение отвернуться.

- Стрепетов, слушайте внимательно. С вами говорит полковник Свиридов, федеральная служба безопасности России, тринадцатый отдел. Сохраняйте спокойствие и не делайте резких движений. Как поняли, приём.

- Твою мать, - слабо отозвался Алексей Петрович.

Удав со шторы медленно перетекал на пол, высывая язык и не сводя с участкового пристального неподвижного взгляда. Сознание исправно фиксировало, но отказывалось воспринимать происходящее.

- Стрепетов, - сказал неведомый полковник. - Вы попали в очень сложную ситуацию. Но вам ничто, повторяю, ничто не сможет угрожать, если вы в точности будете исполнять мои инструкции. Пожалуйста, опишите текущую обстановку.

И Стрепетов описал обстановку – в первых пришедших на ум выражениях, которые в обиходе обычно называют многоэтажными, а в сериалах заглушают длинными «бипами».

- Пожалуйста, конкретизируйте, - невозмутимо отозвался полковник. – Я должен хорошо представлять себе, что в данный момент происходит. Иначе оказывать вам удалённую помощь окажется весьма затруднительно.

- Ладно, - сказал участковый. – Здесь кругом змеи. Со всех сторон. Смотрят на меня. Ещё какая-то толстая тварь, атаковала с ножом. И ещё одну я, кажется, убил. И саму хозяйку, похоже, тоже убил.

Кровь с исцарапанного лица продолжала стекать, капала на пол, на руки Стрепетову, на рацию.

- Не делайте никаких резких движений и оставайтесь на связи, - снова сказал полковник Свиридов. – Скажите, существо, с которым вы вступили в контакт, пользовалось источником переносного огня?

- Чего? – переспросил участковый.

- Керосиновая лампа. Лампадка. Свеча. Кадило, наконец.

- Свеча. Была свеча. Сейчас потухла.

- Вы её видите?

- Да, вижу.

- Как далеко от вас?

- В нескольких шагах. На полу лежит. Тут стол опрокинулся...

- У вас при себе есть спички?

- Нет.

- А возле свечи? На столе был коробок?

- Сейчас... ага, вижу. Тоже лежит на полу, рукой могу дотянуться.

- Отлично, - сказал Свиридов. – Осторожно, медленно, сначала дотянитесь до коробка.

Затем, медленно, без резких движений подберитесь к свече и зажгите её. Можно прямо на полу. Действуйте.

Спокойные указания полковника ФСБ, как ни странно, вернули присутствие духа несчастному участковому. Матерясь вполголоса, он осторожно, на четвереньках, приблизился к свече, чиркнул спичкой и зажгёт её. Затем наклонил, уронил несколько капель стеарина на пол и прилепил к ним основание свечки.

Сразу стало заметно светлее. Змеи исчезли, на стенах сруба снова проявились обои. Лемур истаял по частям, снизу вверх. Дольше всего держались глаза, но через несколько секунд и они исчезли. Затем исчезла боль в лице.

- Стрепетов? Доложите ситуацию, - потребовал полковник.
- Свечу зажёл. Кажется, стало лучше.
- Что значит лучше? Реальность зафиксировалась? Вы ощущаете сдвиги?
- Мракобесие, твою мать, - сказал Стрепетов. – Вот что я ощущаю.
- Пожалуйста, будьте собраны. Ещё ничего не закончено. Зафиксировалась ли

реальность?

- Блин...наверное, да.
- Отлично. Пока горит свеча, вам ничего не угрожает. Вы можете спокойно передвигаться. Скажите, вы уверены, что существо убито?

- Какое именно?
- Я имею в виду хозяйку дома.

Алексей Петрович мысленно застонал. Теперь на нём, похоже, ещё и труп. И как прикажете отписываться потом в районе от всего этого?

Он подошёл к телу. Придавленное столон, оно лежало неподвижно. Ноги в колготках и домашних мягких тапочках торчали из-под скатерти под неестественным углом. Дыхания не было, и глаза уже остекленели.

- Уверен, - сказал он.
- Не обманывайтесь, - заявил Свиридов.- С вероятностью восемьдесят процентов это не так. Вы должны точно выполнить ещё ряд действий. Готовы?
- Готов.
- Два условия, жизненно важных. Первое – свеча должна гореть. Какой длины огарок?
- Где-то сантиметров десять.
- Этого достаточно. Следите, чтобы она не потухла. Можете поставить её повыше, чтобы случайно не наступить. Второе условие – вы должны беречь рацию и постоянно оставаться на связи. Как поняли?
- Понял я, понял. Беречь рацию.
- Стрепетов, пожалуйста, отнеситесь ко второму условию очень внимательно.

Держите рацию постоянно на виду. Не позволяйте ей трансформироваться. Мы не можем полностью оградить прибор от телеметрических аберраций.

- Чего? По-русски, пожалуйста, говорите со мной, товарищ полковник! У меня всего восемь классов средней школы! Я в вашем словесном по... в ваших научных терминах не разбираюсь!

- Стрепетов, ещё раз призываю вас сохранять присутствие духа. От этого сейчас в первую очередь зависит ваша жизнь. Повторяю: вы должны постоянно следить за рацией. Не позволяйте ей изменять форму и цвет. Если это произойдёт, связь будет утеряна. Прямо сейчас проверьте её состояние.

Алексей Петрович повертел рацию в руках. Передняя панель как будто была в норме. Но вот с другой стороны...

- Товарищ полковник, вижу странные жёлтые пятна на задней части корпуса. Я их стираю-стираю, а они снова выступают. Что это такое может быть?
- В дальнейшем вы получите исчерпывающие объяснения. Сейчас на них нет времени. Попробуйте удалить пятна.
- Легко, - сказал участковый, вытирая рацию о скатерть.
- Отлично, капитан. Теперь...
- Я старший лейтенант, - поправил Стрепетов.
- С этой минуты – капитан. Пожалуйста, не перебивайте и слушайте очень внимательно. Вы должны сделать следующее...

Человек с забинтованной головой, лежавший на диване в доме Звягиных, зашевелился, заёрзал под толстым стёганным одеялом и открыл глаза.

- Ну привет, - сказал ему Дима.
- Ты кто? – со стоном спросил незнакомец.
- Нет, брат, это ты мне скажи, кто ты такой, и почему бродил в полночь по моему двору, в такой ливень, в одних подштанниках и с разбитой башкой. Пошто жену мою напугал?
- В каких... подштанниках... жену...
- Лежите, лежите, - вмешалась Лена, увидев, что ночной пришелец пытается сесть на постели. - У вас сотрясение – сто процентов. Повезло ещё, что на голове простое рассечение. Но вставать вам решительно нельзя. Утром подумаем, как вас в больницу отправить, а пока отдыхайте.
- Блин, я УАЗик разбил, - печально сообщил мужчина, как будто это могло хоть что-нибудь объяснить. – Это Подгорск?
- Ну ясен пень, Подгорск! – нетерпеливо ответил Дима. - А ты куда ехал-то?
- К вам. К вам и ехал. В смысле – не к вам лично, а в посёлок ваш.
- Среди ночи?
- Ну да. Вызов же был.
- Какой ещё, блин, вызов?
- Так в район же позвонили по 02, сказали – девка к вам поехала и пропала. Ну вот они меня и послали... в смысле – проверить и доложить.
- И ты, стало быть, кто у нас?
- Так участковый я, из Изломова. Старший лейтенант Хорошенко Василий. Подгорск – моя территория. Меня все знают, я двенадцать лет уже работаю, на пять деревень. В Подгорске только редко бываю.
- Точно, - сказал Дима. – Я тебя как-то в сельсовете видал. Точно. А что за девка?
- Без понятия. Какая-то Марина Златовойская.
- Не знаю такой, не слыхал. И как же ты, старлей, УАЗик разбил? И почему без одежды? Так и ехал, что ли?
- Нет, конечно.
Хорошенко прикрыл глаза, собираясь с мыслями.
- Наверное, парень этот форму снял... Ё-моё, моего табельного, что, тоже нет?
- Всё, что есть – на тебе. Ты давай не отвлекайся, что за парень?
- Дурковатый какой-то... Кто ж знать мог, ночь, ливень... Тут, почти перед деревней уже... Я только повернул – у вас тут горочка такая на въезде, а перед ней поворот – а он на дороге стоит прям впереди, и руками машет как ветряная мельница. Ну я руль в сторону и в кювет. И напрямик в берёзу. Вот башкой-то и саданулся. Потом... Помню, как он в окно смотрел. Фары светили. Он без шапки был, волосы мокрые. Высокий. Взгляд, говорю, дурковатый такой. Вроде выбритый, а на подбородке несколько волосинок длинных. Всё губами шевелил, как будто говорил чего. Потом капец, не помню ни фиги. Где вы меня нашли?
- Здесь и нашли. Ты, видать, в беспамятстве как-то добрёл. Наш дом первый на въезде. Мы тебя тут, можно сказать, подобрали, башку забинтовали, спиртом растёрли. Теперь лежи, отдыхай. Грейся.
- Спасибо, - тихо сказал участковый. – А вы знаете, кто это? У него моё табельное.
- Конечно, знаем, - сказал Дима. - Лёшка это юродивый, кто ж ещё. Маргариты Васильевны Стрепетовой сын. Да он дурной, но безобидный. Бывает, стащит чего, потом выбросит где-нибудь в кусты. Ему на фиги твоя форма или ПМ? Так, поиграть просто.
- Ой, не знаю, - вздохнула Лена. – С пистолетом плохие игры.
- Оно так, - согласился Дима. – Вот что. Ты, старлей, отдыхай, а я схожу к Стрепетовым, со Степаном потолкую. Там, кроме пистолета, ещё что-нибудь было? Наручники, рация, дубинка? Не знаю, что ещё вам положено брать на выезд.
- Ага, - сказал участковый. - Автомат Калашникова и баллон с «черёмухой»... Ничего этого у меня нет. Наручники за свои деньги на китайском рынке покупал, так и те мудаки один

сломал недавно по пьяному делу. Да я на вызовы езжу – табельное с собой не беру. Сегодня вот взял... на свою голову.

- Да не бойсь, - улыбнулся Дима. – Вернём твой ПМ.

- Полнолуние сегодня, - напомнила жена.- Ты возьми ещё кого с собой. Мало ли что.

- А, ну я Коляна позову, он не откажет. Это сосед мой, Просеков Николай. Мужик - кремень, - пояснил он участковому.

- Слышь, - сказал Хорошенко, – там вот что. Она, по ходу, к нему и ехала.

- Не понял. Кто к кому?

- Марина Златовойская к Степану Стрепетову. Говорят, это его девка.

- Нет у него никакой девки. И даже не помню, чтоб была когда.

- Ай, да откуда тебе знать, - возразила Лена. – Чужая душа – потёмки.

- Ладно, разберёмся, - сказал Дима. - Ждите тут, короче.

5

Ростовчане Стрепетовы переехали в Подгорск в 2001 году. Алексею тогда было шестнадцать, Степану – двадцать пять. По словам Маргариты Васильевны, до пятнадцати лет Лёша рос совершенно нормальным парнем, пока не случилось то, что случается почти со всеми – несчастная любовь. Но то, что благополучно переживают миллионы других подростков, Лёша пережить не смог. Девчонка, с которой у него развивался бурный роман, неожиданно его бросила, и рассудок мальчика повредился. В надежде, что всё ещё можно поправить, Стрепетовы переехали в Сибирь, подальше от всего, что могло бы напомнить парню о тех событиях. Но шизофрения не лечится и не проходит сама.

Уже здесь, в Красноярске, его оформили в психиатрическую клинику. Но Лёша там пролежал недолго. Приехав однажды повидаться с сыном, Маргарита Васильевна увидела на его теле многочисленные следы побоев. После разговора с главврачом женщина выяснила, что всё лечение сводится к регулярному употреблению успокаивающих таблеток. Рассудив, что таблетки она может давать ему и сама, она забрала его обратно в Подгорск.

С тех пор он так и бродил по деревне, что называется, не от мира сего. К его причудам все быстро привыкли. В спокойном состоянии он гулял, подходил к людям, о чём-то заговаривал, что-нибудь спрашивал. Мужиков просил научить его работать бензопилой, или чинить машину, или рубить сруб. Его учили, но он всё тут же забывал. Иногда его можно было увидеть, медленно бредущим куда-то, размахивающего руками и разговаривающего с невидимым собеседником. По ходу такой странной беседы Лёша мог остановиться, повернуть голову на бок, словно прислушиваясь к далёкому голосу сверху. «А? Что? Как?» - переспрашивал он в таких случаях. И, видимо, получив ответ, двигался дальше.

Иногда Лёша тырил вещи односельчан. Не всерьёз, а так, поиграть. Возьмёт в чужом дворе велосипед, покатается на нём, да и бросит. В таких случаях люди шли прямо к его родителям, и тем, как правило, быстро удавалось получить признание и вернуть пропажу.

Ещё он любил играть в других людей. Называя себя чужим именем, Лёша талантливо перевоплощался в нового человека, сопровождая свою игру большим количеством тщательно выдуманных мелких деталей чужой жизни. Впрочем, иногда люди замечали, что детали эти не всегда выдуманные, и дивились – откуда юродивый узнал о том, чего как будто никто знать не мог.

Каждое полнолуние его состояние ухудшалось. Лёша становился агрессивен, громко и гадко бранился, кидался камнями и грязью в прохожих и в окна домов. Особенно не любил он молодых девчонок, и мог изрядно напугать иную, погнавшись по улице за ней с какой-нибудь дубиной. Чтобы купировать такое состояние, мать давала ему двойную или тройную дозу лекарства, а на само полнолуние для верности запирала дома.

Но иногда он сбегал.

Как бы то ни было, к его проявлениям все подгорчане быстро привыкли, и воспринимали просто, как данность. Трактовали, конечно, по-разному: одни просто считали

Алексея психом, больным, другие говорили, что он одержим бесами, третьи верили, что он «сидит на контакте» с враждебной человечеству инопланетной цивилизацией. На линию поведения в отношении больного эти расхождения никак не влияли.

Вскоре после переезда Стрепетовы открыли в Подгорске небольшой магазин. Глава семьи Пётр Ильич и Степан к тому же стали понемногу охотиться, продавать соболей. Семья быстро стала одной из самых зажиточных в деревне.

В 2005 году Пётр Ильич умер от инфаркта, а в деревне появился ещё один предприниматель с магазином, и дела у Стрепетовых пошли похуже. Маргарита Васильевна стала сдавать физически, а Степан – пить. С тех пор Алексей чаще оставался без присмотра. Но всё же ни в какие серьёзные истории он не попадал. До сих пор...

6

Пёс выл почти непрерывно. Дверь в старую избу, жилище Степана Стрепетова, была заперта, но внутри горел свет. Хозяин на стук не отзывался.

- В окошко постучи, - сказал Просеков. Звягин, промокший до нитки, снова соскочил с крыльца под ледяной дождь. Обойдя дом с угла, он заглянул в окно.

- Колян, ломай дверь! – заорал он сквозь дождь.

Здесь же, возле двери, среди прислоненных к стене ломов и лопат, Колян приметил гвоздодёр. Схватил, отжал замок.

Почти сплошная полоса крови тянулась от двери к табурету, к которому было примотано верёвкой тело Степана Стрепетова. Под табуретом густо поблёскивала большая чёрно-багровая лужа. У Степана был начисто снесён затылок. К полностью залитой кровью футболке со спины присохли мелкие кусочки кости и мозгового вещества. Мозг был виден и в огромной дыре на месте затылка.

- Мюллер на допросах любил заглядывать пленным в голову... - пробормотал непрошибаемый балагур и бывший десантник Колян.

- Не смешно! – оборвал его Дима. – Пошли, проверим Маргариту.

Человека в дождевике они заприметили, подойдя к колодцу. Человек вытаскивал из заднего входа времянки, приспособленной под магазинчик, большой тяжёлый мешок. Рядом, у калитки, горела двухсотваттная лампочка-переноска, питавшаяся от генератора, и в её свете действия человека были отлично видны. Оставив дверь открытой, человек поволок мешок по тропинке в их сторону.

- Не пойму, это Лёха или нет? – шёпотом спросил Дима.

- Кажись, он. Да неважно, надо вязать. Давай сюда, за мной.

Слегка пригнувшись, Колян быстро перебежал за угол дровяника и прижался к боковой стенке из набитого на столбы обрезного теса¹⁰. Дима метнулся за ним. Сквозь щели отлично просматривалась тропинка и медленно перемещающийся по ней человек с мешком. Человек уже миновал самое тёмное пространство, и теперь входил в зону, освещаемую светом из окон дома Маргариты Васильевны.

Колян толкнул Диму локтем и молча указал пальцем на моток тонкой проволоки-вязанки, висящий на столбе.

- Для начала этим скрутим, - пошептал он. – Сейчас, только зайдёт за угол...

Поравнявшись с дровяником, мужик в дождевике неожиданно бросил мешок и выпрямился. Он стоял всего в пяти шагах от них, отделяемый лишь тонкой щелястой стенкой, и медленно расстёгивал плащ. Затем вытащил из-за пояса какой-то светлый предмет и поднёс его к лицу.

- На связи! – произнёс он достаточно громко для того, чтобы его слышали сквозь шум дождя. – Сколько?

¹⁰

Тёс – тонкая (18-25 мм) пиленая доска.

- Это он, точно, - чуть слышно прошептал Дима.
- Понял, две боевых единицы, - сказал Алексей Стрепетов.- Есть на поражение.

Юродивый повернулся лицом к ним, и стало видно, что под дождевиком скрывалась форма офицера полиции. В правой руке Стрепетов сжимал табельное оружие участкового Хорошенко. Медленно он поднял руку и направил пистолет в их сторону.

- Что? – вдруг переспросил он кого-то невидимого. – А-а, понял.

И снял пистолет с предохранителя.

- Не ссы, он нас не видит, - тихо-тихо, одними губами проговорил Колян.

Стрепетов снова вытянул руку, целясь куда-то в угол.

- Так? - спросил он. И, видимо, получив какой-то ответ, сместил руку влево. – Так?

Так?

В следующую секунду грохнул выстрел. В лицо Диме брызнули щепки. Во лбу Коляна образовалась аккуратная маленькая дырочка, из которой выплеснулась алая струйка. Он нелепо взмахнул руками и упал возле початой поленицы.

Стрепетов выстрелил снова, но Дима успел упасть на землю и перекатиться в сторону. Третья пуля слегка зацепила ему голень, четвёртая просвистела над головой. Затем раздались сухие щелчки. В обойме кончились все патроны.

- Что ж ты, сука, делаешь! – заорал Дима, вскакивая на ноги. - Иди сюда, ублюдок!

Лёшка Стрепетов швырнул в него пистолетом, но не попал. Дима кинулся на него, сходу и от души врезал юродивому в ухо с правой и тут же добавил с левой в челюсть. Но эти два удара, хоть и могли свалить почти любого мужика, Стрепетову почти не нанесли вреда. Словно клещами он обхватил Звягина за туловище и внезапно впился зубами ему в щёку. Завопив от боли и ярости, Дима задёргался, осыпая голову и спину противника градом бесполезных ударов. Не ослабляя хватки, Стрепетов поднял его в воздух, словно соломенную куклу, и со страшной, нечеловеческой силой швырнул в сторону. От удара о землю у Звягина перехватило дыхание и потемнело в глазах. Он поднялся на четвереньки и тут же получил страшный удар сапогом в голову, после которого наступила кромешная тьма.

7

- ... и что же вы теперь-то будете говорить, разлюбознейшая Маргарита Васильевна? – сквозь ватное розовое облако боли донеслось до Диминого сознания. Болели неестественно вывернутые и связанные за спиной руки, толстая верёвка туго врезалась в щиколотки. Голова раскалывалась, зверски саднила прокушенная щека. Едва сдержав стон, он осторожно приоткрыл глаза. Без сомнения, он находился в доме Маргариты. И был он не просто связан, а примотан верёвкой к массивной лавке, придвинутой к стене. Бок о бок с ним таким же образом был примотан мёртвый Колян Просеков.

В кухне Маргариты царил разгром. По всему помещению разлетелись осколки посуды и стеклянных банок, раздавленные и целые пирожки, чайные ложки, разорванные пакетики с приправами, картофельные очистки. Около перевернутого помойного ведра валялся большой плюшевый медведь-панда с кухонным ножом в животе. В самой середине помещения, в большой луже блевотины плавали останки настольных механических часов, а в метре от них прямо на полу горела свеча. Сама хозяйка лежала недвижно у печи, придавленная опрокинутым столом, и виновник всего этого безумия в данную минуту старательно засыпал её солью из того самого мешка. Он был одет в форму участкового. К поясному ремню зачем-то был прицеплен полотняный мешочек, из тех, в каких обычно хранят сушёные травы. Фуражка и дождевик висели у дверей на вешалке.

- Что-то вы задёргались, заволновались. Правильно, Маргарита Васильевна, правильно. Есть повод волноваться-то.

Стрепетов высыпал всю соль и теперь стоял над своей жертвой, смотря на неё сверху вниз.

- И чем же это вы собирались меня опить, уважаемая? Да вы не молчите, что уж

теперь-то. Рассказывайте, облегчите душу. Ой, да полно корчиться, не поможет. Соль препятствует трансформации, так-то. Тайну вам открою, Маргарита Васильевна. Сегодня ночью здесь была проведена спецоперация, при участии ФСБ России. Вы, голубушка, давно уже были у них под колпаком. К утру приедут за вами, заберут. Но вы-то уж мне поведайте про девушку пропавшую, Златовойскую Марину. Уж вы-то ведь точно знаете, где она. Вы и Степан, да. Отвечайте же!

Он наклонился над телом и внезапно отшатнулся, словно покойница попыталась схватить его за ногу. Из своего полотняного мешочка бережно извлёк жёлтую пластмассовую коробочку из-под детского какао «Nesquik», с дурацким зайцем спереди, тщательно осмотрел её со всех сторон, затем протёр рукавом. Недовольно хмыкнул. Поднёс к лицу так, как обычно подносят портативную рацию, и снова, как на улице, произнёс:

- На связи!

Затем застыл, словно слушал ответ.

- Так точно, горит. Вторую зажжёт, - сообщил он коробочке. Затем, после новой паузы:

- Понял.

Несмотря на боль, Звягин в полном объёме осознавал весь ужас ситуации. Однажды он видел мужика, который разговаривал с трёхлитровой банкой пива. Но у того была натуральная «белочка», к тому же банка ему не отвечала. Из «Несквики» Алексею явно кто-то отвечал. Даже не просто отвечал, а *приказывал*.

Не опуская «Несквику», безумец вышел в сенки, и через минуту появился снова с большим садовым секатором в руках.

- А это законно? – спросил он, остановившись на мгновение. И тут же, словно заглаживая неловкость от глупого вопроса, выкрикнул:

- Так точно, понял, товарищ полковник!

Он присел возле трупа своей матери, осторожно снял с её ног тапочки. За спиной Стрепетова Диме не было видно, что он там делает.

- Вы думаете, никто не знает, в чём ваша колдовская сила? – продолжал Стрепетов. – А я вам сообщу: просчитались вы. Сейчас я вам колдовскую силу-то оттяпаю...

Послышался противный хруст, и Алексей брезгливо отшвырнул что-то от себя. Это что-то подкатилось почти к самой лавке. Не веря своим глазам, Дима сообразил, что смотрит на отрезанный большой палец ноги с накрашенным ногтем.

- Ну что? – довольным голосом спросил Стрепетов.- Утекает силушка-то в дырочку, а? Вот так-то! А то ишь, развели тут мракобесие...

Снова секатор, и снова хруст. Звягину стало совсем худо.

- А может, в печку? – спросил вдруг Стрепетов у своего невидимого собеседника.

И, видимо, получив положительный ответ, поднялся и обернулся.

Их взгляды встретились.

- Полковник, полковник, одно из них ожило! Смотрит на меня, - в голосе Стрепетова послышались испуганные нотки. – Оно смотрит, смотрит... И трансформируется... Горит, да, горит, - он бросил мимолётный взгляд на свечу на полу. – Нет, соли нет больше. Всю высыпал.

Алексей замер, чуть склонив голову набок и задумчиво теребя в ладони второй отрезанный палец матери. Замер так, словно слушал чью-то длинную речь. Затем многозначительно кивнул и сказал:

- Понял, товарищ полковник. Сделаю. Есть оставаться на связи.

Палец скользнул в карман кителя. Боком, не сводя глаз с Димы, Алексей прошёл мимо и снова вышел в сенки.

Вернулся он с канистрой бензина. Открыл крышку, и стал понемногу выливать горючее дорожкой от газового баллона к дверям.

«А ведь он и впрямь хочет меня живьём сжечь!» - понял вдруг Звягин.

- Лёшка, - окликнул он Стрепетова. – Ну что ж ты делаешь, а? Разве так можно? Ведь мы же дружили... Ведь ты же приходил ко мне мультики смотреть. Ты что, забыл? «Ну,

погоди!» смотрели у меня, потом «Алёшу Поповича», детворы столько было...

- Алёшу Поповича, - нерешительно повторил Лёшка, и по лицу его скользнула тень улыбки. Но тут же она сменилась гримасой отвращения. – Нет! Не заговаривай со мной! Ты мне ничего не сделаешь! Свеча горит! Нет тебя, нет! Тьфу!

Он снова принялся плескать вокруг себя бензин, но уже не дорожкой, а как попало. Капли горячего падали в опасной близости возле свечи.

- Стой, Лёшка, стой! – взмолился Дима. - Ты вспомни, как мы вместе на покос ходили. Сколько мужиков было, а ты стог научился сверху приминать. Ты помнишь, как тебе нравилось?

Стрепетов замер на месте.

- Высоко, - совсем другим голосом проговорил он. – Всё вокруг видно!

- Вот молодец, вот... ты вспоминай, вспоминай... Тебе ведь матушка же говорила, что ты умница. Худого только не делай, и всё будет хорошо – так ведь говорила тебе, а?

- Нет, - сказал Стрепетов и отступил на шаг.

- Да, Лёша, да. Так она говорила, ты вспомни, вспомни. Нельзя худого делать.

- Я не делаю!

- А бензин зачем, Лёша? Нельзя бензин, пожар будет, а это худо, очень худо.

- Здесь нечисть! – выкрикнул Стрепетов, махнув в сторону Димы канистрой. – Здесь спецоперация! Мне полковник сказал!

- Какой полковник, Лёшка? Нет никакого полковника.

- По радиации сказал, - пояснил юродивый, показывая Звягину жёлтую коробочку с зайцем. – Полковник Свиридов, из ФСБ России...

- Да что ты, разве ж это рация? Это ж упаковка просто, из-под какао.

Стрепетов уставился на «Несквик» так, словно увидел его первый раз в жизни. Стал лихорадочно тереть коробочку рукавом. Затем в ужасе посмотрел на Диму. Затем снова на «Несквик».

- Полковник, полковник, приём! – закричал он. – Что-то происходит! Начались эти... абберации... Она теряет форму, меняется, желтеет... Я боюсь... Что? Что? Я вас не слышу... Зачем? Зачем?

- Нет никакого полковника, - снова сказал Дима. – Это просто игра. Нехорошая игра, Лёша. Не надо в неё играть.

- Нет! – взвизгнул Алесей и снова отступил на шаг, задев при этом свечу. Она упала и тут же потухла. Он метнулся было в сторону, остановился, втянул голову в плечи, затравленно озираясь по сторонам.

- Полковник, свеча потухла... Сдвиг, сдвиг, всё сползает, - пожаловался он в «Несквик». Затем, точно не веря своим глазам, осторожно открыл коробочку и понюхал. Выронил её из рук, сел на пол, и тихо и горько заплакал.

8

Спустя пару месяцев участковый Хорошенко, как и обещал, приехал в гости к Звягиным. Посидели втроем за столом, выпили, помянули Коляна и Стрепетовых. Отдельно выпили за Лёшку, за мир и спокойствие в его душе.

- Его, считай, сразу в психушку поместили, теперь уж, поди, на всю жизнь. Экспертиза сразу шизофрению подтвердила, - сказал старлей.

- Ясен пень – на всю жизнь, - сказал Дима. – У него же больше нет родственников.

- На самом деле есть. Старшая сестра. Она к тому времени, как у него крыша съехала, уже замужем была. Потому в Ростове и осталась. Так вот, она рассказала, что Марина Златовойская – это и есть та девушка, из-за которой у него сдвиг по фазе и произошёл. И, слышь, там не просто несчастная любовь была. Она была старше его на два года, уже прожженная вертихвостка, а он – пацан пятнадцатилетний, доверчивый. Он для неё как игрушка был, забава временная. С братом своим он её в постели застал однажды, вот что.

Там, прямо на месте, и сдвинулся. Брат потом всю жизнь себя за это винил, ни с одной женщиной больше не сошёлся. А Маргарита Васильевна в курсе была, Степана покрывала, а Лёшке гадости про невесту говорила, всё хотела, чтобы он отлип от неё, только он не верил. И, по ходу, он сам и сообщил в милицию о её пропаже. Просто позвонил по 02. И ещё – когда он пришёл домой в моей форме, мать попыталась дать ему лекарство. В чае растворила, но он догадался как-то.

- Да-а, - проговорил Дима. – Вот ведь... Жалко его. Всех жалко. Никогда в жизни не слышал, чтобы человек так горько плакал. Поди ж ты, чуть не убил меня, а мне всё равно его жалко.

- Ну давайте что ли ещё по одной, да поеду я,- сказал Хорошенко.

Они выпили, помолчали. За окном, в сказочной тишине, медленно кружились большие белые снежинки.

- Красиво тут у вас, - вздохнул участковый.

- А я крестился недавно, - сказал неожиданно Дима.

- Зачем?

Дима пожал плечами.

- Ну как сказать - зачем... Шизофрения, это конечно... Но ведь был ещё *кто-то*. Тот, кто говорил с ним через банку какао. Кто руку его со стволом на нас направлял. Был.

- Да ладно, - махнул рукой старлей. – Не гони волну. Мало ли, что может психу в башку взбрести.

Звягин покачал головой.

- Нет, в случайности я не верю. Там логика была. Какая-то странная и очень злая логика.

- Ну а крещение тут при чём?

- Ну как же... Ведь должно же быть, не знаю, равновесие какое-то. Если есть такое... такая сила, то должна быть и другая. Которая ей противостоит.

- Бог, что ли?

- Как хочешь называй.

- Жаль только, что он прямых советов через какую-нибудь пепси-колу не даёт, - засмеялся Хорошенко.

- Мы и без пепси-колы с ним всегда на связи, - сказал в ответ Дима.

Отличный способ скрыть убийство (Игорь Кременцов)

В июле, когда зной делает из квартир духовые шкафы, Марат Палухин убил жену. Это произошло из-за другого мужчины, чьи рост, имя и вес были тщательно задокументированы в многочисленных блокнотах.

Марат до мелочей продумал варианты мести. Тщательно спланированные убийства во время сна, отпуска или приемов еды, прятались в шелестящих блокнотных листах.

Блокноты Марат прятал в собственноручно изготовленном, втором дне коробки с инструментами. Каждый день он ждал подходящих условий.

Они наступили.

С утра, когда солнце распалило температуру до сорока, Кошечка (так ласково Марат называл жену) легла в ванную.

Это было условием номер один.

Марат вышел на лестничную площадку и выкрутил пробку на электрическом щите. Затем он проделал фокус с карманной отверткой, закрепив ее в опустевшем гнезде. Если произойдет замыкание, то оно будет длиться, пока не расплавятся провода.

Условие номер два.

Когда супруга расслабилась и задремала – условие третье – Марат включил траурно-черный фен в свиной пятачок сетевого фильтра и бросил прибор в воду.

Извергая искры и треск, фен опустился жене на промежность. От воды повалил пар. Хлопнув, рассыпалась лампочка.

- Сделай так, чтобы она умерла. Господи. – Марат подумал о том, молился ли кто-нибудь из мужей, убивая жену с помощью фена? Возможно.

Супруга одеревенела. Задымились вздыбленные волосы. Ресницы сгорели, превратившись в крошечные спекшиеся сгустки. Один глаз закатился, обнажив голубой, в прожилках, белок.

Марат нащупал в кармане пробку и направился к щиту. Кончик отвертки превратился в оплавленную каплю. Марат извлек инструмент, морщась от запаха горелой стали.

Предохранитель щелкнул, и.... ничего не произошло. Свет не вспыхнул. Видимо, проводка все-таки сгорела. На всякий случай, Палухин вышел проверить еще раз, а вернувшись, встретил Кошечку.

Она стояла в коридоре, исходя паром, словно стылая говядина в микроволновке. Глаз, закатившийся под лоб, теперь смотрел в угол. Марат с ужасом понял, что белок в глазнице свернулся. Второй, зрячий, двигался – с ненавистью зондируя наполненную болью реальность.

Марат запаниковал. Почему-то, сомнений в том, что она выживет, не было. Ведь смогла же она выскочить из ванны.

Скажет отцу.... Она обязательно скажет отцу.

Шатаясь, жена шла вперед, хотя должна была рухнуть замертво!

Марат попятился, нащупывая руками то, что могло бы исправить ситуацию. Кошечка так и не поняла, что перебило ей переносицу, оставив между глаз круглый отпечаток.

Молоток упал. С новообретенной глазницей, супруга рухнула. По тучному телу пошла дрожь, а дыра стремительно заполнилась кровью.

Марат упал на колени, прильнув ухом к огромной, покрытой складками жира и буграми молочных желез, груди. Там было тихо.

Срочно избавиться от тела! Ведь если фен можно объяснить фатальной неловкостью, то, что сказать о дыре во лбу?

Разумеется.... Но, как это сделать, если везде глаза и уши?

Тут же, миллион голосов и три миллиона каблучных перестуков наполнили утро гулкой какофонией.

- Сейчас... Скоро он выйдет, чтобы вытащить свою стокилограммовую жену. Мертвую жену, которая отлично умела наставлять рога.... Нас ожидает великолепное зрелище.

Породненные страстью глазеть - они собрались по ту сторону стен. Руки замерли у телефонных трубок. Губы напряглись, чтобы выпалить полицейским новость об убийстве. Сердца возбужденно бились, выстукивая мелодию предвкушения.

Будут ждать всю ночь.... Если надо, десять, сто.... тысячу ночей!

От них нельзя ничего скрыть! Они знают! Все заранее знают.

Марат бросился к ящику с инструментами. Блокноты, словно гигантские мотыльки, выпархивали из потаенного дна. Наконец, он нашел то, что нужно. Этот способ скрыть убийство Марат придумал, когда узнал о другом мужчине.

Никто не узнает.

Никогда.

В двух частях мыльного раствора следовало развести гель для туалетного смыва. Получится дезинфектор с ароматом горной свежести. До обработки, поверхность необходимо протереть трехпроцентной перекисью, которая окислит частицы крови....

Вердикт - продумано до мелочей.

Раздумья Марата прервал телефонный звонок. На дисплее кошечкиного корейца LG, светилось «папа».

В животе похолодело. Включив беззвучный режим, Марат наблюдал, как мелькают черные буквы. Зажмурившись, он взял трубку.

- Катерина? – Голос Петра Ефимовича, бывшего военного, скреб по ушам, словно наждачная бумага.

- Здравствуйте...

Закоренелые лгуны скажут вам, что лучше врать, не отступаясь от правды. Марат так и поступил, сказав, что Кошечка в ванной.

- Дай ей телефон. – Слова сквозили предвзятой нелюбовью к зятю. Разумеется, тесть был не против, чтобы дочь время от времени ходила налево.

Марат едва не выполнил приказ. Тесть имел жестяные связки человека, способного отдавать команды в самых экстремальных ситуациях.

- Нет.... – Марат прислушался. В броне жесткого военного тона что-то было неправильным.

Судя по изумленному «что?», Петр Ефимович не ждал отказа.

- Не.... Не могу. – Голос Марат унизительно задрожал.

- Почему-ты-не-можешь? – Когда тесть говорил ТАК - чеканя слова и разделяя их колкими паузами, хотелось испариться.

Марат прислушался к дыханию в динамике. Оно было хриплым и прерывистым.

ХРИПЛЫМ И ПРЕРЫВИСТЫМ

Так вот, почему звонил тесть.

- Мне нужно чтобы ты дал телефон моей дочери. Понимаешь? – В трубке прозвучало что-то, похожее на ненависть. Марат усмехнулся, отлично представляя, как действовать дальше.

- У вас *сердце*? – Последнее слово следовало произнести по-особому. Петр Ефимович ненавидел свои слабости, особенно если кто-то, кого он презирал, о них говорил.

Когда у отца прихватывало в груди, Кошечка садилась в машину и ехала к нему. После Чечни, Петр Ефимович пережил два инфаркта.

Тесть не ответил, и Марат понял, что попал в яблочко. Разговор окончен.

- Пусть перезвонит, когда выйдет. – Слова трещали от напряжения.

- Опять болит в груди? – Это было чересчур, но, Марат не мог остановиться. Волнами, накатывала злоба на Кошечку и ее отца.

Тесть сбросил вызов. В динамике воцарилась тишина. Марат зло усмехнулся и ответил сам себе.

- Болит.

На кухне, под лязг сковороды вспыхнула газовая горелка. Марат вдохнул аромат жареного мяса. Оно было жестким и сладковатым, словно сливки, пирожные и леденцы, которые жена обильно поедала, пропитали ее плоть сахаром.

Отличный способ избавиться от трупа. Нужно лишь добавить приправ....

Ночью, сон Марата был спокоен. Он не принес никаких кровавых видений. Так спят люди с чистой, как утреннее апрельское небо, совестью.

Кошечку Марат поместил в ванне.

Напоминая диковинное, в кожистых складках, насекомое, поверх ломтей мяса лежала срезанная промежность. Марата замутило. Если пару дней назад вы совали кое-что в человека, не стоит разглядывать его, расчлененным.

Сколько он съел? Килограмм? Два? Или больше, судя по острому желанию опорожнить кишечник?

Сколько понадобится на то, чтобы пропустить труп через пищеварительную систему, и как сократить этот срок до минимума?

А потом, Марат мысленно себе поаплодировал. Он придумал, как ускорить процесс.

В ванной отыскался «Бисакодил». Выдавлив из упаковки три капсулы слабительного, Марат запил их из-под крана.

- Так превращаются в говно, милая. – Марат выудил кусок бедра и отправился на кухню.

Вернувшись с жареным мясом, он насторожился. Обрубки, полученные с помощью дачного топорика, лежали так же, как раньше. Ничего не изменилось.

Марат задумался - что же его смутило?

КАК МОЖЕТ НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИТЬСЯ?

Он тщательно осмотрел мясо, которого не уменьшилось. Иллюзия? Или в нишу, которая освободилась, когда он взял порцию для жарки, сползли другие куски?

Наткнувшись на плоть с черной, пушистой родинкой, он похолодел. Этот ломоть спины, (примерно тремя пальцами ниже левой лопатки), с утра скворчал в сковороде. Пушистое пятнышко, верно, уже растворилось в желудочном соке и «Бисакодиле».

Галлюцинация?

Квартира превращалась в духовку. Солнце подползло к зениту, щедро поливая бетонные коробки многоэтажек тоннами зноя. Градусник подтянул столбик к отметке 35.

Просто жара. Из-за нее приходят странные мысли. Ведь не могла же Кошечка расти...

Или могла?

Марат освежил голову под струей холодной воды. Порывшись в ванне, он выудил знакомые куски, которые, должны были находиться в желудке.

Это все ему кажется...

На втором круге, он не дожидаясь золотистой корочки. Полусырое, с кровью мясо и «Бисакодил» на десерт. Еда для мужей, доведенных до отчаяния.

Вернувшись в ванную, Марат остолбенел. Проклятая родинка была на месте. На своем собственном месте, словно кто-то взял, и аккуратно приткнул кусок, к тому же, выглядевший более свежим.

Кто-то проворачивал тупые фокусы.

- Кто здесь?! – Марат бросился одергивать с окон занавески. Тщательно осмотрел углы.

- Эй!

Пусто. Никого, кто мог бы подкинуть кусок лопатки. Конечно же, это другая родинка. В телесных складках толстых женщин их много.

Однако, мяса не убавилось. От жары и странных домыслов раскалывалась голова.

Его хотят вывести из себя. Кто-то наблюдает и подкладывает ломти, чтобы у Марата съехали мозги.

И вдруг возникла догадка. Она родилась сама собой. Нет того, кто подкидывал ему куски! Это мстит Кошечка...

Чиркнув зажигалкой, он сел на край ванны. В полумраке виднелись обрюзгшие куски лица, утопающие в жире и крови. Глаза, следящие за Маратом, напоминали голубиные яйца в гнезде.

- Это делаешь ты, да? – Он сжал пальцы. Наощупь, лицо жены было скользким и холодным, как сливовая мякоть.

Кошечка не ответила.

- Сначала ты наставила рога, а теперь.... Теперь делаешь это? – Виски пульсировали болью. Захотелось в туалет.

Прихватив с кухни керамический нож, он отрезал мяса.

- Когда я не вижу.... Проститутка! Ты все делала, когда я не видел. Хер тебе! – Кровавый сок хлынул в горло. Кошечка молчала. Ее безмолвие обладало черной хитрецей. Она просто ждала. Но чего?

Прожевывая, Марат показал жене средний палец.

Это было как игра в гляделки. Съесть ванную мяса не отводя глаз.

За окнами ночь раскалилась так, что могло показаться, будто вместо луны, Бог подвесил на небесах солнце. В закутке над дверью нашлась упаковка свечей. При тусклом свете, открылась удивительная особенность мяса. Оно появлялось, когда Марат отводил глаза.

Правило первое – никогда этого не делать.

Через пару часов живот скрутило. Подступила кисло-соленая тошнота. Оказалось, испражняться и непрерывно следить – это крайне сложно. Из-за «Бисакодила», в унитаз вываливался жидкий, горячий фарш.

Нужно было ненавидеть. Ненависть давала силы. Пережевывая плоть, он представлял, как Кошечка совокуплялась на стороне.

Восемьдесят три килограмма мужского тела между ее бедер.

Девятнадцать сантиметров хера бурят промежности, напоминавшую сейчас сморщенную, окровавленную тряпку.

Карие, глубоко сидящие глаза, гель с ароматом хвои в волосах, татуировка скорпиона на плече...

Данные о другом мужчине старательно записанные по блокнотам, сами собой всплывали в памяти.

Правило второе – ненавидеть.

Тварьсукамразьгадина!

От жары, мясо испаряло влагу. Огонек, словно утопающий перед последним погружением в мутную бездну, тревожно лизал сырой воздух.

Правило третье – из первобытных времен – поддерживать огонь.

Марат подпыхивал свечу зажигалкой, однако, сонливое состояние сыграло злую шутку. К утру, расплывшаяся парафиновая клякса вспыхнула последний раз. Тени заметались по стенам. Он бросился к коробке со свечами, однако, не успел.

Помещение затянуло темнотой. Лишь фосфор часов на запястье да тлеющая точка фитиля, царапали мрак.

Марат попытался зажечь вторую свечу. Сполох искр на мгновение высветил в зеркале над раковиной окровавленное лицо, мало напоминающее человеческое.

В мясе что-то происходило.

Зажигалка выскользнула. Пришлось повозиться, чтобы отыскать ее. Когда свеча скупно вспыхнула, стало видно, что плоти в ванной стало столько же, сколько было прежде.

Ведьма!

От злобы скрутило живот. Марат захлебнулся болью, понимая, что переборщил с таблетками.

Однако она сдохла, а он жив...Правило второе - ненавидеть! Помнить о правиле номер два.

Переждав приступ, Марат опустился на пол. В голове образовалась ноющая, горячая пустота. Веки опустились, потому что сторожить было уже бесполезно.

Марат поворошил в ванной, выживая кусок печени. Из всего, что он пробовал, это было самым отвратительным на вкус. Жмурясь от пота и отвращения, Марат проглотил медно-соленую кашу и сформулировал четвертое правило.

Есть, не задумываясь о том, что ешь.

- Я знаю твои хитрости. Я знаю все твои хитрости. И я не отвожу глаз...

Супруга молчала.

Потом скажут, что та ночь была самой жаркой за лето, потому что столбик термометра не опускался ниже тридцати.

Марат пришел к выводу, что есть плоть супруги – процесс более интимный, нежели самый изощренный секс. Также, сидеть в корзине для белья, закинув ногу на унитаз, оказалось самой удобной позицией – буря в желудке почти не чувствовалась.

Местами, мясо приобрело сизый оттенок. К своду правил прибавилось еще одно – глотать, даже если пищевод выворачивается наизнанку.

Вечером, чувства обострились. Даже плеск воды в трубах вызывал дурноту. Сквозь вентиляционное отверстие хлынули шорохи и постукивания. В них, словно рыбы в ручье, плескались два голоса. Мужской и женский.

Наверху откручивали заслонку.

Они хотят проникнуть сюда! Хотят посмотреть.... Скоты! Но ведь они же не могут? Или смогут?

Удерживая взгляд на куче закланной плоти, Марат вскочил. Внутренности пронзило горячими спицами. Пришлось сесть на корточки и слушать.

Люди (кажется, он даже знал их имена) искали животное. Дохлого голубя или мышь. Один, судя по голосу – мужчина, ворошил в трубе чем-то вроде швабры.

Марат долго не мог сообразить, почему они решили искать именно там. Наконец догадался – разложение. Соседи среагировали на запах закишей плоти.

Голоса бубнили, но, смысл слов растворялся в наплыве утомления. Марат отыскивал полотенце.

Встать в полный рост было мучительно. Стиснув зубы, он схватил полотенце и взобрался на край ванны. Не глядя, вытащил решетку, обернул вафельной тканью и вогнал обратно, перекрывая доступ запаху.

Правило... хрен знает, какое, гласящее, что нужно не отводить глаз. Марат нарушил его. Нога соскочила, и комната превратилась в центрифугу. С высоты полутора метров он приложился почками об угол ванны.

Смотреть! Не выпускать из вида.... Смотреть! Это не угол. Это бампер грузовика, на скорости протаранившего живот.

От боли, глаза заволокло ртутными светляками. Отсидевшись с четверть часа, Марат встал, чтобы опорожнить мочевого пузыря. Струйка была ярко-красной.

Мертвый глаз жены со злобным удовлетворением наблюдал за процессом. Палухин хотел было направить струю на него, но, передумал.

Зыбкий жир Марат смывал в унитаз. С утробным звуком, конфеты, бутерброды, торты, мясо - все, что Кошечка годами старательно превращала в килограммы липкой субстанции, исчезли в канализации.

Под ванной, лежали обглоданные кости. Мелькнула мысль – а не скормить ли их псам где-нибудь за городом, но, Марат сразу же отказался от глупой идеи.

После полуночи, Морфей локализовал в его глазах все силы. Поза, в которой живот меньше всего болел, дико стимулировала желание уснуть. Пространство потускнело и сжалось в желтую точку.

Хрясь! – Отвесив себе пощечину, Марат поднялся.

В разбухшем животе кипел желудочный сок. В аптечке отыскался пузырек но-шпы, из которого в желудок переключалось несколько таблеток. Безрезультатно.

Марат долго осматривал плоть, выискивая новые куски, которых, судя по всему, не было. Чем меньше мяса, тем опаснее было не следить за ним.

- Нельзя, нельзя Спать, спать, спать. – Он напряженно искал выход. – Как еб....му полярнику на Северном полюсе. Нельзя

И выход появился.

Помня, что кроме почек имеется еще много всего, что можно отбить, Марат раскорячился над ванной, перед окошком на кухню. Банка растворимого «Жокея» должна была стоять с той стороны, на холодильнике.

Примерно тридцать сантиметров от стекла вперед, и столько же вниз. Все правильно! Если ты, сука, не переставила его, прежде чем лечь в воду....

Марат с ненавистью взглянул на мясные залежи. Предстоял трюк, доступный лишь людям со сложной формой косоглазия - отыскать кофе и следить за Кошечкой.

Банка оказалась на месте. Саданув по стеклу локтем, Марат на цыпочках, рискуя до кости располосовать руку, подцепил добычу. Свеча в зубах заморгала огоньком. Наверное, неудобнее было только мочиться в кабинке работающей карусели.

«Жокей» поскакал к хозяину.

В пластиковый стакан для чистки зубов, Марат бросил черную, сыпучую горсть. Смешанный с проржавевшей горячей водой, по вкусу и цвету кофе напоминал деготь. Живот, возненавидевший хозяина, всхлипнул, но Марат несколькими глотками добил дозу. На первый раз хватает.

Пришла очередь трапезы.

В мясе, словно большая костяная раковина, виднелся кусок черепа. Внутри пряталось нечто мягкое, извилистое, похожее на морской полип. Марат вынул это и коснулся языком. Где-то он слышал, что сырой мозг по вкусу напоминает креветок.

Ложь.

В джинсах завибрировало. Затаив дыхание, Марат переждал бесконечную очередь звонков с мигающим на дисплее контактом «папа» (он звонил уже посередине ночи). Позже, пришло смс, которое Марат не смог прочесть. Телефонное меню расплывалось. Иконки были понятны не больше, чем иероглифы.

Это вызвало злобу и пульсирующую боль над глазными яблоками.

Мобильник врезался в стену и, хрустнув напоследок, умер. Тут же, реагируя на действие, желудок потребовал опорожниться.

Едва Марат сел на унитаз, как голова налилась невероятно тяжелой ртутью. Кто-то сильный и безжалостный, склеивая веки, клонил ее к груди.

Сквозь разбитое окно было видно, как на кухне возникла предрассветная серость. Весьма вовремя, потому что от свечи остался похожий на игральную шашку огарок.

К полудню, когда солнце добралось до самой жаркой точки, люди из вентиляции вновь извлекли решетку и сунули свои носы, куда не нужно. Их речь, как и меню в телефоне, была совершенно нечленораздельной.

Внутри зародился огненный демон. Судя по выпуклости живота, он был огромный. Раскаленными лапками он дергал внутренности, отчего те корчились, будто змеи на сковородках. Его смех напоминал бурчание в кишках.

В вентиляционной трубе что-то упало.

- Идите на хер.... Пошли все на хер. – Марат ожидал треска и пыли. Забранная полотенцем решетка вылетит, явив еще одного, жаждущего плоти, дьяволенка.

Все расплылось.

Не спать! Правило первое, второе, пятое.... Хер знает какое! Оно предписывает не спать!

Мужчина в вентиляции говорил о квартире внизу. Проскользнуло слово труп, но, Марат не смог на этом сконцентрироваться. Где-то далеко, рассудок сигналил, что стоит обратить на это слово внимание, однако, думать не получалось. Исступленное желание заснуть превратило тело в вату.

Бархатная темнота, с нежностью любовницы приняла человека в объятия.

Спустя мгновение, которое на самом деле вмещало получасовой сон, Марат очнулся, застонав от злобы и бессилия. На месте выеденного углубления красовался бугор плоти. Ванна снова наполнилась.

Правило второе - ненавидеть...

Марат стал заталкивать в себя свежие куски. Перед глазами поплыли белые мухи.

Только не потерять спокойствие. Если он упадет без чувств, весь труд пойдет насмарку.

Уже, твою мать, пошел насмарку!

Марат взял себя в руки. Нужно медленно и вдумчиво есть. Безропотно пережевывать и глотать.

Дьяволенок в вентиляции продолжал шуметь.

Третьи сутки ознаменовались симптомами пищевого отравления и мухами.

Лоб превратился в пылающую головню. Живот разбух и затвердел. Движения вызывали боль, словно, пресытившись плотью, желудок пытался разорваться, дабы извергнуть содержимое.

Мухи появились на пике жары. Возможно, они выбрались из-под полотенца на вентиляции. Жужжащие и блестящие, словно самолетики над взлетной полосой, насекомые кружили возле мяса.

- Пошли к черту! – Вооружившись рубашкой, Марат гнал их. От кровавых шлепков, ткань побурела, и некоторые насекомые предпочли сесть на нее.

Марат выискивал несколько гнезд, густо усыпанных бледно-розовыми крупинками «риса». Очистив мясо от личинок, он смыл улов в раковину.

- Ты запустила себя, милая. Ой, как запустила. – Он ткнул пальцем в разбухший мертвый глаз. Кошечка безмолвно все стерпела. – Думаю, у твоего ёб...ря сейчас не встанет. Ты тоже так думаешь?

Под вечер, сотовый, видимо, обладавший магическим даром бессмертия, вновь ожил. Прежде чем окончательно превратиться в обломки, трубка прозвонила около дюжины раз.

Спустя несколько минут, где-то в квартире проснулся телефон Марата. Звук сверлил голову, впуская в мозги горячий, протухший воздух. Телефон, наслаждаясь безопасной недосыаемостью, словно измывался над хозяином.

- Заткнись! Заткнись! Заткниииииись! – Возможно, крик кто-то и услышал, однако, сотовый утих, отзвонив не меньше десятка вызовов.

Тесть что-то заподозрил. Если человек не имеет подозрений, он не звонит черт знает сколько раз кряду.

Пусть наведается через денек и увидит пустую квартиру с надраенной ванной. И никаких следов крови, потому что, кое-кто знает, как из мыльного раствора и ароматизатора для унитазов сделать замечательное средство от кровавых пятен....

Жена? Вам интересно, что с женой?

Кошечка вышла. Просто, сука, взяла и вышла! Может, ей захотелось чпоки-поки. Вы же знали, что ваша дочь шалава? Слышали, что в ее чпокаре восемьдесят три килограмма мяса? Это ровно на двадцать кило меньше, чем у нашего с вами, шалавистого сокровища....

А еще, от стресса, у мужа проявится тяжелое кишечное расстройство, но ведь никто не будет подозревать человека из-за неконтролируемой реакции. Он даже поможет в поисках.

Отыщет мертвое животное, голубя или кошку, и бросит в вентиляцию, потому что когда до козлов сверху дойдет полиция, непременно станет известно о запахе дохлятины.

Это просто кошка. Или голубь. Он сел на трубу и сорвался внутрь. Вы же знаете, как это бывает?

Лишь бы не заснуть.

Прямо в банке, Марат заварил кофейное пюре и стал отхлебывать, понимая, что отныне мир разделится на два ненавистных вкуса. Кофейную горечь и солоноватую медь.

А когда все закончится, он несколько суток подряд будет...

Спать.

Спать.

Спать.

Спать.

СПАТЬ.

СПААААААААТЬ....

Вскоре он открыл замечательный способ дать глазам отдохнуть. Нужно было лишь периодически опускать веки. Пока один глаз отдыхает, второй работает.... Потом они меняются.

Стало чуть легче.

Мутное марево боли и жары захлестнуло сознание. От температуры, губы потрескались, превратившись в кровавую сеточку.

Кто он? Что происходит?

Марат вертел в руках кусок плоти. В голове царил пустота, словно там, в гнездо для предохранителя кто-то сунул отвертку, вызвав бесконечное электрическое замыкание.

Мясо.... Сырое, теплое мясо.

Мучительная судорога свела живот. Вынырнув из боли и сонливости, Марат увидел на дне ванны что-то красное, мягкое, покрытое россыпью белых точек по которым ползали мухи.

Из нутра, к горлу, ринулась горькая волна. Марат согнулся, выплеснув рвоту на пол. В голове тревожно просигналило: следи за Кошечкой!

За кем?

Марат оплескал лицо холодной водой. Вместо глаз, в зеркале отразились две слезящиеся сливы над раздувшимися щеками.

Помнить про мясо!

Марат уставился вниз. Показалось, что мгновением раньше, плоти было меньше.

Что-то внутри согласилось и предостерегло. Не отворачивайся, только не отворачивайся от жены!

Жены? Разве у человека без воспоминаний может быть жена?

Фотовспышками, в памяти промелькнули образы фена, молотка и кровавой дыры на чужом лице. В висках выстрелило. Марат со стоном попытался обхватить голову, но, промазал, скрестив руки перед лицом. Еще раз – и вновь. Конечности своевольно игнорировали мозговые импульсы.

Чье это мясо и почему он в крови? Боль в животе не позволяла размышлять.

Убийцааааа! - В голове взвыл знакомый женский голос но, Марат не смог его опознать.

Мяса стало еще больше, и это тревожило.

Вдруг он увидел Кошечку. Она стояла на пороге, словно вампир. Тело, слепленное из кусков, держалось на честном слове - малейшее движение, и сотни ломтей с хлопаньем рухнут на кафель.

Марат все еще не узнавал, но почувствовал, как самопроизвольно на штанах появилось теплое пятно. Оно было красным (привет отбитым почкам).

Жена улыбалась кривой, разорванной улыбкой. Чтобы смотреть, у нее имелся единственный глаз. Второй, вместе с внушительной половиной лица, валялся в ванне. Внутри глазницы что-то влажно пульсировало.

Марат вспомнил и закричал. Звук вышел тусклым и хриплым, как стон туберкулезника. Как она явилась сюда?

Из трещин между кусками, сочилась до боли знакомая, студенистая кровь. Марат почувствовал металлический привкус на языке. Кошечка странным образом, примагничивала взгляд мужа.

Что она хочет? Что?

И вдруг он понял. В ванной, прямо из воздуха протаивали мясные ломти. От них шел парок, словно от свежей телятины.

Кошечка отвлекала его внимание. И она добила своего.

Сука!

Палухин силой заставил себя отвернуться. Глазные яблоки едва не разорвались от боли. Смотри на мясо! Смотри на мясо, а не на нее....

Правило четвертое – есть и не задумываться.

Марат глотал огромные, скользкие куски, набивая себя плотью, словно подушку перьями.

Ни в коем случае не поворачиваться.

Она все еще стояла там. Боковым зрением, Палухин уловил тучный, капающий кровью силуэт.

Кошечка злилась. Жутко злилась из-за того, что не удалось наполнить ванну до краев. Марат почти физически чувствовал, как излучали ненависть мысли в ее голове.

В глубине квартиры выстрелила телефонная трель. Марат вздрогнул. Не поворачиваться. Только не поворачиваться туда.

Кошечка среагировала на сотовый.

Что за...? Ломоть мяса застрял в горле.

Она уходила.

Полуразложившийся глаз на куске щеки, торжествующе уставился на Марата. Кошечка углубилась в квартиру.

- Сука! Стой! Вонючая шалава! Стоять! – Он кричал, не смея отвести глаз с обрывка лица, торчавшего промеж свежих ломтей.

Марат понял, кто звонил ему на сотовый, и кому сейчас ответит супруга.

Ненавистно-знакомый женский голос пробился сквозь стены.

- Папа.... – Сказала Кошечка.

Вопреки тому, что услышал Марат, тестю никто не ответил. Гудки оборвались, и тишина открыла дорогу в пугающую неизвестность. Подполковник Каверин отыскал ключи от машины.

Укололо под ребром.... Петр Ефимович побледнел.

Капнув на рафинад Корвалола, он судорожно сглотнул. Терпкая мята охладила нёбо, и дышать стало легче. От жары и волнения, мотор в груди переживал не самые лучшие времена.

В таком состоянии нельзя садиться за руль – будь жена жива, она забрала бы ключи. Железное правило, как и то, что зад нужно подтирать от гениталий к копчику, а не наоборот. По сути, жена входила в крайне малочисленную компанию людей, способных ставить Петру Ефимовичу ультиматумы.

Игла под ребрами медленно растаяла.

Единственной оставшейся женщиной, которую Каверин любил, была дочь. Если с ней что-то стряслось, тот, кто в этом повинен, окажется с простреленными коленями.

От недоброго предчувствия свело живот.

Брякнув, сейфовый замок проглотил ключ. Внутри прятался именной, остро пахнущий смазкой, «ТТ», о котором знали лишь двое. Каверин, и человек, подаривший оружие.

Петр Ефимович коснулся шейного крестика. Несколько минут ушло на молитву. Знакомое по Чечне, чувство неминуемо-плохого не исчезло.

Звук затвора сменился болью. Ноготь указательного пальца, ненароком угодивший под сталь, оказался сорван. Пососав ранку, Петр Ефимович наклеил пластырь прямо на мясо и сунул пистолет в барсетку.

- Не вздумай, чтобы с ней что-то случилось. Не вздумай, говорю.... – Сам не понимая, почему, он адресовал слова зятю.

Утроба. Огромная, кафельная утроба. Внутри, в горячей, смрадной испарине, плавали два окровавленных близнеца. Мозг одного тяготел задачей – поглотить и переварить другого.

В ванне Марат принял позу эмбриона. Он отыскал самый надежный способ предотвратить рост мяса, каждым сантиметром тела осязая трупную массу.

Временами, он представлял себя ребенком внутри матери. Теплая плоть уютно обволакивала, избавляя от страхов. Что-то, проснувшееся из-за недосыпания и стресса, толкало его вглубь изначальных человеческих воспоминаний.

Наружу выйдет лишь один. Мамуля никогда не узнает, о втором. Никто не узнает....

Марат время от времени зажигал свечу и вновь ложился, наблюдая за пламенем. Веки смыкались, но, спать запрещалось, иначе, второй близнец хитрил. Он стремительно рос, вынуждая брата снова и снова поглощать ненавистную плоть.

Скоро все кончится сном. Марат улыбнулся, облизывая почерневший мертвый глаз.

Когда Петр Ефимович попал в квартиру, Марат достиг апогея пятисуточной бессонницы. Спектр ощущений претерпел странные изменения.

- Каххфетрина! – Оглушительно-громкое слово взбудоражило тишину. Голос, породивший его, таил опасность. Тем не менее, сознание легко, словно воздушного змея, отпускало реальность.

Колбасная машина в брюхе безостановочно работала. Челюсть онемела. Клеточки тела превратились в сверхчувствительных сторожей, улавливающих потуги близнеца к регенерации.

Что-то внутри предупредило: ОПАСНОСТЬ!

Барабанные перепонки искажали звуки до неузнаваемости. Шаги тестя врывались в ванную, и, достигнув акустического пика, обращались слабым шипением.

Марат попытался шевельнуть руками. По ладоням скользнула дрожь, появившаяся значительно позже мозговой команды. Слушались лишь глаза. Картина, которую они созерцали, медленно затягивалась темнотой.

- Кхаааттттаяа? – Бас Петра Ефимовича размазался по пространству.

Марат потянулся к последнему куску. Разбухшая часть Кошечкиного лица казалась далекой, словно противоположный берег озера.

«Пусть это будет холодильник. Пожалуйста. Пусть он протек, потому что дочь, или ее муж скребли морозилку ножом, и от случайной дыры вышел весь фреон.... И пусть они куда-нибудь уехали...».

Откладывая момент, когда придется воспользоваться собственным ключом, подполковник Каверин гадал о происхождение тухлого запаха, бьющего из дверных щелей.

Он с облегчением осмотрел электрический щит. Раз предохранители находились в положении «выкл.», значит, все хорошо. Когда нет электричества, холодильники текут, а еда в них тухнет.

И квартира пуста. Если дома кто-то есть, он обязательно включил бы свет.

Если есть кто-то живой....

Лязгнул замковый механизм. На Петра Ефимовича дохнуло смрадом. Стало совсем тревожно: продукты так не пахнут....

- Катерина... - Позвал отец.

В голове без остановок, крутилась карусель слов: «Пожалуйста, пусть будет так, что внутри окажется пусто. Пусть будет так, что внутри...».

Ответом ему стало безмолвие, окрашенное тонким, хрустящим звуком. Словно неподалеку, кто-то сминал газетную бумагу.

Ванная - вонь шла оттуда.

Кто-то кряхтел. Петр Ефимович шагнул внутрь и остоленел. Стены, оклеенные незнакомыми, черными обоями, волнообразно шевелились, порождая гипнотический эффект.

Это были не обои.

Он задержал дыхание, чтобы не вспугнуть тысячи мух, которые, перебирая лапками, создавали отвратительный хруст. Судя по запаху, они могли питаться воздухом, как бульоном.

Марат лежал в ванне. Из-за крови и насекомых, покрывших тело глянцевой коркой, казалось, что кожа на нем отсутствует. Зять глядел на Петра Ефимовича разбухшими глазами. Рот у Марата был разворочен. Остатки зубов, рафинадными осколками, виднелись в каше расплюснутых десен.

Его избили.... Избили. А что с Катей?

Отмахиваясь от насекомых, Петр Ефимович попытался вытащить зятя.

- Марат.... Кто это сделал? Кто? – Подполковник Каверин искал глазами раны, но, тщетно. Тогда, откуда кровь?

Веки у Марата смыкались. Судя по всему, он ничего не соображал.

- Кто здесь был? Где Катя? – Где-то, глубоко в себе, Петр Ефимович не желал ответа, страшаясь его больше одиночества или смерти.

Зять безмолвно шевелил окровавленной челюстью.

- Кто с тобой это сделал? Что с Катериной?

Под ногой хрустнуло. Петр Ефимович наклонился.

Подобное он пережил лишь раз, на войне, когда семнадцать с четвертью минут неподвижно стоял на mine. Страх крылся не в этих минутах. Он заполнил единственное мгновение, когда Каверин, тогда еще капитан, которому судьба приготовила прозвище Счастливчик, почувствовал щелчок.

Пространство под ванной заполнили окровавленные кости. По ним ползали мухи, щедро отложившие «рисовых зерен» в остатках плоти. Наружу торчал локон знакомых, каштановых волос.

Внутри возникла ледяная пустота, словно мозг, уберегаясь от потрясения, имеющего все шансы стать смертельным, отключил функцию «думать».

Раздалось чавканье. В пухлом, сизом ломте, Счастливчик Петр Ефимович до последнего отказывался узнать знакомые черты.

Пережевывая кусок щеки, переходивший в разорванный носовой хрящ, Марат зевнул. Кровавая кашица вывалилась. Стало видно, что зубы ему никто не выбивал.

Каверин тонко, по-женски взвыл. Мухи хлынули со стен, затопив пространство хрустом миллиона газетных листов. Черный, колющий ливень застучал по лицам.

Суэта подействовала на Марата. Он попытался подняться, однако, моментально стих, напоминая мотор, заглушивший вначале разбега.

«ТТ» лег в ладонь. Дуло ткнулось в огромный живот, на котором кожа натянулась до предела. Петр Ефимович сжал палец на курке, но, выстрелить не сумел.

ТАМ, ВНУТРИ, НАХОДИЛАСЬ ДОЧЬ.

Невыносимо холодная игла проколола грудь. Каверин зашатался, хватая воздух ртом. Глаза стремительно затягивало черными точками, и мухи тут были не причем.

Он застонал.

Успеть.... Только успеть.

Ствол пистолета замер возле окровавленного лба. Крошечный черный рот «ТТ» приготовился плюнуть свинцом. Сквозь марево сна, Марат улыбнулся тестю, приветствуя смерть жутким, красным оскалом.

Это была отличная возможность уснуть.

Навечно.

Пуля в упор, как и любая другая, движется быстрее звука, поэтому, Марат не услышал выстрела. Его похоронили, но для начала, в морге сшили развороченное свинцом лицо. Стежок за стежком, как брюхо фаршированной утки.

Глаза были плотно заштопаны, оттого и не открывались. Тело сплющилось под тяжестью горячей могильной земли.

Горячей?

И, отчего-то, скользкой....

Может ли человек думать после смерти? Если так, то именно это происходило с Маратом.

Крррррак! - Со скрипом корки, отдираемой от ссадины, разомкнулись склеенные сукровицей веки. По глазам хлестнул дневной свет. Сотни крылышек тонко загудели.

Марат лежал погребенным в мертвой органике. По мясу, заполнившему ванну до краев, ползали счастливые от сытости мухи. На уровне глаз, ехидно скалилась половина Кошечкиного лица.

ОН ПРОСПАЛ. ОН ВСЕ ПРОСПАЛ.

Марат забился, ощущая себя рыбой в сетях.

Мясная могила не собиралась отпускать. С усилием, словно младенец, застрявший в родовых путях, Марат выбрался из чавкающей ловушки.

На полу, с лицом цвета чугуна, окоченел Петр Ефимович. Одну руку, тесть навечно прижал к левой стороне груди. Другой, сжимал нацеленный в потолок «ТТ».

Временами, повод к веселью можно отыскать даже в покойнике. Заглянув в холодные глаза, Марат расхохотался. От смеха он сполз на пол, и там, обхватив колени, изнемогал от веселой истерики.

Это, правда, было смешно. Тесть смотрел тем же самым взглядом, что и мертвая Кошечка. Они оба обладали этой проклятой особенностью – расти.

За вашим семейством нужен глаз да глаз....

В животе заныло. Поразмыслив, что сделать поначалу, сходить к унитазу, или на кухню, Марат выбрал второе. Вернулся он с топором.

За окнами кипела жизнь. Марат прислушался. Миллион голосов и три миллиона каблучных перестуков походили на бесконечную мушиную возню. Снаружи, зеваки устали ждать зрелище.

Кто-то из них вот-вот должен закричать: нас обманули! Никакого убийства не было! Он не вынес свою стокилограммовую, мертвую супругу! Надувательство!

Теперь, когда появился еще один труп, их глаза заблестят. Еще как!

Пусть изнемогают от предвкушения. Пусть.... Им не достанется зрелища. Тому виной была одна крошечная причина.

Марат знал воистину отличный способ скрыть убийство.

На холме (Дмитрий Мордас)

Лес поредел и за деревьями открылось что то огромное. Холм. Его крутые бока поросли соснами с яркой, почти красной корой, а вершина была лысой, как темя монаха.

Лизу поразила царившая у подножья тишина: здесь не пели птицы, не стрекотали кузнечики и только сосны шелестели, но как то совсем тихо, точно из за тяжелой завесы. Воздух дрожал и очертания холма немного расплывались.

Лиза вспомнила фильм, который видела давным давно. В нем огромная черепаха лежала неподвижно много лет, отчего на спине у нее выросли деревья. Люди думали, что это обычная гора, пока однажды из пещеры не выползла голова со сверкающими будто фары глазами. В детстве Лиза очень боялась этой сказки, хотя теперь уже не могла понять, что именно ее пугало: страшная черепашня голова, или то, что земля под ногами может оказаться живой, и обернуться чудовищем.

От странных, тревожных мыслей ее отвлек Игорь, которому наскучило снимать холм, и он принялся фотографировать жену почти в упор.

- Тааак! - сказал он. - Что у нас здесь? Что за создание? Похоже какой то барсук...

Щеки то вот как надула!

- Сам такой! - Лиза заслонялась руками, отмахивалась, а потом бросила в Игоря шишкой но промахнулась.

- Да и щек барсуки не надувают. - добавила она, метнув еще один снаряд.

- Осторожнее! - крикнул Игорь со смехом. - Камеру ведь разобьешь!

- Давно надо было разбить. Еще до свадьбы. Только ей интересуешься. А до жены дела нет. Обзываешься!

Лиза бросила еще шишку, снова мимо.

- Ну извини!

- Неа! - Очередной снаряд попал, наконец, Игорю в лоб.

- Ах так? Ну ты за это ответишь! - Он спрятал камеру и начал кидаться в ответ.

Лиза смеялась, но чувство тревоги не отпускало. Холм почему то пугал, а дрожащий воздух делал его похожим на мираж.

Наконец, Игорь крикнул: «Все, все, сдаюсь!» и поднял руки.

- Красиво, правда? - сказал он. - Хоть картину пиши: красные сосны, небо и этот холм. А давай на него заберемся?

Лиза высыпала шишки и отряхнулась.

- Может не надо? Смотри какие там корни. Ногу еще сломаешь - как я тебя домой нести буду?

- Ладно тебе. Мы осторожно. А если хочешь, подожди здесь. Я быстро.

Отпускать мужа совсем не хотелось, как и оставаться одной, на этой тихой опушке.

«Да что не так? - подумала она с раздражением. - Это же просто куча земли».

- Хорошо, я с тобой. Только пожалуйста, осторожней.

- Ты тоже.

Подъем был трудный: приходилось цепляться за корни, то и дело случались обвалы, а земля набивалась в кеды. Лиза быстро устала.

- погоди, - сказала она. - Давай отдохнем.

Игорь и сам запыхался, присел на камень и обмахивался полкой куртки точно веером. Лиза грохнулась рядом.

- Интересно, почему мы раньше это место не видели? - сказала она. - Сколько раз здесь ходили.

- Да уж... непонятно. А еще вот странно: в лесу ни одной сосны нет, а здесь прямо целый... выводок.

Слово неприятно резануло слух. Выводок.

Глядя на сосны, на их вывернутые из земли кривые корни, Лиза подумала, что деревья могли бы ползать на них, как пауки или осьминоги.

Немного отдохнув, они собрались уже продолжить путь, когда внимание Лизы привлек какой то блеск ниже по склону. Она осторожно спустилась и подняла находку. Старую «Мотороллу» с круглым дисплеем. В ямке, что отпечаталась в земле под ней, лениво шевелился белый червяк.

- Ничего себе! - сказал Игорь. - Вот это техника...

Лиза понажимала на клавиши, но ничего не произошло. Даже если телефон еще работал, батарея конечно же села.

- Хочешь домой забрать?

- Нет. - Держать телефон было неприятно, словно он принадлежал кому то больному мерзкой, заразной болезнью. - Зачем он нам? А тебе нужен?

- Нет. Оставь, может кто то за ним вернется.

Лиза положила телефон на место и, вытирая ладони о джинсы, нервно осмотрелась.

- Смотри, - шепнула она.

На нижней ветке сосны, метрах в двадцати от них сидел человек. Он был одет в синюю куртку и прятал лицо глубоким, с меховой оборкой капюшоном.

Лиза чувствовала как в нее буквально всверливается тяжелый, недобрый взгляд.

Человек вдруг затряс головой, склоняя ее под немыслимыми углами, а потом дрогнул всем телом и принялся махать руками, похожий на странную большую птицу, которая никак не может взлететь.

Лиза готова была кричать от страха, но Игорь почему то рассмеялся, неестественно громко, как смеются люди, чудом избежавшие беды.

- Да это же просто куртка!

Пугающий незнакомец оказался обычным пуховиком, который болтался на ветру среди ветвей.

«И ведь совсем не похоже. Видно же, что пустой»- подумала Лиза. Но был момент, одна только секунда, когда ее воображение ясно нарисовало под капюшоном желтоватое злое лицо.

Игорь сфотографировал куртку и подошел ближе.

Пуховик не просто зацепился за ветки. Он был закреплен, пропущенными через множество дырочек, веревками.

- Зачем кому то такое делать?

- Не знаю, милая. Может дети балуются? - Игорь сделал еще несколько снимков. - И ведь куртка дорогая - добавил он. - Не жалко же было.

Веревки, явно самодельные, больше походили на простые волосяные косички. Черные, светлые, рыжие, они были отвратительны - длинные косматые гусеницы.

«Странные игры у этих детей».

Лиза все еще чувствовала на себе внимание. Как если бы она стояла на сцене, а где то рядом, в тени скрывались зрители, ловившие каждое ее движение. Она огляделась, в поисках причины этого чувства и под горбатой сосной увидела еще одну фигуру, на этот раз темно-серую. Капюшон завалился вперед, отчего казалось, будто она спит. Чуть дальше, к стволу был привязан выцветший красный свитер, а неподалеку висела еще куртка. И еще, и еще, и еще. Они были повсюду, покачивались на ветру, похожие на висельников, на призраков.

Игорь тихо выругался и принялся щелкать камерой.

- Давай уйдем! - Лиза поразилась тому как спокойно звучит ее голос. Она готова был разрыдаться и бежать без оглядки из этого жуткого места.

- Еще немного. Я хочу все это заснять. Может быть это традиция такая. Ритуал. Может их на счастье вешают?

- Игорь, пожалуйста...

- Но это так... интересно...как ты не понимаешь? А хочешь пойдем домой? Вот только я потом сюда вернусь.

Лиза поняла что так и будет: он вернется один и она никак не сможет его остановить. Игорь был упрямым, и если уж чем то увлекался, никаких доводов не слушал.

Она прикусила губу. «Все хорошо, это же просто куртки». Щелчки фотоаппарата звучали до странного неуместно среди притихших сосен. Такой громкий звук, мог разбудить всех этих висящих. А Игорь все снимал и снимал.

Щелк. Щелк. Щелк. Щелк. Щелк.

Фигуры шевелились.

- Хватит! - Не выдержала Лиза, и тут же смутилась.

- Милая, я понимаю, это все немного... пугает. Но посмотри. - Он окинул жестом куртки, деревья и сам холм. - Ведь это настоящее чудо. Люди должны знать об этом...

- Зачем? - тихо спросила Лиза.

Но Игорь, если и слышал вопрос, не подал вида.

- Давай быстро поднимемся, сделаем пару фоток и сразу уйдем. Хорошо?

Оставалось только согласиться. "Хотя он все равно вернется".

Поднявшись немного, Лиза обернулась. Теперь она знала куда смотреть и видела, что эти страшилища сомкнули кольцо вокруг холма. «Это ловушка, - подумала она. - нас окружили». Фигуры, те у кого были головы закивали, соглашаясь. Больше Лиза не оборачивалась.

Под ногами стал попадаться разный хлам: треснувшие темные очки, ботинок, разбитый зеленый фонарик, перчатка. Прикасаться к этим вещам не хотелось.

Наконец, они добрались до вершины. Земля здесь была голой, и лишь кое где торчали клочки жухлой травы. Внизу, метрах в десяти под ними ковром шевелились деревья, верхушки их держались так плотно, что можно было ступить на них и идти как факир по иглам. Больше до самого горизонта во все стороны не было ничего. Лес и небо. Только в одном месте, вдалеке, едва намечались призрачные очертания чего то темного. Был ли это город или что то другое, Лиза сказать не могла.

- Странно все это. Я не думала, что лес такой большой, его ведь за несколько часов пройти можно. Отсюда должно быть видно реку, дорогу... а тут ничего. Знаешь, там внизу, мне казалось, что холм не настоящий. А теперь похоже, что кроме него ничего другого в мире и нет. Все размытое, будто ластиком пытались стереть...

- Вижу на тебя нашло поэтическое настроение.

Лиза поежилась, не ответив.

- А мне здесь нравится. Тихо, спокойно. - сказал Игорь.

- Ага, если забыть о тех штуках внизу.

Опустив глаза, Лиза поняла, что лысая макушка холма не была естественным образованием. Повсюду виднелись следы ботинок, кед, туфель, следы босых ног, большие и маленькие. Кто то вытоптал ее, кто то танцевал здесь, водил хороводы, или может, маршировал. Лиза не хотела этого знать, не хотела смотреть на следы, она стерла ногой те, что были рядом и легла, положив рюкзак под голову. По небу медленно плыли облака, они то уж точно были настоящими.

Игорь сосредоточенно делал снимки, а потом вдруг сказал:

- Воняет чем то.

Лиза и впрямь почувствовала тонкий сладковатый запах. В детстве она видела корову, со страшной язвой на шее, в которой копошилось что то белое. От нее пахло так же. Ей вспомнились умоляющие глаза той коровы, ощущение собственной беспомощности, и почти священный ужас, который она испытала, глядя на нечто, что пожирало корову изнутри. Хотелось помочь несчастному животному, но разве могла она даже помыслить прикоснуться к этой чудовищной ране?

Как незваные гости пришли мысли о том, что не насытившись коровой, та сила вернулась теперь и за ней.

Игорь стал расхаживать вокруг в поисках источника запаха.

- Кажется отсюда! - крикнул он. - Фу! Точно отсюда!

Он закашлялся.

Лиза подошла ближе и у нее перехватило дыхание. Запах поднимался из кривой, похожей на ухмыляющийся рот, расщелины. Края ее были выложены сухой травой, и напоминали истрескавшиеся желтые губы.

- И как я ее сразу не заметил? Туда наверное упал кто то и сдох. - предположил Игорь, когда они отошли подальше, туда где запах был слабее. Избавиться от него полностью уже не выходило, с каждой секундой он, прежде незаметный, усиливался.

- Пойдем уже! - выдавила Лиза, стараясь дышать только ртом.

Они начали спускаться, и почти покинули лысую вершину, когда за спиной послышалось:

- Помогите!

«Это ветер. Сосны шумят».

Но Игорь тоже слышал. Он замер.

- Помогите! - чуть громче позвал голос и Игорь бросился наверх. Лизе не оставалось ничего другого, кроме как последовать за ним.

- Помогите! - теперь голосов было несколько.

Игорь опустился на колени перед расщелиной, почти засунув в нее голову.

- Здесь кто то есть?!

«Есть. Есть. Есть». - ответило эхо.

«Съесть!» - послышалось Лизе.

Казалось эхо будет единственным ответом, но едва оно утихло, из глубины раздалось многоголосое:

- Помогите!

Женские голоса, мужские, детские. Сколько же их там?

- Помогите! - заплакал мальчик.

- Сейчас! Сейчас! - Игорь, начал шарить по карманам, будто мог найти там что то способное помочь.

А запах становился непереносимым.

- Как вы туда попали? - крикнула Лиза.

«Пали. Пали.»

- Помогите!

Голоса зазвучали ближе, и чудилось, что это кричащее скопище медленно поднимается из глубины. Лиза невольно отодвинулась от края расщелины.

- Давай попробуем спуститься. Из курток и ремней можно сделать веревку. А ты подстрахуешь. - предложил Игорь.

- Я тебя не пущу. - Лиза прервалась, когда послышалось очередное: «Помогите!». - Нужно полицию вызвать. И скорую.

Она пыталась звонить: гудки шли, но через несколько секунд обрывались.

- Помогите!

- Сейчас, сейчас! - Игорь начал расстегивать ремень.

- Не могу дозвониться. Нужно подойти ближе к городу.

- Ты иди. А я останусь. Я спущусь.

- ПОМОГИТЕ!

Перед глазамиплыли темные пятна. Смрад усиливался после каждого зова, словно он был гнилостным дыханием самого холма. Лиза достала платок и теперь дышала через него. Ее тошнило.

- И что ты будешь делать, когда спустишься? Вместе с ними кричать?

- Помогите! - голоса постоянно менялись, и в них стало слышаться что то фальшивое. Жестокая, злая насмешка.

- Надо спуститься! - повторил Игорь вяло, уже без прежнего запала. Раскрасневшееся лицо, капли пота на лбу и блестящие, стеклянные глаза делали его похожим на пьяного. Лиза вдруг поняла: так оно и есть.

«Это газ! - пронеслось в голове. - Бывает такое, что яд выходит из под земли и убивает. Мы отравились».

Она стала тянуть мужа прочь от этой проклятой расщелины.

- Помогите!

Она пыталась объяснить Игорю про газ, но язык не слушался. Получалось что то вроде: «Выходит, выходит». «Кто выходит? О Господи!» - подумала она, содрогнувшись. К счастью, Игорь и сам начал что то понимать, он больше не упирался, и Лизе удалось оттащить его с вершины. Добравшись до ближайшей сосны, они жадно глотали чистый воздух, когда в последний раз услышали:

- Помогите!

Не мольба о помощи, издевательская пародия на нее.

А потом наверху засмеялись. Множество голосов слились в едином хохоте, таком цельном, будто смеялся один человек со множеством глоток. И этот смех с вершины был так нелеп и так страшен, что Игорь и Лиза бросились прочь. Они спотыкались о корни, падали, скатывались с уступов. А за спиной у них земля начала дрожать от топота сотен ног.

Навстречу выскочила фигура. Синяя куртка. Лиза врезалась в нее, пыльную и затхлую. Ветки с треском оборвались, и девушка покатилась вниз. Она кричала, барахталась, чувствуя в обхвативших ее пустых рукавах странную силу. Невидимые руки ощупывали ее, пытались забраться под рубашку.

С трудом она отбросила от себя этого мерзкого стража, становившегося все сильнее и тяжелее. Она бежала дальше, и только глубоко в лесу, упав под какой то куст, поняла, что Игоря рядом нет.

Она долго вслушивалась в лесные звуки: кричала кукушка, кто то копошился в траве, и вдалеке, точно из другого мира доносился гудок поезда. Ни смеха, ни криков, ни топота ног.

Телефон Лиза найти не могла, поэтому стала робко звать мужа, в надежде на то, что ее голос не привлечет того... то что за ними гналось.

Ответом были лишь равнодушные возгласы птиц.

К вечеру она сумела добраться до города. «Он дома, - уверяла она себя. - Ждет, волнуется, где же я». Но квартира была пуста и казалась чужой, словно дом в одночасье перестал быть домом, а сделался подобием тоскливой больничной приемной. Она звонила с домашнего телефона, но Игорь был недоступен.

Лиза ждала всю ночь, а утром, поблекшая и даже немного равнодушная, пошла в полицию. «Мой муж заблудился в лесу». - сказала она.

Его долго искали: полиция, друзья, родители. Лиза много раз возвращалась в те места, но Игоря не было, как не было и холма, поросшего красными соснами. Самый обыкновенный лес. Только один знакомый, из тех что принимали участие в поисках, рассказывал, что наткнулся на странные тропинки, которые замыкались кольцами, извивались спиральями, с отпечатанными на них следами босых ног. Показать свою находку он не смог или не захотел.

Настала осень. Вечерами Лиза молилась у окна, просила кого то вернуть ей мужа, почему то веря, что именно так, в окно, ее слова долетят куда нужно. Она оказалась права.

Однажды, ночью муж позвал ее. «Это сон» - решила она, но все же встала с кровати и подошла к окну. На дереве, на высоте второго этажа, висел Игорь. Он раскинул руки, будто хотел заключить жену в объятья. Его лицо скрывал капюшон, под которым различалась робкая улыбка. Он как бы извинялся за что то.

Дрожащими руками, Лиза стала возиться с окном, но едва она открыла его, в комнату ворвался смрад, а Игорь рванулся вперед, на нее, но вдруг остановился. Его удержали веревки. Капюшон упал и сделалось видно, что у Игоря не было головы. Это была просто куртка, распятая среди ветвей.

В отчаянии, Лиза закричала и ей в ответ осенняя ночь взорвалась хохотом бесчисленных голосов, среди которых все громче и громче звучал издевательский смех того, что раньше было ее мужем.

Навсегда (Александр Матюхин)

Стас помнил ее в мельчайших подробностях – дверь в пристройку около школы.

Она была деревянная, оббитая с двух сторон неровными листами металла. Всюду торчали шляпки гвоздей (сейчас уже покрытых густой ржавчиной), кое-где гвозди свернулись, сделавшись похожими на высохших червячков. Дверь покрасили зеленой краской, оставив по углам светлые разводы от широкой кисти. Краска за двадцать лет выцвела, приобрела желтоватый оттенок, вздулась морщинистыми пятнышками и местами осыпалась.

Раньше наверху висела прямоугольная табличка, на которой было написано: «Секция по боксу». Никакой секции на самом деле там никогда не существовало. За дверью находился персональный подростковый рай.

Стас понял, что разглядывает белое пятно на месте таблички. Только сейчас до него дошло, что он совершенно не понимает, что здесь делает. Каким ветром судьбы его сюда вообще приволокло?

Он отошел на несколько шагов, осмотрелся. Старая, закрытая школа. Заиндевелившие ступеньки. Заколоченные двери и выбитые окна. Сетчатый забор, заклеенный афишами – с внутренней стороны были видны только кляксы клея на белой глянцевої поверхности.

В голове медленно рассеивался туман. Стас вспомнил, что получил письмо, а затем, будто обезумевший, мчался на Московский вокзал, покупал билеты и ехал почти сутки из Питера на поезде. В Мурманске прямо у платформы подхватил таксиста и за две тысячи примчался в этот крохотный и богом забытый городок на краю Кольского полуострова. Городок, где Стас родился и прожил шестнадцать лет.

Воспоминания.

Стас запустил руку в карман брюк, выудил легкий бумажный конверт, повертел его (тысячу раз уже, наверное, вертел), отогнул надорванный лохматый край, вытащил письмо. Всего одна страница в клеточку, а текста на ней – несколько предложений. Размытая губная помада внизу. Наташкина помада, чья же еще? И почерк ее. Невероятно, но факт.

Письмо принес курьер. Позвонил в полседьмого утра в дверь – настойчиво и терпеливо. Оглядел сонного Стаса от старых тапочек до короткого ежика волос, сказал:

- Распишитесь за получение, - а потом протянул конверт.

- Это от кого? – пробормотал Стас.

Курьер пожал плечами и был таков.

Обычно в полседьмого утра курьеры к Стасу не заглядывали. Да что там, последний раз он получал письма лет десять назад, когда еще была жива мать. С тех пор даже на телефон звонили исключительно из банка или по работе, а смски приходили только рекламные.

И вот конверт.

Сначала увидел фамилию отправителя – Егорова. Потом имя – Наталья. Нахмурился (бывают же совпадения), пробежал взглядом по адресу. Тут уже кольнуло в душе. Вспомнил тот самый день, когда виделся с Наташкой в последний раз. Почувствовал холодные капли дождя на коже, запах горячего мокрого асфальта и пыли. Еще вспомнил вкус ее губ. Сладкий. Эхо голоса, когда она шепчет на ухо:

- *Это странное слово «навсегда».*

Двадцать пять лет прошло с тех пор. Стас не был уверен, что сможет с точностью сказать, какого цвета были Наташкины волосы. Но тот самый поцелуй... те самые слова, которые она прошептала на прощание...

Трясущимися руками Стас вскрыл конверт, уронил его под ноги, развернул лист бумаги, и первое, что увидел – нежные очертания ее губ в розоватом отпечатке губной помады. Долго разглядывал, не в силах ничего понять. Перевел взгляд на первые строчки.

«Здравствуй...»

Мысли в голове были лохматыми, как край конверта. Всего двадцать минут назад Стас вышел из такси и направился по тропинке в сторону школы. Под ногами хрустела галька. Прохладный осенний ветер забирался под куртку. Стас знал в этом городе каждую подворотню, каждый подъезд и закоулок. Он мог пройти от продуктового магазина «Нерпа» до школы с закрытыми глазами. Но тут, почему-то, споткнулся, болезненно ударил мизинец о камень и остановился. Около серых панельных пятиэтажек за волнистые изгибы сопки заходило багровое солнце. Как в детстве. Много лет назад из детской комнаты Стаса был хорошо виден закат. Стас любил забираться на подоконник с ногами и, обхватив колени, смотреть, как солнце медленно ускользает за холм. Сходство картинки из прошлого так поразило Стаса, что он несколько секунд тер виски (все еще спрашивая сам себя – как я тут очутился?), а затем перевел взгляд на дверь в пристройку.

Она даже без таблички «Секция по боксу» казалась точно такой же, как и раньше. Подумаешь, немного облупилась и вылиняла краска. Стас взялся за ручку, потянул. Дверь со скрипом приоткрылась. В образовавшемся проеме затрепетали обрывки паутины, дхнуло холодом и слякотью – совсем не детскими воспоминаниями. Показалось даже, что что-то заворочалось в темноте, а потом из проема выпорхнул крохотный красногрудый снегирь. Он метнулся в сторону, взвился под козырек школьного крыльца, в невероятном пируэте изменил траекторию и был таков. Стас непроизвольно взмахнул рукой с конвертом, и конверт жалобно хрустнул, сминаясь надвое.

Конверт и дверь. Две составляющие одной мозаики. Надо бы попробовать разогнать туман в голове, сосредоточиться, наконец, и сообразить, что происходит.

Сквозь дверную щель Стас разглядел (тот самый) узкий коридор, в котором раньше толпились мальчишки, в надежде купить билетик на сеанс после уроков. Несколько косых лучей света разрезали сумрак, освещая старую краску на стенах, грязные потеки влаги, куски штукатурки. И, конечно же, Стас увидел окошко кассы. Оно было заколочено квадратным куском фанеры. Один край топорщился щепками. На фанере кто-то написал краской: «Марианна сосет!».

Стас раскрыл дверь шире – ее заклинило где-то на середине – протиснулся внутрь. Под ногами захрустело стекло. Почти весь коридор занимал старый грязный матрас в окружении пустых пивных бутылок. Единственное окошко на улицу под потолком было занавешено паутиной, будто шторой. Стены исписаны, среди подростковых каракуль слово «сосет» оказалось самым безобидным. На двери в конце коридора кто-то, безусловно, талантливый нарисовал гигантский красный член в пиджаке и при галстуке. Надпись внизу гласила: «Привет девчонкам».

Точно. Привет.

В девяностом первом году в полуподвальном помещении у школы, за дверью с табличкой «Секция по боксу» появился видеосалон. Ходили слухи, что это директор привез из-за границы японский видеоманитфон и кучу кассет. В помощники он взял физрука дядю Егора, который оборудовал зал – расставил в семь рядов стулья, повесил под потолком телевизор, туда же запихнул подмигивающий красной лампочкой видеоманитфон. Еще дядя Егор сидел на кассе, продавал билеты, рассказывал, что за фильмы будет сейчас показывать, и гонял малолеток. Дядя Егор обожал фильмы, особенно с Брюсом Ли.

Это был лысеющий мужчина с темными мешками под глазами, с золотыми зубами и широким морщинистым лбом. Он всегда носил спортивный костюм, а на шее – свисток. Дядя Егор любил свистеть им три раза перед началом сеанса, прикрикивая в черноту зала: «Как в театре, бл... Сидим и не жужжим!». Смеялся дядя Егор противно, повизгивающим смехом, будто захлебывался воздухом.

Сейчас Стас был готов поклясться, что слышит эхо этого смеха. Слабые отзвуки его зародились внутри головы, расползли по сырым стенам коридора, отразились от осколков стекла, покрывающих пол и грязный матрас.

Их-их-их-их

Смех определенно доносился из-за фанеры. Сквозь крохотную щель был виден дрожащий свет, подмигивающий тенями.

Стас взялся за фанеру и принялся ее отдирать. Угол ее изогнулся и лопнул с сухим треском, выпуская свет острым клином в коридор. Закружились встревоженные пылинки. Стас отломил кусок больше и швырнул его в сторону.

В образовавшейся дыре он увидел вдруг дядю Егора. Тот сидел на том же самом месте, что и четверть века назад. За спиной его на щербатой от штукатурки стене висели плакаты – Фред Крюгер, Терминатор, Сталлоне из фильма «Кобра». Под Сталлоне на табуретке свистел чайник, пускающий носиком струйку пара.

- Здорова, корова! – подмигнул дядя Егор. Он сильно постарел за это время, облысел окончательно, потерял золотые зубы, обзавелся еще более глубокими морщинами и темными пятнами, облепившими лоб. Спортивный костюм был надет такой же, как и много лет назад, а на старческой шее в складках темной кожи на шнурке висел потертый до блеска свисток.

- Сто рублей два сеанса сразу. За один фильм – двести пятьдесят, - подмигнул дядя Егор.

- За какой фильм? – ошалело пробормотал Стас.

- За «Еву-разрушительницу», - отозвался дядя Егор. – А если вместе с «Чужими», тогда сто. Не тяни резину, щегол, устану ждать – хрен что получишь.

Стас на всякий случай осмотрелся. Заброшенный коридор. Паутина. Пыль. Дверь в зал покрыта метровым слоем пыли. Сюда, наверное, последний раз заглядывали миллион лет назад.

С тех пор, как видеосалон закрыли к чертовой бабушке в девяносто четвертом.

После того, как в городке пропали шестеро подростков.

- Ну? – спросил дядя Егор хрипловатым баском. – Долго ждать? У меня чайник кипит. Думай, идешь или нет?

Стас машинально достал кошелек, нашел сторублевую бумажку. «Чужих» он смотрел, а вот «Еву-разрушительницу» нет. Уже когда протягивал деньги сквозь щербатую от кусков фанеры щель, спохватился:

- А вы что здесь вообще делаете?

Холодные и влажные пальцы дотронулись до его кисти. Дядя Егор взял деньги.

Подмигнул:

- Думаешь, брат, удивил вопросом? Я тут фильмы показываю. Кручу на видике по две трехчасовые кассеты за раз. Для желающих.

- Вас же закрыли.

Чайник у стены свистел, надрываясь. От этого тонкого свиста пронзительно кольнуло в висках.

- Кто б посмел! – отозвался дядя Егор. – Все в порядке, Стасян. Не парься.

- А вы... - Стас запнулся, мимоходом отметив, что дядя Егор назвал его по имени. Показал физруку конверт. – Вы не в курсе, что это такое может быть?

- В курсе, конечно. Это, брат, письмо твоей юности, – дядя Егор тяжело поднялся, щелкнул выключателем чайника. Достал откуда-то граненый стакан и наполнил его кипятком. Потом запустил руку глубоко в карман, выудил пакетик кофе, надорвал край и высыпал содержимое в кипяток. – Письмо юности, брат.

Слова эти эхом отразились в голове Стаса. Он будто бы что-то вспомнил, но никак не мог сообразить, что именно.

...и какого черта я вообще здесь нахожусь?..

- На сеанс опоздаешь, идиот, - буркнул дядя Егор, размешивая кофе в стакане указательным пальцем. – Деньги-то заплачены.

Стас закивал, будто действительно собирался идти в кино. Направился к двери, давя ботинками куски штукатурки и осколки стекла. Из-за двери слышались какие-то звуки. Он взялся за ручку и потянул. Дверь приоткрылась на удивление легко. Звуки сделались четче. Играла музыка. Гнусавый переводчик из прошлого сбивчиво и бегло читал текст. Где-то скрипнул стул, кто-то негромко, но отчетливо захихикал.

Заглядывая внутрь, Стас уже знал, что там увидит. Вернее, он вспомнил – темный зал с рядами стульев. Телевизор под потолком. Две старые колонки на столе, откуда с грохотом льются звуки. Мальчишеские головы над стульями. Возня. Хихиканье. Блеск фонарика.

Невероятно.

Он сделал шаг в чарующую темноту прошлого. Дверь закрылась за его спиной, оставив один на один с квадратом света под потолком.

В девяносто третьем году родители Стаса решили переехать жить в Питер. Папу заманивали переходом на более высокую должность. Грех было не согласиться, тем более что с будущим крохотного северного города все обстояло довольно туманно. Тут мир вокруг рушится, что уж говорить о забытых всеми городках.

Стас и рад бы был уехать, но Наташка – любимая Наташка – оставалась здесь. Он обещал ей, что приедет при первой же возможности, что будет много писать, и как только поступит в училище, то сразу же приедет за Наташкой и заберет ее к себе. Наташка мягко соглашалась на все его предложения. В какой-то момент он даже сам стал верить, что все будет хорошо. Потом, правда, понял, что дело в Наташке. Она хотела, чтобы последние недели их первой влюбленной жизни прошли как можно безболезненней. Оттягивала расставание. Ничего не обещала, но и не отрицала. Стас до последнего не замечал, как исчезают дни, как стремительно подбирается дата переезда.

А до переезда они бегали за город в сопки, жарили на костре кусочки колбасы, безуспешно ловили снегирей, сидели в кафе-мороженом «Сказка» и, конечно, ходили в видеосалон. Наташке нравились фильмы ужасов и мультики вроде «Тома и Джерри». Она с нетерпением ждала вечера, когда начинались сдвоенные сеансы, проверяла расписание фильмов и очень радовалась, если удавалось в очередной раз посмотреть «Челюсти», «Фантазм» или «Зловещих мертвецов». Стасу было все равно, что смотреть. Он больше любил второй зал – другую персональную райскую комнату. В ней стояли игровые приставки «Денди», четыре штуки. Можно было развалиться перед телевизором прямо на полу (вернее, на мягкой подстилке, похожей на старое полотенце) с джойстиком и сыграть на двоих в «Танчики» или «Double Dragon». Тут же за копейки можно было купить стакан холодного «Юпи». Особенно нравился виноградный, с кисловатым привкусом и осадком на нёбе.

Стас обожал, когда они с Наташкой садились бок о бок, задевая друг друга локтями, упирались спинами в стену. Вокруг них была чернота, а перед глазами – блеск телевизора. Стас чувствовал Наташкино дыхание, ощущал прохладу ее кожи (когда будто невзначай дотрагивался), а еще он мог незаметно поцеловать ее в ухо или в шею, уверенный, что никто вокруг не видит. Другим подросткам в самопальном игровом зале вряд ли было дело до двух влюбленных.

Однажды она спросила, не отрывая взгляда от экрана:

- Ты никогда не задумывался, почему в фильмах постоянно оправдывают всяких отрицательных героев?

- Наташ, - тихонько взвыл Стас. – Это же «Чип и Дейл» и супербокс, какие фильмы? Не зевай!

- Я про фильмы вообще, - продолжала она, ловко вдавливая кнопки джойстика. Надо отдать должное, Наташка умела играть в приставку не хуже любого парня в школе. – Всегда есть какое-то оправдание. Например, в человека вселился демон и человек начал убивать. Ну, не виноват он. Его как бы подчинили себе, да? Или злые души начинают нашептывать что-то, и герой сходит с ума. Как в «Сиянии». Он же, по сути, сам бы никогда не убил. Его заставили. Показывают так, будто есть оправдание. Будто эти люди не просто так захотели убивать, а их склонили.

- Думаешь, акулу из «Челюстей» тоже склонили?

- Ага. Она из-за голода убивала. С животными вообще все просто. Я про людей. Мы подсознательно стараемся оправдать злодея, понимаешь? Каким бы он маньяком не был, все равно в фильме есть мотивы и обстоятельства, которые подталкивают его к убийствам.

Проблемы в семье, детские обиды, унижения одноклассниками, ну много всего.

Стас не понимал, к чему она все это ведет, поэтому кивал, продолжая играть. Супербосс никак не желал умирать.

- Интересно, существуют ли в реальной жизни маньяки, которые убивают просто так? Ну, потому что им хочется. Без всякой причины.

- Всегда убивают ради чего-то. Или кого-то.

- Вот и я об этом думаю. Никто не рождается с желанием убивать. А, значит, любого злодея можно оправдать с точки зрения общества. Его заставили.

Стас вспомнил этот разговор с такой ясностью, будто только что поставил игру на паузу и вышел посмотреть фильм.

Разница была в том, что комната с телевизором оказалась пуста.

Телевизор под потолком показывал мелкую серую рябь.

Гнусавый голос Володарского доносился из динамиков обрывками малопонятных фраз.

Надпись на витрине: «Прачечная»

Послушай, Джо, я не думаю, что это хорошая идея

Давай решим, что вообще происходит?

На стульях никто не сидел. Стас подошел к одному, обнаружил вмятину на мягком сиденье, еще не успевшую распрямиться. Кто-то шикнул:

- Не мешайте!

Стас вытянул шею, пытаясь различить хоть кого-то, но успел заметить только блики фонарика.

Я много раз бывал в этом отеле

Капрал, позвольте вас представить

Его мамаша никуда не делась

По затылку пробежали холодные мурашки. Стас почувствовал зарождающийся в груди страх – то самое состояние, когда ноги делаются ватными, руки безвольно повисают вдоль тела, а сердце начинает колотиться в груди, будто перепугавшийся снегирь. Воспоминания закружились в голове, выплывая из потока мутных и лохматых мыслей.

Почему ты решил, что это письмо от девушки, которая пропала много лет назад?

Разве она не говорила тебе? Не рассказывала о своей бабушке?

А почему ты уехал? Сопливый маменькин сынок!

- Господи! – Стас вздрогнул, перевел взгляд на телевизор. Голос Володарского сделался тише, перешел в невнятное бормотание. Серая рябь на экране заворачивала.

Тогда Стас бросился вдоль рядов, опрокидывая стулья, к двери во вторую комнату. Сердце заколотилось еще сильнее. Ему показалось, что в спину кто-то смотрит. Стас обернулся. Он знал, кого там увидит.

Наташку.

Но в зале было темно и пусто. Из темноты сказали:

- Не мешай смотреть, козлина!

Наташка проводила здесь все вечера. Ей попросту некуда было идти.

Стас толкнул плечом дверь и ввалился внутрь игрового зала.

Конечно, он вспомнил. Как вообще можно забыть такое?

Идиотское правило жизни – с каждым годом воспоминания тускнеют, стираются, будто буквы на бумаге, исчезают. Проходит десяток лет, и уже не вспомнить, как выглядели лица твоих одноклассников. Еще десять лет, и из памяти вычеркнут имена, фамилии, адреса. К старости останется лишь неприметная рыбешка на мелководье, которую будешь выуживать с радостью младенца и не понимать, что всем на это наплевать.

У Наташки не было матери. Она умерла при родах. Отец привез из какого-то южного города свою мать – тучную пожилую женщину с огромным задом и сросшимися бровями. С Наташкиных слов выходило, что была она дурой, которая закатывала истерики по любому

поводу. Бабушка визгливо кричала на Наташкиного отца:

- Я тебя вырастила! Я ради тебя сквозь огонь и воду! А ты, ты, сучонок этакий!..

А на самую Наташку вопила:

- Мелкая стерва! Знала бы ты, сколько нервов я на тебя угробила!

Бабушка жила с мнением, что если бы не она, то ни папа, ни Наташка не выжили бы в этом суровом мире. Она постоянно варила бульоны на мясе, от которых в кухне стоял приторный запах, а стекла на окнах запотевали. На столе неизменно стоял чайный грибок в трехлитровой банке, и пока Наташка не выпивала стакан, кушать она не садилась. Бабушка была уверена, что от телевизора, магнитофона, жвачек, джинсов и уж тем более от шоколада одни проблемы. Вредные излучения, слишком много сахара, ну и так далее. Поэтому в Наташкиной семье налегали на сырую тертую морковь, редис в масле, настойки из сока свеклы. Одежду Наташка носила ту, которую покупала ей бабушка (за очень редким исключением). Радио считалось устройством разрешенным, оно работало сутки напролет. В шесть утра Наташка просыпалась в своей комнате от гимна России. Под звуки торжественной музыки скрипели пружины на диване – просыпалась бабушка, которой предстояло поставить на плиту мясной бульон, натереть морковку, погладить Наташкину школьную форму (не беда, что форму отменили несколько лет назад), сварить папе несколько яиц и процедить два стакана грибного чая.

- Она вообще чокнутая, - рассказывала как-то Наташка, когда сидели вдвоем перед телевизором в игровом зале и пили на двоих «Юпи». – У нее что-то там в голове провернулось за последние десять лет. Считает себя чуть ли не спасителем. Будто бы папа вообще ничего не умеет, а она приехала и вытащила нас из пропасти.

- А это не так? – спрашивал Стас. – Она же у тебя вроде мамы?

Наташка неопределенно пожимала плечами:

- Я не знаю, как ведут себя мамы. А бабушка сбрендилась. У нее все по расписанию. Меню на неделю, как в столовой, представляешь? Макароны с сахаром на завтрак в понедельник, омлет с молоком на ужин в четверг, всякая другая фигня. Во вторник я должна надевать красные носки, а в среду – белые. У папы галстуки тоже по дням недели висят в шкафу. Если он наденет другой, то бабушка закатывает истерику. Опять про то, как она жизнь за нас отдала, ради нас живет и все такое. А костюмы у папы висят в целлофановых пакетах, чтобы дольше служили.

- Вы не пробовали отправить ее обратно, откуда привезли?

- Папа целыми днями работает. Бывает, по вечерам тоже уходит, и до утра его нет. Я думаю, он трахается с кем-то. Нашел себе симпатичную и сисястую.

Хорошо, что в темноте не было видно, как Стас покраснел.

- Ему-то вообще хорошо, - продолжала Наташка. - Готовить не надо, стирать и убирать тоже. Послушает иногда бабушкины истерики, и снова уходит. А на меня наплевать. Я уже скоро вырасту и сама решу, что делать.

- Поэтому ты здесь все время проводишь?

Наташка снова дергала плечом:

- Не все время, понятно?

Стас не спорил. Последние три месяца они каждый вечер смотрели фильмы и играли на приставке. Он сдавал бутылки после школы, чтобы наскрести денег на очередной сеанс, а еще научился виртуозно кланяться у родителей на книжки. Хорошо, что они так и не заметили, что книг у Стаса в комнате не прибавлялось.

Наташка могла просмотреть четыре фильма подряд. Стас любовался ее профилем, освещенным бледным светом экрана. Чуть вздернутый носик, большие ресницы, тонкие губки. А после фильмов они переходили в игровой зал и играли до тех пор, пока дядя Егор не свистел в свисток три раза и не орал из коридора:

- Закрываемся, слышите? Живое на свежий воздух, тунцы!

В приставках «Денди» была одна замечательная вещь: если не успел доиграть, то завтра придется начинать сначала. Стас обожал начинать сначала. Ему казалось, что пока игра не

пройдена, время не движется. Замирает. И можно каждый день проживать, как предыдущий.

Стас каждую ночь провожал Наташку до дома. Они стояли у подъезда, спрятавшись от света фонарей, и долго, страстно целовались. Его руки скользили по ее волосам и шее, не решаясь опуститься ниже. Наташка водила языком по его губам.

За неделю до отъезда Стас сказал:

- Мы навсегда будем вместе!

А она ответила:

- Это странное слово «навсегда»

В одном из старых писем Наташка написала о бабушке.

Писала, что та совсем сбрендила. Заставила выбросить старую обувь и купила всем одинаковые ботинки и туфли. Темно-серого цвета. Это был цвет спокойствия, говорила бабушка, а в нашей семье необходимо быть предельно спокойным. Когда Наташка заявила, что не выбросит свои голубые туфли на молнии, бабушка взяла ножницы и изрезала туфли в лохмотья. Одной рукой бабушка не давала Наташке приблизиться, а второй щелкала ножницами

щелк-щелк!

распарывая ткань, ломая молнию. Седые волосы сползли бабушке на лоб и на глаза, на висках пульсировали вены.

«Я ее ненавижу! – писала Наташка. – Когда-нибудь убью и закопаю!»

В том же письме она сообщила, что даже папа не выдержал. Он назвал бабушку дурой и ушел, хлопнув дверью. Спустя десять минут Наташка выскочила за ним следом, намереваясь больше никогда не возвращаться.

Конечно, она вернулась. В крохотном городке не очень-то много мест, чтобы уйти навсегда. Наташка просидела в видеосалоне до его закрытия, а потом побрела по ночному городу, вспоминая, как Стас провожал ее до дома.

«Мне так тебя не хватает!»

Это было одно из последних ее писем, вспомнил Стас, оглядываясь.

В игровом зале работали телевизоры. На трех из них бегала по экрану серая рябь. На четвертом одинокий танчик героически защищал орла в кирпичном квадрате. По залу разносился монотонный звук, имитирующий работающие гусеницы.

Стас различил в темноте приставку «Денди» с вставленным в нее желтым картриджем. Один джойстик валялся на краю табуретки, шнур от второго тянулся куда-то... Стас повернул голову... у стены на куске тряпки сидела, поджав ноги, Наташка. Та самая Наташка из прошлого – семнадцатилетняя, светловолосая, с чуть вздернутым носиком и большими глазами. Закусила нижнюю губу. В руках джойстик.

- Привет, - сказала она, не отрывая взгляда от экрана. – Я думала, ты никогда не приедешь. Думала, не увижу больше.

- О, господи, - шепнул Стас.

Внезапно он ощутил себя чрезвычайно, необратимо старым. Ему недавно стукнуло сорок два. Годы проредили его шевелюру, изрезали легкими морщинами лицо, округлили живот. Появилась одышка, замучила изжога, постоянно кололо в печени, а еще по вечерам дрожали от усталости кончики пальцев.

И вот он стоял перед молодой Наташкой, в которую был влюблен все это время, образ которой хранил в памяти, чувствуя, как жизнь изменила его навсегда.

Это странное слово...

Конверт выскользнул из пальцев и упал у Наташкиных ног.

- Что ты здесь делаешь? Как ты вообще такая?..

- Какая?

- Молодая!

Она усмехнулась, поставила на паузу, и в наступившей внезапно тишине, шумно

отбросила джойстик в сторону. Легко поднялась:

- Я очень по тебе скучала все это время. Размышляла, написать или нет. Пригласить ли.

- А почему не писала раньше? – Стас увидел, что одета Наташка была в свои любимые старые джинсы и рубашку в клеточку, которую завязывала узелком на пупке, как героиня сериала «Элен и ребята».

- Боялась разрушить твою жизнь.

- Какая там жизнь... Баловство одно.

- Видишь, как удачно совпало. Женат?

- Нет.

- Дети?

- Не случилось.

- Скучаешь по прошлому?

Он пожал плечами:

- Странно все это.

- Ничего странного. Помнишь, мы говорили друг другу, что останемся вместе навсегда?

Так вот, я решила, что это «навсегда» уже пришло, - Наташка протянула руки. – Давай обнимемся, что ли. Как в старые добрые времена.

- Я не понимаю. Почему ты не изменилась? Почему ты здесь? Почему не ответила на мое письмо, а теперь вот зовешь сюда, в старый и заколоченный видеосалон. Он же не работает, верно? Давным-давно не работает...

- Ты ошибаешься.

- Мне мама рассказывала. Клуб закрыли, когда директора школы обвинили в том, что он изнасиловал и убил шестерых подростков! Дядю Егора арестовали. Я видел, что тут вокруг все разрушено и разбито. Только пустой зал... и ты, каким-то образом...

- Хочешь «Юпи»?

- Что происходит?

- Видеосалон работает, - ответила Наташка. – Можем посмотреть «Техасскую резню бензопилой» или «Хэллоуин». Двести пятьдесят рублей...

- Что, блин, происходит?

- Я скучала по тебе. Поэтому решила написать письмо. Я гадала, что будет, если ты приедешь. Понимаешь, если бы ты не приехал, если бы у тебя было все хорошо, и ты бы подумал, что письмо, это просто чей-то розыгрыш, я бы смирилась и еще сто лет проходила эти блядские уровни в «Танчиках». А вот что делать, когда ты будешь стоять здесь? Я не ожидала. Не верила в такое счастье. Я ведь хотела быть с тобой навсегда. С того самого вечера.

- Но ты так и не ответила на мое письмо!

- Глупый, - отозвалась Наташка и вдруг неувовимо быстро оказалась рядом со Стасом. Он заметил, какая нежная и молодая у нее кожа. Уловил легкий аромат духов. – Я бы с радостью написала, если бы могла. Но обстоятельства изменились.

Наташка положила руки Стасу на плечи и заглянула ему в глаза. Взгляд ее заставил Стаса задрожать – от жгучего желания прикоснуться губами к ее молодым губам.

Она сказала:

- Я все расскажу, - и поцеловала Стаса так сладко, что он едва не потерял сознание.

Чем больше бабушка сходила с ума, тем чаще папа уходил. Иногда его не было по несколько дней, и жизнь один на один с бабушкой делалась невыносимой. Наташка предпочитала возвращаться домой из видеосалона поздно, чтобы бабушка уже спала.

Папа возвращался молчаливый и спокойный, подолгу лежал на диване в зале и смотрел телевизор, ни на что не реагируя. Послушно ел кашу из вареной тыквы и выслушивал мамины причитания о том, какая Наташка растет неуправляемая и что с этим надо делать. Бабушка считала, что Наташка вырастет или проституткой или наркоманкой. Мнение самой Наташки при этом никто не спрашивал.

Потом папе надоедало, и он снова уходил, чтобы успокоиться. Наташка часто уходила следом. Он мечтала подойти к папе на улице и попросить его о том, чтобы они вдвоем сбежали из городка и оставили бабушку одну. Однажды она даже едва так не сделала – шла позади папы метрах в тридцати и вдруг начала ускорять шаг, в порыве возникшего желания. Когда Наташка была так близко, что могла взять папу за руку, он неожиданно свернул в какую-то подворотню и растворился в темноте. Она свернула туда же, еще ни о чем не подозревая, но уже твердо решив, что хочет проследить за папой до конца. Заметила, как он исчезает за следующим поворотом. Догнала, стыдливо прячась. Папа выныривал из одной подворотни и исчезал в другой. Петлял, ходил кругами, торопливо проходил мимо освещенных подъездов и старался избегать фонарей. На улице наступила ночь, папа ходил по городу уже второй час. Наконец, он остановился у недостроенного здания спортивной школы, постоял немного, запустив руки в карманы, и зашел внутрь. Наташка, недолго думая, зашла следом. Она часто играла тут с подругами в прятки, поэтому знала лабиринты недостроенных секций и залов наизусть.

Где-то в темноте заблестел огонек зажигалки. Наташка ориентировалась по нему. Она слышала, как впереди идет папа.

В какой-то момент стало светлее, зажигалка погасла. Наташка видела папин силуэт. Она шла осторожно и тихо, потому что боялась, что папа ее обнаружит. Она не знала, что он тут делает и зачем пришел, но понятно же было, что просто так люди в заброшенные стройки не приходят.

Свет сделался ярче. Наташка различила бетонные стыки подвального помещения – небольшой закоулок, из которого был только один выход. На низком шерба­том потолке раскачивалась электрическая лампочка. У одной из стен сидел подросток. Наташка его узнала. Парень из девятого класса, отлично играл в баскетбол. Он был обнажен по пояс. Руки и ноги смотаны веревкой и завязаны между собой в смыкающий узелок спереди. Рот заткнут тряпкой. Левый глаз разбит и набух. Струйка крови течет по щеке к скуле.

Наташка застыла в темноте, пытаясь понять – додумать! – что здесь творится. Она увидела папу. Тот подошел к подростку и стоял над ним, не вынимая рук из карманов.

Папа сказал:

- Пожалуй, ты будешь пятым.

Он произнес это с небрежностью и даже ленцой в голосе. Будто расставлял на полке книги и решал, куда же поставить томик Эрла Стенли Гарднера.

Вот только следующие его действия не отличались небрежностью и ленью.

Папа достал из кармана нож с откидным лезвием. Дома он этим ножом срезал корочки с сала, которые так любила грызть Наташка.

Папа нажал на кнопку. Лезвие бесшумно выскользнуло.

Папа взял подростка за волосы и несколькими быстрыми движениями срезал с его лица кожу. Он провел лезвием по часовой стрелке – по лбу, по щеке и скуле, под подбородком, по другой щеке. Будто счищал кожуру с апельсина. Брызнула кровь. Парень задергался, замычал истошно, до хрипа, захлебываясь криком.

Папа взялся пальцами за надрез над глазами и рванул кожу вниз.

От чавкающего, рвущегося звука Наташка вскрикнула. Вдруг скрутило живот, и ее стошнило. Перед глазами поплыло. Выпрямившись, она увидела, что папа на нее смотрит. В его глазах не было удивления или растерянности. Это был взгляд того самого папы, который приходит домой и валяется на диване перед телевизором. Того папы, который ест морковку и не обращает на бабушку внимания. Папы, которому все равно.

Тогда Наташка бросилась бежать. Во рту ее было кисло от тошноты, в животе кололо. Казалось, что она слышит за спиной хриплое дыхание своего отца.

Наташка выскочила на свежий воздух, ветер обжег ее разгоряченные щеки. Она бежала без остановки несколько кварталов, не оглядываясь и стараясь не думать о том, что папа может ее догнать. На глазах навернулись слезы. В какой-то момент она споткнулась и упала на колени, содрав их в кровь. Поднялась, побежала дальше, прихрамывая. В какой-то момент оказалась

около школы и свернула к пристройке, к двери с надписью «Секция по боксу» . Не думая и не сильно-то соображая, купила билет в видеосалон, прошмыгнула в темноту зала. Сеанс уже шел. Людей было немного, несколько рядов стульев пустовали. Здесь Наташка чувствовала себя в безопасности. Не первый год она прятала в видеосалоне свои несчастья. Можно было успокоиться и все хорошенько обдумать.

Наташка смотрела в телевизор, не понимая, что за фильм там идет. Был бы здесь Стас, он бы решил проблему. Он бы подсказал, как быть.

А ведь она до сих пор не ответила на его письмо...

Внезапно где-то сбоку вспыхнул тонкий луч фонарика, забегал по залу, кого-то выискивая. Наташка подавила острое желание вскочить и броситься прочь из видеосалона.

Мало ли кого могут искать в этой темноте?

Свет фонарика погас. С экрана гнусавый голос сказал:

- Мне искренне жаль вас!

В этот момент тяжелая рука легла на ее плечо. Сердце Наташки заколотилось. Она хотела закричать, но из горла вырвался лишь сдавленный тонкий писк.

- Прости меня, пожалуйста, - шепнул в ухо папа. – Я не могу так больше жить. Ты будешь у меня шестой.

Он зажал дочери рот ладонью и воткнул нож в сердце – прекрасно зная, где оно находится. Наташка почувствовала солоноватый привкус его потной ладони на своих губах. Жизнь утекала стремительно, не оставив и секунды. Наташка умерла, сидя на стуле в четвертом ряду, который в тот вечер был пуст.

Так ее и нашли после окончания сеанса, в луже крови, с упавшей на грудь головой. Светлые волосы прилипли к щекам. Рот приоткрыт.

- Мама рассказывала тебе, что в городе исчезло шесть подростков, - шепнула Наташка на ухо. – Так вот, исчезло только пятеро. Шестой жертвой была я. Трупы пятерых мальчишек нашли позже, почти год спустя, в сопках. Их изнасиловали, а с лиц содрали кожу. Смертельные раны были нанесены в сердце – точно таким же ударом, каким убили и меня.

- А директор? – спросил Стас.

- Он попал под горячую руку. Сначала взялись за дядю Егора, ведь это он проводил сеанс, на котором меня убили. Но у него было какое-то алиби на момент смерти. Поэтому взяли директора. А когда нашли остальных мальчишек, выяснилось, что все они учились в одной школе, тогда директору уже было не выкрутиться. Правосудию все равно, кого наказывать. Главное, что убийства прекратились.

Она замолчала, ласково перебирая тонкими пальцами волосы Стаса.

- Я видел дядю Егора.

- Такой же мечтатель, как и мы с тобой. Вечный киноман и кинолюб. Ждет неприкаянные души и продает им билеты на последние сеансы.

- Я тоже, получается, пришел на последний сеанс?

Наташка спросила:

- А ты сам как думаешь? Ты же приехал. Бросил все и приехал.

- Было бы что бросать.

- И ты ведь сразу поверил...

- Не забывал ни на секунду...

Он осмотрел игровой зал – телевизоры, приставки, желтые картриджи, которыми была забита сетчатая коробка из-под мусора. Где-то на столе валялись пакетики «Юпи» - много виноградного сока с характерным привкусом на нёбе.

- Я бы остался с тобой навсегда, - решил Стас.

Какая же все-таки Наташка молодая и красивая. Он снова залюбовался легкой прозрачностью ее кожи, тонкими чертами лица, изящностью ее движений. Немного сбивала с толку дыра в рубашке на уровне груди – дыра с лохматыми краями.

- Давай пройдем тот проклятый уровень в «Чипе и Дейле»? – предложила Наташка. – А

потом вернемся в зал и досмотрим «Еву-разрушительницу». Фильм полная чушь, но интересно, чем закончится.

- Всегда готов.

Что-то кольнуло сердце Стаса, когда он садился у стены. Наверное, это игла любви. Та самая, о которой он мечтал много-много лет.

Наташка села рядом, протянула второй джойстик.

Спустя мгновение они увлеченно играли, не обращая внимания на выбитые окна, на осколки стекол, лужи, мусор, грязных бомжей, спящих в углу, на то, как в рваную крышу заглядывает луна, на висящую на одной петле дверь, куски кирпичей на полу, разбитые телевизоры и горы пивных банок.

Двое были счастливы и связаны этим странным словом – навсегда.

Благодарности

Организаторы проекта благодарят за активную помощь и поддержку людей, без которых эта книга никогда не нашла бы своих читателей.

Читательская таргет-группа

Александр Сидоренко (Alfer)
Анатолий Уманский
Андрей из Вильнюса
Вамми
Влад Ерафонов
Глеб Сегеда
Егор Сурикат
Иван Третьяк
Ирина Дунаева
Катерина Гиссек
Максим Филатов (Caspian)
Мария Кордюкова
Полина Сотникова
Светлана Курина (Scorp)
Светлана Мальчикова
Сергей Егоров
Сергей Никонов

Координатор

— Евгений Михайлов

Автор идеи, организатор

— М. С. Парфенов

Редактор (Астрель-СПб)

— Ирина Епифанова

Интернет-ресурсы

horrorzone.ru – сайт Зона Ужасов
darkermagazine.ru — вебзин DARKER
darkfiction.ru — Литературное общество «Тьма»
horror-web.net – Империя Ужасов Horror Web
vk.com/horrorweb – ТЬМА. Империя Ужасов Вконтакте
komnatasmerti.info – сайт Комната Смерти
vk.com/cultofhorror – группа Cult of Horror Вконтакте
vk.com/horror80 – группа VHS Horror 80 Вконтакте
vk.com/club10419240 — группа «Ужасы, которые покорили тебя...» Вконтакте
vk.com/club8507399 — группа «Стивен Кинг. Первая Альтернативная» Вконтакте
vk.com/horrors_and_horrors – группа «Ужасы и ужастики» Вконтакте
nya-journal.ru – цифровой журнал «Ня!»

Официальный сайт проекта «Самая страшная книга»:

horrorbook.ru

«Самая страшная книга 2014». Отзывы

Отзывы читателей

«Сборник удался. Его действительно можно поставить в один ряд с самыми именитыми западными антологиями подобного рода, а, учитывая то, что практически все имена относительно новые, начинаешь верить в будущее российского хоррора. Пусть не все рассказы одинаково хороши и далеко не все смогут напугать читателя, антология заслуживает самой высшей оценки»

Scream Silence, Fantlab.ru

«Отличное чтиво оказалось. Я даже удивился. Не ждал никаких новых русских кингов, а зря оказывается. Нестандартные истории и что очень приятно, происходящие в нашей стране. Читать интереснее, чем про далекий штат Мэн. Не все страшные, некоторые скорее по другим точкам бьют, но все интересные, бесспорно!!!»

Сергей Семенюк, Ozon.ru

«Я люблю антологии рассказов; обычно по первым же абзацам ясно, стоит ли читать дальше и всегда можно перейти к следующему рассказу. В этом томе прочитал все! Многие - с удовольствием...»

Серый, Knizhnik.org

«Увлекательный сборник отечественного хоррора, много интересных и при этом хорошо выписанных текстов, прочитал с удовольствием. Представлены почти все жанры и поджанры направления. Вот, умеют же, когда захотят!»

Top Top, Labirint.ru

«Две недели как прочитал, а помню почти все рассказы. Значит сборник достойный. Более того, имея опыт знакомства с культовыми западными сборниками ужасов, могу сказать, что наш оказался не хуже. А в некоторых моментах даже лучше. Приятно удивлен качеством русских ужасов. Так держать, и даешь Самую страшную книгу 2015!»

Ingvar1969, Livelib.ru

«Вообще мощно! Некоторых авторов встречал в сети, читал, так что брал без опаски. Но подумать не мог, что такая мощная книга получится!! Не понравилось всего три расказа. Остальные - выше всяких похвал!»

Страшильщик, Knizhnik.org

«Рассказы в книге и впрямь подобрались интересные, многие авторы по-настоящему талантливы, а главное - все они разные. Тут тебе и детские страшилки, и городские ужасы, и маньячные истории, и монстры всех мастей, и всякая экзотика, и даже нечто вроде философского этюда. Составители обещали, что каждый найдёт себе здесь кошмар по вкусу - и не обманули. Я прочла этот толстый том быстро и с большим интересом»

Ковецкая Инна, Labirint.ru

«Книга смотрится очень достойно, читается на одном дыхании. Много новых для меня авторов, имена которых хочется запомнить. Рассказы — вполне приличные образчики жанра хоррор. Надеюсь, что составители и издатели не остановятся на достигнутом, и такие сборники станут ежегодными!»

Ирина, Ozon.ru

«Люблю читать сборники рассказов. И вот с радостью прочитал эту книгу. Впечатления только положительные. Подбор рассказов отличный. Монстры на любое послевкусие. Очень порадовало такое количество многообещающих имен, готовых приоткрыть нам читателям двери в мрачные чертоги разума. Всем любителям Хоррора настоятельно рекомендую к прочтению»

Blade73, Fantlab.ru

«Очень понравилась книга! Давно увлекаюсь мистическими историями, читаю как романы, так и малые формы, кроме, разве что, лагерных страшилок. Рад, что в нашей стране появилось издание для молодых отечественных авторов, поскольку считаю, что творчество наших писателей не уступает зарубежным хоррор-стори, нужно только поддержать их. Спасибо, куплю обязательно следующий выпуск!»

Александр Климахин, Labirint.ru

«Читать и покупать стоит, хотя бы для того что бы убедиться, что не едиными зотовыми и измайловыми жив русский хоррор. Пару имен для себя даже отметил и буду ждать от них новых творений»

Naivery. Livelib.ru

«Действительно, уникальная книга. Очень удачная подборка леденящих душу рассказов. Не ожидала такого удовольствия от чтения. Каждый рассказ хорош по - своему»

Эленика, Labirint.ru

Отзывы СМИ

«Может, "Самая страшная книга" и не оправдывает своего названия, но с поставленной задачей справляется на отлично: более представительной антологии хоррора и мистики от современных русскоязычных авторов в нашей стране еще не выходило»

Журнал «Мир Фантастики»

«Благодаря богатству предоставленного читателю выбора Самая Страшная Книга может стать и Самой Семейной Книгой в жанре ужасов. Поскольку в ней, как в Греции до кризиса, есть все и для всех: для взрослых и детей, школьников и студентов, домохозяек и суровых ветеранов, для М и Ж... Короче говоря — для каждого, кто любит побояться, читая интересную книжку»

Вебзин DARKER

«После прочтения этой антологии вы измените представление о русском хорроре навсегда. У нас есть таланты! И не просто отечественные «ответы Стивену Кингу», а самобытные, ни на кого не похожие писатели. Если не верите мне – купите эту книгу и убедитесь в моих словах сами. Не пожалеете, факт»

I-a-p.ru

«Нельзя сказать, что «Самая страшная книга» переворачивает представление о «русском хорроре», но подборка получилась не хуже чем во многих «профессиональных» тематических антологиях»

Журнал «Питерbook»

«Это черная эклектика. Читателю представляется калейдоскоп поджанров хоррора: от сюрреалистических блужданий души до сурового реализма с легким налетом потустороннего. В нем обитают как жемчужины жанра, способные украсить антологии западных мастеров, так и "железные зачетники" и абсолютные "вещи в себе". Но даже последние не вызывают рвотных рефлексов»

Horrorzone.ru

Бонусы

Благословенная тишина (Парфенов М. С.)

Один мой друг, имя которого я здесь называть не буду, и вскоре вы поймете почему, служил в органах правопорядка, а точнее – в «убойном» отделе милиции. Был он там не то что за главного, но и не в рядовых сотрудниках ходил. При этом человек он характера самого серьезного, к глупым шуткам не склонный, что позволяло мне всегда и во всем доверять ему, что бы он мне не рассказывал.

Однажды этот мой приятель пришел ко мне, не то что б с официальным визитом, а скорее по старой привычке. Каждый из нас, двух одиноких холостяков, мог зайти к другому в любое время дня и ночи просто так, без предупреждения, узнать как дела и перекинуться парой ничего не значащих фраз. 199.. год, политические и финансовые бомбы взрывались одна за другой, мир был грязен и пах падалью, как заваленная отходами подворотня. Персональный компьютер считался роскошью (лично я пользовался печатной машинкой), а словечки «вай-фай» и «мобильник» еще не успели войти в обывательский лексикон. Зато люди чаще заглядывали друг к другу в гости и предпочитали живое общение кривому зеркалу онлайн.

В тот день друг мой выглядел мрачнее обычного, даже лицом бледен, а под глазами – синеватые пятна, словно несколько суток век не смыкал. Мы прошли с ним на кухню, где я налил ему и себе горячего крепкого чаю и поинтересовался: «Неважно выглядишь. Может, случилось что?»

Сначала он не ответил. Лишь молча пригубил ароматной жидкости, грея ладони о стенки кружки, хотя на дворе уже вовсю зеленела листва деревьев, а ласковое весеннее солнце в полной мере одаривало улицы теплом. Посидев так какое-то время, он спросил вдруг, нет ли у меня чего покрепче (хотя мы с ним редко когда выпивали вместе, у каждого были дела, работа, да и ни я, ни он спиртным особо не увлекались). А потом, когда я достал из буфета припасенную еще с новогодних праздников бутылочку коньяка и пару граненых стаканов, он сказал:

- Знаешь, хочу тебе одну вещь передать. Мне от нее плохо становится, если читать начинаю, а тебе, как писателю-детективщику, может и пригодится.

Заинтересовавшись – что это за «вещь» такая, что от нее вполне себе опытному милиционеру плохо становится? – я присел напротив и выжидающе посмотрел на гостя.

- С неделю назад поймали мы одного... душегуба, - продолжил он. – Правда, что душегуба, по-другому не скажешь! Совершенно сумасшедший оказался. Нам в контору позвонил кто-то, увидев поутру голого мужика – представляешь? – во дворе жилой пятиэтажки.

- Ну, мало ли психов развелось...

- Погоди. Он не только голый был, но и с ног до головы, буквально весь покрыт кровью. Причем не своей.

- Ого!

- Вот тебе и «ого»... Приехали за ним, чтоб в участок забрать, а он, знаешь, улыбается этак... странно-странно. Вообрази картинку, писака, – утро, солнышко встает, птички на деревьях чирикают, а тут во дворе, под окнами жилого дома стоит окровавленный голый мужик и улыбается, как ребенок.

- Готика какая-то.

- Она самая! В общем, на вопросы он не отвечает, почему голый и чья на нем кровь молчит. Однако подсуетила там поблизости бабка из местных, да и говорит: так, мол, и так, ночью какой-то шум со стороны гаражей слыхала. Рядом с тем домом, чуть на отшибе, гаражи стоят, обычные такие коробки из битого кирпича. А бабка, значит, ночью плохо спит, им такое свойственно, вот и услышала – то ли крик, то ли скрип...

- И что дальше-то?

- А дальше что... - тут товарищ мой непередаваемо тяжело вздохнул и одним махом выпил весь свой стакан, и только потом, даже не поморщившись, продолжил:

- Стали гаражи обследовать. Долго искать не пришлось, от одного, с краю, воняло натурально как из выгребной ямы. А внутри...

- Ну?!

- Вот это я тебе рассказывать не буду, - покачал он головой. – Извини. Не могу просто. Скажу только, в нашей бригаде много народу старой закалки, всякое повидавших, а только вся бригада дружно рыгала куда попало, такая вот пещера, мать его, Али-бабы нам открылась.

С этими словами он вытащил из-за пазухи простой прозрачный целлофановый пакет, в который были завернуты какие-то бумаги.

- Это мы в гараже нашли. Записи того ненормального... Ты почитай, только будь готов морально: он там много чего понаписал, рассуждения всякие. То ж «мыслитель» оказался, навроде тебя. Философ, блин.

Я было хотел тут же развернуть целлофан и начать чтение, но приятель меня остановил:

- Подожди! При мне – не надо. – Он поднялся. – Пойду... Как уйду – тогда читай, если очень уж любопытно. Только мне потом ничего не говори, ладно? Я тебе эти записки оставляю, чтобы выкинуть из головы хоть на какое-то время. А то спать нормально не могу... А на той неделе я их заберу, они для следствия некоторую ценность представляют.

С этим он меня и покинул.

Я же, изучив предмет разговора, передаю его вам, как есть, без каких-либо исправлений в тексте. Написано местами, быть может, немного сбивчиво, но в целом грамотно и, к сожалению, по большей части совершенно ясным и понятным языком. К сожалению потому, что, наверное, лучше бы половину написанного оказалось невозможно понять... Впрочем, судите сами:

«Никто не знает, что такое настоящее удовольствие. Я спрашивал об этом у разных людей – умных и глупых – кто говорил одно, кто другое, но не один из ответов нельзя назвать удовлетворяющим. А гложущая меня мысль, идея, слишком необычна, чтобы я мог поделиться ею с кем-либо. По крайней мере, в разговоре. Возможно, на бумаге лучше получится? Лишь бы эти записки не попались на глаза моей «благоверной» или, еще хуже, нашему мальчишке! Впрочем, он вечно во дворе, а она или на работе, или с подругами, так что времени для того, чтобы изложить свои мысли и наблюдения, а потом припрятать куда подальше, до следующего удобного случая, у меня будет вполне достаточно.

В детстве я стал свидетелем одного ужасного случая. Мы с друзьями играли на улице, а рядом нерадивая мамаша, переходя с детской коляской дорогу у поворота, попала под грузовик. Водитель не видел пешехода, дамочка оказалась в «слепой зоне», тронулся с места на «зеленый»... Коляска — вмятку, а бабешка осталась жива. Но голосила страшно, на всю улицу.

Конечно, сбежались прохожие, соседи. Женщина выла, сидя прямо на дороге в луже крови и еще чего-то и водила руками, будто пытаюсь собрать коляску и то, что было в ней, как какой-нибудь детский развивающий конструктор. Пока приехала «скорая», менты, вокруг дурочки уже толпа собралась. Был в той толпе и мой отец. Помню, я, подталкиваемый любопытством, попробовал сунуться туда, поближе к месту разыгравшейся драмы. И в сонме возбужденных голосов услышал знакомый отцовский рык: «Да заткнись ты уже наконец, идиотка!». А кто-то — должно быть, тетя Галя из соседнего подъезда, ответила: «А если б это твоя жена была, а, малахольный?». Потом взрослые заметили меня, вытолкали вшаей из толпы и что там дальше творилось, я уже не знаю. Но в памяти почему-то отложилась вот эта маленькая сценка: шумные люди, разгневанный отец, воющая белугой молодая мамаша... и риторический тот вопрос, о жене.

Где-то год, а может и целую жизнь спустя — в детстве время течет неторопливо, не в

пример тому бурному потоку, что несет нас, когда мы вырастаем, к неизбежному финалу — я на уроке физкультуры неудачно упал с каната и сильно ушиб копчик. Боль была жуткая, до слез, до потери контроля над собой. Я валялся на полу и голосил так, что, наверное, оперные певцы обзавидовались, если бы слышали. В те секунды, казавшиеся вечностью, весь мир для меня сузился до размеров красной раскаленной иглы, вонзившейся на всю длину мне в спину чуть повыше задницы. Когда несколько минут спустя боль стала не такой сильной, у меня уже не было мочи ни кричать, ни плакать, я даже дышал с трудом. Но в глубине души в тот момент я был счастлив так, как ни разу до и после этого. Счастлив от того, что пусть и ужасно больно, но уже не так нестерпимо.

Удовольствие, настоящее удовольствие возможно постигнуть, лишь испытав сначала нечто прямо противоположное. Как известно, все познается в сравнении. Будем считать эту мысль исходной и от нее отталкиваться...»

(Здесь текст обрывался, продолжение обнаружилось на другой странице, и так было несколько раз — очевидно, какие-то кусочки писались в течение продолжительного периода времени с перерывами)

«Сегодня купил гараж.

Он стоил недорого, и пускай жена возмущается, зачем он мне, если машины у нас нет и в ближайшие годы не будет. Есть вещи важнее машин, да разве ей понять. Покупка подходящая. Во-первых, недалеко от дома, можно будет помаленьку готовиться. Лучше ночами, чтобы никто не видел и не лез с дурацкими вопросами. Во-вторых, стены хорошие, плотные. Надо только ворота изнутри обить каким-нибудь звукоизолирующим материалом. Помещение, конечно, не очень большое и от старого хозяина осталось изрядное количество хлама. Пустые бутылки, гаечные ключи, сломанная ножовка... Не знаю. Может быть, что-то получится использовать?»

(...)

«Играл с сыном в гараже.

Маленький еще совсем мальчишка, места много не займет. Но когда я его щекотал в шутку по животу, верещал громко, на улице слышали. Надо будет набить старые наволочки каким-нибудь ненужным тряпьем и обделать как следует ворота. Это будет гасить звук».

(...)

«Всю ночь не мог сомкнуть глаз. Жена рядом спала тихо-тихо... как убитая.

А я плакал. И одновременно боялся, и желал ее разбудить, чтобы убедиться, что она еще...

Утром прогнал ночные страхи прочь.

Чистота эксперимента важнее всего.

В каком-то смысле даже хорошо, что я переживаю, но крайне важно в нужный момент переступить через себя. Удовольствие по идее усилится от волнений испытуемого, то есть меня самого.

Себе, напоминание: поискать на свалке крюки для мяса»

(...)

«Есть! Этот вечер и ночь вслед за ним прошли в делах. Устал ужасно... Но зато теперь помещение полностью подготовлено. На днях заглядывала супруга, спрашивала, какого черта я здесь торчу сутками? Если бы она знала ответ на свой вопрос... Но это здорово, что она интересуется. Легче будет заманить. Ведь если придется тащить тело, пусть даже и ночью,

все равно может кто-нибудь встретиться.

С мальчишкой будет полегче»

(Далее следует размашистая надпись на всю оставшуюся часть страницы)

«РЕШЕНО! В следующий раз я сделаю это! Надо сделать!»

(Оставшиеся листки исписаны неровным скачущим почерком, сохраняющим, однако, при всех отличиях, заметное сходство с предыдущим текстом. Нет никаких сомнений, что писались все куски одной рукой. Но, скорее всего, последняя часть записывалась в спешке, а если судить по тому, как сильно измяты эти страницы, то и на малопригодной для письма поверхности)

«Это ужасно, это чудовищно, это бессмысленно!»

(...)

«Работаем... Связал крепко, пока хлороформ еще действовал, заткнул рот кляпом. Вешал на крюк – было тяжело, все-таки изрядно потолстела за последние пару лет, настоящая пышка стала»

(...)

«Когда пришла в себя, вырвал ей ноготь плоскогубцами. Все хорошо, стон приглушен даже внутри, снаружи вообще не слышно. На всякий случай еще раз заставил дышать химией, чтобы опять потеряла сознание. Лицо у нее мокрое от слез. Жалко... Пойду пацана приведу»

(...)

«Сын дома, с другом из школы. Спрашивал, не вернулась ли мама с работы, пришлось соврать.

Волнуюсь, хорошо.

Подумал о варианте с «нарастающим» по поводу школьного приятеля. Соблазн велик, но его родственники будут беспокоиться, искать. Пришлось отказаться от идеи. Но это тоже правильно.

Чистота эксперимента, следовать плану»

(...)

«Господи, что же я делаю?!

Назад дороги нет.

Впрочем, бога тоже нет...»

(...)

«Все получилось, как и задумывал. Повесил его рядом с матерью. Та уже пришла в себя, воем что-то сквозь кляп. Самое тяжелое впереди. Надо будет удалить кляпы, но пока не могу решиться, готовлю инструменты, боюсь глядеть на них, чтобы не...»

(...)

«На улице темно, хоть глаз выколи.
С этого и начнем»

(...)

«Кричит и плачет, ругается, умоляет не делать этого. Поздно, дорогая!

Использовал шило на мальчишке. Ужасно! Глаз потек, сын... пацан... мальчик... сын потерял сознание, кажется. Может, так и лучше... для него... нет! Надо подождать... Нельзя ждать, можно использовать нашатырь! Так, а дальше что?»

(...)

«Делал надрезы бритвой. Не смог! Невыдержал... не выдержива... не выдержал!!!

Уронил, бросил на пол... сам упал, ревел, забившись в угол...

Ее крики сводят меня с ума, нет, другое, конечно, другое, мой маленький, сынуля, боже...»

(...)

«Бороться с самим собой тяжелее всего, я знал. Наз дороги нет.

Назад. Дороги. Нет.

Назаддорогинетназаддорогинетназаддорогинет... Бесконечная прогрессия»

(...)

«Терпеть тяжело, больно, страшно. Думаешь, еще есть шанс бросить начатое?»

(...)

«Снова взялся за бритву. Опять бросил. Не могу. Не-мо-гу.
НЕ БУДУ!!!»

(...)

«Хули ты все время визжишь, сука?!!»

(...)

«Заткнись твою мать заткнись, твою мать заткнисьзаткнисьзаткнись!!!»

(...)

«...собрался... с силами... собрался... Возможно, если абстрагироваться...»

(...)

«Сорвал с него кожу, лоскут, со спины»

(...)

«заткнитесь же...»

(...)

«Жена, кажется, уходит куда-то. Закрывает глаза, больше не плачет, не вопит. Только скулит так тоненько-тоненько. Не знаю, что хуже. Буду... приводить ее в чувство»

(...)

«Отрезал сосок. Ковыр... ковырял в ране отверткой. Крови очень много. Мерзко. Весь в крови, мальчишка обмочился, жену рвало, ужасно, все ужасно! Надо пойти почиститься, помыться... Нет! Чистотаэкспериментабеспрерывность»

(...)

«Господи, ежели ты естът останови меня не дай мн сделать этог»

(...)

«Закончил с ногтями. Вернулся к ребенку. Зубы. Дальше пойдут зубы»

(...)

«Она воет. Теперь воет, я понял. Это один кошмарный бесконечный однотонный звук. Мальчик затих. Жаль»

(...)

«Замолкни, сука!!!»

(...)

«...отрезал язык. Все равно воет. Давится кровью и воет»

(...)

«Выпотрошил. Он все раа... рааа... ВСЕ РАВНО МЕРТВ!!!»

(...)

«поскользнулся и упал, стукнулся головой, но сознания не терял, лежал думал про ее уши, встал отрезал»

(...)

«Господи, убей меня, прошу, на одного тебя уповаю, тебе верую, убей меня»

(...)

«...онакричитсноваисноваисноваиснвнаивансовсвиноаяииии...»

(...)

«Молчание. Кончено. Я был прав. Нет удовольствия большего, нежели это. Ничто не

сравнится с силой эмоции, захлестывающей мое существо. Благословенная, ниспосланная свыше, кристальная, всевечная, райская, блаженная, неповторимая, любезная, желанная тишина»

На этом записки заканчивались.

Друг мой, как и обещал, забрал бумаги спустя несколько дней. Я ничего не сказал ему о прочтенном, даже начал с той поры избегать его – не то чтобы специально, но просто перестал заходить к нему в гости, да и он ко мне тоже. Словно пустынная полоса пролегла между нами – пустынная, но настолько огромная, что преодолеть ее было выше моих сил. А еще я долго ходил, как сомнамбула, не реагирую на приветствия старых знакомых на улице, а однажды, выходя из дома, даже забыл запереть за собой дверь. К счастью, квартирка осталась нетронутой, в этом смысле мне повезло.

Только теперь я решительно не выношу тишины. Находясь в одиночестве, что мне всегда было привычно, я теперь включаю радио погромче или телевизор или магнитофон.

Благословенная тишина...

Это слишком для меня страшно.

Время в ладонях (Татьяна Томах)

- Простите, вы - черт? - спросил Саня. И смутился от нелепости собственного вопроса.

Незнакомец расхохотался, запрокинув голову. Ослепительно белые зубы на секунду показались клыками; но смех был так заразителен, а взгляд лукаво прищуренных глаз - так мил и приветлив, что Саня невольно улыбнулся в ответ.

- Глупости, - отсмеявшись, сказал незнакомец с такой уверенностью, что Саня тотчас ему поверил. И верно - глупости. Разве может этот элегантный, безупречно одетый молодой человек: идеально отглаженный костюм, узконосые блестящие туфли, бархатная бабочка на белом облаке манишки - быть чертом? Или, как раз, именно он может?..

Мокрый асфальт прилипал к подошвам черной патокой; ноги вязли, наливались тяжестью. Каждый шаг был как опасное скольжение над трясиной, которая могла в любой миг прорваться из-под тонкой пленки дрожащего асфальта. Саня остановился, перевел дыхание. Моргнул. Дорога, как дорога. Дорога, по которой он не может себя заставить ступить дальше. Потому что в конце этой дороги Анькино испуганное лицо и заплаканные глаза.

«Я не могу - подумал он. Я не...»

Трель мобильного заставила его вздрогнуть. Шаря в кармане непослушными пальцами, он едва не уронил телефон на дорогу. А лучше бы уронить, - подумал, уже нажимая на кнопку ответа. И чтоб вдребезги.

- Ты где? - далекий, будто из другого мира, нервный Анькин голос.

- Привет, Ань. Слуш, тут такое дело... Запарка страшная. Заказ доделываем, - телефон в руке был как кусок раскаленного металла. И нагревался все сильнее от каждого слова лжи, срывавшегося с Санькиных губ. Ладонь взмокла от пота.

- Что? Ты что говоришь? Не слышно.

- Заказ. Завтра утром нужно...

- Дома когда будешь? Иришка без тебя уснуть не может, и ...

- Ань, ну... всю ночь, наверное, придется работать. Иначе не успеть.

- Ужас. Бедненький ты...

- Извини, ладно?

- Да о чем речь. Если заказ... - Анин голос отдалился, потускнел. Расстроилась. Переживает. За него, Саню переживает, что ему работать всю ночь. За Иришку, которая будет сегодня плохо засыпать. Ах, я скотина, - подумал Саня.

- Ань...

- А?

- Я... - на секунду мелькнул соблазн все ей рассказать, перестать, наконец, городить бесконечные стены из лжи. Я - подонок, Аня. Ты доверилась мне, а я... Оставь меня и беги, пока не поздно. Поздно. Наверное, уже поздно.

- Что, Сань? Тебя опять не слышно.

И хорошо, - подумал он.

- Я люблю тебя, Анечка.

- И я, – ее голос теперь был очень близким и нежным. Наверное, она улыбалась сейчас в трубку. Саня подумал тоскливо, что Анькиной улыбки ему больше не видать никогда.

- Ой, Иришка зовет. Ну, до завтра. Ждем!

Завтра не будет, - подумал Саня, выпуская замолчавший телефон в щель кармана.

Двенадцать часов до завтрашнего утра. Или не ждать? Просто сразу прыгнуть с моста? Или под машину?

Пожалуй, под машину лучше. Можно подумать, что случайность. Ночью автомобилисты вообще носятся как ненормальные и на светофоры даже не смотрят. Если бы он был уверен, что Аньку с Иришкой оставят в покое после его смерти...

Асфальт под ногами опять дрогнул, потек черной рекой, ощерился ухмылкой бездонной пропасти...

Он выпрыгнул, как чертик из коробочки. Только что улица, освещенная одиноким фонарем, была пуста, и вдруг – на тебе.

–Па-азвольте, молодой человек!

Саня вздрогнул и отшатнулся, но было поздно – долговязый типчик уже крепко вцепился в его локоть. Алкашей мне сейчас не хватало, - неприязненно подумал Саня, пытаюсь высвободиться.

–Па-азвольте поздравить вас!

–С чем? – удивился Саня.

–С выигрышем, разумеется!

При более внимательном рассмотрении на алкаша типчик оказался совершенно не похож. Франт, чуток перебравший веселящих напитков. Элегантный костюм, черная бабочка, шляпа набекрень – и широкая, в тридцать два зуба, улыбка. Похоже, незнакомец поздравлял искренне. Стало даже неловко его разубеждать.

–Вы ошиблись, - он, наконец, выдернул локоть из цепких пальцев типчика.

–Я? Ни в коем случае!

–Я проиграл, - сказал вдруг Саня. Совершенно не то, что собирался. Уж точно, он не собирался откровенничать перед первым встречным.

–Глупости, - убежденно перебил франт. Снова подхватил за локоть, заглянул в лицо. Свет фонаря отразился в его глазах, вспыхнувших на секунду желтыми волчьими огнями. – Это все исключительно лично ваши выдумки. Разве любая игра не есть бесконечная цепь выигрышей и проигрышей, которые сменяют друг друга ровно с той неизбежностью, с какой день сменяет ночь? А? И только сам игрок – то есть, вы – только вы решаете, в какой момент прекратить эту игру. И, стало быть, чем эта игра закончится – на выигрыше или проигрыше. А?

–Ну, в общем... - блестящие глаза незнакомца гипнотизировали. Психованный? Или

просто пьяный? Впрочем, незнакомец говорил дело. Примерно в это Саня верил и сам. Хотя, какую это игру он имеет в виду?

—И совершенно неважно, - незнакомец махнул рукой. — О какой игре идет речь. Это про всякую игру, голубчик. Скажем, казино. Или война. Или мир. Или любовь. Или игровые автоматы.

Саня вздрогнул.

—Ага, - сказал незнакомец. — В конце концов, можно отыгаться. Всегда. Верно?

Он улыбнулся, и показался в этот момент Сане необыкновенно симпатичным и умным. Верно оттого, что говорил правильные вещи. То есть те, в которые верил сам Саня.

Всегда можно отыгаться.

Саня верил в это с самого начала. Когда скормил автомату остатки своего самого первого сказочно огромного выигрыша.

- Оба! — поперхнулся Артем, когда серебряный дождь рухнул из автомата. Монеты сыпались и сыпались, стучаясь друг о друга. Саня захохотал и зачерпнул их ладонями. — Новичкам везет!

«Я куплю, я куплю...» - мечтал Саня, пересыпая из горсти в горсть неожиданное звонкое богатство. Это было потрясающе — в один миг превратиться из нищего студента в миллионера. Можно закупить всякой вкуснятины и устроить пир. Два пира. Родителям и друзьям. Купить мотоцикл. Поехать с Анькой в Египет — она об этом так давно мечтала. Можно...

Большую часть он проиграл в первый же час, заморожено скармливая тому же самому автомату монету за монетой — и каждый раз ожидая еще одного звонкого сверкающего дождя. Еще раз — и можно не выбирать между мотоциклом и Египтом, хватит на то и на другое. Автомат глотал жетоны, но денежных фейерверков больше устраивать не желал. Саня заводился, стучал по клавишам все яростнее.

Наверное, он проиграл бы все — если бы не Артем, который его остановил и увел отмечать первую игру и выигрыш.

А назавтра Саня проиграл остатки — и заодно стипендию. Пришлось влезать в долги. Тогда у Сани еще хватало принципиальности не играть на чужие деньги — поэтому следующий раз он добрался до игровых автоматов в день полочки. Сперва немного выиграл, обрадовался, собрался даже уйти с добычей — но не смог. Звон того самого первого волшебного выигрыша заставлял его пробовать снова и снова... Ведь один раз получилось? И когда-то должен ведь он был отыгаться?

- Можно, - вздохнул Саня. — Только когда еще остается, на что играть.

—Глупости, - возразил незнакомец. — У молодого, здорового, да еще и порядочного человека всегда найдется, что поставить.

—У молодого и здорового? Что? Почку?

А это, кстати, вариант, - подумал Саня. Лучше, чем под машину. Правда, к завтрашнему

утру, он все равно не успеет.

—А это, кстати, вариант, - улыбнулся незнакомец. — Впрочем, есть и другие.

—Вы торгуете органами?

—Право же, голубчик, как вы прямолинейны. Для некоторых игр, это, знаете, беда. Верный проигрыш заранее. А?

—Простите, вы кто? Черт? - спросил Саня. И смутился от нелепости собственного вопроса.

Незнакомец расхохотался, запрокинув голову.

Ослепительно белые зубы на секунду показались клыками; но смех был так заразителен, а взгляд лукаво прищуренных глаз - так мил и приветлив, что Саня невольно улыбнулся в ответ.

- Глупости, - отсмеявшись, сказал незнакомец с такой уверенностью, что Саня тотчас ему поверил.

И верно - глупости. Разве может этот элегантный, безупречно одетый молодой человек: идеально отглаженный костюм, узконосые блестящие туфли, бархатная бабочка на белом облаке манишки - быть чертом? Или, как раз, именно он может?

—Вот пример той самой прямолинейности голубчик, про которую я говорю, - улыбка незнакомца неприятно удивила Саню сходством со звериным оскалом. — Я, разумеется, игрок.

Ага, - подумал с облегчением Саня. Это все объясняет. И бабочку, и манишку, и разговоры про «отыграться», казино и ставки. Хотя лучше бы он был чертом, который предложил бы Саньке продать душу.

И что, продал бы? — вдруг неожиданно серьезно задумался Саня. За долг Тимуру? За возможность начать все заново? Прожить еще целую жизнь — с любимой женщиной, самой лучшей в мире, самой доброй, ласковой, нежной, красивой... Увидеть, как вырастет дочка — самая замечательная, умная и хорошая девочка; в ней уже сейчас проглядывают Анькины черты — такая же улыбка и глаза... А у меня ведь была эта жизнь, - подумал Саня. Как я мог... Как я мог так глупо, так по-идиотски ее проиграть... Как я мог?! Почему я не ценил это, когда оно было? То, за что теперь готов продать душу...

Только никто не покупает. Ну, зачем черту бестолковая Санькина душа? Да ведь, и чертей-то нет. А если и были бы... Интересно, каково жить без души? Если вынуть из жизни самую сердцевину — ту, которая умеет любить, желать, верить, болеть и радоваться — будет ли вообще толк в такой жизни?... Может умные черти, которые наверняка понимали толк в выгодных сделках, потому и предлагали такой обмен? Это вроде того, как в уплату за талант живописца выколоть человеку глаза...

—Игрок, - с нажимом повторил незнакомец, глядя на Саню. — Как и вы. Собственно, как и все обыкновенные и даже необыкновенные люди. Верно?

—Верно, - согласился Саня.

И опять фронт показался ему необыкновенно симпатичным и умным - потому, что говорил правильные вещи.

Все игроки. Просто одним везет, их называют счастливыми. Другим – нет, и клеймо «неудачник» приклеивается к ним намертво.

–Ну, пойдем? – предложил франт, ловко подхватывая Саню под локоть.

–Куда?

–Как? Разве я еще не сказал? Вот дырявая голова. Разумеется в казино. Чудное место, вам, голубчик понравится. Никакой шушеры, случайных людей. Только для своих.

–А я...

–Исключительно настоящие игроки. Никаких любителей, зевак, любопытствующих и неверующих. Ну, пойдемте же.

–Простите, а...

–Да?

–А с чем это вы меня поздравляли? Что я выиграл.

–А. Так собственно, приглашение в казино. Ну, идемте. Игра заждалась.

Так у меня же нет денег – подумал Саня, двинувшись следом за франтом. Или все-таки сказал? Потому что франт обернулся, подмигнул – огненно вспыхнул глаз, блеснула волчья улыбка:

- А деньги, голубчик, всего-навсего эквивалент иных куда более важных ценностей. Что это вы все так вокруг них пляшете?

Кто это «мы»? – удивился Саня, но спрашивать было некогда – франт настойчиво тянул его за собой.

Неприметная железная дверь, к которой спускались несколько выщербленных ступенек, распахнулась бесшумно. Полутемный коридорчик, голая лампочка под потолком. Охранник посторонился, пропуская Саню с провожатым дальше.

Вторая дверь открылась в шум, смех, и пляску цветных огней. Ноги почти по щиколотку утонули в темно-зеленом ковре. Швейцар в золоченой ливрее изогнулся как испанский танцор, улыбаясь Саниному спутнику ослепительно и умильно.

- Какие нынче погоды, - льстиво пропел он.

- Отвратительные, - отрезал франт, вручил швейцару шляпу и повернулся к Сане.

–Вот, извольте, голубчик, – подтолкнув Саню под локоть, он заставил его повернуться, указывая на двери, веером расходящиеся от вестибюля. - Бар, рулетка, блек-джек, схлоп-ник, гульд-ам, понто-банко... Добрый вечер! – поклонился франт парочке, выходящей из двери, обозначенной им странным названием «схлоп-ник».

–Если бы, - мимоходом пробурчал в ответ тучный лысый мужчина во фраке.

Смерил франта и Саню быстрым взглядом узких поросячьих глазок, почти утонувших под массивными веками. Шумно вздохнул и потянул к выходу за тонкий локоток

расфуфыренную блондинку в ярко-сиреновом. Блондинка послушно засемила за гигантским спутником.

Франт задумчиво улыбнулся им вслед и продолжил прежним деловым тоном:

– ...покер – русский, оазис, карибский, лунный...

- Я...

- Игровые автоматы.

За дверью, на которую указывал фронт, Сане открылось знакомое завораживающее зрелище. Ряды разноцветных, перемигивающихся яркими огнями машин, казалось, уходили в бесконечность. На секунду – всего на секунду, как бывало изредка, когда Саня заглядывал к автоматам после долгого перерыва - ему показался неприятным синеватый свет зала. Одержимые лица игроков, прикипевших взглядами к ярким экранам, в этом свете были похожи на лица мертвецов. Зомби с остановившимися глазами и дыханием, лихорадочно молотящие по клавишам...

Наверное, такими их увидела Анька. Она быстро вышла из зала, отряхивая руки, будто запачкалась чем-то мерзким. Спросила, встревожено покосившись на Саню:

- Мы зачем туда зашли? Ты ведь не увлекаешься этим?

- Что ты, - возмущенно возразил он. – Здесь просто вход в кино раньше был.

Это была его первая ложь Аньке. И далеко не последняя.

Ложь нарастает одна на другую, накатывается, как один камень на другой. Сперва ты хочешь замаскировать небольшой изъян, трещину в фундаменте, на котором вы оба решили построить дом. Так проще – чем признаваться, объяснять, откуда это взялось, слушать ахи и вздохи, заниматься ремонтом. А потом приходится прикрывать то, что маскирует эту трещину, валить камень на камень, делая вид, что все так и задумывалось. Что это просто еще одна стена в вашем доме. Стена, которая разделяет его на две части. «Мне нужно личное пространство, милая», - раздраженно говоришь ты вместо ответа на невинный вопрос: «А где ты был сегодня вечером, дорогой?». И вкладываешь в эту стену еще один камешек, пряча за ней то, что стыдно, неловко, страшно показать жене. Камешек на камешек, стена растет, одна кривобокая ложь подпирает другую – иначе никак, иначе это все рухнет, вместе с домом, который с виду такой крепкий и семейный. А ведь так жалко его – долго и с любовью строили-обустраивали, подбирали шторы под цвет мебели и хрустальную люстру, чтоб уютно, тепло и светло... так жалко это все терять... А может, обойдется? «Ты только не трогай эту стену, милая, - давай сделаем вид, что ее нет? Из-за нее уже дурно пахнет – там, за ней, скопилось столько мусора, грязи и гнили - и уже друзья и соседи смотрят на тебя сочувствием, но ведь ты можешь закрыть глаза? Не смотреть. И не дышать. Можешь, правда? Мы договаривались, помнишь.. ну не мы, я, неважно... Я имею право на личное пространство... Да ты можешь сказать, что в комплекте с правом всегда дается и обязанность, а я об этом забыл; что я злоупотребил этим правом и устроил помойку на своем личном пространстве, и теперь она отравляет весь наш чистенький домик... Ты можешь – но ведь мы не будем об этом говорить? Просто не заходи (в мой личный кабинет, в комнату Синей бороды) - и все у нас с тобой будет хорошо».

До тех пор, пока уродливая стена из лжи не рухнет под собственной тяжестью. Раздавливая в обломки ваш уютненький домик.

До тех пор все твои долги не продадут бандиту с пионерским именем Тимур и внешностью и повадками Чингисхана....

...Глупости, как говорил франт. Морок прошел через секунду. Саня качнулся к чудесному сверкающему празднику. К завораживающему цоканью клавиш, музыке, и звону монет, льющихся рекой в руки ликующих счастливицов.

- Жетоны, - напомнил Санин спутник.

- Я... – пробормотал Саня, вспоминая про долг, который нужно вернуть к девяти утра Тимуру. – Дело в том, что...

- Конечно! – воскликнул франт. – Мы ведь пришли отыгаться. Верно?

И подтолкнул Саню к невзрачной будочке со стеклянным окошечком. За окошечком обнаружился аккуратный старичок с седой бородкой, и быстрыми глазками.

- Пожалуйста, - сказал франт. – Нашему новому посетителю. Со скидкой.

- На время? – уточнил старичок, цепко оглядывая Саню. Вынул из-под стола калькулятор, перетянутый изолентой. Бодро застучал по клавишам, время от времени бросая на Саню короткий взгляд, будто художник, набрасывающий эскиз.

- Тэк, – сообщил он, откладывая машинку в сторону. – Скажем, для начала, два месяца.

- Годится? – спросил франт у Сани.

- Ну...

- Тогда давайте.

- Что? – удивился Саня. – Как?

- Голубчик, - вздохнул франт. – Ну что, вам жалко два месяца той самой жизни, которую вы давеча собирались под случайную машину приговорить? Или с моста? А?

Откуда он знает про мост? – изумился Саня.

И тут впервые с момента знакомства с франтом, ему стало страшно.

Почему-то даже страшнее, чем думать о долге Тимуру.

- Не жалко, - глухо сказал Саня.

- Вот и чудно. Давайте голубчик, не мешкайте, очередь не создавайте.

- Как? То есть, нужно какой-то ритуал, чтобы...

- Какой клиент пошел образованный, а? – восхищенно обратился франт к старичку.

- Нужно, - старичок посмотрел на Саню, и бог весть почему, от этого тяжелого взгляда Сане стало зябко и нечем дышать. – Нужно, молодой человек, только наличие предмета или свойства и желание его продать. Или отдать. Прошу.

Старичок протянул к Сане сухую костлявую ладонь – не то предлагая рукопожатие, не

то выпрашивая денег.

- Ну же, - подтолкнул франт.

Саня, чувствуя себя наполовину во сне, наполовину – внутри некоего идиотского розыгрыша, протянул свою руку навстречу старику. Собрал пальцы в горсть, будто удерживая в ладони невидимое и зыбкое. Воду? Воздух? Время? И медленно наклонил горсть над жадно раскрытой стариковой ладонью. Пальцы неожиданно обожгло холодом и Саня едва удержался, чтобы не закричать и сразу не отдернуть руку.

- Благодарю, - величественно сказал старик, и высыпал на пластмассовый лоточек возле окошка с десяток блестящих жетонов.

«Новичкам везет» - вспомнил Саня, сдерживаясь, чтобы не прокричать это во все горло. «Везет!»

Он торопливо нагреб в карманы прохладных блестящих монеток и быстро, опасаясь передумать, двинулся к выходу.

Впервые он сумел уйти сразу после выигрыша.

Наверное, потому, что был напуган. Ему хотелось убраться отсюда поскорее.

Картинки на автомате были чудные: некоторые двигались; одна милая женская фигурка все время горела в огне. Мультик? Но почему, когда эта фигурка выпадала, вроде как пахло дымом?

Где заканчивается зал, Саня так и не сумел разглядеть, хотя прошел вглубь. Потом, когда вокруг оказались одни автоматы, он остановился, вдруг испугавшись, что не сможет вообще выбраться обратно. К тому же, вдалеке, у высокого, выдающегося из ряда, агрегата, ему причудилась какая-то странная и вроде бы даже не совсем человеческая фигура.

Ладонь, из которой он высыпал в руку старику невидимое, до сих пор болела. Иногда вспыхивала холодом, будто ее опускали в ледяную воду.

О том, что же такое он отдал старику в обмен на десяток жетонов, Саня старался не думать. Тем более о том, как такое вообще возможно.

Бежать, - решил Саня. Отдам долг Тимуру, и забуду об этой ночи. И вообще завяжу с игрой.

На пороге он обернулся.

Зал, как зал. И чего страшного? Разве что огромный. Ну, автоматы чудные. Надо как-нибудь потом разглядеть внимательнее. Вон там – совсем древний раритет, деревянный, резной, со скрипучим барабаном; и типчик рядом с ним подстать агрегату – похож на потрепанного ковбоя из вестернов.

Ладно, потом, - улыбнулся Саня, трогая наполненные звонкой тяжестью карманы, удивляясь, чего это он так хотел сбежать отсюда минутой назад.

А, может, вернуться? Он задумался, перебирая пальцами выигранные жетоны. Наткнулся на телефон. Анька! Лицо вспыхнуло от стыда, будто пахло жаром от невидимой

печи. Анька не спит, сидит над чашкой с остывшим чаем, смотрит в темные окна. Однажды он застал ее такой, когда заигрался и вернулся за полночь. Открыл дверь, вошел, крадучись, как вор, надеясь, что Анька уснула.

Анька сидела в темноте, ее глаза были покрасневшими от слез.

– Почему ты не позвонил? – глухо спросила она. – Я думала, что-то случилось. И телефон не отвечает.

Он долго просил прощения. Изобретал лихорадочно что-то на ходу про ненормальных клиентов и срочный заказ, который печатали вместе с шефом, а потом отвозили. Про телефон, забытый в офисе. Анька смотрела мимо, в темные окна и молчала. То ли слушала, то ли нет. То ли верила, то ли видела насквозь Санькино вранье. Странно думать, что ты можешь наврать человеку, с которым живешь уже много лет. И не просто так живешь, а как говорит заезженная, но оттого не менее верная фраза: душа в душу. Значит, не только тела переплетаются друг с другом, засыпая; но и души, где-то там, в своем невидимом мире, соединяются вместе, прижимаются друг к другу, становясь, пусть на короткое время, одной единой душой – живой, теплой и, наконец, цельной и совершенной. Наверное, поэтому, когда объятия тел размыкаются, остается это неосоздаемое прикосновение душ. И потому близкие любящие люди чувствуют друг друга на расстоянии и умеют разговаривать мысленно.

Странно думать, что ты можешь что-то спрятать от такого человека, какую бы толстую и прочную стену из лжи не построил. Если только он сам решит не заглядывать сквозь эту стену...

С тех пор Саня старался слишком поздно не возвращаться. И предупреждать, когда задерживался.

К тому же врать по телефону, не видя Анькиных глаз, было проще.

Скажите, - спросил Саня: – а можно.... Часть деньгами, а часть...

Временем?

Да.

Пожалуйста, - старичок ловко вынул из-под стола калькулятор. – Тэк. Ваш индивидуальный курс на сегодня... Восемь тридцать две. Итого. Смотрите.

Так мало? - удивился Саня. - А что такое индивидуальный курс?

Тэк. Тридцать пять лет; отец умер от цирроза печени...

Причем здесь...

Жена, дочь, думают о вас в среднем две из трех минут; коэффициент удовлетворенности работой – ноль четыре, индекс Доу-Джонса на сегодня...

Погодите, - взмолился Саня, запутавшись. – А это все, ну... важно?

А вы как думали, молодой человек? Еще нужно добавить поправку на северный ветер, влияние Гольфстрима и сегодняшний коэффициент вырубленных лесов... Вам прочесть лекцию об индивидуальных эмоционально-экономических показателях, или я могу вернуться к работе?

Извините...

Так что?

Постойте! А... А почему так отличается курс, по которому вы у меня... э... взяли время... и теперь?

Потому что, молодой человек, - старичок аккуратно поправил очки, посмотрел круглыми совиными глазами сквозь толстые стекла, напомнив Сане университетского математика на лекции. – Потому что курс, то есть, цена, более всего определяется не объективной стоимостью, а спросом и предложением.

Саня взял весь выигрыш деньгами.

Выбравшись из казино на светлеющую утреннюю улицу, оглянулся недоуменно на неприметную железную дверь. Потрогал набитый деньгами карман. Что это было? Сумасшедшие, которые дают деньги в обмен на пустоту, пересыпанную из одной ладони в другую? Ведь не могут же они, в самом деле, забрать у Сани два месяца его жизни? Или могут?

Первым делом он отнес долг Тимуру. По дороге даже сумел справиться с искушением завернуть в призывно сверкающий сарайчик игровых автоматов возле метро. Хотя, честно сказать, в этом была не его заслуга – он как раз подумал, что с такой суммой, которая сейчас оттягивает карманы, шанс на джек-пот очень даже неплох. Основная причина была в том, что после того казино забегаловка возле метро казалась ненастоящей. Младенческой забавой. Песочным детским замком на фоне настоящего.

Возле дома Саня зашел в супермаркет, купил всякой роскошной всячины - ярких фруктов, соленой форели, икры, соков, бутылку хорошего шампанского, игрушек для Иришки.

Обрадовал Аньку рассказом о премии за сверхурочную работу.

Вечером они допоздна засиделись за столом, уставленном деликатесами. Слушали старую любимую музыку. Потихоньку пили шампанское, иногда звонко стукаясь боками хрустальных звонких бокалов: «За тебя, за нас, за наш дом...» Вспоминали, как ездили в свадебное путешествие в любимый Анькин Египет. Перебивали друг друга: «А помнишь...» - «А ты...», переглядывались, весело смеялись.

Иришка, наплескавшись в ванной с новыми разноцветными уточками, уже давно спала в обнимку с белым медвежонком, счастливо улыбаясь и крепко прижимая подарок к себе, будто кто-то собирался его отнять.

- У нас теперь все будет хорошо, да? – вдруг тихо спросила Анька.

- Да, - пообещал Саня, задыхаясь от нежности и чувства вины. Обнял жену, и они так долго сидели рядышком, слушая, как переплетаются волшебные переливы флейты с плачем гитарных струн и задумчивым рассказом про двух добрых сфинксов, оберегающих влюбленных.

Это был один самых лучших вечеров в Саниной жизни. Наверное, потому, что тогда он всерьез поверил, что с игрой покончено, и дальше действительно будет все очень хорошо...

На следующей неделе Саня узнал, что на работе намечается сокращение. И его фамилия в первых строчках списка. Это было неудивительно – на Санином счету значилось несколько неприятных историй: пару раз не довез заказчику деньги, опаздывал на назначенные встречи, иногда и совсем не приходил. То, что с этого месяца он принял решение работать идеально, не отвлекаясь на игру, сейчас не имело, конечно же, никакого значения.

Домой возвращаться не хотелось. Нужно было или снова начинать врать, или... «У нас теперь все будет хорошо?» - и робкая надежда в Анькиных глазах...

Через две недели было Анькино день рождения, и Саня уже наобещал, что они поедут в Египет. Договорились, что мама посидит с Иришкой...

Он брел по улицам, не разбирая дороги. Асфальт под ногами опять казался зыбкой тонкой пленкой, натянутой над бездонной трясиной. Пленкой, которая вот-вот порвется...

И не заметил, как оказался напротив выщербленных ступенек и неприметной железной двери.

Охранник пропустил Саню без единого слова, швейцар приветливо кивнул, как старому знакомому.

Прежний старичок сидел за окошком обмена, читал газету. Саня мельком увидел на обороте жутковатую фотографию – что-то изуродованное, плохо прикрытое черной пленкой, рыдающая женщина на коленях. Вот ведь кошмары у нас вечно печатают, только бы рейтинги поднять, - подумал он, неожиданно почувствовав острый укол ужаса. Будто кто-то невидимый ткнул ледяной иглой в солнечное сплетение, пригвоздил живот к позвоночнику, заморозил дыхание. Что же такого было в этой, в общем-то, стандартной для печати и телевидения, картинке, Саня так и не успел понять. Старичок споро свернул газету, и выжидательно уставился на посетителя.

Зачем я сюда пришел? – изумился Саня, испуганно оглядываясь вокруг. В мигающем бледном свете лица швейцара и старика-обменщика показались жуткими, неживыми. Я ведь не собираюсь здесь играть?

- Слушаю, молодой человек? – утомившись ждать, сказал старичок.

- Я...

Саня замялся под строгим взглядом старичка. Бежать отсюда! Он ведь поклялся сам себе: больше ни одной игры. Тем более в этом жутком, совершенно невозможном месте.

- Скажите, а я мог бы обменять... э... свое время на... просто на деньги... или...

- Молодой человек, - голос старичка зазвенел металлом: - здесь вам не обменный пункт, а приличное заведение. Выигрыш можете получать в чем вам угодно, по индивидуальному курсу...

- Играем? – грохнуло у Сани над ухом. Он вздрогнул и обернулся. Старый знакомый - лысый толстяк, только теперь не во фраке, а в темно-малиновом лоснящемся пиджаке и с золотой цепью на могучей шее, приветливо оскалился. Похожие на сосиски пальцы с трудом удерживали внушительную стопку фишек для рулетки.

- Везучий денек, - подмигнул толстяк.

- Желаете жетоны для автоматов, как раньше? Молодой человек? – сердито окликнул Саню старичок.

- Я...

Из двери, ведущей к рулеткам, выбежала, звонко цокая каблучками, фигуристая рыженькая пышечка в обтягивающем платье.

- Пусик, - заверещала она, вцепляясь в толстяка. – Ты такой гениальный! Я знала!

Толстяк довольно ухмыльнулся.

- И норковую шубку? – озабоченно поинтересовалась рыжая, трогая наманикюренным пальчиком стопку фишек в руке толстяка.

- Обсудим, - пообещал он, обхватывая пышечку за талию, и опять подмигнул Сане. Саня смущенно отвернулся.

- Жетонов, - твердо сказал он старичку. – На два месяца. Нет, на три.

Сначала он считал проигрыши. Потом сбился. Точнее – ему стало жутковато. От того, с какой скоростью исчезали в узкой щели автомата дни и недели Саниной жизни. Кажется, он проиграл за этот вечер года два. Или три?

- В чем желаете получить выигрыш?

- А в чем можно?

- Деньги по номиналу. Время по индивидуальному курсу. Харизма. Кураж. Удача.

- Удача? – заинтересовался Саня. – По индивидуальному курсу?

- Разумеется. Желаете посчитать? На время? Или на событие?

- Это как?

Старичок строго посмотрел сквозь толстые очки, и Саня подумал, что он сейчас скажет: «Здесь вам не справочное бюро».

- На время, - все же пояснил старичок: – это значит, в течение оговоренного времени, скажем, одного дня, вам будет постоянно везти. Транспорт сразу подойдет, начальник не заметит опоздания – ну и прочее в этом духе.

- То есть, в мелочах?

- Ну, знаете, - рассердился старичок. – Из подобных мелочей складываются ваши дни. И ваша жизнь. Разумеется, если в оговоренный период произойдет значительное событие, исход которого будет случаен – упомянутое событие исполнится наиболее благоприятным для вас образом. Попрошу, однако, понять, что все выполняется исключительно в рамках возможных реальностей. Никаких чудес. Никаких дядей-Рокфеллеров, которые внезапно переписывают на вас все свое состояние. Это понятно?

- А если не на время? А на событие?

- Удача действует исключительно в рамках оговоренного события.

- Но никаких чудес? – спросил Саня. Интересно, попадает ли в разряд чудес

исключение из списка на увольнение его фамилии...?

С работы Саню не уволили. Через некоторое время он ушел сам. Зачем ходить на надоевшую скучную работу, где тебя совсем не ценят? Если можно, применив удачу на событие, вовремя встретить владельца конкурирующей фирмы и, использовав день харизмы, убедить будущего нового шефа в своих незаурядных способностях? И получить работу куда интереснее, престижнее и денежнее прежней?

Впрочем, чуть позже понял Саня, когда и новая работа стала несколько мешать его увлечению – зачем вообще она нужна? Время можно проводить куда с большей пользой – среди единомышленников, понимающих толк в настоящей игре. А деньги... ну что это все так вокруг них пляшут? В конце концов, деньги проще выигрывать, а не зарабатывать. Да, часто проигрыш оказывается больше – но в основном из-за этого жульнического индивидуального курса. Но ведь всегда можно отыграться, верно? Особенно, если тебе согласны отсыпать бесконечное количество настоящих игровых жетонов в обмен на такую непонятную и неизмеримую субстанцию, как время. Смешно, как вообще существует такое странное казино; наверное, владелец этой конторы просто сумасшедший...

Дома все было замечательно. Саня сказал, что теперь работает по гибкому графику с индивидуальными клиентами. Что с некоторой натяжкой можно было назвать правдой – если считать работой ежедневное посещение казино, из которого Саня каждый раз приносил денег.

Он проводил много времени с Иришкой и Аней. Можно было, конечно, и больше – но ведь нужно было когда-то ходить в казино?

Иногда Сане становилось страшно.

Его тайная, скрытая от родных жизнь, теперь была не просто ложью. Ложью, которой можно с кем-нибудь поделиться, когда ее тяжесть станет невыносимой.

Теперь это было безумием. Кто поверит в то, что Саня играет в странном заведении, где меняет жетоны на дни и месяцы жутковатый старичок с копытами вместо ступней (Саня однажды увидел их мельком). Сатир? Черт? Кто поверит, что время здесь можно поменять на деньги или удачу?

Открывая дверь казино, Саня будто проваливался в совершенно другой мир, со своими законами и обычаями. Мир, о котором он старался немедленно забыть, возвращаясь в обычную жизнь.

Сане казалось, что он сам расщепляется. Разделяется на нескольких разных людей, почти не связанных друг с другом – разве что тем, что все они делят одно тело.

Первый, Саня-обычный, любящий муж и заботливый отец, который с удовольствием играет с дочкой и занимается хозяйством. Второй, жутковатый и немного безумный тип, вроде того игрока, который встретился как-то Сане в страшную ночь, когда он всерьез размышлял о самоубийстве. Игрок, полностью занимающий Санино тело и рассудок в мире казино.

Кажется, был еще третий... Третий, который с ужасом наблюдал это расщепление.

«Что ты делаешь? – кричал он Сане, когда тот подходил к заветной двери тайного казино. – Остановись! Ведь можно обойтись без этого! Ну, можно, а? Давай найдем работу, как все нормальные люди, и будем просто жить...»

«Отвали», - отвечал игрок, который привык утихомиривать этого Третьего еще в пору своего увлечения обычными игровыми автоматами. Третьего можно было обмануть или разжалобить чем-то вроде: «Ну, я в последний раз» или «Это моя единственная радость в жизни, ну разочек, а? Разочек то ничего не изменит...» Или просто грубо послать – мол, я сейчас не в настроении, подумаю об этом потом.

«Что ты делаешь, а?» - взывал Третий к Сане-обычному. «А что я? Ничего, - удивлялся Саня: Сейчас-то все хорошо, а? Сижу, играю с дочкой. Причем тут вообще я?»

«Кто ты на самом деле?» - вдруг спрашивал Третий, глядя на Саню из зеркала в ванной. Саня замечал беспокойные глаза и дергающиеся губы. «Ты знаешь, кто ты по-настоящему такой?» Саня задыхался от страха, хотел отвести взгляд от зеркала – и не мог. Почему-то там, в глубине мерещилось невнятное и жуткое – то ли исковерканное тело под черным полиэтиленом, то ли рыдающая женщина...

«Сколько тебе осталось времени, ты знаешь? Неужели ты думаешь, что Они подарили тебе это все просто так – деньги, удачу, обаяние? Неужели ты не понимаешь, что весь в долгах, и скоро придет время расплачиваться? Время, которого у тебя уже почти не осталось...»

«Отвали», - испуганно отвечал ему Саня: «Я не знаю. Я не хочу...»

«Мы подумаем об этом потом», - приходил на подмогу игрок: «И еще, всегда ведь можно отыгаться, верно?»

А однажды старичок поднял на Саню круглые совиные глаза и поинтересовался:

- Прошу прощения, молодой человек, на что именно вы хотите купить жетонов?

- Как на что? – переспросил Саня, еле двигая языком. Во рту мгновенно пересохло.

Старичок смотрел терпеливо.

- Как на что... Я... На время. На мое время.

- Прошу прощения, молодой человек, минимальный период покупки – один месяц.

- Я... Что? – Саня охрип. - Мне... Мне осталось жить меньше месяца?

- Здесь не гадальная контора, молодой человек, а приличное заведение, - сообщил старичок. – Не создавайте очередь, будьте любезны.

Саня отошел в сторону на одеревеневших ногах, пропуская вперед двух молодых людей.

- Конечно! – громко воскликнул один из них, подталкивая ближе к окошку белобрысого робкого юношу. – Мы ведь пришли отыгаться. Верно?

- Стойте, - позвал Саня, ухватил кричавшего за рукав. – Стойте! Это ведь вы? Вы привели меня сюда?

Франт обернулся, смерил Саню быстрым взглядом. Строго сказал:

- Обождите.

И снова с умильной улыбкой обернулся к белобрысому:

- Так, ну что же вы? Игра заждалась. Пожалуйста, нашему новому посетителю. Со скидкой...

- Ну что же вы, - с укором обратился франт к Сане, когда белобрысый, растеряно перебирая игровые фишки, скрылся за дверью к рулеткам. – Что же вы пугаете новых клиентов?

- Я... – хрипло сказал Саня. Он не знал, чего ему больше хотелось – придушить того, кто заманил его сюда; или умолять о помощи.

- Так, - сказал игрок, оценивающе оглядывая Саню. – Проигрались?

Саня кивнул.

- Ну, ведь всегда можно отыграться, верно?

- Да. Если есть на что.

- Если уже не на что, - франт оглядел Саню. – Всегда ведь можно одолжить, а? У кого-нибудь еще?

- Как это?

- Ну, если вы помните, - усмехнулся франт: - никаких ритуалов не надо. Достаточно наличие предмета и желание его вам отдать. Полагаю, у вас найдутся такие люди, которые согласятся – разумеется, временно – одолжить вам необходимое. Исключительно для того, чтобы вы могли отыграться. А?

- Не понимаю, - пробормотал Саня, отступая от франта. – Даже не понимаю, о чем вы говорите...

Он бросился бежать и остановился, задыхаясь, слушая тяжело бухающее сердце, только в нескольких кварталах от проклятого казино...

Ночью Саня так и не смог уснуть.

Сперва лежал, глядя в потолок. Потом выбрался из-под одеяла, оделся, сел на край кровати. Как чужак, зашедший в гости. Смотрел, как уютно, обняв своего белого мишку, сопит Иришка. Как вздрагивают ресницы и губы спящей Аньки – будто она пытается что-то разглядеть и сказать во сне, а у нее не получается...

«Вот так, - сказал Третий: - попрощайся. Им без тебя будет лучше».

«Они меня любят, - возразил Саня. – Будут плакать. Скучать».

«Да, - согласился Третий. – Но так лучше. Аня молодая и красивая. Еще встретит того, кто ее полюбит. Будет беречь и защищать. И не станет мучить своими тайнами, проигрышами и долгами. Кого-нибудь лучше тебя».

Аня открыла глаза. Спросила сонно:

- Что? Что ты не спишь?

Перевернулась на бок, обняла. Зашептала, согревая дыханием поясницу:

- У тебя что-то случилось? Я ведь чувствую, что да. А ты молчишь. Я могу помочь?

- Да, – ответил – нет, конечно же, не Саня. Кто-то вместо него. Игрок? Для которого единственная настоящая ценность – змеиный шелест высыпавшихся из автомата выигрышных жетонов... И прежде чем Саня успел заткнуть ему рот; и остановить Аньку, она пробормотала, улыбаясь:

- Чем хочешь, милый. Ты ведь знаешь, все, что у меня есть, принадлежит и тебе.

- Правда? – ласково уточнил игрок. И протянул Ане пальцы, собранные в горсть.

- Бери, – засмеялась Анька, и наклонила свои ладони над Саниной рукой. Совершенно тем движением, каким Саня передавал козлоному старику свое время и жизнь...

А потом он стоял над окошком обмена жетонов и не мог понять, как это все получилось. Сперва он хотел отыграть хотя бы чуть-чуть. Еще хотя бы пару лет своей жизни. Чтобы Иришка немного подросла, и Аньке было бы не так сложно оставаться одной.

А потом... Не мог же вернуть Ане не все, что брал? Должен же он был отыграть хотя бы Анино время? И вообще... Ведь должен же он был когда-то отыгаться?

- Прошу прощения, минимальный период покупки – один месяц.

- Что? – хрипло переспросил Саня, покачиваясь, как пьяный и опираясь дрожащей рукой о стекло проклятого окошка. – Как это? Сколько... Сколько осталось жить моей жене?

- Не создавайте очередь, будьте любезны.

Аня спала. Саня испуганно прислушался к ее ровному дыханию. Ведь не может такого быть, что оно замрет прямо сейчас? Не может, а?

- Что мне делать? – тихо спросил Саня.

Иришка стояла в кроватке, крепко обхватив ручками деревянные перильца.

Саня опустился на колени перед кроваткой, осторожно погладил маленькие пальчики.

Советчиков больше не было, он остался один.

Больше не у кого было спрашивать, что делать. И некого было обвинять за то, что уже сделано.

Сошедший с ума игрок сидел в казино, молотя дрожащими пальцами по клавишам. Ему казалось, что он все еще продолжает играть по-настоящему, и что у него еще есть шанс отыгаться.

Тот, третий, молчал. То ли ушел, то ли умер.

Важно наличие предмета и желание его отдать, - сказал игрок. Не нужно никаких договоров, подписей кровью... и дьявол, в сущности, не нужен...

Для того чтобы навсегда потерять свою душу, достаточно просто пожелать ее продать...

Иришка ухватила Саню за палец, потянула. Довольно улыбнулась, когда он послушно распахнул ладонь ей навстречу. И опрокинула в его руку свою крепко сомкнутую ладошку – будто пересыпая невидимое.

Саня замер, не смея шевельнуться и вздохнуть. Время плескалось в его застывшей ладони. Будущее его дочери. Целый океан перламутрового сияющего времени.

Иришка смотрела на своего отца доверчиво и ясно.

С верой в то, что все, что он решит и сделает, будет совершенно правильным...

Жар (Владислав Женевский)

— Мама?!..

Она сидит на кухонном полу. Затылок обращён к вьюге и мраку, плечи упёрлись в подоконник, ноги поджаты. Окно распахнуто настежь. Ветер, поскуливая, задувает в комнату рой колючих снежинок. Но отопление работает исправно, и почти все они тают — кроме тех, что проникают ей за ворот свитера или запутываются в волосах. Её сын мучительно умирает, и она должна страдать, как он... больше него.

Она плохая мать.

Эта мысль закралась в её душу неделю назад — в коридорчике на втором этаже, где стены отделаны деревом. Она стояла тогда у застеклённой двери, той самой, за которой сейчас бредит её мальчик... если только это не общий их бред. Сквозь узорчатый хаос, вытравленный в стекле за большие деньги, виднелся детский силуэт. Его движения были повзрослому яростны, он метался хищной тенью, на что-то обрушивался и что-то кромсал.

Открыв дверь, она нашла его таким же, как всегда: милым, неуклюжим пятилетним малышом. Игрушки были раскиданы по полу. У покемонов с роботами вышло побоище, только и всего. Но страха она себе не простила. Она плохая...

— Мама!..

Муж сумел выстроить дом в лесу, вдали от города — зимнюю дачу, большую и удобную. Он провёл в этот дом электричество, воду, газ и телефон. Он даже ухитрился выкроить неделю отпуска, чтобы отдохнуть с семьёй — посидеть вместе за новогодним столом, сходить с сыном на лыжах раз или два. Не смог он одного: быть рядом, когда мальчик заболел. Когда телефон замолчал, оставив их наедине с пургой. Когда в библиотеке не нашлось ни одного медицинского справочника. Когда стало плевать на его авралы и на его деньги.

...Во всём доме погашен свет. Она примет своё наказание и в темноте. А её сыну, погибающему в пылающей багряной бездне, уже не до этого мира.

Наверное, он всё-таки поел снега. Она запретила, вот и поел. Ему и тогда было жарко. В субботу, играя перед домом в салки, они разгорячились. Достаточно было отвернуться, всего минуту глядеть куда-нибудь в сторону. И он отправил себе в рот горсточку студёного пороха.

На следующее утро порох воспламенился. Сначала мальчик сухо кашлял, словно в его тельце взрывались крошечные пистоны: кха! кха! кха! Потом он задышал тяжело и редко, стал бормотать что-то про боль в груди. Заалели щёки, лоб, уши... Вскоре он пылал весь.

Перепуганная, она уложила его в постель, поставила под мышку градусник. В медицине она не смыслила ничего — и лишь беспомощно наблюдала, как столбик ртути ползёт вверх: тридцать девять, сорок, сорок один...

— Мама!

Она провела сутки у его кровати. Временами он затихал, и лицо в оранжевом свете лампы походило на кукольное. В этом крохотном манекене всё же было что-то от ребёнка, которому она дала жизнь. Гораздо больше мать страшило другое — то чуждое существо, что показывалось, когда открывались глаза с покрасневшими белками. Существо чуть ворочалось под одеялом, тупо глядело — и не воспринимало ничего вокруг себя. Глухим незнакомым голосом оно лепетало об огне, о жгучих углях, о людях с красными руками. Мать смачивала эти потрескавшиеся губы водой, и ей чудилось, будто капли падают на раскалённый противень и с лёгким шипением исчезают.

Час назад она решилась на безумие: укутать его потеплей, пешком донести до посёлка, а там... там ей помогут, должны помочь.

Она собирала одежду, когда почувствовала спиной его взгляд — и резко обернулась. Мальчик смотрел осмысленно, в первый раз за эти сутки. Она села у изголовья кровати. Его глаза поблёскивали в полумраке, и это тоже было хорошим знаком.

— Где твои руки, мама?.. Дай мне руку, — попросил он хрипло.

И мать опустила влажную ладонь в ладошку сына.

...На пол всё-таки намело холмик снега, и она безотчётно водит по нему кистью правой руки. Так обожжённое место тревожит меньше, и легче не думать, откуда этот ожог.

На втором этаже, у неё над головой, закрипели половицы. Как будто ступает муж... но его здесь нет, а её сын скоро умрёт, иссохнет, сгорит. И она ничего с этим не поделает — она ведь плохая мать.

Да, кто-то ходит наверху. Слышно, как разбилась ваза — та, что на столике в коридоре, возле лестницы. Потрескивают ступени... может, это и вправду муж?.. Ещё что-то упало, теперь ближе. Какая разница. Так хочется забыться...

Веки матери опускаются, медленно отворяется дверь.

— Мама...

Её босые ступни лижет пламя.

История об искушении (Александр Матюхин)

1.

Кажется, в жизни выпадает один шанс на миллион встретить человека, о котором недавно думал и которого совершенно не ожидал увидеть.

Однако же это был Волька, одноклассник. Виделись с ним в последний раз лет пятнадцать назад. С тех пор не находили времени ни поискать друг друга в сети, ни созвониться, ни попробовать встретиться где-нибудь в громадной Москве, выпить кофе за беседой и воспоминаниями.

Судьба свела нас в Греции.

Мы с Марго сидели на открытой веранде на шестом этаже отеля, пили кофе и наслаждались приятным теплом утреннего солнца. Кругом сновали официанты, подносили свежие хрустящие газеты, угощали пирожными и тостами с джемом. Я сжимал ладонь Марго, водил большим пальцем по золотому кольцу на ее безымянном пальце, ощущал контрастирующий холод ее кожи и теплоту металла.

- Фокусник? – спросил кто-то из-за спины.

Я обернулся и увидел Вольку. Постаревшего, располневшего, облысевшего Вольку. Кто еще мог вспомнить мое школьное прозвище? Только лучший приятель!

Он полез обниматься, пододвинул стул, уселся за наш столик и щелкнул пальцами, подзывая официанта.

От Вольки несло кислым перегаром. Под глазами набухли темные круги. Кожа шелушилась и была покрыта сотнями (а то и тысячами) мелких красных прыщиков, будто Волька переживал очередной подростковый кризис. Одет он был в грязную майку с грубо обрезанными рукавами и в трико. На ногах тапочки. Ногти на руках – я заметил сразу – не стрижены и заляпаны пятнышками краски.

- Охренеть! – сказал Волька. – Вот не думал! Живешь тут? Отдыхаешь? Познакомишь с дамой?

Голос у него был хриплый и басовитый, как у большинства полных людей. Волька бесцеремонно достал откуда-то сигарету и коробок спичек с содранной этикеткой, прикурил. Официант поднес ему чашку с кофе.

- Все верно, отдыхаем, - сказал я, не в силах оторвать взгляда от капель краски. – Это Маргарита, моя супруга. Прошу любить и жаловать. Марго, дорогая, это Волька, школьный друг. Мы с ним были не разлей вода. Я тебе недавно рассказывал, помнишь? Прекрасный художник.

- Ваш муж, сударыня, мне очень помог в прошлом, - сказал Волька, пуская дым носом. – Это самое, слов нет, как я рад тебя видеть!

- И я тебя, дружище! Совпало-то как! Греция, пять звезд... а?

- Не верю в совпадения, - сказал Волька. – Мы же взрослые теперь уже люди. Давай считать, что мы всю жизнь к этому стремились! Фокусник, ты совсем не изменился! Разве что морщины эти твои вокруг глаз Чего не убрал? Ты же, это самое, можешь.

- Ну, положим, ты тоже не помолодел. Где волосы-то потерял? Всего пятнадцать лет прошло! Локоны были, как у девчонки. Марго, представь, у него волосы были до плеч и такие бело-желтые, кучерявые. Солнечный мальчик. Так называли, да? Кто-то такое прозвище тебе дал, уже и не помню...

Слова неслись бурным потоком, как это обычно бывает, когда встречаешься с прошлым. Я бы с радостью поведал множество историй о нас с Волькой, но Маргарита – милая моя Марго – была не слишком настроена на беседу. Это я определил по поджатым губам, немигающему взгляду и слегка склоненной голове. Я взял ее за руку, прикоснулся губами к влажной холодной коже, поцеловал переплетение вздувшихся старческих вен.

- Милая, - шепнул, – разрешишь поболтать со старым приятелем?

С властными и богатыми женщинами только так. Покорно и робко.

- Я закажу завтрак в номер, - сухо сказала Марго, кивнула Вольке и удалилась, не допив кофе.

Газета ее, оставшаяся на столике, шевелилась от легкого теплого ветра.

- Я чего-то о тебе не знаю? – усмехнулся Волька, кивая на удаляющуюся фигуру. – Ты же не серьезно? У вас разница лет в тридцать, не меньше. В альфонсы заделался?

- Любовь, она такая, - ответил я. – Сам-то женат? Кольца не вижу.

Волька постучал себя по лысине указательным пальцем:

- Не мое это. Другие дела есть, знаешь ли. Вещи, которые не отпускают.

Я спросил:

- С каких пор ты начал пить по утрам?

- С тех самых, как понял, что это отлично поднимает настроение, - усмехнулся Волька. Зубы у него были желтые и неровные. – Тебе тоже советую. Успокаивает.

А я подумал вдруг, что как-то не вписывается Волькин образ с пятизвездочным отелем, Грецией и Средиземным морем.

Волька – несомненно постаревший – при этом будто вынырнул из прошлой жизни. Из той, где мы носили одинаковые дешевые брюки и куртки, вешали на рюкзаки значки, пили пиво за школой, прикуривали первые сигареты и, конечно, обсуждали, кто какую девочку закадрил, кто с кем целовался, кто что успел пощупать или подглядеть. Он был Солнечным мальчиком, а я Фокусником. Школьные прозвища очень прилипчивы.

Этот мир остался в прошлом, замкнутый со всех сторон воспоминаниями, и появление Вольки никак не вязалось со всем тем, что я пережил за последние пятнадцать лет.

- Пиво будешь? – спросил Волька. – Холоднее, свежее. Я тут все сорта знаю.

Его маленькие глазки, окруженные набухшими гнойничками, вперились в меня. А мне, если честно, перехотелось общаться с лучшим другом из детства.

- Я мало пью, и тебе бы...

- Посмотри на мой живот, - перебил Волька. – Поздно завязывать, понимаешь? Тридцать пять лет на носу. Это ж почти старость!

- Сейчас и до семидесяти живут.

- Ага. Тетки с малолетними мужьями, мать итить. Нет, товарищ Фокусник, мне до семидесяти никак. С такой жизнью загнусь к полтиннику, только меня и видели.

Я поднялся, посмотрел на робкие белые облака, тянувшиеся вдоль горизонта.

- Пожалуй, мне пора. Извини.

- Не извиняйся, - перебил Волька, вновь стряхивая пепел. – Я все понимаю. Думал, мы с тобой, как и раньше, по-братски пообщаемся, слово за слово. У нас, это самое, секретов не было. Баб же всегда обсуждали. У какой жопа маленькая, у какой сиськи торчат. Ну, я и... в общем, забудь. Кто прошлое помянет, тому глаз вон.

- Давай позже увидимся. Ты же здесь где-то?..

- Если что, ищи меня у, этих, горячительных напитков.

Я оставил его за столиком с недопитыми чашками кофе, развернутыми газетами и сигаретным пеплом на белоснежной скатерти. Казалось, Волька смотрит мне в спину, но я не хотел поворачиваться.

Прошлое захлестнуло, выбив из комфортного настоящего. А я торопился вернуться обратно.

Волька стал мне лучшим другом с девятого класса. Мы начали тесно общаться, когда подготавливали сценки для школьного КВН. Волька отлично рисовал, а я, помимо КВН, занимался декорациями и готовил фокус, который открывал программу школьного выпускного. Мне нужно было нарисовать ширму – что-нибудь таинственное, с яркой надписью и призраками. После школы я догнал Вольку по дороге к остановке и спросил, сможет ли он мне помочь.

- Что взамен? – спросил Волька, лениво жуя зубочистку.

До этого момента мы были знакомы поверхностно, потому что учились в разных классах. Знали, разве что, по прозвищам. Солнечный мальчик и правда выглядел солнечно – золотистые кудри ложились на плечи и закрывали лоб. Прозвище казалось насмешкой – уже тогда он был далеко не красавцем. Волька постоянно потел, его лоб был усеян крупными гнойными прыщами, а жировая складка под подбородком больше всего походила на губку.

Я заранее придумал ответ. Мне было что предложить.

- Держи, - протянул Вольке баночку от детского питания. Сейчас она была наполнена совсем другим. – Это отличный крем. Натри лоб на ночь, завтра с утра посмотри в зеркало. Гарантирую, что ты прилетишь ко мне на первой же перемене.

Он прилетел еще раньше – до первого урока! Лоб у него блестел от пота, но прыщи заметно поредели. Волька схватил меня под локоть и потащил на лестничный пролет, где, зажав у батареи, взволнованно затараторил:

- Ты, это самое, что сделал? Как это вообще? Круто же! Я глазам своим не верю! За одну ночь, блин! Это ж один мазок. А там крема твоего еще недели на две, да?

- Все забирай, - сказал я. – Только ширму мне нарисуй, пожалуйста. У меня в этом деле руки из одного места растут.

- Какую ширму, какую ширму? Я тебе сто ширм за такие дела нарисую! – Волька тряс белыми с желтым отливом кудрями, не в силах подобрать нужные слова. – Если ты мне еще тюбиков дашь, я даже, это самое, фокус за тебя покажу, во!

Конечно, я не дал бы ему показать за меня фокус на выпускном.

Потом я подарил Вольке еще три тюбика. Крем назывался «Молодость», и он был одним из четырех волшебных кремов, которые я умел готовить.

Первый крем я сделал самостоятельно, наткнувшись на статью в мамином журнале. Хорошо помню женское лицо крупным планом. Вместо глаз лежали дольки огурцов. Я долго всматривался в эти дольки, пытаюсь понять, лежит ли женщина с закрытыми глазами или смотрит на меня сквозь растрескавшуюся мякоть.

Мама была помешана на кремах. Она отчаянно хотела вернуть ускользающую молодость. Я был поздним ребенком, мама родила меня в тридцать шесть, потом развелась развелась с отцом, и в пятьдесят один год все еще находилась в так называемом активном поиске. Поэтому огуречные дольки на ее глазах были явлением обычным.

В общем, я взял журнал и занялся приготовлением крема, когда мамы не было дома.

Рецепт прост: миндальное масло, зеленый чай, экстракт ромашки, эфирное масло и стеариновая кислота. Из всего этого я не нашел только кислоты. И вот тут случилось волшебство. То есть то, что я называю волшебством. На самом деле это было озарение. Интуиция. Предчувствие, если хотите. Я взял две свечки и растопил их в ковшике. Влил в получившуюся массу жиры и добавил еще кое-что – интуитивно и совершенно бесконтрольно. Моими руками как будто кто-то управлял. Нужные мысли выскакивали из головы. Я чувствовал себя марионеткой в руках опытного кукловода.

Варка в двух сосудах, смешивание, охлаждение. Когда пластиковый контейнер с кремом оказался в холодильнике, я рухнул на диван и провалялся так до самого вечера. Силы покинули меня, вдохновение прошло, невидимый кукловод перерезал ниточки и удалился. В голове царил форменная каша. Но я точно знал, что сделал именно такой крем, какой хотел. То есть, лучший в своем роде. Волшебный.

Когда домой пришла мама, я показал крем ей. Попросил, чтобы она втерла немного в морщинки вокруг глаз.

Мама сказала, что крем пахнет так, будто его можно есть. Она втирала крем в ванной, а я стоял в коридоре и ждал, когда же мама выйдет и начнет меня хвалить. Вместо этого мама выскочила из ванной, схватила меня за плечи и принялась трясти. Я заметил, что морщин вокруг глаз у нее больше не было. Кожа казалась молодой и здоровой.

- Ты где это взял?! – кричала мама. – Ты откуда такое притащил? Что это? Как это получилось, я тебя спрашиваю?

Она отшвырнула меня в сторону, заскочила в ванную и плотно закрыла дверь. А я вжался в угол между входной дверью и стеной и неожиданно заплакал. Мне стало страшно. Показалось, что это крем превратил маму в злое непонятное существо.

Мама вышла – крем лежал на ее лице густым слоем – и сказала уже спокойнее:

- Мне надо знать, где ты раздобыл это! Если крем так на всех работает, то это же... понимаешь... это просто удивительно!

Конечно, я соврал. Выдумал какую-то девочку в школе, которая раздавала крема на перемене. Из какого класса не помню. Возраст тоже непонятен. Если увижу ее, то обязательно позвоню маме. Мне резко расхотелось делать крем еще раз. Все это время я видел в маминых глазах огоньки безумия. А сам ужасно испугался.

Стоит ли говорить, что мама ходила с безумным взглядом еще почти неделю. Каждый раз, возвращаясь с работы, она втирала в лицо и ладони крем, а затем часами стояла перед зеркалом, наслаждаясь помолодевшим лет на десять отражением. Остатки крема она втерла во все тело и ходила по квартире обнаженной, не обращая на меня внимания. Я, стыдливо краснея, бросал взгляды на ее подтянутую попку, острые красивые груди, плоский живот... но парадоксальным образом гордился проделанной работой. Я отдавал отчет в том, что могу сделать такой крем, когда захочу. И ничто меня не остановит.

После того, как я дал первый тюбик Вольке в обмен на рисунок, он прозвал меня Фокусником. Только Волька знал, что дело было не в сценке на открытии выпускного, а в стремительно исчезающих прыщах на его лице.

Волька нарисовал мне замечательную ширму. С нее на зрителей таращились призраки, будто бы вылезающие из голубоватого тумана. Издалека казалось, что призраки ищут глазами конкретного человека, и что, как только найдут, выберутся за пределы ткани, сцапают и утащат его в свой мир. Это было действительно страшно, хотя и не имело к сути фокуса никакого отношения.

Летом, с наступлением каникул, Волька выпросил у меня эту ширму и продал ее кому-то за небольшие деньги. На них мы купили пива, сигарет и шоколадок.

- Я могу продавать твой крем, - сказал тогда Волька. – Заработаем, а? Красиво жить не запретишь!

- Если бы все было так просто. Это же вдохновение. - Я вкратце рассказал ему о том, какие эмоции испытываю при приготовлении крема. Волька взял меня за руку, ответил:

- У меня тоже самое, брат! Не поверишь! Когда рисую. Не всегда, но случается. Особенно когда этих твоих призраков рисовал! Мне все казалось, что моими руками кто-то управляет. Именно поэтому призраки и вышли такими живыми. Мне иногда казалось, это самое, что они реально выберутся наружу. За нами.

Мне стало не по себе. Мой-то крем был волшебный. То есть, он и правду обладал какими-то необыкновенными свойствами. А если допустить, что Волькины рисунки тоже несли некое волшебство, то, стало быть, его призраки и правда могли выбраться?

- Надеюсь, ты продал ширму достойным людям.

Волька усмехнулся, плотнул холодного пива (что на жаре было особенно к месту). Сказал:

- Я не верю в колдовскую хрень. Ты просто отличный мастер. Как бывают повара или, там, столяры от Бога. Так и ты. Руки не из задницы. Вот и все.

Он всегда говорил о том, что не верит в колдовство и в совпадения. За пятнадцать лет ни капли не изменился. Даже после того, что произошло.

Я вернулся в номер, не переставая думать о прошлом. Проклятые мысли забили голову, будто муравьи.

Окунулся в прохладу, нагоняемую кондиционером, осмотрел огромный дорогой номер. На кровати, поверх золотистого одеяла, лежала Марго. Она была обнажена. Притворялась, будто дремлет. Ее любимая игра: ждать, пока я подойду сзади и положу руки ей на талию. Тогда она, быть может, проснется. Или шепнет одними губами: «Возьми меня так!»

И мне приходилось ее брать.

Сейчас же, разглядывая старое морщинистое тело с вздувшимися черными венами на ногах и с желтой кожей, седые редкие волосы (парик валялся тут же, на пороге), потрескавшиеся пятки, складки кожи по бокам и на ягодицах, я подумал, что именно такой видел маму в последний раз.

Она умерла четыре года назад, но я в мельчайших деталях запомнил последние минуты ее жизни.

А еще вспомнил, как она трясла меня, сразу после выпускного – так сильно, что что-то болезненно хрустнуло в шее – пытаюсь выпытать, у кого я взял этот проклятый крем. Морщинки вернулись на ее лицо, кожа на руках обвисла, а мешки под глазами сделались темно-сливового цвета. Мама кричала:

- Ты же знаешь! Ты все прекрасно знаешь! Просто ты меня ненавидишь, да? Потому что мы развелись! Потому что мы...

Я правда ее ненавидел. Из-за папы, который был хорошим человеком, но слишком слабохарактерным.

После того случая мы с ней прожили одиннадцать долгих лет. Я был рядом, когда мама состарилась окончательно, превратилась в ходячий желтушный скелет. Ее вставная челюсть постоянно выпадала. Время от времени я натирал маму кремом. Всю ее дряблую кожу. Это был второй волшебный крем. Он разглаживал морщины и заживлял мелкие раны. Мне было интересно, как долго мама сможет прожить в оболочке из нестареющей кожи. Внутри нее все сгниет, а кожа останется упругой и эластичной. Я, конечно, не смог добиться такого эффекта, чтобы мама помолодела на двадцать или тридцать лет. Но мне удалось сделать так, чтобы на последних фотографиях в семьдесят два года она смотрелась примерно также, как и в шестьдесят.

Мама замечала изменения, но уже была не в силах взять меня за плечи и вытрясти секрет омоложения. Ей оставалось только ворчать что-то о бывшем муже, нерадивом сыне и о том, что в этом мире ее больше никто не любит.

И вот я смотрел на Маргариту и мне казалось, что она сейчас тоже повернется и скажет что-нибудь в таком же духе. Например, какой у нее плохой сын. У нее правда где-то был сын. Главный управляющий крупной нефтяной компании. Маргарита нечасто о нем вспоминала, но его лицо попадалось мне на обложках журналов вроде Forbes.

Я присел на край кровати и положил ладонь на морщинистую, обвислую ягодицу. Ощущения, будто под рукой желе из холодильника.

Марго шевельнулась. Я не сводил глаз со складок кожи на спине, в которых скопились капельки пота.

- Возьми меня так, - прошептала Маргарита хриловатым, треснувшим голосом.

Мне пришлось ее взять. Быстро, бестолково и яростно. Наверное, Маргарита решила, что это такой вид сексуальной игры. На самом деле мне просто было противно.

2.

На каникулах между девятым и десятым классами мы с Волькой остались в городе.

Мы могли целыми днями гулять по полупустым улицам, загорать у фонтанов на центральной площади, валяться на газонах в парках. Одним словом, бездельничали, как могли.

Как-то раз мы забрались в подвал многоэтажного дома и бродили среди переплетений гигантских труб, которые дышали едкими влажными испарениями. Под ногами клубился дым. Мигали красным редкие лампочки. Будто мы оказались в лабиринте из которого никогда не выберемся.

Волька нашел выступ, подтянулся и забрался на одну из больших теплых труб под самый потолок. Я последовал его примеру. Мы уселись на мягкую стекловату, свесив ноги. Где-то журчала вода. В полумраке легко было представить себе, что где-то здесь бродит, скажем, Минотавр, разыскивающий малолетних любителей приключений.

Волька сказал:

- Мне кажется, что у каждого человека есть такие способности. Ну, знаешь, как у тебя с кремом. То, что человек может делать лучше всего. Вроде дара.

- Как в фильмах? – усмехнулся я.

- Но ты ведь не отрицаешь, что тобой кто-то вроде бы руководит. Как кукловод? Это и есть дар. Я вот чувствовал несколько раз, что так и было. Невидимая сила брала мои руки и рисовала вместо меня. Как будто кто-то присоединил невидимые ниточки к пальцам. Представь!

Волька показал, как он рисует будто бы с нитками на пальцах. Выходило немного страшновато.

- Знаешь, что, - я спрыгнул с трубы. – Пойдем-ка отсюда. Воняет и холодно.

- Испугался что ли?

- Если бы. На солнце хочу, согреться. Лето на дворе, а мы сидим тут в этой тухлятине. Тебе чушь в голову потому и лезет, что по подвалам шляешься.

- Кто бы говорил, - заворчал Волька, но с трубы слез и отправился за мной к выходу из подвала.

Уже под ярким июньским солнцем, когда мы оказались на крыльце старого ДК, я уселся на бетонную щербатую ступеньку и сказал:

- Может быть ты и прав. У нас где-то в глубине есть тумблер, который проворачивается в нужном месте и позволяет делать разные уникальные вещи. Дар. Или гениальность. Я не знаю. Освобождает этого невидимого кукловода и дает ему какую-то силу, чтобы нами управлять. Как он работает я не знаю. Но иногда чувствую, как что-то в груди проворачивается. Без моего ведома.

Волька взял веточку и нарисовал на мокром песке несколько размашистых линий. Чудесным образом они сложились и превратились в узнаваемое лицо.

- Похож? – усмехнулся Волька. – Это директор наш. Дружеский шарж, так сказать. Вот если в него вдохнуть жизнь, повернуть этот твой тумблер, то директор живенько купит портрет за любые деньги. Я к этому и веду. Надо зарабатывать. На велосипед, на хлеб с маслом, на нормальную и светлую жизнь, да? Ты со мной или как?

- А я-то что буду делать?

- Как это что? У директора есть жена. Ей точно нужен хороший крем. Такой, чтобы морщины разглаживал, я не знаю, в нужных местах. Женщина не молодая, красоту бережет, понимаешь?

В этот момент я вспомнил о маме. Она тоже старалась уберечь красоту.

- Наверное идея хорошая. Я подумаю.

- Что тут думать? Действовать надо. Пока лето, заготовим материал. А как начнется школа, тут же и займемся. У нас, брат, в клиентах полгорода ходить будет!

Волька принялся рисовать веткой на песке другие узнаваемые лица. Вскоре у ступенек ДК выстроились цепочкой все преподаватели старших классов, включая завуча и секретаря школы.

- Вот они где, деньжищи-то! – говорил Волька. – Вот на чем можно разбогатеть!

Я думаю, рано или поздно он смог бы меня уговорить. Мы бы, наверное, даже что-нибудь заработали. Хотя по прошествии пятнадцати лет я понимаю, насколько детским и наивным был первый Волькин бизнес-план. Но история пошла другим путем.

Невидимые кукловоды дернули за другие ниточки.

Волька пришел рано утром.

Я не успел как следует проснуться, и сквозь сон услышал из своей комнаты, как мама говорит кому-то, что в полвосьмого утра нормальные дети никуда гулять не выходят. Потом расслышал встревоженное Волькино: «Ну, пожалуйста! Разбудите его!», поднялся с кровати и выбрался в коридор.

Волька стоял в дверях. Светлые кудри взлохмачены, на щеках пунцовые пятна, а лоб

покрыт крупными каплями пота. Одет черте во что, будто среди ночи вытащил из шкафа первые попавшиеся вещи и решил, что пойдет.

- Мам, я уже не сплю, - буркнул я. – Пусть заходит.

Мама перевела взгляд с меня на Вольку, потом обратно. Сказала со вздохом:

- Тогда завтрак будет готов через полчаса, - и удалилась на кухню.

Мы прошли в комнату. Я свалился обратно в кровать, обхватив подушку, и сонно поинтересовался, что за срочные дела привели Вольку в такую рань.

- У меня тут проблемы, - сказал Волька. – Похоже, очень серьезные.

- Опять на бродяг наткнулся, когда банки собирал?

Волька сел на пол, запустил пятерню в волосы, пытаясь их пригладить.

- В общем, понимаешь, я с того нашего разговора решил делом заняться. Ждал вдохновения, ну, чтобы кукловод появился. Пару рисунков накидал, но, чувствую, не то. А потом – раз! – и поперло. Кто-то будто за меня на ватмане набросал черновой рисунок карандашом. Знаешь, что там было? Призраки! Как на твоей ширме. Будто живые и будто наблюдают. Глазищи такие... страшные. Тянут руки с листа, хотят схватить. Мне даже не по себе стало на какое-то время. Но вот я смотрю на рисунок и понимаю, что он очень хороший. Его действительно можно продать!

- Так и в чем проблема? – пробормотал я, усиленно борясь со сном.

Волька с силой сжал прядь волос и дернул их, будто собирался вырвать с корнем. Тут только я заметил темные мешки вокруг его глаз. Белые пятнышки в уголках губ. Потрескавшиеся губы.

- У меня папа пропал, - сказал Волька негромко. – Позавчера ночью, когда я призраков нарисовал. Просто пропал из квартиры, безо всяких следов. Он лег спать вместе с мамой, а утром его уже не было. Мама слышала, как он вставал и ходил на кухню за водой. И все. Одежда на месте, ключи на месте, а папы нет.

- В милицию звонили? – я сел на кровати. Сон слетел мгновенно. – Знакомым, друзьям. Мало ли...

- Некому звонить, - буркнул Волька. – Мама тоже исчезла. Мы позавчера не звонили, потому что мама надеялась, что это какая-то идиотская шутка. У папы есть друзья, которые могли его подговорить... А потом она пошла в обед спать, а я рисовал в комнате. Я вообще ничего не слышал, понимаешь? Я, это самое, сидел в тишине и просто рисовал несколько часов. А потом вышел из комнаты и увидел, что комната родителей приоткрыта. Я туда заглянул – а мамы нет!

- Может быть, вышла куда-то?

- Без обуви, одежды и ключей, ага. У нас замок открывается с двух сторон ключами. Так просто не выйти. А все связки лежат на полке у двери. Никто из квартиры не выходил!

Из глаз Вольки брызнули слезы. Наверное, не первые за эти дни.

- Это все рисунок, - сказал Волька. – Призраки на рисунке настоящие. Не знаю как, но я их нарисовал настоящими. Твой крем убирает прыщи и омолаживает кожу, а мои картины оживают! Это и есть дар! Только у тебя он хороший, а у меня – плохой! Я видел призраков в обед, когда искал маму. Ватман лежал на кухне на полу. Я показывал его родителям. Сначала он был свернут в трубочку, я его положил на диван у батареи. Но потом он упал и раскрылся. Я подошел ближе... и знаешь что? Они протягивали ко мне руки! Нарисованные карандашные руки! Прямо из бумаги! Пытались вылезти и схватить меня! Утащить к себе! Они уже утащили маму и папу, а теперь пытались добраться до меня! Я обоссался, блин! Я реально бежал из кухни в свою комнату и ссал! У меня до сих пор трусы мокрые!

- Ты серьезно?

- Серьезнее некуда, - он снова всхлипнул, но уже не ревел. Будто рассказанное помогло ему успокоиться. – Я все это время сидел у себя в комнате. Это очень страшно. Мне казалось, что если дверь откроется, то я просто умру от страха. Нарисованные призраки... я же их нарисовал. Но как будто не я. Понимаешь, если они смогли без следа утащить к себе родителей, то меня утащат – и не заметят!

- Тебе воды принести? – спохватился я. – Ты ел что-нибудь вообще?

Волька помотал головой:

- погоди. Мне надо. Я решился сбежать из квартиры. К тебе. Я все это время сидел и думал, что делать. Как с этим справиться. А что если я выпустил на волю каких-то монстров, и они уже давно летают по городу и жрут людей? Может же такое быть? Но я сегодня утром увидел рисунок. Призраки сидят в нем. Они ждут, когда кто-нибудь подойдет ближе. Как пауки.

- Ты снова подошел к рисунку?

- Мой план был такой: пробежать из комнаты к коридору, схватить ключи, открыть замок и броситься прочь из квартиры. Я ночь не спал. Мне казалось, если честно, я не смогу бежать. Но я все же побежал. Как ветер, блин. Открыл дверь комнаты, рванул в коридор и вот там увидел рисунок. Этот проклятый ватман лежал на полу. Его как будто выдуло сквозняком из кухни в коридор.

- И что ты?

- Я прыгнул, - выдохнул Волька. – Мне некогда было тормозить или сворачивать. Только вперед. Не знаю, что я в тот момент думал. Я просто прыгнул. И, знаешь, что произошло? Из ватмана ко мне потянулись призраки. Они хотели меня схватить. Я почувствовал такой невероятный холод, какой не чувствовал вообще никогда! Мне по ногам будто провели ледяными лезвиями! Смотри!

Он стащил носки и продемонстрировал ступни. Пятки Волькины действительно оказались в глубоких неровных порезах с темной запекшейся кровью.

- Представляю, чтобы они со мной сделали, - мрачно заметил Волька, надевая носки обратно. – Но я вроде как перепрыгнул, схватил ключи и рванул на улицу. Сразу к тебе. Я очень много о тебе думал.

- И что надумал?

Волька взял меня плечи, сказал:

- Нужно, чтобы ты приготовил крем, который растворит этот рисунок. Одно колдовство уничтожит другое. Это самый верный путь.

Я никогда не славился героизмом. Я даже дрался всего один раз, вынужденно. А тут... По спине пробежал холодок.

- Ты серьезно? Это же нам надо будет идти туда, где...

- Конечно, серьезно. Они забрали моих родителей. И наверняка заберут кого-нибудь еще. Надо их остановить. Ты же Фокусник, брат. Я верю, что ты можешь сделать крем, который растворит ватман с призраками до последнего кусочка.

- Нам надо будет идти туда, - повторил я, и понял, что голос мой дрожит. – Идти к призракам, да?

Волька потряс меня за плечи, но совсем не так, как это делала мама. Это была дружеская встряска. Он сказал:

- Мне нужна помощь. Очень нужна.

- Волька, - буркнул я. – Волька, ты понимаешь вообще, что хочешь сделать? Мы можем во что-то ввязаться, из чего вообще никогда не выберемся. Порчу на себя наслать или умереть.

- Прекрасно понимаю, - ответил он. – Но мне кажется, что мы справимся. Ты Фокусник, у тебя есть дар, и он хороший. В смысле, положительный. А добро всегда побеждает зло.

- Ага. Либо о побежденном добре никто и никогда не вспоминает. – Не помню, где я слышал эту фразу, но она мне запомнилась надолго.

Будто в тумане я прошел на кухню, где пахло яичницей и лимоном. Мама суежилась у плиты. Я спросил, когда она пойдет на работу, а мама ответила, что уж точно не оставит голодными двух мальчишек. Тогда я сказал, что мы с Волькой позавтракаем в моей комнате, а сам пошел в спальню к маме и прихватил у нее с ночного столика последний номер женского журнала. Именно в нем я нашел новый рецепт крема.

Когда мама накормила нас завтраком и ушла на работу, я вернулся на кухню и создал свой волшебный крем номер три. Рецепт из журнала, плюс некоторые изменения.

Кукловод снова принялся за дело.

Невидимые ниточки крепко перетянули мои пальцы. Мысли текли, неуправляемые. Внутренний тумблер провернулся, и я ощутил холодную пустоту в животе и в голове. Это был уже не я, а кукла, занимающаяся колдовством. Вуду, или что-нибудь в таком духе.

Кукловод стоял где-то за спиной, пользуясь моим даром, и что-то получал взамен. Ведь ничего не происходит просто так. Золотые монетки сыплются к ногам умелого Фокусника, если фокус сработал как надо.

Когда крем был готов, кукловод ушел. В животе громко заурчало.

Волька спросил:

- Как ты понимаешь, что сделал именно то, что нужно?

Я пожал плечами:

- Мне просто приходят в голову мысли. Я заранее знаю, что нужно добавить и в каких пропорциях. Это знания из ниоткуда.

- Как и мои призраки. Из ниоткуда.

К вечеру мы с Волькой опробовали крем на листе плотного картона. Я положил картон на пол в коридоре и брызнул на него несколько густых маслянистых капель, от которых пахло огурцом и ванилью. Темные пятна крема расплзлись по листу, пропитывая. А затем картон распался на множество бурых ошметков, похожих пепел.

Волька задумчиво произнес:

- Это же так и человека можно...

- Нет. Только бумагу, - сказал я. – Ты просил уничтожить рисунок. Никаких людей.

Мне неожиданно не понравилась его мысль.

- А можешь сделать крем, который, это самое, и человека тоже?

- Вряд ли. Я не знаю как. Пошли, что ли, к тебе домой?

Идти было страшно до чертиков. Неизвестный страх – хуже всего. Если честно, с каждый шагом идти становилось все сложнее. Уже у подъезда я понял, что не могу заставить себя подняться на крыльцо. Я замер, запустив руки в карманы шорт, поглядывая на голубое небо без облаков. В кармане нащупал прохладный флакон и крепко сжал его.

- Обещай мне, пожалуйста, - сказал я, - что если все пройдет, как надо, ты больше никогда не будешь рисовать ни призраков, ни кого бы то ни было еще.

- Ага, обещаю, - ответил Волька и, подумав, добавил. – Ты мне тоже самое пообещай. Про крем.

- Без проблем.

Мы-таки вошли в подъезд и поднялись на этаж. Волька достал ключи и долго звенел ими, пытаясь попасть в замочную скважину. Волькины руки тряслись.

Я же достал флакон и откупорил крышку, готовый брызнуть содержимым в любой момент. Крем был жидкий, по консистенции напоминавший растаявшее мороженое. Я специально сделал его таким, чтобы легко можно было вылить.

Наконец, дверь открылась. Волька отпрыгнул мне за спину, а я, выставив перед собой флакон, шагнул в коридор.

Серый свет, падающий из дверей комнат, осветил разбросанную на пороге обувь. Там же валялись бесформенная темная куртка и скомканный шарф. Сразу за первым дверным проемом, неподалеку от двери в кухню, на полу лежал лист ватмана.

Мне показалось, что вокруг листа разливалось голубоватое свечение. Я моргнул. Видение исчезло. Слегка загнутые края листа шевелились от сквозняка.

Сердце у меня стучало так, что готово было пробить грудную клетку. Я сделал первый шаг и оказался внутри квартиры. Почему-то подумал, что Волька сейчас закроет дверь за моей спиной и сбежит. Но я чувствовал Волькино тревожное дыхание. Он был рядом.

Еще один шаг. Переступил через шарф. Еще шаг. Оказался напротив комнаты, хотел заглянуть, но понял, что не могу оторвать взгляда от листа ватмана, края которого, вроде бы, все отчетливей шевелились. Это был уже не сквозняк. Кто-то намеренно шевелил бумагу.

Может быть, изнутри.

Цепкие пальцы впились мне в плечо. Волька шепнул хрипло:

- Я вижу их! Я, блин, их вижу!

С того места, где мы стояли, можно было разглядеть неровные карандашные штрихи. Ничего более. Но мне вдруг тоже показалось, что я встретился взглядом... с нарисованными глазами. Темными, заштрихованными... И за изгибами и линиями вдруг появилось нечто большее. Нечто живое.

Мне стало невероятно страшно. Нарисованные глаза искали, высматривали, а, быть может, уже давно заметили и только и ждали момента, когда я подойду ближе. Разглядывали.

Ноги сделались ватными. Правое колено подогнулось, и я невольно шагнул ближе, еще ближе... Я заорал, плеснул кремом из флакона на ватман, вылил себе на ладонь влажную холодную массу и швырнул, разбрызгивая. Флакон упал на бумагу, а я продолжал орать, выплескивая наружу скопившийся страх. Следом заорал и Волька. Он схватил меня за плечо и пронзительно тонко завопил:

- Бежим отсюда! Бежим!

Бумага растворялась, рассыпаясь по линолеуму черным пеплом. Мне снова показалось, что я вижу голубоватое свечение, но стоило моргнуть – и оно исчезло.

Я попытлся, не в силах совладать с собственным телом, запнулся о что-то и едва не упал – Волька подхватил меня подмышки и вытащил прочь из квартиры в серость и прохладу лестничного пролета. На наши крики из квартиры у лифта высунулась пожилая дама и проворчала:

- Нормальные дети на улице гуляют, а не по подъездам шляются.

Волька захлопнул дверь квартиры, провернул ключ в замке, и мы бросились вниз по лестнице, вон из дома, скорее, скорее на улицу, из подъезда, через двор, мимо детской площадки, к серой трехэтажной школе, где у пристройки бассейна всегда собирались в укрытии старшеклассники и курили. Только там остановились, тяжело переводя дух.

- Ты видел? Видел? – округлив глаза, выдохнул Волька. – Руки потянул! Едва не схватил!

Я честно признался, что не видел ничего такого. Мне только казалось, что взгляд нарисованных глаз буравит спину до сих пор. И еще сердце колотилось в груди.

Мы рухнули в траву и лежали минут, наверное, двадцать. Волька тяжело дышал, то и дело шмыгал носом и растирал виски пальцами. Потом он спросил:

- Ты слышал, как разбивается флакон? Я видел осколки, но не слышал звука. Как будто осколки упали внутрь бумаги, в рисунок.

Я не знал, что ему ответить. Меня все еще колотило от страха. Я лишь бормотал, как заведенный:

- Никогда больше ничего не рисуй! Никогда больше... Ты обещал, слышишь? Ты обещал...

Родителей Вольки так и не нашли.

В тот же вечер я попросил маму вызвать милицию. Мы заранее придумали историю о том, что кто-то вломился в квартиру, когда Волька гулял. Я пришел к нему в гости, мы на кого-то наткнулись в коридоре и в испуге убежали. Свидетелем выступила старушка с лестничной площадки. Да, кричали, да, убежали. Как преступник вломился в квартиру, не оставив следов взлома и куда дел Волькиных родителей так и осталось для милиции загадкой.

Волька побывал в своей старой квартире несколько раз – всегда в присутствии взрослых. Позже он утверждал, что видел в коридоре черные ошметки бумаги и следы крема. Осколков не видел. Призраков тоже.

Вольку забрала к себе родная бабушка, квартира которой находилась в двух кварталах ближе к моему дому. Он прожил у нее до окончания школы, а затем почти сразу после выпускного решил уехать в столицу, поступать на архитектора.

Рисовать Волька бросил, как и обещал. Мы ни разу за оставшиеся два года знакомства не затрагивали темы призраков. Ускользали от разговора по обоюдному согласию. Это было табу, старательно запрятанное в глубины памяти. Я тоже перестал варить крема, пока не

настал черед напомнить матери о том, как она обошлась с отцом. Тогда пришлось нарушить обещание. Всего один раз. Немым свидетелем выступил кукловод, плотно перетянувший кончики моих пальцев и забравший мысли на то время, пока варился крем.

В последний раз мы виделись с Волькой на выпускной в одиннадцатом классе. Вдрызг пьяный Волька пытался поджечь мусорный бак. Мусор не горел, а только дымился. Волька хохотал, ругался, но попыток не оставлял. Нас отогнал от урны дворник. Волька пригрозил ему кулаком и пообещал нарисовать чудовище и подбросить рисунок дворнику под дверь.

- И оно тебя сожрет, слышишь? – орал Волька, пока я тащил его от урны. – Ну, или что-нибудь с тобой сделает! За все, что ты совершил! От него не убежать! Никогда!

На следующее утро Волька улетел в Москву. За пятнадцать лет, прошедших с тех пор, я не получил от него ни единой весточки. Только иногда по ночам мне снился узкий коридор квартиры, где на полу лежал лист ватмана и чьи-то нарисованные глаза искали меня. А, может, разглядывали и запоминали.

3.

Я вышел из номера отеля, когда стемнело.

В коридоре вдоль стен зажглись светодиодные нити, озаряющие пространство печальным желтоватым светом. Длинная тень торопилась впереди, будто хотела оторваться и умчаться прочь от номера, из отеля, из Греции, обратно в холодную и тоскливую Москву.

На первом этаже у ресепшена я взял бутылку с минералкой и уселся на диване у дверей.

Мысли в голове крутились неприятные и дерзкие. Я ждал, когда снова увижу Вольку. Чувствовал, что он непременно должен появиться. Так и произошло. Спустя десять минут ожидания, Волька показался из паутины коридоров. Развязный, пьяный, дурно одетый, потный и покрасневшийся от жары.

Он увидел меня издалека, помахал пятерней. На ногах – носки и тапочки, шорты песочного цвета, майка на лямках оголяет загоревшие плечи и складки вокруг подмышек.

- Привет, это самое, - сказал Волька, тяжело опускаясь на диван. – Не думал, что после утреннего разговора увидимся.

- Волька, ты был прав, - сказал я негромко. – Я, мать его, долбаный альфонс.

- Что? – ухмыльнулся он.

- Альфонс. Трахал старую тетку, чтобы забрать ее деньги. У Марго собственный бизнес. Сеть ресторанов в Москве и области. Еще два открываются в Питере. На счетах сотни тысяч евро лежат. И все это дело бесхозное. Сына она не признает, в благотворительность не верит, политикой не интересуется. Остается только копить или тратить.

- На тебя?

- На меня в том числе.

- Резкое, знаешь ли, откровение.

Волька повел меня из отеля во внутренний двор, к кафе-ресторану под открытым воздухом. Там мы уселись за столик в плетенные кресла. Волька заказал пива. В руках его оказалась пачка сигарет и коробок спичек без этикетки.

- Рассказывай подробнее. У нас же секретов нет, - сказал, будто не было утром неловкого диалога и будто не пролегло между нами расстояния в пятнадцать лет.

- А что рассказывать? Я почти десять лет работал официантом. Проклятый неудачник. Дважды не поступил в универ, загремел в армию, отслужил, потом то дворником, знаешь, то электриком пытался. В итоге пошел в официанты, по знакомству. Ну и тарабанил за копейки на старость. Встретил Марго. Он пришла молодость вспомнить, напиться и покутить. А тут я. Напились вместе, а проснулся у нее в квартире. Там знаешь какая квартира? Семь комнат, окна на Кремль. Дворец настоящий. Я когда проснулся у нее в кровати, сразу хотел уйти, но потом лежал в полумраке и думал о том, что я ведь никогда в жизни на все это не заработаю. Так и сдохну официантом или дворником. Мне тридцатник, а я без высшего образования, без нормального опыта работы, перспектив никаких...

- И ты решил продолжить? – ухмыльнулся Волька и потрянул головой, словно вместо

блестящей лысины у него там снова вились золотистые кудри.

- Я подумал, что это, пожалуй, лучший способ прожить остаток жизни.

- Гениальный план. И вы поженились, насколько вижу?

- Да, несколько лет назад. Сначала ухаживания, любовь-морковь. Влюбить в себя пожилую женщину чрезвычайно легко. Советую. Ну и закрутилось. Семейная жизнь, все дела. Вот прилетели в Грецию, отметить три года брака. - Я сконфуженно замолчал, обнимая пальцами холодный бокал с пивом.

Волька курил. Ладони его были в краске. Разноцветные яркие пятнышки разлетелись по загоревшей коже. Желтые, синие, зеленые.

- А ты, значит, решил снова рисовать?

- Я и не заканчивал, - ответил Волька. - В универ поступил, на архитектора, два курса проучился и понял, что не мое. Бросил, от армии откосил, бизнесом занялся. Знаешь, каким? Картины продавал. Портреты, на заказ. - Он подмигнул, ухмыльнулся недобро. - Вчера, как тебя увидел, вспомнил все. Ступеньки ДК, квартиру моих родителей, лист ватмана. Знаешь, Фокусник, я давно не ворошил прошлое. Не люблю все это дело вспоминать. Молодые были, бесстрашные. А вчера, это самое, вечером пришел к себе и думал ночью о детстве.

- О призраках, - напомнил я.

- И о них тоже, о родимых. Но в первую очередь, конечно, о детстве. Помнишь, кем мы хотели стать, а? Размышляли о волшебстве, о том, как сможем зарабатывать миллионы. К нашим ногам упадет весь мир, а мы, это самое, взберемся на самую вершину.

- Помнишь про обещание? - спросил я. - Про кукловода? Лучше не рисковать с ним. Он же мозги стирает, волю отбирает. Помнишь? - От ледяного пива свело скулы. Я попросил у Вольки сигарету и хотя не курил уже много лет, сделал первую затяжку без особых проблем. Горьковатый дым, проскользнувшись в легкие, неожиданно успокоил. Заметил, что у меня все еще дрожат кончики пальцев.

- Прекрасно все помню, - ответил Волька. - Пару лет в школе еще держался. Боялся, это самое, что нарисуют очередных призраков и не справлюсь с ситуацией. А как в Москву перебрался - сорвался. Рисовал и рисовал, без остановки. Мы с кукловодом вроде как сдружились. Он мне тумблер в душе проворачивает, и я человеком становлюсь. Настоящим.

- Он же управлял...

- Ну и пусть. Ему-то что надо? Ниточки на пальцы набросит, и довольный. Не знаю уж, как он этот дар запускает и что с ним делает, но я чувствую, что все в порядке.

Я поерзал на стуле, собираясь с мыслями:

- Ты уверен, что все в порядке? Как-то... нездорово выглядишь. Тапочки с носками, майка твоя эта.

- Портреты, - перебил Волька. - Дорогие эксклюзивные портреты умерших людей. Выходят как живые. Многим даже кажется, что мертвые с ними разговаривают с помощью моих рисунков. Хотя я стараюсь все отрицать. Это мой бизнес. Помнишь, еще до обещания, я предлагал дело открыть? Решил без тебя, каюсь. В Москве никогда не найти близких людей. Начал сам. Открыл дар. Провернул тумблер.

- И они... эти мертвые... никого не забирают к себе?

Волька неопределенно пожал плечами:

- Может и забирают. Может, кто-то этим и пользуется. Не знаю. Мне все равно. Деньги платят, капиталы растут, моя душа спокойна. Живу здесь девятый год и не жалею, - была в его голосе какая-то легкая, едва уловимая тоска.

- Живешь здесь?

- Это мой отель, - зевнул Волька. - И еще пять по побережью, тоже мои. Вкладываю заработки, так сказать. Сейчас вот закончу портрет одного умершего шейха и отправлюсь в Россию на недельку, отдохнуть, к дальним родственникам. Сибирь, это самое, дикая природа, охота и рыбалка. Красота!

Мне никак не удавалось собраться с мыслями. Что-то в глубине души трепетало и сжималось, дергалось и разжималось.

- Значит, все отлично, - выдавил я. – Рад за тебя. Ты, это, извини, что я тут с ненужными откровениями. Мы же вроде старые друзья, все дела. Подумалось, что можно с тобой нормально поговорить. Вспомнить старое. Обдумать новое. Пьяные мысли, кому они нужны, кроме старых друзей?

- Без проблем, дружище, - Волька улыбнулся. – Время не властно над дружбой, знаешь? Эти пятнадцать лет можно взять – и стереть! Как будто мы подростки в десятом классе, сидим на заднем дворе школы, пьем пиво и курим «Приму», а? Твои секреты – мои секреты! Ты меня один раз спас, я тебя тоже когда-нибудь спасу!

Наверное, я именно этого и ждал.

Взял его за ладонь и крепко сжал. Когда наши взгляды встретились, сказал:

- Волька, друг, мне надо чтобы ты спас меня прямо сейчас. В эту самую минуту. Дело в том, что я убил Марго. Это долбанную старую сумасшедшую.

Рецепт четвертого волшебного крема мне приснился.

Это случилось через год после того, как мы Марго стали жить вместе. Мозг иногда подбрасывает идеи на счет того, как выбраться из самой безнадежной ситуации. А ситуация выглядела чудовищной.

Я рассчитывал, что проведу с Марго несколько месяцев, выужу из нее максимум денег и исчезну – ищи-свищи. На деле же выяснилось вот что: старуха была форменной параноидальной стервой.

Она контролировала все свои расходы до копейки. Сохраняла чеки и выписки, вела в нескольких программах учет. Все вокруг называли ее не иначе, как тетушка Скрудж. Я не получил на руки ни единого рубля. Покупками Марго занималась самостоятельно. Я влился в табель о расходах, наравне с несколькими собаками и прислугой. Разве что должен был ее трахать вместо того, чтобы готовить ужин или стирать белье.

После свадьбы ситуация не изменилась. За исключением одного пункта. Марго не стала настаивать на брачном контракте. Однажды, когда мы лежали в кровати и я бездумно перебирал ее редкие тонкие волосы, думая о том, как хорошо было бы намотать их на кулак и резко рвануть, Марго обронила шутку о том, что с моим появлением отпала проблема с родственниками.

- Ни один маленький крысеныш их моей семьи не получит ничего, - сказала она, мечтательно. – Как бы им этого ни хотелось, я наняла самых лучших юристов, которые будут на твоей стороне. Как только я умру, они разорвут в клочья любого, кто приблизится к тебе и к моим деньгам. Отличный способ мести, не находишь?

Я не знал, что произошло у Марго с ее семьей, но подобная ситуация меня устраивала.

Осталось только дожидаться, когда Маргарита умрет.

Мне не нравилось жить с ней. Я не выносил вида ее обнаженного тела. Меня раздражал ее запах, форма носа, вставные зубы. Мне было невыносимо тошно целовать эти пересохшие и потрескавшиеся губы, дотрагиваться до холодной кожи, водить пальцами по сморщенным соскам обвисшей груди. Я подсел на «Виагру» не хуже наркомана и научился мечтать о красивых молоденьких фотомоделях каждый раз, когда мы занимались сексом. А Марго, мать ее, любила заниматься сексом. И она не собиралась умирать.

- Я сварил крем. Впервые с того момента, как умерла мама. Мне казалось, что я больше никогда не смогу этого сделать. Мне не хотелось, ну, знаешь, будить кукловода и проворачивать тумблер. Я всегда этого боялся.

Мы с Волькой стояли в номере отеля и разглядывали то, что осталось от Марго. Я тихо, сбивчиво говорил, ощущая, как дрожат пальцы, а воздух обжигает легкие.

- Помнишь, ты говорил, что у тебя плохой дар, а у меня хороший?.. Ничего подобного. Дар не бывает плохим или хорошим. Все зависит от того, справишься ты с кукловодом или нет. Кто за какие ниточки будет отвечать. Я не справился и нарушил обещание. Получал огромное удовольствие, когда варил для мамы омолаживающий крем. Кукловод меня одолел. Поэтому я решил, что больше никогда не возьмусь за варку крема. Не позволю внутренним демонам

вырваться наружу...

Когда я замолчал, переводя дух, Волька шагнул в сторону кровати. Из рта у него торчала сигарета, и сладковатый дым табака смешивался с запахом гниющей плоти.

- Что ты с ней сделал? – спросил Волька. В голосе его скользило легкое любопытство. Или недоумение.

Я пожал плечами:

- Намазал кремом. От него кожа сжимается. Знаешь, как если резко сдуть воздушный шарик. Она час назад выпила снотворного, чтобы нормально выспаться. Это у нее что-то вроде традиции после секса. Так вот я намазал Марго кремом и стоял здесь, наблюдал, как ее кожа начинает сжиматься, как она рвется, лопается, отслаивается... но я, блин, не знал, что будет столько крови! И потом еще Марго проснулась. Ненадолго. Она пыталась закричать, но не смогла открыть рта. У нее лицо напоминало натянутую маску не по размеру. Правда, кожа на лице тоже скоро лопнула. Ну и вот...

Только сейчас я подумал, что стою перед Волькой, как провинившийся школьник перед мамой, и ожидаю, втянув голову в плечи, что он начнет меня отчитывать. А я буду оправдываться – о, да! – мне надо будет придумать что-то вроде аргументов в пользу убийства.

Она была слишком стара!

Из ее рта пахло гнилью!

Эта старая стерва не давал мне ни рубля!

Я хочу чувствовать себя мужчиной, в конце концов!

Это все кукловод! Он ждал, ждал много лет, чтобы проверить тумблер!

Ты должен понимать, ведь тумблер в твоей душе уже давно с сорванной пружиной!

И вот я стоял перед Волькой, беспомощный и открытый, и не понимал, почему он до сих пор не бросился вызывать полицию, не назвал меня сумасшедшим. Он просто разглядывал то, что осталось от Марго, водил безучастным взглядом по ошметкам крови, кровавым подтекам, кускам плоти, и время от времени пускал сизый дым носом. Спустя пару минут он сказал:

- Надо будет тут все подчистить.

- Я не знаю, что на меня нашло. Сорвался, наверное... Что?

- Убрать надо будет, говорю. Тело я беру на себя, остальным займутся местные дамочки из персонала. Тебе надо будет часика два посидеть возле бассейна. Потом вернешься в номер, прозвонишь по телефонам своей ненаглядной и, это самое, заявишь в местную полицию о пропаже.

- И ее найдут? – спросил я, чувствуя зарождающийся внутри головы странный, медный гул.

- Нет. Нечего будет искать. Пойдем.

Мы спустились на нулевой этаж, к парковке. Волька вел меня за руку, гулко шлепая по бетонному полу резиновыми тапками. Мы обогнули будку с охраной, оказались в узком проходе между бетонных плит с низким потолком. Вокруг кутались тени, света было мало. Казалось, что мы погружаемся в темноту с каждым шагом. Затем я увидел дверь без опознавательных знаков. Волька открыл ее ключом и жестом пригласил меня войти первым.

В свете редких желтых ламп я различил небольшое помещение, напоминающее гараж. Вместо стен – полки. Множество полок до потолка, с вертикальными металлическими перегородками. Все полки забиты свернутыми листами бумаги.

- Что это? – спросил я, понимая, что вопрос глупый и, в общем-то, бесполезный. Несложно было догадаться.

- Это, брат, кукловоды, с которыми я смог договориться, - сказал Волька. Его рука тяжело легла мне на плечо. – В каждом моем отеле есть такая комнатка. Я рисую постоянно. По два-три рисунка в день. Не считая заказов. Только так мне удастся справляться с этим проклятым даром. Не буду рисовать – из листов вылезут призраки, демоны, черти, вампиры, кракены и

сожрут меня к чертовой матери с потрохами. Как когда-то давно они сделали это с моими родителями. Для моих заказчиков это всего лишь бизнес, для меня – плата за жизнь.

Я не в силах был вымолвить ни слова.

- Нарушил обещание, не скрою. Надо было жить серой, мелкой жизнью, изнывая от желания постоянно рисовать, но сдерживаться. Тогда бы мне не за что было себя винить. Признайся, ты ведь тоже хотел сварить крем. Хотя бы еще разок, да? Это как с онанизмом. Всегда хочется сделать в последний раз. Пока нет постоянной девушки, или когда в постели семидесятилетняя старуха. Разве ты закончишь когда-нибудь? Нет.

Голос его дрожал от волнения. Дрожь передалась и мне. Я невольно мотнул головой. Шепнул:

- Ты прав. Абсолютно прав. Я и сейчас хочу сварить кое-что. По рецепту номер пять. Просто так. Для себя.

- Вот видишь. Эта дружба на века. Выбирай, - сказал Волька, – на любой вкус. Каждый из тех, кто изображен на картинах, готов избавить тебя от драгоценной, но, увы, мертвой жены. Без следа. А затем я заберу лист обратно, сверну его в трубку, положу на полку, и ни одна живая душа не узнает, что произошло. Считай, что я сдержал обещание и расплатился за то, что ты сделал для меня в детстве. Идет?

Что я мог ему ответить?

Конечно.

Идет.

Волька оставил меня в баре у бассейна, а сам ушел с листом ватмана подмышкой, ко мне в номер.

Я заказал пива и, развалившись в кресле, наблюдал как аниматоры развлекают детей. Солнце давно зашло за горизонт, кругом горели фонари, и атмосфера призывала расслабиться, забыть о проблемах, ни о чем больше не думать. Но я продолжал размышлять о нашем с Волькой детстве. О том, какими мы были и какими стали. Я – альфонс, убивший богатую жену ради ее денег. Он – миллионер, владелец отелей в Европе, вынужденный каждый день рисовать картины против своей воли.

Волька пришел минут через двадцать. Разложил на столе телефоны, сигареты и коробки спичек без этикеток. Мы не разговаривали, а просто смотрели на аниматоров. Потом Волька сказал:

- Когда получишь по завещанию все эти старухины миллиарды, будь добр, перечисли мне десять процентов за работу. Я сброшу реквизиты компаний.

- Мне показалось, ты делаешь это ради дружбы.

Волька ухмыльнулся, постучал себя согнутым указательным пальцем по лысине.

- Ты форменный идиот, - сказал он, – если в таком возрасте все еще веришь в сказки.

Мы посидели в молчании какое-то время. Я допил пиво и спросил, можно ли возвращаться в номер. Впереди меня ждало несколько сложных дней.

Волька протянул мне руку. Рукопожатие вышло крепким.

- Комар носа не подточит.

- Пообещай, что мы больше никогда не увидимся, - сказал я на прощание.

- Непременно, - ответил Волька.

Я прошел мимо бассейна, к стеклянным дверям отеля, и все это время казалось, что Волька смотрит мне в спину. Только это был молодой Волька, с белыми кудрями, с прыщавым лбом, тот самый Солнечный Мальчик, который любил нарушать обещания.

Оборотень (Вадим Громов)

- Ты чё тормозишь, убогий? С покупочками определился, денежку отдал, сдачу простил, и – топай себе. Или я не права? Слышь, Нинуль, когда я была неправа?

Мужеподобная продавщица, монументально возвышающаяся над прилавком, полуобернулась назад, ожидая поддержки коллеги. Массивная фигура, грубые черты лица, совершенно неподходящее им жидковолосое карэ - и запах свежего перегара.

Вторая продавщица изрекла невнятный набор гласных. В отличие от напарницы, она переборщила с дозой и, по мнению Курмина была недалеко от «ухода в астрал».

Данный магазинчик Михаил не любил, но в округе он один работал до полуночи. Это изредка выручало при необходимости мелких, но срочных покупок. Удобство в графике работы было, пожалуй, единственным плюсом. Здесь хамили и по мелочи обсчитывали всегда, но сегодня продавщица вышла за рамки, причём - безо всякой причины. Он зашёл в павильончик всего-то минуточку назад, определился с парой основных покупок и теперь пытался припомнить - не нужно ли что-то ещё. Видать, чем-то не глянулся. То ли внешностью, то ли - неторопливостью.

- А п-повежливее н-нельзя? - Оторопел Курмин. - Я же вам ничего...

- Чего? - С садистским предвкушением перебила его продавщица. - Па-а-авежливе-е-е? Да кто ж с тобой, таким плюгавым, «сю-сю» разводить станет? Ты себя в зеркало давно в последний раз видел, чуча корявая? А?! Полчаса сраный "Доширак" купить не может, тупит, словно его дебил высрал! Мы через минуту закрываемся, а он ни "бе", ни "ме". Я тут должна ещё хренову тучу дел переделать - так это его не колышет! Всем наплевать, как мы тут корячимся! Слышь, Нинуль?!

...горбоносый брюнет распылил рот в нагсадном крике, пытаясь ползти, прижимая к боку безвольно обвисшую руку. Метрах в трехстах весело полыхали неоновые огни ресторана, который он покинул несколько минут назад. Хмельной, веселый, довольный случайным знакомством с приятной перспективой...

На асфальте оставалась кровавая дорожка. Бицепс отсутствовал напрочь, в доли секунды выдранный острейшими клыками вместе с куском рукава дорогой кожаной куртки. В глазах горбоносого расцветало, прочно укоренилось осознание конца... Ещё полминуты назад - надменная, холёная физиономия теперь была начисто лишена чего-либо человеческого, скрывшись под липкой маской ужаса. Травматический пистолет нелепой игрушкой валялся в стороне. Абсолютно беспомощный против кошмара, как бумажный самолётик беспомощен против напалма. Крик становился тонким скулежом, чернявый перевернулся на спину, вонзив неверящий взгляд в то, что стояло перед ним...

...Курмин тряхнул головой, прогоняя невесть откуда возникший в голове эпизод качественного хоррора. Чертовщина какая-то...

- Что, корёжит?! - осклабилась продавщица. - Отходняк подвалил? Нажрутса стекломоя, а потом ходят, трясутся! В долг норовят выклянчить! Помирают они, видите ли! Алкашня подзаборная!

Курмин развернулся и пошёл к выходу. На душе было гадко, как бывает всякий раз, когда сталкиваешься с хамством. На которое, к тому же, ты не умеешь отвечать.

Над внешностью Михаила подхихикивали: и на улице, и на работе. Он почти свыкся с этим, а что было делать? Не вешаться же? Если в тридцать восемь лет у тебя рост метр сорок шесть, небольшой горб и не самая обольстительная внешность. Но так его не обижали уже давно.

- Давай звездуй, недомерок! - доносилось сзади. - Драной скатертью дорожка! Может, тебя этот поганый оборотень сожрёт, если только ты ему поперёк глотки своим горбом не раскорячишься! Верно я говорю, а, Нинуль?!

Михаил вышел из магазина. Времени было без пятнадцати полночь, ближайший

круглосуточный павильон находился примерно в трёх километрах отсюда. Топать шесть км по морозцу ради половинки хлеба и упаковки пельменей... Ладно, откладывается. Придётся сегодня чайку похлебать, а завтра с утра - в гипермаркет.

Квартира встретила Михаила обыденным холостяцким безмолвием. С семейной жизнью не складывалось по вышеупомянутым причинам, и Курмин давно привык к одиночеству. Не пробуя избавиться от него с помощью братьев наших меньших. На собачек, кошечек и прочих канареек можно и в Интернете полюбоваться.

Попив чаю, Курмин лёг спать.

Утро выдалось хмурое, крайне снежное. Снег несло хлопьями, повергая в коммунальные службы в депрессию. Курмин принял душ и стал собираться в магазин, одновременно пытаясь вспомнить, что ему снилось этой ночью. Сны в последнее время становились мутными, расплывчатыми. Какие-то бессвязные образы, события, эмоции.

Объединяло их только одно: неизменное присутствие пронзительной тревоги, осознания чего-то неизбежного, злого...

Минувший сон тоже не стал исключением. Плюнув на бесплодность попыток восстановить хоть эпизод сновидения, Курмин оставил эту затею.

Во дворе сосед ошалело раскапывал свою "Хонду", находящуюся в жёстких снежных объятиях. Михаил прикинул сколько сил уйдёт для вывода его "девятки" на оперативный простор, ужаснулся и двинул на своих двоих.

Первопроходцы уже протоптали дорожку к автобусной остановке - узенькую, с двух сторон зажатую сугробами. Так что до цели Курмин добрался относительно легко.

Маршрутка вынырнула из снежной завесы, и мятущаяся группка людей на остановке вторглась в салон, стряхивая снег с одежды. Хорошо ещё, что дом Курмина находился недалеко от автобусного кольца, и свободных мест пока хватало.

- ...слышали? Говорят, оборотня поймали. - До Михаила долетел обрывок разговора с соседнего сиденья. - Точнее, не поймали, а покрошили из пяти "калашей", кровищи было...

Мужичок лет сорока восьми - пятидесяти с лицом вечного "пострела, который везде поспел", увлечённо рассказывал соседу очередной городской жутик, наверняка, вычитанный в каком-нибудь «Криминальном вестнике». Через минуту, после ненароком брошенной фразы "Брехня поди..." рассказчик разгорячился, и повествование стало публичным.

Маршрутка внимала. Курмин скукаясь смотрел в окно, отрешившись от этих ужасов, излагаемых общественности уверенным баском завязтого сплетника.

Круглосуточно работающий гипермаркет распахнул створки автоматических дверей, и Курмин очутился на территории продуктового изобилия. Выдернул из стопки возле входа корзину и двинулся в зал. Покупателей было немного. Невысокий, полноватый охранник маялся возле турникета, позёвывая в ладонь. Михаил не спеша пошёл вдоль стеллажей, витрин и камер с замороженной продукцией. В корзину легли пельмени, хлеб, два десятка яиц, сосиски, сгущенные сливки, куриные окорочка, полтора кило картошки. Набор холостяка со стажем.

Высокий мужчина в старенькой, но чистой дублёнке и потёртой кожаной кепке с ушками вывернул из отдела с алкоголем навстречу Курмину, едва не столкнувшись с ним.

- Премного извиняюсь! - виновато улыбнулся он.

Ловко обогнул Михаила, размашисто зашагал в сторону касс. Несмотря на извинения и улыбку, взгляд у него *рыскнул*, словно сквозь маску - на миг вдруг проглянула истинная сущность. Что-то неприятно царапнуло у Курмина в подсознании, но он списал это на вчерашний конфликт, осадок от которого ещё бултыхался на дне души.

Михаил не глядя, бросил в корзину упаковку с замороженной пищей, взятой на случай острого приступа лени, и повернул за угол - туда, откуда появился высокий.

Алкогольный стеллаж был необъятен, но ещё необъятнее был субъект, стоящий шагах в двадцати от Михаила. Недешёвая одежда из какой-нибудь «Львиной доли» или «Больших людей», тройной подбородок, четыре внушительных золотых перстня на сарделечных пальцах.

Любимый Курминым коньяк стоял аккуратно в месте, прочно заблокированном человеком-горой.

Михаил подошёл поближе, но дотянуться до бутылки было нереально. Подождал с полминуты, надеясь, что золотоперстнёвый пойдёт дальше, освободив подходы к напитку. Человек-гора прикипел к одному месту, вдумчиво изучая ассортимент. Прошла ещё минута.

- Извините... Мне бы бутылочку достать.

Толстый нехотя скосил глаза вниз и вбок на просительно улыбающегося Курмина, макушка которого была немногим выше солнечного сплетения толстяка.

- Чего надо? - непонятливо буркнул человек-гора. - А?

- Отойдите, пожалуйста, - терпеливо продублировал Михаил. - Бутылочку мне не достать, мешаете немного...

- А? Сейчас, да.

И необъёмный остался стоять на месте. Курмин ждал.

Через полминуты толстый вздохнул так, словно ему предстояло сделать нечто титаническое, и немного сдвинул свои телеса, давая Курмину подход к нужной полке.

Коньяк незамедлительно лёг в корзину, и Михаил двинулся дальше, вспоминая, что ещё прикупить, дабы в ближайшее время избежать лишних походов за всякой мелочёвкой.

Чай, сахар-песок, сушки с маком, подсолнечное масло. Вроде бы, всё...

- Стой, паскуда! - Яростный вопль шарахнул по ушам, когда Курмин уже подходил к кассе. - Стой, гондон! Падла!

Михаил оглянулся синхронно с остальными покупателями, стоящими в куцей очереди. Человек-гора летел по проходу, гулко бухая зимними ботинками на толстой подошве, по гладкому полу. Выражение побагровевшей морды могло не напугать разве что слепого.

"Кому это он?" - с пугливым любопытством подумал Курмин, заранее сочувствуя неизвестному пока неудачнику.

Через несколько секунд, ответ был получен. Искерпывающий, и - невероятный.

- Стой, сучара! - Громадная пятерня с чувством сграбастала Михаила за грудки: кулак размером с дыньку «колхозница» больно упёрся в нос. - Убью, пидор! Кошелёк обратно, быстро!

- Спокойно, гражданин! - В мизансцену вклинился охранник, делающий успокаивающие пассы руками. - Давайте без эмоций. Сейчас во всём разберёмся!

- Да эта падла кошелёк у меня увела! - взревел толстый. - Гондон горбатый!

- Это какое-то недоразумение... - Сказал Курмин, безуспешно пытаясь освободиться от захвата человека-горы. - Да отпустите же меня, наконец!

- Я тебя сейчас так отпущу... - зловеще сопя, пообещал толстый. - Всю оставшуюся жизнь это отпущение лечить будешь! Лопатник где?

- Да не брал я ничего! - выпалил Курмин, кривясь от боли. - Не брал, не брал!

- Отпустите его, гражданин! - Голос охранника посуровел. - Задушите ведь, в конце-то концов!

Толстый свирепо зыркнул на блюстителя порядка: но тот даже не переменялся в лице. Судя по всему, видал и не такое.

Человек-гора нехотя разжал пальцы, и Курмин смог облегчённо вздохнуть. Пара пуговиц на пальто повисли на липочках - придётся перешивать. Остальные покупатели с пугливым - кто сочувствием, кто осуждением - таращились на бесплатное зрелище, имеющее хорошие шансы стать остросюжетным. Впрочем, с сочувствием глядели немногие. Преобладали взгляды с потаённой ухмылочкой. Влип, ворюга!

- Только попробуй сдёрнуть, паскуда, - мрачно процедил толстый. - Я тебя запомнил, найду по-любому... Выловлю - ушатаю.

- Да бред какой-то... - недоумённо сказал Михаил. - Вы что-то напутали.

- Щас я тебе башку с жопой перепутаю, гнида мелкая! - снова зарычал человек-гора, придвигаясь ближе.

Курмин испуганно зажмурился.

- А ну, прекратить! - распорядился охранник с интонациями Терминатора.

Удара не последовало. Курмин открыл глаза.

Человек-гора стоял, буравя Михаила ненавидящим взглядом, но руки, хоть и сжатые в кулаки, висели вдоль туловища.

- Пройдёмте! - Блюститель спокойствия взял происходящее в свои руки. - Пройдёмте в подсобку. Так будет лучше для всех. - Он снял с пояса рацию, нажал кнопку. - Юра! Смени меня, быстро.

Через четверть минуты прибежал долговязый, рыжеватый сменщик, с отсутствующим видом замерший возле турникета.

Охранник двинулся вглубь зала. Курмин шёл за ним, захватив корзинку с продуктами. Процессию замыкал толстый, бдительно следящий за Михаилом.

Набрав код на замке, охранник посторонился, пропуская всех внутрь. Дверь закрылась.

- Что стряслось, Семёныч? - Из-за угла вырулила принаряженная дама с бэйджиком "Ирина Васильевна, управляющая магазином". - Воришку поймал?

- Сейчас узнаем... - Твёрдо заявил Семёныч, переводя внимание на толстого. - Так какие претензии у вас к мужчине?

С трудом умиряя бурлящие эмоции, человек-глыба рассказал о причине инцидента. Сумма украденного была чуть меньше четверти миллиона рублей. Снятых сегодня утром с банкомата, стоящего в этом же гипермаркете. Для каких нужд толстый обналичил где-то годовую зарплату Курмина, осталось без ответа. Впрочем, никто особо не интересовался.

- Ну, а я-то тут причём? - удивился Михаил. - С какого перепуга вы решили - что это я?

- А кто возле меня в алкоголе полчаса терся? - набычился толстый. - Ты чё, думаешь - у меня склероз с шизофренией?

Причём тут шизофрения, никто уточнять не стал, и три пары глаз вопросительно уставились на Курмина.

- Во-первых - не полчаса, а от силы - минуты три, - парировал Михаил. - И потом, вы сами виноваты! Дали бы мне сразу коньяк забрать, я бы и не стоял рядом. Ну не брал я вашего кошелька! Хоть заподозревайтесь - не брал!

- Ну, что, Семёныч? - Управляющая магазином посмотрела на стража порядка. - В отделение звонить? Крупный ущерб, как ни крути...

- Погодите, Ирина Васильевна... - Семёныч неопределённо махнул рукой. - Попробуем сами разобраться. Так говорите - на личное имущество гражданина не покушались?

- Точно, - кивнул Курмин. - Воровством не занимаюсь.

Хотел добавить «по мелочам не работаю», но решил не усугублять. Не поймёт шутки потерпевший...

- Ладненько! - Охранник состроил удовлетворённую гримасу. - Тогда вопрос номер два. Как вы смотрите на то, чтобы провести небольшой досмотр? С целью окончательного отвода подозрений.

- Да я у тебя из жопы, вот этими руками, если понадобится... - встрял человек-гора, начиная неистово трясти своими грабками, демонстрируя этим серьёзность сказанного.

- Гражданин, не нервничайте! - разбавила диалог Ирина Васильевна тоном человека, схарчившего не одну собачью выставку на общении с буйными клиентами. - Сейчас все уладим...

- Хорошо! - Курмин решил не упираться: досмотр - так досмотр! - Надеюсь, догола раздеваться не придётся?

- Не будем... - Семёныч кивнул лысеющей головой. - Пальтишко снимите, свитерок, и все личные вещи из карманов в корзиночку, пожалуйста. Вот пустая... А вы опишите, пожалуйста, как кошелёк выглядел. В деталях - содержимое и тэдэ...

- Тёмно-коричневый. Пряжка там такая, э-э-э... заковыристая, блестящая... - Толстый наморщил лоб, вспоминая детали утраченной собственности. - Тиснение, такое - узорчатое.

Размером где-то в половину моей ладони, люблю большие кошельки. Внутри права водительские, карточки с банкомата. Хорошо, сбербанковскую в карман сунул, как чувствовал. Ну, лавэ ещё, естественно. В основном, в пятитысячных...

- Ирина Васильевна, ещё пару человек позовите, не помешает. - В действиях охранника чувствовался изрядный опыт. - Марину с фасовки да еще кого-нибудь, вон - Фарида хотя бы... Свидетелями будут, мало ли что.

Управляющая беспрекословно убежала созывать будущих свидетелей. Они явились буквально через минуту. Полноватая русская женщина лет пятидесяти, чем-то похожая на актрису Крачковскую, и молодой - не то таджик, не то узбек - с туповатым лицом. Михаил стал не спеша выкладывать из карманов ключи от дома, старенькое портмоне, носовой платок, начатую упаковку жвачки "Стиморол".

Толстый с жадной надеждой следил за процессом, разочарованно кривясь каждый раз, когда вещь не оказывалась ожидаемым «лопатником».

- Пальто дайте, пожалуйста, - Семёныч протянул руку, когда Курмин развёл руками: «всё!». - Да ничего с ним не сделаю, не бойтесь.

Курмин подал ему пальто, тот ловко прощупал его сверху донизу и положил рядом с корзиной. За пальто последовал свитер. Человек-гора скривился в очередной раз.

- Руки поднимите, если не трудно.

Оставшийся в рубашке Михаил послушно задрал вверх конечности, философски ожидая конца процедуры.

Охранник грамотно и относительно деликатно обыскал Курмина, не упустив ничего. Результат в точности копировал предыдущие: толстый выглядел уже напрочь унылым и разочарованным.

- Может, в обуви? - предположил он, цепляясь за последнюю соломинку. - В носки можно спрятать. Пачка не очень толстая, мог занывать.

Курмин без лишних вопросов снял ботинки, встал на чистую картонку, предусмотрительно предложенную управляющей. Задрал брючины, продемонстрировал, что его носки не являются хранилищем материальных ценностей.

- В трусы ползете? - с легчайшей издёвкой поинтересовался Михаил, зашнуровывая ботинки. - Или обойдёмся?

Человек-глыба молчал, с унылой злостью раздувая ноздри.

- Всё? - Спросил Курмин.

- Нет? - Управляющая посмотрела на Семёныча.

Тот посмотрел на толстого. Человек-гора помотал головой, признавая свою неправоту. Разлепил скорбно сжатые губы.

- Но ведь какая-то сука подрезала... Найду - с дерьмом смешаю.

- Но не он! - Семёныч подытоживающее мотнул головой. - Я бы нашел. Опыт не пробездельничает... Может, сами проверить желаете? Так сказать, для полноты картины. А?

- Зачем... - На толстого было грустно глядеть. - Я же видел, как вы обыскивали.

- Тогда я пошел. - Михаил оделся, распахнул личные вещи по карманам, взял корзинку: и направился к выходу.

- Секундочку! - Негромкий возглас Семёныча догнал его почти у двери подсобки. - Давайте для очистки совести ещё корзиночку проверим. На всякий случай...

- Не вопрос... - Курмин вернулся назад, протянул ему корзинку. - Досматривайте. Только за испорченные при осмотре товары будете платить сами.

Семёныч поставил корзинку на стеллаж, человек-глыба вперился в неё взором, в котором неярким огоньком затлела новая надежда. Охранник принялся аккуратно выкладывать товары. Растительное масло, злополучный коньяк, сушки, сахар. Коробка с пиццей...

Большой, фасонный тёмно-коричневый кошелёк со щегольским тиснением и изящной серебристой пряжкой замка-защёлки лежал под ней.

Человек-глыба издал какой-то совершенно детский «ой!» и схватил свою пропажу. Семёныч скользнул Курмину за спину, но Михаил и не собирался бежать. Дурной сон какой-то, ей Богу...

- Деньги где? - взревел толстый, бегло изучив содержимое кошелька. - Сука, раздербаню наглухо! Деньги верни, пидор!

- Сам пидор... - машинально ответил Курмин, которому изрядно надоела брань человека-горы. - Не брал ни...

В следующее мгновение его почти раздавило между тушей собеседника и стеллажом. В глазах потемнело от острой боли, вонзившейся в позвоночник.

...ярко-красная дамская сумочка, выставленная вперед в качестве хоть какой-то защиты, улетела в сторону от короткого удара тяжёлой лапы. Девушка в чрезмерной «боевой раскраске» на глуповатой мордашке отчаянно визжала, задом отступая на высоких каблуках вглубь ночного сквера. Окна домов белесоватыми пятнами вспыхивали один за другим, неясно видимые за густой стеной многолетних тополей. Встревоженные голоса не долетали до места действия, перекрываемые истошным визгом дешёвой уличной путаны. Объятая безотчётным ужасом проститутка бросилась бежать, громко стуча высокими каблуками недорогих туфель. Кошмар за её спиной взвился в прыжке, настигая убегающую цель. Острые, загнутые книзу когти легко вошли в плоть чуть пониже лопаток, рассекая мышцы спины и ягодиц. Хлынула кровь, девушка упала, и, не оглядываясь, поползла прочь.

Ужас шагнул вперед. Следующий удар когтей пришёлся точно в шейные позвонки, пройдя сквозь плоть и выйдя из горла спереди...

...реальность вернулась новой вспышкой боли в позвоночнике, словно кто-то забил в него большой кривой гвоздь и теперь дергал его из стороны в сторону, стараясь вытащить. Курмин в ужасе захрипел, заворочался, пытаясь как-то облегчить боль. Толстый напирал всем весом, обещая немедленно вынуть душу из «этого рваного гондона». Командным баритоном орал Семёныч, пытаясь предотвратить самосуд, панически визжали фасовщица с управляющей, молчал восточный человек Фарид. И все вместе они вцепились в человека-гору, пытаясь оттащить его от Михаила. Краем глаза, Курмин заметил ещё двух молодых парней в комбинезонах с символикой магазина, бегущих на помощь.

Толстого стали понемногу оттащить назад. Человек-глыба понял, что возмездие ускользает, и махнул правой рукой. Кулачище, оказавшийся твёрдым, как бетонная свая, влип в скулу Михаила. Того унесло на пару метров вбок и распластало по полу. К боли в позвоночнике, шарахавшейся вверх-вниз, по чуть-чуть затихая, прибавилась боль в левой половине лица. Которое, казалось, деформировалось до полной неузнаваемости.

- Эй, вы как?

Взмыленный Семёныч склонился над ним, вглядываясь с предельной озабоченностью. Но не потеряв во взгляде ни капельки цепкой деловитости, с которой он пытался исчерпать выпавший ему конфликт. Михаил слабо покрутил головой, прислушиваясь к ощущениям в организме.

- Ничего хорошего...

Человек-гора свирепо ворочался в паре метров от него, не собираясь сдаваться. На нём висело уже семеро сотрудников магазина, изо всех сил не дающих случиться чему-то ужасному. На дублёнке толстого отсутствовало три пуговицы, но сам он казался неутомимым.

Положение спас Семёныч.

- Спокойно! Замри, я сказал!!! - заорал он на толстого. - По статье пойдёшь, идиот! Лежи, не рыпайся!

Крики пропали втуне. Семёныч огляделся с отчаянием человека, которому нечего терять, и схватил с находящегося поблизости паллета двухлитровую бутылку "Бон Аквы". Газированная струя влетела прямо в рот толстого. Следующие порции оросили его физиономию и одежду.

Человек-гора поперхнулся и с остервенением закашлялся, перестав сопротивляться.

Все участвующие в его укрощении облегчённо вздохнули.

- Рехнулся, что ли? - пробурчал толстый. - Пустите, не буду больше...

- Ну, а как по другому-то? - охранник невозмутимо пожал плечами. - Не паллетом же по темечку?

Курмин неуклюже поднимался, взирая на этот несмешной цирк. Через несколько секунд взгляды всех присутствующих собрались на нём.

- Ну, что дальше? - жалобно спросила Ирина Васильевна. - Звоню в отделение?

Следующий час Курмину запомнился плохо. Появилась дурнота; их вместе с потерпевшим отвели в кабинет заместителя управляющей, оставив под надзором Семёныча. Курмину принесли льда в полиэтиленовом пакете. Левая половина лица наливалась тупой болью и синевой. Хорошо, что вроде бы ничего не сломано.

Полиция, вызванная управляющей (надо это было сразу сделать, Семёныч, сразу!), приехала через час с хвостиком. Меланхоличный, невзрачный опер с уставшим лицом прошёл в кабинет заместителя, сел на предложенный стул и коротко бросил:

- Рассказывайте.

Монолог человека-глыбы о том, каким непосильным трудом куётся капитал на ниве среднего бизнеса, а "всякая падла хочет быть в шоколаде на халяву", и скупой - с чёткими подробностями - рассказ Семёныча опер выслушал, постукивая пальцами по столу и изредка поглядывая на притулившегося на стуле Курмина, красноречиво прижимающего к лицу пакет со льдом.

Опер раскрыл принесённую с собой папку из кожзаменителя, достал несколько фотографий. Аккуратно положил их на стол перед толстым - так, чтобы их не видел Курмин.

- Посмотрите внимательно, не видели ли вы кого-нибудь из этих людей с момента вашего пребывания в магазине? Не спешите. Это важно.

Человек-глыба насупленно пробежал по фоткам взглядом - раз, другой. Опер скучающе смотрел на него, словно заранее знал ответ.

- Этот. - Толстый ткнул пальцем в крайнюю правую фотографию. - Он возле банкомата тёрся, когда я лавэ снимал. И потом мимо проходил, когда я виски выбирал... Ещё споткнулся, за меня уцепился. Извинился, вежливенько так, и сбрызнул по шустрому. Точно он!

Предварительно перетасованные фотографии легли перед Курминым. Опер кивнул на изображения.

- Узнаёте кого-нибудь?

Лицо того высокого, с рыскающим взглядом он узнал сразу на среднем изображении. Тот смотрел в объектив с жёсткой усмешечкой человека, привыкшего добиваться своего.

- Он... - Курмин показал на фото.

Даже слабое движение рукой до сих пор отдавалось в позвоночнике неприятными ощущениями.

- Мимо меня проходил сегодня, мы с ним чуть не столкнулись. Он, я уверен.

Опер удовлетворённо кивнул, собрал карточки, кроме одной, положил их обратно в папку. Оглядел всех собравшихся, невесело покачал головой.

- Что делать будем? - Вопрос адресовался толстому. - По всему выходит, что не брал гражданин ваш бумажник. Нехорошая ошибочка у вас вышла. С нанесением телесных, да ещё и при стольких свидетелях...

Человек-глыба сделал отсутствующее лицо и уставился куда-то в пол.

- Этот... - Опер ткнул пальцем в фотографию, - этот виртуоз ваш лопатник увёл. Соможин Леонид Ефремович, кличка "Сом", он же "Скользкий". Три недели как откинулся, а у нас уже пять эпизодов. Мы его, конечно, закроем, попадётся когда-нибудь, вот только когда? Большой вопрос... Работать некому, работы тьма-тьмушная...

- А кошелёк? - Толстый спросил, скорее, для проформы, видимо, просто не желая молчать. - Его-то у него из корзины вынули. При свидетелях, всё как положено...

- Из корзины. При свидетелях. И деньги тоже у него нашлись? С переписанными

номерами и явкой с повинной... - Опер с невесёлой иронией оглядел человека-гору с головы до ног. - Нет? И отпечатков пальчиков на кошелёчке, тоже, я уверен, не найдём. Скользкий всегда без поделльников работает, так что и тут пристегнуть не к чему. Кстати, два из пяти случаев, не считая вашего, тоже с подобными приколами, вроде кошелёчка в корзину. Пустого, естественно... Это у него чувство юмора такое, специфическое.

Толстый зло выдохнул. Семёныч задумчиво смотрел в угол. Курмин грустно улыбнулся уголкем рта.

- Короче, так! - Опер прервал наступившую паузу. - Я, конечно, могу сейчас начать писанину и прочие формальности. Но поверьте моему опыту - результатов на ближайшее время будет ноль целых, ноль тысячных. Если только Лёня Сом сегодня под вечер сам в отделение не приплывёт с покаянным видом. Скорее, кто-нибудь из вас миллион найдёт, чем такое стрясётся... Да и если возьмём его с ближайшее время на горячем, ваш эпизод довести тоже маловероятно. Чрезвычайно упёртый субъект. Никогда не берёт недоказанного, за что и в авторитете. А по беспределу ему ничего пристёгивать, да и дубьём лупить, никто особо не рвётся. Не поможет, проверено неоднократно. А вот за нанесение телесных повреждений я реально могу протокол накалякать, если, конечно, потерпевший захочет... Вам решать. Захотите разойтись по-хорошему - препятствовать не стану, даже вовсе наоборот... И так с делами не разгрестись. Один этот оборотень чего стоит, хотя и не верю я в его существование. По мне, так это какой-то Чикатило - дубль-два, резвится. Вот кого бы я закрыл с превеликим удовольствием, так это его. А в вашей ситуации - я уже сказал, решайте...

Все устали на Михаила. Только толстый не глядел прямо, его взгляд бегал, иногда цепляясь за фигуру Курмина, и снова шарил по потолку, по стенам...

Курмину хотелось только одного: вернуться домой, опрокинуть пару стопок коньяка и забыть всё, что было. Ужас секунд, проведённых между тушей бизнесмена и стеллажом, прошёл. Присутствовала лишь невероятная усталость, разбавленная желанием побыстрее закончить этот бардак.

- Не надо ничего писать...

Опер чуть слышно облегчённо вздохнул, и Семёныч стал выглядеть более расслабленным.

- В жизни всякое случается. Я зла не держу.

- Точно? - въедливо уточнил опер. - Никаких претензий к гражданину вы не имеете, я правильно понял? Не побежите после в отделение?

- Не побегу, - хмуро, но без запинки, ответил Курмин. - Бывало и хуже. Переживу как-нибудь...

- Ну, поверю... - Опер посмотрел на человека-глыбу. - Повезло вам, гражданин. Иные за царапину в цугундер законопатить норовят, да на подольше... Сами-то заявление писать будете по поводу кражи? Если да, то давайте, обязан принять. Если сейчас недосуг, то можете или сегодня после двух, или завтра с утра подойти в двенадцатое отделение. Спросите Чулагина, это я. Тогда всё и оформим, как полагается. Что касается результатов, я вам уже разъяснял...

- Завтра... - уныло буркнул толстый. - Дела у меня.

- У кого их нет... Ладно, буду ждать. - Опер попрощался и ушёл.

Дальше были извинения Семёныча и управляющей, заверяющей в том, что «если бы она знала, то никогда бы...», и тому подобные стереотипы.

Толстый тоже куда-то удалился, не сказав ни слова на прощанье. Михаилу собрали все продукты, разлетевшиеся в ходе эксцесса, причём, все пришедшие в негодность заменили без малейшего напоминания. Проводили до кассы подобием почётногo кортежа и тут же разбежались под разными предложениями. Скидок на товар в виде компенсации за все виды полученного ущерба никто не предложил. В принципе, Курмин на это и не надеялся.

Толстый стоял у банкомата и, зло хмурясь, тыкал пальцем в отзывающиеся пискom, кнопки агрегата. Михаил прошёл мимо, створки дверей послушно разошлись, выпуская на

холод.

Крик "стой!" раздался, когда он прошёл примерно половину расстояния от входа до остановки. Михаил оглянулся. Человек-гора спешил к нему, лицо его было странным: не злым, но решительным. Михаил огляделся по сторонам. Если его сейчас всё же начнут бить, помощи ждать неоткуда.

- Да подожди ты... - Толстый был уже рядом.

- Я не имею никаких претензий... - на всякий случай проговорил Курмин, снова чувствуя себя полностью незащищённым.

- Да в ширинку не упёрлись мне твои претензии! - желчно прорычал человек-гора, нависнув над Михаилом. - Ты, наверное, думаешь, что я за твоё милосердие перед тобой на коленях ползать должен? - Он экспрессивно рубанул ладонью правой руки - по локтевому сгибу левой. - А вот хрен тебе, по всей морде. Понял?! Как вы, суки, мне надоели! Так и норовите к нормальному человеку присосаться, кровь свернуть! Мне уже насрать, что не ты у меня "лопатник" увёл! Но я видел, как у тебя глаза блестели, когда ты узнал сколько там было! Вас же, падлы, жаба душит! Если не украдёте, то будете на говно исходить, что у меня есть, а у вас нету! Чмошники! Работать надо, а не хлебало на чужой карман растопыривать! Пидоры!

Через полминуты этого монолога, Курмину стало ясно, с кем его свела злодейка-судьба. С обычным жадноватым и быковатым коммерсантом. Разве что без явного криминального душка. Жена с её роднёй, продавцы в его торговых точках - все «сворачивали кровь», «не давали жизни» и «гадили как только могли».

Курмин слушал молча, сочтя за лучшее не перебивать. И уж тем более - не учить жизни. Но, честно говоря, начинало задевать. Хочешь разгрузки - иди к памятнику вождю пролетариата, он всё выслушает и слова поперёк не скажет. А Михаил Курмин-то тут причём?

- Ты, наверное, гнида, думаешь, что подломили у барыги «пресс», так ему и надо?! - с ядовитой злостью осведомился толстый. - Да хрен тебе!

Вышеописанный жест повторился с удвоенной экспрессией: толстого, как выражались в старину, "несло". Но Курмину это начинало становиться поперёк души. Вчера продавщица, сегодня этот. Они что - белены всухомятку объелись?!

- Ты думаешь, у меня последнее стеганули?!

Человек-гора вынул из кармана свой бумажник. Вытащил пачку пятитысячных, раздвинул веером и затряс ими перед лицом Курмина.

- Видал?! Пускай слюни, мудила! Ты столько за год не заработаешь, гнида! Привыкли сидеть и ждать, когда им готовенькое принесут. Да ещё просить будут: "Возьмите, пожалуйста". А само-то не идёт, не идёт! Да ты, наверное, за такие "бабки" что угодно готов, а? И в рот взять, и очко подставить! Чё молчишь? Мало предлагаю?! А больше накинута, так ты, наверное, с радостью, потом ещё и кайф словишь, пидорок горбатый... Я в людишках с ходу разбираюсь, у меня в этом деле осечек не случалось. Так что - давай, падла? Глазёнки-то горят, "лавандоса" хочется, вижу. Пять минут пастью поработаешь прилежно, и - с прибавком! Соглашайся, пока предлагаю! Чего ломаешься? Давай прямо здесь!

...коренастый крепыш бежал ночными переулками, не разбирая дороги. Смерть находилась где-то рядом, он ощущал её присутствие каждой частичкой своего существа. Существа смертельно перепуганной жертвы. Крепыш не был слаб. В борьбе за место в жизни он прошёл жёсткую уличную школу выживания. Обман, предательства, безжалостные уличные драки подручными предметами. Арматуринами, бутылочными "розочками", самодельными "заточками". И просто кулаками - выбивающими зубы, ломающими рёбра, дробящими носы и челюсти. Но сейчас никогда не подводивший его инстинкт выживания кричал только об одном. Бежать!

Смерть появилась слева, передвигаясь почти беззвучно, с грациозностью сильного и уверенного в себе зверя. Она не торопилась, стопроцентно зная, что все попытки улизнуть, провалиться сквозь землю обречены на неудачу.

Огромная тень, заслонившая ночное небо и великолепный, яркий лунный диск, распласталась в прыжке, целясь в спину убегающей жертвы. В последний момент крепыш почувствовал опасность и прынул в сторону, разворачиваясь лицом к смерти.

Лунным светом заиграл на одиннадцатисантиметровом лезвии отличного выкидного ножа, не единожды пробовавшего крови. Смерть оскалила клыки, издав негромкий, но выворачивающий душу наизнанку рык.

"Уйди, тварь!" - взвыл крепыш. И попытался ударить первым. Попади лезвие в цель - в жёлтый, круглый, пронзительно разглядывающий самые потаённые уголки души глаз - всё могло бы закончиться. Когда надо, крепыш умел двигаться очень быстро. Удар был отработанный, хитрый - с обманкой, гарантирующей почти стопроцентную вероятность удачи.

Этот промах стал первым. И роковым.

Смерть коротким движением ушла вбок ровно настолько, чтобы пропустить бьющую руку мимо цели. Через миг на предплечье крепыша сомкнулось жуткое подобие волчьего капкана и гильотины. Коротко звякнула об обломок кирпича упавшая выкидуха, и смерть мотнула головой, откидывая в сторону первый трофей.

Жертва дёрнулась назад, прижавшись спиной к стене какого-то заброшенного здания, и неверящим взглядом уставилась на правую руку. За долю секунды укоротившуюся до локтя. Багровый поток окропил поросшую сорняками землю, и крепыш заорал в голос, не отводя становящихся мутными от боли глаз от покалеченной конечности.

*Ещё через секунду ему в грудь упёрлись две тяжёлые лапы, крепко прижимая к стене. Когти медленно рассекали плоть, вдвигаясь в тело. Смерть была близко, её дыхание касалось глаз крепыша, вдруг понявшего, за что ему приходится **так** расплачиваться...*

Клыки сомкнулись на его шее в тот момент, когда один из когтей достиг сердца. Тело слабо трепыхнулось, и голова покатила по земле, широко раскрытыми глазами глядя в ночное небо...

...Курмин вынырнул в холодный воздух января из очередного наваждения, занявшего, судя по всему, какие-то крохи времени.

- Ну, чего, задрот горбатый? - Человек-гора продолжал трясти деньгами около лица Михаила. - Давай, заработай хоть раз честно, всю жизнь потом вспоминать будешь...

- Да пошёл ты! - Курмин размахнулся пакетом с покупками и попытался ударить толстого.

Он никогда не умел драться, и удар вышел попросту никаким.

Толстый увернулся, а потом, резко подавшись вперёд, правой ладонью всем весом пихнул Михаила в грудь. Курмин отлетел метра на два назад, упал. Пакет порвался, покупки разлетелись по снегу. Бутылочка с коньяком стукнулась о бетонное ограждение парковки. Стекло треснуло, и снег в этом месте стал цвета янтаря. Позвоночник снова отозвался болью, Михаил застонал, ворочаясь на промёрзлом асфальте.

- Давить вас всех, гнид, чтобы людям жить не мешали... - Толстый настороженно зыркнул по сторонам (не бежит ли кто на помощь этому уроду?), развернулся и быстро пошёл на парковку.

Курмин принялся подниматься. Получалось плохо, позвоночник болел, вдобавок, он сильно ударился локтем, падая на асфальт.

- Ой, сынок, за что это он тебя так? - Появившаяся невесть откуда-то сердобольная бабуля, принялась помогать ему встать.

- Если б я знал...

Вернувшись домой, Михаил почти сразу же завалился спать. Позвоночник подуспокоился и не тревожил, а от пережитых впечатлений неудержимо клонило в сон.

Проснулся он к вечеру, часов через семь, когда за окнами уже окончательно стемнело. Немного полежал, пытаясь вспомнить, что же ему снилось, но так и не смог. Снова какие-то размытые образы, мельтешение не стыкующихся друг с другом эпизодов - явно не из его жизни. И даже - не из фантазий. И неизбежное присутствие тревоги. Той самой, не

покидающей его сны в последнее время.

То ли рано поужинав, то ли поздно пообедав, Курмин засобирався на вечерний променад. Интернет не работал - какие-то сволочи умыкнули кабель, и отремонтировать обещали только к завтрашнему вечеру. Таращиться в «мозгомоечную машину» не хотелось, читать - тоже.

Погода, вроде бы, нормализовалась, снегопад иссяк. Неизвестно, из скольких кож вывернулись сегодня коммунальные службы, но дороги и тротуары были относительно расчищены. Курмин шёл бесцельно, не спеша, дыша морозным воздухом. А куда, собственно, торопиться? Мать с отчимом живут в отдельной квартире, перезваниваясь пару раз в неделю, а навещая раз в месяц. Курмин изредка заходил к ним в гости, но последний раз он был там пять дней назад. Потревожить их сейчас значило нарваться на расспросы категории «Всё ли в порядке?». Этого ему абсолютно не хотелось.

Михаил машинально топал вперёд, не выбирая маршрута, автоматически сворачивая в какие-то улочки и переулки. Голова опять занялась попытками распутать участвовавшие в последнее время сны, эти пропитанные злой тревогой короткометражки из полусумасшедшего репертуара подсознания. Ничего не получалось. Не хватало какого-то ключика, основной частички, скрепляющей всё - в единое целое.

Сердце вдруг резануло, коротко, но довольно болезненно, скомкав мир до бьющегося сгустка, в котором находится боль. Курмин остановился, Сунул ладонь под пальто, к левой стороне груди. Переживая, когда же утихнет эта в первый раз возникшая помеха. Тоскливая помеха, иногда напоминающая многим, что все мы в этом мире - гости, случайное мельтешение биомассы, по чьему-то капризу наделённой амбициями, эмоциями...

Полегчало довольно скоро. Нежданно появившееся неуютство в сердце испарилось, словно его и не было. Будто это был кадр одного из этих, не дающих душевного покоя снов.

Но другая проблема, явившаяся взгляду, осталась на виду и не собиралась исчезать после простого прикладывания ладони к груди. Серьёзная проблема, имеющая вид одного из самых криминализованных районов города под названием "Перевёртовка". Именно отсюда в приснопамятные девяностые вышло наибольшее количество живущих «по понятиям» личностей.

Понятно, что криминальное ремесло не располагает к долгожительству, и до нынешнего времени дожили очень немногие из «перевёртышей» - прошедшие через весь сопутствующий ремеслу негатив. В основном, приняв вид респектабельных бизнесменов-меценатов-спонсоров. Девяностые в своём беспредельном великолепии сгинули, как плешивый бес после первого петушиного крика. Но, видимо, над "Перевёртовкой" концентрация тех самых, перенасыщенных криминальным духом, флюидов была ещё довольно высока.

Здесь до сих пор не обходилось без взятых на гоп-стоп, поддавших мужичков, неважно - были они одеты в Dirk Bikkemberg или в замызганный пуховик "Мэйд ин Чайна". Трупов, практически, не было, но кровушку пускали, иногда и без особой надобности, в виде сувенира из "Перевёртовки". Появиться здесь просто так, особенно, в вечернее время суток, не имея среди "перевёртышей" ни кореша, ни родственника, способного "кинуть за тебя подписку", было почти стопроцентной гарантией неприятностей. Чтобы не забывали, в каком районе города живут самые крутые перцы.

Закусив губу от досады на самого себя, Курмин быстро осмотрелся, прикидывая, далеко ли он углубился в этот криминал-сити. Похвастаться частым посещением района он не мог, последний раз был здесь лет семь назад - даже уже и не помнил, зачем. Но довольно цепкая память подсказывала, что не всё так погано. Условная граница района, за которой можно было чувствовать себя в относительной безопасности, пролегла примерно метрах в шестистах от места, где он сейчас находился.

Ждать, когда же, наконец, появятся местные ухари и сурово поинтересуются насчёт никотина, Курмин не стал. И самым быстрым шагом, который позволяло самочувствие, направился в нужном направлении.

Пятьдесят метров, сто, двести, триста...

...три силуэта вынырнули из-за угла наперерез Михаилу, когда было пройдено чуть больше половины расстояния. До Курмина донёлся отрывок разговора, из которого он уяснил, что троицу недавно не пустили в ночной клуб, и они крайне возмущены этим обстоятельством.

«Перевёртыши» увидели Курмина, лихорадочно вспоминаящего, кто из его знакомых мог иметь хоть какое-то отношение к "Перевёртовке" в сугубо "правильном" плане. Это была очень хрупкая, слабенькая - но надежда, что всё закончится благополучно. В крайнем случае - доброй порцией матюгов и пожеланием больше не видеть его "лоховскую вывеску".

Вспоминалось откровенно паршиво. В памяти смутно промелькнуло два человечка, но вот кто из них был Буксиром, а кто Стреляным - идентифицировать никак не удалось. Скверно...

Троица на спеша подошла и встала метрах в полутора, похмыкивая и задумчиво разглядывая Михаила. Бежать было поздно, да и куда бежать? Назад? Хуже не придумаешь, да и догонят, не слишком запыхавшись. Бегун из Курмина был откровеннодохлый.

- А чё-то я не понял? - растягивая слова, выдал каноническую фразу один из аборигенов, покачиваясь с носка на каблук грубых зимних ботинок.

Ботинки старенькие, но еще вполне крепкие: если такой обувкой "с носка" да по рёбрышкам...

Курмин живо представил себе подобную картину и незаметно поёжился, стараясь совсем уж открыто не показывать свою боязнь. Самый низкий из троицы был на полголовы выше Михаила. А по возрасту - все присутствующие были раза в полтора младше его.

- Погоди, Махно... - Самый здоровый из тройки неспешно осадил приятеля и почесал кончик носа, определённо собираясь с мыслями. - Куда гонишь?

Неписанный кодекс поведения по отношению к чужакам требовал сначала установить их точный статус в сложной жизненной иерархии "Перевёртовки" или же - отсутствие такового. А то вдруг этот заморыш окажется каким-нибудь внучатым племянником Паши Трезубца, местного "смотрящего". Будешь потом всю оставшуюся жизнь милостыню на паперти просить, неправильно сросшуюся - после перелома в трёх местах - руку протягивая. Бывали прецеденты.

- Обзовись, чей по жизни? - Здоровяк мрачно уставился на Курмина сверху вниз. - Что-то мы тебя в упор не знаем.

- Да чё тут с ним тереть, Писарь?! - опять встрял Махно. - Это же чмо залётное! Сто пудов - из центра или вообще из Новостроек. Я эту свистобратию и после литры за три километра с лёту срисовываю. Чтоб мне так жить!

- Ну, да... Свой бы уже давно обзвонился, - лениво протянул третий, нескладный, с самой отталкивающей внешностью.

Такие обычно бьют дольше и яростнее всех.

- Тихо-тихо...

Писарь был то ли поумнее, то ли поосторожнее этой парочки, но форсировать события не торопился.

- У тебя, Ледяной, что - яйца запасные есть? Нет? Вот и зашторь хлебало, пока не отсемафорили...

Он снова посмотрел на Курмина.

- Так что, братуха, твоя моя не понимай или обзовёшься всё-таки?

Курмин решил.

- Я тут Севе Стреляному должок заносил...

- Должок - это правильно... - Напрягшийся взгляд Писаря показывал, что сейчас он вспоминает Стреляного, после чего определится дальнейшее поведение в отношении чужака.

Махно вдруг зашёлся в визгливом хохоте, хлопая себя короткопалыми ладонями по коленям. Ледяной тоже расплылся в нехорошей улыбочке, но промолчал. У Курмина похолодело внутри.

- Говори, что знаешь, - писарь повернулся к Махно. - Хорош ржать, ну!

- Ты чё - Стреляного не помнишь? - Махно ощерился, глядя на Михаила, демонстрируя плохие зубы и такие же намерения. - В натуре, не помнишь?!

- Стреляный, Стреляный... - Писарь пожал плечами. - Ладно, базлай по теме. Только если что, спрашивать с тебя будут.

- Да не ссы, родной! - Махно снова закачался с носка на каблук, щерясь всё шире. - По лету Кент трындел, когда откинулся... а! - тебя ж не было тогда. Ты на югах с маникюршей амуры накручивал...

- Короче! - Поторопил его Писарь.

- А если короче, то перегнули Стреляного через шконарь за прогибы перед кумом. Стукачком Стреляный оказался. Теперь в дупло к нему филина поселить можно - такой простор! И не Сева он с тех пор, а Света. А что главное - нет сейчас Светы в Перевёртовке, чалиться ей ещё полгода. Так что, залётный, лепишь ты нам фуфло по всей морде, за что и огребёшь. Карманы сам вывернешь или помочь?

- Ребята, не надо... - обречённо попросил Курмин. - Я же вам ничего не сделал...

- И что теперь? - издевательски осклабился Махно. - Может, тебе ещё блонду, импортного пойла и лягушачьих ляжек в шоколадной глазури подогнать? За то, что ты нам туфту зарядить пытался...

- Он сейчас оборотня на помощь звать будет, - гыгыкнул Ледяной. - Реально, сейчас прибежит оборотень и за него впишется. Вот хохма-то будет...

Троица слаженно шагнула вперёд. Курмин попятился назад, рефлекторно вскинув руки вверх, защищаясь. Кто из троих ударил первым - он не понял. Удар ногой в голень заставил опустить руки, и жёсткий кулак расплющил губы, наполняя рот солоноватым вкусом крови.

Следующий удар - ногой в живот - бросил его на землю, и "перевёртыши" принялись пинать принявшего позу эмбриона Курмина. Размеренно, без эмоций, без раздумий. Такая жизнь!

...пламя зажигалки лизало столовую ложку, в которой готовилась очередная доза наркоты. Худая, темноволосая девушка лет двадцати нетерпеливо следила за нехитрыми манипуляциями приятеля, уверенно ведущего дело к финалу. Лицо девушки было в крупных каплях пота, иногда она дрожала, словно от озноба.

У девушки была ломка. Парень выглядел получше, но ненамного. Одноразовые шприцы были уже наготове, героин уже почти растворился в воде, обещая долгожданное избавление от всех забот - до следующей ломки... Пара была наркоманами со стажем, и справиться со своим пороком без сторонней помощи они бы не смогли.

Деньги на наркоту брались, в основном, кражами, а с недавнего времени - и грабежом. Как раз сегодня прямо около банка они добыли хороший куш, сумев вовремя унести ноги. Пожилой мужчина остался лежать с пробитой головой на мокрой от сентябрьского дождя фигурной тротуарной плитке возле банка, не подавая признаков жизни. Случайному прохожему, бросившемуся помешать им, тоже вломили короткой битой в полиэтиленовом пакете и сбежали.

В выбитые окна старого дома на окраине города залетали капли мелкой мороси, но парочка этого практически не замечала. Они, худо-бедно, обустроили одну комнату, где и проводили большую часть времени. Родители просто выгнали их из дома, когда оттуда стали исчезать дорогие вещи, борьба за нормальную жизнь потомков - стала бессмысленной.

Они не загадывали, сколько им ещё отмерено на этом свете. Просто жили. День за днём.

Но этот стал последним.

...первый шприц стал втягивать в себя содержимое ложки, когда хлипкая дверь их пристанища рухнула внутрь от сильного удара. "Менты!" - взвизгнула девушка, уронив шприц и ложку на грязный пол.

Она ошиблась. На пороге комнаты стоял зверь неизвестной породы размером с большого льва. Не волк, не тигр - нечто иное. Зверь не двигался, глядя на людей круглыми жёлтыми глазами. Парень медленно потянулся к бите, которая сегодня помогла им добыть примерно три месяца кайфа. Зверь сделал несколько шагов вперёд, целиком зайдя в комнату.

Лобастая голова, короткие уши, мощные, как у гиены, челюсти, длинное тело,двигающееся невероятно пластично, словно перетекая с места на место. Мускулистые лапы, средней длины хвост. Хищник, ужас, смерть...

- Киса, киса... - Парень почти дотянулся до биты, пытаясь улыбаться зверю побелевшими губами. - Ты из какого зоопарка сбежала...

Смерть чуть наклонила голову вбок, рассматривая людей. И парочка с изумлением увидела в жёлтых, уставших от чего-то неведомого, глазах отблеск сострадания к своим жертвам. Короткий, слабенький, тотчас же потухший.

А потом - смерть прыгнула.

Когти до кости распахали схватившую биту руку - от ключицы до запястья. Бита отлетела в сторону, парень заорал - дико, страшно. Девушка шарахнулась в сторону, прижавшись к стене, и тихонько скулила, мутными от ужаса глазами глядя на вершащую расправу.

Когти совершили два короткий взмаха по диагонали, и из распоротого живота парня на грязный пол вывалились внутренности. Крик прервался, и наркоман лицом вперёд повалился на старый матрац, дёргая ногами в наступающей агонии.

Зверь развернулся к девушке, его передние лапы оставили кровавые следы на замызганных досках жилища. В глазах у девушки промелькнуло что-то осмысленное, она дёрнулась в сторону дверного проёма, пытаясь покинуть комнату.

Кошмар оказался прямо перед ней, сделав бегство невозможным. Его передние лапы легли девушке на плечи, заставляя опуститься на колени. Слово вымаливая прощение за всё плохое, что она сделала в своей не очень длинной и не совсем правильной жизни.

Через несколько секунд массивные челюсти с хрустом сомкнулись на её лице, острейшими клыками рассекая мышцы, дробя кости, отнимая жизнь...

...удары становились всё реже, «перевёртышам» словно надоело пинать беспомощного человека. Реальность расплывалась в глазах багровой кляксой, в голове была нехорошая, вязкая тяжесть. На теле, казалось, не осталось живого места.

- Давай делись, говнюк... - Махно ловко обшарил карманы Курмина, костистый кулак больно въехал в левую почку, когда Михаил пошевелился, пытаясь разогнуться. - Не дёргайся, клоун, лежи смирненько...

- Чего там? - нетерпеливо спросил Ледяной. - Есть чего?

- Да он пустой, сучара! - зло ответил обыскивающий. - Тут даже на рваный гондон нет...

- Снимай пальто с него, что ли. Не пустыми же уходить, в натуре.

- Да ну нафиг. - по голосу, Курмин узнал Писаря. - В кровище изляпалось. Решето за такое даже на нормальный пузырь не отвалит. Поканали отсюда, хорош развлекаться...

- Потопали... - лениво отозвался Ледяной, словно возле их ног лежал не человек, а яблочный огрызок. - Хватит говно ногами месить, надоело уже...

Послышался хруст снега под удаляющимися шагами.

Курмин шевельнулся, избитое тело незамедлительно отозвалось болью. Сил не оставалось даже на крик о помощи, не говоря о том, чтобы встать и пойти.

Михаил всё же попробовал крикнуть, но вместе с хрипом из горла на затоптанный снег выпал кровавый сгусток. Курмин со стоном обмяк и мутным взглядом посмотрел в вечернее небо. Звёзды безучастно поблёскивали вверху, им было всё равно - выкарабкается он или умрёт. Всё равно, как и трём «перевёртышам», ушедшим вглубь своего района. Курмин закрыл глаза...

* * *

Никого обижать нельзя...

Курмин открыл глаза. В теле ощущалась необъяснимая лёгкость, словно три ублюдка не калечили его на мёрзлой земле.

Михаил был у себя дома. Живой и невредимый, полностью отдающий себе отчёт в том, что же произошло с ним недавно. И самое главное - отлично понимающий, что произойдёт совсем скоро. И это его нисколько не пугало. Недостающий кусочек встал на своё место, и все мучающие его сны приобрели пронзительную чёткость. Она была страшной, неотвратимой... и - облегчающей душу. Какой смысл противиться судьбе, если тебе уготован именно такой путь. Если по-другому - нельзя...

В ироничной поговорке "Не буди во мне зверя" есть своя доля правды. У Курмина она имела потаённый смысл, который он сам понимал только тогда, когда уже ничего нельзя было изменить. Да и не хотелось, искренне говоря...

Любые обиды материальны. Они копятся, наслаиваются одна на другую, пока не произойдёт взрыв. Кто-то умеет прощать, кто-то живёт с этим всю жизнь, озлобившись на всех и вся. Кто-то вымещает злобу на слабых. У всех по-разному.

Зверь внутри Курмина не просыпался без надобности - только когда наступал предел... Его выпускал наружу не Курмин, а люди - считающие, что вольны поступать с другими как с существами низшего порядка. Унижая, втоптывая в грязь, избивая. Точно зная, что не получат достойный отпор.

После каждого превращения это стиралось из памяти Курмина, до следующего раза.

За восемнадцать лет он превращался в палача? творца справедливости? абсолютное зло? - девятнадцать раз. Из них восемь - за последние пять лет. Из них три - за прошлый год. И всегда жалел только об одном - что никто не узнает, почему смерть в его облике нашла именно этих людей. Чтобы другие сделали выводы, и зверь никогда больше не просыпался. Ведь это так просто - не навредить слабому...

Никого обижать нельзя!

Потому что когда-нибудь придёт возмездие.

Маленький горбун не убивал невинных. Виновные получали по заслугам, Зверь каким-то образом определял, кому ещё можно дать шанс, а кто уже никогда не изменится. Зачем жить человеку, получающему удовольствие от унижения других, не способному творить добро в принципе. Когда человек перестаёт им быть, к нему приходит Зверь. Которого он сам позвал, пусть и не зная этого.

Никого обижать нельзя...

Курмин разделся и приготовился к ожиданию. Закрыв глаза, вспоминая тех, с кем предстоит встреча.

Продавщица. Толстый. Трое из "Перевертовки".

Через минуту Зверь начал просыпаться...